

UNIVERSITY OF TORONTO

3 1761 01768500 9

Л. Н. ТЩЕТИН

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

ИЗДАНИЕ А. В. МАРИСА

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

24 Nov 1902
7
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

20 Nov 1902
СОЧИНЕНІИ

50 170
Н. С. ЛѢСКОВА.

12 3
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. П. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

4 3 15
ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1902.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

ЗАПЕЧАТЛѢННЫЙ АНГЕЛЬ.

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дѣло было о святкахъ, наканунѣ Васильева вечера. Погода разгулялась самая немилостивая. Жесточайшая поземная пурга, изъ тѣхъ, какими бывають славны зимы на степномъ заволжьи, загнала множество людей въ одинокій постоялый дворъ, стоящій бобылемъ среди гладкой и необозримой степи. Тутъ очутились въ одной кучѣ дворяне, купцы и крестьяне, русскіе, и мордва, и чуваши. Соблюдать чины и ранги на такомъ ночлегѣ было невозможно: куда ни повернись, вездѣ тѣснота, одни сунутся, другіе грѣются, третьи ищуть хотя маленькаго мѣстечка, гдѣ бы пріютиться; но темной, низкой, переполненной народомъ избѣ, стоитъ духота и густой паръ отъ мокраго платья. Свободнаго мѣста нигдѣ не видно: на полатахъ, на печкѣ, на лавкахъ и даже на грязномъ земляномъ полу, вездѣ лежать люди. Хозяинъ, суровый мужикъ, не радъ быть ни гостямъ, ни наживѣ. Сердито захлопнувъ ворота за послѣдними, добившимися на дворъ санями, на которыхъ пріѣхали два купца, онъ заперъ дворъ на замокъ и, повѣсивъ ключъ подъ божницею, твердо молвилъ:

— Ну, теперь кто хочешь, хоть головой въ ворота бейся, не отворю.

Но едва онъ успѣлъ это выговорить и, снявъ съ себя обширный овчинный тулугъ, перекрестился древнимъ большимъ крестомъ и приготовился лѣзть на жаркую печку, какъ кто-то робкою рукой застучалъ въ стекло.

— Кто тамъ?—окликнулъ громкимъ и недовольнымъ голосомъ хозяинъ.

— Мы,—отвѣтили глухо изъ-за окна.

— Ну-у, а чего еще надо?

— Пусти Христа ради, сбилнсь... обмерзли.

— А много ли васъ?

— Не много, не много, восемнадцатеро всего, восемнадцатеро,—говорить за окномъ, занкаясь и щелкая зубами, очевидно, совсѣмъ перезябшій человекъ.

— Некуда мнѣ васъ пустить, вся изба и такъ народомъ укладена.

— Пусти хоть малость обогрѣться!

— А кто же вы такіе?

— Извозчики.

— Порожнемъ или съ возами?

— Съ возами, родной, шкурье веземъ.

— Шкурье! шкурье везете, да въ избу ночевать прѣснетесь. Ну, люди на Руси настаютъ! Пошли прочь!

— А что же имъ дѣлать?—спросилъ проѣзжіи, лежавшій подъ медвѣжьей шубой на верхней лавкѣ.

— Валить шкурье, да спать подъ нимъ, вотъ что имъ дѣлать, — отвѣчалъ хозяинъ и, ругнувъ еще хорошенько извозчиковъ, легъ неподвижно на печь.

Проѣзжіи изъ-подъ медвѣжьей шубы въ тонѣ весьма энергическаго протеста выговаривалъ хозяину на жестокость, но тотъ не удостоилъ его замѣчанія ни малѣйшимъ отвѣтомъ. Зато вмѣсто его откликнулся изъ дальняго угла небольшой рыженькій человекъ, съ острою, клиномъ, бородкой.

— Не осуждайте, милостивый государь, хозяина,—заговорилъ онъ:—онъ это съ практики беретъ и внушаетъ правильно,—со шкурьемъ безопасно.

— Да?—отозвался вопросительно проѣзжіи изъ-подъ медвѣжьей шубы.

— Совершенно безопасно - съ, и для нихъ это лучше, что онъ ихъ не пускаетъ.

— Это почему?

— А потому, что они теперь изъ этого полезную практику для себя получили, а между тѣмъ, если еще кто безпомощный добьется сюда, ему мѣстечко будетъ.

— А кого теперь еще понесетъ чортъ?—молвила шуба.

— А ты слушай,—отозвался хозяинъ:—ты не болтай пустыхъ словъ. Развѣ супостатъ можетъ сюда кого-нибудь

прислать, гдѣ этакая святыня? Развѣ ты не видишь, что тутъ и Спасова икона, и Богородичный ликъ.

— Это вѣрно,—поддержалъ рыженькій человекъ. — Всякаго спасеннаго человека не Еоіонъ ведетъ, а ангель руководствуетъ.

— А вотъ я этого не видать, и какъ мнѣ здѣсь очень скверно, то и не хочу вѣрить, что меня сюда завелъ мой ангель,—отвѣчала словоохотливая шуба.

Хозяинъ только сердито сплюнулъ, а рычачокъ добродушно молвилъ, что ангельскій путь не всякому зримъ и объ этомъ только настоящій практикъ можетъ получить понятие.

— Вы объ этомъ говорите такъ, какъ будто сами вы имѣли такую практику,—проговорила шуба.

— Да-съ, ее и имѣлъ.

— Что же это: вы видѣли, что ли, ангела, и онъ васъ водилъ?

— Да-съ, я его и видѣлъ, и онъ меня руководствовалъ.

— Что вы шутите или смѣтаетесь?

— Боже меня сохрани такимъ дѣломъ шутить?

— Такъ что же вы такое именно видѣли: какъ вамъ ангель являлся?

— Это, милостивый гесударь, цѣлая большая исторія.

— А знаете ли, что тутъ уснуть рѣшительно невозможно, и вы бы отлично сдѣлали, если бы теперь рассказали намъ эту исторію.

— Извольте-съ.

— Такъ рассказывайте, пожалуйста: мы васъ слушаемъ. Но только что же вамъ тамъ на колѣняхъ стоять, вы идите сюда къ намъ, авось какъ-нибудь потѣшимся и усядемся вмѣстѣ.

— Нѣтъ-съ, на этомъ благодарю-съ! Зачѣмъ васъ стѣснять, да и къ тому же повѣсть, которую я предъ вами поведу, пристойнѣе на колѣняхъ стоя сказывать, потому что это дѣло весьма священное и даже страшное.

— Ну, какъ хотите, только скорѣе сказывайте, какъ вы могли видѣть ангела и что онъ вамъ сдѣлалъ.

— Извольте-съ, я начинаю.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

— Я, какъ несомнѣнно можете по мнѣ видѣть, человекъ совсѣмъ незначительный, я болѣе ничего какъ мужикъ, и

воспитаніе свое получилъ по состоянію, самое деревенское. Я не здѣшній, а дальній, ремесломъ я каменщикъ, а рожденъ въ старой русской вѣрѣ. По сиротству моему и сызмалства пошелъ со своими земляками въ отходныя работы и работалъ въ разныхъ мѣстахъ, но все при одной артели, у нашего же крестьянина, Луки Кирилова. Эготъ Лука Кириловъ живъ по сіи дни: онъ у насъ самый первый рядчикъ. Хозяйство у него было стародавнее, еще отъ отцовъ заведено, и онъ его не расточилъ, а умножилъ и создалъ себѣ житницу велику и обильну, но былъ и есть человекъ прекрасный и не обидчикъ. И ужъ зато куда-куда мы съ нимъ ни ходили? Кажется, всю Россію изонили, и нигдѣ я лучше и степеннѣе его, хозяина, не видалъ. И жили мы при немъ въ самой тихой патриархіи, онъ у насъ былъ и рядчикъ, и по промыслу и по вѣрѣ наставникъ. Путь свой на работахъ мы проходили съ нимъ точно іудей въ своихъ странствіяхъ пустынныхъ съ Моисеемъ, даже скинію свою при себѣ имѣли и никогда съ нею не разставались: то-есть имѣли при себѣ свое «Божіе благословеніе». Лука Кириловъ страстно любилъ иконописную святыню, и были у него, милостивые государи, иконы все самыя пречудныя, письма самаго искуснаго, древняго, либо настоящаго греческаго, либо первыхъ новгородскихъ или строгановскихъ иконографовъ. Икона противъ иконы лучше сіяли не столько окладами, какъ острою и плавностью предивнаго художества. Такой возвышенности я уже послѣ нигдѣ не видѣлъ!

И что были за во-иня разныя и Деисусы, и Нерукотворенный Спасъ съ омоченными власы, и преподобные, и мученики, и апостолы, а всего дивнѣе многоличныя иконы съ дѣяніями, каковыя, наиримѣрь, Индиктъ: праздники, Страшный Судъ, Святцы, Соборы, Отечество, Шестодневъ, Цѣлебникъ, Седьмица съ предстоящими: Тронца съ Авраамліямъ поклоненіемъ у дуба Мамврійскаго, и, однимъ словомъ, всего этого благолѣпія не изрещи, и такихъ иконъ нынче уже нигдѣ не напишутъ, ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, ни въ Палиховѣ; а о Греціи и говорить нечего, такъ какъ тамъ эта наука давно затеряна. Любили мы все эту свою святыню страшною любовью и сообща предъ нею святой елей теплили, и на артельный счетъ лошадь содержали и особую повозку, на которой везли это Божіе благословеніе

въ двухъ большихъ коробьяхъ всюду, куда сами шли. Особенно же были при насъ двѣ иконы, одна съ греческихъ переводовъ старыхъ московскихъ царскихъ мастеровъ: Пресвятая Владычица въ саду молится, а передъ Ней всѣ дерева кипарисы и олинфы до земли преклоняются; а другая Ангель Хранитель, Строганова дѣла. Изрещи нельзя, что это было за искусство въ сихъ обѣихъ святыняхъ! Глянешь на Владычицу, какъ предъ ея чистотою бездушныя деревья преклонились, сердце таетъ и трепещетъ; глянешь на Ангела... радость! Сей Ангель вопстину былъ что-то неописуемое. Лиць у него, какъ сейчасъ вижу, самый свѣтлобожественный и этакій скоропомощный: взоръ умилень; ушки съ тороцами, въ знакъ повсемѣтнаго отвсюду слышанія; одѣянье горитъ, рясы златыи пренепещрено; досиѣхъ пернатъ, рамена препоясаны; на персяхъ младенческой лиць Эмануилевъ; въ правой рукѣ крестъ, въ лѣвой огнепалящій мечъ. Дивно! дивно!.. Волосы на головѣ кудреваты и русы, съ ушей повилысь и проведены волосокъ къ волоску иглочкомъ. Крылья же пространны и бѣлы какъ снѣгъ, а неподъ лазурь свѣтлая, перо къ перу, и въ каждой бородкѣ пера ушкѣ къ ушку. Глянешь на эти крылья, и гдѣ твой весь страхъ дѣнется; молишься: «осѣни», и сейчасъ весь стпщаешь, и въ душѣ станетъ миръ. Вотъ эта была какая икона! И были-съ эти два образа для насъ все равно, что для жидовъ ихъ Святая Святыхъ, чуднымъ Веселила художествомъ изукрашенная. Всѣ тѣ иконы, о которыхъ я впередъ сказалъ, мы въ особой коробѣ на конѣ возили, а эти двѣ даже и на возѣ не поставляли, а носили: Владычицу всегда при себѣ Луки Кирилова хозяйка Михайлица, а Ангелово изображеніе самъ Лука на своей груди сохранять. Былъ у него такой для сей иконы сдѣланъ парчевой кошель на темной пестряди и съ нуговицей, а на передней сторонѣ алыи крестъ изъ настоящаго штофу, а вверху пришить толстый зеленый шелковый шнуръ, чтобы вокругъ шеи обвести. И такъ икона въ семь содержаніи у Луки на груди всюду, куда мы шли, впередъ насъ предходила, точно самъ Ангель намъ предшествовать. Идемъ, бывало, съ мѣста на мѣсто, на новую работу стенами, Лука Кириловъ впередъ всѣхъ наръзнымъ сажнемъ вмѣсто палочки цомаживаетъ, за нимъ на возу Михайлица съ Богородичною иконой, а за ними мы всѣ артелью выстунаемъ, а тутъ въ

полѣ травы, цвѣты по лугамъ, индѣ стада пасутся и свирѣць на свирѣли играетъ... то-есть просто сердцу и уму восхищеніе! Все шло намъ прекрасно и дивная была намъ въ каждомъ дѣлѣ удача: работы всегда находились хорошія; промежду собою у насъ было согласіе; отъ домашнихъ приходили все вѣсти спокойныя: и за все это благословляли мы предходящаго намъ Ангела, и съ пречудною его иконою, кажется, труднѣе бы чѣмъ съ лизнію своею не могли разстаться.

Да и можно ли было думать, что мы какъ-нибудь, по какому ни есть случаю, сей нашей драгоценнѣйшей самой святыни лишимся? А между тѣмъ, такое горе насъ ожидало и устроилось намъ, какъ мы послѣ только уразумѣли, не людскимъ коварствомъ, а самого онаго Путеводителя нашего смотрѣніемъ. Самъ онъ возжелалъ себѣ оскорбленія, дабы дать намъ свято постичь скорбь и тою указать намъ истинный путь, предъ которымъ все до сего часа исхоженные нами пути были, что дѣбрь темная и безлѣдная. Но позвольте узнать, занятна ли моя повѣсть и не напрасно ли я ею ваше вниманіе утруждаю?

— Нѣтъ: какъ же, какъ же: сдѣлайте милость продолжайте! — воскликнули мы, заинтересованные этимъ разсказомъ.

— Извольте - съ, послушествую вамъ и, какъ сумѣю, пачу излагать бывшія съ нами дивныя дивеса отъ Ангела.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Принили мы для большихъ работъ подѣ большой городъ, на большой текучей водѣ, на Днѣпрѣ рѣкѣ, чтобы тутъ большой и нынѣ весьма славный каменный мостъ стронть. Городъ стоитъ на правомъ крутомъ берегу, а мы стали на лѣвомъ, на луговомъ, на отложистомъ, и объявился предъ нами весь чудный пейзажъ: древніе храмы, монастыри святыя со многими святыхъ мощами: сады густые и деревья таковыя какъ по старымъ книгамъ въ заставкахъ пишутся, то-есть островерхіе тополи. Гляднши на все это, а самого за сердце словно кто щипать станеть, такъ прекрасно! Знаете, конечно, мы люди простые, но прензящество богозданной природы все же ощущаемъ.

И вотъ-съ это мѣсто намъ такъ жестоко полюбилось, что мы въ тотъ же самый въ первый день начали тутъ по-

стройку себѣ временного жилища, сначала забили высокенькія сваячки, потому что мѣсто тутъ было низменное, возлѣ самой воды, потомъ на тѣхъ сваяхъ стали собирать горницу и при ней чуланъ. Въ горницѣ поставили всю свою святыню, какъ надо, по отеческому закону: въ протяженности одной стѣны складной иконостасъ раскинули въ три пояса, первый поклонный для большихъ иконъ, а выше два тыбла для меньшенихъ, и такъ возвели какъ должно лѣстницу до самого расиятія, а Ангела на аналогіи положили, на которомъ Лука Кириловъ Писаніе читалъ. Самъ же Лука Кириловъ съ Михайлицей стали въ чуланчикѣ жить, а мы себѣ рядомъ казаромку сгородили. На насъ гляючи, то же самое начали себѣ строить и другіе, которые пришли надолго работать, и вотъ сталъ у насъ противъ великаго основательнаго города свой легкій городокъ на сваяхъ. Занялись мы работой, и пошло все какъ надо! деньги за расчетъ у англичанъ въ конторѣ вѣрныя; здоровье Богъ посылалъ такое, что во все лѣто ни одного больного не было, а Лукина Михайлица даже стала жаловаться, что сама, говоритъ, я не рада, какая у меня по всѣмъ частямъ полнота пошла. Особенно же намъ, старовѣрамъ, тутъ правилось, что мы въ тогданнее время повсюду за свой обрядъ гоненію подвергались, а тутъ намъ была льгота: нѣтъ здѣсь ни городского начальства, ни уѣзднаго, ни попа; никого не зримъ, и никто нашей религіи не касается и не препятствуетъ... Вволю молились: отработаемъ свои часы и соберемся въ горницу, а тутъ уже вся святыня отъ многихъ лампадъ такъ сіяетъ, что даже сердце разгорается. Лука Кириловъ положить слогословящій началъ; а мы всѣ подхватимъ, да такъ и славимъ, что даже иной разъ при тихой погодѣ далеко за слободою слышно. И никому наша вѣра не мѣшала, а даже какъ будто еще многимъ по обычаю приходила и правилась не только однимъ простымъ людямъ, которые къ богочитательству по русскому образцу склонны, но и иновѣрамъ. Много изъ церковныхъ, которые благочестиваго нрава, а въ церковь за рѣку ѣздить некогда, бывало стануть у насъ подъ окнами и слушаютъ и молятся начнутъ. Мы имъ этого снаружи не возбраняли: всѣхъ отогнать нельзя, потому даже и иностранцы, которые старымъ русскимъ обрядомъ интересовались, не разъ приходили наше пѣніе слушать и одобряли. Главный стронтель изъ англи-

чанъ, Яковъ Яковлевичъ, тотъ, бывало, даже съ бумажкой подъ окномъ стоять приходилъ и все норовилъ, чтобы на ноту наше гласованіе замѣчать и потомъ, бывало, ходить по работамъ, а самъ все про себя въ нашемъ родѣ гудеть: «Бо-Господь и явился намъ», но только все это у него, разумѣется, выходило на другой штыль, потому что этого пѣнія, расположеннаго по крюкамъ, новою западною нотою въ совершенствѣ уловить невозможно. Англичане, чести имъ приписать, сами люди обстоятельные и набожные, и они насъ очень любили и за хорошихъ людей почитали и хвалили. Однимъ словомъ, привелъ насъ Господень Ангель въ доброе мѣсто и открылъ намъ всѣ сердца людей и весь пейзажъ природы.

И сему-то подобнымъ мистическимъ духомъ, какъ я вамъ представилъ, жили мы безъ малаго яко три года. Спорилось намъ все, изливались на насъ всѣ успѣхи точно изъ Амалфеева рога, какъ вдругъ узрѣли мы, что есть посреди насъ два сосуда избранія Божія къ нашему наказанію. Одинъ изъ таковыхъ былъ ковачъ Марой, а другой—счетчикъ Пимень Ивановъ. Марой былъ совсѣмъ простецъ, даже неграмотный, что по старообрядчеству даже рѣдкость, но онъ былъ человѣкъ особенный: видомъ неуклюжъ, на подобіе верблюда, и нѣдрнсть какъ кабанъ — одна пазуха въ полтора обхвата, а лобъ весь заросшій крутою космой и точно мраволевъ старый, а середь головы на маковиѣ туменцо простригалъ. Рѣчь онъ имѣлъ тупую и невразумительную, все шавкалъ губами, и умъ у него былъ тугой и для всего столь нескладный, что онъ даже заучить на память молитвъ не умѣлъ, а только все, бывало, одно какое-нибудь слово твердисловить, но былъ на предбудущее прозорливъ и имѣлъ даръ вѣщевать и могъ сбывчивые намеки подавать. Пимень же, напротивъ того, былъ человѣкъ щавоватый: любилъ держать себя очень форсисто и говорилъ съ такимъ хитрымъ извитіемъ словъ, что удивляться надо было его рѣчи; но зато характеръ имѣлъ легкій и увлекательный. Марой былъ пожилой человѣкъ, за семьдесятъ лѣтъ, а Пимень средовѣкъ и изящень: имѣлъ волосы курчавые, посрединѣ проборъ; брови кохловатыя, лицо съ подрумянкой, словомъ, веліарь. Вотъ въ сихъ двухъ сосудахъ и забродила вдругъ оцѣтность терпкаго питія, которое надлежало намъ испить.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Мостъ, который мы строили на восьми гранитныхъ быкахъ, уже высоко надъ водой возросъ, и въ лѣто четвертаго года мы стали на тѣ столбы желѣзные цѣпи закладывать. Только тутъ было вышла маленькая задержка: стали мы разбирать эти звенья и пригонять по мѣркамъ къ каждой лункѣ стальные заклепы, какъ оказалось, что многіе болты длинны, и отсѣгать ихъ надо, а каждый тотъ болтъ, — по-аглички питанга стальная, и дѣланы они всѣ въ Англии, — отлить изъ крѣпчайшей стали и толщины въ руку рослаго человѣка. Нагрѣвать этихъ болтовъ было нельзя, потому что тѣмъ сталь отпускается, а шлить ее никакой инструментъ не бралъ: но на все на это нашъ Марой ковачъ изымѣлъ вдругъ такое средство, что облѣпнть это мѣсто, гдѣ надо отсѣчь, густою колоникой изъ тѣлѣжнаго колеса съ песковымъ жвиромъ, да и сунеть всю эту штуку въ снѣгъ, и еще вокругъ солью осыпать, и вертнть и крутнть; а потомъ оттуда ее сразу выхватить, да на горячес ковало, и какъ треснетъ балдой, такъ какъ восковую свѣчу будто ножницами и отстрижетъ. Англичане всѣ и нѣмцы приходили на это хитрое Мароево умудрѣнье смотрѣли, и глядеть, глядеть, да вдругъ разсмѣются и заговорятъ сначала промежь себя по-своему, а потомъ на нашемъ языкѣ скажутъ:

— Такъ, русскъ! Твой молодецъ; твой короннъ физикъ понимай!

А какой тамъ «физикъ» могъ понимать Марой: онъ о наукѣ никакого и понятія не имѣлъ, а произвелъ просто какъ его Господь умудрилъ. А нашъ Пименъ Ивановъ и пошелъ объ этомъ бахвалить. Значитъ и пошло въ обѣ стороны худо: одни все причитали къ наукѣ, о которой тотъ нашъ Марой и помыслу не зналъ, а другіе заговорили, что надъ нами-де видимая Божія благодать творитъ дивеса, какихъ мы никогда и не зрѣли. И эта послѣдняя вещь была для насъ горше первыя. Я вамъ докладывалъ, что Пименъ Ивановъ былъ слабый человѣкъ и любосластецъ, а теперь объясню, зачѣмъ мы его, однако, въ своей артели содержали; онъ у насъ ѣздилъ въ городъ за провизіей, закупалъ какія надо покупки; мы его посылали на почту паспорта и деньги ко дворамъ отправлять и назадъ новые паспорта онъ отбиралъ. Вообще, вотъ всю этуку справу чинилъ и, по

правдѣ сказать, былъ онъ намъ человекъ въ этомъ родѣ пужный и даже очень полезный. Настоящій степенный старовѣръ, разумѣется, всегда подобной суеты чуждается и от общенія съ чиновниками бѣжить, ибо отъ нихъ мы, кромѣ досажденія, ничего не видѣли, но Пимень радъ суетѣ, и у него на томъ берегу въ городѣ завелось самое изобильное знакомство: и торговцы, и господа, до которыхъ ему по артельнымъ дѣламъ бывали касательства, все его знали и почитали его за перваго у насъ человека. Мы этому случаю, разумѣется, посмѣивались, а онъ страсть какъ былъ охочъ съ господами чай пить да велерѣчить: тѣ его нашимъ старшиною величаютъ, а онъ только улыбается, да по нутру свою бороду разстилаетъ. Однимъ словомъ сказать, пустоша! И занесло этого нашего Пимена къ одному немаловажному лицу, у котораго была жена изъ нашихъ мѣстъ родомъ, такая была тоже словесница, и начиталась она про насъ какихъ-то новыхъ книгъ, въ которыхъ неизвѣстно намъ, что про насъ писано, и вдругъ не знаю, съ чего-то ей пришло на умъ, что она очень старовѣровъ любитъ. Вотъ вѣдь удивительное дѣло: къ чему она избралась сосудомъ! Ну, любитъ насъ и любитъ, и всегда, какъ нашъ Пимень зачѣмъ къ ея мужу придетъ, она его сейчасъ непременно сажаетъ чай пить, а тотъ тому и радъ, и разовѣтъ предъ ней свои свитки.

Та своимъ бабымъ языкомъ сурѣчить, что вы-де, старовѣрцы, и такіе-то и вотъ такіе-то, святые, праведные, присноблаженные, а нашъ велиаръ очи разоцѣ раскоситъ, головушку на-бокъ, бороду маслитъ, а голосомъ сластитъ:

— Какъ же, государыня. Мы-де отеческій законъ блюдемъ, мы и такія-то, мы и вотъ такія-то правила содержимъ и другъ друга за чистотою обычая смотримъ, и словомъ, говорить ей все такое, что совѣмъ къ разговору съ мірскою женщиной не принадлежащее. А межъ тѣмъ та, представьте, интересуется.

— Я слыхала, говоритъ, что къ вамъ Божіе благословеніе видимо, говоритъ, проявляется.

А тотъ сейчасъ и подхватываетъ:

— Какъ же, отвѣчаетъ, матушка, проявляется; весьма зримо проявляется.

— Видимо?

— Видимо, говоритъ, государыня, видимо. Вотъ еще

на сихъ дняхъ нашъ одинъ человѣкъ могучую сталь какъ паутину щиналъ.

Барынька такъ и всплеснула ручонками.

— Ахъ, говорить,—какъ интересно! ахъ, я ужасно люблю чудеса и вѣрю въ нихъ! Знаете, говорить, прикажите вы, пожалуйте, своимъ старовѣрамъ, чтобъ они помоллись, чтобъ мнѣ Богъ дочь далъ. У меня есть два сына, но мнѣ непремѣнно хочется одну дочь. Можно это?

— Можно-съ,—отвѣчаетъ Пимень;—отчего же-съ; очень можно! Только, говорить, въ такихъ случаяхъ надо всегда, чтобъ отъ васъ жертвенный елей тешился.

Та съ великимъ своимъ удовольствіемъ даетъ ему на масло десять рублей, а онъ деньги въ карманъ и говорить:

— Хорошо-съ, будьте благонадежны, я повелю.

Намъ объ этомъ Пимень, разумѣется, ничего не сказываетъ, а у барыни родится дочь.

Фу! та такъ и занумѣла, еще послѣ родовъ обмогнуться не успѣла, какъ зоветъ нашего пустошу и чувствуетъ его, слѣбно бы онъ самъ былъ тотъ чудотворецъ, а онъ и это пріемлетъ. Вотъ вѣдь до чего осуетится человѣкъ и омрачить умъ его, и оледенѣютъ чувства. Черезъ годъ у госпожи опять до нашего Бога просьба, чтобъ мужъ ей дачу на лѣто нанялъ, — и опять все ей, по ея желанію, дѣлается, а Пимену все на свѣщи да на елей жертвы, а онъ эти жертвы куда надо, на нашъ бокъ не переплавляя, пристраиваетъ. И дивеса, дѣйствительно, дѣлались непонятныя: былъ у этой госпожи старшій сынъ въ училищѣ и былъ онъ первый потаскунъ и лѣнивый нетягъ, и ничему не учился, но какъ пришло дѣло къ экзамену, она шлетъ за Пименомъ и даетъ ему заказъ помолиться, чтобъ ея сына въ другой классъ перевели. Пимень говоритъ:

— Дѣло трудное; надо мнѣ будетъ всѣхъ своихъ на всю ночь на молитву согнать и до утра со свѣщами воипать.

А та ни за что не стоитъ; тридцать рублей ему вручила, только молитесь! И что же вы думаете? Выходитъ такое счастье этому ея блудягѣ сыну, что переводятъ его въ высшій классъ. Барыня мало отъ радости съ ума не сошла, что за ласки такія нашъ Богъ ей дѣлаетъ! Заказъ за заказомъ стала давать Пимену, и онъ ей уже выхлопоталъ у Бога и здоровья, и наслѣдство, и мужу чинъ большой, и орденовъ столько, что всѣ на груди не вмѣщались, такъ

одинъ онъ въ карманѣ, говорятъ, носилъ. Диво да и только, а мы все ничего не знаемъ. Но настала часъ всему этому обличиться и премѣниться однимъ девицамъ на другія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Замутилось что-то въ одномъ жидовскомъ городѣ той губерніи по торговой части у жидовъ. Не скажу вамъ навѣрное, деньги ли они неправильныя имѣли, или какой безпошлинный торгъ производили, но только надо было это начальству раскрыть, а тутъ награда предвидѣлась велемощная. Вотъ барынька и шлетъ за нашимъ Пименемъ и говоритъ:

— Пименъ Ивановичъ, вотъ вамъ двадцать рублей на свѣчи и на масло; велите своимъ какъ можно усерднѣе молиться, чтобы въ эту командировку моего мужа послали.

Тому какое горе! Онъ уже разохотился эту елейную подать-то собирать, и отвѣчаетъ:

— Хорошо, государыня, я повелю.

— Да, чтобъ они хорошенько, говорятъ, молились, потому мнѣ это очень нужно!

— Смыбютъ ли же они, государыня, у меня плохо молиться, когда я приказываю, — заспокоить ее Пименъ: — я ихъ голодомъ запою, пока не вымолютъ, — взялъ деньги да и былъ таковъ, а барыню въ ту же ночь желанное его супругою назначеніе сдѣлано.

Ну, уже тутъ ей такъ отъ этой благодати въ лобъ вступило, что она недовольна сдѣлалась нашей молитвой, а возжелала непременно сама нашей святыни пославословить.

Говоритъ она объ этомъ Пимену, а онъ струсилъ, потому зналъ, что наши ее до своей святыни не допустятъ; но барыня не отстаетъ.

— Я, говоритъ, какъ вы хотите, сегодня же предъ вечеромъ возьму лодку и къ вамъ съ сыномъ приѣду.

Пименъ ее уговаривать, что лучше, говоритъ, мы сами помолитвимъ; у насъ есть такой Ангель-Хранитель, вы ему на елей пожертвуйте, а мы ему супруга вашего и доверимъ сохранять.

— Ахъ, прекрасно, — отвѣчаетъ: — прекрасно; я очень рада, что есть такой Ангель; вотъ ему на масло, и зажгите предъ нимъ непременно три лампады, а я приѣду посмотреть.

Пимену плохо пристигло, онъ и пришелъ, да и ну намъ виноватиться, что такъ-де и такъ, я, говорить,—ей, елишкѣ гадостной, не перечилъ, когда она желала, потому какъ мужъ ея намъ челоуѣкъ нужный, и насказалъ намъ съ три короба, а всего, что онъ дѣлалъ, все-таки не высловилъ. Ну, сколь намъ было это ни неприятно, но дѣлать было нечего; мы поскорѣе свои иконы со стѣнъ снимали, да попрятали въ коробки; а изъ коробей кое-какія замѣнныя заставки, что содержали страха ради чиновничьяго наше-ствія, въ тяблы поставили и ждемъ гостейку. Она и при-ѣхала; такая-то разфуфыренная, что страхъ; широкими да долгими своими ометами такъ и мететь и все на тѣ наши замѣнные образа въ лорнетку смотреть и спрашиваетъ: «скажите, пожалуйста, который же тутъ чудотворный Ангелъ?» Мы уже не знаемъ, какъ ее и отбить отъ такого разговора:

— У насъ, говоримъ, такового Ангела нѣтъ.

И какъ она ни добивалась, и Пимену выговаривала, но мы ей Ангела не показали, и скорѣе ее чаемъ повели поить и какими имѣли закусками угощать.

Страшно она намъ не понравилась, и Богъ знаетъ почему: видъ у нея былъ какой-то оттолковенный, даромъ, что она будто красивою почиталась. Высокая, знаете, этакая цыбастая, тоненькая, какъ сойга, и бременосная.

— Вамъ этакая красота не нравится? — перебила разсказчика медвѣжья шуба.

— Помилуйте, да что же въ змievидности можетъ нравиться?—отвѣчала онъ.

— У васъ что же почитается красотой, чтобы женщина на кочку была похожа?

— Кочку!—повторилъ, улыбувшись и не обижаясь, разсказчикъ. — Для чего же вы такъ полагаете? У насъ въ русскомъ настоящемъ понятіи насчетъ женскаго сложенія соблюдается свой типъ, который по нашему гораздо нынѣшняго легкомыслія соотвѣтственнѣе, а совсѣмъ не то, что кочка. Мы длинныхъ цыбовъ точно не уважаемъ, а любимъ, чтобы женщина стояла не на долгихъ ножкахъ, да на крѣпкихъ, чтобъ она не путалась, а какъ шарокъ всюду каталась и поспѣвала, а цыбастенькая побѣжитъ да спотыкнется. Змievидная топина у насъ тоже не уважається, а требуется, чтобы женщина была изъ себя поидристе

и съ пазушкой, потому оно хотя это и не такъ фигурно, да зато материнство въ ней обозначается, лобочки въ нашей настоящей чисто-русской женской породѣ хоть потѣльнѣе, помяснѣе, а зато въ этомъ мягкомъ лобочкѣ веселости и привѣта больше. То же и насчетъ носика: у нашихъ носики не горбылемъ, а все будто шпичкой, но этакая шпичка, она, какъ вамъ угодно, въ семейномъ быту гораздо благоувѣтливѣе, чѣмъ сухой гордый носъ. А особливо бровь; бровь въ лицѣ видъ открываетъ, и потому надо, чтобы бровочки у женщины не сунулись, а были пооткрытнѣе, душкою, ибо къ таковой женщинѣ и заговорить человѣку повадливѣе и совсѣмъ она иное на всякаго, къ дому располагающее впечатлѣніе имѣетъ. Но нынѣшній вкусъ, разумѣется, отъ этого добраго типа отсталъ и одобряетъ въ женскомъ полѣ воздушную эфемерность, но только это совершенно напрасно. Однако, позвольте, я вижу, мы уже не про то заговорили. Я лучше продолжать буду:

Нашъ Пимень, какъ суетившійся человѣкъ, видитъ, что мы, проводивъ гостю, стали на нее критику произносить, и говорить:

— Чего вы? она добрая.

А мы отвѣчаемъ: какая, молъ, она добрая? когда у нея добра въ обличьи нѣтъ, но Богъ тамъ съ нею: какая она есть, такая и будь, мы уже рады были, что ее выпроводили и взялись скорѣй ладаномъ курить, чтобъ ея и духомъ у насъ не пахло.

Послѣ сего мы вывели отъ гостюшкихъ слѣдковъ горенку; замѣнные образа опять на ихъ мѣсто за перегородку въ коробья уклали, а оттуда достали свои настоящія иконы; размѣстили ихъ по тябламъ, какъ было по старому, покروпили ихъ святой водой; положили началъ и пошли каждый куда ему слѣдовало на ночной покой, но только Богъ вѣсть, отчего и зачѣмъ всѣмъ что-то въ ту ночь не спалось и было какъ будто жутко и неспокойно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Утромъ пошли мы всѣ на работу и дѣлаемъ свое дѣло, а Луки Кирилова нѣтъ. Это, судя по его аккуратности, было удивительно, но еще удивительнѣе мнѣ показалось, что приходитъ онъ часу въ восьмомъ весь блѣдный и разстроенный.

Зная, что онъ человѣкъ съ обладаніемъ и пустымъ скорбямъ не любилъ поддаваться, я и обратилъ на это вниманіе и спрашиваю: «Что такое съ тобою, Лука Кириловъ?» А онъ говоритъ: «Послѣ скажу».

Но я тогда, во молодости моей, страсть какъ былъ любопытенъ и къ тому же у меня вдругъ откуда-то взялось предчувствіе, что это что-нибудь недоброе по вѣрѣ; а я вѣру чтилъ и невѣромъ никогда не былъ.

А потому не могъ я этого долго терпѣть и подъ какимъ ни есть предлогомъ покинулъ работу и побѣжалъ домой; думаю: пока никого дома нѣтъ, распытаю я что-нибудь у Михайлицы. Хоша ей Лука Кириловъ и не открывался, но она его, при всей своей простотѣ, все-таки какъ-то пронюхала, а таясь отъ меня она не станетъ, потому что я былъ съ дѣтства сиротою и у нихъ вмѣсто сына возросъ, и она мнѣ была все равно какъ второродительница.

Вотъ-съ я ударяюсь къ ней, а она, гляжу, сидитъ на крылечкѣ въ старомъ шушунѣ на опашку, а сама вся какъ больная, печальная и этакая зеленоватая.

— Что вы, говорю, второродительница, на такомъ мѣстѣ усѣвшись?

А она отвѣчаетъ:

— А гдѣ же мнѣ, Марочка, притулиться?

Меня зовутъ Маркъ Александровъ; но она, по своимъ материнскимъ чувствамъ къ мнѣ, Марочкой меня звала.

— Что это, думаю себѣ, она за пустяки такіе мнѣ говорить, что ей негдѣ притулиться?

— А зачѣмъ же, говорю, вы въ чуланчикѣ у себя не ляжете?

— Нельзя, говоритъ, Марочка, тамъ въ большой горницѣ дѣдъ Марой молится.

«Ага! вотъ, думаю, такъ и есть, что что-нибудь по вѣрѣ случилось», а тетка Михайлица и начинаеть:

— Ты вѣдь, Марочка, небось ничего, дитя, не знаешь, что у насъ тутъ въ ночи случилось?

— Нѣтъ, молъ, второродительница, не знаю.

— Ахъ, страсти!

— Разскажите же скорѣе, второродительница.

— Ахъ, не знаю какъ, можно ли это разсказать?

— Отчего же, говорю, не скажете: развѣ я вамъ какой чужой, а не вмѣсто сына?

— Знаю, родной мой,—отвѣчаетъ:—что ты мнѣ вмѣсто сына, ну, только я на себя не надѣюсь, чтобъ я могла тебѣ это какъ надо высловить, потому что глупа я и без-таланна, а вотъ погоди—дядя послѣ шабаша придетъ, онъ тебѣ небось все расскажетъ.

Но я никакъ не могъ, чтобы дожидаться, и присталъ къ ней: «скажи да скажи мнѣ сейчасъ, въ чемъ все происшествіе».

А она, гляжу, все моргаетъ, моргаетъ глазами и всѣ у нея глаза дѣлаются полны слезъ и она ихъ вдругъ груднымъ платкомъ обмахнула и тихо мнѣ шепчетъ:

— У насъ, дитя, сею ночью Ангель-Хранитель сошелъ. Меня отъ всего этого открытія въ трепеть бросило.

— Говорите, прошу, скорѣе: какъ это диво сталося и кто были онаго дивозрители?

А она отвѣчаетъ:

— Дивеса, дитя, были непостижныя, а дивозрителей никого, кромѣ меня, не было, потому что случилось все это въ самый глухой полунощный часъ, и одна я не спала.

И рассказала она мнѣ, милостивые государи, такую повесть:

— Уснувъ, говорить, помолвившись, не помню я сколько спала, но только вдругъ вижу во снѣ пожаръ, большой пожаръ: будто у насъ все погорѣло, и рѣка золу несетъ, да въ завертахъ около быковъ крутить и въ глубь плотаешь, сосетъ. А самой насчетъ себя Михайлицѣ кажется, будто она, выскочивъ въ одной ветхой срашницѣ, вся въ дырьяхъ, и стоитъ у самой воды, а противъ нея, на томъ берегу стремитъ высокій красный столбъ, а на томъ столбѣ небольшой бѣлый пѣтухъ и все крыльями машетъ. Михайлица будто и говорить: «Кто ты такой?» потому что чувствами ей далося знать, что эта птица что-то предвозвѣщаетъ. А пѣтелокъ этотъ вдругъ будто человѣческимъ голосомъ возгласилъ: «Аминь»; и спикъ, и его уже нѣтъ, а стала вокругъ Михайлицы тишь, и такое въ воздухѣ тощеніе, что Михайлицѣ страшно дѣлалось и продохнуть нечѣмъ, и она проснулась и лежитъ, а сама слышитъ, что подъ дверями у нихъ барашекъ заблелъ. И слышно ей по голосу, что это самый молодой барашекъ, съ котораго еще родимое руно не тронуто. Прозвенѣлъ онъ чистымъ серебрянымъ голосочкомъ «бя-я-я», и вдругъ уже чуетъ Михайлица, что онъ по молебной горницѣ ходить, копытками-то этакъ по

половицамъ чокъ-чокъ-чокъ частенько перебираетъ и все будто кого ищетъ. Михайлица и разсуждаетъ: «Господи Иисусе Христе! что это такое: овецъ у насъ во всей нашей пришлои слободѣ нѣтъ и агниться нечему, а откуда же это молодиво къ намъ забѣжало?» И въ ту пору стренулася: «Да и какъ, молъ, онъ въ избу попалъ? Вѣдь это, значить, мы во вчерашней суетѣ забыли со двора двери запереть: слава Богу, думаетъ, что это еще агнецъ вскочилъ, а не песь со двора къ святынѣ забрался». Да и пу съ этимъ Луку будить; «Кирилычъ, кличетъ, Кирилычъ! Прокинься, голубчикъ, скорѣе, у насъ дверь отворена и какое-съ молодиво въ избу вскочило», а Лука Кириловъ, какъ на сей грѣхъ, мертвымъ сномъ объять спитъ. Какъ его Михайлица ни будить, никакъ не добудится: мычитъ онъ, а ничего не высловитъ. Что Михайлица еще жоще трясеть и двизаетъ, то онъ только громче мычитъ. Михайлица его и стала просить, что «ты, молъ, имя-то Иисусово вспомяни», но только-что она сама это имя выговорила, какъ въ горницѣ кто-то завизжитъ, а Лука въ ту же минуту сорвался съ кровати и бросился-было впередъ, но его вдругъ посреди горницы какъ будто мѣдяна стѣна отшибла. «Дуй, баба, огонь! Дуй скорѣе огонь!» — кричитъ онъ Михайлицѣ, а самъ ни съ мѣста. Та запалила свѣчечку и выбѣгаетъ, а онъ блѣднолицъ, какъ осужденный насмертникъ, и дрожитъ такъ, что не только гашликъ на шеѣ ходить, а даже остегны на ногахъ трясутся. Баба опять до него: «Кормилецъ, говоритъ, что это съ тобой?» А онъ ей только показываетъ перстомъ, что тамъ, гдѣ Ангель былъ, пустое мѣсто, а самъ Ангель у Луки вскрай ногъ на полу лежитъ.

Лука Кириловъ сейчасъ къ дѣду Марою и говоритъ: такъ и такъ, вотъ что моя баба видѣла и что у насъ сдѣлалось, поди посмотри. Марой пришелъ и сталъ на колѣняхъ передъ лежащимъ на полу Ангеломъ и долго стоялъ надъ нимъ недвижимо, какъ измрамранъ надгробникъ, а потомъ, поднявъ руку, почесалъ остриженное гүменцо на маковѣ и тихо молвилъ:

— Принесите сюда двѣнадцать чистыхъ плинфъ новаго обожженнаго кирпича.

Лука Кириловъ сейчасъ это принесъ, а Марой осмотрѣлъ плинфы и видитъ, что всѣ они чисты, прямо изъ огненнаго

горна, и велѣлъ Лука класть ихъ одна на другую, и возвели они такимъ способомъ столбъ, накрыли его чистою ширинкой, вознесли на него икону, и потомъ Марой, положивъ земной поклонъ, возгласилъ:

— Ангель Господень, да проліются стоны твоя аможе хощеши!

И только что онъ эти слова проговорилъ, какъ вдругъ въ двери стукъ-стукъ-стукъ и незнакомый голосъ зоветъ:

— Эй вы, раскольниковы: кто у васъ тутъ набольшій?

Лука Кириловъ отворяетъ дверь и видитъ стоитъ солдатъ съ медалью.

Лука спрашиваетъ: какого ему надо набольшаго? А онъ отвѣчаетъ:

— Того самаго, говорить, что къ баринѣ ходилъ, котораго Пименомъ звать.

Ну, Лука сейчасъ бабѣ за Пименомъ послалъ, а самъ спрашиваетъ: что такое за дѣло? на что его въ ночи по Пимена послали?

Солдатъ говоритъ:

— Доподлинно не знаю, а слышно что-то тамъ съ баринѣмъ жиды неловкое дѣло устроили.

А что такое именно, рассказать не можетъ.

— Слыхалъ-де, говорить, какъ будто баринъ ихъ запечаталъ, а они его запечатали.

Но какъ это они другъ друга запечатали — ничего вразумительно рассказать не можетъ.

Тѣмъ временемъ подошелъ и Пимень, и самъ, какъ жидъ, то туда, то сюда вертитъ глазами: видно самъ не знаетъ, что сказать. А Лука говоритъ:

— Что же ты, ишпиманъ ты этакій, ступай тебѣ производи свое ишпиманство въ окончаніе!

Они вдвоемъ съ солдатомъ сѣли въ лодку и поѣхали.

Черезъ часъ вѣрочается нашъ Пимень и ботвить будто бодръ, а видно, что ему жестоко не по себѣ.

Лука его и допрашиваетъ:

— Говори, говорить, — говори лучше, вѣтрогонъ, все по откровенности, что ты тамъ такое надѣлалъ?

А онъ говоритъ:

— Ничего.

Ну, такъ и осталось будто ничего, а совсѣмъ было не ничего.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Съ бариномъ, за котораго нашъ Пименъ молился, преудивительная штука совершилась. Онъ, какъ я вамъ докладывалъ, поѣхалъ въ жиловскій городъ и пріѣхалъ туда поздно ночью, когда никто о немъ не думалъ, да прямо всѣ до одной лавки и опечаталъ, и далъ знать полиціи, что завтра утромъ съ ревизіей пойдетъ. Жиды это, разумѣется, сейчасъ узнали и сейчасъ же ночью къ нему, просить его, чтобы на сдѣлку, знать того незаконнаго товара у нихъ пронасть было. Принимли они и суютъ этому барину сразу десять тысячъ рублей. Онъ говоритъ: я не могу, я большой чиновникъ, довѣріемъ обличенъ и взяткомъ не беру; а жиды промежь себя гыр-гыр-гыр. да ему пятнадцать. Онъ опять «не могу»; они двадцать. Онъ, что же вы, говоритъ, не понимаете, что ли, что я не могу, я уже полиціи далъ знать, чтобы завтра вмѣстѣ идти ревизовать. А они опять гыр-гыр, да и говорятъ:

— Ази-язи, васе сѣятельство, то зи ничего зи, что вы дали знать въ полицію, мы вамъ вотъ даемъ зи двадцать пять тысячъ, а вы зи только дайте намъ до утра вашу печатку и лозитесь себѣ спокойно пощивать: намъ ничего больше не нужно.

Баринъ подумалъ - подумалъ: хотя онъ и большимъ лицомъ себя почиталъ, а видно и у большихъ лицъ сердце не камень, взялъ двадцать пять тысячъ, а имъ далъ свою печать, которою печатывалъ, и самъ легъ спать. Жидки, разумѣется, ночью все что надо было изъ своихъ склеповъ повытаскали и опять ихъ тою же самою печатью запечатали, и баринъ еще спитъ, а они уже у него въ передней горгочатъ. Ну, онъ ихъ впустилъ; они благодарять и говорятъ:

— А зи теперь зи, васе высокоблагородіе, пожалуйста съ ревизіей.

Ну, а онъ этого какъ будто не слышитъ, а говоритъ:

— Давайте же скорѣе мою печать.

А жиды говорятъ:

— А давайте зи наши деньги.

Баринъ: «что? какъ?» А тѣ на своемъ стали:

— Мы зи, говорятъ, деньги подъ залогъ оставили.

Тотъ опять:

— Какъ подѣ залогъ?

— А какъ зи, говорятъ, мы подѣ залогъ.

— Врете, говорить, вы подлецы этакіе, христопродавцы, вы мнѣ совсѣмъ тѣ деньги отдали.

А они другъ друга поталкиваютъ и смѣются.

— Гёринъ-ту, говорятъ, слышь, мы будто совсѣмъ дали... Гм, гм! Ай вай: рази мы можемъ быть такіе глупые и совсѣмъ какъ мужики безъ политику, чтобы такому большому лицу хабара давать? («Хабаръ» по-ихнему взятка).

Ну-съ, чего лучше этой исторіи можете себѣ вообразить? Господину бы этому, разумѣется, отдать деньги, да и дѣло съ концомъ, а онъ еще покапризничалъ, потому что жаль расстаться. Наступило утро; вся торговля въ городѣ заперта; люди ходять, дивуются; полиція требуетъ печати, а жидки орутъ: «Ай вай, ну, что это такое за государственное правленіе! Это высокое начальство насъ разорить желаютъ». Гвалтъ ужасный! Баринъ запершись сидитъ и до обѣда чуть ума не рѣшился, а къ вечеру зоветъ тѣхъ хитрыхъ жидковъ и говоритъ: «Ну, берите, проклятые, свои деньги, только отдайте мнѣ мою печать!» А тѣ уже не хотятъ, говорятъ: «А зи какъ же это можно! Мы весь городъ цѣлый день не торговали: теперь намъ съ вашего благородія надо пятьдесятъ тысячъ». Видите, что пошло! А жидки грозятъ: «Если нынче, говорятъ, пятьдесятъ тысячъ не дадите, завтра еще двадцать пятью тысячами больше будетъ стоить!» Баринъ всю ночь не спалъ, а къ утру опять шлетъ за жидами, и всѣ имъ деньги, которыя съ нихъ взялъ, назадъ имъ отдалъ и еще на двадцать пять тысячъ вексель написалъ, и прошелъ кое-какъ съ ревизіей: ничего, разумѣется, не нашелъ, да поскорѣе назадъ, да къ женѣ и предъ нею и рветъ и мечетъ: гдѣ двадцать пять тысячъ взять, чтобы у жидовъ вексель выкупить? «Нужно, говорить, твою приданую деревнишку продать», а та говоритъ: «Ни за что на свѣтѣ: я къ ней привязана». Онъ говоритъ: «это ты виновата, ты мнѣ эту посылку съ какими-то раскольниками вымолила и увѣряла, что ихъ Ангелъ мнѣ поможетъ, а онъ между тѣмъ вотъ какъ мнѣ славно помогъ.» А она отвѣчаетъ: «что ты, говорить, самъ виноватъ, зачѣмъ былъ глупъ и тѣхъ жидовъ не арестовалъ, да не объявилъ, что они у тебя печать украли, а между прочимъ, говорить, это ничего: ты только

докорайся мнѣ, а ужъ я дѣло поправлю, и за твою неразумительность другіе заплатятъ.» И вдругъ, на кого тамъ случилось, кригнула-гаркнула: «сейчасъ, живо, говорить, съѣздить за Днѣпръ и привезть мнѣ раскольниковкаго старосту.» Ну, посоль, разумѣется, пошелъ и привезъ нашего Пимена, а барыня ему прямо безъ обинячки: «Послушайте, говорить, я знаю, что вы умный человекъ и поймете, что мнѣ нужно: съ моимъ мужемъ случилась маленькая неприятность, его одни мерзавцы ограбили... жиды... понимаете, и намъ теперь непременно на слѣхъ же дняхъ надо имѣть двадцать пять тысячъ и мнѣ ихъ такъ скоро достать ровно бы пегдѣ; но я пригласила васъ и спокойна, потому что старовѣры люди умные и богатые, и вамъ, какъ я сама увѣрилась, во всемъ самъ Богъ помогаетъ, то вы мнѣ, пожалуйста, дайте двадцать пять тысячъ, а я съ своей стороны зато всѣмъ дамамъ буду говорить о вашихъ чудотворныхъ иконахъ, и вы увидите, сколько вы станете получать на воскъ и масло». Безъ труда, чай, можете себѣ, милостивые государи, представить, что нашъ шпилманъ при такомъ оборотѣ восчувствовалъ? Не знаю ужъ какими словами, но только, вѣрю я ему, онъ началъ горячо ротиться и клятися, завѣряя наше противъ такой суммы убожество, но она, эта обновленная Продиада, и знать того не хотѣла. «Нѣтъ, да мнѣ, говорить, хорошо извѣстно, что раскольники богачи, и для васъ двадцать пять тысячъ это вздоръ. Моему отцу, когда онъ въ Москвѣ служилъ, старовѣры не одинъ разъ и не такія одолженія дѣлали; а двадцать пять тысячъ это пустяки». Пимень, разумѣется, и тутъ попытался ей разъяснить, что то, моль, московскіе старовѣры, люди капитальные, а мы простые нивари-чернорабочіе, гдѣ же намъ противъ москвичей отмогуществовать. Но она имѣла въ себѣ вѣрно хорошее московское наученіе и вдругъ его осаждила: «Что вы, что вы, говорить, мнѣ это рассказываете! Развѣ я не знаю, сколько у васъ чудотворныхъ иконъ, и вы же мнѣ сами вѣдь говорили, сколько вамъ со всей Россіи на воскъ и на масло присылаютъ? Нѣтъ, я и слышать не хочу; чтобы сейчасъ мнѣ были деньги, а то мой мужъ нынче же къ губернатору поѣдетъ и все расскажетъ, какъ вы молитесь и соблазняете, и вамъ скверно будетъ». Бѣдный Пимень какъ съ крыльца не свалился; пришелъ до-

мой, какъ я вамъ докладывалъ, и только одно слово твердить: «ничего», а самъ весь красный точно изъ бани и все по угламъ ходилъ, носъ сморкалъ. Ну, Лука Кириловъ его, наконецъ, малое дѣло немножечко допросился, только, разумѣется, не все онъ ему открытъ, а самую лишь ничтожность сущности обнаружилъ, какъ-то говоритъ: «Съ меня эта барыня требуетъ, чтобъ я у васъ ей пять тысячъ займа досталъ». Ну, Лука, разумѣется, и за это на него расходился: «Ахъ, ты шилманъ этакій, говоритъ, шилманъ; нужно было тебѣ съ ними знаться, да еще сюда ихъ водить! Что мы богачи, что ли, какіе, чтобъ у насъ такія деньги могли въ сборѣ быть? Да и за что мы должны ихъ дать? Да и гдѣ онѣ?... Какъ это задѣлывалъ, такъ и раздѣлывайся, я намъ пять тысячъ взять негдѣ». Съ этимъ Лука Кириловъ пошелъ въ свою сторону на работу и пришелъ, какъ я вамъ доложилъ, бѣдный, въ родѣ осужденнаго на-смертника, потому что онъ, почнымъ событіемъ искушенный, предвкусалъ, что это повліяетъ на насъ непріятностью; а Пимень себѣ пошелъ въ другую сторону. Всѣ мы видѣли, какъ онъ изъ камышей въ лодочкѣ выплылъ и на ту сторону въ городъ переправился, и теперь, когда Михайлица все это мнѣ по порядку разказала, какъ онъ о пяти тысячахъ кучился, я и домекнулъ такъ, что вѣрно онъ ударился ту барыню умолять. Въ такомъ размысленіи я стою возлѣ Михайлицы да думаю, не можетъ ли для насъ изъ этого чего вреднаго воспослѣдовать и не надо ли противъ сего могущаго произойти зла какія-либо мѣры принять, какъ вдругъ вижу, что все это предпріятіе уже поздно, потому что къ берегу привалила большая ладья и я за самыми плечами у себя услыхалъ шумъ многихъ голосовъ и, обернувшись, увидалъ нѣсколько человекъ разныхъ чиновниковъ, примундиренныхъ всякимъ подобіемъ, и съ ними не малое число жандармовъ и солдатъ. И не успѣли мы съ Михайлицей, милостивые государи, глазомъ моргнуть, какъ всѣ они мимо насъ прямо въ Лукину горницу повалили, а у двери двухъ часовыхъ поставили съ обнаженными саблями. Михайлица стала на тѣхъ часовыхъ метаться, не столько для того, чтобъ ее пропустили, а чтобы постраждовать; они ее, разумѣется, стали отталкивать, а она еще ярѣе гдается, и дошло у нихъ сраженіе до того, что одинъ жандармъ ее, наконецъ, больно зашибъ, такъ что она съ

крыльца кубаремъ скатилась. А я ударился-было за Лукою на мостъ, но гляжу, самъ Лука уже навстрѣчу мнѣ бѣжитъ, а за нимъ вся наша артель, всѣ вскрамолились и кто съ чѣмъ на работѣ былъ, кто съ ломомъ, кто съ мотыкою, всѣ бѣгутъ свою святыню оберегать... Конь не всѣ въ лодку попали и не на чемъ имъ до бережка достигнуть, во всемъ платьѣ, какъ стояли на работѣ, прямо съ мосту въ воду побросались и другъ за дружкой въ холодной волнѣ плывутъ... Даже, не повѣрите, ужасно стало чѣмъ это кончится. Стражбы той пріѣхало двадцать человѣкъ, и хотя всѣ они въ разныхъ храбрыхъ уборахъ, но на нашихъ болѣе полусотъ и всѣ высреннею горячею вѣрой одушевленные, и всѣ они плывутъ по водѣ какъ тюленьки, и хоть ихъ колотушкой по башкамъ бей, а они на берегъ къ своей святынѣ достигаютъ, и вдругъ какъ были всѣ мокренкiе и пошли впередъ, что твое каменiе живо и несокрушимое.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Теперь же вы извольте вспомнить, что когда мы съ Михайлицей на крыльцѣ разговаривали, въ горницѣ находился на молитвѣ дѣдъ Марой и господа чиновники со сбпрою своей тамъ его застали. Онъ послѣ и рассказывалъ, что какъ они вошли, сейчасъ дверь на захлопку и прямо кинулись къ образамъ. Одни лампы гасятъ, а другiе со стѣнъ рвутъ иконы да на полу накладываютъ, а на него кричатъ: «Ты попь?» Онъ говоритъ: «Нѣтъ, не попь». Они: «Кто же у васъ попь?» А онъ отвѣчаетъ: «У насъ нѣтъ попа». А они: «Какъ нѣтъ попа! Какъ ты смѣешь это говорить, что нѣтъ попа!» Тутъ Марой сталъ имъ было объяснять, что мы попа не имѣемъ, да какъ онъ говорилъ-то скверно, шавкавилъ, такъ они, не разобравши въ чемъ дѣло, да «связать, говорить, его, подь арестъ!» Марой дался себя связать: хоша то ему ничего не стоило, что десятскiй солдатъ ему обрывочкомъ руки опутать, но онъ стоитъ и, все это за вѣру прiемля, смотритъ, что далѣе будетъ. А чиновники тѣмъ временемъ зажгли свѣчи и ну иконы печатать: одни печати накладываютъ, другiе въ описи пишутъ, а третьи буравами дыры сверлятъ, да на желѣзный пруть иконы какъ котелки навизываютъ, Марой на все на это святотатственное безчинiе смотритъ и плечами не тряхцетъ, потому что разсуждаетъ, что такъ, вѣроятно, это

Богу изволися поустити такую дикость. Но въ это-то время слышитъ дядя Марой: одинъ жандармъ вскрикнулъ, и за нимъ другой; дверь разлетѣлася и тюленьки-то наши какъ вытѣзли изъ воды мокрые, такъ и пруть въ горницу. Да по счастью ихъ впереди ихъ очутился Лука Кириловъ. Онъ сразу крикнулъ:

— Стой, Христовъ народушко, не дерзничайте!—а самъ къ чиновникамъ и, указывая на эти пронзенныя прутьемъ иконы, молвитъ:—Для чего же это вы, господа начальство, такъ святыню повреждаете? Если вы право имѣете ее у насъ отобрать, то мы власти не сопротивники—отбпрайте; но для чего же рѣдкое отеческое художество повреждать?

А этой Пименовой знакомой барыньки мужъ, онъ тутъ главнѣе всѣхъ былъ, какъ крикнетъ на дядю Луку:

— Цыть, мерзавецъ! еще разсуждать смѣешь!

А Лука хоть и гордый былъ мужикъ, но смирилъ себя и тихо отвѣчаетъ:

— Позвольте, ваше высокоблагородіе, мы этотъ порядокъ знаемъ, у насъ здѣсь въ горницѣ есть полтораستا иконъ, извольте вамъ по три рубля отъ иконы, и берите ихъ, только предковскаго художества не повреждайте.

Баринъ окомъ сверкнулъ и громко крикнулъ:

— Прочь!—а шопотомъ шепнулъ:—Давай по сту рублей со штуки, иначе всё вышеку.

Лука этакой силы денегъ дать и сообразить не могъ и говорить:

— Богъ съ вами, если такъ: губите все какъ хотите, а у насъ такихъ денегъ нѣтъ.

А баринъ какъ завопіетъ излиха:

— Ахъ ты козель бородатый, да какъ ты смѣлъ при насъ о деньгахъ говорить?—и тутъ вдругъ заметался, и все, что видѣлъ изъ божественныхъ изображеній,—въ скибы собралъ, и на концы прутьевъ гайки наворачнули и припечатывали, чтобы, значить, ни снять, ни обмѣнить было невозможно. И все уже это было собрано и готово, они стали совсѣмъ выходить: солдаты взяли набранныя на болты скибы иконъ на плечи и понесли къ лодкамъ, а Михайлица, которая тоже за народомъ въ горницу пробралась, тѣмъ часомъ тихонько скрала съ аналогія ангельскую икону и тащить ее подъ платкомъ въ чуланъ, да какъ руки-то у нея дрожатъ, она ее и выронила. Батюшки мои, какъ баринъ

расходился и звалъ насъ и ворами-то. и мошенниками и говорить:

— Ага! вы, мошенники, хотѣли ее скрасть, чтобъ она на болтъ не попала; ну, такъ она же на него не попадетъ, а я ее вотъ какъ!—да, накопивши сургучную палку, прямо какъ ткнетъ кипящею смолой съ огнемъ въ самый ангельскій ликъ!

Милостивые государи, вы на меня не поспѣвайте, что я и пробовать не могу описать вамъ, что тутъ произошло, когда баринъ излилъ кипящую смоляную струю на ликъ Ангела и еще, жестокий человѣкъ, поднялъ икону, чтобы похвастать какъ намель досадить намъ. Помню только, что пресвѣтлый ликъ этотъ божественный былъ красенъ и запечатлѣнъ, а изъ-подъ печати олифа, которая подъ огневою смолой самую малость сверху растаяла, струила внизъ двумя потеками, какъ кровь, въ слезѣ растворенная...

Всѣ мы ахнули и, закрывъ руками глаза свои, пали ницъ и застонали какъ на пыткѣ. И такъ мы разошлись, что и темная ночь застала насъ воющихъ и голосащихъ по своему запечатлѣнному Ангелѣ, и тутъ-то въ сей тьмѣ и тишинѣ на разрушенной отчей святинѣ пришла намъ мысль: услѣдить, куда нашего хранителя дѣвнуть, и поклялись мы скрасть его, хотя бы съ опасностью жизни, и запечатлѣть, а къ исполненію сей рѣшимости избрали меня, да молодого паренька Левонтія. Этотъ Левонтій годами былъ еще суцій отрокъ, не болѣе какъ семнадцати лѣтъ, но великотѣлесенъ, добръ сердцемъ, богочителъ съ дѣтства своего и послушливъ и благонравенъ, что твой ретивъ бѣлъ конь среброуздень.

Лучшаго сомудренника и содѣателя и желать нельзя было на такое опасное дѣло, какъ прослѣдить и исхитить запечатлѣннаго Ангела, ослѣвленное видѣніе котораго намъ до немощи было непереносно.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Не стану утруждать васъ подробностями какъ мы съ моимъ сомудренникомъ и содѣйствителемъ, сквозь иглины уши лазучи, во все винкали, а буду прямо рассказывать о горести, которая овладѣла нами, когда мы узнали, что пробурованныя чиновниками иконы наши, какъ онѣ были скибами на болты нанизаны, такъ ихъ въ консисторію въ под-

валъ и свалили, это уже дѣло пропащее и какъ въ гробъ погребенное, о нихъ и думать было нечего. Приятно, однако, было то, что говорили, будто самъ архіерей такой дикости сообразованія не одобрилъ, а, напротивъ, сказалъ: «Къ чему это?» и даже за старое художество заступился и сказалъ: «Это древнее, это надо беречь!» Но вотъ что худо было, что не прошла бѣда отъ непочтенія, какъ новая, еще большая отъ сего почитателя возросла: самъ этотъ архіерей, надо полагать, съ нехудымъ, а именно съ добрымъ вниманіемъ взялъ нашего запечатлѣннаго Ангела и долго его разсматривалъ, а потомъ отвелъ въ сторону взглядъ и говорить: «Смятенный видъ! Какъ ужасно его изнеявствовали! Не кладите, говорить, сей иконы въ подвалъ, а поставьте ее у меня въ алтарѣ на окнѣ за жертвенникомъ». Такъ слуги архіереевы, по его приказанію, и исполнили, и я долженъ вамъ сказать, что такое вниманіе со стороны церковнаго іерарха намъ было, съ одной стороны, очень пріятно, но съ другой—мы видѣли, что всякое намѣреніе наше выкрасть своего Ангела стало невозможно. Оставалось другое средство: подкупить слугъ архіереевыхъ и съ ихъ помощію подмѣнить икону инымъ въ соотвѣтствіе сей хитро написаннымъ подобіемъ. Въ этомъ тоже наши старовѣры не разъ успѣвали, но для сего прежде всего нуженъ искусный и опытной руки изографъ, который бы могъ сдѣлать на подмѣнъ икону въ точности, а такового изографа мы въ тѣхъ мѣстахъ не предвидѣли. И начала на насъ на всѣхъ съ этихъ поръ сугубая тоска, и пошла она по насъ какъ водный трудъ по закожью: въ горницѣ, гдѣ одни словословія слышались, стали раздаваться одни вопленія, и въ недолгомъ же времени всѣ мы разволнились даже до немощи и земли подъ собою отъ полныхъ слезами очей не видимъ, а чрезъ то или не черезъ это, только пошла у насъ болѣзнь глазъ и стала она весь народъ перебирать. Просто чего никогда не было, то теперь сдѣлалось: нѣтъ мѣры что больныхъ! Во всемъ рабочемъ народѣ пошелъ толкъ, что все это не сирота, а за старовѣрскаго Ангела: «его, баютъ, запечатлѣніемъ ослѣпили, а теперь всѣ мы слѣпнемъ», и такимъ толкованіемъ не мы одни, а всѣ и церковные люди вскрамолились, и сколько хозяева-англичане ни привозили докторовъ, никто къ нимъ не идетъ и лѣкарства не беретъ, а вонять одно:

— Принесите намъ сюда запечатлѣннаго Ангела, мы ему молебствовать хотимъ, и одинъ онъ насъ исцѣлитъ.

Англичанинъ Яковъ Яковлевичъ, въ это дѣло вникнувъ, самъ побѣхалъ къ архіерею и говорить:

— Такъ и такъ, ваше преосвященство, вѣра дѣло великое, и кто какъ вѣритъ, тому такъ по вѣрѣ дается: отпустите къ намъ на тотъ берегъ запечатлѣннаго Ангела.

Но владыко сего не послушалъ и сказалъ:

— Сему не должно потворствовать.

Тогда намъ это слово казалось бытъ жестокое, и мы архипастыря много суесловно осуждали, но впоследствіи открылось намъ, что все это велюся не жестокостью, а Божиимъ смотрѣніемъ.

Между тѣмъ знаменія какъ бы не прекращались, и персть наказующій взыскалъ на томъ берегу самаго главнаго всему этому дѣлу виновника, самого Пимена, который послѣ этой напасти отъ насъ сбѣжалъ и вцерковился. Встрѣчаю я его тамъ одинъ разъ въ городѣ, онъ мнѣ и кланяется, ну, и я ему поклонился. А онъ и говорить:

— Согрѣшилъ я, братъ Маркъ, приди съ вами въ разнобытіе по вѣрѣ.

А я отвѣчаю:

— Кому въ какой вѣрѣ бытъ — это дѣло Божіе, а что ты бѣднаго за сапоги продалъ, это, разумѣется, нехорошо и, прости меня, а я тебя въ томъ, какъ Аммосъ пророкъ велитъ, братски обличаю.

Онъ при имени пророка такъ и задрожалъ.

— Не говори, говорить, мнѣ про пророковъ: я самъ помню Писаніе и чувствую, что «пророки мучать живущихъ на землѣ» и даже въ томъ знаменіе имѣю, — и жалуется мнѣ, что на-дняхъ онъ выкупался въ рѣкѣ и у него послѣ того по всему тѣлу пѣгота пошла, и разстегнулъ грудь да показываетъ, а на немъ точно пѣжинныя пятна какъ на пѣгомъ конѣ, съ груди вверхъ на шею лѣзуть.

Грѣшный человекъ, было у меня на умѣ сказать ему, что «Богъ шельму мѣтитъ», но только сдвинулъ я это слово въ устахъ и молвилъ:

— Чтò же, молись, говорю, и радуйся, что еще на сей землѣ такъ отитловапъ, авось на другомъ предстояніи чистъ будешь.

Онъ мнѣ сталъ плакаться, сколь этимъ несчастенъ и чего лишается, если пѣгота на лицо пойдетъ, потому что

самъ губернаторъ, видя Пимена, когда его къ церкви присоединили, будто много на его красоту радовался и сказалъ городскому головѣ. чтобы когда будутъ черезъ городъ важныя особы проѣзжать, то чтобы Пимена непременно впередъ всѣхъ съ серебрянымъ блюдомъ выставлять. Ну, а иѣбаго ужъ куда же выставить? Но, однако, что мнѣ было эту его величавую суету и пустошество слушать, я завернулъ да и ушелъ.

И съ тѣмъ мы съ нимъ разстались. На немъ его титула все яснѣе обозначались, а у насъ не умолкали другія знаменія, въ заключеніе конихъ, по осени, только что стала ледь, какъ вдругъ сдѣлалась оттепель, весь этотъ ледъ разметало и пошло наши постройки коверкать, и до того шли вреда за вредами, что вдругъ одинъ гранитный быкъ подмыло, и пучина поглотила все возведеніе многихъ лѣтъ, стоившее многихъ тысячъ...

Поразило это самихъ нашихъ хозяевъ англичанъ, и было тутъ къ ихъ старшему Якову Яковлевичу отъ кого-то слово, что дабы ото всего этого избавиться, надо насъ, старовѣровъ, прогнать, но какъ онъ былъ человѣкъ благой души, то онъ этого слова не послушалъ, а, напротивъ, призвалъ меня и Луку Кирилова и говоритъ:

— Дайте мнѣ, ребята, сами совѣтъ: не могу ли я чѣмъ-нибудь вамъ помочь и васъ утѣшить?

Но мы отвѣчали, что доколѣ священный для насъ ликъ Ангела, вездѣ намъ предходившаго, находится въ огнесмольномъ запечатлѣніи, мы ничѣмъ не можемъ утѣшиться и мстаеваемъ отъ жалости.

— Что же, — говоритъ: — вы думаете дѣлать?

— Думаемъ, моль, его современемъ подмѣнить и распечатать его чистый ликъ, безбожною чиновническою рукой опаленный.

— Да чѣмъ, — говоритъ: — онъ вамъ такъ дорогъ, и неужели другого такого же нельзя достать?

— Дорогъ онъ, — отвѣчаемъ: — намъ потому, что онъ насъ хранилъ, а другого достать нельзя, потому что онъ писанъ въ твердыя времена благочестивою рукой и освященъ древнимъ іереемъ по поному требнику Петра Могилы, а нынѣ у насъ ни іереевъ, ни того требника нѣтъ.

— А какъ, — говоритъ: — вы его распечатаете, когда у него все лицо сургучомъ выжжено?

— Ну, ужъ на этотъ счетъ,—отвѣчаемъ:—ваша милость не безпокойтесь: намъ только бы его въ свои руки достичь, а то онъ, нашъ хранитель, за себя постоитъ: онъ не торговыхъ мастеровъ, а настоящаго Строганова дѣла, а что строгановская, что костромская олифа такъ варены, что и огневого клейма не боятся и до иѣжныхъ ванъ смолы не допускать.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Увѣрены-съ: эта олифа крѣшка какъ сама старая русская вѣра.

Онъ тутъ ругнулъ кого зналъ, что такого художества беречь не умѣютъ, и руки намъ подать и еще разъ сказать:

— Ну, такъ не горюйте же: я вашъ помощникъ, и мы вашего Ангела достанемъ. Надолго ли онъ вамъ нуженъ?

— Нѣтъ, говоримъ,—на небольшое время.

— Ну, такъ я скажу, что хочу на вашего замечательнаго Ангела богатую золотую ризу сдѣлать, и какъ мнѣ его дадутъ, мы его тутъ и подмѣнимъ. Я завтра же за это возьмусь.

Мы благодаримъ, но говоримъ:

— Только ни завтра, ни послѣзавтра за это, сударь, не беритесь.

Онъ говоритъ:

— Это почему такъ?

А мы отвѣчаемъ:

— Потому, молю, сударь, что намъ прежде всего надо имѣть на подмѣнъ икону такую, чтобъ она какъ двѣ капли воды на настоящую походила, а таковыхъ мастеровъ здѣсь нѣтъ, да и нигдѣ вблизи не отыщется.

— Пустяки,—говоритъ:—я самъ изъ города художника привезу; онъ не только кони, а и портреты великолѣпно пишетъ.

— Нѣтъ-съ,—отвѣчаемъ:—вы этого не извольте дѣлать. потому что, во-первыхъ, черезъ этого свѣтскаго художника можетъ ненадлежащая молва пойти, а во-вторыхъ, живописецъ такого дѣла исполнить не можетъ.

Англичанинъ не вѣритъ, а я выступилъ и разъясняю ему всю разницу: что нонѣ, молю, у свѣтскихъ художниковъ не то искусство: у нихъ краски масляныя, а тамъ ваши на яйцѣ растворенныя и иѣжныя, въ живописи письмо

мазаное, чтобы только на даль натурально показывало, а тутъ письмо плавкое, и на самую близъ явственно; да и свѣтскому художнику, говорю, и въ переводѣ самаго рисунка не потрафить, потому что они изучены представлять то, что въ тѣлѣ земного, животолубиваго человѣка содержится, а въ священной русской иконописи изображается тишь лица небожительный, насчетъ коего матеріальный человѣкъ даже псового воображенія имѣть не можетъ.

Онъ этимъ заинтересовался и спрашиваетъ:

— А гдѣ же,—говоритъ.—есть такіе мастера, что еще этотъ особенный тишь понимаютъ?

— Очень, докладываю, — они нынче рѣдки (да и въ то время они совѣмъ жили подъ строгимъ сокрытіемъ). Есть, говорю, — въ слободѣ Мстерѣ одинъ мастеръ Хохловъ, да уже онъ человѣкъ очень древнихъ лѣтъ, его въ дальній путь везти нельзя: а въ Палиховѣ есть два человѣка, такъ тѣ тоже врядъ ли поѣдутъ, да и къ тому же, говорю,—намъ ни мстерскіе, ни палиховскіе мастера и не годятся.

— Это опять почему?—пытаетъ.

— А потому, отвѣтствую,—что у нихъ пошибъ не тотъ: у мстерскихъ рисуночекъ головастики и письмо мутно, а у палиховскихъ тонъ бирюзистъ, все голубинкой отдаетъ.

— Такъ какъ же,—говоритъ,—быть?

— Самъ, говорю,—не знаю. Наслышанъ я, что есть еще въ Москвѣ хорошій мастеръ Спичевъ: и онъ по всей Россіи между нашими именитъ, но онъ больше къ новгородскимъ и къ царскимъ московскимъ письмамъ потрафляетъ, а наша икона строгановскаго рисунка, самыхъ свѣтлыхъ и ясныхъ ванъ, такъ намъ потрафить можетъ одинъ мастеръ Севастьянъ съ понизовья, но онъ страстный странствователь: по всей Россіи ходитъ, старовѣрамъ починку работаетъ, и гдѣ его искать—неизвѣстно.

Англичанинъ съ удовольствіемъ всѣ эти мои доклады выслушалъ и улыбнулся, а потомъ отвѣчаетъ:

— Довольно дивные,—говоритъ: — вы люди, а какъ слушаешь васъ, такъ даже пріятно дѣляется, какъ вы это все, что до вашей части касается, хорошо знаете и даже искусства можете постигать.

— Отчего же, говорю,—сударь, искусства не постигать: это дѣло художество божественное, и у насъ есть таковыя любители изъ самыхъ простыхъ мужичковъ, что не только

всѣ школы, въ чемѣ, напримѣръ, одеа отъ другой отличаются въ письмахъ: устюжскія или новгородскія, московскія или вологодскія, сибирскія, либо строгановскія, а даже въ одной и той же школѣ извѣстныхъ старыхъ мастеровъ русскихъ рукомесло одно отъ другого безъ ошибки отличаютъ.

— Можетъ ли, говорить,—это быть?

— Все равно, отвѣчаю, — какъ вы одного человека отъ другого письменный почеркъ пера распознаете, такъ и они: сейчасъ взглянуть и видятъ, кто изображалъ: Кузьма, Андрей или Прокофій.

— По какимъ примѣтамъ?

— А есть, говорю, — разница въ пріемѣ какъ перевода рисунка, такъ и въ плавн, въ пробѣлахъ, лицевыхъ движеніяхъ и въ оживлѣ.

Онъ все слушаетъ; а я ему рассказываю, что зналъ про ушаковское писаніе и про рублевское, и про древнѣйшаго русскаго художника Парамшина, коего рукомесла иконы наши благочестивые цари и князья въ благословеніе дѣтямъ дарствовали и въ духовныхъ своихъ наказывали имъ тѣ иконы блюсти наче зѣницы ока.

Англичанинъ сейчасъ выхватилъ свою записную книжку и спрашиваетъ: повторить какъ художника имя, и гдѣ его работы можно видѣть? А я отвѣчаю:

— Напрасно, сударь, станете отыскивать: нигдѣ ихъ памяти не осталось.

— Гдѣ же они дѣлись?

— А не знаю, говорю: — на чубуки ли повертѣли или нѣмцамъ на табакъ промѣняли.

— Это, говорить,—быть не можетъ.

— Напротивъ, отвѣчаю, — вполне статочно и примѣры тому есть: въ Римѣ у папы въ Ватиканѣ створы стоятъ, что наши русскіе изографы, Андрей, Сергѣй да Никита, въ тринадцатомъ вѣгѣ писали. Многоличная миниатюра сія, моль, столь удивительна, что даже, говорятъ, величайшіе иностранные художники, глядя на нее, въ восторгъ приходили отъ чуднаго дѣла.

— А какъ она въ Римъ попала?

— Петръ Первый иностранному монаху подарилъ, а тотъ продалъ.

Англичанинъ улыбулся и задумался, и потомъ тихо молвить, что у нихъ будто въ Англій всякая картинка изъ рода

въ родъ сохраняется и тѣмъ сама явствуетъ, кто отъ ка-кого родословія происходитъ.

— Ну, а у насъ, говорю, — вѣрно другое образованіе, и съ предковскими преданіями связь разрыпана, дабы все казалось обновленіе, какъ будто и весь родъ русскій только вчера наслѣдка подѣ крапивой вывела.

— А если таковая, говоритъ, — вала образованная невѣ-жественность, такъ отчего же, въ которыхъ любовь къ род-ному сохранилась, не позаботитесь поддержать своего при-роднаго художества?

— Некѣмъ, отвѣчаю. — намъ его, милостивый государь, поддерживать, потому что въ новыхъ николахъ художества повсемѣстное растлѣніе чувства развито и суетѣ умъ по-винуется. Высокаго вдохновенія типъ утраченъ, а все съ земного вземлется и земною страстію дышитъ. Наши но-вѣйшіе художники начали съ того, что архистратига Ми-ханла съ князя Потемкина Таврическаго стали изображать, а теперь уже того достигаютъ, что Христа Спаса жидови-номъ ищутъ. Чего же еще отъ такихъ людей ожидать? Ихъ необрѣзанныя сердца, можетъ-быть, еще и не то изоб-разять и велить за божество почитать: въ Египтѣ же и быка и лукъ красноперый богомъ чтили; но только уже мы богамъ чуждымъ не поклонимся и жидово лицо за Спасовъ ликъ не примемъ, а даже изображенія эти, сколь бы они ни были искусны, за студодѣльное невѣжество почитаемъ и отвращаемся отъ него, поелику есть отчее преданіе, «что развлеченіе очесъ разоряетъ чистоту разума, яко водометъ поврежденный погубляетъ воду».

Я смѣ кончилъ и замолчалъ, а англичанинъ говоритъ:

— Продолжай: мнѣ нравится, какъ ты разсуждаешь.

Я отвѣчаю:

— Я уже все кончилъ; а онъ говоритъ:

— Нѣтъ, ты разскажи мнѣ еще, что вы по своему по-нятію за вдохновенное изображеніе понимаете?

Вопросъ, милостивые государи, для простаго человѣка довольно затруднительный, но я, нечего дѣлать, началъ и разсказалъ какъ писано въ Новгородѣ Звѣздное Небо, а потомъ сталъ излагать про кievское изображеніе въ Софій-скомъ храмѣ, гдѣ по сторонамъ Бога Саваооа стоятъ седмъ крылатыхъ архистратиговъ, на Потемкина, разумѣется, не-похожихъ; а на порогахъ сѣни пророки и пратцы; ниже

ступеню Моисей съ скрижалю; еще ниже Ааронъ въ митрѣ и съ жезломъ прозябшимъ; на другихъ ступеняхъ царь Давидъ въ вѣнцѣ, Исаія пророкъ съ хартіей, Іезекіиль съ затворенными вратами, Данииль съ камнемъ, и вокругъ сихъ предстоятелей, указующихъ путь на небо, изображены дарованія, коими сего славнаго пути человѣкъ достигать можетъ, какъ-то: книга съ семью печатями—даръ премудрости; седьмисвѣщный подсвѣчникъ — даръ разума; семь очесъ — даръ совѣта; семь трубныхъ роговъ — даръ крѣпости; десная рука посреди семи звѣздъ—даръ видѣнія; семь курильницъ — даръ благочестія; семь молній—даръ страха Божія. — Вотъ, говорю, — таковое изображеніе гореносно!

А англичанинъ отвѣчаетъ:

— Прости меня, любезный: я тебя не понимаю, почему ты это считаешь гореноснымъ?

— А потому, молю, что таковое изображеніе явственно душѣ говоритъ, чего христіанину надлежитъ молить и жаждать, дабы отъ земли къ неизреченной славѣ Бога вознестись.

— Да вѣдь это же, говоритъ, — всякій изъ Писанія и изъ молитвъ можетъ уразумѣть.

— Ну, никакъ нѣтъ, отвѣтвую: — Писаніе не всякому дано разумѣть, а неразумѣвающему и въ молитвѣ бываетъ затменіе: иной слышитъ глашеніе о «великія и богатыя милости» и сейчасъ полагаетъ, что это о деньгахъ, и съ алчностью кланяется. А когда онъ зреть предъ собою изображенную небесную славу, то онъ помысливаетъ вышній проспектъ жизненности и понимаетъ, какъ надо этой цѣли достигать, потому что тутъ оно все просто и вразумительно: вымоли человѣкъ первѣе всего душѣ своей даръ страха Божія, она сейчасъ и пойдетъ облегченная со ступени на ступень, съ каждымъ шагомъ усвая себѣ при избыткѣ вышнихъ даровъ, и въ тѣ поры человѣку и деньги, и вся слава земная при молитвѣ кажутся не иначе какъ мерзость предъ Господомъ.

Тутъ англичанинъ встаетъ съ мѣста и весело говоритъ:

— А вы же, чудаки, чего себѣ молитесь?

— Мы, отвѣчаю, — молимъ христіанскія кончины живота и добраго отвѣта на страшномъ судилищѣ.

Онъ улыбнулся и вдругъ дернулъ за золотистый шнурокъ

зеленую занавѣсь, а за тою занавѣсью у него сидить въ креслѣ его жена англичанка и предъ свѣчою на длинныхъ спицахъ вязанье дѣлаетъ. Она была прекрасная барыня, благоувѣтливая, и хотя не много по-нашему говорила, но все понимала и вѣрно хотѣлось ей нашъ разговоръ съ ея мужемъ о религiи слышать.

И что же вы думаете? Какъ отдернулась эта занавѣса, что ее скрывала, она сейчасъ встаетъ, будто содрогаясь, и идетъ, милушка, ко мнѣ съ Лукою, обѣ ручки намъ, мужикамъ, протягиваетъ, а въ глазахъ у нея блещутъ слезки, и жметъ намъ руки, а сама говоритъ:

— Добри люди, добри русски люди!

Мы съ Лукою за это ея доброе слово у нея обѣ ручки поцѣловали, а она къ нашимъ мужичьимъ головамъ свои губки приложила.

Разсказчикъ остановился и, закрывъ рукавомъ глаза, тихонько отеръ ихъ и молвилъ шопотомъ: «Трогательная женщина!» и затѣмъ, оправясь, продолжалъ снова:

— По такимъ своимъ ласковымъ поступкамъ и начала она, эта англичанка, говорить что-то такое своему мужу, по-ихнему, намъ непонятно, но только слышно по голосу, что вѣрно за насъ просить. И англичанинъ—знать прiятна ему эта доброта въ женѣ—глядитъ на нее ажно весь гордостью сияетъ и все жену по головкѣ гладитъ, да такъ какъ голубь гурчитъ по-своему: «гутъ, гутъ», или какъ тамъ по-ихнему иначе говорится, но только видно, что онъ ее хвалитъ и въ чемъ-то утверждаетъ и потомъ подошелъ къ бюру, вынулъ двѣ сотенныхъ бумажки и говоритъ:

— Вотъ тебѣ, Лука, деньги: ступай ищи гдѣ знаешь, какого вамъ нужно по вашей части искуснаго изографа, пусть онъ и вамъ что нужно сдѣлаетъ, и женѣ моей въ вашемъ родѣ напишетъ, — она почитъ такую икону сыну дать, а на всѣ хлопоты и расходы вотъ это вамъ моя жена деньги даетъ.

А она сквозь слезы улыбается и частить:

— Ни, ни, ни: это онъ, а я особая, да съ этимъ словомъ порхъ за дверь и несетъ оттуда въ рукахъ третью сотенную.

— Мужъ, говоритъ, — мнѣ на платьѣ дарилъ, а я платья не хочу, а вамъ жертвую.

Мы, разумѣется, стали отказываться, но она о томъ и слышать не хочетъ, и сама убѣжала, а онъ и говоритъ:

— Нѣтъ, говоритъ,—не смѣйте ей отказывать и берите, что она дастъ, и самъ отвернулся и говоритъ:—и ступайте, чудаки, вонь!

Но мы этимъ изгнаніемъ, разумѣется, нимало не обидѣлись, потому что хоть онъ, этотъ англичанинъ, отъ насъ отвернулся, но видѣли мы, что онъ это сдѣлалъ ради того, дабы скрыть, что онъ самъ растрогался.

Такъ-то насъ, милостивые государи, свои притоманные люди обезсудили, а аглицкая національность утѣшила и дала въ душу рвеніе, какъ бы точно мы баню паки бытія воспріяли!

Теперь далѣе отсюда, милостивые государи, начинается преполовеніе моей повѣсти, и я вамъ вкратцѣ изложу: какъ я, взявъ своего среброуздаго Левонтія, пошелъ по изографа, и какія мы мѣста исходили, какихъ людей видѣли, какія новыя дивеса намъ объявились, и что, наконецъ, мы нашли, и что потеряли, и съ чѣмъ возвратились.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ путь шествующему человѣку первое дѣло сонутникъ, съ умнымъ и добрымъ товарищемъ и холодъ, и голодъ легче, а мнѣ это благо было даровано въ томъ чудномъ отрокѣ Левонтіи. Мы съ нимъ отправились пѣшкомъ, имѣя при себѣ котомочки и достаточную сумму, а для охраны оной и своей жизни имѣли при себѣ старую короткую саблю съ широкимъ обушкомъ, коя у насъ всегда береглась для опаснаго случая. Совершали мы путь свой въ родѣ торговыхъ людей, гдѣ какъ попалю вымышляя надобности, для конхъ будто бы слѣдуемъ, а сами все, разумѣется, высматривали свое дѣло. Съ самаго первоначала мы побывали въ Клинцахъ и въ Злынкѣ, потомъ навѣдались кое къ кому изъ своихъ въ Орлѣ, но полезнаго результата себѣ никакого не получили: нигдѣ хорошихъ изографовъ не находили, и такъ достигли Москвы. Но что скажу: оле тебѣ, Москва! оле тебѣ, древляго русскаго общества преславная царица! не были мы, старые вѣрители, и тобою утѣшены.

Не охота бы говорить, а нельзя премолчать, не тотъ мы духъ на Москвѣ встрѣтили, котораго жаждали. Обрѣли мы, что старина тутъ стоитъ уже не на добротолубіи и бла-

гочестіи. а на сдшоомъ упрямствѣ, и съ каждымъ днемъ, въ семь все болѣе и болѣе убѣждаясь, начали мы съ Левонтиемъ другъ друга стыдиться. ибо видѣли оба то, что мирному послѣдователю вѣры видѣть оскорбительно; но, однако, сами себя стыдися. мы о всемъ томъ другъ другу молчали.

Изюграфы, разумѣется. въ Москвѣ отыскались и весьма искусные. но что въ томъ пользы, когда все это люди не того духа. о каковомъ отеческія преданія повѣствуютъ? Встарь благочестивые художники, принимаясь за священное искусство. постились и молились и производили одинаково. что за большія деньги, что за малыя, какъ того честь возвышеннаго дѣла требуетъ. А эти каждый одному пишеть рефтью. а другому нефтью. на краткое время, а не въ долготу дней. грунта кладуть мѣловые, слабыя, а не лебастровые, и плавь лѣнотно сразу наводятъ. не какъ встарь наводили до четырехъ и даже до пяти плавей жидкой какъ вода краскою, отчего получалась та дивная нѣжность, цынѣ недостижимая. И помимо неаккуратности въ художествѣ, всѣ они сами разслабѣвши, всѣ другъ предъ другомъ величаются, а другого чтобъ унизить ни во что вмѣняють: или еще того хуже, шайками совокупясь, сообща хитрѣйшіе обманы дѣлають, собираются по трактирамъ и тутъ вино пьютъ и свое искусство хвалять съ кичливою надменностію, а другого ремесло богохульно называютъ «адошснымъ». а вокругъ ихъ всегда какъ воробыи за совами старьевщики, что разную иконописную старину изъ рукъ въ руки перепушаютъ. мѣняють, подмѣнивають, поддѣлываютъ доски, въ трубахъ копятъ, утлизну въ нихъ дѣлають и червоточину: изъ мѣди разныя створы по старому чеканному образцу отливають, амаль въ ветхозавѣтномъ рѣдѣ наводятъ; купели изъ тазовъ кують и на нихъ старинные шипаные орлы, какіе за Грознаго времена были, выставляютъ и продають неопытнымъ вѣрителямъ за настоящую грозновскую купель, хотя тѣхъ купелей не счесть сколько по Русн ходить, и все это обманъ и ложь безсовѣстные. Словомъ сказать, всѣ эти люди, какъ черныя цыгане лошадыи другъ друга обманываютъ, такъ и они святынею, и все это при такомъ съ оною обращеніи, что становится за нихъ стыдно и видишь во всемъ этомъ одинъ грѣхъ да соблазнъ и вѣрѣ поношеніе. Кто привычку къ

сему безстыдству усвоить, тому еще ничего, и изъ московскихъ охотниковъ многіе этою нечестною мѣною даже интересуются и хвалятся: что-де тотъ-то того-то такъ вотъ Деисусомъ надулъ, а этотъ этого вонъ какъ Николою огрѣлъ, или какимъ подлымъ манеромъ поддѣльную Владычицу еще подсунулъ: и все это имъ заростно, и другъ предъ другимъ одинъ противъ другого лучше нарохтятся какъ Божиимъ благословіемъ неопытныхъ вѣрителей морочить, но намъ съ Левой, какъ мы были простые деревенскіе богочтители, все это въ той степени непереносно показалось, что мы оба даже заскучали и напалъ на насъ страхъ:

«Неужто же, думаемъ, такова она къ этому времени стала наша злосчастная старая вѣра?» Но и я это думаю, и онъ, вижу, то же самое въ скорбномъ сердцѣ содержитъ, а другъ другу того не открываемъ, а только замѣчаю я, что мой отрокъ все ищетъ уединеннаго мѣста.

Вотъ я разъ гляжу на него, а самъ думаю: какъ бы онъ въ смущеніи чего недолжнаго не надумалъ? да и говорю:

— Что ты, Левонтій, будто чѣмъ закручинился?

А онъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ,—говорить,—дядя, ничего; это я такъ.

— Пойдемъ же, молъ, на Боженину улицу въ Эриванскій трактиръ изографовъ подговаривать. Нонѣ туда два обѣщали придти и древнихъ иконъ принести. Я уже одну вымѣнялъ, хочу нонѣ еще одну достать.

А Левонтій отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, сходи ты, дядюшка, одинъ, а я не пойду.

— Отчего же, говорю,—ты не пойдешь?

— А такъ, отвѣчаетъ:—мнѣ нонѣ что-то не по себѣ.

Ну, я его разъ не нужу и два не нужу, а на третій опять зову:

— Пойдемъ, Левонтыюшка, пойдемъ, молодчикъ.

А онъ умильно кланяется и проситъ:

— Нѣту, дядюшка, голубчикъ бѣлый: позволь мнѣ дома остаться.

— Да что же, молъ, Лева, пошелъ ты мнѣ въ содѣатели, а все дома да дома сидишь. Этакъ не велика мнѣ, голубчикъ, отъ тебя помощь.

А онъ:

— Ну, родненькій, ну, батечка, ну, Маркъ Александрычъ, государь, не зови меня туда, гдѣ ѣдятъ да пьютъ и не-

складныя рѣчи о святынѣ говорятъ, а то меня соблазнъ обдержатъ можетъ.

Это его было первое сознательное слово о своихъ чувствахъ и оно меня въ самое сердце поразило, но я съ нимъ не сталъ спорить, а пошелъ одинъ, и имѣлъ я въ этотъ вечеръ большой разговоръ съ двумя изографами и получилъ отъ нихъ ужасное огорченіе. Сказать страшно, что они со мною сдѣлали! Одинъ мнѣ икону промѣнялъ за сорокъ рублей и ушелъ, а другой говоритъ:

— Ты гляди, человѣче, этой иконѣ не покланяйся.

Я говорю:

— Почему?

А онъ отвѣчаетъ:

— Потому что она адописная,—да съ этимъ колупнулъ ногтемъ, а съ уголка слой письма такъ и отскочилъ и подъ нимъ на грунту чортикъ съ хвостомъ нарисованъ! Онъ въ другомъ мѣстѣ скovyрнулъ письмо, а тамъ подъ низомъ опять чортикъ.

— Господи!—заплакалъ я:—да что же это такое?

— А то,—говоритъ:—что ты не ему, а мнѣ закажи.

И увидалъ уже я тутъ ясно, что они одна шайка и норовятъ со мною нехорошо поступить, не по чести, и, покинувъ имъ икону, ушелъ отъ нихъ съ полными слезъ глазами, славя Бога, что не видалъ того мой Левонтій, вѣра котораго находилась въ бореніи. Но только подхожу домой и вижу въ окнахъ нашей горенки, которую мы нанмали, свѣту нѣтъ, а между тѣмъ, оттуда тонкое нѣжное пѣніе льется. Я сейчасъ узналъ, что это поетъ пріятный Левонтиевъ голосъ и поетъ съ такимъ чувствомъ, что всякое слово будто въ слезахъ купается. Вошелъ я тихонько, чтобъ онъ не слышать, сталъ у дверей и слушаю, какъ онъ Іосифовъ плачъ выводитъ:

«Кому повѣмъ печаль мою,
Кого призову ко рыданію».

Стихъ этотъ, если его изволите знать, и безъ того столь жалостный, что его спокойно слушать невозможно, а Левонтій его поетъ да самъ плачетъ и рыдаетъ, что

«Продаша мя мои братія!»

И плачетъ, и плачетъ онъ, воспѣвая, какъ видитъ гробъ своей матери, и зоветъ землю къ вопленію за братскій грѣхъ!..

Слова эти всегда могут человѣка взволновать, а особенно меня въ ту пору, какъ я только бѣжалъ отъ братогрызцевъ, они меня такъ растрогали, что я и самъ захлипалъ, а Левонтіи, услыхавъ это, смолкъ и зоветъ меня:

— Дядя! а дядя!

— Что,—говорю:—добрый молодецъ?

— А знаешь ли ты,—говорить:—кто это панна мать, про которую тутъ поется?

— Рахиль,—отвѣчаю.

— Нѣтъ,—говорить:—это въ древности была Рахиль, а теперь это таинственно надо понимать.

— Какъ же,—спрашиваю,—таинственно?

— А такъ,—отвѣчаетъ:—что это слово съ преобразованіемъ сказано.

— Ты,—говорю:—смотри, дитя: не опасно ли ты умствуешь?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ:—я это въ сердцѣ моемъ чувствую, что преступеть-бо-ся Спасъ насъ ради того, что мы Его едиными усты и единымъ сердцемъ не ищемъ.

Я еще пуще испугался, къ чему онъ стремится, и говорю:

— Знаешь что, Левонтыюшко: пойдѣмъ-ко мы отсюда скорѣе изъ Москвы въ нижегородскія земли, изографа Севастьяна поищемъ, онъ нонѣ, я слышалъ, тамъ ходитъ.

— Что же: пойдѣмъ,—отвѣчаетъ:—здѣсь на Москвѣ меня какой-то нужный духъ больно нудитъ, а тамъ лѣса, повѣтріе чище и тамъ, говоритъ, я слыхалъ, есть старецъ Памва, анахоритъ совсѣмъ беззавистный и безгнѣвный, я бы его узрѣть хотѣлъ.

— Старецъ Памва,—отвѣчаю со строгостию:—господствующей церкви слуга, что намъ на него смотрѣть?

— А что же,—говорить:—за бѣда, я для того и хотѣлъ бы его видѣть, дабы внять, какова господствующей церкви благодать.

Я его понуялъ, «какая тамъ, говорю, благодать», а самъ чувствую, что онъ меня правѣе, потому что онъ жаждетъ испытывать, а я чего не вѣдаю, то отвергаю, но упорствую на своемъ противленіи и говорю ему самые пустяки.

— Церковные,—говорю:—и на небо смотрятъ не съ вѣрою, а въ Аристотилевы врата глядятъ и путь въ морѣ по звѣздѣ языческаго бога Ремфана опредѣляютъ; а ты съ ними въ одну точку смотрѣть захотѣлъ?

А Левонтій отвѣчаетъ:

— Ты, дядя, баснишь: никакого бога Ремфана не было и нѣтъ, а вся единою Премудростію создано.

Я отъ этого словно еще глупѣе сталъ и говорю:

— Церковные кофій пьютъ!

— А что за бѣда, — отвѣчаетъ Левонтій: — кофій бобъ, онъ былъ Давиду царю въ дарахъ принесенъ.

— Откуда, — говорю: — ты это все знаешь?

— Въ книгахъ, — говоритъ: — читаль.

— Ну, такъ знай же, что въ книгахъ не все писано.

— А чтò, — говоритъ: — тамъ еще не написано?

— Чтò? чтò не написано? — А самъ вовсе уже не знаю, что сказать, да брякнулъ ему:

— Церковное, — говорю: — зайцевъ ѣдятъ, а заяцъ поганый.

— Не погань, — говоритъ: — Богомъ созданнаго, это грѣхъ.

— Какъ, — говорю: — не поганить зайца, когда онъ поганый, когда у него ослий складъ и мужеженское естество и онъ рождаетъ въ челоуѣкѣ густую и меланхолическую кровь?

Но Левонтій засмѣялся и говоритъ:

— Спи, дядя, ты невѣгласы глаголешь!

Я, признаюсь вамъ, тогда еще ясно не разгадалъ, чтò такое въ душѣ сего благодатнаго юноши дѣлалось, но самъ очень обрадовался, что онъ больше говорить не хочетъ, ибо я и самъ понималъ, что я въ сердцахъ не вѣсть что говорю, и умолкъ я и лежу да только думаю:

«Нѣтъ; это въ немъ такое сомнѣніе отъ тоски стало, а вотъ завтра поднимемся и пойдемъ, такъ оно все въ немъ разсѣется»; но про всякій же случай я себѣ на умъ положилъ, что буду съ нимъ нѣкое время идти молча, дабы показать ему, что я какъ будто очень на него сержусь.

Но только въ волеураціи характеръ мой нѣтъ совсѣмъ этой крѣпости, чтобы притворяться сердитымъ, и мы скоро же опять начали съ Левонтіемъ говорить, но только не о Божествѣ, потому что онъ былъ сильно противъ меня начитавшись, а объ окрестности, къ чему ежечасный предлогъ подавали виды огромныхъ, темныхъ лѣсовъ, которыми шелъ путь нашъ. Обо всемъ этомъ своемъ московскомъ разговорѣ съ Левонтіемъ я старался позабыть и рѣшилъ наблюдать только одну осторожность, чтобы намъ съ нимъ

какъ-нибудь не набѣжать на этого старца Памву анахорита, которымъ Левонтій прельщался и о которомъ я самъ слыхалъ отъ церковныхъ людей непостижимыя чудеса про его высокую жизнь.

«Но, думаю себѣ, чего тутъ много печалиться, ужь если я отъ него бѣжать стану, такъ онъ же самъ насъ не обрѣтетъ!»

И идемъ мы опять мирно и благополучно, и, наконецъ, достигши извѣстныхъ предѣловъ, добыли слухъ, что изографъ Севастьянъ точно въ здѣшнихъ мѣстахъ ходитъ, и пошли его искать изъ города въ городъ, изъ села въ село, и вотъ-вотъ совсѣмъ по его свѣжему слѣду идемъ, совсѣмъ его достигаемъ, а никакъ не достигнемъ. Просто какъ сворные псы бѣжимъ, по двадцати, по тридцати версть переходы безъ отдыха дѣлаемъ, а придемъ, говорятъ:

— Былъ онъ здѣсь, былъ, да вотъ-вотъ всего съ часъ назадъ ушелъ!

Бросимся влѣдъ, не настагаемъ!

И вотъ вдругъ на одномъ такомъ переходѣ мы съ Левонтиемъ и заспорили: я говорю «намъ надо идти направо», а онъ споритъ: «налѣво», и, наконецъ, чуть было меня не переспорилъ, но я на своемъ пути настоялъ. Но только шли мы, шли, и, наконецъ, вижу, не знаю куда зашли и нѣтъ дальше ни тропы, ни слѣду.

Я говорю отроку:

— Пойдемъ, Лева, назадъ!

А онъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, не могу я, дядя, больше идти, — силъ моихъ нѣтъ.

Я всхлопотался и говорю:

— Что тебѣ, дитятко?

А онъ отвѣчаетъ:

— Развѣ,—говорить:—ты не видишь, меня отрясовица бьетъ?

И вижу точно, весь онъ трясется и глаза блуждаютъ. И какъ все это, милостивые государи, случилось вдругъ! Ни на что не жаловался, шелъ бодро и вдругъ сѣлъ въ лѣску на траву, а головку положилъ на избутъый пенъ и говоритъ:

— Ой, голова моя, голова! ай, горитъ моя голова огнемъ-пламенемъ! Не могу я идти: не могу больше шагу

ступити!—а самъ, бѣдняга, даже къ землѣ клонится, падаетъ.

А дѣло подѣ вечеръ.

Ужасно я испугался, а пока мы тутъ подождали, не облегчить ли ему недугъ, стала ночь; время осеннее, темное, мѣсто незнакомое, вокругъ однѣ сосны и ели могучія, какъ аркефовы дерева, а отрочѣ просто помираетъ. Что тутъ дѣлать! Я ему со слезами говорю:

— Левушка, батюшка, поневоляся, авось до ночлежка дойдемъ.

А онъ клонитъ головушку, какъ скошенный цвѣтокъ, и словно во снѣ бредитъ:

— Не тронь меня, дядя Марко; не тронь и самъ не бойся.

Я говорю:

— Помилуй, Лева, какъ не бояться въ такой глуши непробудной.

А онъ говоритъ:

— Не спиай и бдѣй сохранить.

Я думаю: «Господи! что это съ нимъ такое?» А самъ въ страхѣ все-таки сталъ прислушиваться, и слышу по лѣсу вдалькъ что-то словно потрескиваетъ... Владыко многомилостиве! думаю, это вѣрно звѣрь, и сейчасъ онъ насъ ратерзаетъ! И уже Левонтія не зову, потому что вижу, что онъ точно самъ изъ себя куда-то излетѣлъ и вѣтаетъ, а только молюсь: Ангеле Христовъ, соблюди насъ въ сей страшный часъ! А трескъ-отъ ближе и ближе слышится, и вотъ-вотъ уже совсѣмъ подходитъ... Здѣсь я долженъ вамъ, господа, признаться въ великой своей низости: такъ я оробѣлъ, что покинулъ больного Левонтія на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ, да самъ бѣлки проворнѣе на дерево вскочилъ, вынулъ сабельку и сижу на суку да гляжу, что будетъ, а зубами, какъ пуганый волкъ, такъ и ляскаю... И вдругъ-съ замѣчаю я во тьмѣ, къ которой глазъ мой приглядѣлся, что изъ лѣсу выходитъ что-то по началу совсѣмъ безвидное,—не разобрать, звѣрь или разбойникъ, но сталъ приглядываться и различаю, что и не звѣрь, и не разбойникъ, а очень небольшой старичокъ въ колпачкѣ, и видно мнѣ даже, что въ поясу у него топоръ заткнутъ, а на спицѣ большая вязанка дровъ, и вышелъ онъ на поляночку; подышалъ, подышалъ часто воздухомъ, точно со всѣхъ сторонъ повѣтріе собиралъ, и вдругъ сбросилъ на землю вязанку и, точно почувявъ челоуѣка, идетъ прямо къ моему

товарищу. Подошелъ, нагнулся, посмотрѣлъ въ лицо и взялъ его за руку, да и говорить:

— Встань, брате!

И что же вы изволите думать? вижу я, поднялъ онъ Левонтія и ведетъ прямо къ своей вязаночкѣ и взвалилъ ее ему на плечи и говорить:

— Понеси-ко за мною!

А Левонтій и понесъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Можете себѣ, милостивые государи, представить, какъ я такого дива долженъ былъ испугаться! Откуда этотъ повелительный тихій старичокъ взялся и какъ это мой Лева сейчасъ точно смерти былъ привержень и головы не могъ поднять, и опять сейчасъ уже вязанку дровъ несетъ!

Я скорѣе соскочилъ съ дерева, сабелку на бечевѣ за спину забросилъ, а сломать про всякій случай здоровую лѣторосль понадежнѣе, да за ними, и скоро ихъ настигъ и вижу: старичокъ впереди грядетъ и какъ разъ онъ точно такой же какъ мнѣ съ перваго взгляда показался: маленькій и горбатенькій; а борода по сторонамъ клочечками, какъ мыльная пѣна бѣлая, а за нимъ мой Левонтій идетъ, слѣдомъ въ слѣдъ его ноги бодро понадаетъ и на меня смотреть. Сколько я къ нему ни заговаривалъ и рукою его ни трогалъ, онъ и вниманія на меня не обратилъ, а все будто во снѣ идетъ.

Тогда я подбѣжалъ сбоку къ старичку и говорю:

— Доброчестный человекъ!

А онъ отзывается:

— Что тебѣ?

— Куда ты насъ ведешь?

— Я,—говоритъ:—никого никуда не веду, всѣхъ Господь ведетъ!

И съ этимъ словомъ вдругъ остановился: и я вижу, что предъ нами низенькая стѣнка и ворота, а въ воротахъ продѣлана малая дверка, и въ эту дверку старичокъ началъ стучаться и зоветь:

— Брате Миронъ! а брате Миронъ!

А оттуда дерзый голосъ грубо отвѣчаетъ:

— Опять ночью притащился. Ночуй въ лѣсу! Не пуцу!

Но старичокъ опять давай проситься, молить ласково:

— Впусти, брате!

Тотъ дерзый вдругъ отчинилъ дверь, и вижу я это человекъ тоже въ такомъ же кошагѣ, какъ и старичокъ, но только суровый-пресуровый грубитель, и не успѣлъ старичокъ ноги перенести черезъ порогъ, какъ онъ его такъ толкнулъ, что тотъ мало не обрушился, и говоритъ:

— Спаси тебя Богъ, брате мой, за твою услугу.

«Господи! помышляю, куда это мы попали», и вдругъ какъ молонья меня освѣтила и поразила.

«Спасе премоисердый!» взгадалъ я, «да ужъ это не Памва ли безгнѣвный! Такъ лучше же бы, думаю, я въ дебри лѣсной погибъ или къ звѣрю, или къ разбойнику въ берлогу зашелъ, чѣмъ къ нему подъ кровъ».

И чуть онъ ввелъ насъ въ маленькую какую-то хибарочку и зажегъ воску желтаго свѣчу, я сейчасъ догадался, что мы, дѣйствительно, въ лѣсномъ скитѣ, и, не стерпѣвъ дальше, говорю:

— Прости, благочестивый человекъ, спрошу я тебя: гѣже ли намъ съ товарищемъ оставаться здѣсь, куда ты привелъ насъ?

А онъ отвѣчаетъ:

— Вся Господня земля и благословенны вси живущіе,— ложись, спи!

— Нѣтъ, позволь,—говорю:—тебѣ объявиться, вѣдь мы по старой вѣрѣ.

— Всѣ,—говоритъ:—уды одинаго тѣла Христова! Онъ всѣхъ соберетъ!

И съ этимъ подвелъ насъ къ уголку, гдѣ у него на полу сдѣлана скудная рогозина постелька, а въ возглавіи древесный круглякъ соломкой прикрытъ, и опять уже обоимъ намъ молить:

— Спи!те!

И что же? Левонтіи мой, какъ послушенствующій отрокъ, сейчасъ и повалился, а я, свое опасеніе наблюдая, говорю:

— Прости, Божій человекъ, еще одно вопрошеніе...

Онъ отвѣчаетъ:

— Что вопрошать: Богъ все знаетъ.

— Нѣтъ, скажи,—говорю:—миѣ: какъ твое имя?

А онъ, какъ совсѣмъ бы ему не соответствовало, бабственною погудкою говоритъ:

— Зовутъ меня зовуткою, а величаютъ уткою, и съ этими пустыми словами попользъ было со свѣчечкою въ какой-то малый чуланъ, тѣсный какъ дощатый гробикъ, но изъ-за стѣны на него тотъ дерзый вдругъ опять закричалъ:

— Не смѣй огня жечь: келью сожжешь, по книжкѣ днемъ намолишься, а теперь впотьмахъ молись!

— Не буду,—отвѣчаетъ:—brate Миронъ, не буду. Спаси тебя Богъ!

И задулъ свѣчку.

Я шепчу:

— Отче! кто это на тебя такъ грубоительно грозитъ?

А онъ отвѣчаетъ:

— Это служба мой, Миронъ... добрый человѣкъ, онъ блюдетъ меня.

«Ну, шабашъ! думаю, это анахоритъ Памва! Никто это другой, какъ онъ, и беззавистный, и безгнѣвный. Вотъ когда бѣда! обрящель онъ насъ и теперь ислить насъ какъ гангрена жиръ; одно только оставалось, чтобы завтра рано на зарѣ восхитить отсюда Левонтія и бѣжать отсюда такъ, чтобы онъ не зналъ, гдѣ мы были». Держа этотъ планъ, я положилъ не спать и блюсти первый просвѣтъ, чтобы возбудить отрока и бѣжать.

А чтобы не заснуть и не проспять, лежу да твержу: «Вѣрую» какъ должно по-старому, и какъ протвержу разъ, сейчасъ причитаю «сія вѣра апостольская, сія вѣра каоолическая, сія вѣра вселенную утверди» и опять начинаю. Не знаю, сколько разъ я эту «Вѣрую» прочелъ, чтобы не заснуть, но только много; а старичокъ все въ своемъ гробѣ молится, и мнѣ оттуда сквозь пазы тесинъ точно свѣтъ кажетъ и видно какъ онъ кланяется, а потомъ вдругъ будто началъ слышаться разговоръ, и какой... самый необъяснимый, будто вошелъ къ старцу Левонтій, и они говорятъ о вѣрѣ, но безъ словъ, а такъ смотрятъ другъ на друга и понимаютъ. И это долго мнѣ такъ представлялось, я уже «Вѣрую» позабылъ твердить, а слушаю, какъ будто старецъ говоритъ отроку: «поди, очистишь», а тотъ отвѣчаетъ «и очинусь». И теперь вамъ не скажу, все это было во снѣ, или не во снѣ, но только я потомъ еще долго спалъ и, наконецъ, просыпаюсь и вижу: утро, совсѣмъ свѣтло, и оный старецъ, хозяинъ нашъ, анахоритъ сидитъ и свайкою лы-

ковый лапѣтокъ на колѣняхъ ковыряетъ. Я сталъ въ него всматриваться.

Ахъ, сколь хороши! ахъ, сколь духовенъ! Точно ангель предо мною сидитъ и лапѣтки плететъ, для простаго себя міру явленія.

Гляжу я на него и вижу, что и онъ на меня смотритъ и улыбается, и говоритъ:

— Полно, Маркъ, спать, пора дѣло дѣлать.

Я отзываюсь:

— Какое же, боготечный мужъ, мое дѣло? Или ты все знаешь?

— Знаю,—говоритъ:—знаю. Когда же человекъ далекий путь безъ дѣла творить? Всѣ, брате, всѣ пути Господняго ищутъ. Помогай Господь твоему смиренію, помогай!

— Какое же,—говорю:—святой человекъ, мое смиреніе?—ты смиренъ, а мое чѣ за смиреніе въ суетѣ!

А онъ отвѣчаетъ:

— Ахъ, нѣтъ, брате, нѣтъ, я не смиренъ: я великій дерзостникъ, я себѣ въ небесномъ царствѣ части желаю.

И вдругъ, сознавъ сіе преступленіе, сложилъ ручки и, какъ малое дитя, заплакалъ.

— Господи!—молится,—не прогнѣвайся на меня за сію волевражность: пошли меня въ преисподнѣйшій адъ и поведи демонамъ меня мучить, какъ я того достоинъ!

«Ну, думаю, нѣтъ: слава Богу, это не Памва прозорливый анахоритъ, а это просто какой-то умоповрежденный старецъ». Разсудилъ я такъ потому, что кто же въ здоровомъ умѣ небеснаго царства можетъ отрицаться и молить, дабы послалъ его Господь на мученіе демонамъ? Я этакого хотѣнія во всю жизнь ни отъ кого не слыхалъ и, считая оное за безуміе, отворотился отъ старцева плача, считая оный за скорбь демоноговѣйную. Но, наконецъ, разсуждаю: что же это я лежѹ, пора вставать, но только вдругъ гляжу, отворяется дверь и входитъ мой Левонтій, про котораго я точно совсѣмъ позабылъ. И какъ онъ вошелъ, сейчасъ старцу въ ноги и говоритъ:

— Я, отецъ, все совершилъ: теперь благослови!

А старецъ посмотрѣлъ на него и отвѣчаетъ:

— Миръ ти: почій!

И мой отрокъ, гляжу, опять ему въ землю поклонился и вышелъ, а анахоритъ опять сталъ свой лапѣтокъ плести.

Тутъ я сразу вскочилъ и думаю:

«Нѣтъ: пойду скорѣе возьму Лева и утечемъ отсюда безъ оглядки!» и съ тѣмъ выхожу въ малыя сѣнчки и вижу, что мой отрокъ лежитъ тутъ на дощаной скамѣ безъ главія, навзничъ и ручки на груди сложилъ.

Я, чтобы не подать ему виду тревоги, гласно спрашиваю:

— Не знаешь ли ты, гдѣ я зачерпну себѣ воды, чтобы лицо умыть?—а шопотомъ шепчу ему:—Богомъ живымъ тебя заклинаю, скорѣе отсюда пойдемъ!

Но всматриваюсь въ него и вижу, что Лева не дышитъ... Отошелъ!.. Умеръ!..

Взвѣлъ я не своимъ голосомъ:

— Памва! отецъ Памва, ты убилъ моего отрока!

А Памва вышелъ потихоньку на порогъ и говоритъ съ радостію:

— Улетѣлъ нашъ Лева!

Меня даже зло взяло.

— Да,—отвѣчаю сквозь слезы:—онъ улетѣлъ. Ты изъ него душу, какъ голубя изъ клѣтки, выпустилъ!—и повергшись къ ногамъ усопшаго, стоналъ я и плакалъ надъ нимъ даже до вечера, когда яриши изъ монастырька иноки, опрятали его мощи, положили въ гробъ и понесли, такъ какъ онъ симъ утромъ, пока я нетягъ спалъ, къ церкви присоединился.

Ни одного слова я болѣе отцу Памвѣ не сказалъ, да и что бы я могъ ему сказать: согруби ему—онъ благословить, прибѣй его—онъ въ землю поклонится, неодолимъ сей челоуѣкъ съ такимъ смиреніемъ! Чего онъ утрашится, когда даже въ адъ самъ просится? Нѣтъ; недаромъ я его трепеталъ и опасался, что истлѣтъ онъ насъ, какъ гангрена жирь. Онъ и демоновъ-то всѣхъ своимъ смиреніемъ изъ ада разгонитъ, или къ Богу обратитъ! Они его станутъ мучить, а онъ будетъ просить: «жоще терзайте, ибо я того достоинъ». Нѣтъ, нѣтъ! Этого смиренія и сатанѣ не выдержать! онъ всѣ руки о него обколотитъ, всѣ когти обдеретъ и самъ свое безсиліе постигнетъ предъ Содѣтелемъ, такую любовь создавшимъ, и устыдится Его.

Такъ я себѣ и порѣшилъ, что сей старецъ съ лапоткомъ аду на погибель созданъ! и всю ночь по лѣсу бродячи, не знаю отчего вдаль не иду, а все думаю:

«Какъ же онъ молится, какимъ образомъ и по какимъ книгамъ?»

И вспоминаю, что я не видалъ у него ни одного образа, окромѣ креста изъ палочекъ, лычкомъ визаннаго, да не видалъ и толстыхъ книгъ...

«Господи! дерзаю разсуждать: если только въ церкви два такіе человѣка есть, то мы пропали, ибо сей весь любовью одушевленъ».

И все я о немъ думалъ и думалъ и вдругъ передъ утромъ началъ жадать хотъ на минуту его предъ отходомъ отсюда видѣнія.

И только что я это помыслить, вдругъ опять слышу, опять такой самый трескотъ, и отецъ Памва опять выходитъ съ топоромъ и съ вязанкою дровъ и говоритъ:

— Что долго медлишь? Поспѣшай Вавилонъ строить?

Мнѣ это слово показалось очень горько и я сказалъ:

— За что же ты меня, старче, такимъ словомъ упрекаешь: я никакого Вавилона не строю и отъ вавилонской мерзости особлюсь.

А онъ отвѣчаетъ:

— Что есть Вавилонъ? столпъ киченія; не кичись правдою, а то Ангель отступится.

— Я говорю: отче, знаешь ли, зачѣмъ я хожу? И разсказалъ ему все наше горе. А онъ все слушалъ, слушалъ и отвѣчаетъ:

— Ангель тихъ, Ангель кротокъ, во что ему повелитъ Господь, онъ въ то и одѣется; что ему укажетъ, то онъ сотворитъ. Вотъ Ангель! Онъ въ душѣ человѣчей живетъ, суемудріемъ запечатлѣнъ, но любовь сокрушитъ печаль...

И съ тѣмъ вижу онъ удаляется отъ меня, а я отворотить глазъ отъ него не могу и, преодольтъ себя будучи не въ состояніи, палъ и вслѣдъ ему въ землю поклонился, а поднимаю лицо и вижу, его уже нѣтъ, или за древа зашелъ, или... Господь знаетъ куда дѣлся.

Тутъ я сталъ перебирать въ умѣ его слова, что такое: Ангель въ душѣ живетъ, но запечатлѣнъ, а любовь освободитъ его, да вдругъ думаю: «А что если онъ самъ Ангель, и Богъ повелитъ ему въ иномъ видѣ явиться мнѣ: я умру какъ Левонтій!» Взгадавъ это, я, самъ не помню, на какомъ-то пенекѣ переплылъ черезъ рѣчонку и ударился бѣжать: шестьдесятъ верстъ безъ остановки ушелъ, все въ страхѣ, думая не Ангела ли я это видѣлъ, и вдругъ захожу въ одно село и нахожу здѣсь изографа Севастьяна. Сразу

мы съ нимъ обо всемъ переговорили и положили, чтобы завтра же ѣхать, но поладили мы холодно и ѣхали еще холоднѣе. А почему? Разъ потому, что изографъ Севастьянъ былъ человѣкъ задумчивый, а еще того болѣе потому, что самъ я не тотъ сталъ: виталъ въ душѣ моей анахоритъ Памва, и уста шептали слова пророка Исаи, что «духъ Божій въ ноздрѣхъ человѣка сего».

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Обратное подорожіе мы съ изографомъ Севастьяномъ отбыли скоро и, прибывъ къ себѣ на постройку ночью, застали здѣсь все благополучно. Повидавшись съ своими, мы сейчасъ же появились и англичанину Якову Яковлевичу. Тотъ, любопытный этакой, сейчасъ же заинтересовался изографа видѣть и все ему на руки его смотрѣлъ да плечью пожималъ, потому что руки у Севастьяна были большущія какъ грабли и черныя, поеліку и самъ онъ былъ видомъ какъ цыганъ черенъ. Яковъ Яковлевичъ и говоритъ:

— Удивляюсь я, братецъ, какъ ты такими ручищами можешь рисовать?

А Севастьянъ отвѣчаетъ:

— Отчего же? Чѣмъ мои руки несоотвѣтственны?

— Да тебѣ,—говоритъ:—что-нибудь мелкое ими не вывести.

Тотъ спрашиваетъ:

— Почему?

— А потому, что гибкость состава перстовъ не позволить.

А Севастьянъ говоритъ:

— Это пустяки! Развѣ персты мои могутъ мнѣ на что-нибудь позволять или не позволять? Я имъ господинъ, а они мнѣ слуги и мнѣ повинуются.

Англичанинъ улыбается.

— Значитъ ты,—говоритъ:—намъ запечатлѣннаго Ангела подведешь?

— Отчего же,—отвѣчаетъ:—я не изъ тѣхъ мастеровъ, которые дѣла боятся, а меня самого дѣло боятся; такъ подведу, что и не отличите отъ настоящей.

— Хорошо,—молвилъ Яковъ Яковлевичъ:—мы немедля же станемъ стараться настоящую икону достать, а ты тѣмъ

часомъ, чтобъ увѣрить меня, докажи мнѣ свое искусство: напиши ты моеѣ женѣ икону въ древне-русскомъ родѣ и такую, чтобъ ей нравилась.

— Какое же во-имя?

— А ужъ этого я,—говорить:—не знаю; что знаешь, то и напиши, это ей все равно, только чтобы нравилась.

Севастьянъ подумалъ и вопрошаетъ:

— А о чемъ ваша супруга болѣе Богу молится?

— Не знаю, — говоритъ: — другъ мой; не знаю о чемъ, но, я думаю, вѣрнѣе всего о дѣтяхъ, чтобъ изъ дѣтей честные люди вышли.

Севастьянъ опять подумалъ и отвѣчаетъ:

— Хорошо-сь, я и подъ этотъ вкусъ потрафлю.

— Какъ же ты потрафишь?

— Такъ изображу, что будетъ созерцательно и усугубленію молитвеннаго духа супруги вашей благопріятно.

Англичанинъ вѣтъль ему дать всѣ удобства у себя на вышкѣ, но только Севастьянъ не сталъ тамъ работать, а сѣлъ у окошечка на чердачкѣ надъ Луки Кириллова горенкой и началъ свою акцію.

И что же онъ, государи мои, сдѣлалъ, чего мы и вообразить не могли. Какъ шло дѣло о дѣтяхъ, то мы думали, что онъ изобразитъ Романа чудотворца, коему молятся отъ неплодія, или избіеніе младенцевъ въ Иерусалимѣ, что всегда матерямъ, потерявшимъ чадъ, бываетъ пріятно, ибо тамъ Рахиль съ ними плачетъ о дѣтяхъ и не хочетъ утѣшиться; но сей мудрый изографъ, сообразивъ, что у англичанки дѣти есть и она льетъ молитву не о дарованіи ихъ, а объ оправданіи ихъ нравственности, взялъ и совсѣмъ иное написалъ, къ цѣлямъ ея еще болѣе соотвѣтственное. Избралъ онъ для сего старенькую самую небольшую досточку пядницу, то-есть въ одну ручную пядь величины, и началъ на ней таланствовать. Прежде всего онъ ее разумѣется, добре вылевкасилъ крѣпкимъ казанскимъ алебастромъ, такъ что сталъ этотъ левкасъ гладокъ и крѣпокъ какъ слоновья кость, а потомъ разбилъ на ней четыре ровныя мѣста и въ каждомъ мѣстѣ обозначилъ особливую малую икону, да еще ихъ стѣснилъ тѣмъ, что промежду нихъ на олифѣ золотомъ каймы положилъ, и сталъ писать: въ первомъ мѣстѣ написалъ рождество Іоанна Предтечи, восемь фигуръ и поворожденное дитя, и палаты;

во второмъ — рождество Пресвятыя Владычицы Богородицы, шесть фигуръ и новорожденное дитя, и палаты; въ третьемъ — Спасово пречистое рождество, и хлѣвъ, и ясли, и предстоящія Владычица и Иосифъ, и припадшіе боготечныя волхвы, и Соломія баба, и скоть всякимъ подобіемъ: волы, овцы, козы и осли, и сухолапль птица, жидамъ запрещенная, коя пишется въ означеніе, что идетъ сіе не отъ жидовства, а отъ Божества, все создавашаго. А въ четвертомъ отдѣленіи рождене Николая Угодника, и опять тутъ и святой угодникъ въ младенчествѣ, и палаты, и многіе предстоящія. И что тутъ былъ за смыслъ, чтобы видѣть предъ собою воспитателей столь добрыхъ чадъ, и что за художество, всѣ фигурки ростомъ въ булавочку, а вся ихъ одушевленность видна и движеніе. Въ богородничномъ рождествѣ, напримѣръ, святая Анна, какъ по греческому подлиннику назначено, на одрѣ лежитъ, предъ нею дѣвѣцы тимпанницы стоятъ, и однѣ держатъ дары, а инныя солнечникъ, инныя же свѣщи. Едина жена держитъ святую Анну подъ плечи; Іоакимъ зрѣтъ въ верхнія палаты; баба святую Богородицу омываетъ въ купели до пояса: посторонн дѣвица льетъ изъ сосуда воду въ купель. Палаты всѣ разведены по циркулю, верхняя призелень, а нижняя бокань, и въ этой нижней палатѣ сидитъ Іоакимъ и Анна на престолѣ, и Анна держитъ Пресвятую Богородицу, а вокругъ между палатъ столбы каменные, запоны червленныя, а ограда бѣла и вохряна... Дивно, дивно все это Севастьянъ изобразилъ, и въ премельчайшемъ каждомъ личикѣ все богозрительство выразилъ и надписалъ образъ «Доброчадіе» и принесъ англичанамъ. Тѣ глянули, стали разбирать, да и руки врозь: никогда, говорятъ, такой фантазін не ожидали и такой тонкости мелкоскопическаго письма не слыхивали, даже въ мелкоскопъ смотрять, и то никакой ошибки не находятъ, и дали они Севастьяну за икону двѣсти рублей и говорятъ:

— Можешь ли ты еще мельче выразить?

Севастьянъ отвѣчаетъ:

— Могу.

— Такъ скопируй мнѣ, — говорятъ: — въ перстень женинъ портретъ.

Но Севастьянъ говоритъ:

— Нѣтъ, вотъ ужъ этого я не могу.

— А почему?

— А потому,—говорить:—что, во-первыхъ, я этого искусства не пробоваль, а повторительно, я не могу для него своего художества унизить, дабы отеческому осужденію не подпасть.

— Что за вздоръ такой!

— Никакъ нѣтъ,—отвѣчаетъ:—это не вздоръ, а у насъ есть отеческое постановленіе отъ благихъ временъ, и въ патриаршей грамотѣ подтверждается: «аще убо кто на таковое святое дѣло, еже есть иконное воображеніе, сподобится, то тому изряднаго жителства изографу ничего, кромѣ святыхъ иконъ, не писать!»

Яковъ Яковлевичъ говоритъ:

— А если я тебѣ пятьсотъ рублей дамъ за это?

— Хоть и пятьсотъ тысячъ обѣщайте, все равно, при васъ онѣ останутся.

Англичанинъ просіялъ и шутя говоритъ женѣ:

— Какъ это тебѣ нравится, что онъ твое лицо писать считаетъ для себя за униженіе?

А самъ ей по-аглички прибавляетъ: «охъ, моль, гуть карахтеръ». Но только молвилъ въ концѣ:

— Смотрите же, братцы, теперь мы беремъ все дѣло шабашить, а у васъ, я вижу, на все свои правила, такъ чтобы не было упущено или позабыто чего-нибудь такого, что всему помѣшать можетъ.

Мы отвѣчаемъ, что ничего такого не предвидимъ.

— Ну, такъ смотрите,—говорить:—я начинаю,—и онъ поѣхалъ ко владыкѣ съ просьбою, что хочеть-де онъ поусердствовать, на запечатлѣнномъ Ангелѣ ризу позолотить и вѣнецъ украсить. Владыко на это ему ни то, ни се: ни отказываетъ, ни приказываетъ; а Яковъ Яковлевичъ не отстаетъ и домогаетъ; а мы уже ждемъ, что порохъ огня.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

При семъ позвольте вамъ, господа, напомнить, что съ тѣхъ поръ, какъ это дѣло началось, время прошло не мало, и на дворѣ стояло Спасово Рождество. Но вы не числите тамоннее Рождество наравнѣ со здѣшнимъ: тамъ время бываетъ съ капризцемъ, и одинъ разъ справляетъ этотъ праздникъ по зимнему, а въ другой разъ не вѣсть по какому: дождить, мокнеть; одинъ день слегка морозцемъ постынетъ,

а на другой опять растворить; рѣку то ледкомъ засалить. то вспучить и несетъ крыги какъ будто въ весеннюю половодь... Однимъ словомъ, самое непостоянное время, и какъ по тамошнему мѣсту зовется уже не погода, а просто *халепна*, такъ оно ей и пристало халепой быть.

Въ тотъ годъ, къ коему рассказъ мой клонитъ, непостоянство это было самое досадительное. Пока я вернулся съ изографомъ, я не могу вамъ и перечислить, какое число разъ наши то на зимнемъ, то на лѣтнемъ положеніи себя поставляли. А время было, по работѣ глядя, самое горячее, потому что уже у насъ всѣ семь быковъ были готовы и съ одного берега на другой цѣпи переносились. Хозяевамъ, разумѣется, какъ можно скорѣе хотѣлось эти цѣпи соединить, чтобы на нихъ къ половодью хотъ какой-нибудь временной мостикъ подвѣсить для доставки матеріала, но это не удалось: только цѣпи перетянули, жамкнувъ такой морознице, что мостить нельзя. Такъ и осталось; цѣпи однѣ висятъ, а моста нѣтъ. Зато создалъ Богъ другой мостъ: рѣка стала, и нашъ англичанинъ поѣхалъ по льду за Днѣпръ хлопотать о нашей иконѣ и оттуда возвращается и говорить мнѣ съ Лукою:

— Завтра,—говоритъ:—ребята, ждите, я вамъ ваше сокровище привезу.

Господи, чтò только мы въ эту пору почувствовали! Хотѣли было сначала тайнствовать и одному изографу сказать, но утерпѣть ли сердцу человѣчу! Въмѣсто соблюденія тайности, обѣгли мы всѣхъ своихъ, во всѣ окна постучали и все другъ къ другу шепчемъ, да не знать чего бѣгаемъ отъ избы къ избѣ, благо ночь свѣтлая, превосходная, морозъ по снѣгу самоцвѣтнымъ камнемъ сыпится, а въ чистомъ небѣ Есперъ звѣзда горитъ.

Проведя въ такой радостной бѣготнѣ ночь, день мы встрѣтили въ томъ же восхищенномъ ожиданіи, и съ утра уже отъ своего изографа не отходимъ и не знаемъ, куда за нимъ его саногги понести, потому что пришелъ часъ, когда все зависитъ отъ его художества. Что только онъ скажетъ подать или принести, мы во всякій слѣдъ вдесятеромъ летимъ и такъ усерствуемъ, что одинъ другого съ ногъ валимъ. Даже дѣдъ Марой до той поры бѣгалъ, что, зацѣпившись, каблукъ оторвалъ. Одинъ только самъ изографъ спокоенъ, потому что ему эти дѣла было уже не впервые дѣлать, и

потому онъ несуетно себѣ все приготовлялъ: яйцо кваскомъ развелъ, олифу осмотрѣлъ, приготовилъ левкасный холстикъ, старенькія досточки, какія подходія къ величинѣ иконы, разложилъ, настроилъ острую шилку, какъ струну, въ излучинѣ изъ крѣпикаго обода, и сидитъ подъ оконечкомъ, да какіе предвидитъ нужными валя пальцами въ долони перетираетъ. А мы всѣ вымылись въ печи, понадѣвали чистыя рубашки и стоимъ на бережку, смотримъ на градъ убѣжища, откуда долженъ къ намъ свѣтоносный гость пожаловать; а сердца такъ то затрепещуть, то падаютъ...

Ахъ, какія были мгновенія, и длились они съ ранней зари даже до вечера, и вдругъ видимъ мы, что по льду отъ города англичаниновъ сани несутся и прямо къ намъ... По всѣмъ трепеть прошелъ, шапку всѣ подъ ноги бросили и молимся.

— Боже Отецъ духовомъ и ангеломъ: пощади рабы Твои!

И съ этимъ молениемъ упали ницъ на снѣгъ и впередъ жадно руки простираемъ, и вдругъ слышимъ надъ собою англичаниновъ голосъ:

— Эй, вы! Старовѣры! Вотъ вамъ привезъ!—и подаетъ узелокъ въ бѣломъ платочкѣ.

Лука принялъ узелокъ и замеръ: чувствуетъ, что это что-то малое и легковѣсное! Раскрылъ уголокъ платочка и видитъ: это одна басма съ нашего Ангела сорвана, а самой иконы нѣтъ.

Кинулись мы къ англичанину и говоримъ ему съ плачемъ:

— Обманули вашу милость, тутъ иконы нѣтъ, а одна басма серебряная съ нея прислана.

Но англичанинъ уже не тотъ, что былъ къ намъ до сего времени: вѣрно досадило ему это долгое дѣло, и онъ крикнулъ на насъ:

— Да что же вы все путаете! Вы же сами мнѣ говорили, что надо ризу выпросить, я ее и выпросилъ: а вы, вѣрно, просто не знаете, что вамъ нужно!

Мы ему, видя, что онъ возклокоталъ, съ осторожностью было начали объяснять, что намъ икона нужна, чтобы подѣлокъ сдѣлать, но онъ не сталъ насъ болѣе слушать, выгналъ вонъ и одну милость показалъ, что велѣлъ изографа къ нему послать.

Пошелъ къ нему изографъ Севастьянъ, а онъ точно такимъ же манеромъ и на него съ клокотаніемъ.

— Твой,—говоритъ:—мужички сами не знаютъ, чего хотятъ: то просили ризу, говорили, что тебѣ только надо размѣры, да абрисъ снять, а теперь ревутъ, что это имъ ни къ чему не нужно; но я болѣе вамъ ничего сдѣлать не могу, потому что архіерей образа не даетъ. Поддѣлывай скорѣе образъ, обложимъ его ризою и отдадимъ, а старый мнѣ секретарь выкрадетъ.

Но Севастьянъ изографъ, какъ человѣкъ разсудительный, обаялъ его мягкою рѣчью и отвѣтствуетъ:

— Нѣтъ,—говоритъ:—ваша милость; наши мужички свое дѣло знаютъ, и намъ, дѣйствительно, подлинная икона впередъ нужна. Это, говоритъ, — только въ обиду намъ выдуманно, что мы будто по переводамъ, точно по трафаретамъ пишемъ. А у насъ въ подлинникѣ постановленъ законъ, но исполненіе его дано свободному художеству. По подлиннику, напримѣръ, повелѣно писать Святого Зосиму или Герасима со львомъ, а не стѣснена фантазія изографа какъ при нихъ того льва изобразить? Святого Неофита указано съ птицею голубемъ писать; Конона Градаря съ цвѣткомъ, Тимоѳея съ ковчегцемъ, Георгія и Савву Стратилата съ копьями, Ѳотія съ корнавкой, а Кондрата съ облаками, ибо онъ облака воспитывалъ, но всякій изографъ воленъ это изобразить какъ ему фантазія его художества позволитъ, и потому опять не могу я знать, какъ тотъ Ангель писанъ, котораго надо подмѣнить.

Англичанинъ все это выслушалъ и выгналъ Севастьяна какъ и насъ, и нѣтъ отъ него никакого дальнѣе рѣшенія, и сидимъ мы, милостивые государи, надъ рѣкою, яко враны на нырщицѣ, и не знаемъ, волюнѣ ли отчаиваться или еще чего ожидать, но идти къ англичанину уже не смѣемъ, а къ тому же, и погода стала опять единохарактерна намъ: спустилась ужасная оттепель и засѣялъ дождь, небо среди дня все яко дымъ копильный, а ночи темнѣющія, даже Есперь звѣзда, которая въ декабрѣ съ тверди небесной не сходитъ, и та скрылась и ни разу не выгянетъ... Тюрьма душевная, да и только! И таково наступило Спасово Рождество, а въ самый сочельникъ ударилъ громъ, полилъ ливень, и льетъ. и льетъ безъ уставу два дни и три дни: снѣгъ весь смыло и въ рѣку снесло, а на рѣкѣ ледъ началъ

снѣтъ да пучиться, и вдругъ его въ предпоследній день года всперло и понесло... Мчитъ его сверху и швыряетъ крыга на крыгу по мутной волнѣ, у нашихъ построекъ всю рѣку затерло: горой содитъ льдина на льдину и придаютъ онѣ и сами звенять, прости Господи, точно демоны... Какъ стоятъ постройки и такое несподиванное тѣсненіе терпятъ, даже удивительно. Страшные миліоны могло разрушить, но намъ не до того: потому что у насъ изографъ Севастьянъ, видя, что дѣла ему никакого нѣтъ, вскромолился, — складаетъ пожитки и хочетъ въ иные страны пѣти, и никакъ его удержать не можемъ.

Да не до того было и англичанину, потому что съ нимъ за эту непогодъ что-то такое подѣлалось, что онъ мало съ ума не сошелъ: все, говорятъ, ходилъ да у всѣхъ спрашивалъ: «Куда дѣться? Куда дѣваться?» И потомъ вдругъ преодолѣлъ себя какъ-то, призываетъ Луку и говоритъ:

— Знаешь, что, мужикъ: пойдѣмъ вашего Ангеля красть?

Лука отвѣчаетъ:

— Согласенъ.

По Луки замѣчанію было такъ, что англичанинъ точно будто жаждалъ испытать опасныхъ дѣяній и положилъ такъ, что поѣдетъ онъ завтра въ монастырь къ епископу, возьметъ съ собою изографа подъ видомъ злотаря и попроситъ ему икону Ангела показать, дабы онъ могъ съ нея обстоятельный переводъ снять будто для ризы; а между тѣмъ какъ можно лучше въ нее взглянется и дома напишетъ съ нея поддѣлокъ. Затѣмъ, когда у настоящаго злотаря риза будетъ готова, ее привезутъ къ намъ за рѣку, а Яковъ Яковлевичъ поѣдетъ опять въ монастырь и скажетъ, что хочетъ архіерейское праздничное служеніе видѣть и войдетъ въ алтарь и станетъ въ шинели въ темномъ алтарѣ у жертвенника, гдѣ наша икона на окнѣ бережется, и скрадетъ ее подъ полу, и, отдавъ человѣку шинель, якобы отъ жары, велитъ ее вынести. А на дворѣ за церковью нашъ человекъ, чтобы сейчасъ изъ той шинели икону взять и летѣлъ съ нею сюда на сей бокъ, и здѣсь изографъ долженъ въ продолженіе времени, пока идетъ всеобщая, старую икону со старой доски снять, а поддѣлокъ вставить, ризою одѣть и назадъ прислать, такимъ манеромъ, чтобы Яковъ Яковлевичъ могъ ее опять на окно поставить, какъ будто ничего не бывало.

— Что же-съ? Мы, говоримъ, на все согласны!

— Только смотрите же,—говорить:—помните, что я стану на мѣстѣ вора и хочу вамъ вѣрить, что вы меня не выдадите.

Лука Кириловъ отвѣчаетъ:

— Мы, Яковъ Яковлевичъ, не того духа люди, чтобъ обманывать благодѣтелей.—Я возьму икону и вамъ обѣ назадъ принесу, и настоящую, и поддѣлокъ.

— Ну, а если тебѣ что-нибудь помѣшаетъ?

— Что же такое мнѣ можетъ помѣшать?

— Ну, вдругъ ты умрешь или утонешь.

Лука думаетъ: отчего бы, кажется, быть такому препятствію, а, впрочемъ, соображаетъ, что, дѣйствительно, трафляется иногда и кладязь копающему обрѣтать сокровище, а идущему на торгъ встрѣчать пса бѣснуема, и отвѣчаетъ:

— На такой случай я, сударь, при васъ такого своего человѣка оставлю, который, въ случаѣ моей неустойки, всю вину на себя приметъ и смерть претерпитъ, а не выдастъ васъ.

— А кто это такой человѣкъ, на котораго ты такъ полагаешься?

— Ковачъ Марой,—отвѣчаетъ Лука.

— Это старикъ?

— Да, онъ не молодъ.

— Но онъ, кажется, глупъ?

— Намъ, моль, его умъ не надобенъ, но зато сей человѣкъ достойный духъ имѣетъ.

— Какой же,—говорить:—можетъ быть духъ у глупаго человѣка?

— Духъ, сударь, — отвѣтствуетъ Лука: — бываетъ не по разуму; духъ идѣ же хочетъ дышать, и все равно, что волосъ растеть у одного долгій и роскошный, а у другого скудный.

Англичанинъ подумалъ и говоритъ:

— Хорошо, хорошо: это все интересныя ощущенія. Ну, а какъ же онъ меня выручить, если я попадусь?

— А вотъ какъ,—отвѣчаетъ Лука:—вы будете въ церкви у окна стоять, а Марой станеть подъ окномъ снаружи, и если я къ концу службы съ иконами не явлюсь, то онъ стекло разобьетъ и въ окно полѣзетъ и всю вину на себя приметъ.

Это англичанину очень понравилось.

— Любопытно,—говорить:—любопытно! А почему я дол-

женъ этому вашему глупому человѣку съ духомъ вѣрять, что онъ самъ не убѣжитъ?

— Ну, ужъ это, моль, дѣло взаимовѣрія.

— Взаимовѣрія, повторяетъ...—Гм, гм, взаимовѣрія! Я за глупаго мужика въ каторгу, или онъ за меня подѣ кнутъ? Гм, гм! Если онъ сдержитъ слово... подѣ кнутъ... Это интересно.

Послали за Мароемъ и объяснили ему въ чемъ дѣло, а онъ говоритъ:

— Ну такъ что же?

— А ты не убѣжишь?—говоритъ англичанинъ.

А Марой отвѣчаетъ:

— Зачѣмъ?

— А чтобы тебя плетью не били, да въ Сибирь не сослали.

А Марой говоритъ:

— Экося!—да больше и разговаривать не сталъ.

Англичанинъ такъ и радуется: весь ожилъ.

— Прелесть,—говоритъ:—какъ интересно.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Сейчасъ же за этимъ переговоромъ началась и акція. Навеслили мы на утро большой хозяйскій баркасъ и перевезли англичанина на городской берегъ: онъ тамъ сѣлъ съ изографомъ Севастьяномъ въ коляску и покати въ монастырь, а черезъ часъ съ небольшимъ смотримъ, бѣжитъ нашъ изографъ и въ рукахъ у него листокъ съ переводомъ иконы.

Спрашиваемъ:

— Видѣлъ ли, родной нашъ, и можешь ли теперь подѣлокъ потрафить?

— Видѣлъ,—отвѣчаетъ:—и потрафлю, только развѣ какъ бы малость чѣмъ живѣе не сдѣлать, но это не бѣда, когда икона сюда придетъ, я тогда въ одну минуту яркость цвѣта усмирю.

— Батюшка,—молимъ его:—порадѣй!

— Ничего,—отвѣчаетъ:—порадѣю!

И какъ мы его привезли, онъ сейчасъ сѣлъ за работу и къ сумеркамъ у него на холстикѣ поспѣлъ Ангель, двѣ капли воды какъ нашъ запечатлѣнный, только красками какъ будто немножко свѣжѣе.

Къ вечеру и злотарь новый окладъ прислать, потому онъ еще прежде былъ по басмѣ заказанъ.

Наступалъ самый опасный часъ нашего воровства.

Мы, разумѣется, во всемъ изготовились и предѣ вече-

ромъ помолились и ждемъ должнаго мгновенія, и только что на томъ берегу въ монастырѣ въ первый колоколъ ко всенощной ударили, мы съѣли три человѣка въ небольшую ладью: я, дѣдъ Марой, да дядя Лука. Дѣдъ Марой захватилъ съ собою топоръ, долото, ломъ и веревку, чтобы больше на вора походить, и поплыли прямо подъ монастырскую ограду.

А сумерки въ эту пору, разумѣется, раннія, и ночь, несмотря на вселуніе, стояла претемная, настоящая воровская.

Переѣхавши, Марой и Лука оставили меня подъ бережкомъ въ лодкѣ, а сами покрались въ монастырь. Я же весла въ лодку забралъ, а самъ концомъ веревки зацѣпился и нетерпѣливо жду, чтобы чуть Лука ногой въ лодку ступить, сейчасъ плыть. Время мнѣ ужасно долго казалось отъ томленія, какъ все это выйдетъ и успѣемъ ли мы все свое воровство покрыть, пока вечерня и всенощная пройдетъ? И кажется мнѣ, что уже времени и не вѣсть сколь много ушло; а темень страшная, вѣтеръ рветъ, и вмѣсто дождя, мокрый снѣгъ повалилъ, и лодку вѣтромъ стало поколыхивать, и я, лукавый рабъ, все мало-по-малу угрѣваясь въ свитенкѣ, началъ дремать. Только вдругъ въ лодку толкъ и закачало. Я встрепенулся и вижу въ ней стоитъ дядя Лука и не своимъ передавленнымъ голосомъ говоритъ:

— Гребн!

Я беру весла, да никакъ со страха въ уключины не попаду. Насилу справился и отвалилъ отъ берега, да и спрашиваю:

— Добыли, дяди, Ангела?

— Со мной онъ, гребн мощиѣй!

— Расскажи же, — пытаю: — какъ вы его достали?

— Непорушно достали какъ было сказано.

— А успѣемъ ли назадъ взворотить?

— Должны успѣть: еще только великій проклятый вскричали. Гребн! Куда ты гребешь?

Я оглянулся: ахъ ты Господи! и точно я не туда гребу: все кажись какъ надлежитъ, воперекъ теченія держу, а нашей слободы нѣтъ, — это потому что снѣгъ и вѣтеръ такой что страхъ, и въ глаза лѣпитъ, и вокругъ реветъ и качаетъ, а сверху рѣки точно какъ льдомъ дышитъ.

Ну, однако, милостью Божіею мы доставились; соскочили оба съ лодки и бѣгомъ побѣжали. Изографъ уже готовъ: дѣйствуетъ хладнокровно, но твердо: взялъ прежде икону въ руки, а какъ народъ передъ нею упалъ и поклонился,

то онъ подпустилъ всѣхъ позnamenоваться съ запечатлѣннымъ ликомъ, а самъ смотритъ и на нее, и на свою поддѣлку, и говорить:

— Хороша! только надо ее маленько грязной съ шафраномъ усмирить! А потомъ взялъ икону съ реберъ въ тиски и налячилъ свою пилку что приправилъ въ крутой обручъ и... пошла эта пилка порхать. Мы всѣ стоимъ и того и смотримъ, что повредить! Страсть-съ! Можете себѣ вообразить, что вѣдь спиливалъ онъ ее этими своими махинными ручищами съ доски тониною не толще какъ листокъ самой тонкой писчей бумаги... Долго ли тутъ до грѣха: то-есть вотъ на волосъ покриви пила, такъ ликъ и раздеретъ и насквозь выскочитъ! Но изографъ Севастьянъ всю эту акцію совершалъ съ такою холодною и искусственною, что, глядя на него, съ каждой минутой дѣлалось мирнѣй на душѣ. И точно спилилъ онъ изображеніе на тончайшемъ самомъ словѣ, потомъ въ одну минуту этотъ спилокъ изъ краевъ вырѣзалъ, а края опять на ту же доску наклеилъ, а самъ взялъ свою поддѣлку скомкалъ, скомкалъ ее въ кулакъ и ну ее трепать объ край стола, и терхать въ долоняхъ, какъ будто рвалъ и погубить ее хотѣлъ, и, наконецъ, глянулъ сквозь холстъ на свѣтъ, а весь этотъ новенькій списочекъ какъ сито сдѣлался въ трещинкахъ... Тутъ Севастьянъ сейчасъ взялъ его и вклеилъ на старую доску въ средину краевъ, а на долонь набралъ какой зналъ темной красочной грязи, замѣсилъ ее пальцами со старою олифою и шафраномъ въ родѣ замазки и ну все это долонью въ тотъ потерханный списочекъ крѣпко-накрѣпко втирать... Живо онъ все это свершалъ и вновь писанная иконка стала совсѣмъ старая и какъ разъ такая, какъ настоящая. Тутъ этотъ поддѣлокъ въ минуту проолифилъ и другіе наши люди стали окладомъ ее одѣвать, а изографъ вправилъ въ приготовленную досточку настоящій вышлокъ и требуетъ себѣ скорѣе лохмотъ старой поярковой шляпы.

Это начиналась самая трудная акція распечатлѣнія.

Подали изографу шляпу, а онъ ее сейчасъ перервалъ пополамъ на колѣнѣ и, покрывъ ею запечатлѣнную икону, кричить:

— Давай каленый утюгъ!

Въ печи, по его приказу, лежалъ въ жару раскаленъ желтый портняжій утюгъ.

Михайлица зацѣпила его и подаетъ на ухватѣ, а Севастьянъ обернулъ ручку тряпкою, поплевалъ на утюгъ, да какъ дернетъ имъ по шляпному обрывку!.. Отъ разу съ этого войлока злой смрадъ повалилъ, а изографъ еще разъ, да еще имъ третъ и вразъ отхватываетъ. Рука у него просто какъ молонья летаетъ и дымъ отъ поярка уже столбомъ валитъ, а Севастьянъ знай печетъ: одной рукой поярочекъ по-малу поворачиваетъ, а другою — утюгомъ дѣйствуетъ, и все разъ отъ разу несильнѣе да сильнѣе налегаетъ, и вдругъ отбросилъ и утюгъ, и поярокъ, и поднялъ къ свѣту икону, а печати какъ не бывало: крѣпкая строгановская олифа выдержала, и сургучъ весь свелся, только чуть какъ будто красноогненная роса осталась на ликѣ, но зато свѣтлобожественный ликъ весь виденъ...

Тутъ кто молится, кто плачетъ, кто руки изографу лѣзетъ цѣловать, а Лука Кириловъ своего дѣла не забываетъ и, минутою дорожа, подаетъ изографу его поддѣльную икону и говоритъ:

— Ну, кончай же скорѣй!

А тотъ отвѣчаетъ:

— Моя акція кончена, я все сдѣлалъ, за что брался.

— А печать наложить.

— Куда?

— А вотъ сюда этому новому Ангелу на ликъ, какъ у того было.

А Севастьянъ покачалъ головою и отвѣчаетъ:

— Ну, нѣтъ, я не чиновникъ, чтобъ этакое дѣло дерзнуть сдѣлать.

— Такъ какъ же намъ теперь быть?

— А уже я,—говоритъ:—этого не знаю. Надо было вамъ на это чиновника или нѣмца припасти, а упустили сихъ дѣятелей получить, такъ теперь сами дѣлайте.

Лука говоритъ:

— Что ты это! да мы ни за что не дерзнемъ!

А изографъ отвѣчаетъ:

— И я не дерзну.

И идетъ у насъ въ эти краткія минуты такая сумятица, какъ вдругъ влетаетъ въ избу Якова Яковлевича жена, вся блѣдная какъ смерть, и говоритъ:

— Неужели вы еще не готовы?

Говоримъ: и готовы, и не готовы: важнѣйшее сдѣлали, но ничтожнаго не можемъ.

А она нѣмусть по-своему:

— Что же вы ждете? Развѣ вы не слышите, что на дворѣ?

Мы прислушались и сами еще хуже ее поблѣднѣли: въ своихъ заботахъ мы на погоду вниманія не обращали, а теперь слышимъ гулъ: ледъ идетъ!

Выскочилъ я и вижу, онъ уже сплошной во всю рѣку претъ, какъ звѣрье какое бѣшеное, крыга на крыгу скачетъ, другъ на дружку такъ и прыдаютъ, и шумять, и ломаются.

Я, себя не помня, кинулся къ лодкамъ, ихъ ни одной нѣтъ: всё унесло... У меня во рту языкъ осметкомъ сталъ, такъ что никакъ его не сомну, и ребро за ребро опустилось, точно я въ землю ухожу... Стою и не двигаюсь, и голоса не даю.

А пока мы тутъ во тьмѣ мечемся, англичанка, оставшись тамъ въ избѣ одна съ Михайлицей и узнавъ, въ чемъ задержка, схватила икону и... выскакиваетъ съ нею черезъ минуту на крыльцо съ фонаремъ и кричитъ:

— Натѣ, готово!

Мы глянули: у новаго Ангела на ликѣ печать!

Лука сейчасъ обѣ иконы за пазуху и кричитъ:

— Лодку!

Я открываюсь, что нѣтъ лодокъ, унесло.

А ледъ, я вамъ говорю, такъ табуномъ и валить, ломится объ ледорѣзы и трясетъ мостъ такъ, что индо слышно, какъ эти цѣпи, на что толсты, въ добрую половицу, а и то погромыхиваютъ.

Англичанка, какъ поняла это, всплеснула руками, да какъ взвизгнуть нечеловѣческимъ голосомъ: «Джемсъ!» и пала не живая.

А мы стоимъ и одно чувствуемъ:

— Гдѣ же наше слово? что теперь будетъ съ англичаниномъ? что будетъ съ дѣдомъ Мароемъ?

А въ это время въ монастырѣ на колокольнѣ зазвонили третій звонъ.

Дядя Лука вдругъ встрепенулся и воскликнулъ къ англичанкѣ:

— Очнись, государыня, мужъ твой цѣль будетъ, а развѣ только стараго дѣда нашего Мароя ветхую кожу станеть палачъ терзать и добродетельное лицо его клеймомъ обезчестить, но быть тому только развѣ послѣ моей смерти!—и съ этимъ словомъ перекрестился, выступилъ и пошелъ.

Я вскрикнулъ:

— Дядя Лука, куда ты? Левонтій погибъ и ты погибъ—

нешь!—да и кинулся за нимъ, чтобъ удержать, но онъ поднялъ изъ-подъ ногъ весло, которое я, прѣхавши, на-земь бросилъ, и, замахнувшись на меня, крикнулъ:

— Прочь! или на смерть ушибу!

Господа, довольно я предъ вами въ своемъ разказѣ открыто себя малодушникомъ признавалъ, какъ въ то время, когда покойнаго отрока Левонтія на землѣ бросилъ, а самъ на древо вскочилъ, но ей, право, говорю вамъ, что я бы тутъ не испугался весла и отъ дяди Луки бы не отступилъ, но... угодно вамъ вѣрять, не угодно нѣтъ, а только въ это мгновеніе не успѣлъ я имя Левонтія вспомнить, какъ промежду ямъ и мною во тьмѣ обрисовался отрокъ Левонтій и рукой погрозилъ. Этого страха я не выдержалъ и возринулся назадъ, а Лука стоитъ уже на концѣ цѣпи, и вдругъ, утвердившись на ней ногою, молвитъ сквозь бѹрю:

— Заводи катаवासію!

Головщикъ нашъ Арсѣа тутъ же стоялъ и сразу его послушалъ и ударилъ: «Отверзу уста», а другіе подхватили, и мы катаवासію кричимъ, бури-вою сопротивляясь, а Лука смертнаго страха не боится и по мостовой цѣпи идетъ. Въ одну минуту онъ одинъ первый пролетъ перешелъ и на другой спускается... А далѣе? далѣе обьяла его тьма, и не видно: идетъ онъ или уже упалъ и крыгами проклятыми его въ пучину забуровило, и не знаемъ мы: молить ли о его спасеніи или рыдать за упокой его твердой и любочестивой души?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Теперь что же-съ происходило на томъ берегу? Пресвященный владыко архіерей своимъ правиломъ въ главной церкви всеощную совершалъ, ничего не зная, что у него въ это время въ придѣлѣ крали; нашъ англичанинъ, Яковъ Яковлевичъ, съ его соизволенія, стоялъ въ сосѣднемъ придѣлѣ въ алтарѣ и, скравъ нашего Ангела, высалъ его, какъ намѣревался, изъ церкви въ пинели, и Лука съ нимъ помчался; а дѣдъ же Марой, свое слово наблюдая, остался подъ тѣмъ самымъ окномъ на дворѣ и ждетъ послѣдней минуты, чтобы какъ Лука не возвратится, сейчасъ англичанинъ отступитъ, а Марой разобьетъ окно и пользетъ въ церковь съ ломомъ и съ долотомъ, какъ настоящій злодѣй. Англичанинъ глазъ съ него не спускаетъ и видитъ, что дѣдъ Марой исправень, стоитъ на своемъ послушаніи,

и чуть замѣтитъ, что англичанинъ лицомъ къ огню прилегалъ, чтобы его видѣть, онъ сейчасъ киваетъ, что здѣсь, молъ, я — отвѣтный воръ, здѣсь!

И оба такимъ образомъ другъ другу свое благородство являютъ и не позволяютъ одинъ другому себя во взаимовѣрїи превозвысить, а къ этимъ двумъ вѣрамъ третїя, еще сильнѣйшая двизаетъ, но только не знаютъ они, что та третья вѣра творитъ. Но вотъ какъ ударили въ послѣдній звонъ всенощной, англичанинъ и прїотворилъ тихонько оконную форточку, чтобы Марой лѣзъ, а самъ уже готовъ отступать, но вдругъ видитъ, что дѣдъ Марой отъ него отворотился и не смотритъ, а напряженно за рѣку глядитъ и твердисловитъ:

— Перенеси Богъ! перенеси Богъ, перенеси Богъ! — а потомъ вдругъ какъ вспрыгнетъ и самъ словно пьяный пляшетъ, а самъ кричитъ: — Перенесъ Богъ, перенесъ Богъ!

Яковъ Яковлевичъ въ величайшее отчаяніе пришелъ, думаетъ:

— Ну, конецъ: глухой старикъ помѣшался, и я погибъ, анъ смотритъ, Марой съ Лукою уже обнимаются.

Дѣдъ Марой шавчитъ:

— Я тебя назиралъ, какъ ты съ фонарями по цѣпи шель.

А дяди Лука говоритъ:

— Со мною не было фонарей.

— Откуда же свѣтеніе?

Лука отвѣчаетъ:

— Я не знаю: я не видалъ свѣтенія, я только бѣгомъ бѣжалъ и не знаю, какъ перебѣгъ и не упалъ... точно меня кто подъ обѣ руки несъ.

Марой говоритъ:

— Это Ангелы. — я ихъ видѣлъ и зато я теперь не преполовлю дня и умру сегодня.

А Лукѣ какъ некогда было много говорить, то дѣду онъ не отвѣчаетъ, а скорѣе англичанину въ форточку обѣ иконы подаетъ. Но тотъ взялъ и кажетъ ихъ назадъ.

— Что же, говорить, — печати нѣтъ?

Лука говоритъ:

— Какъ нѣтъ?

— Да нѣтъ.

Ну, тутъ Лука перекрестился и говоритъ:

— Ну, конечно! Теперь некогда поправлять. Это чудо церковный Ангелъ совершилъ, и я знаю, къ чему оно.

И сразу бросился Лука въ церковь, протѣснулся въ алтарь, гдѣ владыку разоблачали, и, навѣ ему въ ноги, говоритъ:

— Такъ и такъ, я святотатецъ, и вотъ что сейчасъ совершилъ: велите меня оковать и въ тюрьму посадить.

А владыка въ мѣру чести своя все то выслушалъ и отвѣтствуетъ:

— Это тебѣ, должно быть, внушительно теперь, гдѣ вѣра дѣйствительна: вы, говоритъ, — плутовствомъ съ своего Ангела печать свели, а нашъ самъ съ себя ее снялъ и тебя сюда привелъ.

Дядя говоритъ:

— Вижу, владыко, и трепещу. Повели же отдать меня скорѣе на казнь.

А архіерей отвѣтствуетъ разрѣшительнымъ словомъ:

— Властію, мнѣ данною отъ Бога, прощаю и разрѣшаю тебя, чадо. Приготовься за утро принять пречистое тѣло Христова.

Ну, а дальше, господа, я думаю, нечего вамъ и рассказывать: Лука Киприловъ и дѣдъ Марой утромъ ворочаются и говорятъ:

— Отцы и братіе, мы видѣли славу Ангела господствующей церкви, и все божественное о ней смотрѣніе въ добротолубіи ея іерарха, и сами къ оной освященнымъ елеемъ примазались и тѣла, и крови Спаса сегодня за обѣднею приобщались.

А я какъ давно, еще съ гостинюкъ у старца Памвы, имѣлъ влеченіе воедино одушевиться со всею Русью, воскликнулъ за всѣхъ:

— И мы за тобой, дядя Лука! да такъ всѣ въ одно стадо, подъ одного пастыря, какъ агнятки, и подобались, и едва лишь тутъ только поняли, къ чему и куда всѣхъ насъ нашъ запечатлѣнный Ангель велъ, пролія сначала свои стопы и потомъ распечатлѣвшись ради любви людей къ людямъ, явленной въ сію страшную ночь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Разказчикъ кончилъ. Слушатели еще молчали, но, наконецъ, одинъ изъ нихъ откашлянулся и замѣтилъ, что въ исторіи этой все объяснимо, и сны Михайлицы, и видѣніе, которое ей примерещилось въ просоньѣ, и паденіе Ангела, котораго забѣгая кошка или собака на полъ столкнула, и смерть Левонтія, который болѣлъ еще ранѣе встрѣчи съ Памвою, объяснимы и всѣ случайныя совпаденія словъ говорящаго какими-то загадками Памвы.

— Понятно и то,—добавилъ слушатель: — что Лука по цѣпи перешелъ съ весломъ: каменщики извѣстные мастера гдѣ угодно ходить и лазить, а весло тотъ же балансиръ; понятно, пожалуй, и то, что Марой могъ видѣть около Луки свѣщеніе, которое принялъ за ангеловъ. Отъ большой напряженности сильно переязбшему человѣку мало ли что могло зарябить въ глазахъ? Я нашель бы понятнымъ даже и то, если бы, напримѣръ, Марой, по своему предсказанію не преполовя дня умеръ...

— Да онъ и умеръ-съ,—отозвался Маркъ.

— Прекрасно! И здѣсь ничего нѣтъ удивительнаго восьмидесятилѣтнему старику умереть послѣ такихъ волненій и простуды; но вотъ, что для меня, дѣйствительно, совершенно необъяснимо: какъ могла исчезнуть печать съ новаго Ангела, котораго англичанка занечатала?

— Ну, а это уже самое простое-съ,—весело отозвался Маркъ и разсказалъ, что они послѣ этого вскорѣ же нашли эту печать между образомъ и ризою.

— Какъ же это могло случиться?

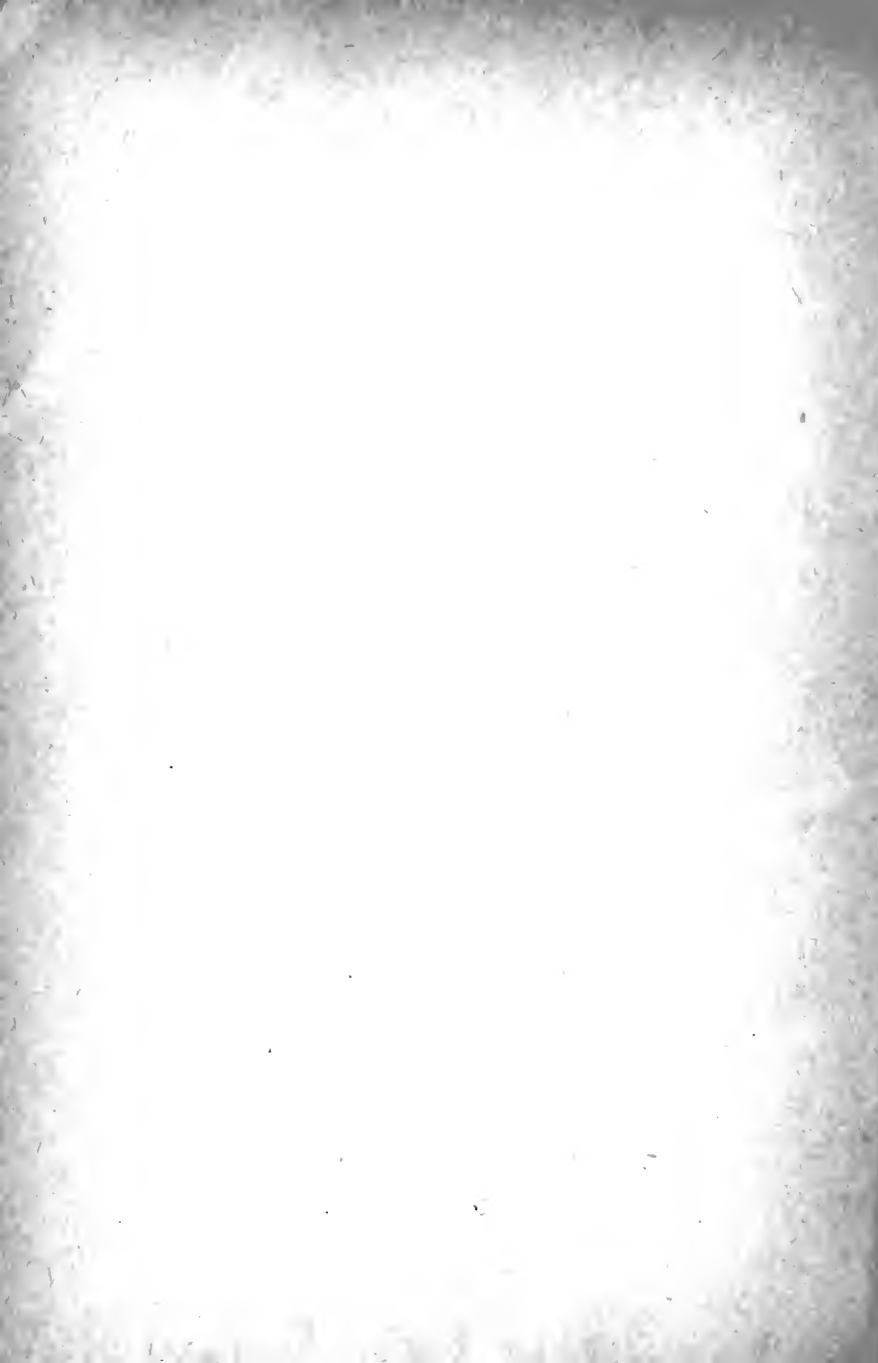
— А такъ: англичанка тоже не дерзнула ангельскій ликъ портить, а сдѣлала печать на бумажкѣ и подвела ее подъ края оклада... Оно это было очень умно и искусно ею устроено, но Лука какъ несъ иконы, такъ онѣ у него за пазухой шевелились и оттого печать и спала.

— Ну теперь, значитъ, и все дѣло просто и естественно.

— Да такъ и многіе располагають, что все это случилось самымъ обыкновеннымъ манеромъ, и даже не только образованные господа, которымъ объ этомъ извѣстно, но и наша братія, въ раздорѣ остающіеся, надъ нами смѣются, что будто насъ англичанка на бумажкѣ подъ церковь подсунула. Но мы противъ таковыхъ доводовъ не споримъ: всякъ какъ вѣрнѣе, такъ и да судить, а для насъ все равно, какими путями Господь человѣка възыщетъ и изъ какого сосуда напоить, лишь бы възскалъ и жажду единодушія его съ отечествомъ утолилъ. А вонъ, мужички-вахлачки, уже вылѣзають изъ-подъ снѣгу. Отдохнули, видно, сердечные, и сейчасъ поѣдутъ. Авось они и меня подвезутъ. Васильева ночка прошла. Утрудилъ я васъ и много кое-гдѣ съ собою выводилъ. Съ новымъ годомъ зато имѣю честь поздравить, и простите, Христа ради, меня невѣжу.

~~~~~

ПРАВЕДНИКИ.

«Безъ трехъ праведныхъ
нѣтъ граду стояща».

При мнѣ въ сорокъ восьмой разъ умирали одинъ большой русскій писатель. Онъ и теперь живетъ, какъ жилъ послѣ сорока семи своихъ прежнихъ кончинъ, наблюдавшихся другими людьми и при другой обстановкѣ.

При мнѣ онъ лежалъ одиноко во всю ширь необъятнаго дивана и приготовлялся диктовать мнѣ свое завѣщаніе, но вмѣсто того началъ браниться.

Я могу безъ застѣнчивости рассказать, какъ это было и къ какимъ повело послѣдствіямъ.

Смерть писателю угрожала по винѣ театрально-литературнаго комитета, который въ эту пору безтрепетною рукою убивалъ его пьесу. Ни въ одной аптекѣ не могло быть никакого лѣкарства противъ мучительныхъ болей, причиненныхъ этимъ авторскому здоровью.

— Душа уязвлена и всѣ кишки полутались въ утробѣ,— говорилъ страдалецъ, глядя на потолокъ гостиничнаго номера, и потомъ, переводя ихъ на меня, онъ неожиданно прикрикнулъ:

— Что же ты молчишь, будто чортъ знаетъ чѣмъ ротъ набилъ. Гадость какая у васъ, питерцевъ, на сердцѣ: никогда вы человѣку утѣшенія не скажете; хоть сейчасъ на вашихъ глазахъ испуцай духъ.

Я былъ первый разъ при кончинѣ этого замѣчательнаго человѣка и, не понявъ его предсмертной истомы, сказала ему:

— Чѣмъ мнѣ васъ утѣшить? Скажу развѣ одно, что всѣмъ будетъ чрезвычайно прискорбно, если театрально-литератур-

ный комитетъ своимъ суровымъ опредѣленіемъ прекратить драгоцѣнную жизнь вашу, но...

— Ты недурно началъ,—перебилъ писатель:—продолжай, пожалуйста, говорить, а я, можетъ-быть, усну:

— Извольте,—отвѣчала я:— итакъ, увѣрены ли вы, что вы теперь умираете?

— Увѣренъ ли? Говорю тебѣ, что помираю!

— Прекрасно,—отвѣчаю:— но обдумали ли вы хорошенько: стоитъ ли это огорченіе того, чтобы вы кончились?

— Разумѣется, стѣитъ; это стѣитъ тысячу рублей,—простоналъ умирающій.

— Да: къ сожалѣнію.—отвѣчала я:—пьеса едва ли принесла бы вамъ болѣе тысячи рублей, и потому...

Но умирающій не далъ мнѣ окончить: онъ быстро поднялся съ дивана и вскричалъ:

— Это еще что за гнусное разсужденіе! Подари мнѣ, пожалуйста, тысячу рублей и тогда разсуждай какъ знаешь.

— Да я, говорю,—почему же обязанъ платить за чужой грѣхъ?

— А я за что долженъ терять?

— За то, что вы, зная наши театральные порядки, описали въ своей пьесѣ все титулованныхъ лицъ и всѣхъ ихъ представили одно другого хуже и пошлѣе.

— Да-а; такъ вотъ каково ваше утѣшеніе. По-вашему, небось, все надо хорошихъ писать, а я братъ, что вижу, то и пишу, а вижу я однѣ гадости.

— Это у васъ болѣзнь зрѣнія.

— Можетъ быть,—отвѣчала, совсѣмъ обозлясь, умирающій:—но только что же мнѣ дѣлать, когда я ни въ своей, ни въ твоей душѣ ничего, кромѣ мерзости, не вижу, и за то суще мнѣ Господь Богъ и поможетъ теперь отъ тебя отворотиться къ стѣнѣ и заснуть съ спокойной совѣстью, а завтра уѣхать, презирая всю мою родину и твои утѣшенія.

И молитва страдальца была услышана: онъ «суще» прекрасно выспался и на другой день я проводилъ его на станцію; но зато самымъ мною овладѣло отъ его словъ лютое безпокойство.

/«Какъ,—думалъ я,—неужто въ самомъ дѣлѣ ни въ моей, ни въ его и ни въ чьей иной русской душѣ не видать ничего, кромѣ дряни? Неужто все доброе и хорошее, что

когда-либо замѣтилъ художественный глазъ другихъ писателей, — одна выдумка и вздоръ? Это не только грустно, это страшно. Если безъ трехъ праведныхъ, по народному вѣрованію, не стоитъ ни одинъ городъ, то какъ же устоять цѣлой землѣ съ одною дрянью, которая живетъ въ моей и въ твоей душѣ, мой читатель?»

Мнѣ это было и ужасно, и несносно, и пошелъ я искать праведныхъ, пошелъ съ обѣтомъ не успокоиться, доколѣ не найду хотя то [небольшое число трехъ праведныхъ, безъ которыхъ «нѣсть граду стоянія»]; но куда я ни обращался, кого ни спрашивалъ—все отвѣчали мнѣ въ томъ родѣ, что праведныхъ людей не видывали, потому что все люди грѣшныя, а такъ, кое-какихъ хорошихъ людей и тотъ, и другой знавали. Я и сталъ это записывать. Праведны они, думаю, себѣ, или неправедны,—все это надо собрать и потомъ разобрать: /что тутъ возвышается надъ чертою простой нравственности и потому «свято Господу».

И вотъ кое-что изъ моихъ записей.

ОДНОДУМЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ царствованіе Екатерины II, у нѣкоторыхъ приказнаго рода супруговъ, по фамиліи Рыжовыхъ, родился сынъ по имени Алексашка. Жило это семейство въ Солигаличѣ, уѣздномъ городкѣ костромской губерніи, расположенномъ при рѣкахъ Костромѣ и Свѣтлицѣ. Тамъ, по словарю кн. Гагарина, значится семь каменныхъ церквей, два духовныя и одно свѣтское училище, семь фабрикъ и заводовъ, тридцать семь лавокъ, три трактира, два питейныхъ дома и 3,665 жителей обоюга пола. Въ городѣ бывають двѣ годовыя ярмарки и еженедѣльные базары; кромѣ того, значится «довольно дѣятельная торговля извѣстью и дегтемъ». Въ то время, когда жилъ нашъ герой, здѣсь были еще солянныя варницы.

Все это надо знать, чтобы составить понятіе о томъ, какъ могъ жить и какъ, дѣйствительно, жилъ мелкотравчатый герой нашего разсказа Алексашка или, впоследствии, Александръ Афанасьевичъ Рыжовъ, по уличному прозванію «Однодумъ».

Родители Алексашки имѣли собственный домъ. — одинъ изъ тѣхъ домишковъ, которые въ здѣшней лѣсной мѣстности *ничего не стоять*, но, однако, даютъ кровъ. Другихъ дѣтей, кромѣ Алексашки, у приказнаго Рыжова не было, или, по крайней мѣрѣ, о нихъ мнѣ ничего не сказано.

Приказный умеръ вскорѣ послѣ рожденія этого сына и оставилъ жену и сына ни съ чѣмъ, кромѣ того домика, который, какъ сказано, «ничего не стоить». Но вдова-при-

казничиха сама дорого стоила: она была изъ тѣхъ русскихъ женщинъ, которая «въ бѣдѣ не сробѣетъ, спасетъ; коня на скаку остановитъ,—въ горящую избу взойдетъ»,—простая, здравая, трезвомысленная русская женщина, съ силою въ тѣлѣ, съ отвагой въ душѣ и съ нѣжною способностью любить горячо и вѣрно.

Когда она овдовѣла, въ ней еще были пріятности, пригодныя для непрехотливаго обихода, и къ ней кое-кто засылалъ свахъ, но она отклонила новое супружество и стала заниматься печеньемъ пироговъ. Пироги изготовлялись по скоромнымъ днямъ съ творогомъ и печенкою, а по постнымъ— съ кашею и горохомъ; вдова выносила ихъ въ ночвахъ на площадь и продавала по мѣдному пятаку за штуку. Отъ прибыли своего пирожнаго производства она питала себя и сына, котораго отдала въ науку «мастерицѣ»; мастерица научила Алексашу тому, что сама знала. Дальнѣйшую же, болѣе серьезную науку преподавать ему дьякъ съ косою и съ кожанымъ карманомъ, въ косемъ у него безъ всякой табакерки содержался нюхательный порошокъ для извѣстнаго употребленія.

Дьякъ, «отучивъ» Алексашку, взялъ горшокъ каши за выучку; и съ этимъ вдовинъ сынъ пошелъ въ люди добывать себѣ хлѣбъ-соль и всѣ опредѣленные для него блага міра.

Алексашкѣ тогда было четырнадцать лѣтъ и въ этомъ возрастѣ его можно откомендовать читателю.

Молодой Рыжовъ порою удался въ мать: онъ былъ рослый, плечистый, — почти атлетъ, необъятной силы и несокрушимаго здоровья. Въ свои отроческіе годы онъ былъ уже первый силачъ и такъ удачно предводительствовалъ *стпнюю* на кулачныхъ бояхъ, что на которой сторонѣ былъ Алексашка Рыжовъ,—та считалась непобѣдимюю. Онъ былъ досужъ и трудолюбивъ. Дьякова школа дала ему превосходный, круглый, четкій, красивый почеркъ, которымъ онъ написалъ старухамъ множество заупокойныхъ номинаній и тѣмъ положилъ начало самопитанія. Но важнѣе этого были тѣ свойства, которыя дала ему его мать, сообщившая живымъ примѣромъ строгое и трезвое настроеніе его здоровой душѣ, жившей въ здоровомъ и сильномъ тѣлѣ. Онъ былъ, какъ мать, умѣренъ во всемъ и никогда не прибѣгалъ ни къ чьей посторонней помощи.

Въ четырнадцать лѣтъ онъ уже считалъ грѣхомъ ѣсть материнъ хлѣбъ; поминанія приносили немного и притомъ заработокъ этотъ, зависящій отъ случайностей, былъ непостояненъ; къ торговлѣ Рыковъ питалъ врожденное отвращеніе, а оставить Солигаличъ не хотѣлъ, чтобы не разлучаться съ матерью, которую очень любилъ. А потому надо было здѣсь же промыслить себѣ занятіе, и онъ его промыслилъ.

Въ то время у насъ только образовывались постоянныя почтовые сообщенія: между ближайшими городами учреждались разъ въ недѣлю гонцы, которые *носили* суму съ пакетами. Это называлась пѣшая почта. Плата за эту службу назначалась не великая: рубля полтора въ мѣсяцъ «на своихъ харчахъ и при своей обуви». Но для кого и такое содержаніе было заманчиво, тѣ колебались взяться носить почту, потому что для чуткой христіанской совѣсти русскаго благочестія представлялось сомнительнымъ: не заключается ли въ такой пустой затѣѣ, какъ разноска бумаги, чего-нибудь еретическаго и противнаго истинному христіанству?

Всякій, кому довелось о томъ слышать,—раздумывалъ, какъ бы не истравить этимъ душу, и за мзду временную не потерять жизнь вѣчную. И тутъ-то вотъ общее сердоболіе устроило Рыковкина Алексашку.

— Онъ, говорили, сирота: ему больше Господь проститъ,—особенно по ребячеству. Ему, если его на поносѣ дорогою медвѣдь или волкъ задереть, и онъ на судъ предстанеть, одно отвѣчать: «не разумѣлъ, Господи», да и только. И въ ту пору взять съ него нечего. А если да онъ уцѣлѣетъ и современемъ въ лѣта взойдетъ, то можетъ въ монастырь пойти и все преотлично отмолить, да еще не за своей свѣчой и при чужомъ ладанѣ. Чего ему еще по сиротству его ожидать лучшаго?

Самъ Алексашка, котораго это касалось всѣхъ болѣе, былъ отъ міра не прочь и на міръ не челобитчикъ: онъ смѣлою рукою взялъ почтовую суму, взвалилъ ее на плечи и сталъ таскать изъ Солигалича въ Чухлому и обратно. Служба въ пѣшей почтѣ пришла ему совершенно по вкусу и по натурѣ: онъ шелъ одинъ черезъ лѣса, поля и болота и думалъ про себя свои сиротскія думы, какія слагались въ немъ подъ живымъ впечатлѣніемъ всего, что встрѣчалъ,

что видѣлъ и слышалъ. При такихъ условіяхъ изъ него могъ бы выйти поэтъ въ родѣ Борнса или Кольцова, но у Алексашки Рыжова была другая складка,—не поэтическая, а философская, и изъ него вышелъ только замѣчательный чудакъ «Однодумъ». Ни даль утомительнаго пути, ни зной, ни стужа, ни вѣтры и дождь его не пугали: почтовая сума до такой степени была ничо чемъ его могучей спиной, что онъ, кромѣ этой сумы, всегда носилъ съ собою еще другую, сѣрую, холщовую сумку, въ которой у него лежала толстая книга, имѣвшая на него неодолимое вліяніе.

Книга эта была «Библія».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Мнѣ не извѣстно, сколько лѣтъ онъ несъ службу въ ибншей почтѣ, безпрестанно таская суму и Библію, но, кажется, это было долго и кончилось тѣмъ, что ибнская почта замѣнилась конною, а Рыжову «вышелъ чинъ». Послѣ этихъ двухъ важныхъ въ жизни нашего героя событій, въ судьбѣ его произошелъ большой переломъ: охочій ходокъ съ почтою, онъ уже не захотѣлъ ѣздить съ почтаремъ и сталъ искать себѣ другого мѣста, — опять непременно тамъ же, въ Солигаличѣ, чтобы не разстаться съ матерью, которая въ то время уже остарѣла и, притупивъ зрѣніемъ, стала хуже печь свои пироги.

Судя по тому, что чины на низшихъ почтовыхъ должностяхъ получались очень не скоро, на примѣръ, лѣтъ за двѣнадцать,—надо думать, что Рыжовъ имѣлъ объ эту пору лѣтъ двадцать шесть или даже немножко болѣе и во все это время онъ только ходилъ взадъ и впередъ изъ Солигалича въ Чухлому и на ходу, и на отдыхѣ читалъ одну только свою Библію въ затрапезномъ переплетѣ. Онъ читался ей вволю и приобрѣлъ въ ней большія и твердыя познанія, легшія въ основу всей его послѣдующей оригинальной жизни, когда онъ сталъ уметь и прилагать къ дѣлу свои библейскія воззрѣнія.

Конечно, во всемъ этомъ было много оригинальнаго. Рыжовъ, на примѣръ, зналъ наизусть всѣ писанія многихъ пророковъ и особенно любилъ Исаію, широкое боговѣдѣніе котораго отвѣчало его душевной настроенности и составляло весь его катехизисъ и все богословіе.

Старый человѣкъ, знавшій во время своей юности восьми-

десятипятнадцатилѣтняго Рыжова, когда онъ уже прославился и заслужилъ имя «Однодума», говорилъ мнѣ, какъ этотъ старикъ вспоминалъ какой-то «дубъ на болотѣ», гдѣ онъ особенно любилъ отдыхать и «кричать вѣтру».

— Стану,—говорить,—бывало, и волю встрѣчь воздуху:

«Позна волю стяжавшаго и осель ясли господина своего, а людѣ мои неразумѣша. Сѣмя лукавое; сыны беззаконія! Что еще узвляетесь прилагая неправды! Всякая глава въ болѣзнь,—всякое сердце въ плачь.—Что ми множество жертвъ вашихъ: тука агнцовъ и крови юницъ и козловъ не хочу. Не приходите явиться ми. И аще принесете ми семидаль—всеу; кадилью мерзость ми есть. Новомѣсячій вашихъ и субботъ, и дне великаго не потерплю: поста и праздности, и новомѣсячій вашихъ, и праздниковъ ненавиждить душа моя.—Егда прострете руки ваши ко мнѣ, отвращу очи мои отъ васъ, и аще умножите моленія,—не услышу васъ. Измыйтесь, отымите лукавство отъ душъ вашихъ. Научитесь добро творити, и приидите истяземя, и аще будутъ грѣхи ваши яко багряное—убѣдо ихъ яко снѣгъ. Но князи не покоряются,—общницы татемъ любяще дары, гоняще воздаяніе—сего ради глаголетъ Саваоѣ: горе крѣпкимъ,— не престанеть бо ярость моя на противныя».

И выкрикивалъ сирота-мальчуганъ это «горе, горе крѣпкимъ» надъ пустыннымъ болотомъ и мнилось ему, что вѣтеръ возьметъ и понесетъ слова Исаи и отнесетъ туда, гдѣ видѣнныя Іезекіилемъ «сухія кости» лежатъ, не шевелятся; не нарастаетъ на нихъ живая плоть и не оживаетъ въ груди истлѣвшее сердце.

Его слушалъ дубъ и гады болотныя, а онъ самъ дѣлался полу-мистикомъ, полу-агитаторомъ въ библейскомъ духѣ,— по его словамъ: «дышалъ любовью и дерзновеніемъ».

Все это созрѣло въ немъ давно, но обнаружилось въ ту пору, когда онъ получилъ чинъ и сталъ искать другого мѣста, не надъ болотомъ. Развитие Рыжова было уже совершенно закончено и наступало время дѣятельности, въ которой онъ могъ приложить правила, созданныя имъ, себѣ на библейскомъ грунтѣ.

Подъ тѣмъ же дубомъ, надъ тѣмъ же болотомъ, гдѣ Рыжовъ выкрикивалъ словами Исаи «горе крѣпкимъ», онъ дождался духа, даващаго ему мысль самому сдѣлаться крѣп-

кимъ, дабы устыдить крѣпчайшихъ. И онъ пріялъ это посвященіе и пронесъ его во весь почти столѣтній путь до могилы, ни разу не споткнувшись, никогда не захромавъ ни на правое колѣно, ни на лѣвое.

Впереди насъ ожидаетъ довольно образцовъ его задохнувшейся въ тѣснотѣ удивительной силы и въ концѣ сказанія неожиданный актъ дерзновеннаго безстрашія, увѣнчавшій его, какъ рыцаря, рыцарскою наградою.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ ту отдаленную пору, къ которой восходитъ передаваемый мною разсказъ о Рыжовѣ, самое главное лицо въ каждомъ русскомъ городничѣ былъ городничій. Не разъ было сказано и никѣмъ не оспорено, что, по понятію многихъ русскихъ людей, каждый городничій былъ «третье лицо въ государствѣ». Государственная власть въ народномъ представленіи отъ первоисточника своего — монарха развѣтвлялась такъ: первое лицо въ государствѣ—государь, правящій всѣмъ государствомъ; за нимъ второе — губернаторъ, который правитъ губернію, и потомъ прямо за губернаторомъ непосредственно слѣдуетъ третье—городничій, «сидящій на городу». Исправниковъ тогда еще не было и потому о нихъ въ раздѣленіи власти сужденія не полагали. Такъ это оставалось, впрочемъ, и впоследствии: исправникъ былъ человекъ разъѣздной и онъ сѣлъ только сельскихъ людей, которые тогда еще не имѣли самостоятельнаго понятія объ іерархіи, и кто ихъ ни сѣлъ—одинаково ногами перебирали.

Введеніе новыхъ судебныхъ учрежденій, ограничившее прежнюю теократическую полноправность сельскихъ администраторовъ, испортило это, особенно въ городахъ, гдѣ оно значительно содѣйствовало паденію не только городническаго, а даже губернаторскаго престижа, поднять который на прежнюю высоту уже невозможно,—по крайней мѣрѣ, для городничихъ, высокій урядъ которыхъ замѣненъ новшествомъ.

Но тогда, когда обдумывалъ и рѣшалъ свою судьбу «Однодумъ», — все это было еще въ своемъ благоустроенномъ порядкѣ. Губернаторы сидѣли въ своихъ центрахъ какъ царьки: доступъ къ нимъ былъ труденъ и предстояніе имъ «сопряжено со страхомъ»; они всѣмъ норовили гово-

рить «ты», всё имъ клаившись въ поясъ, а шны, по усердію, даже земно; протопопы ихъ «срѣтали» съ крестами и святою водою у входа во храмы, а подрукавная знать чествовала ихъ выраженіемъ низменнаго некательства и едва дерзала, въ лицѣ немногихъ избранныхъ своихъ представителей, просить ихъ «въ воспріемники къ купели». И они, даже когда соглашались спуститься до такой милости, держали себя царственно: они не ѣздили крестить сами, а посылали вмѣсто себя чиновниковъ особыхъ порученій или адъютантовъ, которые отвозили «ризки» и принимали почетъ «въ лицѣ пославаго». Все тогда было величественно, степенно и серьезно, подѣ-стать тому доброму и серьезному времени, часто противопоставляемому нынѣшнему времени, не доброму и не серьезному.

Рыжову вышла прекрасная линія приблизиться къ началу градской власти и, не разставаясь съ роднымъ Солигаличемъ, стать на четвертую ступень въ государствѣ: въ Солигаличѣ умеръ старый кварталный, и Рыжовъ задумалъ проситься на его мѣсто.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Квартальническое мѣсто, хотя и не очень высокое, несмотря на то, что составляло первую ступень ниже городничяго, было, однако, довольно выгодно, если только человекъ, его занимающій, хорошо умѣлъ стащить съ каждаго воза полѣно дровъ, нару бураковъ, или кочанъ канусты; но если онъ не умѣлъ этого, то ему было бы плохо, такъ какъ казеннаго жалованья по этой четвертой въ государствѣ должности полагалось всего десять рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ, т. е. около двухъ рублей восьмидесяти пяти копеекъ по нынѣшнему счету. На это четвертая особа въ государствѣ должна была прилично содержать себя и свою семью, а какъ это невозможно, то каждый кварталный «донималъ» съ тѣхъ, которые обращались къ нему за чѣмъ-нибудь «но касающемуся дѣлу». Безъ этого «дониманія» невозможно было обходиться и даже сами вольтеріанцы противъ этого не возставали. О «неберущемъ» кварталномъ никто и не думалъ, и потому если всѣ кварталные брали, то долженъ былъ брать и Рыжовъ. Само начальство не могло желать и терпѣть, чтобы онъ портилъ служебную линію. Въ этомъ не могло

быть никакого сомнѣнія и не могло быть о томъ никакой рѣчи.

Городничій, къ которому Рыжовъ обратился за квартальничымъ мѣстомъ, разумѣется, не задавалъ себѣ никакого вопроса о его способностяхъ къ взяткамъ. Вѣроятно, онъ думалъ, что на этотъ счетъ Рыжовъ будетъ какъ все другіе, и потому у нихъ особаго договора на этотъ счетъ не было. Городничій принялъ въ соображеніе только его громадный ростъ, осанистую фигуру и пользовавшуюся большою извѣстностью силу и неутомимость въ ходьбѣ, которую Рыжовъ доказалъ своимъ пѣшимъ ношеніемъ почты. Все это были качества, очень подходящія для полицейской службы, которой добивался Рыжовъ, — и онъ былъ сдѣланъ солигалнчскимъ квартальнымъ, а мать его продолжала печь и продавать свои пироги на томъ самомъ базарѣ, гдѣ сынъ ея долженъ былъ установить и держать добрые порядки: блюсти вѣсь вѣрный и мѣру полную и утрисенную.

Городничій сдѣлалъ ему только одно внушеніе:

— Бей безъ поврежденія и по касающему моего не захватывай.

Рыжовъ обязался это исполнять и пошелъ дѣйствовать, но вскорѣ же началъ подавать о себѣ странныя сомнѣнія, которыя стали тревожить третью особу въ государствѣ, а самого бывшего Александку, а пышѣ Александра Аванасьевича, доводить до весьма тягостныхъ испытаній.

Рыжовъ съ перваго же дня службы оказался по должности ретивъ и исправенъ: прийдя на базаръ, онъ размѣстилъ тамъ возы; разсадилъ иначе бабъ съ пирогами, помѣстивъ при томъ свою мать не на лучшее мѣсто. Пьяныхъ мужиковъ частію урѣзонилъ, а частію поучилъ рукою властною, но съ пріятностью, такъ хорошо, какъ будто имъ этимъ большое одолженіе сдѣлалъ и ничего не взялъ за науку. Въ тотъ же день онъ отвергъ и припошеніе капустныхъ бабъ, пришедшихъ къ нему на поклонъ по касающему, и еще объявилъ, что ему по касающему ни отъ кого ничего и не слѣдуетъ, потому что за все его касающее ему «царь жалуетъ, а мзду брать Богъ запрещаетъ».

День провелъ Рыжовъ хорошо, а ночь провелъ еще лучше: обошелъ весь городъ, и кого засталъ на ходу въ поздній часъ, разспросилъ: откуда, куда и по какой надобности? Съ добрымъ человѣкомъ поговорилъ, самъ его даже

проводить и посовѣтовать, а одному-другому пьяному ухо надрать, да будошникову жену, которая подъ коровъ колдовать ходила, въ кутузку заперъ, а на утро явился къ городничему съ докладомъ, что видитъ себѣ въ дѣлѣ одну номѣху въ будошникахъ.

— Проводить, говоритъ. они время въ праздности и спросонья ходятъ безъ надобности,—людямъ по касающему надобдають и сами портятся. Лучше ихъ отъ лѣнивой пустоты отрѣшнить и послать къ вашему высокоблагородію въ огородъ гряды полоть, а я одинъ все управлю.

Городничему это было не вопреки, а домовитой городничихѣ совѣтъ по сердцу: однимъ будошникамъ могло не нравиться, да закону не соответствовало; но будошниковъ кто думалъ спрашивать, а законъ... городничій судить о немъ русскимъ судомъ: «законъ—что коня: куда надо—туда и ворота его». Александръ же Аонасьевичъ выше всего ставилъ законъ: «въ потѣ лица твоего ѣшь хлѣбъ твой» и по тому закону выходило, что всякіе лишніе «приставники» бремя ненужное, которое надо отставить и приставить къ какому бы то ни было другому настоящему дѣлу,—«потному».

И уредилось это дѣло, какъ указалъ Рыковъ, и было оно пріятно въ очахъ правителя и народа и обратило къ Рыкову сердца людей благодарныхъ. А Рыковъ самъ ходить по городу днемъ, ходить одинъ ночью и мало-помалу вездѣ сталъ чувствоваться его добрый хозяйскій дозоръ, и опять было это пріятно въ очахъ всѣхъ. Словомъ, все шло хорошо и обѣщало покой невозмутимый, по тутъ-то и бѣда: не сварился народъ,—не кормить воеводъ—ни откуда ни что не касалось и, кромѣ уборки огорода, не было правителю прибылей ни большихъ, ни среднихъ, ни малыхъ.

Городничій возмущился духомъ, винокъ въ дѣло, увидалъ, что такъ невозможно, и воздвигъ на Рыкова ѣдкое гоненіе.

Опъ попросилъ протопопа разузнать, нѣтъ ли въ безкасательномъ Рыковѣ какого неправославія, но протопопъ отвѣчалъ, что явнаго неправославія въ Рыковѣ онъ не усматриваетъ, а замѣчаетъ въ немъ нѣкую гордыню, происходящую, конечно, отъ того, что его мать широги печеть и ему отдѣляетъ.

— Пресѣчь совѣтую оный торгъ, ей нынѣ по сыну не-

подобаяющій, и уничтожится тогда ему оная его непомѣрная гордыня и онъ прикоснется.

— Пресѣку,—отвѣчалъ городничій, и сказалъ Рыжову:— своей матери на торгу сидѣть не годится.

— Хорошо,—отвѣчалъ Рыжовъ и взялъ мать съ дочками съ базара, а въ укоризненномъ поведеніи остался попрежнему,—не прикасался.

Тогда протопопъ указалъ, что Рыжовъ не справлялъ себѣ форменнаго платья и въ пасхальный день, скупо похристовавшись съ одними ближними, не явился съ поздравленіемъ ни къ кому изъ именитыхъ гражданъ, на что тѣ, впрочемъ, претензій не изъявляли.

Это находилось въ зависимости одно отъ другого. Рыжовъ не ходилъ за праздничными и потому ему не на что было обмундироваться, но обмундировка требовалась и она была у прежняго квартальнаго. Все видѣли у него и мундиръ съ воротомъ, и рейтузы, и сапоги съ кисточкой, а этотъ какъ ходилъ съ почтою, такъ и оставался въ полосатомъ тиковомъ бешметѣ съ крючками, въ желтыхъ нанговыхъ штанахъ и въ простой крестьянской шапкѣ, а на зиму имѣлъ овчинный нагольный тулупъ, и ничего иного не заводилъ, да и не могъ завести на 2 руб. 87 коп. мѣсячнаго жалованья, на которое жилъ, служа вѣрою и правдою.

Къ тому же, произошелъ случай, потребовавшій денегъ: умерла мать Рыжова, которой нечего было дѣлать на землѣ послѣ того, какъ она не могла на ней продавать широгн.

Александръ Аванасьевичъ схоронилъ ее, по общему отзыву, «скаречно», чѣмъ и доказалъ свою нелюбовь. Онъ заплатилъ за нее причту по-малости, но по самой-то широгницѣ даже широга не спекъ и сорокоуста не заказалъ.

Еретикъ! и это было тѣмъ достовѣриѣе, что хотя городничій ему не довѣрялъ и протопопъ въ немъ сомнѣвался, но и городничиха и протопопица за него горой стояли,—первая за пригонъ на ея огородъ бударей, а вторая по какой-то тайной причинѣ, лежавшей въ ея «характерѣ сопротивленія».

Въ этихъ особахъ Александръ Аванасьевичъ имѣлъ защитницъ. Городничиха сама ему послала отъ урожая земного двѣ мѣры картофеля, но онъ, не развязывая мѣшковъ,

принесъ картофель назадъ на своихъ плечахъ и коротко сказалъ:

— За усердіе благодарю, а даровъ не пріемлю.

Тогда протопоица, дама мнительная, поднесла ему двѣ коленикоровыя мапинки своего древняго рукодѣлья отъ тѣхъ поръ, когда еще протопоицъ былъ ставленникомъ, но чудаекъ и этого не взялъ:

— Нельзя, говоритъ, дары брать, да и, одѣваясь по простотѣ, я никакой въ семь щегольствъ пользы не нахожу.

Тутъ и сказала протопоица мужу въ злости задорное слово:

— Вотъ бы, говоритъ, кому пристало у алтаря стоять, а не вамъ, обираламъ духовнымъ.

Протопоицъ осердился, — велѣлъ женѣ молчать, а самъ все лежалъ да думалъ:

«Это новость масонская, и если я ее услѣжу и открою, то могу быть въ большомъ отличіи, и даже могу въ Петербургъ переѣхать.»

Такъ онъ этимъ забредилъ и съ бреду составилъ планъ, какъ обнажить совѣсть Рыкова до раздѣленія души съ тѣломъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Подходилъ Великій постъ и протопоицъ, какъ на ладонкѣ, видѣлъ, какимъ образомъ онъ обнажить душу Рыкова до раздѣленія, и тогда будетъ знать, какъ поступить съ нимъ по злобѣ его уклоненіи отъ истины православія.

Съ этою цѣлью онъ прямо присовѣтовалъ городничему прислать къ нему на духъ полосатаго квартальнаго на первой же недѣлѣ. А на духу онъ общалъ его хорошенько пронять и, гнѣвомъ Божиимъ принудивъ, все отъ него выведать, что въ немъ есть тайнаго и сокровеннаго, и за что онъ всего касающаго чуждается и даровъ не пріемлетъ. А затѣмъ сказалъ: увидимъ по открытому страхомъ виду его совѣсти, чему онъ подлежать будетъ, и тому его и подвергнемъ, да снается духъ.

Помянувъ слова Павла, протопоицъ сталъ ждать покойно, зная, что въ нихъ кійждо своя отыскать можетъ.

Городничій тоже сдѣлалъ свое дѣло.

— Намъ съ тобой, Александръ Аоанасьевичъ, какъ виднымъ лицамъ въ городѣ, — сказалъ онъ: — надо въ народѣ религій примѣръ показать и къ церкви сдѣлать почтеніе.

Рыковъ отвѣчалъ, что опъ согласенъ.

— Изволь же, братецъ, говѣть и исповѣдаться.

— Согласенъ,—отвѣчалъ Рыковъ.

— И какъ оба мы люди на виду у всѣхъ, то и на виду все это должны сдѣлать, а не какъ-нибудь, прячучись. И къ протопопу на духъ хожу,—онъ всѣхъ въ духовенствѣ опытниѣ,—и ты къ нему иди.

— Пойду къ протопопу.

Да; и иди ты на первой недѣлѣ, а я на послѣдней пойду,—такъ и раздѣлимся.

— И на это согласенъ.

Протопопъ выисповѣдалъ Рыкова и даже похвалился, что на всѣ корки его пробралъ, но не нашелъ въ немъ грѣха къ смерти.

— Какался, говоритъ, въ одномъ, другомъ, въ третьемъ,—во всемъ не святъ по-малости, но грѣхи все простые, человѣческіе, а противъ начальства особаго зла не мыслить и ни на васъ, ни на меня «по касающему» доносить не думаетъ. А что «даровъ не пріемлетъ»,—то это по одной вредной фантазіи.

— Все же, значитъ, есть въ немъ вредная фантазіи. А въ чемъ она заключается?

— Библии начитался.

— Ишь его, дурака, угораздило!

— Да; начитался отъ скуки и позабыть не можетъ.

— Экій дуракъ! что же теперь съ нимъ сдѣлать?

— Ничего не сдѣлаешь: онъ уже очень далеко начитался.

— Неужели до самого до «Христа» дошелъ?

— Всю, всю прочиталъ.

— Ну, значитъ, шабашъ.

Пожалѣли и стали къ Рыкову милостивѣе. На Руси всѣ православные знаютъ, что кто Библию прочиталъ и «до Христа дочитался», съ того резонныхъ поступковъ строго спрашивать нельзя; но зато такіе люди, что юридые,—они чудесягъ, а никому не вредны и ихъ не боятся. Впрочемъ, чтобы быть еще обезпеченнѣе насчетъ страннаго исправленія Рыкова «по касающему», отецъ протопопъ пренудалъ городничему мудрый, но жестокой совѣтъ,—чтобы женить Александра Аванасьевича.

— Женатый человѣкъ,—развивалъ протопопъ:—хотя и «до Христа дочитается», но ему свою честность соблюсти

трудно: жена его начнет нажимать, и не тѣмъ, такъ другимъ макеромъ такъ дойметъ, что онъ ей уступить и всю Библию изъ головы выпустить, а станетъ къ дарамъ примчивъ и начальству предать.

Городничему совѣтъ принель по мыслямъ, и онъ заказалъ Александру Аонасьевичу, чтобы тотъ какъ знаетъ, а непременно женился, потому что холостые люди на политическихъ должностяхъ не надежны.

— Какъ хочешь, говоритъ, братъ, а ты мнѣ въ разсужденіи всего хороши, но въ разсужденіи одного не гѣдишься.

— Почему?

— Холостой.

— Что же въ томъ за укоризна?

— Въ томъ укоризна, что можешь что-нибудь вѣроломное сдѣлать и сѣзгать въ чужую губернію. Тебѣ, вѣдь, теперь что?—схватилъ свою Бибель да и весь тутъ.

— Весь тутъ.

— Вотъ это и неблагонадежно.

— А развѣ женатый благонадежнѣе?

— И сравненія нѣтъ; изъ женатаго я, говоритъ, хоть веревку вей, онъ все стерпитъ, потому что онъ интендовъ заведетъ, да и бабу пожалѣетъ, а холостой самъ что птица, — ему довѣрить нельзя. Такъ вотъ — либо уходи, либо женись.

Загадочный чудакъ, выслушавъ такое разсужденіе, немало не смутился и отвѣчалъ:

— Что же,—и женитьба вещь добрая, она отъ Бога показана: если требуется—я женюсь.

— Но только ты руби дерево по себѣ.

— По себѣ вырублю.

— И выбирай поскорѣе.

— Да у меня уже выбрана: надо только сходить посмотрѣть, не взяли ли ее другіе.

Городничій надъ нимъ посмѣялся:

— Ишь ты, говоритъ, грѣховодникъ, — будто за нимъ и грѣха никогда не водится, а онъ себѣ уже и жену высмотрѣлъ.

— Гдѣ грѣхамъ не водится!—отвѣчалъ Александръ Аонасьевичъ: — полонъ сосудъ мерзости, а только невѣсту я еще не сваталъ, но, дѣйствительно, на примѣтъ имѣю и прошу позволенія сходить на нее взглянуть.

— А гдѣ она у тебя,—не здѣшняя, вѣрно,—дальняя?

— Да, такъ, и не здѣшняя, и не дальняя,—у ручья при болотцѣ живеть.

Городничій еще посмѣялся, отпустилъ Рыкова и, заинтересованный, ждетъ: когда его чудакъ вернется и что скажетъ?

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Рыковъ, дѣйствительно, срубилъ дерево по себѣ: черезъ недѣлю онъ привелъ въ городъ жену — ражую, бѣлую, румяную, съ добрыми карими глазами и съ покорностью въ каждомъ шагѣ и движеніи. Одѣта она была по-крестьянски, и шли оба супруга другъ за другомъ, неся на плечахъ коромысло, на которомъ висѣла подвизанная холщевымъ концомъ расписная лубочная коробья съ приданымъ.

Бывалые торговые люди сразу узнали въ этой особѣ дочь старой бабы Козлихи, что жила въ одинокой избушкѣ у ручья надъ болотомъ и слыла злою колдуньею. Всѣ думали, что Рыковъ взялъ себѣ колдуньину дѣвку въ работницы.

Это отчасти такъ и было, но только Рыковъ, прежде чѣмъ привести эту работницу домой, — перевѣчался съ нею. Супружеская жизнь обходилась ему ничуть не дороже холостой; напротивъ, теперь ему стало даже выгоднѣе, потому что онъ, приведя въ домъ жену, тотчасъ же отпустилъ батрачку, которой много ли, мало ли, а все-таки платилъ рубль мѣдью въ мѣсяць. Съ этихъ поръ мѣдный рубль былъ у него въ карманѣ, а хозяйство пошло лучше; здоровыя руки его жены никогда не были праздны: она себѣ и прядла, и ткала, да еще оказалось мастерицею валять чулки и огородничать. Словомъ, жена его была простая, досужая крестьянская женщина, вѣрная и покорная, съ которою библейскій чудакъ могъ жить по-библейски, и рассказать о ней, кромѣ сказаннаго, нечего.

Обращеніе съ женою у Александра Аванасьевича было самое простое, но своеобразное: онъ ей говорилъ «ты», а она ему «вы»; онъ звалъ ее «баба», а она его Александръ Аванасьевичъ; она ему служила, а онъ былъ ея господинъ; когда онъ съ нею заговаривалъ, она отвѣчала, — когда онъ молчалъ, она не смѣла спрашивать. За столомъ онъ сидѣлъ, а она подавала, но ложе у нихъ было общее и, вѣроятно, это было причиною, что у нихъ появился плодъ супружества. Плодъ былъ одинъ—единственный сынъ,

котораго «баба» выкормила, а въ воспитаніе его не вмѣшивалась.

Любила ли «баба» своего библейскаго мужа, или не любила—это въ ихъ отношеніяхъ ничѣмъ не проявлялось, но что она была вѣрна своему мужу — это было несомнѣнно. Кромѣ того, она его боялась какъ лица, поставленнаго надъ нею закономъ Божескимъ и имѣющаго на нее божественное право. Мирному житію ея это не мѣшало. Грамотѣ она не знала и Александръ Аонасевичъ не желалъ исполнять этого пробѣла въ ея воспитаніи. Жили они, разумѣется, спартански, въ самой строжайшей умѣренности, но не считали это несчастіемъ; этому, можетъ-быть, много помогало, что и многіе другіе жили вокругъ не въ большемъ довольствѣ. Чаю они не пили и не содержали его въ заводѣ, а мясо ѣли только по большимъ праздникамъ— въ остальное же время питались хлѣбомъ и овощами, квасными или свѣжими съ своего огорода, а всего болѣе грибами, которыхъ росло въ изобиліи въ ихъ лѣсной сторонѣ. Грибы эти «баба» лѣтнею порою сама собирала по лѣсамъ и сама готовила въ прокъ, но, къ сожалѣнію ея, заготовляла ихъ только однимъ способомъ сушенія. Солить было нечѣмъ. Расходъ на соль въ потребномъ количествѣ для всего запаса не входилъ въ расчетъ Рыкова, а когда «баба» однажды насолала кадочку груздей солью, которую ей подарилъ въ мѣшечкѣ откупщикъ, то Александръ Аонасевичъ, дознавшись объ этомъ, «бабу» патриархально побилъ и свелъ къ протопопу для положенія на нее эпитиміи за ослушаніе противъ завітовъ мужа, а грибы цѣлою кадкою собственноручно прикатилъ къ откупщику двору и велѣлъ взять «куда хотить», а откупщику сдѣлалъ выговоръ.

Таковъ былъ этотъ чудакъ, про котораго изъ долготы его дней тоже рассказывать много нечего; сидѣлъ онъ на своемъ мѣстѣ, дѣлалъ свое маленькое дѣло, не пользующееся ничѣмъ особеннымъ сочувствіемъ и ничѣмъ особеннаго сочувствія не искалъ; солигаллическіе верховоды считали его «поврежденнымъ отъ Библии», а простецы судили о немъ просто, что онъ «такой-нѣкій-этакой».

Довольно неясное опредѣленіе это для ихъ имѣло значеніе ясное и понятное.

Рыковъ нимало не заботился, что о немъ думаютъ: онъ

честно служилъ всѣмъ и особенно не угождалъ никому; въ мысляхъ же своихъ отчитывался Единому, въ Кого неизмѣнно и крѣпко вѣрилъ, именуя Его учредителемъ и хозяиномъ всего сущаго. Удовольствіе Рыжова состояло въ исполненіи своего долга, а высній духовный комфортъ — философствованіе о выснихъ вопросахъ міра духовнаго и объ отраженіи законовъ того міра въ явленіяхъ и въ судьбахъ отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ царствъ и народовъ. Не имѣлъ ли Рыжовъ общей многимъ самоучкамъ слабости считать себя всѣхъ умнѣе — это не извѣстно: по опыту не былъ гордъ и своихъ вѣрованій и взглядовъ онъ никому никогда не навязывалъ и даже не сообщалъ, а только вписывалъ въ большія тетради синей бумаги, которыя подшивалъ въ одну обложку съ многозначительною надписью: «Однодумъ».

Что было написано во всей этой громаднѣйшей рукописи полицейскаго философа—осталось сокрытымъ, потому что со смертію Александра Аонасьевича его «Однодумъ» пропалъ, да и по памяти о немъ много никто рассказать не можетъ. Едва только два-три мѣста изъ всего «Однодума» были показаны Рыжовымъ одному важному лицу при одномъ необычайномъ случаѣ его жизни, къ которому мы теперь приближаемся. Остальные же листы «Однодума», о существованіи котораго зналъ почти весь Солигаличъ, изведены на оклейку стѣнъ или, можетъ-быть, и сожжены, во избѣжаніе непріятностей, такъ какъ это сочиненіе заключало въ себѣ много несообразнаго бреда и религіозныхъ фантазій, за которыя тогда и автора, и чтецовъ посылали молиться въ Соловецкій монастырь.

Духъ же этой рукописи сталъ извѣстенъ съ наступающаго достопамятнаго въ хроникахъ Солигалича происшествія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Не могу съ точностью вспомнить и не знаю, гдѣ справиться: въ которомъ именно году въ Кострому былъ назначенъ губернаторомъ Сергѣй Степановичъ Ланской, впоследствии графъ и извѣстный министръ внутреннихъ дѣлъ. Сановникъ этотъ, по мѣткому замѣчанію одного его современника, «имѣлъ сильный умъ и надменную фигуру», и такая краткая характеристика вѣрна и вполнѣ достаточна

для представленія, какое нужно имѣть о немъ нашему читателю.

Можно, кажется, добавить только, что Ланской уважали въ людяхъ честность и справедливость и самъ былъ добръ, а также любилъ Россію и русскаго человѣка, но понималъ его барственно, какъ аристократъ, имѣвшій на все чужеземный взглядъ и западную мѣрку.

Назначеніе Ланского губернаторомъ въ Кострому случилось во время чудаческаго служенія Александра Аванасьевича Рыжова солигаличскимъ кварталнымъ, и притомъ еще при нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ.

По вступленіи Сергѣя Стенановича въ должность губернатора, онъ, по примѣру многихъ дѣятелей, прежде всего «размелъ губернію», т.-е. выгналъ со службы великое множество нерадивыхъ и злоупотреблявшихъ своею должностью чиновниковъ, въ числѣ коихъ былъ и солигаличскій городничій, при которомъ состоялъ кварталнымъ Рыжовъ.

По изгнаніи со службы негодныхъ лицъ, новый губернаторъ не смѣшилъ замѣщать ихъ другими, чтобы не попасть на такихъ же, а можетъ-быть еще и на худшихъ. Чтобы избрать людей достойныхъ, онъ хотѣлъ оглядѣться или, какъ нынче по-русски говорятъ, «ориентироваться».

Съ этою цѣлью должности удаленныхъ лицъ были поручены временнымъ замѣстителямъ изъ младшихъ чиновниковъ,—а губернаторъ векорѣ же предпринялъ объѣздъ всей губерніи, затренивавшей страннымъ трепетомъ отъ однихъ слуховъ о его «надменной фигурѣ».

Александръ Аванасьевичъ исправлялъ должность городничаго. Чтò онъ дѣлалъ на этомъ замѣстительствѣ отмѣнаго отъ прежнихъ «сталыхъ» порядковъ,—этого не знаю; но, разумѣется, онъ не бралъ взятокъ на городничествѣ, какъ не бралъ ихъ на своемъ кварталничествѣ. Образа жизни своей и отношеній къ людямъ Рыжовъ тоже не мѣнялъ,—даже не садился на городническій стулъ передъ зеркаломъ, а подписывался «за городничаго», сидя за своимъ извѣданнымъ чернилами столикомъ у входной двери. Этому послѣднему упорству Рыжовъ имѣлъ объясненіе, находящееся въ связи съ апофеозомъ его жизни. У Александра Аванасьевича и послѣ многихъ лѣтъ его службы точно такъ же, какъ и въ первые дни его кварталничества,—*не было форменнаго платья*, и онъ правилъ «за городничаго» все въ томъ же

просаленномъ и перештопанномъ бешметѣ. А потому на представленія писмоводителя пересѣсть на мѣсто онъ отвѣчалъ:

— Не могу: хитонъ обличаетъ мя, яко имѣеть браченъ.

Все это такъ и было записано имъ собственною рукою въ его «Однодумѣ», съ добавленіемъ, что писмоводитель предлагалъ ему «пересѣсть въ бешметѣ, но снять орла на зеркалѣ», однако, Александръ Аонасьевичъ «оставилъ сію непристойность» и продолжалъ сидѣть на прежнемъ мѣстѣ въ бешметѣ.

Дѣлу полицейской расправы въ городѣ эта неформенность не мѣшала, но вопросъ становился совершенно инымъ, когда пришла вѣсть о пріѣздѣ «надменной фигуры». Александръ Аонасьевичъ, въ качествѣ градоначальника, долженъ былъ встрѣтить губернатора, принять и рапортовать ему о благосостояніи Солигалича, а также отвѣчать на всѣ вопросы, какіе Ланской ему предложитъ, и репрезентовать ему всѣ достопримѣчательности города, начиная отъ собора, до тюрьмы, пустырей, овраговъ, съ которыми никто не зналъ что дѣлать.

Рыковъ, дѣйствительно, имѣлъ задачу: какъ ему отбыть все это въ своемъ бешметѣ? Но онъ объ этомъ нисколько не заботился, зато много заботъ причиняло это всѣмъ другимъ, потому что Рыковъ своимъ безобразіемъ могъ на первомъ же шагу прогнѣвить «надменную фигуру». Никому и въ голову не приходило, что именно Александру-то Аонасьевичу и предстояло удивить и даже *обрадовать* всѣхъ пугавшую «надменную фигуру», и даже напрогночить ему повышение.

Вообще заботливый Александръ Аонасьевичъ нисколько не смущался, какъ онъ явится, и совсѣмъ не раздѣлялъ общей чиновничьей робости, черезъ что подвергся осужденію и даже ненависти и палъ во мнѣніи своихъ согражданъ, по палъ съ тѣмъ, чтобы потомъ встать всѣхъ выше и оставить по себѣ память героическую и почти баснословную.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Не излишне еще разъ напомнить, что въ тѣхъ недавнія, но глубоко провалившіяся времена, къ которымъ относится рассказъ о Рыковѣ, губернаторы были совсѣмъ не то, что въ нынѣшніе лукавые дни, когда величіе этихъ сановни-

ковъ значительно пало, или, по выраженію нѣкоего духовнаго лѣтописца, «жестоко подвдлншася». Тогда губернаторы ѣздили «страшно», а встрѣчали ихъ «притренино». Теченіе ихъ совершалось въ грандіозной суетѣ, которой работали не только всѣ младшія начальства и власти, но даже и чернь, и четвероногіе скоты. Города къ пріѣзду губернаторовъ воспринимали помазаніе мѣломъ, сажеей и охрою; на шлагбаумы заново наводилась національная нестрядь казенной трехцвѣтки: бударямъ и инвалидамъ внушали «головы и усы наваксить», — изъ больницъ шла усиленная выписка въ «оздоровку». Во всеобщемъ оживленіи участвовало все до конецъ земли; изъ деревень на тракты сгоняли бабъ и мужиковъ, которые по мѣсяцамъ кочевали, чиня дорожныя топи, гати и мосты; на станціяхъ замедляли даже оглашенные курьеры и разные поручики, слѣбно ѣдущіе по безчисленнымъ казеннымъ надобностямъ. Станціонные смотрители въ эту пору отменчивали несокойному люду свои нестерпимыя обиды и съ непоколебимою душевною твердостью заставляли плестись на какихъ попало клячахъ, потому что хорошія лошади «выстанвались» подъ губернатора. Словомъ, не было никому ни проходу, ни проѣзду безъ того, чтобы онъ не осязалъ какимъ-нибудь изъ своихъ чувствъ, что въ природѣ всѣхъ вещей происходитъ нѣчто чрезвычайное. Благодаря этому, тогда безъ всякаго пустозвонства болтливой прессы всякъ, старъ и младъ, знали, что ѣдетъ тотъ, кого нѣтъ на всю губернію больше, и всѣ, кто какъ умѣлъ, выражали по этому случаю искреннему своему разнообразныя свои чувства. Но самая возвышенная дѣятельность происходила въ центральныхъ гнѣздахъ уѣзднаго властелинства—въ судебныхъ канцеляріяхъ, гдѣ дѣло начиналось съ утомительной и скучной отмѣтки регистровъ, а кончалось веселою операциею обметанія стѣнъ и мытья половъ. Поломойство — это было что-то въ родѣ классическихъ оргій въ дни собранія винограда, когда все напряженно ликовало, имѣя одну заботу: пожить, пока наступитъ часъ смертный. Въ канцеляріи за небольшимъ конвоемъ кривыхъ инвалидовъ доставляли изъ острога смертною скукою соскучившихся арестантовъ, которыя, ловя краткій мигъ счастья, пользовались здѣсь нѣтънтельными правами своего пола—услаждать долю смертныхъ. Декольте и маншкуртъ, съ которыми онѣ приступали къ работѣ,

столь возбуждительно дѣйствовали на дежурившихъ при бумагахъ молодыхъ приказныхъ, что послѣдствіемъ этого, какъ извѣстно, въ острогахъ нерѣдко появлялись на свѣтъ такъ-называемыя «поломойныя дѣти», — непризнаннаго, но несомнѣнно благороднаго происхожденія.

Въ эти же дни въ домахъ чернили парадныя сапоги, бѣлили рейтузы и приготавливали слежавшіяся и поточенныя молью мундиры. Это тоже оживляло городъ. Мундиры сначала *протыкали* въ жаркій день на солнышкѣ, раскидывая ихъ на протянутыхъ черезъ дворъ веревкахъ, что ко всякимъ воротамъ привлекало множество любопытныхъ; потомъ мундиры *выбивали* прутьями, растянувъ на подушкѣ, или на войлочкѣ; затѣмъ ихъ *трясли*, еще позже ихъ *читали*, *утиожили* и, наконецъ, *раскидывали* на крестѣ въ залѣ или другой парадной комнатѣ, и въ заключеніе всего—въ концѣ концовъ ихъ втихомолку крошили изъ священныхъ бутылочекъ богоявленскою водою, которая, если ее держать у образа въ заткнутой воскомъ посудинѣ, не портится отъ одного Крещеньева дня до другого и нимало не утрачиваетъ чудотворной силы, сообщаемой ей въ моментъ погруженія креста съ пѣніемъ «Спаси, Госноди, люди Твоя и благослови достояніе Твое».

Исходя въ срѣтеніе особъ, чиновники облекались въ окропленные мундиры и въ качествѣ прочаго Божія достоянія бывали спасаемы. Объ этомъ есть много достовѣрныхъ сказаній, но при нынѣшнемъ всеобщемъ маловѣрїи и особенно при офенбаховскомъ настроенїи, царящемъ въ чиновномъ мїрѣ, все это уже уронено въ общемъ мѣнѣи и въ числѣ многихъ другихъ освященныхъ временемъ вещей легкомысленно подвергается сомнѣнію; отцамъ же нашимъ, имѣвшимъ настоящую, крѣпкую вѣру, давалось по ихъ вѣрѣ.

Ожиданіе губернатора въ тѣ времена длилось долго и мучительно. Желѣзныхъ дорогъ тогда еще не было, и поѣзда не подходили въ урочный часъ по росписанію, подвозя губернатора вмѣстѣ со всѣми прочими смертными, а особо заготовлялся трактъ и затѣмъ никто не зналъ съ точностью ни дня, ни часа, когда сапожникъ пожалуетъ. Поэтому истома ожиданія была продолжительна и полна особенной торжественной тревожности, на самомъ зенитѣ которой находился очередной будочникъ, обязанный наблюдать трактъ съ самой высшей въ городѣ колокольни. Онъ

долженъ былъ не задремать, охраняя городъ отъ внезапнаго наѣзда; но, конечно, случалось, что онъ дремалъ и даже спалъ, и тогда въ такихъ несчастныхъ случаяхъ бывали разныя неприятности. Иногда перадивый стражъ ударялъ въ малый колоколь, подпустивъ губернатора уже на слишкомъ близкую дистанцію, такъ что не всѣ чиновники успѣвали примундириться и выскочить, протоиошъ облачиться и стать со крестомъ на сходахъ, а иногда даже городничій не успѣвалъ выѣхать, стоя въ телѣгѣ, къ заставѣ. Во избѣжаніе этого, сторожа заставляли ходить вокругъ колокольни и у каждаго пролета дѣлать поклонъ въ соотвѣтственную сторону.

Это служило сторожу развлеченіемъ, а обществу ручательствомъ, что бдящій надъ нимъ не спитъ и не дремлетъ. Но и эта предосторожность не всегда помогала; случалось, что сторожъ обладалъ способностью альбатроса: онъ спалъ, ходя и кланяясь, а сиросонья билъ ложный вполухъ, принявъ за губернатора помѣшничью карету, и тогда въ городѣ поднималось напрасное смятеніе, оканчивавшееся тѣмъ, что чиновники снова размундировались и городническая тройка откладывалась, а неосмотрительнаго стража слегка или не слегка сѣкли.

Подобныя трудности встрѣчались часто и преодолювались нелегко, и притомъ всею своею тигостью главнымъ образомъ лежали на городничемъ, который впередъ всѣхъ выносился вскачь навстрѣчу, первый принималъ на себя начальственные взоры и взрывы и, потомъ, онятъ, стоя же, скакалъ впереди губернаторской кареты къ собору, гдѣ у крыльца ожидалъ протоиошъ во всемъ облаченіи съ крестомъ и крошилъ въ чашѣ священной воды. Здѣсь городничій непременно собственноручно откидывалъ губернаторскую подножку и этимъ приемомъ, такъ сказать, собственноручно выпускалъ прибывшую высокую особу на родимую землю изъ путешественнаго ковчега. Тенерь все это уже не такъ, все это попорчено и притомъ едва ли даже безъ участія самихъ губернаторовъ, въ числѣ конхъ были охотники «играть на пониженіе». Нынче они, можетъ-быть, и каются, но чтò уплыло, того не воротятъ: подножекъ имъ никто не откидываетъ, кромѣ лакеевъ и жандармовъ.

Но исправлявшій эту обязанность прежній городничій этимъ не стѣснялся и служилъ для всѣхъ первымъ проб-

нымъ камнемъ; онъ первый извѣдывалъ: лютъ или благо-стенъ прибывшій губернаторъ. И, надо правду сказать, отъ городничаго многое зависѣло: онъ могъ испортить дѣло вначалѣ, потому что одною какою-нибудь своею неловкостью могъ разгнѣвать губернатора и заставить его рвать и метать; а могъ также однимъ ловкимъ прыжкомъ, оборотомъ или инымъ соответственнымъ вывертомъ привести его пре-восходительство въ благорасположеніе.

Теперь каждый, даже не знавшій этихъ патриархальныхъ порядковъ читатель, можетъ судить, какъ естественна была тревога солигаличской чиновной знати, которой пришлось имѣть своимъ представителемъ такого своеобразнаго, неуклюжаго и упрямаго городничаго, какъ Рыжовъ, у котораго, вдобавокъ ко всѣмъ его личнымъ неудобнымъ качествамъ, весь уборъ состоялъ въ полосатомъ тиковомъ бешметѣ и кошлатой мужичьей шапкѣ.

Вотъ что первое должно было ударить прямо въ очи «надменной фигурѣ», о которой уже досужіе языки довели до Солигалича самыя страшныя вѣсти... Чего было ожидать добраго?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Александръ Аванасьевичъ, дѣйствительно, могъ привести кого хотите въ отчаяніе; онъ ни о чемъ не безпокоился и въ ожиданіи губернатора держалъ себя такъ, какъ будто предстоявшее страшное событіе его совсѣмъ не касалось. Онъ не сломалъ ни у одного жителя ни одного забора, ничего не перемазалъ ни мѣломъ, ни охрою и вообще не предпринималъ никакихъ средствъ не только къ украшенію города, но и къ измѣненію своего несообразнаго костюма, а продолжалъ прохаживаться въ бешметѣ. На всѣ предлагаемые ему проекты онъ отвѣчалъ:

— Не должно вводить народъ въ убытки: развѣ губернаторъ изнуритель края? онъ пусть пробѣдетъ, а заборъ пусть останется. Требованія же насчетъ мундира Рыжовъ отражалъ тѣмъ, что у него на то нѣтъ достатковъ и что, говорить, имѣю,—въ томъ и являюсь: Богу совсѣмъ нагишомъ предстану. Дѣло не въ платьѣ, а въ разсудкѣ и въ совѣсти,—по платью встрѣчаютъ—по уму провожаютъ.

Переупрямить Рыжова никто не надѣялся, а между тѣмъ это было очень важно не столько для упрямаца Рыжова, ко-

тому, можетъ-быть, и ничего съ его библейской точки зрѣнія, если его второе лицо въ государствѣ сгонить съ глазъ долой въ его бешметѣ; но это было важно для всѣхъ другихъ, потому что губернаторъ, конечно, разгнѣвается, увидя такую невидаль, какъ городничій въ бешметѣ.

Дорожа первымъ впечатлѣніемъ ожидаемаго гостя, солигаличскіе чины добивались только двухъ вещей: 1) чтобы былъ перекрашенъ шлагбаумъ, у котораго Александръ Аонасьевичъ долженъ встрѣтить губернатора, и 2) чтобы самъ Александръ Аонасьевичъ былъ на этотъ случай не въ полосатомъ бешметѣ, а въ приличной его званію формѣ. Но какъ этого достигнуть?

Мнѣнія были различныя и болѣе склонялись все къ тому, чтобы и шлагбаумъ перекрасить, и городничаго одѣть вкладчину. Въ отношеніи шлагбаума это было, конечно, удобно, но по отношенію къ обмундировкѣ Рыжова никуда не годилось.

Онъ сказалъ: «это даръ, а я даровъ не пріемлю». Тогда восторжествовало надъ всѣми предложеніе, которое подалъ зрѣлый въ сужденіи отецъ протопопъ. Онъ не выдалъ нужды ни въ какой складчинѣ ни на окраску заставы, ни на форму градоправителя, а сказалъ, что все должно лечь на того, кто всѣхъ провинилъ, а всѣхъ провинилъ, по его мнѣнію, былъ откушникъ. На него все должно и пасть. Онъ одинъ обязалъ на свой собственный счетъ не по неволѣ какой, а изъ усердія, окрасить заставу, за чтѣ протопопъ обѣщаль, срѣтая губернатора, умянуть объ этомъ въ краткомъ словѣ и, кромѣ того, помолиться о жертвователѣ въ тайноглаголемой запрестольной молитвѣ. Кромѣ того, отецъ протопопъ разсудилъ, что откушникъ долженъ дать засѣдателю, сверхъ ординарн, тройную порцію рому, французской водки и кизлярки, до которыхъ засѣдатель охочъ. И пусть засѣдатель зато отранортируется большимъ и пьетъ себѣ дома эту добавочную ординарію и на улицу не выходитъ, а свой мундиръ, одной съ полицейскимъ формы, отнеститъ Рыжову, — отчего сей послѣдній, вѣроятно, не найдетъ причины отказать, и будутъ тогда и овцы цѣлы, и волки сыты.

Планъ этотъ тѣмъ болѣе былъ удаченъ, что непремѣнный засѣдатель ростомъ-дородствомъ нѣсколько походилъ на Рыжова и притомъ, желясь недавно на купеческой дочери,

имѣлъ мундирную пару въ полномъ порядкѣ. Слѣдовательно, оставалось только упробить его, чтобы онъ для общаго блага къ прїѣзду начальства слегъ въ постель подъ видомъ тяжелой болѣзни и сдать свою амуницію на этотъ случай Рыкову, котораго отецъ протопопъ, надѣясь на свой духовный авторитетъ, тоже взялся убѣдить—и убѣдилъ. Не вида въ этомъ ни даровъ, ни мзды, справедливый Александръ Аонасьевичъ, для общаго счастья, согласился надѣть мундиръ. Произведена была примѣрка и пригонка форменной пары засѣдателя на Рыкова, и послѣ нѣкотораго вынеска со всѣхъ сторонъ всѣхъ запасовъ въ мундиръ и въ рейтузахъ, дѣло было приведено къ удовлетворительному результату. Александръ Аонасьевичъ хотя чувствовалъ въ мундирѣ весьма стѣснительную связанность, но могъ, однако, двигаться и все-таки быть теперь сноснымъ представителемъ власти. Небольшой же бѣлый карнизъ между мундиромъ и канифасовыми рейтузами положено было закрыть соответственной же канифасовою надшивкою, которою этотъ карнизъ былъ удачно замаскированъ. Словомъ, Александръ Аонасьевичъ былъ снаряженъ такъ, что губернаторъ могъ повернуть его на всѣ стороны и полюбоваться имъ такъ и иначе. Но злему року угодно было все это осмѣять и оставить Александру Аонасьевичу надлежащую представительность только съ одной стороны, а другую совсѣмъ испортить, и притомъ такимъ двусмысленнымъ образомъ, что могло дать поводъ къ самымъ произвольнымъ толкованіямъ его и безъ того загадочнаго политическаго образа мысли.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Шлагбаумъ былъ окрашенъ во всѣ цвѣта національной нестриади, состоящей изъ черныхъ и бѣлыхъ полосъ съ красными отводами, и еще не успѣлъ запылиться, какъ пронеслась вѣсть, что губернаторъ уже выѣхалъ изъ сосѣдняго города и держитъ путь прямо на Солнгалитчъ. Тотчасъ же вездѣ были поставлены махальные солдаты, а у забора бѣдной хибары Рыкова глодала землю рѣзвая почтовая тройка съ телѣгою, въ которую Александръ Аонасьевичъ долженъ былъ вспрыгнуть при первомъ сигналѣ и скакать навстрѣчу «надменной фигурѣ».

Въ послѣднемъ условіи было чрезвычайно много неудоб-

ной сложности, исполнявшей все вокруг безпокойной тревогой, которую очень не любила самообладающей Рыжовъ. Онъ рѣшился «быть всегда на своемъ мѣстѣ»: перевелъ тройку отъ своего забора къ заставѣ и самъ въ полномъ нарядѣ.—въ мундирѣ и бѣлыхъ рейтузахъ, съ рапортомъ за бортомъ, сѣлъ тутъ же на раскрашенную перекладину шлагбаума и водворился здѣсь, какъ столбикъ, а вокругъ него собрались любопытные, которыхъ онъ не прогонялъ, а, напротивъ, велъ съ ними бесѣду и среди этой бесѣды сподобился увидать, какъ на трактѣ закрубилось пыльное облако, изъ котораго стала вырѣзаться пара выносныхъ съ форейторомъ, украшеннымъ мѣдными бляхами. Это катилъ губернаторъ.

Рыжовъ быстро прыгнулъ въ телѣгу и хотѣлъ скакать, какъ вдругъ былъ пораженъ общимъ стономъ и вздохомъ толпы, крикнувшей ему:

— Батюшка, сбрось штаны!

— Что такое?—переспросилъ Рыжовъ.

— Штаны сбрось, батюшка, штаны,—отвѣчали люди.— Погляди-ка, на комъ мѣстѣ сидѣлъ, такъ къ бѣлому весь шланбѣвъ припечаталъ.

Рыжовъ оглянулся черезъ плечо и увидѣлъ, что всѣ невысохшія полосы національныхъ цвѣтовъ шлагбаума, дѣйствительно, съ удивительною отчетливостью отпечатались на его рейтузахъ.

Онъ поморщился, но сейчасъ же вздохнулъ и сказалъ: «Сюда начальству глядѣть нечего» и пустилъ вскачь тройку наветрѣчу «надменной особѣ».

Люди только руками махнули:

— Отчаянный! что-то ему теперь будетъ?

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Скореходы изъ этой же толпы быстро успѣли дать знать въ соборъ духовенству и набольшимъ, въ какомъ двусмысленномъ видѣ встрѣтитъ губернатора Рыжовъ,—но теперь уже всѣмъ было самому до себя.

Всѣхъ страннѣе было протопопу, потому что чиновники притаились въ церкви, а онъ съ крестомъ въ рукахъ стоялъ на сходахъ. Его окружалъ очень небольшой причтъ, изъ коего вырѣзались двѣ фигуры: приземистый дьяконъ съ большой головой и длинноногий дьячокъ въ стихарѣ съ

священною водою въ «анликовой» чапѣ, которая ходуномъ ходила въ его оробѣвшихъ рукахъ. Но вотъ трепеть страха смѣнился окаменѣніемъ: на площади показалась борзо скачущая тройкою почтовая телѣга, въ которой съ замѣчательнымъ достоинствомъ возвышалась гигантская фигура Рыжова. Онъ былъ въ шляпѣ, въ мундирѣ съ краснымъ воротомъ и въ бѣлыхъ рейтузахъ съ надшитымъ канифасовымъ карнизомъ, — что издали рѣшительно ничего не портило. Напротивъ, онъ всемъ казался чѣмъ-то величественнымъ и, дѣйствительно, такимъ и долженъ былъ казаться. Твердо стоя на скачущей телѣгѣ, на облучкѣ которой подпрыгивалъ ящикъ, Александръ Аванасьевичъ не колебался ни направо, ни налево, а плыть точно на колесницѣ какъ триумфаторъ, сложивъ на груди свои богатырскія руки и отдавая цѣлымъ облакомъ пыли слѣдовавшую за нимъ шестерикомъ коляску и легкій тарантасикъ. Въ этомъ тарантасѣ ѣхали чиновники. Ланской помѣщался одинъ въ каретѣ и, несмотря на отличавшую его солидную важность, былъ, повидимому, сильно заинтересованъ Рыжовымъ, который летѣлъ впереди его, стоя, въ кургузомъ мундирѣ, шмало не закрывавшемъ разводы національныхъ цвѣтовъ на его бѣлыхъ рейтузахъ. Очень возможно, что значительная доля губернаторскаго вниманія была привлечена именно этою странностію, значеніе которой не такъ легко было понять и опредѣлить.

Телѣга въ свое время своротила въ сторону, и Александръ Аванасьевичъ въ свое время соскочилъ и открылъ дверцу у губернаторской кареты.

Ланской вышелъ, имѣя, какъ всегда, неизмѣнно «надменную фигуру», въ которой, впрочемъ, содержалось довольно доброе сердце. Протопопъ, осѣнивъ его крестомъ, сказалъ: «Благословенъ грядый во имя Господне» и затѣмъ покропилъ его легоныко священной водою.

Сановникъ приложился ко кресту, отеръ батистовымъ платкомъ попавшія ему на надменное чело капли и вступилъ *первый* въ церковь. Все это происходило на самомъ виду у Александра Аванасьевича и чрезвычайно ему не понравилось, — все было «надменно». Неблагоприятное впечатлѣніе еще болѣе усилилось тѣмъ, что, вступивъ въ храмъ, губернаторъ не положилъ на себя креста и никому не поклонился, — ни алтарю, ни народу, и шелъ какъ шестъ, не сгибая головы, къ амвону.

Это было противъ всѣхъ правилъ Рыкова по отношенію къ богопочитаію и къ обязанностямъ высшаго быть при- мѣромъ для низшихъ, — и благочестивый духъ его всеколе- бался и поднялся на высоту невѣроятную.

Рыковъ все шелъ слѣдомъ за губернаторомъ и, по мѣрѣ того, какъ Ланской приближался къ солѣѣ, Рыковъ все больше и больше сокращалъ разстояніе между нимъ и со- бою, и вдругъ неожиданно схватилъ его за руку и громко произнесъ:

— Рабъ Божій Сергій! входи во храмъ Господень не на- дменно, а смиренно, представляя себя самымъ большимъ грѣшникомъ— вотъ какъ!

Съ этимъ онъ положилъ губернатору руку на спину и, степенно нагнувъ его въ полный поклонъ, снѣва отпустилъ и сталъ на вытяжку.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Очевидецъ, передававшій эту анекдотическую исторію о солигаличскомъ антикѣ, ничего не говорилъ: какъ принялъ это бывшій въ храмѣ народъ и начальство. Извѣстно только, что никто не имѣлъ отваги, чтобы заступиться за нагну- таго губернатора и остановить безтрезвную руку Рыкова, но о Ланскомъ сообщаютъ нѣчто подробнѣе. Сергій Степа- новичъ не подалъ ни малѣйшаго повода къ продолженію безпорядка, а, напротивъ, «смирилъ свою горделивую па- дменность умнымъ самообладаніемъ». Онъ не оборвалъ Але- ксандра Аванасьевича, и даже не сказалъ ему ни слова, но перекрестился и, оборотясь, поклонился всему народу, а затѣмъ скоро вышелъ и отправился на приготовленную ему квартиру.

Здѣсь Ланской принималъ чиновниковъ—коронныхъ и вы- борныхъ, и тѣхъ изъ нихъ, которые ему показались достой- ными большаго довѣрія, разспросилъ о Рыковѣ: что это за человекъ и какимъ образомъ онъ терпится въ обществѣ.

— Это нашъ квартальный Рыковъ,— отвѣчалъ ему голова.

— Что же онъ... вѣроятно, въ помѣшательствѣ?

— Никакъ нѣтъ: просто всегда *такой*.

— Такъ зачѣмъ же держать *такого* на службѣ?

— Онъ по службѣ хорошъ.

— Дерзокъ.

— Самый смиренный: на шею ему старшій сядь,— рассу-

дить: «поэтому везть надо» — и повезеть, но только онъ много въ Библии начитавшись и черезъ то разстроень.

— Вы говорите несообразное: Библия книга божественная.

— Это точно такъ, только ее не всякому честь пристойно: въ иночествѣ отъ нея страсть мечется, а у мірскихъ людей умъ мѣшается.

— Какіе пустяки! — возразилъ Ланской и продолжалъ разспрашивать:

— А какъ онъ насчетъ взятокъ: умѣренъ ли?

— Помилуйте, — говоритъ голова: — онъ совсѣмъ ничего не беретъ...

Губернаторъ еще болше не повѣрилъ.

— Этому, — говоритъ: — я уже ни за что не повѣрю.

— Нѣтъ: дѣйствительно, не беретъ.

— А какъ же, говоритъ, онъ какими средствами живетъ?

— Живетъ на жалованье.

— Вы вздоръ мнѣ рассказываете: такого человѣка во всей Россіи нѣтъ.

— Точно, — отвѣчаетъ, нѣтъ; но у насъ такой обывался.

— А сколько ему жалованья положено?

— Въ мѣсяць десять рублей.

— Вѣдь на это, говоритъ, овцу прокормить нельзя.

— Дѣйствительно, говоритъ, мудро жить — только онъ живетъ.

— Отчего же такъ всѣмъ нельзя, а онъ обходится?

— Библии начитался.

— Хорошо, — «Библии начитался», а что же онъ ѣсть?

— Хлѣбъ да воду.

И тутъ голова и рассказалъ о Рыковѣ, каковъ онъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ.

— Такъ это совсѣмъ удивительный человѣкъ! — воскликнулъ Ланской и велѣлъ позвать къ себѣ Рыкова.

Александръ Аопаसेвичъ явился и сталъ у притолки, иже по подчиненію.

— Откуда вы родомъ? — спросилъ его Ланской.

— Здѣсь, на Нижней улицѣ родился, — отвѣчалъ Рыковъ.

— А гдѣ воспитывались?

— Не имѣлъ воспитанія... у матери росъ, а матушка пироги пекла.

— Учились гдѣ-нибудь?

— У дьячка.

— Писовѣданія какого?

— Христіанствѣ.

— У васъ очень странные поступки.

— Не замѣчаю: всякому то кажется странно, что самому несвойственно.

Ланской подумалъ, что это вызывающій, дерзкій намекъ и, строго взглянувъ на Рыкова, рѣзко спросилъ:

— Не держитесь ли вы какой-нибудь секты?

— Здѣсь нѣтъ секты: я въ соборъ хожу.

— Писовѣдуетесь?

— Богу при протопопѣ каюсь.

— Семья у васъ есть?

— Есть жена съ сыномъ.

— Жалованье малое получаете?

Никогда не смѣявшійся Рыковъ улыбнулся.

— Беру, говоритъ, въ мѣсяць десять рублей, а не знаю: какъ это,—много или мало.

— Это немного.

— Доложите государю, что для лукаваго раба это мало.

— А для вѣрнаго?

— Достаточно.

— Вы, говорятъ, никакими статьями не пользуетесь?

Рыковъ посмотрѣлъ и промолчалъ.

— Скажите по совѣсти: быть ли это можетъ такъ?

— А отчего же не можетъ быть?

— Очень малыя средства.

— Если имѣть великое обузданіе, то и съ малыми средствами обойтись можно.

— Но зачѣмъ вы не проситесь на другую должность?

— А кто же эту занимать станетъ?

— Кто-нибудь другой.

— Развѣ онъ лучше меня справить?

Тенерь Ланской улыбнулся: квартальный совсѣмъ заинтересовалъ его нечуждую теплоты душу.

— Послушайте,—сказалъ онъ:—вы чудакъ; я васъ прошу сѣсть.

Рыковъ сѣлъ vis-à-vis съ «надменнымъ».

— Вы, говорятъ, знатокъ Библіи?

— Читаю, сколько время позволяеть, и вамъ совѣтую.

— Хорошо; но... могу ли я васъ увѣрить, что вы можете со мною говорить совсѣмъ откровенно и по справедливости.

— Ложь заповѣдью запрещена,—я лгать не стану.

— Хорошо. Уважаете ли вы власти?

— Не уважаю.

— За что?

— Лѣшны, алчны и предъ престоломъ криводушны, — отвѣчалъ Рыковъ.

— Да, вы откровенны. Благодарю. Вы тоже пророчес-
твуете?

— Нѣтъ; а по Библии вывожу, что ясно слѣдуетъ.

— Можете ли вы мнѣ показать хоть одинъ вашъ выводъ?

Рыковъ отвѣчалъ, что можетъ, — и сейчасъ же принесъ цѣлый обертокъ бумаги съ надписью «Однодумъ».

— Что тутъ есть пророчественнаго о прошломъ и бывшемъ?—спросилъ Ланской.

Квартальный перемахнулъ знакомыя страницы и прочиталъ: «Государыня въ перепискѣ съ Вольтеромъ назвала его вторымъ Златоустомъ. За сіе несообразное сравненіе жизнь нашей монархини не будетъ имѣть спокойнаго конца».

На отлншенномъ полѣ противъ этого мѣста отмѣчено: «исполнилось при огорчительномъ сватовствѣ Павла Петровича».

— Покажите еще что-нибудь.

Рыковъ опять заметалъ страницы и указалъ новое мѣсто, которое все заключалось въ слѣдующемъ: «Изданъ указъ о попенномъ сборѣ. Отнынѣ хладъ бѣдныхъ хижинъ усилится. Надо ожидать особеннаго наказанія». И на полѣ опять отмѣтка: «Исполнилось,—зри страницу такую-то», а на той страницѣ запись о кончинѣ юной дочери императора Александра Перваго съ отмѣткою: «сіе послѣдовало за назначеніе налога на лѣсъ».

— Но позвольте, однако,—спросилъ Ланской:—вѣдь лѣса составляютъ собственность?

— Да; а грѣтъ воздѣхъ въ жилѣ составляетъ потребность.

— Вы противъ собственности?

— Нѣтъ; я только, чтобы всѣмъ тепло было въ стужу. Не надо давать лѣсовъ тѣмъ, кому и безъ того тепло.

— А какъ вы судите о податяхъ: слѣдуетъ ли облагать людей податью?

— Надо наложить и еще прибавить на всякую вещь роскошную, чтобы богатый платилъ казнѣ за бѣднаго.

— Гм, гм! вы ни откуда это учение не почерпаете?

— Изъ священнаго писанія и моеи совѣсти.

— Не руководятъ ли васъ къ сему иные источники по-
ваго времени?

— Всѣ другіе источники не чисты и полны суетумудрія.

— Теперь скажите внослѣднее: какъ вы не боитесь ни
того, что пишете, ни того, что со мною въ церкви сдѣлали?

— Что пишу, то про себя пишу, а что въ храмѣ сдѣ-
лалъ, то долженъ быть учинить, цареву власть оберегаючи.

— Почему цареву?

— Дабы видѣли всѣ его слугъ къ вѣрѣ народнои почти-
тельными.

— Но вѣдь я могъ съ вами обойтись совѣмъ не такъ,
какъ обхожусь.

Рыковъ посмотрѣлъ на него «съ сожалѣніемъ» и отвѣ-
чалъ:

— А какое же зло можно сдѣлать тому, кто на десять
рублей въ мѣсяцъ умѣетъ съ семьей жить?

Я могъ велѣть васъ арестовать.

— Въ острогѣ сытѣи ѣдятъ.

— Васъ сослани бы за эту дерзость.

— Куда меня можно сослать, гдѣ бы мнѣ было хуже и
гдѣ бы Богъ мой оставилъ меня? Онъ вездѣ со мною, а
кромѣ Его никого не страшно.

Надменная шея склонилась и лѣвая рука Ланского про-
стерлась къ Рыкову.

— Характеръ вашъ почтененъ, — сказалъ онъ и велѣлъ
ему выйти.

Но, новидимому, онъ еще не совѣмъ довѣрялъ этому
библейскому социалисту и спросилъ о немъ лично самъ нѣ-
сколько престолюдиновъ.

Тѣ, покрути рукой въ воздухѣ, въ одно слово отвѣчали:

— Онъ у насъ такой-нѣкій-этакой.

Болѣе положительнаго изъ нихъ о немъ никто не зналъ.

Прощаясь, Ланской сказалъ Рыкову:

— Я о васъ не забуду и совѣтъ вашъ исполню, — про-
чту Библию.

— Да только этого мало, а вы и на десять рублей въ
мѣсяцъ жить поучитесь, — добавилъ Рыковъ.

Но этого совѣта Ланской уже не обѣцать исполнить, а
только засмѣялся, опять подалъ ему руку и сказалъ:

— Чудакъ, чудакъ!

Сергѣй Степановичъ уѣхалъ, а Рыковъ унесъ къ себѣ домой своего «Однодума» и продолжалъ писать въ немъ, что изливали его наблюдательность и пророческое вдохновеніе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Со времени проѣзда Ланского прошло довольно времени, и событія, сопровождавшія этотъ проѣздъ черезъ Солигаличъ, уже значительно позабылись и затерлись ежедневною сутолокою, какъ вдругъ, неожиданно - нежданно, на дивное-диво не только Солигаличу, а всей просвѣщенной Россіи, въ обривизованный городъ пришло извѣстіе совершенно невѣроятное и даже въ стройномъ порядкѣ правленія невозможное: квартальному Рыкову былъ присланъ дарующій дворянство владимірскій крестъ, — первый владимірскій крестъ, пожалованный квартальному.

Самый орденъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ предписаніемъ возложить его и носить по установленію. И крестъ, и грамота были вручены Александру Аонасьевичу съ объявленіемъ, что удостоенъ онъ сей чести и сего пожалованія по представленію Сергѣя Степановича Ланского.

Рыковъ принялъ орденъ, посмотрѣлъ на него и проговорилъ вслухъ:

— Чудакъ, чудакъ! А въ «Однодумѣ» противъ имени Ланского отмѣтилъ: «быть ему графомъ», — что, какъ извѣстно, и исполнилось. Носить же ордена Рыкову было *не на чело*.

Кавалеръ Рыковъ жилъ почти девяносто лѣтъ, аккуратно и своеобразно отмѣчая все въ своемъ «Однодумѣ», который, вѣроятно, издержанъ при какой-нибудь уѣздной реставраціи на оклейку стѣнъ. Умеръ онъ, исполнивъ всѣ христіанскія требы по установленію православной церкви, хотя православіе его, по общимъ замѣчаніямъ, было «сомнительно». Рыковъ и въ вѣрѣ былъ человекъ такой-нѣкій-этакой, но при всемъ томъ, мнѣ кажется, въ немъ можно видѣть кое-что кромѣ «одной дряни», — чѣмъ и да будетъ онъ помянутъ въ самомъ началѣ розыска о «трехъ праведникахъ».

ПИГМЕИ.

Расскажу вамъ одно истинное событіе, о которомъ недавно вспомнили въ одномъ скромномъ кружкѣ, по поводу замѣчаемаго нынче чрезмѣрнаго усиленія въ нашемъ обществѣ холоднаго и безстрастнаго эгоизма и безучастія. Нѣкоторымъ изъ собесѣдниковъ казалось, что будто прежде такъ не было, — имъ сдавалось, будто еще и въ недавнее время сердца были немножко потеплѣе и души поучастливѣе, и одинъ изъ собесѣдниковъ, мой землякъ, пожилой и весьма почтенный человѣкъ, сказалъ намъ:

— Да вотъ какъ, господа: я сейчасъ еще знаю у насъ въ губерніи одного старичка, самаго мелкопомѣстнаго дворянина, настоящаго пигмея, который никогда въ жизни не игралъ никакой значительной роли, а между тѣмъ онъ, живучи здѣсь въ Петербургѣ, по одному благородному побужденію, сдѣлалъ разъ такое дѣло, что этому даже, пожалуй, и повѣрить трудно. И если я вамъ это расскажу, такъ вы увидите, что можетъ сдѣлать для ближняго самый маленькій человѣкъ, когда онъ серьезно *захочетъ* помочь ему; — наше нынѣшнее горе въ томъ, что никто ничего не хочетъ сдѣлать для человека, если не часть отъ этого себѣ выгоды.

И рассказчикъ сообщилъ намъ слѣдующее:

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мелкопомѣстный дворянинъ, о которомъ я говорю, назывался С***, онъ еще здравствуетъ и доживаетъ свой вѣкъ въ своемъ маленькомъ хуторчкѣ въ К. уѣздѣ. Прежде тѣмъ

состарѣтся, онъ служилъ здѣсь въ Петербургѣ въ вѣдомствѣ с.-петербургской полиціи и на самомъ ничтожномъ мѣстѣ: на обязанности его лежало распорядиться исполненіемъ публичныхъ тѣлесныхъ наказаній. Въ то сравнительно весьма недавнее время у насъ на святой Руси людей непривилегированнаго класса сбѣгли плетями и клеймилн. За свою долговременную службу нынѣшній старичокъ С., разумѣется, «привелъ въ исполненіе» этихъ наказаній такое безчисленное множество, что совершенно привыкъ къ такому неприятному занятію и распорядился этимъ холодно и безтрепетно, какъ самымъ обыкновеннымъ служебнымъ дѣломъ. Но вотъ разъ съ нимъ случилось такое событіе, что онъ самъ себя измѣнилъ и, по собственнымъ его словамъ, «вмѣсто того, чтобы благоразумно долгъ свой исполнить—надѣлалъ глуостей».

Событіе это произошло въ 1853 г., когда русскія отношенія къ Франціи были очень натянуты, и въ столицѣ сильно уже поговаривали о возможности рѣшительнаго разрыва. Въ это время разъ чиновнику С. передаютъ «для исполненія» бумагу о наказаніи плетями, черезъ палача, молодого француза Н, осужденнаго къ этому за самый гадкій поступокъ надъ малолѣтней дѣвочкой. Я не назову вамъ этого француза, потому что онъ живъ и довольно извѣстенъ; а какъ его ими берегла отъ оглашенія скромность «нигмея», то и я не великашъ, чтобы его выдать.

— Прочелъ, — говоритъ С.:— я эту бумагу, помѣтилъ, и что же еще тутъ долго думать: отшлепаемъ молодца яко старца, да и дѣло съ концомъ; и я далъ въ порядкѣ приказъ подрядчику, чтобы завтра эшафотъ на площади сладить, а самъ велѣлъ привести арестанта, чтобы посмотрѣть на него: здоровъ ли онъ и можно ли его безопасно подвергнуть этой процедурѣ.

Приводятъ человѣка такого тщедушнаго, дохлаго; блѣдный, плачетъ, дрожитъ и руки ломаетъ, а самъ все жалостно ленечетъ.

— Ахъ ты, думаю, Господи Боже мой: надо же было ему, такому французскому поганцу, сюда забхать и такое пакостное дѣло здѣсь учинить, чтобы мы его тутъ на свой фасонъ какъ сидорову козу душили.

И вдругъ жаль мнѣ его стало.

— Что, говорю, ты это себѣ надѣлал! Какъ ты дерзнуть на бѣдное дитя покуситься...

А онъ падаетъ въ ноги, рученки въ капдалахъ къ небу поднимаетъ, гремитъ цѣбиями и плачетъ.

— Мусье, мусье! Небо видить...

— Что, говорю: «Небо!» нечего тебѣ, братецъ, землю обезчестивши, на небо топыриться, — готовься: завтра экзекуція, — что заслужилъ, то и примешь.

— Я, говоритъ, занапрасно (онъ, три года въ острогѣ сидя, такъ подучился немножко по-русски).

— Ну, уже это, говорю, мошь ами, врешь, — занапрасно бы у насъ тебя не присудили: судъ знаетъ, за что караетъ.

— Ей-Богу, говоритъ, занапрасно... вотъ Богъ, Дье, Дье меня убей... и тому подобное, и такъ горько, такъ горько бѣдный плачетъ, что всего меня встревожилъ. Много я въ своей жизни всякихъ слезъ передъ казнью видѣлъ, но а этакихъ жаркихъ, горючихъ да дробныхъ слезъ, право, не видалъ. Такъ вотъ и видно, что ихъ напраслина жметъ...

— Ну, а миѣ-то, скажите, — что же я, пигмей, могу ему сдѣлать? — мое дѣло одно, что надо его отнороть, заклеить, да сослать «во исполненіе рѣшенія», вотъ и все, и толковать тутъ не о чемъ. И я кивнуть часовымъ, чтобы взяли его, потому что для чего же миѣ его держать, — и самому тревожиться, и его напрасно волновать раньше времени.

— Ведите, говорю, его назадъ въ тюрьму.

Но онъ, какъ услыхалъ это, такъ обхватилъ мою ногу руками и замеръ: а слезы или лицо это у него такое горячее, что даже сквозь сапогъ мою ногу жжеть.

— Тыфу, провались ты совѣмъ, думаю, вотъ на горо свое я съ низъ разговорился: и никакъ его съ ногъ стряхнуть не могу; а самому миѣ въ ухо вдругъ что-то шептать начало: «разспроси его, разспроси, послунай, да заступись».

— Ну, чего тутъ, помилуйте, заступаться миѣ, ничтожному исполнительному чиновнику, когда дѣло уголовнымъ судомъ рѣшено и уже и подрядчику, и смотрителю насчетъ палача приказъ данъ. Какія тутъ заступничества? А оно, это что-то незримое, знай все свое въ ухо шепчетъ: «разспроси, заступись».

И я соблазнился: заступаться, думаю, я хоть и не буду, а разспросить, пожалуй, разспрошу.

— Валяй, говорю, разсказывай по всей истинѣ, какъ дѣло было! Да только смотри—не ври.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Онъ мнѣ, сколько ему позволяли слезы и рыданія, разсказалъ, что жилъ онъ на Морской у парикмахера; туда ходилъ къ нимъ, къ стригачамъ, отъ прачки дѣвочка, двѣнадцати—не то тринадцати лѣтъ,—очень хорошенькая. И говоритъ, что она не то на его сестренку или, какъ тамъ по-ихнему, на кузинку его какую, что ли, очень похожа была. Ну, а онъ, это, знаете, какъ французъ... ну, разумѣется, со вкусомъ тоже и фантазіей: правится ему дитя, — онъ ей нынче бантикъ, завтра аленьнички, послѣ рубль, или полтинничекъ, бомбонки—все баловалъ ее. Говоритъ, безъ всякой будто цѣли; а мать-то ее пройдоха была: завала его къ себѣ да съ дѣвочкою ихъ и заверла, а дѣвочку научила ему року расцарапать, да кричать, будто ее странно обидѣть хотѣлъ. Сбѣжался народъ, актъ составили, въ тюрьму,—въ тюрьмѣ три года продержали и къ плетямъ, да къ ссылкѣ присудили.

Выслушалъ я все это и все мнѣ показалось это такъ, какъ онъ разсказалъ, и обратилъ я вниманіе на его рубецъ, что эта дѣвочка ему на носу сдѣлала: глубокій рубецъ,—зажилъ, но побѣлѣлый шрамъ такъ и остался. Пре-страшный шрамъ: точно парочко расчитано, на какомъ мѣстѣ его отмѣтить. Но большей части это никогда такъ не бываетъ: по большей части женщина въ такихъ случаяхъ прямо въ глаза, а еще больше въ щеки цапаетъ,—потому она, когда ее одолеваетъ, руками со сторонъ къ лицу взмахиваетъ; а это какъ-то по-кошачьи, прямо въ середину, какъ разъ по носу и къ губѣ пущено...

Думаю: чего добраго, Богъ знаетъ, вѣдь есть такіа проходими; въ полиціи какъ послужилъ, такъ вѣдь на какихъ негодяевъ не посмотрилъ, и говорю ему,—это вамъ даже смѣшно должно показаться,—говорю:

— Ну, хорошо, мусье: если все это такъ, какъ ты мнѣ сказалъ,—то, можетъ-быть, Богъ напросилъ не допустить:—молись и надѣйся.

Онъ руки у меня расцѣловалъ и забрякалъ цѣпями, пошелъ, а я остался на своемъ мѣстѣ и думаю себѣ: вотъ и два дурака вмѣстѣ собрались. Первый онъ, что меня за

пророка почель, а другой я, что ему напрасную надежду подать.

А во лбу такъ-таки вотъ и стоитъ, что это напраслина и ужасная напраслина. и между тѣмъ вотъ мы завтра его бить будетъ и это его щуплое французское тѣлице будетъ на деревянной кобылѣ сжиться, кровью обливаться и будетъ бы въ визжать, какъ живой поросенокъ на вертелѣ... Ахъ, ты, лихо бы тебя било, да не я бы на это смотрѣлъ! Не могу; просто такъ за него растревожился, что не могу самой пустой бумажонки на столѣ распредѣлить.

Подозвать младшаго чиновника и говорю:

— Сдѣлайте тутъ, что нужно, а у меня очень голова разболѣлась,—я домой пойду.

Принять домой, ходить-ходить, ругался-ругался со всѣми, и съ женою, и съ прислугою — не могу успокоиться да и баста! Стоитъ у меня французъ передъ глазами и никакъ его не вышкнешь.

Жена уговариваетъ, «что ты, да что съ тобою»?—потому что я никогда такой не былъ, а я еще хуже томлюсь.

Подали обѣдать; я сѣлъ, но сейчасъ же опять встать, не могу да и только. Жаль француза, да и конецъ.

Не выдержать и, чтобы не видали домашніе какъ я мучусь, схватить шляпу и побѣжать изъ дома, и вотъ съ этихъ-то поръ я уже словно не самъ собою управляю, а начало мною орудовать какое-то вдохновеніе: *я задумалъ измѣну.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вышелъ я и прямо къ приставу, у котораго это происшествіе было; спрашиваю: какъ это все тогда, три года назадъ, происходило и что за баба мать этой дѣвочки.

Приставъ говоритъ:

— Чортъ ихъ знаетъ,—это дѣло еще не при мнѣ было, а баба, мать этой дѣвочки—большая негодяйка, и она, говоритъ, съ своею дочкою еще послѣ того не разъ такую же исторію подводила. А впрочемъ, говорить, кто ихъ разберетъ: кто правъ, кто виноватъ.

Ну, довольно, думаю, съ меня: мы съ тобою, братъ, этого не разберемъ, а Богъ разберетъ, да съ этимъ прямо въ Коношенную, на каретную биржу: договорилъ себѣ карету глубокую, четверомѣстную, въ какихъ больныхъ возятъ, и

велѣлъ какъ можно скорѣе гнать въ Измайловскій полкъ, къ одному пріятелю, который былъ семейный и при дѣтяхъ держалъ гувернера француза. Этотъ французъ давно въ Россіи жилъ и по-русски понималъ все, какъ надо.

Прикатилъ я къ пріятелю и говорю:

— Дай, говорю, голубчикъ, мнѣ на поддержаніе своего французнику, что у тебя служить: онъ мнѣ нуженъ.

— Зачѣмъ тебѣ?—спрашиваетъ.

— Такъ, говорю, нуженъ онъ мнѣ, — на самое короткое время, — всего часа на два.

И говорю это, знаете, такъ, что пріятель мой легко могъ замѣтить, что я не спокоенъ, потому что задыхаюсь, тороплюсь и волнуясь, и чѣмъ это больше скрыть хочу, тѣмъ больше себя, къ досадѣ своей, высказываю и ввожу его насчетъ себя въ сомнѣніе, а тѣмъ у него, разумѣется, еще больше вопросы вызываю: «что ты, да на что тебѣ?»

Насплу нашелся увернуться отъ его долгихъ разспросовъ, сказавши, что будто бы встревоженъ оттого, что получилъ извѣстіе о болѣзни брата, и не могу удержаться, хочу съѣздить къ французенкѣ гадалкѣ на ленорманскихъ картахъ погадать: выздоровѣетъ ли мой братъ или умретъ? Ну, а какъ самъ я по-французски не маракую, то... и прочее, и прочее, и прочее.

Не знаю: повѣрилъ ли мнѣ пріятель или не повѣрилъ, но только разспрашивать больше не сталъ и француза мнѣ отпустилъ; а я, взявши того, сейчасъ же опять съ нимъ въ карету и говорю:

— Ну, слушай, мусье: знаешь ли ты, по какому дѣлу я тебя взялъ?

А тотъ, смотрю, глядитъ на меня и блѣднѣетъ, потому, знаете: наша полицейская служба къ намъ вольнолюбивыхъ людей не располагаетъ. Особенно въ тогдашнее время, для француза я могъ быть очень непріятенъ, такъ какъ, напоминаю вамъ, тогда наши русскія отношенія съ Франціею сильно уже испортились и у насъ по полиціи часто секретныя распоряженія были за разными людьми ихъ націи по-строже присматривать.

— Что ты это, кажется, — говорю: — сробѣлъ?

А уже его и лихорадка колотитъ.

— Помилуйте, — отвѣчаетъ: — я ни въ чемъ не виноватъ!

— Да, дуи тебя горою: кто тебѣ говорить, что ты въ

чемъ-нибудь виновать! Тутъ я, братецъ, во всемъ виновать, потому что я *измѣтникъ*: я въ такое время вмѣшиваюсь въ дѣло, куда мнѣ совѣтъ и носа совать не слѣдуетъ; ну, да некуда податься, видно Богу такъ угодно, чтобы я сюда сунулся. И, вообразите себѣ, я, дѣйствительно, въ то время такъ чувствовалъ, что *это Богу угодно* совершить то, что я дѣлаю. Разумѣется, самомиѣніе.

— Слушай же, — говорю: — такъ и такъ, вотъ въ чемъ дѣло: вотъ что съ однимъ твоимъ компатріотомъ случилось и что ему завтра неотразимо угрожаетъ — плети, а я его отъ этого памѣрень избавить.

Спутникъ мой и ротъ разинулъ: онъ хоть и иностранецъ былъ, но давно, какъ я вамъ сказала, у насъ въ Россіи живши, имѣлъ о нашихъ порядкахъ понятіе и потому, конечно, могъ развѣ за сумасшествіе принять, что маленькій полицейскій исполнительный чиновникъ вызывается отмѣнить судебное уголовное рѣшеніе, утвержденное высшею властью. Но я ему говорю:

— Я тебя прошу, любезный другъ, на меня открытымъ ртомъ не зѣвать и не ахать, а послужить Богу въ этомъ дѣлѣ, для чего я тебя и взялъ: знаешь ли ты, куда я тебя теперь везу?

— Не знаю, — говоритъ.

— Ну, такъ вотъ знай, вотъ сейчасъ мы остановимся у вашего посольства; мнѣ туда заходить никакъ нельзя, потому что я полицейскій чиновникъ и намъ закономъ запрещено въ посольскіе дома вступать, а ты войди, и какъ ваши гослы стель просты, что своихъ соотечественниковъ во всякое время принимаютъ, то добейся, чтобы тебя герцогъ сейчасъ принялъ *), и все ему расскажи. А я, тѣмъ временемъ, здѣсь въ каретѣ сидѣть буду — тебя дожидаться, и если посоль скажетъ, чтобы меня позвать, ну, ты тогда приходи за мной, и я явлюсь, и все подтвержу; но, можетъ быть, онъ и такъ повѣритъ и самъ узнастъ, что ему надо сдѣлать.

Подѣхали мы къ посольскому дому, остановились; французъ мой вылезъ и за зеркальныя дѣри въ подѣздѣ

* *) Въ Петербургѣ въ это время французскимъ посломъ и полномочнымъ министромъ находился, кажется, *герцогъ де-Гингъ*, который заступилъ съ 10-го (22-го) августа 1853 г. барона Бюринья де-Варенъ, бывшаго польскаго по дѣламъ.

ушелъ, а я велѣлъ извозчику подальше немпожею отъѣхать и забился въ уголокъ кареты — и жду. И тутъ вдругъ я сообразилъ всю свою измѣну и меня начала лихорадка бить...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вдругъ, знаете, сразу мнѣ все ясно представилось: за какое я непосильное дѣло взялся, и это... полицейскій-то я чиновникъ, и какъ будто на свое правительство... жа-луюсь... да еще иностранному послу, да еще французскому, и въ такое политическое время... Эхъ, скверно! измѣнникъ я, чистый измѣнникъ! И что больше думаю, то все хуже выходитъ... Эхъ, какъ скверно! А французика моего все нѣтъ, какъ нѣтъ, изъ-за этихъ зеркальныхъ дверей, а мнѣ видно, какъ по той сторонѣ улицы, по противоположному тротуару, все кварталный ходитъ... Думаю себѣ: недаромъ же онъ тутъ прогуливается... И, вѣдь поди, на мой грѣхъ, можетъ-быть, еще этакій... изъ внимательныхъ, орденскъ, гляди, хочеть выслужить и стоять, теперь, пожалуй, да соображаетъ, что, молъ, это за карета къ посольскому дому подъѣхала? нѣтъ ли тутъ чего? да возьметъ, воръ, и за-глянетъ въ окно; а я вотъ тутъ и есть! Узнаеть, бездѣль-никъ, потому что меня по полиціи всѣ знали, и скажетъ: «А-а, милостивый государь, такъ вы измѣняти!» да сейчасъ донесеть по начальству; и поминай какъ звали... И дома не побывашь, а прямо черезъ Троицкій мостъ, да въ Петропавловскую крѣпость, а тамъ для насъ, измѣнниковъ, обители многи суть... Страхъ такой обнять, что лежу въ углу кареты, какъ мокрый несъ колечкомъ свернувшись, а самъ такъ же, какъ несъ на холоду, и дрожу, и уже ругательски себя ругаю, что заварилъ этакую крутую кашу... И все, знаете, однимъ глазкомъ поглядываю изъ окошечка на кварталнаго, который насупротивъ гуляетъ, а самъ все книзу, да книзу съ сидѣнья на полъ кареты спускаюсь, и норовлю, чтобы пятками дверцу оттолкнуть, да по низку стрекача дать, благо — я тутъ вблизи пролетный дворъ зналъ — и нескать бы меня пердѣ было.

Такъ я и устроилъ: въ каретѣ на сидѣнья положилъ два цѣлковыхъ, что за экинажъ слѣдовало, а самъ открылъ дверцу — и только задомъ-то вынулъ и ступилъ на мосто-вую, какъ вдругъ слышу: «б-гись!» и мимо самой моей

спины пролетѣла нара воронныхъ лошадей въ коляскѣ и прямо къ подъѣзду, и я вижу французскій посоль въ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ скоро сѣлъ и поскакалъ, а возлѣ меня какъ изъ земли выросъ этотъ мой посоль-французъ, тоже очень взволнованъ, и говоритъ:

— Зачѣмъ,—говоритъ:—вы выѣзли?

А я отъ нечистой совѣсти такъ перенутался, что одурѣлъ, и давай врать:

— Что такое,—говорю:—вамъ нужно? Я васъ вовсе не знаю и ни откуда я не выѣзжалъ.

— А видѣли вы?

— Да что такое,—говорю:—видѣть?—отстаньте вы отъ меня: ничего я не видалъ.

— Герцогъ-то нашъ,—говоритъ:—уже поѣхалъ.

— Да какое мнѣ дѣло до вашего герцога... что вы ко мнѣ приклепились?

— Какъ,—говоритъ:—какое дѣло: да вы знаете ли, куда онъ отправился?

— Ничего, ровню ничего я не знаю, и знать мнѣ не-зачѣмъ, а вы если отъ меня не уйдете, такъ я сейчасъ полицейскаго кликну.

Онъ смотритъ на меня, что я такъ странно, должно-быть, ему въ своихъ рѣчахъ показался, и шенчетъ:

— Герцогъ въ Зимній дворецъ поѣхалъ.

— Да отойдите же, — говорю: — вы отъ меня: — я вамъ сказалъ, что я ничего не знаю; и съ этимъ отпихнулъ его, да скорѣе черезъ знакомый пролетный дворъ, да домой къ итенцамъ, чтобы, пока еще время есть, хоть разъ ихъ къ своему сердцу прижать. И не успѣлъ этимъ распорядиться, какъ вдругъ нарочный, съ заниской отъ генерала, чтобы завтра наказаніе такого-то француза отмѣнить.

Батюшки мои, думаю, какъ заиграло.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Я только языкъ прикусилъ, да поскорѣе написалъ всѣмъ кому надо отмѣну церемоніи и всю ночь потомъ не ложился, а все ходилъ въ этакое въ самомъ странномъ какомъ-то состояніи. Еще самъ себѣ не отдавалъ отчета: какъ это я сдѣлалъ и что изъ этого дальше выйдетъ? А и страшно, и словно благодать какая въ душѣ. Думаю, конечно, и о томъ: не понадусь ли я тутъ самъ какимъ-ни-

будь манеромъ и чего буду за мою измѣну удостоенъ, но и за бѣднугу французинку нарадоваться не могу. И только насилу передъ самымъ утромъ, съ этими нелегкими мыслями, у себя въ кабинетѣ въ креслѣ задремалъ, какъ вдругъ слышу въ передней возлѣ двери шумъ и пререканіе, жена кого-то упирашивается повременить, говоритъ, что я только сейчасъ заснулъ; а тотъ, чужой голосъ, настаиваетъ, чтобы тотчасъ разбудить и точно какъ будто имя государя мнѣ послышалось. Сейчасъ мнѣ припомнилась моя измѣна, и сразу вся моя дрема прошла.

Вскочилъ я, какъ былъ, въ халатѣ къ двери, смотрю — курьеръ стоитъ съ такою солидною рожею, какихъ нарочно по осторожнымъ дѣламъ посылають, и подаетъ мнѣ молча пакетъ.

Я, знаете, и пакетъ беру, и руки-то ходенемъ ходять, насилу разломилъ печать и вижу бѣлый листъ, а на немъ посрединѣ всего одно слово выведено «*благодарю*», а въ срединѣ деньги... Сосчиталъ — какъ разъ полторы тысячи рублей денегъ.

Вѣдь не поймень этого ничего какъ-то въ первую минуту: что это и отъ кого, и потому не знаешь, къ кому въ такомъ затрудненіи готовъ за объясненіями обратиться. Такъ и я курьера-то этого хочу спросить, а его уже слѣдъ простылъ... Ну, тутъ я на пакетъ-то этотъ глянулъ, чьей рукою имя-то мое написано и «благодарю-то» это священное для меня выведено, и вспомнилъ, чей это почеркъ... да ужъ зато тутъ-то уже я себѣ и далъ волю: то-есть, этакъ, я вамъ говорю, я дурачки ревелъ, этакъ я сладко вырыдался, что мое вамъ почтеніе... Два раза во всю мою жизнь потомъ только этакъ и плакалъ: во второй это было, какъ императоръ Николай Павловичъ умеръ, и я ему къ его гробу ночью *свое* «благодарю» ходилъ сказывать за то, про что мы *съ тмъ двое* только изъ всѣхъ русскихъ знали: онъ, мой царь, да я, — его измѣнникъ. И еще послѣ я въ третій разъ такъ же плакалъ, по иному случаю, изъ этой же, впрочемъ, исторіи вытекшему.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Этого французика мы такъ совсѣмъ плетями и не сѣкли, а велѣно было его просто выслать вонъ изъ Россіи съ подпискою, чтобы никогда въ предѣлы оной возвращаться не

смѣть. Ну, да гдѣ уже ему, дураку, было желать сюда возвращаться, да и незачѣмъ: — онъ дивнымъ образомъ очень богатъ сдѣлался въ Парижѣ. А я эти полторы тысячи-то, которыя мнѣ какъ съ неба упали, припряталъ себѣ на леченіе и изъ нихъ въ нѣсколько лѣтъ къ отставкѣ моей изъ полторы двѣ или даже немножко болѣе стало, я и поѣхалъ въ Виши водами отъ своего сидѣнья полѣчиться... Наполеонъ тамъ еще императорствовалъ, ну, и все это еще у нихъ тогда по-старому было; а на обратномъ пути, облегчаясь, я въ Парижъ завернулъ: посмотрѣть тамъ, что поинтереснѣе, да домой своимъ дамкамъ, знаете, какой-нибудь галантерейщицки и парфюмерн прихватить. У насъ, я слыхалъ, въ Петербургѣ все Пино, парижскаго парфюмера, предпочитаютъ, и говорю своему проводнику:

— Сведите-ка меня, батюшка, къ Пино, душковъ да помадки у него какіе лучшіе набрать.

А проводникъ мнѣ возражаетъ:

— Зачѣмъ же, — говоритъ: — вамъ къ Пино ѣхать?

— Да вѣдь онъ, — говорю: — самый лучшій.

— Помилуйте, — отвѣчаетъ: — это Богъ знаетъ, какъ давно было, что онъ лучшимъ считался, а теперь не Пино, а другой парфюмеръ здѣсь всѣхъ лучше, и назвалъ мнѣ, знаете, шамплю, которая такъ меня сразу чѣмъ-то знакомымъ по уху и щелкнула.

— Какъ, — говорю: — вы его называете?

Тотъ повторилъ.

— Ахъ, батюшки мои. — вспомнилъ я себѣ: — да вѣдь это чуть ли и мой давнишній крестникъ тоже такъ назывался! и сяраниваю:

— Не былъ ли этотъ вашъ знаменитый парфюмеръ когда-нибудь въ Россіи!

— Какъ же, — говоритъ: — былъ, только онъ въ 1853 г. — передъ крымскою кампаніею, за политическія вмѣшательства оттуда высланъ изъ Петербурга.

— Гмъ, знаю, молъ, я эту политику.

— Ну, а все-таки, — говорю, — мы уже батюшка лучше къ Пино покушать-то поѣдемъ, а къ этому не поѣдемъ.

Проводникъ мой меня отговаривать, но я, однако, на своемъ уперся.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, — говорю, — мнѣ это не идетъ... Богъ его еще знаетъ тамъ, какъ онъ, хорошо ли дѣлаетъ; мало ли

кто у васъ тутъ на короткое время въ моду входитъ, а Пино, говорю,—это фирма старая, и онъ у насъ славится: такъ уже вы меня, пожалуйста, къ Пино свезите.

Избѣгалъ, разумеется, чтобы не встрѣтиться, знаете... Ну, что хорошаго такое скверное, что уже прошло, опять человѣку напоминать?

Но тутъ, долженъ вамъ сознаться въ своей маленькой слабости: проводникъ мнѣ началъ рассказывать, какъ этотъ господинъ очень богатъ; какая у него богатая фабрика и какой щегольской магазинъ и живетъ въ собственномъ домѣ,—не знаю уже, какъ эта улица у нихъ называется, а только, близъ самой Вандомской колонны... Я домъ-то и захотѣлъ посмотреть.

— Что же, думаю: хоть не на него, такъ, по крайней мѣрѣ, на его имущество взгляну: отчего же не взглянуть? вѣдь это ему ничего,—онъ и знать не будетъ. Разумеется, не хорошо, и этого не слѣдовало, потому что суетно. Но, какъ хотите, вѣдь интересно, потому что хоть небольшое дѣло я ему сдѣлалъ, а все же онъ съ моихъ рукъ жить пошелъ.

Вотъ мы и поѣхали: проѣзжаемъ мимо, нарочно тихо—въ колясочкѣ, и вижу: домъ какъ дворецъ; выѣска фабрики на три улицы; окна въ магазинѣ—хоть шестерикомъ въ нихъ поворачивай.

— Быть,—говорю, не можетъ, чтобы это тотъ самый человѣкъ!

— Нѣтъ, тотъ самый, что у васъ изъ Россіи за политику высланъ.

— Да что ты, думаю, дурачокъ, толкуешь, много ты понимаешь меня, о чемъ я думаю? По-твоему это тотъ, а по моему это не тотъ политикъ, про котораго я разумѣю.

Ну, а впрочемъ, что я ему стану рассказывать, какіе гамъ у моего крестника кондуиты: я только не вѣрю, чтобы могла судьба такъ играть человѣкомъ и дать вдругъ, послѣ такого униженія, такое большое богатство.

— Когда бы мнѣ можно было на него какъ-нибудь взглянуть,—говорю:—вотъ бы это мнѣ было очень интересно!

— Отчего же,—говорить:—это очень можно.

— Только я къ нему въ магазинъ не пойду, а нельзя ли такъ... гдѣ-нибудь въ щелочку, чтобы онъ меня не выдалъ, а я бы его видѣлъ?

— Очень можно,—говорить:—да онъ самъ въ магазинъ и рѣдко приходитъ, и въ домъ-то этомъ теперь лѣтомъ не живетъ.

— А гдѣ же онъ живетъ?

— У себя на дачѣ, въ Пассен.

— У него и дача,—говорю,—есть?

— Не одна,—говорить,—а двѣ: одна такая полулѣтняя, по-ихнему «демисезонъ», тутъ недалеко надъ Трокадеро, а другая, настоящая, въ Пассен,—такой, говоритъ, загородный домъ, что рѣдко можно другой встрѣтить, и онъ, говоритъ, всегда въ семь часовъ у себя надъ открытымъ цвѣтникомъ, на верандѣ, кофе съ гостями пьетъ, а иногда съ женою и дѣтьми въ серсо играетъ: вотъ мы можемъ потихоньку разойти или два мимо пройти, вы его и увидите.

— Что же, и отлично!

На дворѣ было какъ разъ часовъ шесть, и я уже по-своему, по-русски, былъ пообедавши и проводникъ мой тоже накормленъ, я и говорю ему:

— Да что, батюшка, далеко-то откладывать: велите-ка извозчику сейчасъ прямо туда ѣхать. Эй, ты, братецъ, говорю:—коше, пошель-ка, братъ, въ Пассен, да порѣзвѣ, на бодку хорошо получишь.

Проводникъ перевелъ,—мы и поѣхали.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Поѣхали, и какъ путь лежалъ чрезъ Трокадеро, то мой проводникъ и домикъ мнѣ этого моего стараго знакомаго показалъ,—важный домикъ, хоть бы принцу жить не стыдно; ну, а въ Пассен такъ просто замокъ такай маленькій, стѣны каменные, высокія, всё плуцель заросли, и подъездъ изъ узенькаго переулочка, а за рѣшеткою виденъ цвѣтникъ, а за цвѣтникомъ домъ и веранда... И что же вы изволите думать: застали мы здѣсь все, будто по писанному, какъ мой проводникъ мнѣ предсказалъ: въ цвѣтникѣ дѣтки рѣзвятся, на верандѣ гости сидятъ и хозяинъ... Я спрятался за уголъ стѣнки, вынулъ изъ кармана бинокль, навелъ на него и вижу, нѣтъ сомнѣнія,—это *онъ*, мой крестникъ! Возмужалъ и постарѣлъ, да и отѣлся, разумѣется, хорошо въ благополучной жизни; а у попки-то бѣлый рубчикъ все-таки остался.

— Не знаете ли, батюшка,—говорю я своему проводнику:—хорошій ли онъ мужъ?

— Превосходный,— говоритъ, человекъ; отлично они живутъ,— и жена у него чудесная, и дѣти добрыя, и самъ онъ добрый, и бѣдныхъ людей очень помнитъ.

— Вотъ за это,— говорю,— молодецъ, что бѣдныхъ помнитъ.

А въ это самое время, какъ мы, такимъ образомъ, за угломъ перешептываемся, онъ насъ, должно быть, замѣтилъ—и кричитъ дочкѣ:

— Ална!

И вдругъ рѣшетчатая калиточка хлопнула и ко мнѣ подпорохнула милая, какъ ангелокъ, дѣвочка, въ розовомъ платьицѣ, и не успѣвъ опомниться, какъ она мнѣ сунула въ руку франкъ, проговорила: «о номъ де Жезю», или какъ тамъ по-ихнему въ родѣ нашего: «прими, Христа ради» и скрылась.

И это, знаете, въ пальто въ своемъ, въ русскомъ, былъ и шляпа на мнѣ мягкая пуховая и, дѣйствительно, я на бульварнаго воюка былъ похожъ, ну, она мнѣ и подала за отца «Христа ради». Что же такое: я этотъ франкъ ей принялъ и о сю пору берегу: говорятъ, будто ишченское хорошо для счастья, но и не для суевѣрія, а такъ... для памяти дорожу.

Ну-съ, вотъ тутъ-то вотъ, я, какъ назадъ въ свой померишка фхаль, уже самъ себѣ измѣнилъ: опять въ третій разъ всю дорогу сладко-пресладко плакалъ. Проводникъ-то, я думаю, какимъ дуракомъ меня считалъ, да и стоило. Только вѣдь, знаете, не удержишься, потому что, какъ въ старинныхъ стихахъ говорится:

Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Какъ же за эти незаслуженныя ощущенія Бога хоть слезою не поблагодарить!

КАДЕТСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

У насъ не переводились, да и не переведутся праведные. Ихъ только не замѣчаютъ, а если стать присматриваться — они есть. Я сейчасъ вспоминаю цѣлую обитель праведныхъ, да еще изъ такихъ временъ, въ которыя святое и доброе больше чѣмъ когда-нибудь пряталось отъ свѣта. И замѣйте, все не изъ чернорабоча и не изъ знати, а изъ людей служилыхъ, зависимыхъ, конимъ-собности правоту трудиле, но тогда были... Вѣрно и теперь есть; только, разумѣется, искать надо.

Я хочу вамъ рассказать иѣчто весьма простое, но не лишнее занимательности—сразу о четырехъ праведныхъ людяхъ такъ называемой «глухой поры», хотя я увѣренъ, что тогда подобныхъ было очень много.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Воспоминанія мои касаются Перваго петербургскаго кадетскаго корпуса и именно одной его поры, когда я тамъ жилъ, учился и сразу влявъ видѣлъ всѣхъ четырехъ праведниковъ, о которыхъ буду рассказывать. Но прежде позволите мнѣ сказать о самомъ корпусѣ, какъ мнѣ представляется его заключительная исторія.

До воцаренія императора Павла корпусъ былъ разделенъ на возрасты, а каждый возрастъ на камеры. Въ каждой камерѣ было по двадцати человекъ и при нихъ были гувернеры изъ иностранцевъ, такъ называемые «аббаты»—французы и нѣмцы. Бывали, кажется, и англичане. Каж-

дому аббату давали по пяти тысячъ рублей въ годъ жалованья и они жили вмѣстѣ съ кадетами и даже вмѣстѣ и спали, дежуря по двѣ недѣли. Подъ ихъ надзоромъ кадеты готовили уроки, и какой національности были дежурный аббать, на томъ языкѣ должны были все говорить. Отъ этого знаніе иностранныхъ языковъ между кадетами было очень значительно и этимъ, конечно, объясняется, почему Первый кадетскій корпусъ далъ такъ много послѣдовъ и вышедшихъ офицеровъ, употреблявшихся для дипломатическихъ посылокъ и сношеній.

Императоръ Павелъ Петровичъ, какъ пріѣхалъ въ корпусъ, въ первый разъ по своемъ воцареніи, сейчасъ же приказалъ: «аббатовъ прогнать, а корпусъ раздѣлить на роты и назначить въ каждую роту офицеровъ, какъ обыкновенно въ ротахъ полковыхъ» *).

Съ этого времени образованіе во всехъ своихъ частяхъ пало, а языкознаніе — вовсе уничтожилось. Объ этомъ въ корпусѣ жили преданія, не позабытыя до той сравнительно поздней поры, съ которой начинаются мои личные воспоминанія о здѣшнихъ людяхъ и порядкахъ.

Я прошу вѣрить, а лично слышавшихъ меня — засвидѣтельствовать, что моя память совершенно свѣжа и умъ мой не находится въ разстройствѣ, а также я понимаю слегка и нынѣшнее время. Я не чуждъ направленій нашей литературы: я читалъ и до сихъ поръ читаю не только что мнѣ нравится, но часто и то, что не нравится, и знаю, что люди, о которыхъ буду говорить, не въ фаворѣ обрѣтаются. Время то обыкновенно называютъ «глухое», что и справедливо, а людей, особенно военныхъ, любятъ представлять силою «скалозубами», что, можетъ-быть, нельзя признать вполне вѣрнымъ. Были люди высокіе, люди такого ума, сердца, честности и характеровъ, что лучшихъ, кажется, и несть незачѣмъ.

Всеѣмъ теперешнимъ взрослымъ людямъ извѣстно, какъ воспитывали у насъ юношество въ послѣдующее, менѣе глухое время; видимъ теперь на глазахъ у себя, какъ сейчасъ воспитываютъ. Всякой вещи свое время подъ солнцемъ. Кому что нравится. Можетъ быть хорошо и то, и

---

*) Изъ краткой исторіи Перваго кадетскаго корпуса, составленной Висковатовымъ, видно, что это произошло 16 января 1797 г.

другое, а я коротенько расскажу, кто насъ воспитывалъ и *какъ* воспитывалъ, т. е. какими чертами своего примѣра эти люди отразились въ нашихъ душахъ и отпечатались на сердцахъ, потому что—грѣшный человѣкъ,—внѣ этого, т. е. безъ живого возвышающаго чувства примѣра никакого воспитанія не понимаю. Да, впрочемъ, теперь и большіе ученые съ этимъ согласны.

Итакъ, вотъ мои воспитатели, которыми я на старости лѣтъ задумалъ хвалиться. Иду по нумерамъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

№ 1. *Директоръ, генералъ-маіоръ Перскій* (изъ воспитанниковъ лучшаго времени Перваго же корпуса). Я опредѣлился въ корпусъ въ 1822 году вмѣстѣ съ моимъ старшимъ братомъ. Оба мы были еще маленькіе. Отецъ привезъ насъ на своихъ лошадяхъ изъ херсонской губерніи, гдѣ у него было имѣніе, жалованное «матушкою Екатериною». Аракчеевъ хотѣлъ отобрать у него это имѣніе подъ военное поселеніе, но нашъ старикъ поднялъ такой шумъ и сопротивленіе, что на него махнули рукою и подаренное ему «матушкою» имѣніе оставили въ его владѣніи.

Представляя насъ съ братомъ генералу Перскому, который въ одномъ своемъ лицѣ сосредоточивалъ должности директора и инспектора корпуса, отецъ былъ растроганъ, такъ какъ онъ оставлялъ насъ въ столицѣ, гдѣ у насъ не было ни одной души ни родныхъ, ни знакомыхъ. Онъ сказалъ объ этомъ Перскому и просилъ у него «вниманія и покровительства».

Перскій выслушалъ отца терпѣливо и спокойно, но не отвѣчалъ ему ничего, вѣроятно, потому, что разговоръ шелъ при насъ, а прямо обратился къ намъ и сказалъ:

— Ведите себя хорошо и исполняйте то, что приказываетъ вамъ начальство. Главное, вы знайте только самихъ себя и никогда не пересказывайте начальству о какихъ-либо шалостяхъ своихъ товарищей. Въ этомъ случаѣ васъ никто уже не спасетъ отъ бѣды.

На кадетскомъ языкѣ того времени для занимавшихся такимъ недостойнымъ дѣломъ, какъ пересказъ чего-нибудь и вообще искательство передъ начальствомъ, было особенное выраженіе «подъегозчикъ», и этого преступленія кадеты *никогда не прощали*. Съ виновнымъ въ этомъ обращались

презрительно, грубо и даже жестоко, и начальство этого не упустило. Такой самосудъ, можетъ-быть, былъ и хорошъ, и худъ, но онъ несомнѣнно воспитываетъ въ дѣтяхъ понятія чести, которыми кадеты бывшихъ временъ не даромъ славились и не измѣняли имъ на всѣхъ ступеняхъ служенія до гроба.

Михаилъ Степановичъ Перскій былъ замѣчательная личность: онъ имѣлъ въ высшей степени представительную паружность и одѣвался щеголемъ. Не знаю, было ли это щегольство у него въ натурѣ, или онъ считалъ обязанностью служить имъ для насъ примѣромъ опрятности и военной аккуратности. Онъ до такой степени былъ постоянно занятъ нами и все, что ни дѣлалъ, то дѣлалъ для насъ, что мы были въ этомъ увѣрены и тщательно старались подражать ему. Онъ всегда былъ одѣтъ самымъ форменнымъ, но самымъ изящнымъ образомъ: всегда носилъ тогдашнюю треугольную шляпу «по формѣ», держался прямо и молодцовато и имѣлъ важную, величавую походку, въ которой какъ бы выражалось настроеніе его души, пропикнутой служебнымъ долгомъ, но не знавшей служебнаго страха.

Онъ былъ съ нами въ корпусѣ безотлучно. Никто не помнилъ такого случая, чтобы Перскій оставилъ зданіе, и одинъ разъ, когда его увидали съ сопровождающимъ его вѣстовымъ на тротуарѣ, — весь корпусъ пришелъ въ движеніе, и отъ одного кадета другому передавалось невѣроятное извѣстіе: «Михаилъ Степановичъ прошелъ по улицѣ!»

Ему, впрочемъ, и некогда было разгудывать: будучи въ одно и то же время директоромъ и инспекторомъ, онъ по этой послѣдней обязанности четыре раза въ день *непрерывно* обходилъ всѣ классы. У насъ было четыре переменныя уроковъ, и Перскій *непрерывно* побывалъ на *каждомъ урокѣ*. Придетъ, посидитъ или постоитъ, послушаетъ и идетъ въ другой классъ. Рѣшительно ни одинъ урокъ безъ него не обходился. Обходъ свой онъ дѣлалъ въ сопровожденіи вѣстового, такого же какъ онъ рослаго унтеръ-офицера, музыканта Ананьева. Ананьевъ всюду его сопровождалъ и открывалъ передъ нимъ двери.

Перскій *исключительно* занимался по научной части и отстранилъ отъ себя фронтную часть и наказанія за дисциплину, которыхъ терпѣть не могъ и не переносилъ. Отъ

него мы видѣли только одно наказаніе: когда лѣниваго или нерадиваго онъ, бывало, слегка коснется въ лобъ кончикомъ безымяннаго пальца, какъ бы оттолкнетъ отъ себя, и скажетъ своимъ чистымъ, отчетливымъ голосомъ:

— Ду-ур-рной кадетъ!

И это служило горькимъ и памятнымъ урокомъ, отъ котораго заслужившій такое порицаніе часто не шель и не вѣль и всячески старался исправиться и тѣмъ «угѣшить Михаила Стенановича».

Надо замѣтить, что Перскій былъ холостъ, и у насъ существовало такое убѣжденіе, что онъ и не женится тоже *для насъ*.—Говорили, что онъ боится, обязавшись семействомъ, уменьшить свою о насъ заботливость. И здѣсь же у мѣста будетъ сказать, что это, кажется, совершенно справедливо. Но крайней мѣрѣ знавшіе Михаила Стенановича говорили, что на шуточные или нешуточные разговоры съ нимъ о женитьбѣ онъ отвѣчалъ:

— Миѣ Провидѣніе вѣрило такъ много чужихъ дѣтей, что некогда думать о собственныхъ,—и это въ его правдивыхъ устахъ, конечно, была не фраза.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Жилъ онъ совершенно монахомъ. Болѣе строгой аскетической жизни въ міру нельзя себѣ и представить. Не говоря о томъ, что самъ Перскій не ѣздилъ ни въ гости, ни въ театры, ни въ собранія,—онъ и у себя на дому никогда никого не принималъ. Объясняться съ нимъ по дѣлу всякому было очень легко и свободно, но только въ приемной комнатѣ, а не въ его квартирѣ. Тамъ никто посторонній не бывалъ, да и, по слухамъ, разошедшимся, вѣроятно, отъ Ананьева, квартира его была неудобна для приемовъ; комнаты Перскаго представляли видъ самой крайней простоты.

Вся прислуга директора состояла изъ одного вышеупомянутаго вѣстового, музыканта Ананьева, который не отлучался отъ своего генерала. Онъ, какъ сказано, сопровождалъ его при ежедневныхъ обходахъ классовъ, дортуаровъ, столовыхъ и малолѣтняго отдѣленія, гдѣ были дѣти отъ четырехъ-лѣтняго возраста, за которыми наблюдали уже не офицеры, а приставленные къ тому дамы. Этотъ Ананьевъ и служилъ Перскому, т. е. тщательно и превосходно чи-

стиль его сапоги и платье, на которомъ никогда не было пылинки, и ходилъ для него съ судками за обѣдомъ, не куда-нибудь въ избранный ресторанъ, а на общую кадетскую кухню. Тамъ кадетскими жестряпунами готовился обѣдъ для безсемеинныхъ офицеровъ, которыхъ въ нашемъ монастырѣ, какъ бы по примѣру начальника, завелось много, и Перскій кушалъ этотъ самый обѣдъ, платя за него эконому такую же точно скромную плату, какъ и всѣ другіе.

Понятно, что, найдившись весь день по корпусу, особенно по классамъ, гдѣ онъ былъ не для формы, а имѣя хорошія свѣдѣнія во всѣхъ наукахъ, внимательно выкалъ въ преподаваніе, Перскій приходилъ къ себѣ усталый, съѣдалъ свой офицерскій обѣдъ, отличавшійся отъ общаго кадетскаго обѣда однимъ лишнимъ блюдомъ, но не отдыхалъ, а тотчасъ же садился просматривать всѣ журнальныя отмѣтки всѣхъ классовъ за день. Это давало ему средство знать всѣхъ учениковъ вѣреннаго ему обширнаго заведенія и не допускать случайной оплошности перейти въ привычную лѣность. Всякій, получившій сегодня неудовлетворительный балъ, мучился ожиданіемъ, что завтра Перскій непременно его подзоветъ, тронетъ своимъ античнымъ, бѣлымъ пальцемъ въ лобъ и скажетъ:

— Дурной кадетъ.

И это было такъ страшно, что казалось страшнѣе сѣченія, которое у насъ практиковалось, но не за науки, а только за фронтъ и дисциплину, отъ завѣдыванія конми Перскій, какъ сказано, устранялся, вѣроятно потому, что нельзя было по тогдашнему обычаю обходиться безъ тѣлесныхъ наказаній, а они ему несомнѣнно были противны.

Сѣкли ротные командиры, изъ которыхъ большой охотникъ до этого дѣла былъ командиръ первой роты Ореусъ.

Вечеръ свой Перскій проводилъ за инспекторскими работами, составляя и провѣряя росписанія и соображая успѣхи учениковъ съ непройденными частями программы. Потомъ онъ много читалъ, находя въ этомъ большую помощь въ знаніи языковъ. Онъ основательно зналъ языки французскій, нѣмецкій, англійскій и постоянно упражнялся въ нихъ чтеніемъ. Затѣмъ онъ ложился немного попозже насъ для того, чтобы завтра опять встать немного насъ пораньше.

Такъ проводилъ изо дня въ день много лѣтъ кряду

этотъ достойный человѣкъ, котораго я рекомендую не исключать со счета при смѣтѣ о трехъ русскихъ праведникахъ. Онъ и жилъ, и умеръ честнымъ человѣкомъ безъ пятна и упрека; но этого мало: это все еще идетъ подъ чертою простой,—хотя, правда, весьма высокой честности, которой достигаютъ немногіе,—однако, все это, *только честность*. А у Перскаго была и доблесть, которую мы, дѣти, считали *своею*, т. е. нашею, кадетскою, потому что Михайло Степановичъ Перскій былъ воспитанникъ нашего кадетскаго корпуса и въ лицѣ своемъ олицетворялъ для насъ духъ и преданія кадетства.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

По нѣкоторому степенію обстоятельствъ мы, ребята, сдѣлались причастны къ одному событію декабристскаго бунта. Фасъ нашего корпуса, какъ извѣстно, выходилъ на Неву, прямо противъ нынѣшней Псаакіевской площади. Всѣ роты были разбѣжены по линіи, а *резервная* рота выходила на фасъ. Я былъ тогда именно въ этой резервной ротѣ и намъ, изъ нашихъ оконъ, было все видно.

Кто знаетъ графически это положеніе, тотъ его пойметъ, а кто не знаетъ—тому нечего рассказывать. Было такъ, какъ я говорю.

Тогда съ острова прямо къ этой площади былъ мостъ, который такъ и назывался Псаакіевскимъ мостомъ. Изъ оконъ фаса намъ видно было на Псаакіевской площади огромное стеченіе народа и бунтовавшихъ войскъ, который состояли изъ баталіона московскаго полка и двухъ ротъ экипажа-гвардіи. Когда послѣ шести часовъ вечера открыли огонь изъ шести орудій, стоявшихъ противъ адмиралтейства и направленныхъ на сенать, и въ числѣ бунтовавшихъ появились раненыя, то изъ нихъ нѣсколько человѣкъ бросились бѣжать по льду черезъ Неву. Одни изъ нихъ шли, а другіе ползли по льду и, перебравшись на нашъ берегъ, человѣкъ шестнадцать вошли въ ворота корпуса, и тутъ, который гдѣ привалились,—кто подъ стѣнкой, кто на сходахъ къ служительскимъ помѣщеніямъ.

Помнитея, будто все это были солдаты бунтовавшаго баталіона московскаго полка.

Кадеты, услышавъ объ этомъ или увидавъ раненыхъ, безъ удержки, но и безъ уговора, никого не слушая, бросились

къ нимъ, подняли ихъ на руки и уложили каждого какъ могли лучше. Имъ собственно хотѣлось уложить ихъ на свои койки, но, не помню, почему - то это такъ не сдѣлалось, хотя другіе говорятъ, что будто и такъ было. Однако, я объ этомъ не спорю и этого не утверждаю. Можетъ-быть, что кадеты размѣстили раненыхъ по солдатскимъ койкамъ въ служительской казармѣ и тутъ принялись около нихъ фельдшерить и имъ прислуживать. Не видя въ этомъ ничего предосудительнаго и дурнаго, кадеты не скрывались съ своимъ поступкомъ, котораго, къ тому же, и невозможно было скрыть. Сейчас же они дали знать объ этомъ директору Перскому, а сами межъ тѣмъ уже сдѣлали, какъ умѣли, раненымъ перевязку. А какъ бунтовщики стояли цѣлый день не ѣвши, то кадеты распорядились также ихъ накормить, для чего, построившись къ ужину, сдѣлали такъ-называемую «передачу», т. е. по всему фронту передали шопотомъ слова:

— «Пироговъ не ѣсть,—раненымъ». «Пироговъ не ѣсть,—раненымъ»...

Эта «передача» *) была пріемъ обыкновенный, къ которому мы всегда обращались, когда въ корпусѣ были кадеты, арестованные въ карцерѣ и оставленные «на хлѣбъ и на воду».

Дѣлалось это такимъ образомъ: когда мы выстраивались всѣмъ корпусомъ передъ обѣдомъ или передъ ужиномъ, то отъ старшихъ кадетъ - гренадеровъ, которые всегда больше знали домашнія тайны корпуса и имѣли авторитетъ на младшихъ, — «цѣло приказаніе», передаваемое отъ одного сосѣда къ другому шопотомъ и всегда въ самой короткой, лаконической формѣ. Напримѣръ:

— Есть арестанты—пирогои не ѣсть.

Если по росписанію въ этотъ день не было пироговъ, то точно такой же приказъ отдавался насчетъ котлетъ, и несмотря на то, что утаить и вынести изъ - за стола котлеты было гораздо труднѣе, чѣмъ пирогои, но мы умѣли это дѣлать очень легко и незамѣтно. Да, впрочемъ, начальство, зная нашъ въ этомъ случаѣ непреклонный ребячій духъ и

---

*) Воспитанники корпуса позднѣйшихъ выпусковъ говорятъ, что у нихъ не было слова «передача», но я оставляю такъ, какъ мнѣ сказано кадетомъ-старцемъ.

обычай, совсѣмъ къ этому не придиралось. «Не ѣдятъ, упо-
сять,—ну, и пускай уносятъ». Худа въ этомъ не полагали,
да его, можетъ-быть, и не было. Это маленькое правонару-
шеніе служило къ созиданію великаго дѣла: оно воспиты-
вало духъ товарищества, духъ взаимопомощи и сострадан-
нія, который придаетъ всякой средѣ теплоту и жизненность,
съ утратой коихъ люди перестаютъ быть людьми и стано-
вятся холодными эгоистами, неспособными ни къ какому
дѣлу, требующему самоотверженія и доблести.

Такъ было и въ этотъ, для нѣкоторыхъ изъ насъ, очень
многослѣдственный день, когда мы уложили и перевязали
своими платками раненыхъ бунтовщиковъ. Гренадеры дали
передачу:

— «Проговъ не ѣсть,—раненымъ».

И все этотъ приказъ исполнили по всей точности, какъ
было принято: проговъ никто не ѣлъ и все они были
отнесены раненымъ, которые вслѣдъ за тѣмъ были куда-то
убраны.

День кончился, по обыкновенію, и мы уснули, нимаю
не помысливъ о томъ, какое мы сдѣлали непозволительное
и вредное для нашихъ товарищей дѣло.

Мы могли быть тѣмъ спокойнѣе, что Перскій, который
всѣхъ болѣе отвѣчалъ за наши поступки, не сказалъ намъ
ни одного слова оужденія, а, напротивъ, простился съ
нами такъ, какъ будто мы не сдѣлали ничего дурного. Онъ
даже былъ ласковъ и тѣмъ далъ намъ поводъ думать, какъ
будто онъ одобрилъ наше ребячье состраданіе.

Однимъ словомъ, мы считали себя ни въ чемъ невинно-
ватыми и не ждали ни малѣйшей непріятности, а она была
на чеку и двигалась на насъ какъ будто нарочно, затѣмъ,
чтобы показать намъ Михаила Степановича въ такомъ ве-
личіи души, ума и характера, о которыхъ мы не могли со-
ставить и понятія, но о которыхъ, конечно, ни одинъ изъ
насъ не сумѣлъ забыть до гроба.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пятнадцатаго декабря въ корпусъ *неожиданно* пріѣхалъ
государь Николай Павловичъ. Онъ былъ очень гнѣвенъ.

Перскому дали знать, и онъ тотчасъ же явился изъ своей
квартиры и, по обыкновенію, отрантовалъ его величеству
о числѣ кадетъ и о состояніи корпуса.

Государь выслушалъ его въ суровомъ молчаніи и изво-
дилъ громко сказать:

— Здѣсь духъ нехорошій!

— Военный, ваше величество, — отвѣчалъ полнымъ и
спокойнымъ голосомъ Перскій.

— Отсюда Рылѣевъ и Бестужевъ! — непрежнему съ не-
удовольствіемъ сказали императоръ.

— Отсюда Румянцевъ, Прозоровскій, Каменскій, Куль-
невъ,—всѣ главнокомандующіе, и отсюда Толь,—съ тѣмъ же
неизмѣннымъ спокойствіемъ возразилъ, глядя открыто въ
лицо государя, Перскій.

— Они бунтовщиковъ кормили! — сказали, показавъ на
насъ рукою, государь.

— Они такъ воспитаны, ваше величество, — драться съ
непріятелемъ, но послѣ побѣды призывать раненыхъ, какъ
своихъ.

Негодование, выражавшееся на лицѣ государя, не измѣ-
нилось, но онъ ничего болѣе не сказалъ и уѣхалъ.

Перскій своими откровенными и благородными вѣрно-
подданическими отвѣтами отклонилъ отъ насъ бѣду, и
мы продолжали жить и учиться, какъ было до сихъ поръ.
Обращеніе съ нами все шло мягкое, человѣчное, но уже
недолго: близился крутой и жесткій переломъ, совершенно
измѣнившій весь характеръ этого прекрасно учрежденнаго
заведенія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Ровно черезъ годъ послѣ декабрьскаго бунта, именно
14-го декабря 1826 года, главнымъ директоромъ всѣхъ ка-
детскихъ корпусовъ вмѣсто генераль-адъютанта Павла Ва-
сильевича Голеннищева-Кутузова былъ назначенъ генераль-
адъютантъ отъ - инфантеріи Николай Ивановичъ Демидовъ,
человѣкъ чрезвычайно набожный и совершенно безжалост-
ный. Его и безъ того тренетали въ войскахъ, гдѣ имя его
произносилось съ ужасомъ, а для насъ онъ получилъ осо-
бенное приказаніе «подтянуть».

Демидовъ велѣлъ собрать совѣтъ и пріѣхалъ въ корпусъ.
Совѣтъ состоялъ изъ директора Перскаго, баталіоннаго коман-
дира, полковника Шмидта (человѣка превосходной честности)
и ротныхъ командировъ: Ореуса (сѣкуна), Шмидта 2-го,
Эллермана и Черкасова, который передъ тѣмъ долгое время

преподавалъ фортификацію, такъ что пожалованный въ графы Толь въ 1822 году былъ его ученикомъ.

Демидовъ началъ съ того, что сказалъ:

— Я желаю знать имена кадетъ, которые дурно себя ведутъ. Прошу сдѣлать имъ особый списокъ.

— У насъ нѣтъ худыхъ кадетъ, — отвѣчалъ Перскій.

— Однакоже, конечно, непремѣнно одни ведутъ себя лучше, другіе хуже.

— Да, это такъ; но если отобрать тѣхъ, которые хуже, то въ числѣ остальныхъ опять будутъ лучшіе и худшіе.

— Должны быть внесены въ списокъ самыя худшіе, и они, въ примѣръ прочимъ, будутъ посланы въ полки унтеръ-офицерами.

Перскій никакъ этого не ожидалъ и, выразивъ непритворное удивленіе, возразилъ со всегданнимъ своимъ самообладаніемъ и спокойствіемъ:

— Какъ въ унтеръ-офицеры!—за что?

— За дурное поведеніе.

— Намъ ввѣрили ихъ родители съ четырехлѣтняго возраста, какъ вамъ извѣстно. Слѣдовательно, если они дурны, то въ этомъ мы виноваты, что они дурно воспитаны. Что же мы скажемъ родителямъ? то, что мы довоспитали ихъ дѣтей до того, что ихъ пришлось сдать въ полки нижними чинами. Не лучше ли предупредить родителей, чтобы они взяли ихъ, чѣмъ ссылать ихъ безъ вины въ унтеръ-офицеры.

— Намъ объ этомъ не слѣдуетъ разсуждать, а должно только исполнить.

— А! въ такомъ случаѣ не для чего было собирать совѣтъ, — отвѣчалъ Перскій: — вы бы изволили такъ сказать сначала, и что приказано, то должно быть исполнено.

Результатъ былъ тотъ, что на другой день, когда мы сидѣли за учебными занятіями, классы обходилъ адъютантъ Демидова Багговуть и, держа въ рукахъ списокъ, вызывалъ по именамъ тѣхъ кадетъ, у которыхъ были наихудшія отмѣтки за поведеніе.

Вызваннымъ Багговуть приказалъ идти въ фехтовальную залу, которая была такъ расположена, что мы изъ классовъ могли видѣть все тамъ происходившее. И мы видѣли, что солдаты внесли туда кучу сѣрыхъ шинелей и нашихъ товарищей одѣли въ эти шинели. Затѣмъ ихъ вывели изъ

дворъ, разсадили тамъ съ жандармами въ заготовленные сани и отравили по полкамъ.

Само собою разумѣется, что паника была ужасная. Намъ объявили, что если еще найдутся между нами кадеты, которые будутъ вести себя неудовлетворительно, то такія высылки станутъ повторяться. Для оцѣнки поведенія была назначена отмѣтка *сто балловъ*, и сказано, что если кто будетъ имѣть менѣе семидесяти пяти балловъ, то такой будетъ немедленно отданъ въ унтеръ-офицеры.

Само начальство было въ немаломъ затрудненіи: какъ располагать оцѣнку поведенія по этой новой, сто-балльной системѣ, и мы слышали объ этомъ недоумѣніи переговоры, которые окончились тѣмъ, что начальство стало насъ щадить и оберегать, милостиво относясь къ нашимъ ребячьимъ грѣшкамъ, за которые надъ нами была утверждена такая страшная кара. Мы же такъ скоро съ этимъ освоились, что чувство минутнаго паническаго страха вдругъ замѣнилось у насъ еще большею отвагою: скорбя за исключенныхъ товарищей, мы иначе не звали между собою Демидова, какъ «варваръ», и вмѣсто того, чтобы робѣть и трястись его образцоваго жестокосердія, рѣшились идти съ нимъ въ открытую борьбу, въ которой хотя всемо пропасть, но показать ему «наше презрѣніе къ нему и ко всемо опасностямъ».

Случай представился къ этому немедленно же, и очень трудно сказать, до чего бы дошло дѣло, если бы опять не подоспѣли намъ на помощь находчивый умъ и большой тактъ никогда не ходившаго за словомъ въ карманъ Перскаго.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Ровно черезъ недѣлю послѣ того, какъ отъ насъ были отлучены и сосланы въ унтеръ-офицеры наши товарищи, намъ было приказано идти въ ту же фехтовальную залу и построиться тамъ въ колонны. Мы исполнили приказаніе и ждали, что будетъ, а на душѣ у всемо жутко. Вспомнили, что стоимъ на тѣхъ самыхъ половицахъ, на которыхъ стояли наши несчастные товарищи передъ грудами приготовленныхъ для нихъ солдатскихъ шинелей, и такъ вотъ варомъ и закипитъ на душѣ... Какъ они, сердечные, должно быть были изумлены и поражены этою неожиданностью, и гдѣ-то

и какъ они стали приходить въ себя и проч., проч... Словомъ сказать: душевная мука, — и стоимъ мы всё, понутивъ головочки уныло, и вспоминаемъ Демидова, «варвара», но ни капли его не боимся. Пропадать, такъ всё въ заодно пропадать,—знаете, ступень такая... освоились. И въ это-то время вдругъ отворятся двери и является самъ Демидовъ вмѣстѣ съ Перскимъ и говоритъ:

— Здравствуйте, дѣточки!

Всѣ молчали. Ни уговора, ни моментальной «передачи» при его появленіи не было, а такъ просто отъ чувства негодования ни у одного уста не раскрылись отвѣчать. Демидовъ повторилъ:

— Здравствуйте, дѣточки!

Мы опять молчали. Дѣло переходило въ сознательное упорство и моментъ принималъ самый острый характеръ. Тогда Перскій, видя, что изъ этого произойдетъ большая непріятность, сказалъ Демидову громко такъ, что всё мы слышали:

— Они не отвѣчаютъ, потому что не привыкли къ выраженію вашему «дѣточки». Если вы поздороуетесь съ ними и скажете: «здравствуйте, кадеты», они непременно вамъ отвѣтятъ.

Мы очень уважали Перскаго и поняли, что, говоря эти слова такъ громко и такъ увѣренно Демидову, онъ въ то же время, главнымъ образомъ, адресуетъ ихъ намъ, доверяя себя самого нашей совѣстливости и нашему разсудку. Опять, безъ всякаго уговора всё сразу поняли его едиными сердцами и поддержали его единими устами. Когда Демидовъ сказалъ: «здравствуйте, кадеты!» мы единогласно отвѣтили извѣстнымъ возгласомъ: «здравія желаемъ!»

По это не былъ конецъ исторіи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Послѣ того, какъ мы прокричали свое «здравія желаемъ», Демидовъ спустилъ съ себя строгость, которою началъ-было набираться, когда мы не отвѣчали на его противную ласку, но сдѣлать нѣчто еще болѣе для насъ непріятное.

— Вотъ,—сказалъ онъ голосомъ, который хотѣлъ сдѣлать ласковымъ и дѣлалъ только приторнымъ:—вотъ я хочу вамъ сейчасъ показать, какъ мы васъ любимъ.

Онъ кивнулъ вѣстовому Ананьеву, который скорыми ша-

гами вышелъ за двери и тотчасъ же возвратился въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, несшихъ большія корзины съ дорогими кондитерскими конфетами въ изукрашенныхъ бумажкахъ.

Демидовъ остановилъ корзины и, обратясь къ намъ, сказалъ:

— Вотъ тутъ цѣлые пять пудовъ конфетъ (кажется, пять, а можетъ-быть, было и болѣе) — это все для васъ, берите и кушайте.

Мы не трогались.

— Берите же, — это для васъ.

А мы тоже ни съ мѣста, но Перскій, видя это, далъ знакъ солдатамъ, державшимъ демидовское угощеніе, и тѣ стали носить корзины по рядамъ.

Мы опять поняли, чего хочетъ нашъ директоръ, и не позволили себѣ противъ него никакой неумѣстности, но демидовское угощеніе мы все-таки ѣсть не стали и наняли ему особое опредѣленіе. Въ то самое мгновеніе, какъ первый фланговый изъ нашихъ старшихъ гренадеровъ протянулъ руку къ корзинамъ и взялъ горсть конфетъ, онъ усилъ шепнуть сосѣду:

— Конфеты не ѣсть — въ яму.

И въ одну минуту «передача» эта пробѣжала по всему фронту съ быстротою и съ незамѣтностью электрической искры и ни одна конфета не была съѣдена. Какъ только начальство ушло и насъ пустили порѣзвиться, мы все, другъ за другомъ, веревочкою, пришли въ извѣстное мѣсто, держа въ рукахъ конфеты, и все бросили ихъ туда, куда было указано.

Такъ и кончилось это демидовское угощеніе. Ни одинъ мальшъ не слюкавилъ и не соблазнился конфетою: все бросили. Да иначе и нельзя было: духъ дружества и товарищества былъ удивительный, и самый маленькій новичокъ проникался имъ быстро и подчинялся ему съ какимъ-то священнымъ восторгомъ. Насъ нельзя было подкупить и заласкать никакими лакомствами: мы такъ были преданы начальству, но не за ласки и подарки, а за его справедливость и честность, которыя видѣли въ такихъ людяхъ какъ Михаилъ Степановичъ Перскій — главный командиръ, или, лучше сказать, игуменъ нашего кадетскаго монастыря,

гдѣ онъ подѣ-стать себѣ умѣлъ подобрать такихъ же и старцевъ.

Впрочемъ,—онъ ли ихъ умѣлъ подѣ-брать, или они сами къ нему подѣ-стать подѣ-брались, дабы жить въ отрадномъ согласіи, — этого я не знаю, потому что мы малы были, чтобы вникать въ такія вещи; но что знаю о сподвижникахъ Михаила Степановича, то тоже разскажу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Второй номеръ за игуменомъ въ монастыряхъ принадлежить *эконому*. Такъ было и у насъ, въ нашемъ монастырѣ. За Михаиломъ Степановичемъ Перскимъ, по важности значенія, слѣдоваль восхѣтый Рылѣвымъ экономъ, въ чинѣ бригадира, Андрей Петровичъ *Бобровъ*.

Я ставлю его *вторымъ* только по подчиненности и потому, что нельзя всѣхъ поставить вмѣстѣ въ первыхъ, но по достоинствамъ души, сердца и характера этотъ Андрей Петровичъ былъ такой же высоко-замѣчательный человекъ, какъ самъ Перскій, и ни въ чемъ не уступалъ ему, развѣ только въ одной умственной находчивости на отвѣты. Зато сердцемъ Бобровъ былъ еще теплѣе.

Онъ, разумѣется, былъ *колосъ*, какъ и надо по монастырскому уставу, и дѣтей любилъ чрезвычайно. Только не такъ любилъ, какъ иные любятъ,—теоретически, въ разсужденіяхъ, что, молъ, «это будущность Россіи», или «наша надежда»—или же еще что-нибудь подобное, вымышленное и пустяковое, за чѣмъ часто нѣтъ ничего, кромѣ эгоизма и безсердечія. А у нашего бригадира эта любовь была простая и настоящая, которую не нужно было намъ изъяснять и растолковывать. Мы всѣ знали, что онъ насъ любить и о насъ печется, и никто бы насъ въ этомъ не могъ разубѣдить.

Бобровъ былъ низенькаго роста, толстый, ходилъ съ косицею и, по опрятности, составлялъ самый рѣзкій контрастъ съ Перскимъ, а былъ похожъ въ этомъ отношеніи на дѣдушку Крылова. Сколько мы его знали, онъ всегда послѣ одинъ и тотъ же мундиръ,—засаленный-презасаленный,—и другого у него не было. Цвѣтъ воротника этого мундира опредѣлить было невозможно, но Андрей Петровичъ нимало этимъ не стѣснялся. Въ этомъ самомъ мундирѣ онъ былъ при дѣлѣ и въ немъ же, когда случалось, предстоялъ передъ

старшими военными лицами, великими князьями и самим государемъ. Говорили, будто бы императоръ Николай Павловичъ зналъ, куда Бобровъ дѣваетъ свое жалованье и изъ уваженія къ нему не хотѣлъ замѣчать его нерадивость.

У Боброва была Анна съ брильянтами на шеѣ, которую онъ носилъ постоянно, а ужъ на какой лентѣ висѣла эта Анна,—про то не спрашивайте. Лента была такъ же нераспознаваема, какъ цвѣтъ его воротника на мундирѣ.

Онъ завѣдывалъ всею экономическою частью корпуса совершенно самостоятельно. Безпрестанно занятый научною частью, директоръ Перскій совѣтъ не вмѣшивался въ хозяйство, да это было и не нужно при такомъ экономѣ, какъ бригадиръ Бобровъ. Къ тому же, оба они были друзья и вѣрили другъ другу безгранично.

Въ вѣдѣніи Боброва было какъ продовольствіе, такъ и одежда всѣхъ кадетъ и всей прислуги безъ исключенія. Сумма расходовъ простиралась до 600,000 руб. ежегодно, а за сорокъ лѣтъ его экономскаго служенія у него, значитъ, обратилось до 24 милліоновъ, но къ рукамъ ничего не пришло. Напротивъ, даже 3 т. р. положеннаго ему жалованья онъ не получалъ, а только въ немъ расхищался, и когда этотъ денежный человѣкъ на сороковомъ году своего экономства умеръ, то у него не оказалось своихъ денегъ ни гроша и его хоронили на казенный счетъ.

Я скажу въ концѣ, куда онъ дѣвалъ свое жалованье, на какую громатывалъ его необходимую страстинку, о которой, какъ выше замѣчено, будто бы и зналъ покойный императоръ Николай Павловичъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

По обычаю своему, Бобровъ былъ такой же домосѣдъ, какъ и Перскій. Сорокъ къ ряду лѣтъ онъ буквально не выходилъ изъ корпуса, но зато постоянно ходилъ по корпусу и все учреждалъ свое дѣло, все хлопоталъ, «чтобы мошенники были сыты, теплы и чисты». *Мошенники* это были мы, — такъ онъ называлъ кадетъ; разумеется, употребляя это слово какъ ласку, какъ шутку. Мы это знали.

Всякій день онъ вставалъ въ пять часовъ утра и являлся къ намъ въ шесть часовъ, когда мы пили обитень; послѣ этого мы шли въ классы, а онъ по хозяйству. Затѣмъ обѣдъ и всякую другую пищу мы получали непременно при

немъ. Онъ любилъ «кормить» и кормилъ насъ прекрасно и очень сытно. Нантъ нынѣшній государь, въ отрочествѣ своемъ, не разъ кушивалъ съ нами за общимъ кадетскимъ столомъ, и, вѣроятно, еще изволить помнить нашего «старого Бобра» *). Порцій, какъ это водится во всѣхъ заведенияхъ, у насъ при Бобровѣ не было, — всѣ ѣли сколько кто хотѣлъ. Одѣвать онъ насъ всегда хорошо; бѣлье составлялъ перемѣнять три раза въ недѣлю. Былъ очень жалостливъ и даже баловникъ, что отчасти было, вѣроятно, извѣстно Перскому и другимъ, но не все: водились и такія вещи, которыя Андрей Петровичъ, по добросердечію своему, не могъ не сдѣлать, но знать, что онѣ незаконны, и онъ, бригадиръ, скрывался съ ними какъ школьникъ. Это больше всего касалось кадетъ, подвергнутыхъ наказанію. Тутъ онъ весь внѣ себя былъ, сдерживался, но внутренно ужасно болѣлъ, — кипятился, какъ самоварчикъ, и, наконецъ, не выдерживалъ, чтобы чѣмъ-нибудь не «утѣшить мошенника». Всякаго наказаннаго онъ какъ-нибудь подзоветъ, насунится, будто какой-то выговоръ хочетъ сказать, но вмѣсто того поглядитъ, что-нибудь дастъ и отпихнетъ:

— Пошелъ, мошенникъ, впередъ себя не доводи!

Особенная же забота у него шла о кадетсахъ-арестантахъ, которыхъ сажали на хлѣбъ на воду, въ такіе устроенные при Демидовѣ особенные карцеры, куда товарищи не могли доставить арестантамъ подаваніе. Андрей Петровичъ всегда знаетъ, по счету пустыхъ столовыхъ приборовъ, сколько арестованныхъ, но кадеты не опускали случая съ своей стороны еще ему особенно объ этомъ напомнить. Бывало, проходя мимо его изъ столовой, подъ ритмической топотъ шаговъ, какъ бы безотносительно произносятъ:

— Пять арестантовъ, пять арестантовъ, пять арестантовъ.

А онъ или стоитъ только вышуча свои глазки, какъ будто ничего не слышитъ, или, если нѣтъ вблизи офицеровъ, дразнится, т. е. отвѣчаетъ намъ тѣмъ же тономъ:

— Мнѣ что за дѣло, мнѣ что за дѣло, мнѣ что за дѣло.

Но когда посаженныхъ на хлѣбъ на воду выводили изъ арестантскихъ на ночлегъ въ роту, Андрей Петровичъ

* В «Исторіи I Кадетскаго Корпуса» (1832 г.) есть упоминанія о томъ, что государь императоръ Александръ Николаевичъ въ отрочествѣ посѣщалъ корпусъ и тамъ кушалъ съ кадетами.

подстерегаль эту процессію, отнималь ихъ у провожатыхъ, забираль къ себѣ въ кухню и тутъ ихъ кормилъ; а по коридорамъ во все это время разставляль солдатъ, чтобы никто не подошелъ.

Самъ имѣ, бывало, кану маслитъ и торонитесь тарелки подставлять, а самъ твердить:

— Скорѣе, мошенишкѣ, скорѣе глотай!

Всѣ при этомъ часто плакали,—и арестанты, и онъ, ихъ кормилецъ, и сторожевые солдаты, участвовавшіе въ продѣлкахъ своего добраго бригадира.

Кадеты его любили до той надѣдливости, что ему буквально нельзя было показаться въ такое время, когда мы были свободны. Если, бывало, случится ему, по неосторожности, попасть въ это время на плацъ, то сейчасъ же раздавался крикъ:

— Андрей Петровичъ на плацу!

Больше ничего не нужно было, и всѣ знали, что дѣлать: всѣ бросались къ нему, ловили его, брали на руки и на рукахъ несли, куда ему было нужно.

Это ему было тяжело, потому что онъ былъ толстенкій кубикъ, ворочается, бывало, у насъ на рукахъ,—кричить:

— Мошенички! вы меня урошите, убьете... Это мнѣ нездорово,—но это не помогало.

Тенерь скажу о страстишкѣ, по милости которой Андрею Петровичу никогда почти не приходилось получать своего жалованья, а только расписываться.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

У насъ очень много было людей бѣдныхъ и когда насъ выпускали, то выпускали на бѣдное же офицерское жалованье. А мы вѣдь были младенцы, о доходныхъ мѣстахъ и должностяхъ, о чемъ нынче грудные младенцы знаютъ, у насъ и мыслей не было. Разставлялись не съ тѣмъ, что и такъ-то устроюсь или разживусь—а говорили:

— Слѣдите за газетами, если только нашъ полкъ будетъ въ дѣлѣ,—на приступѣ первымъ я.

Всѣ такъ собирались, а многіе и исполнили. Идеалисты были ужасные! Андрей Петровичъ сожалѣль о бѣднякахъ и безродныхъ и хотѣль, чтобы и изъ нихъ каждый имѣль что-нибудь приличное, въ чемъ оно ему представлялось. Онъ даваль всѣмъ бѣднымъ приданое,—серебряныя ложки

и бѣлье. Каждый вынужденный прапорицкъ получалъ стѣ него по три перемѣны бѣлья, двѣ столовыя серебряныя ложки, по четыре чайныхъ восемьдесятъ четвертой пробы. Бѣлье давалось для себя, а серебро—для «общегитія».

— Когда товарищъ зайдетъ, чтобы было у тебя, чѣмъ дать щей хлебнуть, а къ чаю могутъ зайти двое и трое,—такъ вотъ чтобы было, чѣмъ...

Такъ это и соразмѣрялось — накормить хоть одного, а чайкомъ напоить до четырехъ собратовъ. Все до мелочей и вдаль — на всю жизнь, внушалось о товариществѣ, и диво ли, что оно было?

Ужасно трогательный былъ человѣкъ и самъ растрогивался сильно и глубоко. Поэтически могъ вдохновлять, и Рылѣевъ, какъ я сказалъ, написалъ ему оду, которая началась словами:

«О ты, почтенный эконокъ Бобровъ!»

Вообще любили его поистинѣ, можно сказать, до чрезвычайности, и любовь эта въ насъ не ослабѣвала ни съ лѣтами, ни съ перемѣною положенія. Пока онъ жилъ, всѣ наши, когда случалось быть въ Петербургѣ, непременно прѣзжали въ корпусъ «явиться Андрею Петровичу»—«старому Бобру». И тутъ происходили иногда сцены, которыхъ словами просто даже передать нельзя. Увидить, бывало, человѣка незнакомаго съ знаками заслугъ, а иногда и въ большомъ чинѣ и встрѣтить официально вопросомъ: «что вамъ угодно?» А потомъ, какъ тотъ назоветъ себя, онъ сейчасъ сдѣлаетъ шагъ назадъ и одной рукой начнетъ лобъ почесывать, чтобы лучше вспоминать, а другою—отстранять гостя:

— Позвольте, позвольте, говорить,—позвольте!

И если тотъ не сибирилъ виолнѣ открыться, то онъ ворчалъ:

— У насъ быть... мошенникъ... не изъ нашихъ ли?..

— Вашъ, вашъ, Андрей Петровичъ! — отвѣчалъ гость, или же, порываясь къ хозяину, показывать ему его «благословеніе»—серебряную ложечку.

Но тутъ вся сцена становилась какою-то дрожащею. Бобровъ топалъ ногами, кричалъ: «прочъ, прочъ, мошенникъ!» и съ этимъ самъ быстро прятался въ уголь дивана за столъ, закрывая оба глаза своими пухленькими кулачками

или синимъ бумажнымъ платкомъ и не плакать, а рыдать, рыдать звонко, визгливо и неудержимо, какъ нервическая женщина, такъ что вся его внутренность и полная мясистая грудь его дрожала и лицо наливалось кровью.

Удержать его было невозможно, а такъ какъ это не разъ бывало съ нимъ при такихъ крайне волнованныхъ его встрѣчахъ, то денщикъ его это зналъ и сейчасъ ставилъ передъ нимъ на подносикѣ стаканъ воды. Болѣе никто ничего не предпринималъ. Истерика восторга кончилась, старикъ самъ вышывалъ воду и, вставая, говорилъ ослабѣвшимъ голосомъ:

— Ну... теперь поцѣлуй, мошенникъ!

И они цѣловались долго-долго, причемъ многіе, конечно, безъ всякаго униженія или ласкательства цѣловали у него руки, а онъ уже только съ блаженствомъ повторялъ:

— Вспомнилъ, мошенникъ, старика,—вспомнилъ!—и сейчасъ же усаживалъ гостей и самъ принимался доставать изъ шкапа какой-то графинчикъ, а денщика посылалъ на кухню за кушаньемъ.

Отказаться отъ этого никто не могъ. Иной, бывало, отпрашивается:

— Андрей Петровичъ! я,—говорить,—званъ и общался къ такому-то, или къ такому-то, какому-нибудь важному лицу.

Ни за что не отпустить.

— Знать ничего не хочу,—говорить,—важныя лица тебя не знали, когда я тебя на кухнѣ кормилъ. Пришелъ сюда, такъ ты *мой*,—и долженъ изъ стараго корыта почавкать. Безъ того не выпущу.

И не выпустить.

Рацей онъ никогда не читалъ, а только *жилъ* передъ нами и остался жить послѣ того, какъ его въ концѣ сорокового года службы за недостаточностію на казенный счетъ похоронили.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Теперь третій постоянный инокъ нашего монастыря — нашъ корпусный докторъ *Зеленскій*. Онъ тоже былъ холостъ, тоже былъ домосѣдъ. Этотъ даже превзошелъ двухъ первыхъ тѣмъ, что жилъ въ лазаретѣ, въ послѣдней комнатѣ. Ни фельдшеръ, ни прислуга—никто никогда не могли

себя предостеречь отъ внезапнаго его появленія у больныхъ: онъ былъ тутъ какъ днемъ, такъ и ночью. Числа визитацій у него не полагалось, а онъ всегда былъ при больныхъ. Въ день нѣсколько разъ обойдетъ, а, кромѣ того, еще навернется иногда невзначай и ночью. Если же случался трудно-больной кадетъ, такъ Зеленскій и вовсе его не оставлялъ, — тутъ и отдыхать возлѣ больного на соседней койкѣ.

Этотъ докторъ, по опрятности, былъ противоположность Перскому и родной братъ эконому Боброву. Онъ ходилъ въ сюртукѣ, рѣдко вычищенномъ, часто очень изношенномъ и всегда разстегнутомъ, и цвѣтъ воротника у него былъ такой же, какъ у Андрея Петровича, т. е. нераспознаваемый.

Онъ былъ тѣломъ и душою нашъ человекъ, какъ и два первые. Изъ корпуса онъ не выходилъ. Это, можетъ-быть, покажется невѣроятнымъ, но это такъ. Никакими деньгами нельзя было его заставить выѣхать съ визитомъ на сторону. Былъ одинъ примѣръ, что онъ измѣнилъ своему правилу, когда пріѣхалъ въ Петербургъ великій князь Константинъ Павловичъ изъ Варшавы. Его высочество посѣтилъ одну статсъ-даму, которую засталъ въ страшномъ горѣ: у нея былъ очень боленъ маленькій сынъ, которому не могли помочь тогдашніе лучшіе доктора столицы. Она посылала за Зеленскимъ, который славился отличнымъ знатокомъ дѣтскихъ болѣзней, въ конхъ имѣлъ, разумѣется, огромный навыкъ, но онъ далъ свой обыкновенный отвѣтъ:

— У меня на рукахъ тысяча триста дѣтей, за жизнь и здоровье которыхъ я отвѣчаю, и на стороны разбрасываться не могу.

Огорченная его отказомъ, статсъ-дама сказала объ этомъ великому князю, и Константинъ Павловичъ, будучи шефомъ Перваго кадетскаго корпуса, изволилъ *приказать* Зеленскому поѣхать въ домъ этой дамы и *вылѣчить* ея ребенка.

Докторъ повиновался, — поѣхалъ и скоро вылѣчилъ больное дитя, но платы за свой трудъ не взялъ.

Одобряетъ ли кто или не одобряетъ этотъ его поступокъ, но я говорю какъ происходило.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Зеленскій былъ докторъ отличный, и сколько я могу теперь понимать, вѣроятно, относился къ новой медицинской

школъ: онъ былъ гигиенистъ и къ лѣкарствамъ прибѣгалъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Но тогда насчетъ медикаментовъ и другихъ пужныхъ врачебныхъ пособій былъ требователенъ и чрезвычайно настойчивъ. Чтò онъ пазначалъ и потребовалъ,—это уже чтобъ было, да, впрочемъ, и сопротивленія-то некому было оказывать. О шницѣ ужь и говорить нечего: разумѣется, какую порцію ни потребуй — Бобровъ не откажетъ. Онъ и здоровыхъ «мошенниковъ» любилъ кормить дѣ-сыта, а про больныхъ уже и говорить нечего. Но я помню разъ такой случай, что докторъ Зеленскій для какого-то больного потребовалъ вина и назначилъ его на рецептѣ словами: «такой-то номеръ по прейсъ-куранту англійскаго магазина».

Солдатъ понесъ требованіе эконому и чрезъ нѣсколько минутъ идетъ самъ Андрей Петровичъ.

— Батенька, — говоритъ: — вы знаете ли, сколько этотъ номеръ вина за бутылку стоитъ? Онъ, вѣдь, стоитъ восемнадцать рублей.

А Зеленскій ему отвѣчалъ:

— Я и знать, — говоритъ: — этого не хочу: это вино для ребенка нужно.

— Ну, а если нужно, такъ и толковать не о чемъ, — отвѣчалъ Бобровъ, и сейчасъ же вынулъ деньги и послалъ въ англійскій магазинъ за указаннымъ виномъ.

Привожу это, между прочимъ, въ примѣръ, какъ они всѣ были между собою согласны въ томъ, что пужно для нашей выгоды, и приписываю это именно той ихъ крѣпкой другъ въ другъ увѣренности, что ни у кого изъ нихъ нѣтъ болѣе драгоцѣнной цѣли, какъ *наше* благо.

Имѣя на рукахъ, въ числѣ 1,300 человекъ, двѣсти пятьдесятъ малолѣтнихъ отъ четырехъ до восьми лѣтъ, Зеленскій тщательнѣйше наблюдалъ, чтобы не допускать повальныхъ и заразительныхъ болѣзней, и заболѣвавшихъ scarlatinною сейчасъ же отдѣлялъ и лѣчилъ въ темныхъ комнатахъ, куда не допускалъ капли свѣта. Надъ этой системой позже смѣялись, но онъ считалъ се дѣломъ серьезнымъ и всегда ся держался, и оттого ли, или не оттого, но результатъ былъ чудесный. Не было случая, чтобы у насъ не выздоровѣлъ мальчикъ, заболѣвшій scarlatinною. Зеленскій на этотъ счетъ немножко бравировалъ. У него была поговорка:

— Если ребенокъ умретъ отъ горячки, доктора надо повѣсить за шею, а если отъ скарлатины—то за ноги.

Мелкихъ чиновныхъ лицъ у насъ въ корпусѣ было очень мало. Напримѣръ, *вся* канцелярія такого громаднаго учрежденія состояла изъ одного бухгалтера Паутова—человѣка, имѣвшаго феноменальную память, да трехъ писарей. Только и всего, и всегда все, что нужно—было сдѣлано; но при больницѣ Зеленскій держалъ большой комплектъ фельдшеровъ и ему въ этомъ не отказывали. Къ каждому серьезному больному приставлялся отдѣльный фельдшеръ, который такъ возлѣ него и сидѣлъ, — поправлялъ его, одѣвалъ, если раскидывается, и подавалъ лѣкарство. Отойти онъ, разумѣется, не смѣлъ и подумать, потому что Зеленскій былъ тутъ же за дверью и каждую минуту могъ выйти; а тогда, по старинѣ, много не говоря, сейчасъ же короткая расправа: зуботычина—и опять сиди на мѣстѣ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Вѣруя и постоянно говоря, что «главное дѣло не въ лѣченіи, а въ недопущеніи, въ предупрежденіи болѣзней», Зеленскій былъ чрезвычайно строгъ къ прислугѣ и зуботычины у него летѣли за малѣйшее неисполненіе его гигиеническихъ приказаній, къ которымъ, какъ извѣстно, наши русскіе люди относятся какъ къ какой-то неосновательной прихоти. Зная это, Зеленскій держался съ ними морали крыловской басни «Котъ и поваръ». Не исполнено или не точно исполнено его приказаніе, — не станеть разсуждать, а сейчасъ же щелкъ по зубамъ и пошелъ мимо.

Мнѣ немножко жаль сказывать объ этой привычкѣ скорого на руку доктора Зеленаго, чтобы скорые на осужденіе современные люди не сказали: «вотъ какой драчунъ или Держиморда»; но чтобы воспоминанія были вѣрны и полны—изъ пѣсни слова не выкинешь. Скажу только, что онъ не былъ Держиморда, а былъ даже добрякъ и насправедливѣйшій и великодушнѣйшій человѣкъ, но былъ, разумѣется, человѣкъ *своего времени*, а время его было такое, что зуботычина за великое не считалась. Тогда была другая мѣрка: отъ человѣка требовали, чтобы «никого не сдѣлать несчастнымъ», и этого держались всѣ хорошіе люди, а въ томъ числѣ и докторъ Зеленскій.

Въ видахъ *недопущенія болѣзней*, прежде чѣмъ кадетъ

вводили въ классы, Зеленскій проходилъ все классныя комнаты, гдѣ въ каждой былъ термометръ. Онъ требовалъ, чтобы въ классахъ было не меньше 13° и не больше 15°. Истопники и сторожа должны были находиться тутъ же, и если температура не выдержана—сейчасъ врачебная зубочистка. Какъ мы сѣли за классныя занятія, онъ точно такъ же обходилъ роты и тамъ опять происходило то же самое.

Пищу нашу онъ зналъ хорошо, потому что самъ другой пищи не ѣлъ: онъ *всегда* обѣдалъ или съ больными въ лазаретѣ, или съ здоровыми, но не за особымъ, а за общимъ кадетскимъ столомъ, и притомъ не позволялъ ставить себѣ избраннаго прибора, а садился гдѣ попало и ѣлъ то самое, чѣмъ питались мы.

Осматривалъ онъ насъ каждую баню въ предбанникѣ, но, кромѣ того, производилъ еще внезапныя ревизіи: вдругъ остановить кадета и прикажетъ раздѣться до-нага; осмотритъ все тѣло, все бѣлье, даже ногти на ногахъ оглядитъ, выстрижены ли.

Рѣдкое и преполозное вниманіе!

Но теперь, окончивая и съ нимъ, я скажу, что у этого третьяго извѣстнаго мнѣ истиннаго друга дѣтей составляло его удовольствіе.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Удовольствіе доктора Зеленскаго заключалось въ томъ, что когда назначенные изъ кадетъ къ выпуску въ офицеры ожидали Высочайшаго приказа о производствѣ, онъ выбиралъ изъ нихъ пять-шесть человекъ, которыхъ зналъ, отличалъ за способности и любилъ. Онъ записывалъ ихъ больными и помѣщалъ въ лазаретѣ, рядомъ съ своей комнатой, давалъ имъ читать книги хорошихъ авторовъ и велъ съ ними долгія бесѣды о самыхъ разнообразныхъ предметахъ.

Это, конечно, составляло нѣкоторое злоупотребленіе, но если вникнуть въ дѣло, то какъ это злоупотребленіе покажется простительно!

Надо только вспомнить, что было надѣяно съ корпусами съ тѣхъ поръ, какъ они попали въ руки Демидова, который, какъ выше было сказано, получилъ приказаніе ихъ «подтянуть» и, кажется, слишкомъ переусердствовалъ

въ исполненіи. Думаю такъ потому, что графы Строгановъ и Уваровъ, дѣйствуя въ то же время, ничего того не надѣлали, что надѣлалъ Демидовъ съ корпусамп. Подъ словомъ «подтянуть» Демидовъ понять *остановить образованіе*. Теперь уже, разумѣется, не было никакого мѣста прежней задачѣ—чтобы корпусъ могъ выпускать такихъ образованныхъ людей, изъ коихъ при прежнихъ порядкахъ безъ нужды выбирали лицъ, способныхъ ко всякой служебной карьерѣ, не исключая и дипломатической. Наоборотъ, все дѣло шло о томъ, чтобы сузить нашъ умственный кругозоръ и всячески понизить значеніе науки. Въ корпусѣ существовала богатая бібліотека и музеумъ. Библіотеку приказали *запереть*, въ музеумъ не водить и наблюдать, чтобы никто не смѣлъ приносить съ собою никакой книги изъ отпуска. Если же откроется, что, несмотря на запрещеніе, кто-нибудь принесъ изъ отпуска книгу, хотя бы и самую невинную, или, еще хуже, самъ написалъ что-либо, то за это вѣрно было подвергнуть строгому тѣлесному наказанію розгами. При чемъ въ опредѣленіи мѣры наказанія была установлена оригинальная постепенность: если кадетъ изобличался въ прозаическомъ авторствѣ (конечно, смѣрнаго содержанія), то ему давали двадцать пять ударовъ, а если онъ согрѣшилъ стихомъ, то вдвое. Это было за то, что Рыльцевъ, который писалъ стихи, вышелъ изъ нашего корпуса. Книжечка всеобщей исторіи, не знаю кѣмъ составленная, была у насъ едва ли не въ двадцать страничекъ и на оберткѣ ея было обозначено: «для воиновъ и для жителей». Прежде она была надписана: «для воиновъ и *для гражданъ*»,—такъ надписалъ ее ея искусный составитель,—но это было кѣмъ-то признано за неудобное и вмѣсто «*для гражданъ*», было поставлено «для жителей». Даже географическіе глобусы вѣрно было вынести, чтобы не наводили на какія-нибудь мысли, а стѣну, на которой въ старину были сдѣланы крупныя надписи важныхъ историческихъ датъ,—закрасить... Было принято правиломъ, которое потомъ и выражено въ инструкціи, что «*никакія учебныя заведенія въ Европѣ не могутъ для заведеній нашихъ служить образцомъ—они «уединоображиваются»*»^{*)}.

^{*)} См. не дѣйствующее болѣе «Наставленіе къ образованію воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній». 24 декабря 1848 года. Спб., типографія Военно-учебныхъ заведеній.

ГЛАВА СЕМНАДАТАЯ.

Можно представить, какъ мы при такомъ ученіи выходили учены... А впереди стояла цѣлая жизнь. Добрый и просвѣщенный человѣкъ, какимъ, несомнѣнно, былъ нашъ докторъ Зеленскій, не могъ не чувствовать, какъ это ужасно. и не могъ не позаботиться, если не пополнить ужасающій пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ (потому что это было невозможно), то, по крайней мѣрѣ, хотъ возбудить въ насъ какую-нибудь любознательность, дать хотъ какое-нибудь направление нашимъ мыслямъ.

Правда, что это не составляетъ предмета заботливости врача казеннаго заведенія, но онъ же былъ человѣкъ, онъ любилъ насъ, онъ желалъ намъ счастья и добра, а какое же счастье при кругломъ невѣжествѣ? Мы годились къ чему-нибудь въ корпусѣ, но выходили въ жизнь въ полномъ смыслѣ ребятами, правда, съ задатками чести и хорошихъ правилъ, но совершенно ничего не понимая. Первый случай, первый хитрецъ при новой обстановкѣ могъ насъ сбивать и вести по пути недоброму, котораго мы не сумѣли бы ни понять, ни оцѣнить. Какъ къ этому быть равнодушнымъ!

И вотъ Зеленскій забиралъ насъ къ себѣ въ лазаретъ и подшиговывалъ насъ то чтеніемъ, то бесѣдами.

Извѣстно ли объ этомъ было Перскому — я не знаю, но можетъ-быть, что и было извѣстно, только онъ не любилъ знать о томъ, о чемъ не считалъ нужнымъ знать. Тогда было строго, но формалистики меньше.

Читали мы у Зеленскаго, опять повторыя, книги самыя, позволительныя, а изъ бесѣдъ я помню только одну и то потому, что она имѣла анекдотическое основаніе и черезъ то особенно прочно засѣла въ голову. Но, говорятъ, человѣкъ ни въ чемъ такъ легко не намѣчается, какъ въ своемъ любимомъ анекдотѣ, а потому я его здѣсь и приведу.

Зеленскій говорилъ, что въ жизнь надо внести съ собою какъ можно болѣе добрыхъ *чувствъ*, способныхъ порождать добрыя *настроенія*, изъ которыхъ въ свою очередь непременно должно вытечь доброе же *поведеніе*. А потому будутъ цѣлесообразнѣе и всѣ *поступки* въ каждомъ столкновеніи и при всѣхъ случайностяхъ. Всего предвидѣть и расpredѣлнить, гдѣ какъ поступить, — невозможно, а надо все

съ добрымъ настроеніемъ и разсмотрѣніемъ, и безъ упрямства; приложить одно, а если не дѣйствуетъ и раздражаетъ, обратиться благоразумно къ другому. Онъ все это изъ медицины бралъ и къ ней приравнивалъ и говорилъ, что у него, въ молодой порѣ, былъ упрямый главный докторъ.

Подходить, говорить, къ больному и спрашиваетъ:

— Что у него?

— Такъ и такъ,—отвѣчаетъ Зеленскій:—весь аппаратъ бездѣйствуетъ, что-то въ родѣ *miserege*.

— *Oleum ricini* давали?

— Давали.

И еще тамъ что-то спросилъ: давали?

— Давали.

— А *oleum crotoni*?

— Давали.

— Сколько?

— Двѣ капли.

— Дать двадцать!

Зеленскій только было ротъ раскрылъ, чтобы возразить, а тотъ остановилъ:

— Дать двадцать!

— Слушаю-сь.

На другой день спрашиваетъ:

— А что больной съ *miserege*: дали ему двадцать капель?

— Дали.

— Ну, и что онъ?

— Умеръ.

— Однако, проняло?

— Да, проняло.

— То-то и есть.

И довольный, что по его сдѣлано, старшій докторъ начиналъ преспокойно бумаги подписывать. А что больной умеръ, до этого дѣла нѣтъ: лишь бы *проняло*.

По сколько къ чему этотъ медицинскій анекдотъ могъ быть приложимъ,—онъ намъ нравился и казался понятенъ, а ужъ насколько онъ кого-нибудь изъ насъ воздерживалъ отъ вреднаго упрямства въ выборѣ сильныхъ, но вредно дѣйствующихъ средствъ,—этого не знаю.

Зеленскій служилъ въ корпусѣ тридцать лѣтъ и оставилъ послѣ себя всего богатства пятьдесятъ рублей.

Таковы были эти три коренные старца нашего кадет-

скаго скита, но надо помянуть еще четвертаго, пришлого въ нашъ монастырь съ своимъ уставомъ, но также попавшаго нашему духу подѣ-стать и оставившаго по себѣ прѣвосходную память.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Тогда былъ такой обычай, что для преподаванія религіозныхъ предметовъ кадетамъ высшихъ классовъ въ корпусъ присылался архимандритъ, изъ назначавшихся къ архіерейству. Разумѣется, это большею частію были люди очень умные и хорошіе, но особенно дорогъ и памятенъ намъ остался *послѣдній*, который былъ у насъ на этомъ назначеніи, и съ нимъ оно кончилось. Рѣшительно не могу вспомнить его имени, потому что мы звали ихъ просто «отецъ архимандритъ», а справиться о его имени теперь трудно. Пусть этотъ будетъ такъ, безъ имени. Онъ былъ среднего возраста, небольшого роста, сухощавъ и брюнетъ, энергическій, живой, съ звучнымъ голосомъ и весьма пріятными манерами, любилъ цвѣты и занимался для удовольствія астрономіей. Изъ окна его комнаты, выходившей въ садъ, торчала мѣдная труба телескопа, въ который онъ вечерами наблюдалъ звѣздное небо. Онъ былъ очень уважаемъ Перскимъ и всѣмъ офицерствомъ, а кадетами былъ любимъ удивительно. Мнѣ теперь думается, да и прежде въ жизни, когда приходилось слышать легкомысленный отзывъ о религіи, что она будто скучна и бесполезна,—я всегда думалъ: «вздоръ мелете, милашки: это вы говорите только оттого, что на мастера не попали, который бы васъ заинтересовалъ и раскрылъ вамъ эту поэзію вѣчной правды и не умирающей жизни». А самъ сейчасъ думаю о томъ послѣднемъ архимандритѣ нашего корпуса, который навѣки меня облагодѣтельствовалъ, образовавъ мое религіозное чувство. Да и для многихъ онъ былъ такимъ благодѣтелемъ. Онъ училъ въ классѣ и проповѣдывалъ въ церкви, но мы никогда не могли его вволю послушаться, и онъ это видѣлъ: всякій день, когда насъ выпускали въ садъ, онъ тоже приходилъ туда, чтобы съ нами разговаривать. Всѣ игры и смѣхи тотчасъ прекращались и онъ ходилъ, окруженный цѣлою толпою кадетъ, которые такъ тѣснились вокругъ него со всѣхъ сторонъ, что ему очень трудно было подвигаться. Каждое слово его ловили. Право, мнѣ это напоминаетъ

что-то древнее, апостольское. Мы передъ нимъ всё были открыты: выбалтывали ему всё наши горести, преимущественно заключавшіяся въ докучныхъ преслѣдованіяхъ Демидова и особенно въ томъ, что онъ не позволялъ намъ ничего читать.

Архимандритъ насъ выслушивалъ терпѣливо и утѣшалъ, что для чтенія впередіи будетъ еще много времени въ жизни, но такъ же, какъ Зеленскій, онъ всегда внушалъ намъ, что наше корпусное образованіе очень недостаточно и что мы должны это помнить и, по выходѣ, стараться приобрѣтать познанія. О Демидовѣ онъ отъ себя ничего не говорилъ, но мы по едва замѣтному движенію его губъ замѣчали, что онъ его презираетъ. Это потомъ скоро и высказалось въ одномъ оригинальномъ и очень памятномъ событіи.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Я выше сказалъ, что Демидовъ былъ большой ханжа, онъ постоянно крестился, ставилъ свѣчи и прикладывался ко всёмъ иконамъ, но въ религіи былъ суевѣръ и невѣжда. Онъ считалъ за преступленіе разсуждать о религіи, можетъ-быть, потому, что не могъ разсуждать о ней. Намъ онъ ужасно надоѣдалъ, кстати и некстати приставая: «молитесь, дѣточки, молитесь, вы ангелы, ваши молитвы Богъ слышитъ». Точно ему сообщено, чьи молитвы доходятъ до Бога и чьи не доходятъ. А потомъ этихъ же «ангеловъ» растягивали и драли какъ сидоровыхъ козъ. Самъ же себя онъ, какъ большинство ханжей, считалъ полнымъ, совершеннымъ христіаниномъ и ревнителемъ вѣры. Архимандритъ же былъ христіанинъ въ другомъ родѣ и, притомъ, какъ я сказалъ, онъ былъ уменъ и образованъ. Проповѣди его были не подготовленныя, очень простыя, теплыя, всегда направленныя къ подъему нашихъ чувствъ въ христіанскомъ духѣ, и онъ произносилъ ихъ прекраснымъ, звучнымъ голосомъ, который долеталъ во всё углы церкви. Уроки же или лекціи его отличались необыкновенною простотою и тѣмъ, что мы могли его обо всемъ спрашивать и прямо, ничего не боясь, высказывать ему всё наши сомнѣнія и бесѣдовать. Эти уроки были нашъ бенефисъ.—нашъ праздникъ. Какъ образецъ, приведу одну лекцію, которую очень хорошо помню.

«Подумаемъ, — такъ говорилъ архимандритъ, — не лучше ли было бы, если бы для устранения всякаго недоумѣнія и сомнѣнія, которыя длятся такъ много лѣтъ, Иисусъ Христосъ пришелъ не скромно въ образѣ Человѣческомъ, а сошелъ бы съ неба въ торжественномъ величїи, какъ божество, окруженное сонмомъ свѣтлыхъ, служебныхъ духовъ. Тогда, конечно, никакого сомнѣнія не было бы, что это, дѣйствительно, божество, въ чемъ теперь очень многіе сомнѣваются. Какъ вы объ этомъ думаете?»

Кадеты, разумѣется, молчали. Чтò тутъ кто-нибудь изъ насъ могъ бы сказать, да мы бы на такого говоруна и разсердились, чтобы не лѣзъ не въ свое дѣло. Мы ждали его разъясненія и ждали страстно, жадно и затанувъ дыханіе. А онъ прошелся передъ нами и, остановясь, продолжалъ такъ:

«Когда я, сытый, чтò по моему лицу видно, и одѣтый въ шелкъ, говорю въ церкви проповѣдь и объясняю, что нужно терпѣливо сносить холодъ и голодъ, то я въ это время читаю на лицахъ слушателей: «хорошо тебѣ, монахъ, разсуждать, когда ты въ шелку да сытъ. А посмотрѣли бы мы, какъ бы ты заговорилъ о терпѣніи, если бы тебѣ отъ голода животъ къ спинѣ подвело, а отъ стужи все тѣло посинѣло». И я думаю, что, если бы Господь нашъ пришелъ въ славу, то и Ему отвѣчали бы что-нибудь въ этомъ родѣ. Сказали бы, пожалуй: «Тамъ Тебѣ на небѣ отлично, пришелъ къ намъ на-время и учишь. Нѣтъ, вотъ, если бы Ты промежъ насъ родился, да отъ колыбели до гроба претерпѣлъ, чтò намъ терпѣть здѣсь приходится, тогда бы другое дѣло». И это очень важно и основательно, и для этого Онъ и сошелъ босою и пробрелъ по землѣ безъ прїюта».

Демидовъ, я говорю, ничего не понималъ, но чувствовалъ, что это чловѣкъ не въ его духѣ, чувствовалъ, что это заправскій, настоящій христіанинъ, а такіе ханжамъ хуже и противнѣе самаго крайняго невѣра. Но поддѣлать онъ съ нимъ ничего не могъ, потому что не смѣлъ открыто порицать доброе боговѣданіе и разсужденіе архимандрита, пока этотъ не далъ на себя много оружія. Архимандритъ вышелъ изъ терпѣнія и опять не за себя, а за насъ, потому что Демидовъ съ своимъ пустосвятствомъ разрушалъ его работу, поргивъ наше религіозное настроеніе и дово-

дивъ насъ до шалостей, въ которыхъ обнаруживалась обыкновенная противоположность ханжества, легкомысленное отношеніе къ священнымъ предметамъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Демидовъ былъ чрезвычайно суевѣренъ: у него были счастливые и несчастные дни; онъ боялся трехъ свѣчей, креста, встрѣчи съ духовными и имѣлъ многіе другіе глупые предрасудки. Мы, со свойственною дѣтямъ наблюдательностью, очень скоро подмѣтили эти странности главнаго директора и обратили ихъ въ свою пользу. Мы отлично знали, что Демидовъ ни за что не пріѣдетъ ни въ понедѣльникъ, ни въ пятницу, ни въ другой тяжелый день или тринадцатаго числа; но главнѣе всего насъ выручали кресты... Одинъ разъ, замѣтивъ, что Демидовъ, гдѣ ни увидитъ крестъ, сейчасъ крестится и обходитъ, мы начали ему всюду готовить эти сюрпризы; въ тѣ дни, когда можно было ожидать, что онъ пріѣдетъ въ корпусъ, у насъ уже были приготовлены кресты изъ палочекъ, изъ цвѣтныхъ шерстинокъ или даже изъ соломинокъ. Они дѣлались разной величины и разнаго фасона, но особенно хорошо дѣйствовали кресты въ родѣ надмогильныхъ—съ покрывечками. Ихъ особенно боялся Демидовъ, вѣроятно, имѣвшій какую-нибудь скрытую надежду на безсмертіе. Кресты эти мы разбрасывали на полу, а всего больше помѣщали ихъ подъ карнизы лѣстничныхъ ступеней. Какъ, бывало, начальство за этимъ ни смотритъ, чтобы этого не было, а уже мы ухитрима — крестикъ подбросимъ. Бывало, всѣ идутъ и никто не замѣтитъ, а Демидовъ непременно увидитъ и сейчасъ же отпрыгнетъ, закрестится, закрестится и вернется назадъ. Ни за что рѣшительно онъ не могъ наступить на ступеньку, на которой былъ брошенъ крестикъ. То же самое было, если крестикъ оказывался на полу посреди проходной комнаты, чрезъ которую лежалъ его путь. Онъ сейчасъ отскочитъ, закрестится и уйдетъ, и намъ въ этотъ разъ полегчаетъ, но потомъ начнется дознаніе и окончится или карцеромъ для многихъ, или даже наказаніемъ на тѣлѣ для нѣкоторыхъ.

Архимандрита это возмущало, и хотя онъ намъ ничего не говорилъ на Демидова, но одинъ разъ, когда подобная

шалость окончилась обширной раздѣлкой на тѣлѣ многихъ, онъ побѣднѣлъ и сказалъ:

— Я запрещаю вамъ это дѣлать, и кто меня хоть немножко любитъ, тотъ послушается.

И мы дали слово не метать больше крестиковъ, и не метали, а рядомъ съ тѣмъ, въ слѣдующее же воскресенье, архимандритъ, по окончаніи обѣдни, сказалъ въ присутствіи Демидова проповѣдь «о предразсудкахъ и пустосвятствѣ», гдѣ только не называлъ Демидова по имени, а перечислялъ всѣ его ханжескія глупости и даже упомянулъ о крестикахъ.

Демидовъ стоялъ полотно бѣлье, весь трясся и вышелъ, не подойдя къ кресту, но архимандритъ на это не обратилъ никакого вниманія. Надо было, чтобы у нихъ сочинился особенный духовно-военный турниръ, въ которомъ я не знаю, кому приписать побѣду.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Черезъ недѣлю, въ воскресенье, слѣдовавшее за знаменитою проповѣдью «о предразсудкахъ», Демидовъ не сманкировалъ, а пріѣхалъ въ церковь, но, опоздавъ, вошелъ въ половинѣ обѣдни. Онъ до конца отстоялъ службу и проповѣдь, которая на этотъ разъ касалась вещей обыкновенныхъ и ничего остраго въ себѣ для него не заключала; но тутъ онъ выкинулъ удивительную штуку, на которую архимандритъ отвѣтилъ еще болѣе удивительною.

Когда архимандритъ, возгласивъ «благословеніе Господне на васъ», закрылъ царскія двери, Демидовъ вдругъ тутъ же въ церкви гласно съ нами поздоровался.

Мы, разумѣется, какъ привыкли отвѣчать, громко отвѣчали ему:

— Здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство!—и хотѣли уже поворачиваться и выходить, какъ вдругъ завѣса, гремя колечками по рубчатой проволокъ, неожиданно распахнулась, и въ открытыхъ царскихъ дверяхъ появился еще не успѣвшій разоблачиться архимандритъ.

— Дѣти! я *вамъ* говорю, — воскликнулъ онъ скоро, но спокойно: — въ храмъ Божиюмъ умѣстны только одни возгласы, — возгласы въ честь и славу Живаго Бога и никакіе другіе. Здѣсь я имѣю право и долгъ запрещать и при-

казывать, и я вамъ *запрещаю* дѣлать возгласы начальству. Аминь.

Онъ повернулся и закрылъ двери. Демидовъ поскакалъ жаловаться, и архимандритъ отъ насъ выѣхалъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ было сдѣлано распоряженіе, чтобы архимандритовъ впредь въ корпуса вовсе не назначали. Это было послѣдній.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Я кончилъ, больше мнѣ сказать объ этихъ людяхъ нечего, да, кажется, ничего и не нужно. Ихъ время прошло, нынче дѣйствуютъ другіе люди и ко всему другія требованія, особенно къ воспитанію, которое уже не «уединоображивается». Можетъ-быть, тѣ, про которыхъ я рассказалъ, теперь были бы недостаточно учены или, какъ говорятъ, «не педагогичны» и не могли бы быть допущены къ дѣлу воспитанія, но позабыть ихъ не слѣдуетъ. То время, когда все жалось и тряслось, мы, цѣлыя тысячи русскихъ дѣтей, какъ рыбки рѣзвились въ водѣ, по которой масломъ плыла ихъ, защищавшая насъ отъ всѣхъ бурь, слейность. Такіе люди, стоя въ сторонѣ отъ главнаго историческаго движенія, какъ правильно думалъ незабвенный Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ, *сильные другихъ дѣлаютъ исторію*. И если ихъ «педагогичность» даже не выдержитъ критики, то все-таки ихъ память почтенна и души ихъ во благихъ водворятся.

Прибавленіе къ разсказу о кадетскомъ монастырѣ.

Въ долготѣнную бытность покойнаго Андрея Петровича экономомъ 1-го кадетскаго корпуса, тамъ состоялъ «старшимъ поваромъ» нѣкій Кулаковъ.

Поварь этотъ умеръ скоропостижно на своемъ поварскомъ посту — у плиты, и смерть его была очень замѣтнымъ событіемъ въ корпусѣ. Кулаковъ — честный человекъ, не воръ, и потому честный экономъ Бобровъ уважалъ Кулакова при жизни и скорбѣлъ о его трагической кончинѣ. Послѣ того, какъ Кулаковъ умеръ, «стоя у плиты», на смѣну ему долго не было мужа съ такою же нравственною доблестью. Со смертью Кулакова, при всей строгости досмотра

со стороны бригадира Боброва, «просѣлъ кисель» и «тертый картофель потерялъ свою густоту». Особенно повредился картофель, составлявшій важный элементъ при кадетскомъ столѣ. Послѣ Кулакова картофель не ползъ меланхолически, сходя съ ложки на тарелки кадетъ, но лился и «лопоталъ». Бобровъ видѣлъ это и огорчался, — даже, случалось, дрался съ поварами, но никакъ не могъ добиться секрета стирать картофель такъ, чтобы онъ былъ «какъ масло». Секретъ этотъ, быть-можетъ, навсегда утраченъ вмѣстѣ съ Кулаковымъ, и потому непонятно, что Кулакова въ корпусѣ сильно вспоминали и вспоминали добромъ. Находившійся тогда въ числѣ кадетъ Кондратій Федоровичъ Рыльцевъ († 14-го юля 1826 г.), видя скорбь Боброва и дѣня утрату Кулакова для всего заведенія, написалъ по этому случаю комическую поѣму, въ двухъ пѣсняхъ, подъ заглавьемъ «Кулакада». Поѣма, перечисливъ заслуги и доблести Кулакова, описываетъ его смерть у плиты и его погребеніе, а затѣмъ она оканчивалась слѣдующимъ воззваніемъ къ Андрею Петровичу Боброву:

«Я знаю то, что не достоинъ
Вѣщать о всѣхъ дѣлахъ твоихъ:
Я не поэтъ, я просто воинъ,—
Въ моихъ устахъ не складенъ стихъ,
Но ты, о мудрый, знаменитый
Царь кухни, мрачныхъ погребовъ,
Топленнымъ жиромъ весь облитый,
Единственный герой Бобровъ!
Не осердися на поэта,
Тебя который воспѣвалъ,
И знай—у каждаго кадета
Ты тѣмъ навѣкъ безсмертенъ стал
Прочтя стихи сіи, потомки,
Бобровъ, вспомнуть о тебѣ*),
Твои дѣла вспомнуть громки
И вспомнать, можетъ-быть, о мнѣ».

Таковъ и есть Бобровъ на его единственномъ карандашевомъ портретѣ «царь кухни, мрачныхъ погребовъ», «топленнымъ жиромъ весь облитый, единственный герой Бобровъ».

И еще одинъ анекдотъ.

Бобровъ ежедневно являлся къ директору корпуса Михаилу Степановичу Перскому рапортовать «о благополучіи».

*) Варіантъ: «Вспомнуть, мудрый, о тебѣ».

Рапорты эти, разумеется, чисто формальные, писались всегда на листъ обыкновенной бумаги и затѣм складывались вчетверо и клались Боброву за кокарду треуголки. Бригадиръ бралъ шляпу и шелъ къ Перскому, но такъ какъ въ корпусѣ всѣмъ было до Боброва дѣло, то онъ по дорогѣ часто останавливался для какихъ-нибудь распоряжений, а имѣя слабость горячиться и пылить, Бобровъ часто бросалъ свою шляпу или забывалъ ее, а потомъ снова ее бралъ и шелъ далѣе.

Зная такую привычку Боброва, кадеты подшутили надъ своимъ «дѣдушкой» шутку: они переписали «Кулакиаду» на такой самый листъ бумаги, на какомъ у Андрея Петровича писались рапорты по начальству, и, сложивъ листъ тѣмъ же форматомъ, какъ складывалъ Бобровъ свои рапорты, кадеты всунули рыльцевское стихотвореніе въ треуголку Боброва, а рапортъ о «благополучіи» вынули и спрятали.

Бобровъ не замѣтилъ подмѣна и явился къ Перскому, который Андрея Петровича очень уважалъ, но все-таки былъ ему начальникъ и держалъ свой тонъ.

Михаилъ Степановичъ развернулъ листъ и, увидавъ стихотвореніе вмѣсто рапорта, разсмѣялся и спросилъ:

— Что это, Андрей Петровичъ, — съ какихъ поръ вы сдѣлались поэтомъ?

Бобровъ не могъ понять, въ чемъ дѣло, но только видѣлъ, что что-то неладно.

— Какъ, что изволите... какой поэтъ? — спросилъ онъ вмѣсто отвѣта у Перскаго.

— Да какъ же: кто пишетъ стихи, вѣдь тѣхъ называютъ поэтами. Ну, такъ и вы поэтъ, если стали сочинять стихи.

Андрей Петровичъ совсѣмъ сбился съ толку.

— Что такое... стихи...

Но онъ взглянулъ на бумагу, которую подалъ въ сложенномъ видѣ, и увидать въ ней, дѣйствительно, какія-то незаконно неровныя строчки.

— Что же это такое?!

— Не знаю, — отвѣчалъ Перскій и сталъ вслухъ читать Андрею Петровичу его рапортъ.

Бобровъ чрезвычайно сконфузился и взволновался до

слезъ, такъ что Перскій, окончивъ чтеніе, долженъ былъ его успокоивать.

Послѣ этого былъ найденъ авторъ стихотворенія, — это былъ кадетъ Рылѣвъ, на котораго добрѣйшій Бобровъ тутъ же сгоряча излилъ все свое негодованіе, по скольку онъ былъ способенъ къ гнѣву. А Бобровъ, при всемъ своемъ безконечномъ незлобіи, былъ вспыльчивъ, и «попасть въ стихи» ему показалось за ужасную обиду. Онъ не столько сердился на Рылѣва, какъ вопіялъ:

— Нѣтъ, за что! Я только желаю знать—за что ты меня, разбойникъ, осрамилъ!

Рылѣвъ былъ тронутъ непредвидимою имъ горестью всеѣмъ любимаго старика и просилъ у Боброва прощенія съ глубокимъ раскаяніемъ. Андрей Петровичъ плакалъ и всхлипывалъ, вздрагивая всеѣмъ своимъ тучнымъ тѣломъ. Онъ былъ слезливъ или, по-кадетски говоря, былъ «плакса» и «слезомойка». Чуть бы что ни случилось въ немножко торжественномъ или въ немножко печальномъ родѣ, бригадиръ сейчасъ же готовъ былъ расплакаться.

Корпусные солдаты говорили о немъ, что у него «глаза на мокромъ мѣстѣ вставлены».

Но какъ ни была ужасна вся исторія съ «Кулакиадою», Бобровъ, конечно, все-таки помирился съ совершившимся фактомъ, и простилъ его, но сказалъ при томъ Рылѣву назидательную рѣчь, что литература вещь дрянная, и что занятія ею никого не приводятъ къ счастью.

Собственно же для Рылѣва, говорятъ, будто старикъ высказалъ это въ такой формѣ, что она имѣла соотношеніе съ послѣднею судьбою покойнаго поэта, котораго добрый Бобровъ ласкалъ и особенно любилъ какъ умнаго и бойкаго кадета.

«Послѣдній архимандритъ», который не ладилъ съ генераломъ Муравьевымъ и однажды заставилъ его замолчать, былъ архимандритъ Ирпней, впоследствии епископъ, архіерействовавшій въ Сибири и перессорившійся тамъ съ гражданскими властями, а потомъ скончавшійся въ помраченіи разсудка.

РУССКІИ ДЕМОКРАТЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Это—маленькая исторійка, но я думаю, что ее тоже, пожалуй, можно прикнуть къ рассказамъ «о трехъ праведникахъ». Такъ говорилъ мнѣ почтенный старецъ, со словъ котораго я записалъ рассказъ объ инокахъ кадетскаго монастыря, а теперь въ видѣ post-scriptum записываю еще одно послѣднее сказаніе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Я поступилъ на службу прямо по выходѣ изъ корпуса въ канцелярію главнокомандующаго дѣйствующею арміею генераль-фельдмаршала князя Паскевича. Это было въ тридцать второмъ году, въ январѣ мѣсяцѣ, — значить, вскорѣ послѣ покоренія Варшавы, которая взята въ августѣ тридцать перваго года. Директоромъ этой канцеляріи былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ѳомичъ Самбурскій, про котораго и пойдетъ моя рѣчь. Его позабыли, и исторія о немъ умалчивается, а онъ былъ человѣкъ замѣчательный и, по моему мнѣнію, даже историческій.

Самбурскій былъ малороссъ и имѣлъ репутацію человѣка необыкновеннаго ума и способностей, а также отличался честностью и непреклонностью убѣжденій. Тогда еще на службѣ такими людьми иногда дорожили, и если не всегда, то хоть изрѣдка о нихъ воспоминали и думали, что безъ нихъ не хорошо, — что они нужны. Притомъ же Иванъ Ѳомичъ былъ невообразимо дѣловитъ: буквально — не было

занятія, къ которому онъ былъ бы неспособенъ и, взявшись за которое, оказался бы не на своемъ мѣстѣ. О честности же, разумѣется, и говорить нечего — на однихъ коммисіонерахъ и интендантахъ миллионъ могъ нажить, а онъ ничего не наживалъ и для всѣхъ воровъ былъ неодолимъ. Всякую хитрость провидитъ и *округлитъ*. Это было извѣстно, и потому при назначеніи Ивана Омича въ директора канцеляріи при Дибичѣ ему было положено двойное жалованье.

Обязанности директора канцеляріи были очень большія и чрезвычайно разностороннія. По взятіи Варшавы, тутъ сосредоточивалась и военная, и гражданская переписка по всему Царству Польскому; онъ долженъ былъ возстановить русское правленіе вмѣсто революціоннаго; привести въ извѣстность статьи доходовъ и образовать правильный приходъ и обращеніе финансовъ. Вообще, требовалось организовать дѣло, которое послѣ военнаго разгрома представляло обыкновенный въ такихъ случаяхъ хаосъ.

Это трудъ огромный и почтенный, но неблагодарный. Онъ требуетъ человѣка выше обыкновенныхъ способностей и поглощаетъ его всего; а между тѣмъ дѣятельность его не видна и остается почти незамѣчаемою, такъ сказать, черною работою, въ родѣ уборки чего-то въ тылу.

Нынче, можетъ-быть, это еще лучше, потому что теперь о тылѣ располагають совсѣмъ иначе, но тогда вся слава и честь почиталась быть на виду — впереди, въ опасности. Въ тылу тогда, бывало, остаются не иначе какъ плачущи. Ну, а уже что при такомъ взглядѣ могла значить канцелярская крыса, — это понять не трудно. Штатскіе, впрочемъ, тогда и повсемѣстно мало гдѣ и за людей были почитаемы. Такое время было, и за это нечего сердиться. У всякаго времени свои странности, а одна изъ тогдашнихъ странностей была — пренебреженіе ко всѣмъ невоеннымъ занятіямъ. Исключеніе дѣлали для одного графа Сперанскаго, но и то ставили это себѣ за неприятную необходимость. Удивительно вспомнить, какъ люди, бывало, съ особенною серьезностью внушали, что «Россія государство не торговое и не земледѣльческое, а военное и призваніе его быть грозою свѣта»... Хомяковъ сказалъ: «мы долго вѣрили среди восточной дѣлн и грязной суеты» и проч., — и дѣйствительно, вѣрили. Такъ часто тогда повторялось это мудрое

изреченіе, что, бывало, наслушасья и начнешь вѣрить. Крымъ это посправилъ, а то мѣры не было вздорамъ. Рассказывали, напримѣръ, какіе-то полудикіе анекдоты, какъ пришли два офицера въ трактиръ и, видя двухъ штатскихъ, говорятъ лакею: «подай намъ двухъ титулярныхъ совѣтниковъ!» Тотъ недоумѣваетъ, а они ему объясняютъ вслухъ, что титулярные совѣтники—это рябчики. Въ отвѣтъ на это одинъ изъ штатскихъ говоритъ: «а намъ, братецъ, дай двухъ поручиковъ подъ хрѣномъ». Лакей опять недоумѣваетъ, а штатскій изъясняетъ ему гласно, что поручики—это поросята. Этотъ глупый анекдотъ выражалъ настроеніе.

Я самъ помню, какъ разъ вечеромъ, на томъ мѣстѣ Казанской площади, у садика, гдѣ теперь часто стоитъ тележка чухонца съ Выборгскими кренделями, иду я домой, а передо мною идутъ два офицера и говорятъ:

— Видишь штафирку?

Другой отвѣчаетъ: вижу.

И указываютъ другъ другу на чиновника, который покупаетъ крендельки и завязываетъ ихъ въ платочекъ. Вѣрно, человекъ бѣдный былъ, потому что шляпенка на немъ рыженькая, и самъ онъ тощій, заморенненькій, а на немъ шинелька суконная, ветхая, подоль подтрепанъ и разрѣзъ сзади,—какъ это дѣлалось.

Одинъ офицеръ говоритъ: давай, разорвемъ его.

Другой отвѣчаетъ: давай.

И тутъ же, на моихъ глазахъ, взяли его за край шинельнаго разрѣза, потянули въ разныя стороны и расположились пополамъ до самаго воротника. Только пыль изъ стараго суконца посыпалась, и крендельки онъ свои, бѣднякъ, разронялъ. А все это совершенно ни за что, да и безъ злобы, а такъ, можно сказать, по глупой манерѣ носились сами съ собою въ какомъ-то священномъ восторгѣ и какъ зыбливые телята брыкались. Я же вамъ объ этомъ упоминаю для того, чтобы показать, какой былъ духъ времени и какое царствовало неблагоприятное для гражданской дѣятельности настроеніе—особенно въ кругу тѣснаго соприкосновенія съ людьми военными.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Самбурскій, съ его правильнымъ умомъ, конечно, отлично понималъ свое время и потому, идучи въ директоры кан-

целярин, зналъ какъ устронуться. Онъ позаботился не только о деньгахъ, которыхъ у него не было и на которыя онъ естественно имѣлъ право, принимая на себя трудъ большой и чрезвычайно отвѣтственный, но онъ выговорилъ себѣ и такое положеніе, чтобы ему не быть пѣшкой. Онъ не хотѣлъ быть слѣпымъ исполнителемъ чьихъ-либо случайныхъ фантазій, а желалъ имѣть необходимую для пользы службы свободу выбора людей и плана дѣйствій, равно какъ и средствъ къ ихъ исполненію. Съ княземъ Иваномъ Федоровичемъ это было еще необходимѣе, чѣмъ съ Дибичемъ, который былъ очень толковый администраторъ. Съ Паскевичемъ было труднѣе, въ виду очень многихъ свойствъ его характера и манеры распорядиться: нныя изъ его распоряженій, бывало, не только неудобно исполнить, но даже иногда нельзя и понять.

Я не знаю, какъ понималъ Паскевичъ въ точности огромныя способности Самбурскаго, на мой взглядъ представляющіяся необычайными; но знаю, что онъ въ душѣ цѣнилъ его превосходную честность. Миѣ извѣстно также, что онъ былъ прельщенъ однимъ анекдотомъ, который относился къ юношескимъ годамъ Ивана Фомича и заключался въ слѣдующемъ.

Самбурскій былъ бѣдный человѣкъ и нуждался въ работѣ. Работать онъ могъ, разумѣется, только перомъ, къ чему имѣлъ счастливый даръ прекраснаго изложенія мыслей спокойно, плавно и вразумительно. Когда хотѣлъ тронуть или обличить и доказать справедливость,—былъ неподражаемъ. Съ этой стороны онъ сдѣлался извѣстенъ по поводу прошенія, написаннаго имъ для одной бѣдной мелкопомѣстной дворянки, тяжело оскорбленной богатымъ сосѣдомъ. Прошеніе это, поданное императору Александру Павловичу въ четвергъ на Страстной недѣлѣ, растрогало его величество до слезъ, и государь спросилъ: «Кто писалъ?» Вдова назвала Самбурскаго. И это обратило на него вниманіе многихъ. Что же касается самого предмета просьбы, то императоръ велѣлъ переслѣдовать неправильно рѣшенное дѣло, и вдова послѣ многихъ лѣтъ обидъ и страданія была восстановлена въ своемъ правѣ. Самбурскій писалъ мастерски, можетъ-быть, отчасти потому, что онъ превосходно чувствовалъ, вдохновенно проникалъ справедливость и любилъ постоять за нее безъ страха.

Все это у него шло свободно, вольно, натурально, съ какою-то поэтической отвагою типичнаго хохла. Глядя на него, бывало, не раз вспоминаешь чье-то вѣрное замѣчаніе о малороссахъ, что между ними очень рѣдко встрѣчается середина въ нравственности. Нигдѣ природы не бывають цѣльнѣе и даже отчасти прямолинейнѣе, какъ въ Малороссіи. Тамъ, если честный человѣкъ, такъ ничѣмъ его не своротншь, и негодяи, если задаются, такъ тоже бывають ничѣмъ несправимые. Самбурскій, разумѣется, былъ изъ хохловъ перваго сорта.

Но я отбиваюсь отъ анекдота, который располагалъ къ Самбурскому Паскевича, и едва ли не былъ, быть-можетъ, главнымъ поводомъ, почему фельдмаршалъ уважалъ его.

Былъ какой-то ученый, какой-то трудной специальности, говорили, будто астрономъ. Ему надо было написать ученое сочиненіе на какую-то степень по этому предмету, который онъ хорошо знаетъ, но былъ совершенно бездаренъ. Сидѣлъ-сидѣлъ этотъ ученый, мучился, и пришелъ въ отчаяніе, а Самбурскій былъ къ нимъ вхожъ и въ домѣ друженъ. Видитъ онъ это горе, день, два, мѣсяць, давалъ совѣты, обѣщаль помощь и, наконецъ, разсердясь, говоритъ:

— Да расскажи ты мнѣ все, что тебѣ надо написать.

Тотъ отвѣчаетъ:

— Это нельзя,—это цѣлый предметъ.

— Ну, и рассказывай цѣлый предметъ.

Принудилъ рассказать, выслушалъ, а черезъ недѣлю приноситъ написанную диссертацию.

Можетъ-быть, тутъ что-нибудь раздуто и преувеличено,— я не знаю, но дословно такой анекдотъ ходилъ о Самбурскомъ, и многіе передавали его даже едва ли не такъ, что Иванъ Ѳомичъ не зналъ астрономіи, но всю ее проникъ одною силою своего остраго ума.

Вообще по всему можно было видѣть, что фельдмаршалъ считалъ своего директора за человѣка необыкновеннаго, котораго надо было уважать; но, тѣмъ не менѣе, это не помѣшало имъ разойтись довольно смѣшно и, такъ сказать, анекдотически. Поводомъ къ этому послужило ихъ несогласіе въ оригинальномъ вопросѣ о самоварахъ, которымъ Иванъ Ѳомичъ Самбурскій надумалъ дать государственную роль въ исторіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

По благородной простотѣ характера Ивана Ѳомича, у насъ канцелярія была будто его семья. Она вся была небольшая, кажется, человекъ изъ десяти, но какъ въ ней составлялись бумаги самаго секретнаго содержанія, то въ ней люди были собраны съ большою осторожностію и по самымъ надежнымъ рекомендаціямъ. Но разъ какъ человекъ былъ принятъ, Иванъ Ѳомичъ терпѣть не могъ показывать, что онъ его остерегается или имѣть къ нему не полное довѣріе. Эта дрянная, хотя весьма распространенная, манера душъ мелкихъ и подозрительныхъ была чужда его благородному и дальновидному уму. Самбурскій зналъ, что единодушіе ничѣмъ такъ не достигается, какъ любовью, и имѣлъ благоразуміе дорожить сердечными чувствами своихъ младшихъ сотрудниковъ. Молодыхъ людей онъ старался знать со стороны ихъ способностей и въ минуты своего небольшого отдыха всегда съ ними бесѣдовалъ, о чемъ приходило ему въ голову. Этимъ способомъ онъ всегда зналъ настроеніе нашихъ мыслей и силу сообразительности. Бывало, поговорить-поговорить, да смотришь и дасть работу, изъ назначенія которой видишь, что онъ тебя уже совсѣмъ и смѣрилъ. Такого начальника, разумѣется, мудрено не любить и не цѣнить, и мы всѣ были къ нему очень привязаны.

Правая рука его у насъ былъ начальникъ отдѣленія Лахтинъ, очень образованный человекъ, съ которымъ Самбурскій любилъ совѣтоваться. Но и совѣты совѣщаль онъ не по-официальному, а по-семейному, т. е. не наединѣ, «при закрытыхъ дверяхъ». въ насмѣшку надъ которыми тайны, за ними сказанныя, очень быстро разносятся, а Самбурскій говорилъ прямо при насъ, молодыхъ людяхъ, какъ бы приучая тѣмъ насъ къ скромности на всякъ часъ, безъ особыхъ предупрежденій.

Однажды, когда мы такимъ образомъ всѣ были въ сборѣ за своимъ дѣломъ, Самбурскій поднялъ голову отъ бумагъ, назвалъ Лахтина по имени и отчеству и спросилъ его: очень ли онъ занятъ,—что онъ хотѣлъ бы съ нимъ поговорить.

Лахтинъ отвѣчалъ, что у него въ эту минуту особенныхъ занятій нѣтъ и онъ готовъ къ его услугамъ.

Самбурскій и говорить:

— Давно я думалъ объ одномъ предметѣ, а нынче бессонною ночью, ворочая его со стороны на сторону, кажется, додумался до чего-то похожего на дѣло. Не знаю, каковъ будетъ объ этомъ вашъ судъ, но мнѣнiе ваше знать очень желаю.

Лахтинъ отвѣчалъ, что онъ слушаетъ со вниманiемъ. Мы же оставались, какъ всегда бывало, при своихъ мѣстахъ.

Не смотря на милую доброту Ивана Ѳомича, всѣ мы держали себя съ нимъ крайне почтительно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

— Каждое царствованiе,—началь Самбурскій:—мы ведемъ здѣсь побойща съ поляками, но самое огромное побойще было теперь; оно стоило денегъ двѣсти миллионовъ, а чело-вѣческихъ жертвъ шестьдесятъ тысячъ. Это меня приводитъ въ ужасъ. Сколько вдовъ, сиротъ и стариковъ, которыхъ кормить некому послѣ такой побѣды? За это надо отвѣтъ дать Богу, а между тѣмъ мы отъ своей роли здѣсь отказаться не можемъ, пока не устроимъ своихъ единовѣрныхъ въ Литвѣ и въ юго-западномъ краѣ. Польша—Богъ съ ней; но своихъ мы никакъ не можемъ оставить на произволь судьбы.

Самбурскій,—ошибался онъ или нѣтъ,—былъ того мнѣнiя, что Польша намъ *ненужна* и составляетъ для насъ вопросъ только, пока не упрочены какъ надо юго-западный край и Литва. Поэтому онъ и проектировалъ всѣ свои мѣры для этой окраины и былъ увѣренъ, что если тѣ мѣры выполнить, т. е. если Литва, Волынь и Подолия сдѣлаются совершенно русскими, то о Польшѣ и говорить не стоитъ и беречь ее при себѣ не для чего. Тогда она лѣзть къ намъ подъ бокъ не можетъ чрезъ сплошное единовѣрное намъ населенiе съ русскимъ дворянствомъ и безпокоить насъ не будетъ. А что касается собственнаго ея значенiя для Россiи, то Самбурскій сводилъ его къ нулю и говорилъ:

— Надо желать, чтобы она сдѣлалась самостоятельною, надо ее сдѣлать таковою и бросить. Тогда ее сейчасъ же сожрутъ нѣмцы и запаху ея не останется.

Онъ даже думалъ, что Польша намъ вредъ и болѣзнь.

— Наполеонъ,—говорить:—ошибался, называя Кавказъ нашимъ вѣчнымъ чирьемъ,—настоящій вѣчный чирій нашъ— Польша, и мы ее будемъ таскать, пока не загородимся полосой западнаго края, а саму Польшу бросимъ. Иначе она намъ нагадитъ, напуститъ внутренняго разлада (что, кажется, и сбывается). Но я возвращаюсь къ прерванному разговору Самбурскаго съ Лахтинимъ.

— Непремѣнно,—сказаль Самбурскій;—надо на будущее время сдѣлать невозможными такія кровопролитія; а если вести дѣла такъ, какъ они ведутся, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что это когда-нибудь кончится. Усмиримъ мятежь, подсѣчемъ старые корни, а молодые побѣги опять отрыгнуть. и черезъ нѣсколько лѣтъ снова готова такая же исторія.

Лахтинъ качнулъ въ знакъ согласія головою и сказалъ:

— Это иначе и быть не можетъ.

— Да; это очень естественно,—согласился Самбурскій:—если прилагать къ нашимъ расправамъ съ Польшей одинъ узкій масштабъ военныхъ занятій западнаго края, то это не можетъ быть иначе. Пушки и ружья, по моему мнѣнію, не имѣютъ того вліянія, какое нужно, чтобы разъ навсегда отучить поляковъ отъ неумѣстныхъ претензій на Литву и на юго-западный край, населенный народомъ, который поляковъ не любитъ. Нужно еще особое орудіе.

— Какое же?

— А вотъ отгадайте.

— Не могу,—отвѣчалъ Лахтинъ.

Самбурскій улыбнулся и сказалъ:

— Это оружіе—самоваръ.

— Что-о такое?!

— Самоваръ-съ, самоваръ, Николаій Андреевичъ. — простой русскій самоваръ.

Тутъ уже и мы, «молодшіе люди», слыша, что наши наибольшіе договорились до такихъ странностей, перестали работать и подняли головы съ недобумѣніемъ, чѣмъ это разъяснится: серьезнымъ дѣломъ или шуткою.

— Приходило ли вамъ когда-нибудь на мысль положеніе престарѣлаго офицера?—продолжалъ Самбурскій.

— Очень много разъ приходило,—отвѣчалъ Лахтинъ.

— Вотъ видите! Значить, у кого есть нѣкоторый жаръ въ сердцѣ и любовь къ человѣчеству, то ко всякому такому человѣку этотъ вопросъ бьется. Это не даромъ: въ чье-нибудь сердце онъ хочетъ достучаться. Теперь посмотрите дальше, сколько у насъ въ арміи изъ офицеровъ людей женатыхъ, особенно вверхъ отъ капитанскаго чина... Это уже настоящіе страсотерпцы: служатъ они, и на службѣ имъ нѣтъ никакой радости, а подъ старость и угла нѣтъ, гдѣ поклонить голову. Хорошо, который куда-нибудь городничимъ попадетъ, да будетъ морковью или потрохами на базарѣ взятки брать, или у арестантовъ изъ трехкопеечнаго содержанія половину воровать станетъ. Но, вѣдь, очень немного такихъ счастливцевъ, которымъ такая карьера выпадетъ, а то жаль смотрѣть чѣмъ занимаются...

Лахтинъ отозвался:

— Это правда!

— Да какъ же не правда! — продолжалъ Самбурскій. — Пока молодъ да легкомыслень, онъ и въ восторгѣ: его занимаетъ, что и шпоры звенять, и эполеты блестятъ, а какъ съ лѣтами въ разумъ начнетъ приходиться, такъ, вѣдь, — сдѣлайте вашу милость... мишура-то слетитъ и очень горько станетъ.

— Ропщутъ, — молвилъ Лахтинъ.

— Да: ропщутъ, но очень мало ропщутъ. — отвѣчалъ, продолжая матерію, Самбурскій. — Удивительные люди, — праведники. Шной бы, поди, какого шума надѣлалъ и цѣлый бы вѣкъ все визжалъ, а нашъ съ сердцовъ за чаркой зелена вина гдѣ-нибудь выругается, а потомъ завьетъ горе веревочкой, да такъ всю жизнь съ обрывкомъ и ходитъ. Только не дергай его за этотъ узелокъ, потому что у него тутъ большое мѣсто завязано. Все, все простить ему надо, и даже свѣчку поставитъ. Служилъ какъ слѣдуетъ, сколько разъ его могли убить и изувѣчить, а другой, можетъ-быть, и изувѣченъ, а между тѣмъ, война кончится, составъ войскъ введется на мирное положеніе, и тысячи этихъ отставныхъ слугъ отечества идутъ въ заштатъ. Разумѣется, это въ порядкѣ вещей, да смотрѣть-то на нихъ жалко въ этомъ положеніи. Хорошо, который куда-нибудь на частную должность примкнетъ къ откупу, или къ какой конторѣ... Разумѣется, не особенно высокоблагородно, но, по крайней

мѣрь, спрятанъ отъ когтей нужды и питается; а то на выдумки идутъ: янтарьки продають, просьбы по постоялымъ дворамъ пишутъ, въ трактирахъ фокусы показываютъ,— всего и не перечесть.

— И не дай Богъ,—вставилъ Лахтинъ.

— Именно, не дай Богъ, а между тѣмъ, въ такомъ печальномъ исходѣ совѣтъ нѣтъ никакой необходимости. Если объ этомъ хорошенько подумать, то есть даже средство не только оказать оторваннымъ отъ мирныхъ занятій военнымъ людямъ справедливость, но выставить прямо отечество благодарнымъ къ своимъ слугамъ, — и въ то же время за одинъ пріемъ достигнуть высшаго государственнаго плана — пресѣчь возможность повторенія безпокойной аристократической крамолы. Вотъ въ чемъ дѣло: вамъ, какъ и мнѣ, извѣстно количество казенныхъ и конфискованныхъ магнатскихъ земель на Литвѣ и въ юго-западномъ краѣ. Казнѣ онѣ не принесутъ дохода,—все съестъ администрація. По-моему, выгоднѣе будетъ отдать ихъ въ частныя руки. Я сообразилъ и расчелъ, что изъ нихъ можно накромить двадцать пять тысячъ небольшихъ помѣщичьихъ имѣній, изъ которыхъ каждое можетъ приносить отъ пяти до шести тысячъ годового дохода.

— Я думаю, вы не ошиблись,—сказалъ Лахтинъ.

— Расчетъ мною сдѣланъ вѣрно. Необходимо только, чтобы всѣ эти земли явились въ трудолюбивыхъ рукахъ, и именно въ рукахъ воиновъ, поработавшихъ для водворенія здѣсь русскаго владычества. Офицеры въ правахъ и въ исторіи малосвѣдуши, но они хорошо знаютъ, чего имъ стоило усмирить разыгравшійся здѣсь мятежь, и потому оцѣнить все настоящимъ образомъ, безъ фантазій. Притомъ же это будетъ имъ справедливымъ вознагражденіемъ, за которое они будутъ благодарны правительству и усугубятъ свою преданность. А чтобы и казна своего не теряла—даромъ ничего давать не нужно, даровое всегда слабо цѣнится. А надо благоразумно перевести эти земли изъ непродуманнаго казеннаго управленія въ частныя руки, и для этого есть средства. Стоитъ только образовать банкъ или другое какое кредитное учрежденіе съ специальною цѣлью помочь пріобрѣтенію этихъ земель русскими воинами на льготныхъ для выплаты условійхъ, и цѣль эта будетъ исполнена. А когда на двадцати пяти тысячахъ

мѣстъ стануть двадцать пять тысячъ русскихъ помѣщичьихъ домиковъ, да въ нихъ передъ окнами на балкончикахъ задымятся двадцать пять тысячъ самоваровъ и поѣдетъ со сѣдъ къ сосѣду съ семействомъ на тройкахъ, заложенныхъ по-русски, съ валдайскимъ колокольчикомъ подъ дугою, да съ бубенцами, а на козлахъ отставной денщикъ въ тверскомъ шлыкѣ съ павлиньими перьями заведетъ: «Не одну во полѣ дороженьку», такъ это будетъ уже не Литва и не Велико-Польша, а Россія. Единственное намъ крестьянское населеніе какъ слышитъ пыхтѣнье нашихъ веселыхъ тульскихъ толстопузиковъ и разстилающийся отъ нихъ дымъ отечества, — сразу пойметъ, кто здѣсь настоящие хозяева, да и поляки увидятъ, что это не шутка и не «збуйство да здрайство», какъ они называютъ наши пынѣшнія военныя нашествія и стоянки, а это тихое, хозяйственное заселеніе на вседневныя времена, и дѣло съ возстаніями будетъ покончено.

Лахтинъ вскричалъ:

— Это великолѣпно!

— Вы одобряете?

— Великолѣпно, Иванъ Ѳомичъ, великолѣпно!

А мы,—хотя насъ не спрашивали,—подъ вліяніемъ проникшаго насъ горячаго чувства, всѣ встали, поклонились Ивану Ѳомичу и безъ уговора сказали ему:

— Богъ въ помощь! Богъ въ помощь!

Онъ откланялся намъ жестомъ руки и сказалъ:

— Отъ души благодарю, господа,—ваше сочувствіе мнѣ дорого и дай Богъ, чтобы наше—какъ вижу—общее желаніе исполнилось ко благу нашей родины. А чтобы не оставаться долго на этотъ счетъ въ томительной нерѣшимости,—я сейчасъ отправлюсь къ фельдмаршалу и сейчасъ же представлю ему мою мысль.

Онъ всталъ, перекрестился, сказалъ: «Господи благослови!»—и вышелъ.

Мы, провожая его глазами, желали ему удачи. И хотя все это происходило въ канцеляріи, гдѣ торжественныхъ минутъ сердечнаго восхищенія по штатамъ не полагается, но тутъ оно было. Мы чувствовали, какъ сердца наши въ насъ горѣли, при мысли, что цѣлый двадцать пять тысячъ семействъ нашихъ военныхъ трудниковъ разведутъ себѣ по домамъ и на полянкахъ свои самовары и стануть по-

наривать своимъ чайкомъ свои косточки, подъ своею же кровлею, которую дало имъ за ихъ кровную службу отечество.

Конечно, можетъ-быть, теперь за это кто-нибудь и осудить, но надо было быть ближе къ тому времени, котораго это касается, и видѣть во-очію мужественныхъ людей, судьбу которыхъ по отставкѣ просто и трогательно намъ вспомнили Иванъ Ѳомичъ. Тогда станетъ понятно то чувство, какое мы испытывали, и оно было, дѣйствительно, патріотическое чувство, хотя и родилось въ канцеляріи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вечеромъ мы въ своихъ кружкахъ думали и гадали: какovy могутъ быть послѣдствія смѣлаго и, какъ намъ казалось, гениальнаго по своей простотѣ предложенія Ивана Ѳомича? Намъ казалось невозможнымъ, чтобы фельдмаршалъ не внялъ его представленьямъ и не позволилъ изыскать средства къ ихъ осуществленію.

Одинъ только, — былъ у насъ другой начальникъ отдѣленія, Ивашинъ, съ русской фамиліею, но хохоль, онъ былъ грубоватъ и выражался не изысканно, — такъ онъ не то что сомнѣвался, но не отрицать возможности сомнѣнія, и тѣмъ насъ огорчалъ. Онъ, лѣниво цѣдя слова сквозь зубы, сказалъ:

— Перестаньте угадывать и ждите утра: не угадаете; можетъ случиться и то, чего не можетъ быть. Совершенно невозможно на свѣтѣ только одно, — козырнаго туза покрыть, этого уже никакой чудотворецъ не сдѣлаетъ.

Добрѣйшій Яковъ Ѳомичъ (такъ звали Ивашина) былъ и умникъ, и дѣлецъ, и характера самаго достойнаго, но любилъ, къ своему наследственному гадячскому или кролевецкому остроумію, подпустить благопріобрѣтеннаго волтепіанства. Особенно онъ лихъ былъ насчетъ чудесъ, которыя имѣлъ слабость считать личною для себя обидою, и всегда имѣлъ при себѣ наготовѣ этого козырнаго туза, котораго, по его словамъ, «никакой чудотворецъ не покроетъ».

Но ночь прошла въ мирномъ снѣ, или, кому спать не хотѣлось, — въ другихъ какихъ-либо занятіяхъ, а на утро приходитъ въ канцелярію Лахтинъ и говоритъ:

— Свиданіе Ивана Ѳомича съ фельдмаршаломъ было

какъ нельзя больше благопріятно. Больше ничего вамъ сказать не могу, но Иванъ Ѳомичъ самъ все разскажетъ.

Самбурскій, какъ пришелъ, подписалъ заготовленные къ этому дню бумаги и потомъ говоритъ:

— Поздравляю всѣхъ васъ, господа, съ радостною работою. Фельдмаршалъ, выслушавъ мои соображенія, о которыхъ здѣсь вчера было говорено, изволилъ выразить этому дѣлу свое сочувствіе и желаетъ, чтобы были составлены самыя точныя и полныя свѣдѣнія съ возможно подробнымъ кадастровымъ описаніемъ, по которому можно было бы судить о достоинствѣ и стоимости имѣній. Это работа сложная и трудная, потому что мало данныхъ, но тѣмъ болѣе чести ее исполнить, и я надѣюсь, что тутъ мы себя покажемъ достойными его довѣрія и исполнимъ все какъ только возможно и съ большою радостію.

Дѣйствительно, работали съ радостію. Откуда только что возможно было выбрать — все собралъ. А самъ Иванъ Ѳомичъ въ это время изготовилъ свой проектъ, который, какъ все имъ писанное, былъ изложенъ мастерски и пошелъ въ ходъ. Прежде чѣмъ готовы были наши кадастры и смѣты, потребныя уже къ заключительному дѣлежу и рассадкѣ двадцати пяти тысячъ нашихъ волновъ, которые должны были поставить свои самовары и напустить здѣсь пріятнаго намъ отечественнаго дымку, князь былъ введенъ Самбурскимъ во всѣ его соображенія.

Все остальное дѣлалось скоро, мы спѣшили изготовить дѣло къ поѣздкѣ фельдмаршала въ Петербургъ, и изготовили такъ благовременно, что онъ могъ до отъѣзда изучить и детали дѣла. Это было необходимо для обстоятельнаго объясненія на каждый могущій возникнуть въ Петербургѣ вопросъ. Самбурскій былъ очень доволенъ, что князь вникаетъ въ дѣло внимательно и даже дѣлаетъ себѣ отмѣтки о земляхъ.

Последнее было тѣмъ радостнѣе, что Иванъ Ѳомичъ, имѣвшій на рукахъ кучу дѣлъ, не могъ оставить Варшавы и не сопровождалъ фельдмаршала. Стало-быть очень важно было, чтобы онъ все зналъ и могъ все совершить, не требуя какихъ-нибудь частныхъ разъясненій.

Самбурскій не ошибся: фельдмаршалъ, дѣйствительно, вполне овладѣлъ предметомъ и сочинилъ собственный планъ, какъ этимъ дѣломъ распорядиться.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Паскевичъ уѣхалъ, а мы въ это время въ своей канцеляріи все возились съ эмеритурою и вообще уравненіемъ русскихъ чиновниковъ въ выгодахъ службы съ чиновниками изъ поляковъ, которые имѣли многія преимущества. У насъ это дѣло поднималъ и горячо, но безуспѣшно разработывалъ Ивашинъ, а мы все ему помогали, только безъ пользы. Это отерочилось до новыхъ исторій, когда насъ тамъ уже не было. При насъ, какъ ни горячился Ивашинъ, русскіе чиновники военнаго министерства все получали за выслугу 35 лѣтъ 150—200 р. пенсіи, а чиновники Царства Польскаго изъ поляковъ по той же должности получали за выслугу 25 лѣтъ по 6,000 золотыхъ эмеритальнаго пенсіона. Ивашинъ представилъ это Паскевичу, и тотъ нашелъ это неправильнымъ и позволилъ открыть переписку съ разными вѣдомствами. Всѣмъ намъ хотѣлось упорядочить это такъ, — чтобы русскимъ не обидно было противъ поляковъ, но не вышло по нашему. Свѣдѣнія о штатахъ доставлялись плохо, и это намъ причиняло много хлопотъ, за которыми мы и не замѣтили, какъ прошло время отъѣзда свѣтлѣйшаго и онъ снова вернулся въ Варшаву.

Передъ возвращеніемъ князя ни сновъ никто не видалъ, ни мыши изъ норъ не выходили, ни невидимая нежить тяжелою ступнею по полу не расхаживала и не трещала половицами, словомъ, ничто никого не выживало, а между тѣмъ для всѣхъ насъ былъ готовъ ударъ, самый неожиданный и очень вредный для дѣла, но отчасти и нелишennyй комизма, или, лучше сказать, горькой проиіи.

Самбурскій видѣлся съ фельдмаршаломъ по его возвращеніи не изъ первыхъ, и притомъ не съ-глазу-на-глазъ, а на официальномъ выходѣ.

Иванъ Ѳомичъ не былъ самолюбивъ въ дурномъ смыслѣ этого слова, да и укола въ этомъ его самолюбіи не было, но было другое, чего онъ имѣлъ причины не желать и опасаться. Было замѣтно, что свѣтлѣйшему какъ будто неловко или, по крайней мѣрѣ, неприятно что-то сообщить своему директору, котораго умомъ и соображеніями онъ самъ гордился, а честность его уважалъ.

Но, конечно, игры нельзя было тянуть долго: при пер-

вомъ же докладѣ, будетъ или не будетъ рѣчь о томъ, что фельдмаршалу неприятно, — Самбурскій съ его прозорливостью прочтетъ князя; да и самому князю, который никого не боялся — нескладно же такъ институтски конфузиться лишь ему подчиненнаго, какимъ былъ Самбурскій.

Паскевичъ, конечно, все это зналъ и не могъ поступить иначе, какъ поступилъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Самбурскій возвратился съ доклада князю не скоро, но вошелъ въ канцелярію спѣшными шагами, былъ красенъ и разстроенъ.

Онъ роздалъ начальникамъ отдѣленія Ивашину и Лактину принесенныя съ собою бумаги и, послабивъ пальцемъ галстукъ, сказалъ:

— Господа! я съ вами прощаюсь.

Услыхавъ это, мы всѣ вскочили съ мѣсть и, забывъ всякую дисциплину, бросились къ нему и осыпали его вопросами: что, какъ и для чего?

— Я подаю въ отставку.

Всѣ опять заговорили:

— Для чего, Иванъ Ѳомичъ, для чего?

Онъ отвѣчалъ: представленіе мое рѣшено иначе, — князь имѣетъ маіоратъ, который долженъ приносить 200,000 золотыхъ, нѣсколько другихъ лицъ получили меньшіе участки съ доходами тысячъ до 60, и т. д. Въмѣсто многихъ маленькихъ русскихъ осѣдлыхъ помѣщиковъ будетъ только очень немного крупныхъ, и притомъ такихъ, которые никогда въ своихъ деревняхъ не сидятъ, — самоваровъ на столъ не ставятъ и за чаемъ по-русски не говорятъ. Такого оборота я не ожидалъ и не могъ придумать, но эта игра не стоитъ свѣчь. Если бы я зналъ, что это случится, то я задушилъ бы въ себѣ эту мысль, которую столько времени носилъ и въ значеніи которой для Россіи и для Польши не сомнѣваюсь. Но теперь она совершенно испорчена и, чтобы ее поправить, надѣ ожидается новаго возстанія и новыхъ конфискацій... Безъ этого и не обойдется, но одно воображеніе объ этомъ меня угнетаетъ. Я этого снести не могу.

Мы заговорили: ну, что Иванъ Ѳомичъ, — все можетъ измѣниться: фельдмаршалъ васъ уважаетъ и любитъ...

— Да; благодарю его, — перебилъ Самбурскій: — онъ меня не забудь, — мнѣ тоже предложено выбрать себѣ майоратъ, но я этимъ не воспользуюсь, — я отъ него отказался. Передо мною была открыта возможность полнѣйшей оцѣнки всѣхъ земель и угодій вовсе не за тѣмъ, чтобы я могъ выбрать себѣ лучшее. Служить каждому правительству нужно честно, а тѣмъ болѣе правленію монархическому, гдѣ государь одинъ править, и потому кому онъ вѣритъ, тому грѣхъ и стыдъ не хранить и не беречь его довѣрія, а думать о себѣ. Отъ этого падаетъ уваженіе ко всему правительству. Въ разговорѣ со мною было употреблено слово «демократъ». Оно шло, очевидно, по моему адресу... Что же, — я принимаю и не обижаюсь; демократъ — не демагогъ. Быть демократомъ, между прочимъ, значитъ желать счастья возможно большому числу людей. Я этого желаю, и, по-моему, въ этомъ нѣтъ ничего дурного. Аристократія желаетъ противоположнаго: господства своего меньшинства. «Цельзя безъ аристократіи». Есть такой взглядъ, но только я его не раздѣляю. Аристократіи есть мѣсто въ Англіи и тамъ я ее понимаю, хотя и тамъ считаю несправедливою и недолговѣчною; — роль аристократизма въ польской исторіи вижу только губительную, а въ русской исторіи никакого мѣста аристократизму вовсе не нахожу, ибо строй нашей монархіи демократическій. Въ другія начала я не вѣрю и служить имъ не могу. У меня есть хлѣбъ, — пенсіонъ, который я выслужилъ, а у жены моей въ Петербургѣ, на Воскресенской набережной, есть домикъ, въ которомъ мы и можемъ дожить нашу старость. Прощайте: служите честно, а меня не уговаривайте остаться. — При этомъ онъ горько улыбнулся и, обратясь съ шутливою пронию къ Ивашину, — добавилъ:

— Ваше взяло, Яковъ Ѳомичъ, — козырнаго туза; дѣйствительно, ничѣмъ не покроешь, а мои самоварчики заглохли и съ тѣмъ роль моя кончена.

Такъ оно и было для него кончено. Онъ выѣхалъ изъ Варшавы, имѣя тѣ же ограниченные достатки, съ какими пріѣхалъ. Поляки, считавшіе Самбурскаго человекомъ спра-

ведливимъ и весьма его уважавшіе, были, однако, чрезвычайно рады его паденію. Его планъ о двадцати пяти тысячахъ самоваровъ сдѣлался имъ извѣстенъ черезъ закрытыя двери Петербурга или Варшавы и напугалъ ихъ хуже самыхъ большихъ пушекъ. Они ужаснулись этого плана, вредоносность котораго для всѣхъ ихъ затѣй была такъ очевидна по его необыкновенной простотѣ и органической прочности. Отдача казенныхъ и конфискованныхъ земель большими маіоратами, въ сравненіи со страшнымъ планомъ о самоварахъ, казалась легкою и сравнительно совѣмъ неопасною для польскаго шатріотизма, — что и оправдалось.

Самбурскій выѣхалъ скоро; съ фельдмаршаломъ они прощались въ палаткѣ, которая стояла у Паскевича въ комнатѣ. Разлука, вѣроятно, была теплая, потому что Самбурскій, выйдя, казался растроганнымъ. На виду предъ всѣми они еще поцѣловались, а когда Иванъ Ѳомичъ возвратился домой, прислуга, убравшая его плащъ, нашла въ его карманѣ и подала Самбурскому пакетикъ, въ которомъ оказалась записочка на польскомъ языкѣ. Это было нѣчто въ родѣ диплома, выданнаго «дѣйствительному русскому демократу Самбурскому» на званіе «государственнаго самовара» (*samowara panstwa*).

Надъ этой польской шуткой, которую немудрено было устроить въ многолюдной лакейской, конечно, только и оставалось посмѣяться.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Вмѣсто Самбурскаго директоромъ канцеляріи былъ назначенъ Я—чъ, человекъ совѣмъ другого сорта и другихъ правилъ. Онъ на первыхъ же порахъ столкнулся съ Ивашинимъ, который все еще продолжалъ хлопотать объ эмеритурѣ для русскихъ чиновниковъ. Повздоривъ съ начальникомъ отдѣленія, новый директоръ сказалъ ему:

— Я не могу съ вами служить.

— И мнѣ тоже это очень непріятно, — отвѣчалъ Ивашинъ: — просите себѣ перемѣщенія или выходите въ отставку.

Того это ужасно обидѣло и онъ пожаловался Паскевичу.

— Ты ничего не понимаешь, и долженъ цѣнить людей, которыхъ тебѣ оставилъ Самбурскій, — отвѣчалъ фельдмар-

шаль. — А докучное дѣло объ уравненіи служебныхъ выгодъ, принесшшее много хлопотъ по сношеніямъ, приказалъ «бросить».

Всему этому надо было долежаться до позднѣйшаго времени и до другихъ русскихъ дѣателей, которымъ удалось сдѣлать въ этихъ вопросахъ болѣе того, что могъ сдѣлать Самбурскій. Чести ихъ это, разумѣется, нисколько не уменьшаетъ, но для исторической вѣрности и справедливой оцѣнки событій, можетъ - быть, не лишнее знать, что идеи князя Владиміра Александровича Черкаскаго гораздо прежде его трудовъ въ Польшѣ имѣли перваго дальнозоркаго, дѣятельнаго и притомъ самоотверженнаго и безкорыстнѣйшаго представителя въ лицѣ Ивана Ѳомича Самбурскаго. Такихъ людей достойно знать и въ извѣстныхъ случаяхъ жизни подражать имъ, если есть сила вмѣстить благородный патріотическій духъ, который согреваетъ ихъ сердце, окрыляетъ слово и руководитъ поступками.

Оглавление

III ТОМА.

	стр.
Запечатлѣнный Ангель	5
Праведники:	
Предисловіе	73
Однодумъ	76
Шигмей	108
Кадетскій монастырь	122
Прибавленіе къ разсказу о кадетскомъ монастырь	154
Русскій демократъ въ Польшѣ	158

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1902.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

НЕСМЕРТЕЛЬНЫЙ ГОЛОВАНЬ.

Изъ разсказовъ о трехъ праведникахъ.

«Совершенная любовь изгоняетъ страхъ».

Иоаннь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Онъ самъ почти мнѣ, а исторія его — легенда. Чтобы повѣствовать о немъ — надо быть французомъ, потому что однимъ людямъ этой націи удается объяснять другимъ то, чего они сами не понимаютъ. Я говорю все это съ тою цѣлю, чтобы впередъ испросить себѣ у моего читателя снисхожденія ко всестороннему несовершенству моего разсказа о лицѣ, воспроизведеніе котораго стоило бы трудовъ гораздо лучшаго мастера, чѣмъ я. Но Голованъ можетъ быть скоро совѣмъ позабытъ, а это была бы утрата. Голованъ стоитъ вниманія, и хотя я его знаю не настолько, чтобы могъ начертать полное его изображеніе, однако я подберу и представлю нѣкоторыя черты этого не высокаго ранга смертнаго человѣка, который сумѣлъ прослыть «*несмертельнымъ*».

Прозвище «несмертельнаго», данное Головану, не выражало собою насмѣшки и отнюдь не было пустымъ, безсмысленнымъ звукомъ — его прозвали несмертельнымъ вслѣдствіе сильнаго убѣжденія, что Голованъ — человѣкъ особенный; человѣкъ, который не боится смерти. Какъ могло сложиться о немъ такое мнѣніе среди людей, ходящихъ подъ Богомъ и всегда помнящихъ о своей смертности? Была ли

на это достаточная причина, развившаяся въ послѣдовательной условности, или же такую кличку ему дала простота, которая среди глупости?

Мнѣ казалось, что послѣднее было вѣроятнѣе, но какъ судили о томъ другіе — этого я не знаю, потому что въ дѣтствѣ моемъ объ этомъ не думалъ, а когда я подросъ и могъ понимать вещи — «несмертельнаго Голована» уже не было на свѣтѣ. Онъ умеръ и притомъ не самымъ опрятнымъ образомъ: онъ погибъ во время такъ-называемаго въ г. Орлѣ «большого пожара», утонувъ въ кинишей яминѣ, куда упалъ, спасая чью-то жизнь или чье-то добро. Однако «часть его большая, отъ тѣла убѣжавъ, продолжала жить въ благодарной памяти», и я хочу попробовать занести на бумагу то, что я о немъ зналъ и слышалъ, дабы такимъ образомъ еще продлилась на свѣтѣ его достойная вниманія память.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Несмертельный Голованъ былъ простой человекъ. Лицо его, съ чрезвычайно крупными чертами, вѣзало въ моей памяти съ раннихъ дней и осталось въ ней навсегда. Я его встрѣтилъ въ такомъ возрастѣ, когда, говорятъ, будто бы дѣти еще не могутъ получать прочныхъ впечатлѣній и износить изъ нихъ воспоминаній на всю жизнь, но, однако, со мною случилось иначе. Случай этотъ отмѣченъ моею бабуникою слѣдующимъ образомъ:

«Вчера (26 мая 1835 г.) пріѣхала изъ Горохова къ Машенькѣ (моей матери), Семена Дмитрича (отца моего) не застала дома, по командировкѣ его въ Елецъ на слѣдствіе о страшномъ убійствѣ. Во всемъ домѣ были одни мы, женщины и дѣвчья прислуга. Кучеръ уѣхалъ съ нимъ (отцомъ моимъ), только дворникъ Кондратъ оставался, а на ночь сторожъ въ переднюю ночевать приходилъ изъ правленія (губернское правленіе, гдѣ отецъ былъ совѣтникомъ). Сегодняшняго же числа Машенька въ двѣнадцатомъ часу пошла въ садъ посмотреть цвѣты и кануферъ полить, и взяла съ собою Николушку (меня) на рукахъ у Анны (понижнѣ живой старушки). А когда они шли назадъ къ завтраку, то едва Анна начала отпирать калитку, какъ на нихъ сорвалась цѣнная Рыбка, прямо съ цѣпью, и прямо кинулась на груди Аннѣ, но въ ту самую минуту, какъ

Рябка, опершись лапами, бросился на грудь Аннѣ, Голованъ схватилъ его за шиворотъ, стиснулъ и бросилъ въ погребное творило. Тамъ его и пристрѣлила изъ ружья, а дитя спаслось».

Дитя это былъ я, и какъ бы точны ни были доказательства, что полуторагодовой ребенокъ не можетъ помнить, что съ нимъ происходило, я, однако, помню это происшествіе.

Я, конечно, не помню: откуда взялась взбѣшенная Рябка и куда ее дѣлъ Голованъ послѣ того какъ она захрипѣла, барахталась лапами и извиваясь всѣмъ тѣломъ въ его высоко поднятой желѣзной рукѣ; но я помню моментъ... *только моментъ*. Это было, какъ при блескѣ молоньи, среди темной ночи, когда почему-то вдругъ видишь чрезвычайное множество предметовъ за-разъ: занавѣсъ кровати, ширму, окно, вздрогнувшую на жердочкѣ канарейку и стаканъ съ серебряной ложечкой, на ручкѣ которой пятнышками осѣла магнезія. Таково, вѣроятно, свойство страха, имѣющаго большія очи. Въ одномъ такомъ моментѣ, я какъ сейчасъ вижу переть собою огромную собачью морду, въ мелкихъ пестринахъ — сухая шерсть, совершенно красные глаза и разинутая пасть, полная мутной пѣны въ синеватомъ, точно напмаженномъ зѣвѣ... оскаль, который хотѣлъ уже защелкнуться, но вдругъ верхняя губа надъ нимъ вывернулась, разрѣзъ потянулся къ ушамъ, а снизу судорожно задвигалась, какъ голый человѣческій локоть, вынятившаяся горловина. Надо всѣмъ этимъ стояла огромная человѣческая фигура съ огромною головою, и она взяла и понесла бѣшенаго пса. Во все это время лицо чловѣка *улыбалось*.

Описанная фигура былъ Голованъ. Я боюсь, что совѣмъ не сумѣю нарисовать его портрета, именно потому, что очень хорошо и ясно его вижу.

Въ немъ было, какъ въ Петрѣ Великомъ, пятнадцать вершковъ; сложеніе имѣлъ широкое, сухое и мускулистое; онъ былъ смугль, круглолицъ, съ голубыми глазами, очень крупнымъ носомъ и толстыми губами. Волосы на головѣ и подстриженной бородѣ Голована были очень густые, цвѣта — соли съ перцемъ. Голова была всегда коротко острижена, борода и усы тоже стриженные. Спокойная и счастливая улыбка не оставляла лица Голована ни на минуту: она

свѣтилась въ каждой чертѣ, но преимущественно играла на устахъ и въ глазахъ умныхъ и добрыхъ, но какъ будто немножко пасмѣшливыхъ. Другого выраженія у Голована какъ будто не было, по крайней мѣрѣ, я ничего не помню. Въ дополненію этого неискускаго портрета Голована надо упомянуть объ одной странности или особенности, которая заключалась въ его походкѣ. Голованъ ходилъ очень скоро, всегда какъ будто куда-то поспѣвая, но не ровню, а съ подскокомъ. Онъ не хромалъ, а, по мѣстному выраженію, «шкандыбалъ», то-есть на одну, на правую ногу наступалъ твердою поступью, а съ лѣвой подпрыгивалъ. Казалось, что эта нога у него не гнулась, а пружинила гдѣ-то въ мускулѣ или въ суставѣ. Такъ ходятъ люди на искусственной ногѣ, но у Голована она была не искусственная; хотя, впрочемъ, эта особенность тоже и не зависѣла отъ природы, а ее устроилъ себѣ онъ самъ, и въ этомъ была тайна, которую нельзя объяснить сразу.

Одѣвался Голованъ мужикомъ. — всегда лѣтомъ и зимою, въ пеклые жары и въ сорока-градусные морозы, — онъ носилъ длинный, нагольный овчинный тулупъ, весь промасленный и почернѣвшій. Я никогда не видалъ его въ другой одеждѣ, и отецъ мой, помню, частенько шутилъ надъ этимъ тулупомъ, называя его «вѣковѣчнымъ».

Но тулупу Голованъ подпоясывался «чекменнымъ» ремешкомъ, съ бѣлымъ сбруйнымъ наборомъ, который во многихъ мѣстахъ пожелтѣлъ, а въ другихъ—совсѣмъ осыпался и оставилъ наружѣ дратву да дырки. Но тулупъ содержался въ опрятности отъ всякихъ мелкихъ жильцовъ,—это я зналъ лучше другихъ, потому что я часто сиживалъ у Голована за пазухой, слушая его рѣчи, и всегда чувствовалъ себя здѣсь очень покойно.

Широкій воротъ тулупа никогда не застегивался, а, напротивъ, былъ широко открытъ до самого пояса. Здѣсь было «нѣдро», представлявшее очень просторное помѣщеніе для бутылокъ со сливками, которыя Голованъ поставялъ на кухню Орловскаго дворянскаго собранія. Это былъ его промыселъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ «вышелъ на волю» и получилъ на разживу «ермоловскую корову».

Могучую грудь «несмертельнаго» покрывала одна холщевая рубашка малороссійскаго покроя, т. е. съ прямымъ

воротомъ, всегда чистая, какъ кипень, и непременно съ длинною цвѣтною завязкою. Эта завязка была иногда лента, иногда просто кусокъ шерстяной матеріи, или даже ситца, но она сообщала наружности Голована нѣчто свѣжее и джентльменское, что ему очень шло, потому что онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ джентльменъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мы были съ Голованомъ сосѣдн. Нашъ домъ въ Орлѣ былъ на Третьей Дворянской улицѣ и стоялъ третій по счету отъ берегового обрыва надъ рѣкою Орликкомъ. Мѣсто здѣсь довольно красиво. Тогда, до пожаровъ, это былъ край настоящаго города. Вправо за Орликъ шли мелкія хибары слободы, которая примыкала къ коренной части, оканчивавшейся церковью Василія Великаго. Сбоку былъ очень крутой и неудобный спускъ по обрыву, а сзади за садами—глубокій оврагъ и за нимъ стеной выгонъ, на которомъ торчалъ какой-то магазинъ. Тутъ по утрамъ шла солдатская муштра и палочный бой, — самыя раннія картины, которыя я видѣлъ и наблюдалъ чаще всего прочаго. На этомъ же выгонѣ, или, лучше сказать, на узкой полосѣ, отдѣлявшей наши сады заборами отъ оврага, паслись шесть или семь коровъ Голована и ему же принадлежавшій красивый быкъ «ермоловской» породы. Быка Голованъ содержалъ для своего маленькаго, но прекраснаго стада, а также разводилъ его въ поводу «на подержанье» по домамъ, гдѣ имѣли въ томъ хозяйственную надобность. Ему это приносило доходъ.

Средства Голована къ жизни заключались въ его удонстыхъ коровахъ и ихъ здоровомъ супругѣ. Голованъ, какъ я выше сказалъ, поставлялъ на дворянскій клубъ сливки и молоко, которыя славилась своими высокими достоинствами, зависѣвшими, конечно, отъ хорошей породы его скота и отъ добраго за нимъ ухода. Масло, поставляемое Голованомъ, было свѣжо, желто, какъ желтокъ, и ароматно, а сливки «не текли», то-есть, если оборачивали бутылку внизъ горлышкомъ, то сливки изъ нея не лились струей, а падали какъ густая, тяжелая масса. Продуктовъ низшаго достоинства Голованъ не ставилъ и потому онъ не имѣлъ себѣ соперниковъ, а дворяне тогда не только умѣли ѣсть хорошо, но и имѣли чѣмъ расплачиваться. Кромѣ того, Го-

лованъ оставялъ также въ клубъ отменно крупныя яйца отъ особенно крупныхъ голландскихъ куръ, которыхъ водилъ во множествѣ, и, наконецъ, «приготавливалъ телятъ», отпаивая ихъ мастерски и всегда ко времени, напримѣръ, къ наибольшему съѣзду дворянъ, или къ другимъ особенымъ случаямъ въ дворянскомъ кругѣ.

Въ этихъ видахъ, обуславливающихъ средства Голована къ жизни, ему было очень удобно держаться дворянскихъ улицъ, гдѣ онъ продовольствовалъ интересныхъ особъ, которыхъ орловцы нѣкогда узнавали въ Паншинѣ, въ Лаврецкомъ и въ другихъ герояхъ и героиняхъ «Дворянскаго гнѣзда».

Голованъ жилъ, впрочемъ, не въ самой улицѣ, а «на отлетѣ». Постройка, которая называлась «Головановымъ домомъ», стояла не въ порядкѣ домовъ, а на небольшой террасѣ обрыва подъ лѣвымъ рядомъ улицы. Площадь этой террасы была сажень въ шесть въ длину и столько же въ ширину. Это была глыба земли, которая когда-то поѣхала внизъ, но на дорогѣ остановилась, окрѣпла и, не представляя ни для кого твердой опоры, едва ли составляла чью-нибудь собственность. Тогда это было еще возможно.

Голованову постройку въ собственномъ смыслѣ нельзя было назвать ни дворомъ, ни домомъ. Это былъ большой, низкій сарай, занимавшій все пространство отпавшей глыбы. Можетъ-быть безформенное зданіе это было здѣсь возведено гораздо ранѣе, чѣмъ глыбѣ вздумалось спуститься, и тогда оно составляло часть ближайшаго двора, владѣлецъ котораго за нимъ не погнался и уступилъ его Головану за такую дешевую цѣну, какую богатырь могъ ему предложить. Помните мнѣ даже, какъ будто говорили, что сарай этотъ былъ подаренъ Головану за какую-то услугу, оказывать которая онъ былъ большой охотникъ и мастеръ.

Сарай былъ передѣленъ на-двое: одна половина, обмазанная глиной и выѣленная, съ тремя окнами на Орликъ, была жильнымъ помещеніемъ Голована и находившихся при немъ пяти женщинъ, а въ другой—были надѣланы стойла для коровъ и быка. На низкомъ чердакѣ жили голландскія куры и черный «испанскій» пѣтухъ, который жилъ очень долго и считался «колдовской птицей». Въ немъ Голованъ растилъ пѣтушій камень, который пригоденъ на множество случаевъ: на то, чтобы счастье приносить, отнятое

государство изъ неприяТЕЛЬскихъ рукъ возвращать, и старыхъ людей на молодыхъ передѣлывать. Этотъ камень зрѣть семь лѣтъ и созрѣваетъ только тогда, когда пѣтухъ шить перестанетъ.

Сарай былъ такъ великъ, что оба отдѣленія, — жилое и скотское — были очень просторны, но, несмотря на всю о нихъ заботливость, плохо держали тепло. Впрочемъ, тепло нужно было только для женщинъ, а самъ Голованъ былъ нечувствителенъ къ атмосфернымъ переѣнамъ и лѣто и зиму спалъ на ивняковой плетенкѣ въ стойлѣ, возлѣ любимца своего, — краснаго тирольскаго быка «Васьки». Холодъ его не бралъ, и это составляло одну изъ особенностей этого мнѣшческаго лица, черезъ которыя онъ получилъ свою баснословную репутацію.

Изъ пяти женщинъ, жившихъ съ Голованомъ, три были его сестры, одна мать, а пятая называлась Павла, или, иногда, Павлагеюшка. Но чаще ее называли «Головановъ грѣхъ». Такъ я привыкъ слышать съ дѣтства, когда еще даже и не понималъ значенія этого намека. Для меня эта Павла была просто очень ласковою женщиною, и я, какъ сейчасъ, помню ея высокій ростъ, блѣдное лицо съ яркими пятнами на щекахъ и удивительной черноты и правильности бровями. Такія черныя брови правильными полукругами можно видѣть только на картинахъ, изображающихъ персиянку, покоящуюся на колѣняхъ престарѣлаго турка. Наши дѣвушки, впрочемъ, знали и очень рано сообщили мнѣ секретъ этихъ бровей: дѣло заключалось въ томъ, что Голованъ былъ зеленийкъ и, любя Павлу, чтобы ее никто не узналъ, — онъ ей сонной помазалъ брови медвѣжьимъ саломъ. Послѣ этого въ бровяхъ Павлы, разумеется, не было уже ничего удивительнаго, а она къ Головану привязалась не своею силою.

Наши дѣвушки все это знали.

Сама Павла была чрезвычайно кроткая женщина и «все молчала». Она была столь молчалива, что я никогда не слышалъ отъ нея болѣе одного и то самаго необходимаго слова: «здравствуй», «садись», «прощай». Но въ каждомъ этомъ короткомъ словѣ слышалась бездна привѣта, доброжелательства и ласки. То же самое выражалъ звукъ ея тихаго голоса, взглядъ сѣрыхъ глазъ и каждое движеніе. Помню тоже, что у нея были удивительно красивыя руки,

что составляет большую рѣдкость въ рабочемъ классѣ, а она была такая работница, что отличалась дѣятельностью даже въ трудолюбивой семьѣ Голована.

У нихъ у всѣхъ было очень много дѣла: самъ «несмертельный» кипѣлъ въ работѣ съ утра до поздней ночи. Онъ былъ и пастухъ, и поставщикъ, и сыроваръ. Съ зарею онъ выгонялъ свое стадо за наши заборы на росу и все переводилъ своихъ статныхъ коровъ съ обрывца на обрывецъ, выбирая для нихъ, гдѣ потучиѣе травка. Въ то время, когда у насъ въ домѣ вставали, Голованъ являлся уже съ пустыми бутылками, которыя забиралъ въ клубъ вмѣсто новыхъ, которыя снесъ туда сегодня; собственноручно врубалъ въ ледъ нашего ледника кувшины новаго удоя и говорилъ о чемъ-нибудь съ моимъ отцомъ, а когда я, отучившись грамотѣ, шелъ гулять въ садъ, онъ уже опять сидѣлъ подъ нашимъ заборчикомъ и руководилъ своими коровками. Здѣсь была въ заборѣ маленькая калиточка, черезъ которую я могъ выходить къ Головану и разговаривать съ нимъ. Онъ такъ хорошо умѣлъ рассказывать сто четыре священные исторіи, что я ихъ зналъ отъ него, никогда не уча ихъ по книгѣ. Сюда же приходили къ нему, бывало, какіе-то простые люди—всегда за совѣтами. Иной, бывало, какъ придетъ, такъ и начинается:

— Пскалъ тебя, Голованычъ, посовѣтуй со мною.

— Что такое?

— А вотъ то-то и то-то:—въ хозяйствѣ что-нибудь разстроилось или семейные нелады.

Чаще приходили съ вопросами этой второй категоріи. Голованычъ слушаетъ, а самъ невнячокъ плететь, или на коровокъ покрикиваетъ, и все улыбается, будто безъ вниманія, а потомъ вскинетъ своими голубыми глазами на собесѣдника и отвѣтитъ:

— Я, братъ, плохой совѣтникъ! Бога на совѣтъ призови.

— А какъ Его призовешь?

— Охъ, братъ, очень просто:—помолись, да сдѣлай такъ, какъ будто тебѣ сейчасъ помирать надо. Вотъ скажи-ка мнѣ: какъ бы ты въ такомъ разѣ сдѣлалъ?

Тотъ подумаетъ и отвѣтитъ.

Голованъ или согласится, или же скажетъ:

— А я бы, братъ, умираючи, вотъ какъ лучше сдѣлалъ.

И рассказываетъ, по обыкновенію, все весело, со всегдашней улыбкой.

Должно-быть его совѣты были очень хороши, потому что всегда ихъ слушали и очень его за нихъ благодарили.

Могъ ли у такого человѣка быть «грѣхъ», въ лицѣ кротчайшей Павлагеюшки, которой въ то время, я думаю, было съ небольшимъ лѣтъ тридцать, за предѣлы которыхъ она и не перешла далѣе? Я не понималъ этого «грѣха» и остался чистъ отъ того, чтобы оскорбить ее и Голована довольно общими подозрѣніями. А поводъ для подозрѣнія былъ, и поводъ очень сильный, даже, если судить по видности, неопровержимый. Кто она была Головану?—чужая. Этого мало: онъ ее когда-то зналъ, онъ былъ однихъ съ нею господъ, онъ хотѣлъ на ней жениться, но это не состоялось: Голована дали въ услуги герою Кавказа Алексѣю Петровичу Ермолову, а въ это время Павлу выдали замужъ за наѣздника Оераонта, по мѣстному выговору «Храпона». Голованъ былъ нужный и полезный слуга, потому что онъ умѣлъ все,—онъ былъ не только хорошій поваръ и кондитеръ, но и смѣливый, и бойкій походный слуга. Алексѣй Петровичъ платилъ за Голована что слѣдовало его помещику, и, кромѣ того, говорятъ, будто далъ самому Головану взаймы денегъ на выкупъ. Не знаю, вѣрно ли это, но Голованъ, дѣйствительно, вскорѣ, по возвращеніи отъ Ермолова, выкупился и всегда называлъ Алексѣя Петровича своимъ «благодѣтелемъ». Алексѣй же Петровичъ, по выходѣ Голована на волю, подарилъ ему на хозяйство хорошую корову съ теленкомъ, отъ которыхъ у того и пошелъ «ермоловскій заводъ».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Когда именно Голованъ поселился въ сараѣ на обвалѣ,—этого я совсѣмъ не знаю, но это совпадало съ первыми днями его «вольнаго человѣчества», когда ему предстояла большая забота о родныхъ, оставшихся въ рабствѣ. Голованъ былъ выкупленъ самолично одинъ, а мать, три его сестры и тетка, бывшая впоследствии моею нянькою, оставались «въ крѣпости». Въ такомъ же положеніи была и нѣжно любимая ими Павла или Павлагеюшка. Голованъ ставилъ первую заботою всѣхъ ихъ выкупить, а для этого нужны были деньги. По мастерству своему, онъ могъ бы

идти въ повара, или въ кондитеры, но онъ предпочелъ другое, именно молочное хозяйство, которое и началъ при помощи «ермоловской коровы». Было мѣстечко, что онъ избралъ это потому, что самъ былъ *молоканъ*. Можетъ-быть это значило просто, что онъ все возился съ молокомъ, но, можетъ-быть, что названіе это мѣтило прямо на его вѣру, въ которой онъ казался страннымъ, какъ и во многихъ иныхъ поступкахъ. Очень возможно, что онъ на Кавказѣ и зналъ молокановъ и что-нибудь отъ нихъ позаимствовалъ. Но это относится къ его странностямъ, до которыхъ дойдетъ ниже.

Молочное хозяйство пошло прекрасно: года черезъ три у Голована было уже двѣ коровы и быкъ, потомъ три, четыре, и онъ нажилъ столько денегъ, что выкупилъ мать, потомъ каждый годъ выкупалъ по сестрѣ, и всѣхъ ихъ забиралъ и сводилъ въ свою просторную, но прохладную лачугу. Такъ, лѣтъ въ шесть-семь, онъ высвободилъ всю семью, но красавица Павла у него улетѣла. Къ тому времени, когда онъ могъ и ее выкупить, она была уже далеко. Ея мужъ, наѣздникъ Хранонъ, былъ плохой человѣкъ — онъ не угодилъ чѣмъ-то барину и, въ примѣръ прочимъ, былъ отданъ въ рекруты безъ зачета.

Въ службѣ Хранонъ попалъ въ «скачки», т. е. верховые пожарной команды въ Москву, и вытребовалъ туда жену; но вскорѣ и тамъ сдѣлалъ что-то нехорошее и бѣжалъ, а покинутая имъ жена, имѣя нравъ тихій и робкій, убоялась колдовратностей столичной жизни и возвратилась въ Орель. Здѣсь она тоже не нашла на старомъ мѣстѣ никакой опоры и, гонимая нуждою, пришла къ Головану. Тотъ, разумеется, ее тотчасъ же принялъ и помѣстилъ у себя въ одной и той же просторной горницѣ, гдѣ жили его сестры и мать. Какъ мать и сестры Голована смотрѣли на водвореніе Павлы, — я доподлинно не знаю, но водвореніе ея въ ихъ домъ не носило никакой распри. Всѣ женщины жили между собою очень дружно и даже очень любили бѣдную Павлагеюшку, а Голованъ всѣмъ имъ оказывалъ равную внимательность, а особенное почтеніе оказывалъ только матери, которая была уже такъ стара, что онъ лѣтомъ выносилъ ее на рукахъ и сажалъ на солнышко какъ больного ребенка. Я помню, какъ она «заходила» ужаснымъ кашлемъ и все молилась «о прибраніи».

Всѣ сестры Голована были пожилыя дѣвушки и всѣ помогали брату въ хозяйствѣ: онѣ убирали и доили коровъ, ходили за курами и пряли необыкновенную пряжу, изъ которой потомъ ткали необыкновенныя же и никогда мною послѣ этого не виданныя ткани. Пряжа эта называлась очень некрасивымъ словомъ «полѣвки». Матеріалъ для нея приносилъ откуда-то въ кулъкахъ Голованъ, и я видѣлъ и помню этотъ матеріалъ: онъ состоялъ изъ небольшихъ суковатыхъ обрывочковъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ нитей. Каждый обрывочекъ былъ длиною отъ вершка до четверти аршина, и на каждомъ такомъ обрывочкѣ непременно былъ болѣе или менѣе толстый узелокъ, или сучокъ. Откуда Голованъ бралъ эти обрывки — я не знаю, но очевидно, что это былъ фабричный отбросъ. Такъ мнѣ и говорили его сестры.

— Это, — говорили: — миленькій, гдѣ бумагу прядуть и ткуть, такъ — какъ до такого узелка дойдуть, сорвуть его да на полъ и *сплюнуть*, потому что онъ въ берда не идетъ, а братецъ ихъ собираетъ, а мы изъ нихъ вотъ тепленькія одѣяльца дѣлаемъ.

Я видаль какъ онѣ всѣ эти обрывки нитей терпѣливо разбирали, связывали ихъ кусочекъ съ кусочкомъ, наматывали образовавшуюся такимъ образомъ пеструю, разноцвѣтную нить на длинныя шпули; потомъ ихъ трастили, ссучивали еще толще, растягивали на колышкахъ по стѣбѣ, сортировали что-нибудь одноцвѣтное для каемъ, и, наконецъ, ткали изъ этихъ «полѣвокъ» черезъ особое бердо «полѣвковыя одѣяла». Одѣяла эти съ виду были похожи на пынѣшнія байковыя: такъ же у каждаго изъ нихъ было по двѣ каймы, но само полотно всегда было мрамористое. Узелки въ нихъ какъ-то сглаживались отъ ссучиванья и хотя были, разумѣется, очень замѣтны, но не мѣшали этимъ одѣяламъ быть легкими, теплыми и даже иногда довольно красивыми. Притомъ же они продавались очень дешево, — меньше рубля за штуку.

Эта кустарная промышленность въ семьѣ Голована шла безъ остановки и онъ, вѣроятно, находилъ сбытъ полѣвковымъ одѣяламъ безъ затрудненія.

Павлагеюшка тоже вязала и сучила полѣвки и ткала одѣяла, но, кромѣ того, она, по усердію къ пріютившей ее семьѣ, несла еще всѣ самыя тяжелыя работы въ домѣ: хо-

дила подь кручу на Орликъ за водою, носила тощиво и прочее, и прочее.

Дрова уже и тогда въ Орлѣ были очень дороги, и бѣдные люди отапливались то гречневою лузгою, то навозомъ, а послѣднее требовало большой заготовки.

Все это и дѣлала Павла своими тонкими руками, въ вѣчномъ молчаніи, глядя на свѣтъ Божій изъ-подъ своихъ персидскихъ бровей. Знала ли она, что ея имя «грѣхъ»,— я не свѣдущъ, но таково было ея имя въ народѣ, который твердо стоитъ за выдуманныи имъ клички. Да и какъ иначе: гдѣ женщина, любящая, живетъ въ домѣ у мужчины, который ее любилъ и искалъ на ней жениться,—тамъ, конечно, грѣхъ. И дѣйствительно, въ то время, когда я ребенкомъ видалъ Павлу, она единогласно почиталась Головановымъ «грѣхомъ», но самъ Голованъ не утрачивалъ черезъ это ни малѣйшей доли общаго уваженія и сохранялъ прозвище «несмертельнаго».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

«Несмертельнымъ» стали звать Голована въ первый годъ, когда онъ поселился въ одиночествѣ надъ Орликомъ съ своею «ермоловскою коровою» и ея теленкомъ. Поводомъ къ тому послужило слѣдующее исполнѣе достовѣрное обстоятельство, о которомъ никто не вспомнилъ во время недавней «прокофьевской» чумы. Было въ Орлѣ обычное лихолѣтье, а въ февралѣ на день св. Агаѣи Коровницы по деревнямъ какъ надо побѣжала «коровья смерть». Шло это, яко тому обычай есть и какъ пишется въ универсальной книгѣ иже глаголется: *Прогладный вертоградъ*: «Какъ лѣто сканчевается, а осень приближается, тогда вскорѣ моровое повѣтріе начинается. А въ то время надобе всякому человѣку на всемогущаго Бога упованіе возлагати и на пречистую Егѡ Матерь и силою честнаго креста ограждатися и сердце свое воздержати отъ кручины и отъ ужаси и отъ тяжелой думы, ибо черезъ сіе сердце человѣческое умалается и скоро порса и изва прилѣпляется,—мозгъ и сердце захватитъ, ослабѣетъ человѣка и борзо умретъ». Было все это тоже при обычныхъ картинахъ нашей природы, «когда стають въ осень туманы густые и темные и вѣтеръ съ полуденной страны и послѣди дожди и отъ солнца воскуреніе земли, и тогда надобе на вѣтръ не хо-

дти, а сидѣти во избѣ въ топленой и огонь не отворяти, а добро бы чтобы въ томъ градѣ ни жпти, и изъ того граду отходити въ мѣста чистыя». Когда, т.-е. въ какомъ именно году послѣдовалъ моръ, прославившій Голована «несмертельнымъ» — этого я не знаю. Такими мелочами тогда сильно не занимался и изъ-за нихъ не поднимали шума, какъ вышло изъ-за Наума Прокофьева. Мѣстное горе въ своемъ мѣстѣ и кончалось, усмиряемое однимъ упованiемъ на Бога и Его пречистую Матерь, и развѣ только въ случаѣ сильнаго преобладанiя въ какой-нибудь мѣстности досужаго «интеллигента» принимались своеобразныя оздоравлиющiя мѣры: «во дворѣхъ огонь раскладали ясный, дубовымъ дровомъ, дабы дымъ расходился, а въ избахъ курили пельнею и можжевельновыми дровами и лiствiемъ рутовымъ». Но все это могъ дѣлать только интеллигентъ и притомъ при хорошемъ зажиткѣ, а смерть борзо брала не интеллигента, но того, кому ни въ избѣ топленой сидѣть некогда, да и дровомъ дубовымъ раскрытый дворъ топить не по силамъ. Смерть шла объ руку съ голодомъ и другъ друга поддерживали. Голодающiе побирались у голодающихъ, больные умирали «борзо», т.-е. скоро, что крестьянину и выгоднѣе. Долгихъ томленiй не было, не было слышно и выздоравливающихъ. Кто заболѣлъ, тотъ «борзо» и померъ, *кромя одного*. Какая это была болѣзнь, — научно не опредѣлено, но народно ее звали «пазуха», или «вередъ», или «жмыховой пупырухъ», или даже просто «пупырухъ». Началось это съ хлѣбородныхъ уѣздовъ, гдѣ, за немнѣишемъ хлѣба, ѣли конопляный жмыхъ. Въ карачевскомъ и брянскомъ уѣздахъ, гдѣ крестьяне мѣшали горсть непросѣвной мучи съ толченой корою, была болѣзнь иная, тоже смертоносная, но не пупырухъ. «Пупырухъ» показался сначала на скотѣ, а потомъ передавался людямъ. «У человѣка подъ пазухами или на шеѣ садится болячка червенна и въ тѣлѣ колотье почюеть, и внутри негасимое горячество или во удесѣхъ нѣкая студеность, и тяжкое воздыханiе и не можетъ воздыхати—духъ въ себя тянетъ и наки воспускаетъ; сонъ найдетъ, что не можетъ перестать спать; явится горесть, кислотъ и блеванiе; въ лицѣ человѣкъ смѣнитъ, станетъ образомъ глиностенъ и борзо помираетъ». Можетъ-быть это была сибирская язва, можетъ-быть какая-нибудь другая язва, но только она была губительна и безпощадна,

а самое распространенное названіе ей, опять повторяю, было «пунырухъ». Вскочить на тѣлѣ прыщъ, или по-простовародному «пунырушекъ», зажелтоголовится, вокругъ зардѣеть и къ суткамъ начинаеть мясо отгнивать, а потомъ борзо и смерть. Скорая смерть представлялась, впрочемъ, «въ добрыхъ видахъ». Кончина приходила тихая, не мучительная, самая крестьянская, только всеѣмъ помиравшимъ до послѣдней минутки хотѣлось пить. Въ этомъ и былъ весь не долгій и не утомительный ухоль, котораго требовали, или, лучше сказать, вымаливали себѣ больные. Однако, ухоль за ними даже въ этой формѣ быть не только опасно, но почти невозможно, — человекъ, который сегодня подавалъ пить заболѣвшему родичу, — завтра самъ заболѣвалъ «пунырухомъ», и въ домѣ нерѣдко ложились два и три покойника рядомъ. Остальные въ осиротѣлыхъ семьяхъ умирали безъ помощи, — безъ той единственной помощи, о которой заботится нашъ крестьянинъ, «чтобы было кому подать напитокъ». Вначалѣ такой сирота поставитъ себѣ у изголовья ведро съ водою и черпаеть ковшкомъ, пока рука поднимается, а потомъ ссучитъ изъ рукава или изъ подола рубашки соску, смочитъ ее, сунеть себѣ въ ротъ, да такъ съ ней и заостенѣеть.

Большое личное бѣдствіе — плохой учитель милосердія. По крайней мѣрѣ, оно нехорошо дѣйствуетъ на людей обыкновенной, заурядной нравственности, невозвышающейся за черту простого состраданія. Оно притупляетъ чувствительность сердца, которое само тяжело страдаетъ и полно ощущенія собственныхъ мученій. Зато въ этикія горестныя минуты общаго бѣдствія среда народная выдвигаетъ изъ себя героевъ великодушія, людей безстрашныхъ и самоотверженныхъ. Въ обыкновенное время они не видны и часто ничѣмъ не выдѣляются изъ массы; но наскочить на людей «пунырушекъ», и народъ выдѣляетъ изъ себя избранника и тотъ творитъ чудеса, которыя дѣлають его лицомъ мнѣшескимъ, баснословнымъ, «несмертельнымъ». Голованъ былъ изъ такихъ и въ первый же моръ превзошелъ и затмилъ въ народномъ представленіи другого дѣшнiаго замѣчательнаго человека, куца Ивана Ивановича Андросова. Андросовъ былъ честный старикъ, котораго уважали и любили за доброту и справедливость, ибо онъ «близко-помощень» былъ ко всеѣмъ народнымъ бѣдствіямъ.

Помогалъ онъ и въ «мору» потому, что имѣлъ списаннымъ «врачеваніе» и «все оное переписывалъ и множилъ». Списанія эти у него брали и читали по разнымъ мѣстамъ, но повясть не могли и «приступить не знали». Писано было: «аще болячка явится поверхъ главы или иномъ мѣстѣ выше пояса,—пуцай много кровь изъ медианы; аще явится на челѣ, то пуцай скоро кровь изъ-подъ языка; аще явится подлѣ ушей и подъ бородою, пуцай изъ сефалиевы жилы, аще же явится подъ пазухами, то значитъ сердце больно, и тогда въ той сторонѣ медианъ отворяй». На всякое мѣсто, «гдѣ тягостно услышишь», расписано было, какую жилу отворять «саоенову» или «противъ большого перста, или жилу спатику, полуматику, или жилу базнку» съ «наказомъ пуцать изъ нихъ кровь течи дондеже зелена станетъ и перемѣнится». А лѣчить еще «левкаремъ да антелемъ, печатною землею, да землею арменскою; виномъ малмозею, да водкой буглосовою, вирианомъ виницейскимъ, митридатомъ да сахаромъ монюсъ-кристи», а входящимъ къ больному «держатъ во рту дягилева корнѣе, а въ рукахъ — пельня, а ноздри сворбориповымъ уксусомъ помазаны и губу въ укусу мочену жохоть». Никто ничего въ этомъ повясть не могъ, точно въ казенномъ указѣ, въ которомъ писано и переписано, то туда, то сюда и «въ дву потомужъ». Ни жилъ такихъ не находили, ни вина малмозен, ни земли арменской, ни водки буглосовой, и читали люди списанія добраго старичка Андросова болѣе только для «утоли моя печали». Примѣнять же изъ нихъ могли одни заключительныя слова: «а гдѣ бываетъ моръ и въ тѣ мѣста ненадобе ходить, а отходити прочь». Это и соблюдали во множествѣ, и самъ Иванъ Ивановичъ держалъ тое жъ правило, и сидѣлъ въ избѣ топленой и раздавалъ врачевныя списанія въ подворотенку, задерживая въ себѣ духъ и держа во рту дягиль-корень. Къ больнымъ можно было безопасно входить только тѣмъ, у кого есть оленьи слезы или *безоаръ* камень; но ни слезъ оленьихъ, ни камня безоара у Ивана Ивановича не было, въ аптекахъ на Болховской улицѣ камень, хотя, можетъ-быть, и водился, но аптекаря были—одинъ изъ поляковъ, а другой нѣмецъ,—къ русскимъ людямъ надлежащей жалости не имѣли и безоаръ камень для себя берегли. Это было вполнѣ достоверно потому, что одинъ изъ двухъ орловскихъ аптекарей

какъ потерялъ свой безоаръ, такъ сейчасъ же на дорогѣ у него стали уши желтѣть, око одно ему противъ друго убавилось и онъ сталъ дрожать и хоша желалъ вспотѣть и для того велѣлъ себѣ дома къ подошвамъ каленый кирпичъ положить, однако не вспотѣлъ, а въ сухой рубахѣ умеръ. Множество людей искали потерянный антекаремъ безоаръ, и кто-то его нашель, только не Иванъ Ивановичъ, потому что онъ тоже умеръ.

И вотъ въ это-то ужасное время, когда интеллигенты отирались уксуомъ и не испускали духу, по бѣднымъ слободскимъ хибаркамъ еще ожесточеннѣе пошелъ «пупырухъ»; люди начали здѣсь умирать «соплюш и безъ всякой помощи» — и вдругъ тамъ на нивѣ смерти появился съ изумительнымъ безстрашиемъ Голованъ. Онъ, вѣроятно, зналъ или думалъ, будто знаетъ какую-то медицину, потому что клалъ на опухоли больныхъ своего приготовления «кавказскій пластырь»; но этотъ его кавказскій, или ермоловскій, пластырь помогать плохо. Пупыруховъ Голованъ не вылѣчивалъ такъ же какъ и Андросовъ, но зато велика была его услуга больнымъ и здоровымъ въ томъ отношеніи, что онъ безбоязненно входилъ въ зачумленные лачуги и понлъ зараженныхъ не только свѣжею водою, но и снятымъ молокомъ, которое у него оставалось изъ-подъ клубныхъ сливокъ. Утромъ рано до зари переправлялся онъ на снятыхъ съ петель сарайныхъ воротнищахъ черезъ Орликъ (лодки здѣсь не было) и съ бутылками за необъятнымъ нѣдромъ шнырялъ изъ лачужки въ лачужку, чтобы промочить изъ скляницы засохшія уста умирающихъ, или поставить мѣломъ крестъ на двери, если драма жизни здѣсь уже кончилась и занавѣсъ смерти закрылась надъ послѣднимъ изъ актеровъ.

Съ этихъ поръ доселѣ малоизвѣстнаго Голована широко узнали во всѣхъ слободахъ и началось къ нему большое народное тяготѣніе. Имя его, прежде знакомое прислугѣ дворянскихъ домовъ, стали произносить съ уваженіемъ въ народѣ; начали видѣть въ немъ человѣка, который не только можетъ «заступить умершаго Ивана Ивановича Андросова, а даже болѣе его означать у Бога и у людей». А самому безстрашию Голована не умедлили подыскать сверхъестественное объясненіе: Голованъ, очевидно, что-то зналъ, и въ силу такого знахарства онъ былъ «*несмертельный*»...

Позже оказалось, что это такъ именно и было: это помогъ всѣмъ разъяснить пастухъ Панька, который видѣлъ за Голованомъ вещь невѣроятную, да подтверждалось это и другими обстоятельствами.

Язва Голована не касалась. Во все время, пока она свѣршиствовала въ слободахъ, ни самъ онъ, ни его «ермоловская» корова съ бычкомъ ничѣмъ не заболѣли; но этого мало: самое важное было то, что онъ обманулъ и извелъ, или, держась мѣстнаго говора, «пзништожилъ» саму язву, и сдѣлать то, не пожалѣвъ теплой крови своей за народушко.

Потерянный аптекаремъ безоаръ-камень былъ у Голована. Какъ онъ ему достался — это было неизвѣстно. Полагали, что Голованъ несъ сливки аптекарю для «обыденной мази» и увидалъ этотъ камень, и утаилъ его. Честно это или не честно было произвести такую утайку, про то строгой критики не было, да и быть не должно. Если не грѣхъ взять и утаить съѣдомое, потому что съѣдомое Богъ всѣмъ дарствуетъ, то тѣмъ паче не предосудительно взять цѣлебное вещество, если оно дано къ общему спасенію. Такъ у насъ судятъ, — такъ и я сказываю. Голованъ же, утаивъ аптекаревъ камень, поступилъ съ нимъ великодушно, пустивъ его на общую пользу всего рода христіанскаго.

Все это, какъ я выше уже сказалъ, обнаружилъ Панька, а общій разумъ мірской это выяснилъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Панька, разноглазый мужикъ съ выщѣтшими волосами, былъ поднаскомъ у пастуха и, кромѣ общей пастушьей должности, онъ еще гонялъ по утрамъ *на росу* переkreциванскихъ коровъ. Въ одно изъ такихъ раннихъ своихъ занятій, онъ и подсмотрѣлъ все дѣло, которое вознесло Голована наверхъ величія народнаго.

Это было по веснѣ, должно-быть вскорѣ послѣ того, какъ выѣхалъ на русскія поля изумрудныя молодой Егорій свѣтлохрабрый, по локоть руки въ красномъ золотѣ, по колѣни ноги въ чистомъ серебрѣ, во лбу солнце, въ тылу мѣсяць, по концамъ звѣзды переходя, а Божій людъ честной-праведный выгналъ встрѣчь ему малъ и крупень скотъ. Травка была еще такъ мала, что овца и коза ею едва-едва наѣдались, а толстогубая корова мало могла захватывать. Но

подъ плетнями въ тѣняхъ и по канавкамъ уже ботвѣли польнь и крапива, которыя съ росой за нужду ѣлися.

Выгналъ Панька перекрещиванскихъ коровъ рано, еще затемно, и прямо бережкомъ около Орлика прогналъ за свободу на полянку, какъ разъ напротивъ конца Третьей Дворянской улицы, гдѣ съ одной стороны по скату шелъ старый, такъ называвшійся «городецкій» садъ, а слѣва на своемъ обрывкѣ лѣпилось Голованово гнѣздо.

Было еще холодно, особенно передъ зарею, по утрамъ, а кому спать хочется, тому еще холоднѣе кажется. Одежда на Панькѣ была, разумѣется, плохая, сиротская, какая-нибудь рвань съ дырой на дырѣ. Парень вертится на одну сторону, вертится на другую, молить, чтобы святой Ѳеодулъ на него тепломъ подулъ, а на мѣсто того все холодно. Только заведетъ глаза, а вѣтерокъ заюлитъ, заюлитъ въ прорѣху, и опять разбудить. Однако, молодая сила взяла свое: натянулъ Панька свитку на себя совсѣмъ сверхъ головы, шалашикомъ, и задремалъ. Часъ какой не разлышалъ, потому что зеленая богоявленская колокольня далеко. А вокругъ нкого, нигдѣ ни одной души человѣческой, только толстыя кунеческія коровы пыхтятъ, да нѣтъ-нѣтъ въ Орликѣ рѣзвый окунь всплеснетъ. Дремлется пастуху и въ дырявой свиткѣ. Но вдругъ, какъ будто что-то его подъ бокъ толкнуло, вѣроятно, зефиръ гдѣ-нибудь еще новую дыру нашель, Панька вскинулся, повель съ просонья глазами, хотѣлъ крикнуть: «куда комолая», и остановился. Показалось ему, что кто-то на той сторонѣ спускается съ кручи. Можетъ-быть воръ хотеть закопать въ глинь что-нибудь краденое. Панька заинтересовался: можетъ-быть, онъ подстережетъ вора и накроетъ его, либо закричитъ ему «чуръ вмѣстѣ», а еще лучше постарается хорошенько замѣтить похоронку, да потомъ перецлыветъ днемъ Орликъ, выкопаеъ и все себѣ безъ раздѣла возьметъ.

Панька воззрился, и все на кручу за Орликъ смотритъ. А на дворѣ еще чуть сѣрѣло.

Вотъ кто-то спускается съ кручи, сошелъ, сталъ на воду и идетъ. Да такъ просто идетъ по водѣ, будто по суху, и не плескаетъ ничѣмъ, а только костьюкомъ подширается. Панька оторопѣлъ. Тогда въ Орлѣ изъ мужского монастыря чудотворца ждали, и голоса уже изъ подполны слышали. Началось это сразу послѣ «Никодимовыхъ похоронъ». Архи-

ерей Никодимъ былъ злой человѣкъ, отличившійся къ концу своей земной карьеры тѣмъ, что, желая имѣть еще одну кавалерію, онъ изъ угодливости сдалъ въ солдаты очень много духовныхъ, между которыми были и единственные сыновья у отцовъ, и даже сами семейные дьячки и понамари. Они выходили изъ города цѣлой партіей, заливаясь слезами. Провожавшіе ихъ также рыдали, и самый народъ, при всей своей нелюбви къ многоовчинному поповскому брюху, плакалъ и подавалъ имъ милостыню. Самому партіонному офицеру было ихъ такъ жалко, что онъ, желая положить конецъ слезамъ, велѣлъ новымъ рекрутамъ запѣть пѣсню, а когда они хоромъ стройно и громко затянули ими же сложенную пѣсню:

Архирей нашъ Никодимъ
Архилютный крокодилъ,

то будто бы и самъ офицеръ заплакалъ. Все это тонуло въ морѣ слезъ, и чувствительнымъ душамъ представлялось зломъ, вопіющимъ на небо. И дѣйствительно—какъ достигло ихъ вошленье до неба, такъ въ Орлѣ пошли «гласы». Сначала «гласы» были не внятные, и неизвѣстно отъ кого шли, но когда Никодимъ вскорѣ послѣ этого умеръ и былъ погребенъ подъ церковью, то пошла явная рѣчь отъ прежде его погребеннаго тамъ епископа (кажется Аполлоса). Прежде отшедшій епископъ былъ недоволенъ новымъ сосѣдствомъ и, ничѣмъ не стѣняясь, прямо говорилъ: «возьмите вонъ отсюда это падло, душно мнѣ съ нимъ». И даже угрожалъ, что если «падло» не уберутъ, то онъ самъ «уйдетъ и въ другомъ городѣ явится». Это многіе люди слышали. Какъ, бывало, пойдутъ въ монастырь ко всенощной и, отстоявъ службу, идутъ назадъ, имъ и слышно; стонетъ старый архіерей: «возьмите падло». Всѣмъ очень желалось, чтобы заявленіе добраго покойника было исполнено, но не всегда внимательное къ нуждамъ народа начальство не выбрасывало Никодима и явно открывавшійся угодникъ всякую минуту могъ «сойти съ двора».

Вотъ не что иное, какъ это самое, теперь и происходило: угодникъ уходитъ, и видитъ его только одинъ бѣдный пастишокъ, который такъ отъ этого растерялся, что не только не задержалъ его, но даже не замѣтилъ, какъ святой уже и изъ глазъ у него пропалъ. На дворѣ же только чутъ

начало свѣтать. Со свѣтомъ къ человѣку прибываетъ смѣлости, съ смѣлостью усиливается любознательность. Панька захотѣлъ подойти къ самой водѣ, черезъ которую только что прослѣдовало таинственное существо; но едва онъ подошелъ, какъ видитъ тутъ мокрая воротнища къ берегу шестомъ приткнуты. Дѣло выяснилось: значить это не угодникъ прослѣдовалъ, а просто проплылъ несмертельный Голованъ: вѣрно, онъ пошелъ какихъ-нибудь обезродѣвшихъ ребятишекъ изъ нѣдра молочкомъ привѣтитъ. Панька подивился: когда этотъ Голованъ и спитъ!.. Да и какъ онъ, этакой мужичище, плаваетъ на этакой посудинѣ, — на половникѣ воротъ? Правда, что Орликъ рѣка не великая и воды его, захваченныя пониже запрудю, тихи какъ въ лужѣ, но все-таки каково это на воротахъ плавать?

Панькѣ захотѣлось самому это попробовать. Онъ сталъ на воротца, взялъ шестикъ, да, шая, и переѣхалъ на ту сторону, а тамъ сошелъ на берегъ Головановъ домъ посмотреть, потому что уже хорошо забрезжило, а между тѣмъ Голованъ въ ту минуту и кричитъ съ той стороны: «Эй! кто мои ворота угналъ! назадъ давай!»

Панька былъ малый не большой отваги и не приученъ былъ рассчитывать на чье-либо великодушіе, а потому испугался и сдѣлалъ глупость. Въмѣсто того, чтобы подать Головану назадъ его плоть, Панька взялъ да и схоронился въ одну изъ глиняныхъ ямокъ, которыхъ тутъ было множество. Залегъ Панька въ яминку, и сколько его Голованъ ни звалъ съ той стороны, онъ не показывается. Тогда Голованъ, видя, что ему не достать своего корабля, сбросилъ тулупъ, раздѣлся до нага, связалъ весь свой гардеробъ ремнемъ, положилъ на голову и поплылъ черезъ Орликъ. А вода была еще очень холодна.

Панька объ одномъ заботился, чтобы Голованъ его не увидалъ и не побилъ; но скоро его вниманіе было привлечено къ другому. Голованъ переплылъ рѣку и началъ-было одѣваться, но вдругъ присѣлъ, глянулъ себѣ подъ лѣвое колѣно и остановился.

Было это такъ близко отъ яминки, въ которой прятался Панька, что ему все было видно изъ-за глыбинки, которою онъ могъ закрываться. И въ это время уже было совсѣмъ свѣтло, заря уже румянѣла, и хотя большинство горожанъ еще спали, но подъ городецкимъ садомъ появился молодой

парень съ косою, который началъ окрашивать и складывать въ плетушку крапиву.

Голованъ замѣтилъ косаря и, вставъ на ноги въ одной рубахѣ, громко крикнуть ему:

— Малець, дай скорѣй косу!

Малець принесъ косу, а Голованъ говорить ему:

— Поди мнѣ большой лопухъ сорви,—и какъ парень отъ него отвернулся, онъ снялъ косу съ косья, прпелъ опять на корточки, оттянулъ одною рукою нкру у ноги, да въ одинъ махъ всю ее и отрѣзалъ прочь. Отрѣзанный шмать мяса величиною въ деревенскую лепешку швырнулъ въ Орликъ, а самъ зажалъ рану обѣими руками и повалился.

Увидѣвъ это, Панька про все позабылъ, выскочилъ и сталъ звать косаря.

Парни взяли Голована и перетащили къ нему въ избу, а онъ здѣсь пришелъ въ себя, велѣлъ достать изъ коробки два полотенца и скрутить ему порѣзъ какъ можно крѣпче. Они стянули его изо всей силы, такъ что кровь перестала.

Тогда Голованъ велѣлъ имъ поставить около него ведро съ водою и ковшикъ, а самимъ идти къ своимъ дѣламъ, и никому про то, что было, не сказывать. Они же пошли и, трясясь отъ ужаси, всѣмъ рассказали. А услышавшіе про это сразу догадались, что Голованъ это сдѣлалъ не спроста, а что онъ, такимъ образомъ, изболясь за людей, бросилъ извѣ шмать своего тѣла на тотъ конецъ, чтобы онъ прошелъ жертвницей по всѣмъ русскимъ рѣкамъ изъ малаго Орлика въ Оку, изъ Оки въ Волгу по всей Руси великой до широкаго Каспія, и тѣмъ Голованъ за всѣхъ отстрадалъ, а самъ онъ отъ этого не умреть, потому что у него въ рукахъ аптекаревъ живой камень и онъ человекъ «несмертельный».

Сказъ этотъ пришелъ всѣмъ по мысли да и предсказаніе оправдалось: Голованъ не умеръ отъ своей страшной раны. Лихая же хвороба послѣ этой жертвы, дѣйствительно, прекратилась и настали дни успокоенія: поля и луга уключились густой зеленью и привольно стало по нимъ разбзгать молодому Егорію свѣтло-храброму, по локоть руки въ красномъ золотѣ, по колѣни ноги въ чистомъ серебрѣ, во лбу солнце, въ тылу мѣсяцъ, а по концамъ звѣзды переходя. Отбѣились холсты свѣжею юрьевой росою, выѣхалъ вмѣсто витязя Егорія въ поле Іеремія пророкъ съ тяжелымъ

ярмомъ, волоча сохи да бороны, засвистали соловьи въ Борисовъ день, утѣная мученика, стараніями святой Мавры засинѣла крѣпкая расада, прошелъ Зосима святой съ долгимъ костылемъ, въ набалдашникѣ пчелиную матку пронесъ; минулъ день Ивана Богословца «Николина багюшки» и самъ Никола отпразднованъ, и сталъ на дворѣ Симонъ Зилоть, когда земля именинница. На землины именины Голованъ вылъзъ на завалинку, и съ той поры мало-помалу ходить началъ и снова за свое дѣло принялся. Здоровье его, повидимому, нимало не пострадало, но только онъ «шкандыбать» сталъ,—на лѣвую ножку подирыгиваль.

О трогательности и отвагѣ его кроваваго надъ собою поступка, люди, вѣроятно, имѣли высокое мнѣніе, но судили о немъ такъ, какъ я сказалъ: естественныхъ причинъ ему не донскивались, а, окутавъ все своею фантазіею, сочинили изъ естественнаго событія баснословную легенду, а изъ простого, великодушнаго Голована сдѣлали мнѣшеское лицо, что-то въ родѣ волхва, кудесника, который обладалъ neodолжимымъ талисманомъ и могъ на все отважиться и нигдѣ не погибнуть.

Зналъ или не зналъ Голованъ, что ему присвоивала такія дѣла людская молва, — мнѣ неизвѣстно. Однако, я думаю, что онъ зналъ, потому что къ нему очень часто обращались съ такими просьбами и вопросами, съ которыми можно обращаться только къ доброму волшебнику. И онъ на многіе такіе вопросы давалъ «помогательные совѣты», и вообще ни за какой спросъ не сердился. Бывалъ онъ по слободамъ и за коровьяго врача, и за людского лѣкаря, и за инженера, и за звѣздоточія, и за аптекаря. Онъ умѣлъ сводить шелуди и коросту, опять-таки какою-то «ермоловской мазью», которая стоила одинъ мѣдный грошъ на трехъ человекъ; выщипаль соленымъ огурцомъ жаръ изъ головы; зналъ, что травы надо собирать съ Ивана до полу-Петра, и отлично «воду показываль», то-есть гдѣ можно колодець рыть. Но это онъ могъ, впрочемъ, не во всякое время, а только съ начала іюня до св. Ѳедора Колодезника, пока «вода въ землѣ слышно какъ идетъ по суставчикамъ». Могъ Голованъ сдѣлать и все прочее, что только человекъ надо, но на остальное у него передъ Богомъ былъ зарокъ данъ за то, чтобы пушырухъ остановился. Тогда онъ это кровью своею подтвердилъ и держаль крѣпко-на-крѣпко. За то его

и Богъ любить и миловать, а деликатный въ своихъ чувствахъ народъ никогда не просилъ Голована о чемъ ненадобно. По народному этикету это такъ у насъ принято.

Головану, впрочемъ, столь не тягостно было отъ мистическаго облака, которымъ повивала его народная fama, что онъ не употреблялъ, кажется, никакихъ усилій разрушить все, что о немъ сложилось. Онъ зналъ, что это напрасно.

Когда я съ жадностью пробѣгалъ листы романа Виктора Гюго «Труженики моря» и встрѣтилъ тамъ Жильята, съ его гениально очерченной строгостью къ себѣ и снисходительностію къ другимъ, достигшей высоты совершеннаго самоотверженія, я былъ пораженъ не однимъ величіемъ этого облика и сплюю его изображенія, но также и тождествомъ гернсейскаго героя съ живымъ лицомъ, котораго я зналъ подъ именемъ Голована. Въ нихъ жилъ одинъ духъ и блился самоотверженнымъ боемъ сходныя сердца. Немного различись они и въ своей судьбѣ: во всю жизнь вокругъ нихъ густѣла какая-то тайна, именно потому, что они были слишкомъ чисты и ясны и какъ одному, такъ и другому не выпало на долю ни одной капли личнаго счастья.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Голованъ, какъ и Жильятъ, казался «сумшитель въ вѣрѣ». Думали, что онъ былъ какой-нибудь раскольникъ, но это еще не важно, потому что въ Орлѣ въ то время было много всякаго разновѣрія: тамъ были (да вѣрно и теперь есть) и простые старовѣры, и старовѣры не простые, — и едосѣвцы, «пиппоны», и перекрещиванцы, — были даже хлысты, и «люди Божіи», которыхъ далеко высылали судомъ человѣческимъ. Но все эти люди крѣпко держались своего стада и твердо порицали всякую иную вѣру, — обились другъ отъ друга въ молитвѣ и яденіи, и одинъ себя разумѣли на «нути правомъ». Голованъ же велъ себя такъ, какъ будто онъ даже совсѣмъ не зналъ ничего настоящаго о наилучшемъ нути, а ломалъ хлѣбъ отъ своей краюхи безъ разбору каждому, кто просилъ, и самъ садился за чей угодно столъ, гдѣ его приглашали. Даже жиду Юшкѣ изъ гарнизона онъ давалъ для дѣтей молока. Но нехристіанская сторона этого послѣдняго поступка по любви народа къ Головану нашла себѣ кое-какое извиненіе: люди про-

никли, что Голованъ, задабривая Юшку, хотѣлъ добыть у него тщательно сохраняемая евреями «іудины губы», которыми можно передъ судомъ отолгаться, или «волосатый овощъ», который жидамъ жажду тушить, такъ что они могутъ вина не пить. Но что совѣмъ было непонятно въ Голованѣ, это то, что онъ водился съ мѣдникомъ Антономъ, который пользовался въ разсужденіи всѣхъ настоящихъ качествъ самою плохою репутаціею. Этотъ человекъ ни съ кѣмъ не соглашался въ самыхъ священныхъ вопросахъ, а выводилъ какіе-то таинственные зодіи и даже что-то сочинялъ. Жилъ Антонъ въ слободѣ, въ пустой горенкѣ на чердачкѣ, платя по полтинѣ въ мѣсяцъ, но держалъ тамъ такія страшныя вещи, что къ нему никто не заходилъ, кромѣ Голована. Извѣстно было, что Антонъ имѣлъ здѣсь планъ, рекомый «зодіи»; и стекло, которымъ «съ солнца огонь изводилъ»; а кромѣ того, у него былъ лазъ на крышу, куда онъ выгѣзалъ ночами наружу, садился какъ котъ у трубы, «выставлялъ плезирную трубку» и въ самое сонное время на небо смотрѣлъ. Приверженность Антона къ этому инструменту не знала предѣловъ, особенно въ звѣздныя ночи, когда ему видны были всѣ зодіи. Какъ только приобѣжитъ отъ хозяина, гдѣ работать мѣдную работу — сейчасъ проскользнетъ черезъ свою горенку и уже лѣзетъ изъ слухового окна на крышу, и если есть на небѣ звѣзды, онъ цѣлыя ночи сидитъ и все смотритъ. Ему это могли бы простить, если бы онъ былъ ученый, или, по крайней мѣрѣ, нѣмецъ, но какъ онъ былъ простой русскій человекъ—его долго отучали, не разъ доставали шестами и бросали навозомъ и дохлой кошкой, но онъ ничему ни внѣмалъ и даже не замѣчалъ, какъ его тычутъ. Всѣ, смѣясь, звали его «Астраномъ», а онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ астрономъ*).

*) Я и мой товарищъ по гимназіи, ниче извѣстный русскій математикъ, К. Д. Краевичъ, знавали этого антика, въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда мы были въ третьемъ классѣ орловской гимназіи и жили вмѣстѣ въ домѣ Лосевыхъ. «Антонъ-астрономъ» (тогда уже преетарѣлый), дѣйствительно, имѣлъ кое-какія понятія о небесныхъ свѣтлкахъ и о законахъ вращенія, но главное, что было интересно: онъ самъ приготавливалъ для своихъ трубъ стекла, отшлифовывая ихъ пескомъ и камнемъ изъ донышекъ толстыхъ хрустальныхъ стакановъ и черезъ нихъ онъ оглядывалъ цѣлое небо... Жилъ онъ нищимъ, но не чувствовалъ своей нищеты, потому что находился въ постоянномъ восторгѣ отъ «зодій».

Человѣкъ онъ былъ тихій и очень честный, но вольнодумецъ: увѣрялъ, что земля вертится и что мы бываемъ на ней внизъ головами. За эту послѣднюю очевидную несообразность Антонъ былъ битъ и признанъ дурачкомъ, а потомъ какъ дурачокъ сталъ пользоваться свободою мышленія, составляющею привилегію этого выгоднаго у насъ званія, и заходилъ до невѣроятнаго. Онъ не признавалъ седьминъ Даніила прореченными на русское царство, говорилъ, что «звѣрь десятирогій» заключается въ одной аллегоріи, а звѣрь медвѣднца—астрономическая фигура, которая есть въ его планахъ. Также онъ вовсе неправославно разумѣлъ о «крылѣ орла», о фіалахъ и о печати антихристовой. Но ему, какъ слабоумному, все это уже прощалось. Онъ былъ не женатъ, потому что ему некогда было жениться и нечѣмъ было бы кормить жену, да и какая же дура рѣшилась бы выйти за астронома? Голованъ же былъ въ полномъ умѣ, но не только водился съ астрономомъ, а и не шутилъ надъ нимъ; ихъ даже видали ночами вмѣстѣ на астрономовой крышѣ, какъ они, то одинъ, то другой, перемѣняясь, посматривали въ плезирную трубку на зодіи. Понятно, что за мысли могли внушать эти двѣ стоящія ночью у трубы фигуры, вокругъ которыхъ работали мечтательное суевѣріе, медицинская поэзія, религіозный бредъ и недоумѣніе... И, наконецъ, сами обстоятельства ставили Голована въ нѣсколько странное положеніе: неизвѣстно было—какого онъ прихода... Холодная хибара его торчала на такомъ отлетѣ, что никакіе духовные стратеги не могли ее присчитать къ своему вѣдѣнію, а самъ Голованъ объ этомъ не заботился, и если его уже очень докучно спрашивали о приходѣ, отвѣчалъ:

— Я изъ прихода Творца-Вседержителя,—а такого храма во всемъ Орлѣ не было.

Жилъятъ, въ отвѣтъ на предлагаемый ему вопросъ, гдѣ его приходъ, только поднималъ вверхъ палецъ и, указавъ на небо, говорилъ:

— «Вонъ тамъ»;—но сущность обоихъ этихъ отвѣтовъ одинакова.

Голованъ любилъ слушать о всякой вѣрѣ, но своихъ мнѣній на этотъ счетъ какъ будто не имѣлъ, и на случай неотступнаго вопроса: «какъ вѣруешь?»—читалъ:

«Вѣрую во единаго Бога-Отца, вседержителя творца, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ».

Это, разумеется, уклончивость.

Впрочемъ, напрасно бы кто-нибудь подумалъ, что Голованъ былъ сектантъ, или бѣжалъ церковности. Нѣтъ, онъ даже ходилъ къ отцу Петру въ Борисоглѣбскій соборъ «совѣсть повѣрять». Придетъ и скажетъ:

— Посрамите меня, батюшка, что-то себѣ очень не правлюсь.

Я помню этого отца Петра, который къ намъ хаживалъ и однажды, когда мой отецъ сказалъ ему къ какому-то слову, что Голованъ, кажется, человѣкъ превосходной совѣсти, то отецъ Петръ отвѣчалъ:

— Не сомнѣвайтесь; его совѣсть снѣга бѣлѣй.

Голованъ любилъ возвышенныя мысли и зналъ *Попте*, но не такъ, какъ обыкновенно знаютъ писателя люди, *прочитавшіе* его произведеніе. Нѣтъ; Голованъ, одобрявъ «Опытъ о человѣкѣ», подаренный ему тѣмъ же Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, зналъ всю поэмъ *наизусть*. И я помню, какъ онъ, бывало, слушаетъ, стоя у притолки, разсказъ о какомъ-нибудь новомъ грустномъ происшествіи и, вдругъ вздохнувъ, отвѣчаетъ:

«Любезный Болпнброкъ, гордыня въ насъ одна
«Всѣхъ заблужденій сихъ нестовыхъ вина».

Читатель напрасно сталъ бы удивляться, что такой человѣкъ, какъ Голованъ, перекидывался стихами *Попте*. Тогда было время жестокое, но поэзія была въ модѣ, и ея великое слово было дорого даже мужамъ кровей. Отъ господъ это снисходило до плебея. Но теперь я дохожу до самаго большого казуса въ исторіи Голована, — такого казуса, который уже несомнѣнно бросалъ на него двусмысленный свѣтъ, даже въ глазахъ людей, не склонныхъ вѣрить всякому вздору. Голованъ представлялся нечистымъ въ какомъ-то отдаленномъ прошломъ. Это оказалось вдругъ, но въ самыхъ рѣзкихъ видахъ. Появилась на стогнахъ Орла личность, которая ни въ чьихъ глазахъ, ничего не значила, но на Голована заявляла могущественныя права и обходилась съ нимъ съ невѣроятною наглостію.

Эта личность и исторія ея появленія есть довольно характерный эпизодъ изъ исторіи тогдашнихъ нравовъ и не лишенная колорита бытовая картинка. А потому — прошу минуточку вниманія въ сторону, — немножко вдаль отъ Орла,

въ края еще болѣе теплые, къ тихоструйной рѣкѣ въ ковровыхъ берегахъ, на народный «ширъ вѣры», гдѣ пѣтъ мѣста дѣловой, будничной жизни; гдѣ все, — *рѣшительно все*, проходитъ черезъ своеобычную религіозность, которая и придаетъ всему свою особенную рельефность и живость. Мы должны побывать при открытіи мощей новаго угодника, что составляло для самыхъ разнообразныхъ представителей тогдашняго общества событіе величайшаго значенія. Для простого же народа это была эпопея, или, какъ говорилъ одинъ тогдашній витія, — «свершался священный ширъ вѣры».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Такого движенія, которое началось ко времени открытія торжества, не можетъ передать ни одно изъ напечатанныхъ въ то время сказаній. Живая, но низменная дѣла сторона отъ нихъ уходила. Это не было нынѣшнее спокойное путешествіе въ почтовыхъ экипажахъ или по желѣзнымъ дорогамъ съ остановками въ благоустроенныхъ гостиницахъ, гдѣ есть все нужное и за сходную цѣну. Тогда путешествіе было подвигомъ и въ этомъ случаѣ благочестивымъ подвигомъ, котораго, впрочемъ, и стоило ожидаемое торжественное событіе въ церкви. Въ немъ было такъ же много поэзіи, — и опять-таки особенной, — нестрой и проникнутой разнообразными переживаниями церковно-бытовой жизни, ограниченной народной пассивности и безконечныхъ стремленій живого духа.

Изъ Орла къ этому торжеству отправилось множество народа. Больше всего, разумѣется, усердствовало кучество, но не отставали и средней руки помѣщики, особенно же валялъ простой народъ. Эти шли пѣшкомъ. Только тѣ, кто везъ «для цѣльбы» немощныхъ, тапунись на какой-нибудь клячекѣ. Иногда, впрочемъ, и немощныхъ везли *на себя* и даже не очень тѣмъ тяготились, потому что съ немощныхъ на постоянныхъ дворахъ за все брали дешевле, а иногда даже и совсѣмъ пускали безъ платы. Было не мало и такихъ, которые нарочно на себя «болѣзни сказывали: подъ лобъ очи цуцали, и двое третьяго, по перемѣнкамъ, на колесенькахъ везли, чтобы имать доходъ жертвенный на воскъ и на масло, и на другіе обряды».

Такъ я читалъ въ сказаніи не печатанномъ, но вѣр-

номъ спланномъ не по шаблону, а съ «живого видѣнія», и человѣкомъ, предпочитавшимъ правду тенденціозной лживости того времени.

Движеніе было такое многолюдное, что въ городахъ Ливнахъ и въ Ельцѣ, черезъ которые лежалъ путь, не было мѣсть ни на постоялыхъ дворахъ, ни въ гостиницахъ. Случалось, что важные и именитые люди ночевали въ своихъ каретахъ. Овесъ, сѣно, крупа—все по тракту поднялось въ цѣнѣ, такъ что, по замѣчанію моей бабушки, воспоминаніями которой я пользуюсь, съ этихъ поръ въ нашей сторонѣ, чтобы накормить человѣка студенемъ, щами, бараниной и кашей, стали брать на дворахъ по пятьдесятъ двѣ копейки (то-есть пятнадцатый), а до того брали двадцать пять (или $7\frac{1}{2}$ коп.). По нынѣшнему времени,—конечно, и пятнадцатый—цѣна совершенно невѣроятная, однако, это такъ было, и открытіе мощей новаго угодника въ подъемѣ цѣнности на жизненные припасы имѣло для прилегающихъ мѣсть такое же значеніе, какое въ недавніе годы имѣлъ для Петербурга пожаръ мстинскаго моста. «Цѣна вскочила и такая и осталась».

Изъ Орла, въ числѣ прочихъ наломниковъ, отправилось на открытіе семейство купцовъ С—хъ, людей въ свое время очень извѣстныхъ «ссыпщиковъ», то-есть проще сказать крупныхъ кулаковъ, которые ссыпаютъ въ амбары хлѣбъ съ возовъ у мужиковъ, и потомъ продаютъ свои «ссыпки» оптовымъ торговцамъ въ Москву и въ Ригу. Это прибыльное дѣло, которымъ послѣ освобожденія крестьянъ было не погнушались и дворяне; но они любили долго спать и скоро горькимъ опытомъ дознали, что даже къ глупому кулачному дѣлу они неспособны. Купцы С. считались, по своему значенію, первыми ссыпщиками и важность ихъ простиралась до того, что дому ихъ вмѣсто фамиліи была дана возвышающая кличка. Домъ былъ, разумѣется, строго благочестивый, гдѣ утромъ молились, цѣлый день тѣснили и обирали людей, а потомъ вечеромъ опять молились. А ночью псы цѣпями по канатамъ гремятъ и во всѣхъ окнахъ—«лампадъ и сіяніе», громкій храпъ и чинибудь жгучія слезы.

Правиль домою, по нынѣшнему, сказали бы «основатель фирмы», а тогда просто говорили «самъ». Былъ это мякенькій старичокъ, котораго, однако, всё какъ огня боя-

лись. Говорили о немъ, что онъ умѣлъ мягко стлать, да было жестоко снать: обходить всѣхъ словомъ «матинька», а спускалъ къ чорту въ зубы. Типъ, извѣстный и знакомый типъ торговаго патріарха.

Вотъ этотъ-то патріархъ и ѣхалъ на открытіе «въ большомъ составѣ», — самъ, да жена, да дочь, которая страдала «болѣзною меланхоліи» и подлежала исцѣленію. Испытаны были надъ нею всѣ извѣстныя средства народной поэзи и творчества: ее поили бодрящимъ девясиломъ, обсыпали пионіею, которая унимаетъ надхожденіе стѣпн, давали шухать майранъ, что въ головѣ мозгъ поправляетъ, но ничто не помогло и теперь ее взяли къ угодику, поспѣвая на первый случай, когда пойдетъ самая первая сила. Вѣра въ преимущество *первой силы* очень велика и она имѣетъ своимъ основаніемъ сказаніе о сілоамской купѣли, гдѣ тоже исцѣлявали *первыя*, кто уснѣвалъ войти по возмущеніи воды.

Ѣхали орловскіе купцы черезъ Ливны и черезъ Елецъ, претерпѣвая большія затрудненія, и совершенно измучились, пока достигли къ угодику. Но улучшить «первый случай» у угодика оказалось невозможнымъ. Народу собралась такая область, что и думать нечего было протолкаться въ храмъ, ко всеоночной, подъ «открытый день», когда собственно и есть «первый случай», т. е., когда отъ новыхъ мощей исходитъ самая большая сила.

Купецъ и жена его были въ отчаяніи, — равнодушіе всѣхъ была дочка, которая не знала, чего она лишилась. Надеждъ никакихъ не было помочь горю, — столько было знати, съ такими фамиліями, а они простые купцы, которые хотя въ своемъ мѣстѣ что-нибудь и значили, но здѣсь, въ такомъ скопленіи христіанскаго величія, совсѣмъ потерялись. И вотъ однажды, сидя въ горѣ подъ своею кибиточкою за чаемъ на постояломъ дворѣ, жалуется патріархъ женѣ, что уже и надежды никакой не полагаетъ достигнуть до святого гроба ни въ первыхъ, ни во вторыхъ, а развѣ доведется какъ-нибудь въ самыхъ послѣднихъ, вмѣстѣ съ ниварями и рыбалями, т. е. вообще съ простымъ народомъ. А тогда уже какая радость: и полиція осwirѣпѣетъ, и духовенство заморится—вдѣволь помолиться не дастъ, а совать станетъ. И вообще тогда все не то, когда уже приложится столько тысячъ устъ всякаго народа.

Въ таковыхъ видахъ можно было и послѣ пріѣхать, а они не того дослѣвали: они ѣхали, томилась, дома дѣло на приказчицкія руки бросили и дорогою за все втридорога платили, и вотъ тебѣ вдругъ какое утѣшеніе.

Пробовать купецъ разъ и два достигнуть до дьяконовъ, — готовъ былъ дать благодарность, но и думать нечего, — съ одной стороны одно стѣсненіе, въ видѣ жандарма съ бѣлою рукавицею или казака въ плетью (ихъ тоже пришло къ открытію мощей множество), а съ другой — еще опасѣе, что задавить самъ православный народушко, который волновался какъ океанъ. Уже и были «разы» и даже во множествѣ и вчера, и сегодня. Шарахнутся гдѣ-нибудь добрые христіане отъ взмаха казачьей нагайки цѣлою стѣною въ пять, въ шесть сотъ человекъ, и какъ попрутъ, да поналягутъ стѣною друженъко, такъ изъ середины только стонъ да нахъ пойдетъ, а потомъ, по освобожденіи, много видано женскаго уха въ серьгахъ рванаго и персты изъ-подъ колецъ верчены, а двѣ-три души и совсѣмъ Богу представлялись.

Купецъ всѣ эти трудности и высказываетъ за чаемъ жене и дочери, для которой особенно надо было улучшить первыя силы, а какой-то «пустошный человекъ», невѣдомо городского или сельскаго званія, все между разными кибитками ходить подъ сараемъ, да какъ будто засматриваетъ на орловскихъ купцовъ съ намѣреніемъ.

«Пустошныхъ людей» тогда тоже собралось здѣсь много. Имъ не только было свое мѣсто на этомъ пришествіи вѣры, но они даже находили здѣсь себѣ хорошія занятія; а потому понахлынули сюда въ изобиліи, изъ разныхъ мѣстъ, и особенно изъ городовъ, прославленныхъ своими воровскими людьми, т. е. изъ Орла, Кромъ, Ельца и изъ Ливенъ, гдѣ славились большіе мастера чудеса строить. Все сошедшіе сюда пустошные люди искали себѣ своихъ промысловъ. Отважнѣйшіе изъ нихъ дѣйствовали строемъ, располагаясь кучками въ толпахъ, гдѣ удобно было при содѣйствіи казака произвести патискъ и смятеніе, и во время суматохи обыскать чужіе карманы: сорвать часы, поясныя пряжки и повыдергать серьги изъ ушей; а люди болѣе степенные ходили въ одиночку по дворамъ, — жаловались на убожество, «сказывали сны и чудеса», предлагали привороты, отвороты и «старымъ людямъ секретныя помочи изъ

китоваго сѣмени, ворошьяго сала, слоновьей спермы» и другихъ снадобій, отъ конхъ «сила постоянная движеть». Снадобья эти не утрачивали своей цѣны и здѣсь, потому что, къ чести человѣчества, совѣсть не за всѣми исцѣленіями позволяла обращаться къ угоднику. Не менѣе охотно пустошные люди смирнаго обычая занимались просто воровствомъ и при удобныхъ случаяхъ перѣдко до-чиста обворовывали гостей, которые за немѣнѣемъ помѣщеній жили въ своихъ повозкахъ и подъ повозками. Мѣста вездѣ было мало и не всѣ повозки находили себѣ пріютъ подъ сараями постоялыхъ дворовъ; другія же стояли обозомъ за городомъ на открытыхъ выгонахъ. Тутъ шла жизнь еще болѣе разнообразная и интересная и притомъ еще болѣе полная отгѣнковъ священной и медицинской поэзіи и занимательныхъ плутней. Темные промышленники шныряли повсемѣстно, но пріютомъ имъ былъ этотъ загородный, «бѣдный обозъ», съ окружающими его оврагами и лачужками, гдѣ шло ожесточенное корчемство водкой, и въ двухъ-трехъ повозкахъ стояли румяныя солдатики, пріѣхавшія сюда вкладчину. Тутъ же фабриковались стружки отъ гроба, «печатная земля», кусочки истлѣвшихъ ризъ и даже «частицы». Иногда между промышленившими этими дѣлами художниками попадались люди очень остроумные и выкидывали штуки интересныя и замѣчательныя по своей простотѣ и смѣлости. Таковъ былъ и тотъ, котораго замѣтило благочестивое орловское семейство. Проходимецъ подслушалъ ихъ сѣтованіе о невозможности приступить къ угоднику прежде чѣмъ отъ мощей истекутъ первыя струи цѣлебной благодати, и прямо подошелъ и заговорилъ на чистоту:

— Скорби-де ваши я слышалъ и могу помочь, а вамъ меня избѣгать нечего... Безъ насъ вы здѣсь теперь желаемо себѣ удовольствія, при столь больномъ и именитомъ сѣздѣ, не получите, а мы въ таковыхъ разгахъ бывали и средства знаемъ. Угодно вамъ быть у самыхъ первыхъ силъ угодника—не пожалѣйте за свое благополучіе сто рублей и я васъ поставлю.

Конецъ посмотрѣлъ на субъекта и отвѣчалъ:

— Полно врать.

Но тотъ свое продолжалъ:

— Вы,—говоритъ:—вѣроятно, такъ думаете, судя по моему ничтожеству; но ничтожное въ очахъ человѣческихъ

можетъ быть совѣтъ въ другомъ расчисленіи у Бога, и я за что берусь, то твердо могу исполнить. Вы вотъ смущаетесь насчетъ земного величія, что его много наѣхало, а мнѣ оно все прахъ, и будь тутъ хоть видимо-невидимо однихъ принцевъ и королевъ, они нимало намъ не могутъ препятствовать, а даже всѣ сами передъ нами разступятся. А потому, если вы желаете сквозь все пройти чистымъ и гладкимъ путемъ и самыхъ первыхъ лицъ увидать, и другу Божию дать самыя первыя лобызанія, то не жалѣйте того, что сказано. А если ста рублей жалко и не побрезгаете компаніей, то я живо подберу еще два человѣка, конхъ на примѣтъ имѣю, и тогда вамъ дешевле станетъ.

Что оставалось дѣлать благочестивымъ поклонникамъ? Конечно, рискованно было вѣрять пустошному человѣку, но в случаѣ унустить не хотѣлось, да и деньги требовались небольшія, особенно если въ компаніи... Патріархъ рѣшился рискнуть и сказалъ:

— Ладь компанію.

Пустошный человѣкъ взялъ задатокъ и побѣжалъ, наказавъ семейству рано пообѣдать и за часъ передъ тѣмъ, какъ ударять къ вечернѣ въ первый колоколъ, взять каждому съ собою по новому ручному полотенцу и идти за городъ, на указанное мѣсто «въ бѣдный обозъ», и тамъ ожидать его. Оттуда немедленно же долженъ былъ начинаться походъ, котораго, по увѣреніямъ антрепренера, не могли остановить никакіе принцы, ни короли.

Таковыя «бѣдные обозы» въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ становились широкимъ станомъ при всѣхъ подобныхъ сборищахъ, и я самъ видалъ ихъ и помню въ Коренной подъ Курскомъ, а о томъ, о которомъ наступаетъ повѣствованіе, слышалъ рассказы отъ очевидцевъ и свидѣтелей тому, что будетъ сейчасъ описано.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Мѣсто, занятое бѣднымъ становищемъ, было за городомъ, на обширномъ и привольномъ выгонѣ, между рѣкою и столбовою дорогою, а въ концѣ примыкало къ большому, извилистому оврагу, по которому бѣжалъ ручеекъ и росъ густой кустарникъ; сзади начинался могучій сосновый лѣсъ, гдѣ клектали орлы.

На выгонѣ расположилось множество бѣдныхъ повозокъ

и колымагъ, представлявшихъ, однако, во всей своей нищетѣ довольно пестрое разнообразіе національнаго гевія и изобрѣтательности. Были обыкновенныя рогожныя будки, полотняные шатры, во всю телѣгу, «бесѣдки» съ нушистымъ ковылемъ-травой и совершенно безобразныя дубковыя окаты. Цѣлый большой дубъ съ вѣковой лины согнуть и приколоченъ къ телѣжнымъ грядкамъ, а подъ нимъ лежка: лежать люди ногами къ ногамъ въ цуто экинажа, а головы къ вольному воздуху, на обѣ стороны впередъ и назадъ. Надъ возлежащими проходить вѣтерокъ и вентилюруетъ, чтобы имъ можно было не задохнуться въ собственномъ духу. Тутъ же у взвизанныхъ къ оглоблямъ пихтерей съ сѣномъ и хрѣптуговъ стояли кони, большею частію тонціе, всѣ въ хомутахъ и нные, у бережливыхъ людей, подъ рогожными «крышками». При нѣкоторыхъ повозкахъ были и собачки, которыхъ хотя и не слѣдовало бы брать въ паломничество, но это были «усердныя» собачки, которыя догнали своихъ хозяевъ на второмъ, третьемъ покормѣ и ни при какомъ бойлѣ не хотѣли отъ нихъ отвязаться. Имъ здѣсь не было мѣста по настоящему положенію паломничества, но онѣ были терпимы, и, чувствуя свое контрабандное положеніе, держали себя очень смиренно; онѣ жались гдѣ-нибудь у телѣжнаго колеса подъ дегтяркою и хранили серьезное молчаніе. Одна скромность спасала ихъ отъ остракизма и отъ опаснаго для нихъ крещенаго цыгана, который въ одну минуту «снямалъ съ нихъ шубы». Здѣсь, въ бѣдномъ обозѣ, подъ открытымъ небомъ жилось весело и хорошо, какъ на ярмаркѣ. Всякаго разнообразія здѣсь было болѣе, чѣмъ въ гостиничныхъ номерахъ, доставившихъ только особымъ избранныкамъ, или подъ навѣсами постоялыхъ дворовъ, гдѣ въ вѣчномъ полумракѣ мѣстнаны въ повозкахъ люди второй руки. Правда, въ бѣдный обозъ не заходили тучныя иноки и шодіаконы, не видать было даже и пастоящихъ, опытныхъ странниковъ, но зато здѣсь были свои мастера на всѣ руки и шло обширное кустарное производство разныхъ «святостей». Когда мнѣ довелось читать извѣстное въ кіевскихъ хроникахъ дѣло о поддѣлкѣ мощей изъ бараньихъ костей, я былъ удивленъ младенчествомъ приѣма этихъ фабрикантовъ въ сравненіи съ смѣлостью мастеровъ, о которыхъ слыхалъ ранѣе. Тутъ это было какое-то откровенное *неглиже съ отвагой*. Даже самый путь къ выгону по Сло-

бодской улицѣ уже отличался ничѣмъ нестѣснимою свободою самой широкой предприимчивости. Люди знали, что такіе случаи не часто выпадаютъ и не теряли времени: у многихъ воротъ стояли століки, на которыхъ лежали иконки, крестики и бумажные сверточки съ гнилою древесною пылью, будто бы отъ стараго гроба, и тутъ же лежали стружки отъ новаго. Весь этотъ матеріалъ былъ, по увѣренію продавцовъ, гораздо вышшаго сорта, чѣмъ въ настоящихъ мѣстахъ, потому что принесенъ сюда самими столярами, колачами и плотниками, производившими самыя важныя работы. У входа въ лагерь вертѣлись «носящіе и сидящіе» съ образками новаго угодишка, заклеенными пока бѣлою бумажкою съ крестикомъ. Образки эти продавались по самой дешевой цѣнѣ и покупать ихъ можно было сію же минуту, но открывать нельзя было до отелуженія перваго молебна. У многихъ педостойныхъ, купившихъ такіе образки и открывшихъ ихъ раньше времени, они оказались чистыми дощечками. Въ оврагѣ же за становищемъ, подъ санями, опрокинутыми къ верху полозьями, жили у ручья цыганъ съ цыганкою и цыганятами. Цыганъ и цыганка имѣли тутъ большую врачебную практику. У нихъ на одномъ полозѣ былъ привязанъ за ногу большой безголосый «лѣтухъ», изъ котораго выходили по утрамъ камни, «двигавшіе постельную силу», и цыганъ имѣлъ кошкину траву, которая тогда была весьма нужна къ «болячкамъ афедроновымъ». Цыганъ этотъ былъ въ своемъ родѣ знаменитость. Слава о немъ шла такая, что онъ, когда въ невѣрной землѣ семь спящихъ дѣвъ открывали, и тамъ онъ не лишній былъ: онъ старыхъ людей на молодыхъ передѣлывалъ, прутяныя сѣченья господскимъ людямъ лѣчилъ и военнымъ кавалерамъ заплечный бой изъ нутра черезъ водотокъ выводилъ. Цыганка же его, кажется, знала еще большія тайны природы: она двѣ воды мужьямъ давала: одну ко обличенію жещъ, кои блудно грѣшатъ; той воды, если женамъ дать, она въ нихъ не удержится, а насквозь пройдетъ, а другая вода магнитная: отъ этой воды жена неохочая во снѣ страстно мужа обойметъ, а если уснитъ другого любить— съ постели станетъ падать.

Словомъ, дѣло здѣсь кишѣло и многообразныя пужды человечества находили тутъ полезныхъ пособниковъ.

Пустошный человѣкъ, какъ завидѣлъ купцовъ, не сталъ

съ ними разговаривать, а началъ ихъ манить, чтобы сошли въ овражекъ, и самъ туда же впередъ юркнулъ.

Онять это показалось страшновато; можно было опасаться засады, въ которой могли скрываться лихіе люди, способные обобрать богомольцевъ до-гола, но благочестіе превозмогло страхъ и купецъ, послѣ небольшого раздумья, помолясь Богу и помянувъ угодника, рѣшился переступить шага три внизъ.

Сходилъ онъ осторожно, держась за кустики, а жení и дочери приказалъ въ случаѣ чего-нибудь кричать изъ всей мочи.

Засада здѣсь и въ самомъ дѣлѣ была, но не опасная: купецъ нашелъ въ оврагѣ двухъ такихъ же, какъ онъ, благочестивыхъ людей въ кунеческомъ одѣянн, съ которыми надо было «сладиться». Всѣ они должны были здѣсь заплатить пустошному уговорную плату за проводы ихъ къ угоднику, а тогда онъ имъ откроетъ свой планъ и сейчасъ ихъ поведетъ. Долго думать было нечего и упорство ни къ чему не вело: купцы сложили сумму и дали, а пустошный открылъ имъ свой планъ, простой, но, по простотѣ своей, чисто гениальный: онъ заключался въ томъ, что въ «бѣдномъ обозѣ» есть извѣстный пустошному чловѣку чловѣкъ разслабленный, котораго надо только поднять и нести къ угоднику и никто ихъ не остановитъ и пути имъ не затруднить съ болящимъ. Надо только купить для слабаго болѣзный одрець да покровецъ, и поднявъ его, нести всѣмъ шестерымъ, подвязавши подъ одръ полотенчики.

Мысль эта казалась въ первой своей части превосходною, съ разслабленнымъ носителемъ, конечно, пропустить, но каковы быть могутъ послѣдствія? Не было бы дальше конфуза? Однако и на этотъ счетъ все было успокоено, проводникъ сказалъ только, что это не стоитъ вниманія.

— Мы таковыя разы, — говоритъ: — уже видали: вы въ ваше удовольствіе сподобитесь все видѣть и приложитесь къ угоднику во время всеобщаго гнѣва, а въ разсужденн болящаго, будь воля угодника; — пожелаеть онъ его исцѣлить — и исцѣлитъ, а не пожелаеть — опять его воля. Теперь только скньтесь скорбе на одрець и на покровецъ, а у меня ужъ все это принаено въ близкомъ домѣ, только надо деньги отдать. Мало меня здѣсь повремените, и въ путь поидемъ.

Взявъ, поторговавшись, еще на снасть по два рубля съ лица и побѣжалъ, а черезъ десять минутъ назадъ вернулся и говорить:

— Идемъ, братія, только не бойко выстунайте, а поспустите малость очи побогомысленнѣе.

Кунны спустили очи и поили съ благоговѣнїемъ, и въ этомъ же «бѣдномъ обозѣ» подошли къ одной повозкѣ, у которой стояла у хрѣнтуга совсѣмъ дохлая клячонка, а на передкѣ сидѣлъ маленькій золотушный мальчикъ и забавлялъ себя, перекидывая съ руки на руку ошпанные плоднички желтыхъ пунавокъ. На этой повозкѣ подъ липовымъ лубкомъ лежалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ съ лицомъ самихъ пунавокъ желтѣе, и руки тоже желтыя; всѣ вытянутыя, и какъ мягкія плети валяются.

Женщины, завидѣвъ такую ужасную немощь, стали креститься, а проводникъ ихъ обратился къ больному и говорить:

— Вотъ, дядя Фотей, добрые люди пришли помочь мнѣ тебя къ исцѣленью цести. Воли Божїей часъ къ тебѣ близится.

Желтый человѣкъ сталъ поворачиваться къ незнакомымъ людямъ и благодарственно на нихъ смотритъ, а перстомъ себѣ на языкъ показываетъ.

Тѣ догадались, что онъ нѣмой. «Ничего,—говорятъ,—ничего, рабъ Божїй, не благодари насъ, а Богу благодарствуй», и стали его вытаскивать изъ повозки, — мужчины подъ плечи и подъ ноги, а женщины только его слабыя ручки поддерживали, и еще болѣе наугались страшнаго состоянїя больного, потому что руки у него въ плечевыхъ суставахъ совсѣмъ «перевалилися» и только волосяными веревками были кое-какъ перевязаны.

Одрикъ стоялъ тутъ же. Это была небольшая старая кроватка, плотно засыпанная по угламъ клоновыми яйцами; на кроваткѣ лежалъ снопъ соломы и кусокъ рѣдкаго миткало съ грубо выведеннымъ красками крестомъ, копїемъ и тростїю. Проводникъ ловкою рукою распушилъ соломку, чтобы на всѣ стороны съ краевъ свѣшивалась, положили на нее желтаго разслабленнаго, покрыли миткалемъ и понесли.

Проводникъ шелъ впереди съ глиняной жаровенкой и крестообразно покуривалъ.

Еще они и изъ обоза не вышли, какъ на нихъ уже начали креститься, а когда пошли по улицамъ, вниманіе къ нимъ становилось все серьезнѣе и серьезнѣе: всѣ, видя ихъ, понимали, что это къ чудотворцу несутъ болящаго и присоединялись. Купцы шли поспѣваячи, потому что слышали благовѣсть ко всенощной и пришли съ своею ношею какъ разъ во-время, когда зашѣли: «Хвалите имя Господне, раби Господа».

Храмъ, разумѣется, не вмѣщать и сотою доли собравшагося народа; видимо-невидимо людей сплошною массою стояло вокругъ церкви, но чуть увидали одръ и носилкихъ, всѣ зашѣли: «разслабаго несутъ, чудо будетъ», и вся толпа разступилась.

До самыхъ дверей стала живая улица и дальше все сдѣлалось какъ обѣщать проводникъ. Даже и твердое упованіе въры его не осталось въ постыженіи: разслабленный исцѣлѣль. Онъ всталъ, онъ самъ выпелъ на своихъ ногахъ «славяще и благодаряще». Кто-то все это записалъ на записочку, въ которой со словъ проводника исцѣленный разслабленный былъ названъ «родственникомъ» орловскаго купца, черезъ что ему многіе завидовали и исцѣленный за позднимъ временемъ не пошелъ уже въ свой бѣдный обозъ, а ночевалъ подъ сараемъ у своихъ новыхъ родственниковъ.

Все это было пріятно. Исцѣленный былъ интереснымъ лицомъ, на котораго многіе приходили взглянуть, и кидали ему «жертвки». Но онъ еще мало говорилъ и неявственно,—очень шамкалъ съ непривычки и больше все на концовъ исцѣленной рукою показывалъ: «ихъ-де спрашивайте, они родственники, они все знаютъ». И тогда тѣ по-неволѣ говорили, что онъ ихъ родственникъ; но вдругъ подъ все это подкралась неожиданная непріятность: въ ночь, наставшую послѣ исцѣленія желтаго разслабленнаго, было замѣчено, что у бархатнаго намета надъ гробомъ угодника пропалъ одинъ золотой шнуръ съ такою же золотою кистью.

Дознавали объ этомъ изъ-подъ руки и спросили орловскаго купца, не замѣтилъ ли онъ, близко подходя, и что такое за люди помогали ему нести больного родственника? Онъ по совѣсти сказалъ, что люди были незнакомые, изъ бѣднаго обоза, по усердію несли. Возили его туда узнавать

мѣсто, людей, клячу и телѣжку съ золотушнымъ мальчикомъ, играннымъ пупавками, но тутъ только одно мѣсто было на своемъ мѣстѣ, а ни людей, ни повозки, ни мальчика съ пупавками и слѣда не было.

Дознаніе бросили, «да не молва будетъ въ людяхъ». Кноть повѣсили новую, а кунцы послѣ такой непріятности скорѣе собрались домой. Но только тутъ нецѣлennyй родственникъ осчастливилъ ихъ новой радостью: онъ обизывалъ ихъ взять его съ собою и въ противномъ случаѣ угрожать жалобою, и про кноть напомнилъ.

И потому, когда пришелъ часъ къ отѣзду кунцовъ во свояси, Фотей очутился на передкѣ, рядомъ съ кучеромъ, и скинуть его было невозможно до лежавшаго на ихъ пути села Крутого. Здѣсь былъ въ то время очень опасный спускъ съ одной горы и тяжелый подъемъ на другую, и потому случались разныя проишествія съ путниками: падали лошади, переворачивались экипажи и прочее въ этомъ родѣ. Село Крутое непременно надо было прослѣдовать за-свѣтло, иначе надо заночевать, а въ сумерки никто не рисковалъ спускаться.

Наши кунцы тоже здѣсь переночевали, и утромъ при восхожденіи на гору «растерялись», то-есть потеряли своего нецѣлennaго родственника Фотея. Говорили, будто съ вечера они «добре его угостили изъ фляги», а утромъ не разбудили и съѣхали, но нашлись другіе добрые люди, которые поправили эту растерянность и, прихвативъ Фотея съ собою, привезли его въ Орель.

Здѣсь онъ отыскалъ своихъ неблагодарныхъ родственниковъ, покинувшихъ его въ Крутомъ, но не встрѣтилъ у нихъ родственнаго приѣма. Онъ сталъ нищенствовать по городу и рассказывать, будто кунецъ ѣздилъ къ угоднику не для дочери, а молился, чтобы хлѣбъ подорожалъ. Ни-кому это точнѣе Фотея извѣстно не было.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Не въ долгихъ дняхъ послѣ появленія въ Орлѣ извѣстнаго и покинутаго Фотея, въ приходѣ Михаила Архангела у кушца Акулова были «бѣдные столы». На дворѣ, на доскахъ, дымились большія липовыя чашни съ лапшой и чугуны съ кашней, а съ хозяйскаго крыльца раздавали по рукамъ ватрушки съ лукомъ и пироги. Гостей набралось

множество, каждый съ своей ложкой въ сапогѣ или за пазухой. Пирогами одѣлялъ Голованъ. Онъ часто былъ званъ къ такимъ «столамъ» архитриклиномъ и хлѣбодаромъ, потому что былъ справедливъ, ничего не утайтъ себѣ и основательно зналъ кто какого пирога стоитъ—съ горохомъ, съ морковью или съ печенкой.

— Такъ и теперь онъ стоялъ и каждому подходящему «одѣлялъ» большой пирогъ, а у кого зналъ въ домѣ немощныхъ—тому два и болѣе «на недужную порцію». И вотъ въ числѣ разныхъ подходящихъ подошелъ къ Головану и Фотей, человѣкъ новый, но какъ будто удивившій Голована. Увидавъ Фотей, Голованъ словно что-то вспомнилъ и спросилъ:

— Ты чей и гдѣ живешь?

Фотей сморщился и проговорилъ:

— Я ничей, а Божій, обшить рабѣй кожей, а живу подъ рогожей.

А другіе говорятъ Головану: «его купцы привезли отъ угодника... Это Фотей исцѣленный».

Но Голованъ улыбнулся и заговорилъ—было:

— Съ какой стати это Фотей!—но въ эту же самую минуту Фотей вырвалъ у него пирогъ, а другою рукою далъ ему оглушительную пощечину, и крикнулъ:

— Не брешь лишняго!—и съ этимъ сѣлъ за столы, а Голованъ стерпѣлъ и ни слова ему не сказалъ. Всѣ поняли, что вѣрно это такъ надобно, очевидно исцѣленный юродуецъ, а Голованъ знаетъ, что это надо сносить. Но только «въ какомъ расчисленіи стоялъ Голованъ такого обращения?» Это была загадка, которая продолжалась многіе годы и установила такое мнѣніе, что въ Голованѣ скрывается что-нибудь очень бѣдовое, потому что онъ Фотей бьется.

И впрямь тутъ было что-то загадочное. Фотей, скоро павшій въ всеобщемъ мнѣніи до того, что вслѣдъ ему кричали: «у святого кисть украсть и въ кабацѣ пропить», съ Голованомъ обходился чрезвычайно дерзко.

Встрѣчая Голована гдѣ бы то ни было, Фотей заступалъ ему дорогу и кричалъ «долгъ подавай». И Голованъ, нимало ему не возражая, лѣзъ за пазуху и доставалъ оттуда мѣдную гривну. Если же у него не случалось съ собою гривны, а было менѣе, то Фотей, котораго за нестроту его

лохмотьевъ прозвали Горностаемъ, швырялъ Головану недостаточную дачу пазадъ, плевалъ на него и даже билъ его, швырялъ камнями, грязью или снѣгомъ.

Я самъ помню, какъ однажды въ сумерки, когда отецъ мой со священникомъ Петромъ сидѣли у окна въ кабинетѣ, а Голованъ стоялъ подѣ окномъ и всѣ они втроемъ вели свой разговоръ, въ открытыя на этотъ случай ворота вбѣжалъ ободравный Горностаи и съ крикомъ «забылъ поддець!» при всѣхъ ударилъ Голована по лицу, а тотъ, тихонько его отстранить, далъ ему изъ-за пазухи мѣдныхъ денегъ и повелъ его за ворота.

Такіе поступки были никому не въ рѣдкость и объясненіе, что Горностаи что-нибудь за Голованомъ знаетъ, было конечно, весьма естественно. Понятно, что это возбуждало у многихъ и любопытство, которое, какъ вскорѣ увидимъ, имѣло вѣрное основаніе.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Мнѣ было около семи лѣтъ, когда мы оставили Орелъ и переѣхали на постоянное житъе въ деревню. Съ тѣхъ поръ я уже не видалъ Голована. Потомъ наступило время учиться и оригинальный мужикъ съ большой головою проналъ у меня изъ вида. И слыналъ я о немъ только разъ, во время «большого пожара». Тогда погибло не только много строеній и движимости, но сгорѣло и много людей—въ числѣ послѣднихъ называли Голована. Разказывали, что онъ упалъ въ какую-то яму, которой не видно было подѣ пиломъ, и «сварился». О семейныхъ, которые его пережили, я не справлялся. Послѣ этого я вскорѣ уѣхалъ въ Кіевъ и побывалъ въ родимыя мѣста уже черезъ десять лѣтъ. Было новое царствованіе, начинались новые порядки; вѣяло радостной свѣжестью,—ожидали освобожденія крестьянъ и даже поговаривали уже о гласномъ судопроизводствѣ. Все новое: сердца горѣли. Непримиримыхъ еще не было, но уже обозначались пестерѣльницы и выжидатели.

На пути къ бабушкѣ я остановился на нѣсколько дней въ Орлѣ, гдѣ тогда служилъ совѣтнымъ судьей мой дядя, который оставилъ по себѣ память честнаго человѣка. Онъ имѣлъ много прекрасныхъ сторонъ, внушавшихъ къ нему почтеніе даже въ тѣхъ людяхъ, которые не раздѣляли его взглядовъ и симпатій: онъ былъ въ молодости щеголь, гу-

сартъ, потомъ садоводъ и художникъ — дилетантъ съ замѣчательными способностями; благородный, прямой, дворянинъ, и «дворянинъ au bout des ongles». Понимая по-своему обязательство этого званія, онъ, разумѣется, покорствовалъ новизнѣ, но желалъ критически относиться къ эмансипаціи, и представлялъ изъ себя охранителя. Эмансипаціи хотѣлъ только такой, какъ въ Остзейскомъ краѣ. Молодыхъ людей онъ привѣчалъ и ласкалъ, но ихъ вѣра, что спасеніе находится въ правильномъ движеніи впередъ, а не назадъ — казалась ему ошибкой. Дядя любилъ меня и звалъ, что я его люблю и уважаю, но во мнѣніяхъ объ эмансипаціи и другихъ тогдашнихъ вопросахъ мы съ нимъ не сходились. Въ Орлѣ онъ дѣлалъ изъ меня по этому поводу очистительную жертву и хотя я тщательно старался избѣгать этихъ разговоровъ, однако, онъ на нихъ направлялъ и очень любилъ меня «поражать».

Дядѣ всего болѣе правилось подводить меня къ казусамъ, въ которыхъ его судейская практика обнаруживала «народную глупость».

Помню роскошный, теплый вечеръ, который мы провели съ дядею въ орловскомъ «губернаторскомъ» саду, занимаясь, признаться сказать, уже значительно утомившимъ меня споромъ о свойствахъ и качествахъ русскаго народа. Я несправедливо утверждалъ, что народъ *очень* уменъ, а дядя, можетъ-быть, еще несправедливѣе настаивалъ, что народъ *очень* глупъ, что онъ совершенно не имѣетъ понятій о законѣ, о собственности, и, вообще, народъ *азіатъ*, который можетъ удивить кого угодно своею дикостью.

— И вотъ,—говорить:—тебѣ, милостивый государь, подтвержденіе: если память твоя сохранила ситуацию города, то ты долженъ помнить, что у насъ есть буераки, слободы и слободки, которыя чортъ знаетъ кто межевалъ и кому отводилъ подъ постройки. Все это въ нѣсколько пріемовъ убралъ огонь и на мѣстѣ старыхъ лачугъ построились такія же новыя, а теперь никто не можетъ узнать: кто здѣсь по какому праву сидитъ?

Дѣло было въ томъ, что когда отдохнувшій отъ пожаровъ городъ сталъ устраиваться и нѣкоторые люди стали покупать участки въ кварталахъ за церковью Василія Великаго, оказалось, что у продавцовъ не только не было никакихъ документовъ, но что и сами эти владѣльцы и ихъ

предки считали всякіе документы совершенно лишними. Домикъ и мѣстишко до этой поры переходили изъ рукъ въ руки безъ всякаго заявленія властямъ, и безъ всякихъ даней и пошливъ въ казну, а все это, говорятъ, писалось у нихъ въ какую-то «китратъ», но «китратъ» эта въ одинъ изъ безчисленныхъ пожаровъ сгорѣла и тотъ, кто велъ ее— умеръ, а съ тѣмъ и всѣ слѣды ихъ владѣнныхъ правъ покончились. Правда, что никакихъ споровъ по праву владѣнія не было, но все это не имѣло законной силы, а держалось на томъ, что если Протасовъ говорить, что его отецъ купилъ домишко отъ покойнаго дѣда Тарасовыхъ, то Тарасовы не оспаривали владѣнныхъ правъ Протасовыхъ; но какъ теперь требовались *права*, то правъ нѣтъ, и совѣстному суду во-очію предлежало рѣшать вопросъ: преступленіе ли вызвало законъ, или законъ создалъ преступленіе?

— А зачѣмъ все это они такъ дѣлали?—говорилъ дядя.— Потому-съ, что это не обыкновенный народъ, для котораго хороши и нужны обезпечивающіе право государственныя учрежденія, а это *номады*, *орда*, осквнялая, но еще сама себя не сознающая.

Съ тѣмъ мы заснули, выспались,—рано утромъ я сходилъ на Орликъ, выкупался, посмотрѣлъ на старыя мѣста, вспомнилъ Головановъ домикъ и, возвращаясь, нахожу дядю въ бесѣдѣ съ тремя неизвѣстными мнѣ «милостивыми государями». Всѣ они были купеческой конструкціи,—двое сердовые въ сюртукахъ съ брючками, а одинъ совершенно бѣлый въ ситцевой рубахѣ на выпускъ, въ чуйкѣ и въ крестьянской шляпѣ «гречникомъ».

Дядя показалъ мнѣ на нихъ рукою и говорить:

— Вотъ это иллюстрація ко вчерашнему сюжету. Эти господа рассказываютъ мнѣ свое дѣло: войди въ наше совѣщаніе.

Затѣмъ онъ обратился къ предстоящимъ съ очевидною для меня, но для нихъ, конечно, съ непонятною шуткою и добавилъ:

— Это мой родственникъ, молодой прокуроръ изъ Кіева,—къ министру въ Петербургъ ѣдетъ и можетъ ему объяснить ваше дѣло.

Тѣ поклонились.

— Изъ нихъ, видишь ли,—продолжалъ дядя:—вотъ этотъ,

господинъ Протасовъ, желаетъ купить домъ и мѣсто вотъ этого, Тарасова; но у Тарасова нѣтъ никакихъ бумагъ. Понимаешь: *никакихъ!* Онъ только помнитъ, что его отецъ купилъ домикъ у Власова, а вотъ этотъ, третій—есть сынъ господина Власова, ему, какъ видишь, тоже уже не мало лѣтъ.

— Семьдесятъ,—коротко замѣтилъ старикъ.

— Да, семьдесятъ, и у него тоже нѣтъ и не было никакихъ бумагъ?

— Никогда не было,—опять вставилъ старикъ.

— Онъ пришелъ удостовѣрить, что это такъ именно было и что онъ ни въ какія права не вступается.

— Не вступаемся,—отцы продали.

— Да; но кто его «отцамъ» продалъ,—тѣхъ уже нѣтъ.

— Нѣтъ; они за вѣру на Кавказъ уехали.

— Ихъ можно разыскать,—сказалъ я.

— Нечего искать, тамъ имъ вода нехороша,—воды не снесли,—все покончилисъ.

— Какъ же вы, говорю, это такъ странно поступали?

— Поступали, какъ можно было. Приказный былъ лють, даней съ малыхъ дворовъ давать было нечего, а была у Ивана Ивановича китратъ, въ нее и писали. А допрежь его еще не за моей памяти Гапфевъ купецъ былъ, у него была китратъ, а послѣ всѣхъ Головану китратъ дали, а Голованъ въ поганой ямѣ сварился и китраты сгорѣли.

— Это Голованъ, выходитъ, былъ у васъ что-то въ родѣ нотаріуса?—спросилъ дядя (который не былъ орловскимъ старожиломъ).

Старикъ улыбулся и тихо молвилъ:

— Изъ-за чего же нотаріусъ!—Голованъ былъ справедливый человѣкъ.

— Какъ же ему все такъ и вѣрили?

— А какъ такому человѣку не вѣрить: онъ свою плоть за людей съ живыхъ костей рѣзалъ.

— Вотъ и легенда!—тихо молвилъ дядя, но старикъ вслушался и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, сударь, Голованъ не легенда, а правда и память его будь съ похвалою.

Дядя пошутилъ, и съ путаницей. И онъ не зналъ, какъ онъ этимъ вѣрно отвѣчалъ на всю массу воспрянувшихъ во мнѣ въ это время воспоминаній, къ которымъ яри

тогдашнемъ моемъ любопытствѣ мнѣ страстно хотѣлось подыскать ключъ.

А ключъ ядалъ меня, сохраняясь у моей бабушки.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Два слова о бабушкѣ: она происходила изъ московскаго купческаго рода Колобовыхъ и была взята въ замужество въ дворянскій родъ «не за богатство, а за красоту». Но лучшее ея свойство было — душевная красота и свѣтлый разумъ, въ которомъ всегда сохранялся простонародный складъ. Войдя въ дворянскій кругъ, она уступила многимъ его требованіямъ и даже позволяла звать себя Александрой Васильевной, тогда какъ ея настоящее имя было Акилина, но думала всегда простонародно и даже безъ намѣренія, конечно, удержала нѣкоторую простонародность въ рѣчи. Она говорила «хтотъ» вмѣсто этого, считала слово «мораль» оскорбительнымъ и никакъ не могла выговорить «бухгалтеръ». Зато она не позволила никакимъ моднымъ давленіямъ поколебать въ себѣ вѣру въ народный смыслъ, и сама не разставалась съ этимъ смысломъ. Была хорошая женщина и настоящая русская барыня; превосходно вела домъ и умѣла принять всякаго, начиная съ императора Александра I до Ивана Ивановича Андросова. Читать ничего не читала, кромѣ дѣтскихъ писемъ, но любила обновленіе ума въ бесѣдахъ и для того «требовала людей къ разговору». Въ этомъ родѣ собесѣдникомъ ея были бурмистръ Михайло Лебедевъ, буфетчикъ Василій, старшій поваръ Климъ или ключница Малаыя. Разговоры всегда были не пустые, а къ дѣлу и къ пользѣ, разбиралось, отчего на дѣвку Ѳеклушку мораль пущена или зачѣмъ мальчикъ Гришка мачихой не доволенъ. Велѣдъ за такимъ разговоромъ шли свои мѣры, какъ помочь Ѳеклушѣ покрыть косу и что сдѣлать, чтобы мальчикъ Гришка не былъ мачихой недоволенъ.

Для нея все это было полно живого интереса, можетъ быть совершенно непонятнаго ей внучкамъ.

Въ Орлѣ, когда бабушка пріѣзжала къ намъ, дружбой ея пользовались соборный отецъ Петръ, купецъ Андросовъ и Голованъ, которыхъ для нея и «призывали къ разговору».

Разговоры, надо полагать, и здѣсь были не пустые, не для одного препровожденія времени, а, вѣроятно, тоже про

какія-нибудь дѣла, въ родѣ падавшей на кого-нибудь морали, или неудовольствій мальчика съ мачихой.

У нея поэтому могли быть ключи отъ многихъ тайностей, для насъ, пожалуй, мелкихъ, но для своей среды весьма значительныхъ.

Теперь, въ это послѣднее мое свиданіе съ бабушкой, она была уже очень стара, но сохраняла въ совершенной свѣжести свой умъ, память и глаза. Она еще шла.

И въ этотъ разъ я засталъ ее у того же рабочаго столика съ верхней паркетной дощечкой, изображавшей арфу, поддерживаемую двумя амурами.

Бабушка спросила меня: заѣзжалъ ли я на отцову могилу, кого видѣлъ изъ родныхъ въ Орлѣ и что подѣлываетъ тамъ дядя? Я отвѣтилъ на всѣ ея вопросы и распространился о дядѣ, разсказавъ, какъ онъ разбѣрется со старыми «лыгендами».

Бабушка остановилась и подняла на лобъ очки. Слово «лыгенда» ей очень понравилась: она услышала въ немъ главную передѣлку въ народномъ духѣ и разсмѣялась.

— Это, говоритъ, старикъ чудесно сказалъ про лыгенду.

А я говорю: а мнѣ, бабушка, очень бы хотѣлось знать, какъ это все происходило на самомъ дѣлѣ, не по лыгендѣ.

— Про что же тебѣ именно хотѣлось бы знать?

— Да вотъ про все это: какой былъ этотъ Голованъ? Я его вѣдь чуть-чуть помню, и то все съ какими-то, какъ старикъ говоритъ, лыгендами, а вѣдь конечно же, дѣло было просто...

— Ну, разумѣется, просто, но отчего васъ это удивляетъ, что наши люди тогда купчихъ крѣпостей избѣгали, а просто продажи въ тетрадки писали? Этого еще и впереди много откроется. Приказныхъ боялись, а своимъ людямъ вѣрили, и все тутъ.

— Но чѣмъ, говорю, Голованъ могъ заслужить такое довѣріе? Мнѣ онъ, по правдѣ сказать, иногда представляется какъ будто немножко... шарлатаномъ.

— Почему же это?

— А что такое, напримѣръ, я помню, говорили будто онъ какой-то волшебный камень имѣлъ и своею кровью или тѣломъ, которое въ рѣку бросилъ, чуму остановилъ? За что его «несмертельнымъ» звали?

— Про волшебный камень—вздоръ. Это люди такъ при-

сочинили и Голованъ тому не виновать, а «несмертельнымъ» его прозвали потому, что въ такомъ ужасѣ, когда надъ землею смертныя фиміазмы стояли и всё оробѣли, онъ одинъ безстрашный былъ и его смерть не брала?

— А зачѣмъ же, говорю, онъ себѣ ногу рѣзалъ?

— Икру себѣ отрѣзалъ.

— Для чего?

— А для того, что у него тоже прыщъ чумной сѣлъ. Онъ зналъ, что отъ этого спасенья нѣтъ, взялъ носкорѣе косу, да всю икру и отрѣзалъ.

— Можетъ ли, говорю, это быть!

— Конечно, это такъ было.

— А что, говорю, надо думать о женщинѣ Павлѣ?

Бабушка на меня взглянула и отвѣчаетъ:

— Что же такое? Женщина Павла была Фрапошкина жена; была она очень горестная и Голованъ ее пріютилъ.

— А ее, однако, называли Головановымъ «грѣхомъ».

— Всякъ по себѣ судить и называетъ;—не было у него такого грѣха.

— Но, бабушка, развѣ вы, милая, этому вѣрите?

— Не только вѣрю, но я это знаю.

— Но какъ можно это знать?

— Очень просто.

Бабушка обратилась къ работавшей съ нею дѣвочкѣ и послала ее въ садъ набрать малины, а когда та вышла, она значительно взглянула мнѣ въ глаза и проговорила:

— Голованъ былъ *дѣвственникъ*!

— Отъ кого вы это знаете?

— Отъ отца Петра.

И бабушка мнѣ рассказала, какъ отецъ Петръ незадолго передъ своею кончиною говорилъ ей, какіе люди на Руси бываютъ неимовѣрные, и что покойный Голованъ былъ дѣвственникъ.

Коснувшись этой исторіи, бабушка вошла въ маленькія подробности и припоминала свою бесѣду съ отцомъ Петромъ.

— Отецъ Петръ, говоритъ, сначала и самъ усумнился и сталъ его подробнѣе спрашивать и даже намекнулъ на Павлу. «Нехорошо,—говоритъ,—это: ты не каешься, а соблазняешь. Не достойно тебѣ держать у себя сію Павлу. Отпусти ее съ Богомъ». А Голованъ отвѣтилъ: «Напрасно это вы, батюшка, говорите: пусть лучше она живетъ у

меня съ Богомъ, — нельзя, чтобы я ее отпустилъ». «А почему?..» «А потому, что ей головы приклонить негдѣ...» «Ну, такъ, говорить,—женись на ней!» «А это,—отвѣчаетъ, невозможно», а почему невозможно, — не сказалъ, и отецъ Петръ долго насчетъ этого сомнѣвался; но Павла вѣдь была чахоточная и недолго жила, и передъ смертью, когда къ ней пришелъ отецъ Петръ, то она ему открыла всю причину.

— Какая же, бабушка, была это причина?

— Они жили по любви *совершенной*.

— То-есть какъ это?

— Ангельски.

— Но, позвольте, для чего же это? Вѣдь мужъ Павлы пропалъ, а есть законъ, что послѣ пяти лѣтъ можно выйти замужъ. Неужто они это не знали?

— Нѣтъ, я думаю знали, но они еще кое-что больше этого знали.

— Напримѣръ, что?

— А напримѣръ то, что мужъ Павлы всѣхъ ихъ пережилъ и никогда не пропадалъ.

— А гдѣ же онъ былъ?

— Въ Орлѣ.

— Милая, вы шутите?

— Ни крошечки.

— И кому же это было извѣстно?

— Имъ троица: Головану, Павлѣ, да самому этому негодивцу. Ты можешь вспомнить Фотей?

— Исцѣленнаго?

— Да, какъ хочешь его называй, только теперь, когда всѣ они перемерли, я могу сказать, что онъ совсѣмъ былъ не Фотей, а бѣглый солдатъ Фрапошка.

— Какъ! это былъ Павлы мужъ!

— Именно.

— Отчего же? — началъ — было я, но устыдился своей мысли и замолчалъ, но бабушка поняла меня и договорила:

— Вѣрно хочешь спросить: отчего его никто другой не узналъ, а Павла съ Голованомъ его не выдали? Это очень просто: другіе не узнали его потому, что онъ былъ не городской, да постарѣлъ, волосами заросъ, а Павла его не выдала жалѣючи, а Голованъ ее любячи.

— Но вѣдь юридически, по закону, Франонка не существовать, и они могли ожениться.

— Могли,—по юридическому закону могли, да по закону своей совѣсти не могли.

— За что же Франонка Голована преслѣдовалъ?

— Негодяй былъ покойникъ, — разумѣль о нихъ какъ прочіе.

— А они изъ-за него все счастье у себя и отняли!

— Да вѣдь въ чемъ счастье полагать: есть счастье праведное, есть счастье грѣшное. Праведное ни черезъ кого не переступитъ, а грѣшное все перешагнетъ. Они же первое возлюбили паче послѣдняго.

— Бабушка, — воскликнуть я: — вѣдь это удивительные люди!

— Праведные, мой другъ,—отвѣчала старушка.

Но я все-таки хочу добавить — и удивительные, и даже невѣроятные. Они невѣроятны, пока ихъ окружаетъ легендарный вымыселъ, и становятся еще болѣе невѣроятными, когда удается снять съ нихъ этотъ налетъ и увидеть ихъ во всей ихъ святой простотѣ. Одна одушевляющая ихъ *совершенная любовь* поставляла ихъ выше всѣхъ страховъ и даже подчинила имъ природу, не побуждая ихъ ни закапываться въ землю, ни бороться съ видѣніями, терзавшими св. Антонія.

ИНЖЕНЕРЫ—БЕЗСРЕБРЕННИКИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ тридцатыхъ годахъ истекающаго столѣтiя въ петербургскомъ инженерномъ училищѣ между воспитанниками обнаруживалось очень оригинальное и благородное направленiе, которое можно назвать стремленiемъ къ безукоризненной честности и даже къ святости. Изъ молодыхъ людей, подчинившихся названному направленiю, особенно ревностно ему послужили трое: Брянчаниновъ, Чпхачевъ и Николай Ферморъ. Всѣ эти три воспитанника инженернаго училища представляютъ собою очень любопытные характеры, а судьба ихъ имѣетъ общiй интересъ. Во всякомъ случаѣ въ ней есть многое, что можетъ пригодиться, какъ даннiя для характеристики тридцатыхъ годовъ, а также и для уясненiя современныхъ разномыслий по поводу мнѣнiй о значенiи школы и о независимости человѣческаго характера.

Дмитрiй Александровичъ Брянчаниновъ въ указанномъ направленiи былъ первымъ заводчикомъ: онъ былъ главою кружка любителей и почитателей «святости и чести», и потому о немъ слѣдуетъ сказать прежде прочихъ. Набожность и благочестiе были, какется, врожденною чертою Брянчанинова. По крайней мѣрѣ, по книгѣ, о немъ написанной, извѣстно, что онъ былъ богомоленъ съ дѣтства, и если вѣрить френологическимъ системамъ Галля и Лафатера, то черепъ Брянчанинова являлъ признаки «возвышеннаго богопочитанiя».

Онъ былъ мальчикъ съ чрезвычайно милостивою и располагающею наружностью, которая при выдержанности его характера и благородствѣ манеръ очень сильно къ нему располагала. Но Брянчаниновъ былъ остороженъ съ дѣтства; онъ не довѣрялся всѣмъ ласкамъ безъ разбора и вообще держалъ себя строго.

Такъ онъ умѣлъ себя хорошо поставить съ перваго же дня.

Вскорѣ послѣ принятія его въ инженерное училище, туда пріѣхалъ императоръ Николай Павловичъ, бывшій въ то время еще великимъ княземъ. Онъ заѣзжалъ сюда часто, но на этотъ разъ цѣль посѣщенія была особенная, а именно «выборъ пансіонеровъ».

Николай Павловичъ имѣлъ обыкновеніе самъ выбирать дѣтей въ пансіонеры своего имени и руководился въ этомъ случаѣ не старшинствомъ балловъ пріемнаго экзамена, а личнымъ взглядомъ, т.-е. великій князь назначалъ своими пансіонерами тѣхъ, кто ему нравился.

Извѣстно, что этотъ государь очень вѣрилъ въ проницательность своего взгляда и держался такъ-называемыхъ первыхъ впечатлѣній. Брянчаниновъ же произвелъ на него столь благопріятное впечатлѣніе, что великій князь не только сейчасъ же назначилъ его своимъ пансіонеромъ, но приказалъ мальчику немедленно одѣться и ждать его на подьѣздѣ. Отсюда Николай Павловичъ взялъ Брянчанинова съ собою въ экипажъ и, пріѣхавъ съ нимъ въ Аничковъ дворецъ, повелъ его за собою въ покои великой княгини, впоследствии императрицы Александры Феодоровны *).

Великая княгиня была тогда въ своемъ кабинетѣ и, сидя за письменнымъ столомъ, не слыхала, какъ вошелъ ей супругъ въ сопровожденіи воспитанника Брянчанинова и не оглянулась на нихъ.

Великій князь взялъ Брянчанинова за плечо и поставилъ его за спинкою кресла государыни, а самъ тихо обнялъ супругу и, поцѣловавъ ее въ голову, сказалъ ей по-французски:

---

*) «Жизнеописаніе епископа Игнатія Брянчанинова» говорятъ, что великій князь приказалъ кадету придти во дворецъ, но генералъ Пав. Оед. Ферморъ, товарищъ Брянчанинова, помнитъ, что Николай Павловичъ взялъ Брянчанинова съ собою.

— Я привезъ тебѣ представить моего новаго пансіонера. Посмотри на него.

Государыня оборотилась на стулѣ, посмотрѣла на мальчика въ лорнетъ и съ довольною улыбкой сказала:

— Это прекрасный мальчикъ.

Вслѣдъ затѣмъ Брянчаниновъ былъ накормленъ во дворцѣ сытнымъ завтракомъ и отпущенъ въ училище, гдѣ его ждали, и тотчасъ же подвергли обстоятельнымъ разпросамъ о томъ, что съ нимъ было.

Скромный, но правдивый юноша разсказалъ все по порядку и по правдѣ.

Благоволеніе великаго князя ему послужило въ большую пользу.

Начальство училища съ этого же дня обратило на Брянчанинова особенное вниманіе. Характеръ и способности юноши были изучены и опредѣлены въ точности и въ первый же разъ послѣ этого, когда великій князь спросилъ:

— Какъ Брянчаниновъ?

Ему по сущей справедливости отвѣчали:

— Онъ во всѣхъ отношеніяхъ примѣрный.

— Очень радъ, — замѣтилъ съ удовольствіемъ Николай Павловичъ, прозорливость котораго въ этомъ случаѣ получила себѣ пріятное ему подтвержденіе.

— А каковы его наклонности и характеръ?—продолжалъ государь.

— Онъ очень религіозенъ и отличной нравственности.

— Я очень радъ, и очень желалъ бы, чтобы такіе же были и другіе. Пусть онъ имъ служить примѣромъ.

Приведенныя слова государя моментально сдѣлались извѣстными воспитанникамъ и между ними быстро образовался кружокъ юношей, желавшихъ какъ можно болѣе подражать Брянчанинову, и Брянчаниновъ получилъ въ этомъ кружкѣ значеніе вождя.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Особенное благорасположеніе великаго князя оказало свое вліяніе на Брянчанинова въ томъ смыслѣ, что онъ вдругъ какъ бы ускоренно созрѣлъ и сдѣлался еще серьезнѣе. Кружокъ его состоялъ человекъ изъ десяти, и изъ нихъ особенно дружной Брянчанинова сразу сталъ пользоваться Миша Чихачевъ, которому Брянчаниновъ и открывалъ свою

душу и заповѣдныя думы, выразившія его направленія и цѣли.

— Самое главное въ нашемъ положеніи теперь то, — внушала онъ Чихачеву: — чтобы сберечь себя отъ гордости. Я не знаю, какъ мнѣ быть благодарнымъ за незаслуженную милость великаго князя, но постоянно думаю о томъ, чтобы сохранить то, что всего дороже. Надо слѣдить за собою, чтобы не начинать превозноситься. Прощу тебя: будь мнѣ другъ — наблюдай за мною и предостерегай, чтобы я не могъ утрачивать чистоту моей души.

Чихачевъ обѣщалъ ему эту помощь.

— Прекрасно, — отвѣчалъ онъ: — я всегда скажу тебѣ правду, но въ этомъ и не будетъ надобности, такъ какъ ты уже нашелъ средства спасти себя отъ соблазна.

— Что ты этимъ хочешь сказать?

— Ты самъ сказалъ: надо *не начинать*, и если ты никогда не будешь начинать, то оно никогда и не начнется...

— Твоя правда, — отвѣтилъ, подумавъ. Брянчаниновъ: — но... все-таки наблюдай за мною. Я боюсь, что могу быть втянутъ на этотъ путь отъ тѣхъ самыхъ людей, которые должны быть мнѣ примѣромъ. Вѣдь мы «должны быть покорны начальникамъ нашимъ...»

— Да, это правда, — отвѣтилъ Чихачевъ и тотчасъ же замѣтилъ, что лицо Брянчанинова вдругъ какъ бы озарилось какою-то радостною мыслью, — онъ взялъ товарища за обѣ руки, сжалъ ихъ въ своихъ рукахъ и, глядя съ серьезною восторженностью вверхъ, какъ бы читалъ подъ высокимъ карнизомъ покоя:

— Я вижу одно вѣрное средство для того, чтобы не поддаться опасности соблазна, который представляютъ люди, и ты, можетъ-быть, отгадываешь, въ чемъ оно заключается...

— Мнѣ кажется, что я отгадываю, о чемъ ты думаешь.

— Я думаю, что надо всегда смотрѣть на Богочеловѣка.

— Ты правъ.

— Повѣрь, — если мы не будемъ сводить съ Него нашихъ мысленныхъ глазъ и будемъ стараться во всемъ Ему слѣдовать, то для насъ нѣтъ никакой опасности. Онъ насъ спасетъ отъ опасности потерять себя во всѣхъ случаяхъ жизни.

— Вѣрю.

— И вотъ Онъ съ нами, и мы въ Немъ, и Онъ въ насъ. Мнѣ кажется, я понялъ сейчасъ въ этихъ словахъ новый удивительный смыслъ.

— И я тоже.

Товарищи восторженно обнялись и съ этой минуты сдѣлались неразрывными друзьями. Дружба ихъ, впрочемъ, носила особый отпечатокъ чего-то аскетическаго. Они дружили для того, чтобы поддерживать одинъ другого въ общемъ ихъ стремленіи уйти отъ житейскихъ соблазновъ къ подпявшему ихъ возвышенному идеалу чистой жизни въ духѣ христіанскаго ученія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Изъ различныхъ путей, которыми русскіе образованные люди подобнаго настроенія въ то время стремились къ достиженію христіанскаго идеала, наибольшимъ вниманіемъ и предпочтеніемъ пользовались библейскій пэтизмъ и тяготѣніе къ католичеству, но Брянчаниновъ и Чихачевъ не пошли во слѣдъ ни за однимъ изъ этихъ направленій, а избрали третье, которое тогда только обозначалось и потому довольно долго держалось въ обществѣ: это было православіе въ духѣ митрополита Михаила. Многіе тогдашніе люди съ благочестивыми стремленіями и съ образованнымъ вкусомъ, по той или по другой причинѣ, никакъ не могли «принять все какъ въ катехизисѣ», но не хотѣли слухать и «чуждаго гласа», а получали успокоеніе для своихъ мучительныхъ противорѣчій въ излюбленныхъ толкованіяхъ и поученіяхъ Михаила. Находить же религіозное примиреніе съ своею совѣстью—кому не дорого изъ людей, имѣющихъ совѣсть? И у Михаила было очень много почитателей, оставшихся ему вѣрными и послѣ того, какъ въ его сочиненіяхъ признано было не все «соответственнымъ».

Брянчаниновъ и Чихачевъ были изъ числа большихъ почитателей преосв. Михаила *). Они внимали и охотно усваивали его религіозныя мнѣнія и пошли по его напра-

---

*) Въ книгѣ о жизни Брянчанинова, на стр. 15-й, упоминается, что «въ то время разнообразныя религіозныя идеи занимали столицу съ-верную, препирались и боролись между собою», но не показано, какъ эта борьба касалась Брянчанинова и Чихачева, а не касаться ихъ она не могла. Устные указанія на то, что они читали сочиненія митрополита Михаила, отнюдь не представляются певѣроподобными.

вленію, въ которомъ они могли не предаваться чуждому русской натурѣ вліянію католичества и въ то же время не оставаться наединѣ безъ всякой церковной теплоты, на что приходилось обречь себя людямъ, слѣдовавшимъ строгоніэтистическимъ традиціямъ.

Оба молодые человека рано стали вести самую воздержную жизнь, разумѣя воздержность не въ одной пищѣ, но главнымъ образомъ въ недопущеніи себя до гнѣва, лжи, раздражительности, мщенія и лести. Это дало ихъ характерамъ не только отпечатокъ благородства, но и благочестія, которое вскорѣ же было замѣчено сначала товарищами, а потомъ и начальствомъ, и создало Брянчанинову такое почетное положеніе среди воспитанниковъ, какого не достигалъ въ инженерномъ училищѣ никто другой ни до него, ни послѣ него. Ему всѣ вѣрили и никто не имѣлъ случая сожалѣть о своей съ нимъ откровенности, но откровенность эта тоже имѣла особенный, ограничительный характеръ, отвѣчавшій характеру благочестиваго юноши, рано получившаго отъ товарищей прозвище «монаха». Брянчанинову нельзя было говорить ни о какихъ школьныхъ радостяхъ, такъ какъ онъ всегда былъ серьезенъ и не любилъ дурныхъ школьныхъ продѣлокъ, которыя тогда были въ большомъ ходу въ закрытыхъ русскихъ училищахъ. Ни Брянчаниновъ, ни Чихачевъ не участвовали тоже ни въ какихъ проявленіяхъ молодечества и прямо говорили, что они желаютъ не знать о нихъ, потому что не хотятъ быть о нихъ спрошенными, ибо не могутъ лгать и не желаютъ ни на кого доказывать. Такая твердая откровенность поставила ихъ въ особенное, прекрасное положеніе, въ которомъ они никогда не были въ необходимости никого выгораживать, прибѣгая ко лжи, и ни на кого ничего не доказывали. Воспитатели знали этотъ «духъ» Брянчанинова и Чихачева и никогда ихъ не спрашивали въ тѣхъ случаяхъ, когда представлялась надобность изслѣдовать какую-нибудь кадетскую продѣлку. Съ откровенностями въ этомъ родѣ товарищи къ Брянчанинову и Чихачеву и не появлялись, но зато во всѣхъ другихъ случаяхъ, если встрѣчалось какое-либо серьезное недоразумѣніе, или кто-нибудь имѣлъ горе и страданіе, тѣ смѣло обращались къ «благочестивымъ товарищамъ-монахамъ» и всегда находили у нихъ самое теплое, дружеское участіе. Къ Брянчанинову обращались

тоже въ случаѣ несогласіи между товарищами и его мнѣніе принимали за рѣшеніе, хотя онъ самъ всегда устранился отъ суда надъ другими, говоря: «меня никто не поставилъ, чтобы судить и дѣлать другихъ». Но самъ онъ дѣлился съ нуждающимися всѣмъ, чѣмъ могъ подѣлиться.

Чихачевъ хотя былъ того же самаго духа, какъ и другъ его Брянчаниновъ, но имѣлъ второстепенное значеніе, съ одной стороны потому, что Брянчаниновъ обладалъ болѣе яркими способностями и прекраснымъ даромъ слова, а съ другой — потому, что болѣе молодой по лѣтамъ. Чихачевъ добровольно тушевался и самъ любилъ при каждомъ случаѣ отдавать первенство своему другу.

Вліяніе ихъ на товарищій было большое; учились они оба прекрасно и начальство заведенія надѣялось, что изъ нихъ выйдутъ превосходные инженеры. Въ томъ же былъ увѣренъ и великій князь, который «очень желалъ видѣть въ инженерномъ вѣдомствѣ честныхъ людей».

Оба друга окончили курсъ въ 1826 г., сохранивъ за собою свое почетное положеніе до послѣдняго дня своего пребыванія въ училищѣ, оставили тамъ по себѣ самую лучшую память, а также и нѣсколькихъ послѣдователей, изъ которыхъ потомъ вскорѣ же отличился своею непосредственностью и неуклонностью своего поведенія Николай Ферморъ, о которомъ расскажемъ ниже.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

По окончаніи кадетскихъ классовъ въ инженерномъ училищѣ, Брянчаниновъ и Чихачевъ вышли на вольную квартиру и поселились вмѣстѣ на Невскомъ проспектѣ въ большомъ и очень нелѣпомъ домѣ Лопатина. Дома этого теперь уже не существуетъ, — онъ сломанъ и по мѣсту, которое занималъ его обширный дворъ, пролегаетъ нынѣшняя Пушкинская улица.

Удаленіе изъ-подъ надзора, которому друзья подчинились въ закрытомъ заведеніи, открыло имъ большую свободу располагать своимъ временемъ, сообразно своимъ стремленіямъ и вкусамъ. Они этимъ и воспользовались. Они повели образъ жизни самый строгій, — чисто-монашескій, — соблюдали постные дни; не посѣщали никакихъ увеселеній и гульбищъ; избѣгали всякихъ легкомысленныхъ знакомствъ и ежедневно посѣщали церковь. Каждый день

они вставали очень рано и шли пѣшкомъ въ Невскую лавру, гдѣ выслушивали раннюю обѣдню, и затѣмъ тамъ же пили чай у голосистаго іеродіакона Виктора *). Объ этомъ Викторѣ сохранилось преданіе, какъ о монахѣ очень слабомъ, — онъ велъ самую нетрезвую жизнь и говорилъ всѣмъ грубости, но ему все это прощалось за хорошій голосъ и за отбѣнное мастерство руководить исполнителями при торжественныхъ богослуженіяхъ. Но, какъ человекъ, онъ былъ очень добръ, прямъ и до того откровененъ, что не могъ нимало покривить душою и притвориться. Такою своею прямою онъ содержалъ въ постоянномъ страхѣ извѣстнаго Андрея Николаевича Муравьева, котораго находилъ «противнымъ», а его молодыхъ «сень-сировъ» называлъ «сквернавцами», и просто выгонялъ вонъ.

Помолившись за раннею обѣдней и напившись чаю у Виктора, друзья шли въ свое инженерное училище, въ офицерскіе классы, гдѣ оставались положенное время, а потомъ уходили домой, скромно трапезовали и все остальное время дня проводили за учебными занятіями, а покончивъ съ ними, читали богословскія и религіозныя книги, опять-таки отдавая передъ многими изъ нихъ предпочтеніе сочиненіямъ митрополита Михаѣла **).

Мягкое, миролюбивое, христіанское настроеніе этого писателя оказало чрезвычайно сильное вліяніе на обоихъ молодыхъ людей и измѣнило путь ихъ жизни и дѣятельности. Первое, чѣмъ повредилъ имъ Михаѣлъ, выразилось тѣмъ, что ни Брянчаниновъ, ни Чихачевъ не захотѣли воевать и не могли сносить ничего того, къ чему обязывала ихъ воен-

---

*) Разсказъ о близости Брянчанинова и Чихачева съ Викторомъ представляется страшнымъ и почти невѣроятнымъ. Извѣстно, что они ходили въ лавру къ *духовнику* и что лица, желавшія отклонить ихъ отъ набожности, дѣлали въ этомъ направленіи большія усилія. Не слѣдуетъ ли думать, что юноши, съ своей стороны, старались скрывать, къ кому именно они ходили въ лавру, а ихъ товарищи думали, что они ходятъ къ веселому Виктору.

***) Михаѣлъ Десницкій, изъ студентовъ московской академіи, былъ приходскимъ священникомъ, потомъ придворнымъ священникомъ Зимняго дворца, потомъ придворнымъ іеромонахомъ, и съ 1818 года митрополитомъ петербургскимъ. Скончался 24-го марта 1821 года. Сочиненія его до сихъ поръ многими любимы и высоко цѣнятся, но они рѣдко встрѣчаются въ продажѣ. Специалисты, впрочемъ, находятъ въ нихъ большіе недостатки.

ная служба, для которой они были приготовлены своимъ спеціальнымъ военнымъ воспитаніемъ. Потомъ они не попадали въ общій тонъ тогдашняго инженернаго вѣдомства, гдѣ тогда инспекторствовалъ генераль Ламновскій, имя котораго было исторически связано съ поставкою въ казну мрамора, почему его и звали «мраморнымъ». Въ инженерномъ вѣдомствѣ многіе тогда были заняты заботами о наживѣ и старались ставить это дѣло «правильно и братски»,—вырабатывали *систему самовознагражденія*.

«Монахи» не хотѣли ни убивать людей, ни обворовывать государства и потому, можетъ-быть, по неопытности, сочли для себя невозможною инженерную и военную карьеру и рѣшили удалиться отъ нея, не смотря на то, что она могла имъ очень улыбаться, при ихъ хорошихъ родственныхъ связяхъ и при особенномъ вниманіи императора Николая Павловича къ Брянчанинову. Государь хотя о немъ теперь уже не освѣдомлялся такъ часто, какъ прежде, но если бы Брянчаниновъ захотѣлъ, то ему, при его упомянутыхъ родственныхъ связяхъ, всегда было легко напомнить о себѣ государю, и тотъ, безъ сомнѣнія, оказалъ бы ему свою всеильную помощь. Брянчаниновъ, однако, этого не только не искалъ, но даже удерживалъ родныхъ отъ всякихъ о немъ заботъ въ этомъ родѣ. Онъ старался держать себя незамѣтно и скромно и какъ будто имѣлъ на умѣ что-то другое.

Свершено такъ же велъ себя и Чихачевъ. А между тѣмъ они оба окончили офицерскіе классы и были вышущены на службу. Брянчаниновъ изъ верхняго класса въ Динабургъ, а Чихачевъ изъ нижняго—въ учебный саперный батальонъ. Тутъ они на время разстались и въ 1827 году Брянчаниновъ выпросился въ отставку и ушелъ въ свирскій монастырь, гдѣ и остался послушникомъ. По другимъ свѣдѣніямъ это было иначе, и это интересно, потому что вторая версія содержательнѣе и полнѣе выражаетъ поэтическую борьбу молодыхъ аскетовъ, какъ о ней рассказывали въ обществѣ.

По разсказамъ современниковъ, Брянчаниновъ и Чихачевъ колебались уходить изъ міра въ монастырь и рѣшились на это только тогда, когда представилась необходимость взяться за оружіе для настоящихъ военныхъ дѣйствій.

Какъ только у насъ возгорѣлась война съ Турцією, то

Чихачевъ и Брянчаниновъ оба разомъ подали просьбы объ отставкѣ. Это было и странно, и незаконно, и даже постыдно, такъ какъ представляло ихъ трусами, но тѣмъ не менѣе они ни на что это не посмотрѣли и просили выпустить ихъ изъ военной службы въ отставку.

Истинная причина ихъ уклоненія отъ военной службы въ прошеніяхъ ихъ была не объяснена, но ихъ семейнымъ и друзьямъ было извѣстно, что она заключалась въ томъ, что они находили военное дѣло несомвѣстнымъ съ своими христіанскими убѣжденіями. Какъ люди послѣдовательные и искренніе, они не хотѣли не только воевать оружіемъ, но находили, что не могутъ и служить приготовленіемъ средствъ къ войнѣ. Впрочемъ, и самое возведеніе оборонъ они не усматривали возможности производить съ полною честностью. Имъ казалось, что надо было «попасть въ систему самовознагражденія» или противодѣйствовать тѣмъ, чьи приказанія должно было исполнять.

Конечно, со стороны молодыхъ людей тутъ было, можетъ-быть, значительное преувеличеніе опасности, но тогда взятки царилі повсюду и самъ государь Николай Павловичъ, какъ явствуетъ изъ многихъ напечатанныхъ впоследствии анекдотовъ, находилъ себя не въ силахъ остановить это страшнѣйшее зло его времени.

Нашимъ «монахамъ» казалось, что служить честно—это значило постоянно поперечить всѣмъ желающимъ паживаться, и надо порождать распри и несогласія, безъ всякой надежды отстоять правду и не допускать повсюду царствовавшихъ злоупотребленій. Они поняли, что это подвигъ, требующій такой большой силы, какой они въ себѣ не находили, и потому они рѣшились бѣжать.

Борецъ болѣе смѣлый еще подрасталъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.]

Когда государю было доложено, что Брянчаниновъ и Чихачевъ подали прошенія объ отставкѣ, императоръ разгнѣвался и сказалъ: «это вздоръ!»—и ихъ не выпустили. Надо было покориться, но при хорошихъ связяхъ тогда удавалось многое, что для людей обыкновеннаго положенія было невозможно. Черезъ нѣкоторое время, когда войска наши уже двинулись въ Турцію, Брянчаниновъ и Чихачевъ опять подали вторично просьбы объ отставкѣ, но въ

этотъ разъ приобѣгнули уже къ содѣйствию тѣхъ родственныхъ связей, которыми не хотѣли пользоваться до сей поры для другихъ цѣлей. Связи эти были столь сильны, что дѣло прошло какъ-то мимо государя и Чихачева съ Брянчаниновымъ тихонько выпустили въ отставку, «подъ сурдинкою».

Это было будто бы уже на походѣ и молодые друзья должны были отстать отъ своихъ частей при пересудахъ и ропотѣ своихъ товарищей, изъ которыхъ одни имъ завидовали, какъ баричамъ, уходившимъ отъ службы въ опасное время, а другіе старались дать имъ чувствовать свое презрѣніе, какъ трусамъ.

Друзья предвидѣли такое истолкованіе своего поступка и перенесли эти непріятности съ давно выработаннымъ въ себѣ спокойствіемъ. Въ утѣшеніе себѣ они знали, что они не трусы, и удаляются отъ войны не изъ боязни смерти, а потому они не обижались, а спѣшили какъ можно скорѣе и незамѣтнѣе «бѣжать изъ арміи».

Выходъ ихъ будто бы, въ самомъ дѣлѣ, былъ похожъ на побѣгъ: объ отпускѣ ихъ изъ частей старались не говорить,—ихъ будто куда-то «послали» и потомъ они совсѣмъ скрылись, избѣжавъ, такимъ образомъ, еще многихъ другихъ непріятностей *).

Сначала они будто отправились къ сѣверу вмѣстѣ, но на дорогѣ разстались: Брянчаниновъ поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ пребываніе его казалось очень опаснымъ, потому что онъ тутъ безпрестанно рисковалъ попасть въ глаза императору, а Чихачевъ пріѣхалъ къ своей сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ, по мужѣ Кутузовой. Онъ говорилъ о своемъ возвращеніи не много и не ясно, а о дальнѣйшихъ своихъ намѣреніяхъ совсѣмъ не говорилъ ничего. Его находили «страннымъ», какъ будто потеряннымъ или отрѣшеннымъ отъ міра, и не предающимся живо ни радостямъ, ни печалямъ. Это было очень тяжело видѣть въ молодомъ человѣкѣ, и семейные Чихачева общими силами старались

---

*) Эта часть разсказа совершенно не согласна съ тѣмъ, что читается въ жизнеописаніи Брянчанинова и представляетъ настоящую легенду, въ которой удаленіе молодыхъ людей отъ міра желали представить какъ можно эффектибѣе. Однако, разсказъ этотъ держится въ этомъ видѣ до сихъ поръ и ему вѣрятъ, несмотря на то, что книга передастъ дѣло иначе.

узнать, «что у него на дунѣ». Одни думали «влюбленъ», другимъ казалось «замѣшанъ», а одинъ родственникъ съ волтерьянскою заправкой увѣрялъ, что племянникъ «помѣшанъ».

— На чемъ?

— Гордецъ. Хочетъ быть лучше всѣхъ... Набожный чистоплюй... Пусть мѣръ тонетъ въ смрадѣ грѣха, а онъ будетъ сидѣть какъ дроздъ на березкѣ, и свои перышки перещипать носикомъ... Чистоплюй!

На этого волтерьянца махали рукою, а Чихачевъ въ одинъ прекрасный день пропалъ изъ дома.

Мать и сестра его были въ отчаяніи. Особенно мать, безпокойства которой возрастали отъ цѣлой тучи предположеній и догадокъ, одна тревожила другой. Положеніе было ужасное. Семья и старалась искать бѣглеца и въ то же время боялась, чтобы не распространился широко слухъ объ его исчезновеніи. Надо было, чтобы это не дошло какъ нибудь въ Петербургъ до государя. Всего ужасно боялись, — и надо было бояться. Начались и очень долго продолжались въ величайшемъ секретѣ большіе поиски, въ которыхъ принимали участіе родственники пропавшаго и особенно преданные и довѣренныя крѣпостные слуги, — шла съ кѣмъ можно осторожная, но горячая переписка, но все это оставалось безъ результатовъ. Спросили даже волтерьянца, но тотъ вмѣсто отвѣта посоветовалъ читать житіе Алексѣя человѣка Божія, такъ какъ, по его мнѣнію, Чихачевъ будто всего вѣроятнѣе поревнуетъ примѣру этого святого. На «безчувственнаго циника» кивали головами, а слѣдовъ пропавшаго бѣглеца все-таки не находили нигдѣ. Семья и особенно мать переносили тяжкое горе и вдобавокъ должны были молчать и не показывать вида, что молодой человѣкъ уроналъ, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, онъ самъ объявился въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ на Волгѣ. Волтерьянецъ угадывалъ всѣхъ ближе къ истинѣ: оба друга, Чихачевъ и Брянчаиновъ, появились вмѣстѣ въ Бабайки и тутъ же оба вмѣстѣ начали одновременно свой путь въ пнчествѣ, которое было имъ какъ бы врожденно и въ школѣ напроорочецо *).

*) На самомъ дѣлѣ Брянчаиновъ попалъ въ Бабайки только въ концѣ своей монашеской жизни, а Чихачевъ былъ здѣсь очень короткое время для свиданія съ другомъ.

Гдѣ бѣжавшій изъ имѣнія О. В. Кутузовой Чихачевъ встрѣтился съ появившимся на короткое время въ Петербургѣ Брянчаниновымъ,—это осталось ихъ тайною, которая, можетъ-быть, и не представляетъ ничего особенно интереснаго, но, тѣмъ не менѣе, они объ этомъ никогда не говорили. Важенъ тотъ фактъ, какъ и гдѣ началось это «послѣдованіе Алексѣю человеку Божию» и чѣмъ оно разрѣшилось, представивъ собою намъ два врожденные характера, достопримѣчательные своею цѣльностью и послѣдовательностью.

Ихъ не въ силахъ были измѣнить ни среда школы и ея направленіе, ни самый лестный фаворъ, ни строгое осужденіе, ни укорины трусостью, какъ порокомъ, который долженъ бы несомно уязвлять благородное чувство, если бы оно не видало себѣ оправданія въ идеалѣ высшемъ. Пусть, быть-можетъ, этотъ идеалъ понятъ и узко, но тѣмъ не менѣе онъ требовалъ настоящаго мужества для своего цѣлостнаго осуществленія. И у Брянчанинова съ Чихачевымъ не оказалось недостатка въ мужествѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Проходитъ рядъ лѣтъ тихихъ монастырскихъ трудовъ и Брянчаниновъ слова понадеетъ на видъ государя. Сдѣлать это рѣшился московскій митрополитъ Филаретъ Дроздовъ, которому, конечно, не безызвѣстно было, что императоръ Николай Павловичъ не хотѣлъ выпускать Брянчанинова въ отставку. Напомнить теперь о немъ значило привести на память государю всю исторію, и онъ могъ спросить: кто и когда выпустилъ Брянчанинова? Но Филаретъ все-таки вывелъ Брянчанинова, приспособленнаго совсѣмъ не къ тѣмъ цѣлямъ, къ которымъ его тщательно приготовляло петербургское инженерное училище.

Спустя лѣтъ десять, въ продолженіе которыхъ императоръ Николай Павловичъ не вспоминалъ о Брянчаниновѣ и Чихачевѣ, государь въ одну изъ своихъ побывокъ въ Москвѣ посѣтилъ митрополита Филарета и выражалъ неудовольствіе по поводу событій, свидѣтельствовавшихъ о большой раснущенности въ жизни монаховъ *).

*) На самомъ дѣлѣ разговоръ въ этомъ родѣ происходилъ въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ.

лить не возражалъ, но сказалъ, что есть теперь прекрасный игумень, настоящій монахъ, на котораго можно положиться и съ нимъ можно будетъ многое поочистить и исправить въ монастыряхъ.

— Кто этотъ рѣдкій человѣкъ?—спросилъ государь.

— Игнатій Брянчаниновъ.

— Брянчаниновъ? Я помню одного Брянчанинова въ ижекверномъ училищѣ.

— Это тотъ самый и есть.

— Развѣ онъ пошелъ въ монахи?

— Онъ уже игумень.

— Да, я помню, онъ и въ училищѣ еще отличался набожностью и прекраснымъ поведеніемъ. Я очень радъ, что онъ нашелъ свое призваніе и можетъ быть полезнымъ для управы съ монахами. Они невозможны.

— Отецъ Игнатій уже привелъ нѣсколько монастырей въ отличный порядокъ.

— Въ такомъ разѣ, если онъ у васъ уже привелъ въ порядокъ, то я попрошу васъ теперь дать его мнѣ, чтобы онъ мнѣ поочистилъ хоть немножко мою петербургскую Сергіевскую пустынь. Тамъ монахи ведутъ себя такъ дурно, что подають огромный соблазнъ.

— Воли вашего величества будетъ исполнена, и я твердо надѣюсь, что Игнатій Брянчаниновъ окажется полезнымъ всюду, куда вамъ угодно будетъ его назначить.

— Очень радъ, но жалѣю, что онъ одинъ такой: одинъ въ полѣ—не воинъ.

— Съ нимъ есть его другъ,—такой же строгій монахъ,— Чихачевъ.

— Ба! Чихачевъ! Это тоже изъ той же семьи,—мой кадетъ.

— Точно такъ, ваше величество.

— Ну, такъ и прошу перевести ихъ вмѣстѣ.

Брянчаниновъ пріѣхалъ игуменомъ въ Сергіевскую пустынь и привезъ съ собою друга своего Чихачева, который былъ съ этой поры его помощникомъ, и оба они начали «чистить» и «подтягивать» сергіевскихъ монаховъ, жизнь которыхъ въ то время, дѣйствительно, представляла большой соблазнъ, легендарныя сказанія о коемъ и до сей поры увеселяють любителей этого жанра *).

*) На это есть указанія и въ «Жизнеописаніи» (стр. 66 и 67).

Послѣдующая духовная карьера Игнатія Бряичанинова известна. Онъ былъ епископомъ безъ образовательнаго ценза и имѣлъ много почитателей и много враговъ.

Чихачевъ не достигъ такихъ высокихъ іерархическихъ степеней и къ нимъ не стремился. Ему во всю жизнь правилось тихое, незамѣтное положеніе и онъ продолжалъ тупеваться какъ при другѣ своемъ Бряичаниновѣ, такъ и послѣ. Превосходный музыкантъ, иѣвецъ и чтець, онъ занимался хоромъ и чтецами и былъ извѣстенъ только въ этой области. Вель онъ себя какъ настоящій шнокъ, никогда, впрочемъ, не утрачивая отпечатка хорошаго общества и хорошаго тона, даже подъ схимою. Схиму носилъ съ рѣдкимъ достоинствомъ, устраниая отъ себя всякое покушеніе разглашать что-либо о какихъ бы то ни было его особенныхъ дарахъ.

Даже набожныя дамы, создающія у насъ репутацію святыхъ и чудотворцевъ при жизни, ничего особеннаго о Чихачевѣ внушать не смѣли. Онъ ни предказаній не дѣлалъ, ни чудесъ не творилъ.

Музыкальныя и вокальныя способности и познанія Чихачева до нѣкоторой степени характеризуются слѣдующимъ за достовѣрное сообщаемымъ случаемъ: одна изъ его родственницъ, Марія Павловна Ферморъ, была замужемъ за петербургскимъ генераль-губернаторомъ Кавелинымъ. Чихачевъ нерѣдко навѣщалъ ее. Однажды, когда онъ сидѣлъ у Кавелиной, къ ней пріѣхалъ съ прощальнымъ визитомъ извѣстный Рубини. Кавелина, знакомя встрѣтившихся гостей, сказала Рубини, что Чихачевъ—ея дядя, и что онъ хотя и монахъ, но прекрасно знаетъ музыку и обладаетъ превосходнымъ голосомъ.

— Но васъ онъ никогда не слыхалъ, — добавила Марія Павловна.

— Почему же это такъ?

— Это потому, что у насъ духовныя лица не могутъ ходить въ театры.

— Какая жалость, — отвѣчалъ Рубини: — музыка возвышаетъ чувства и театръ можетъ наводить на очень глубокія размышленія.

— Ну, ужъ какъ бы это тамъ ни было, а у насъ такое правило, что монахи оперъ не слушаютъ.

— Но, все равно, вашъ дядюшка могъ быть въ моемъ концертѣ.

Кавелина улыбнулась и отвѣчала:

— Нашимъ монахамъ не позволено бывать и въ концертахъ.

— Это варварство!—воскликнуть Рубини:—и, я думаю, вы не станете ему слѣдовать и не запретите мнѣ сѣсть при вашемъ дядѣ.

— Я буду съ этого въ восторгѣ.

— А вы ничего противъ этого не имѣете? — обратился, живо вставая съ мѣста, Рубини къ самому Чихачеву.

— Я очень радъ слышать знаменитаго Рубини.

— Въ такомъ случаѣ Рубини поетъ съ двойною цѣлью, чтобы доставить удовольствіе хозяйкѣ дома и своему собрату, а въ то же время, чтобы сдѣлать неудовольствіе грубымъ людямъ, не понимающимъ, что музыка есть высокое искусство.

Марія Павловна Кавелина открыла рояль и сѣла аккомпанировать, а Рубини всталъ и прошѣлъ для Чихачева нѣсколько лучшихъ своихъ арій.

Чихачевъ слушалъ съ глубочайшимъ вниманіемъ, и когда пѣніе было окончено, онъ сказалъ:

— Громкая слава ваша нисколько не преувеличиваетъ достоинствъ вашего голоса и умѣнья. Вы поете превосходно.

Такъ скромно и достойно выраженная похвала Чихачева чрезвычайно понравилась Рубини. Ему, конечно, давно уже надокучили и опротивѣли всѣ ополѣвшіе возгласы дешеваго восторга, которыми люди банальныхъ вкусовъ считаютъ за необходимое привѣтствовать артистовъ. Въ словахъ Чихачева, дѣйствительно, была похвала, которую можно принять, не краснѣя за того, кто хвалить. И Рубини, сжавъ руку монаха, сказалъ:

— Я очень радъ, что мое пѣніе вамъ нравится, но я хотѣлъ бы имѣть понятіе о вашемъ пѣніи.

Чихачевъ сейчасъ же, молча, всталъ, самъ сѣлъ за фортепіано и, самъ себѣ аккомпанируя, прошѣлъ что-то изъ какого-то духовнаго концерта.

Рубини пришелъ въ восхищеніе и сказалъ, что онъ въ жизнь свою не встрѣчалъ такой удивительной октавы и жалѣеть, что лучшіе композиторы не знаютъ о существованіи этого голоса.

— Къ чему же бы это послужило?—произнесъ Чихачевъ.

— Для вашего голоса могли быть написаны вдохновенныя партіи и ваша слава, вѣроятно, была бы громче моей!

Чихачевъ молчалъ и, сидя бокомъ къ клавиатурѣ, тихо перебиралъ клавиши.

Рубини всталъ и началъ прощаться съ Кавелиной и съ ея гостемъ.

Подавъ руку Чихачеву, онъ еще разъ сильно сжалъ его руку, посмотрѣлъ ему въ глаза и воскликнулъ съ восторгомъ:

— Ахъ, какой голосъ! какой голосъ пропадаетъ безвѣстно!

— Онъ не пропадаетъ: я имъ пою Богу моему дондеже емь,—проговорилъ Чихачевъ по-русски.

Рубини попросилъ перевести ему эту фразу и, подернувъ плечами, сказалъ:

— Ага!.. Да, да... это другое дѣло.

Къ сожалѣнію, престарѣлый свидѣтель этого происшествія не могъ вспомнить, что такое нѣлъ для Рубини Чихачевъ въ гостиниой М. П. Кавелиной. А это очень любопытно, потому что голосъ у Чихачева была знаменитая октава, которая очень важна въ хорѣ, но не сою. Слѣдовательно, очень бы интересно знать, что такое Чихачевъ могъ исполнить одной своею октавою, и притомъ въ такомъ совершенствѣ, что вызвалъ восторги у Рубини.

Можетъ-быть, кто-нибудь это знаетъ отъ какого-нибудь болѣе памятливаго свидѣтеля или современника. Это весьма возможно, такъ какъ встрѣча Рубини съ Чихачевымъ въ гостиниой генералъ-губернаторскаго дома и все, что тамъ произошло, говорятъ, очень быстро распространилось въ «свѣтѣ» и было разнесено молвою по городу. Зналъ объ этомъ и императоръ Николай, и отвѣтъ Чихачева: «пою Богу моему» чрезвычайно ему понравился.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Послѣ выхода Брянчаннинова и Чихачева изъ инженернаго училища, тамъ не переставалъ держаться *ихъ духъ*, которымъ отъ нихъ «надышались» малыши, и въ свою очередь показали черты, совершенно непригодныя для службы, къ какой они предназначались по своему спеціальному образованію. Однимъ изъ наиболѣе «надышавшихся» былъ Николай Ферморъ.

Въ инженерномъ училищѣ воспитывались два брата Ферморы, Павелъ и Николай. Старшій, Павелъ Ѳеодоровичъ, учился въ одно время съ Брянчаниновымъ, былъ съ нимъ друженъ и находился подъ его непосредственнымъ духовнымъ вліяніемъ, а младшій, Николай Ѳеодоровичъ, шелъ позже, вѣрды за братомъ, и поступилъ въ инженерное училище, когда государь Николай Павловичъ уже пересталъ быть великимъ княземъ, а сдѣлался императоромъ. Непосредственное вниманіе его тогда къ училищу, за множественномъ другихъ дѣлъ, уже прекратилось и только въ преданіяхъ рассказывалось, какъ онъ, бывало, заходилъ въ училище съ вечерней прогулки, иногда даже вдводемъ съ государыней Александрой Ѳеодоровной. Ее, бывало, оставить въ затѣ, а самъ обходилъ дортуары, гдѣ воспитанники уже спали, и Ламновскій чаще всѣхъ имѣлъ удачу встрѣчать великаго князя и черезъ то казался ему очень усерднымъ къ своему инспекторскому служенію, что на самомъ дѣлѣ было далеко не такъ.

По вступленіи Николая Павловича на престолъ, высшее попеченіе объ инженерномъ училищѣ имѣлъ братъ государя, великій князь Михаилъ Павловичъ. Онъ слылъ за очень строгаго и грознаго и любилъ, чтобы его боялись,—и его, дѣйствительно, очень боялись и даже тренетали дѣти. Ламновскій при немъ продолжалъ служить, какъ и при Николаѣ Павловичѣ. «Духъ» въ училищѣ держался все тотъ же: одними практиковалась «система самовознагражденія», а другіе къ этому присматривались и приспособлялись, каждый по соображеніямъ своего ума. Одни выходили во вкусѣ Ламновскаго, другіе въ менѣ смѣломъ, но еще въ болѣе тонкомъ родѣ, и «мелочами не мазались». Послѣ взятія Варшавы, когда тамъ, въ Новогеоргіевскѣ и въ другихъ пунктахъ бывшаго Царства Польскаго, началась постройка новыхъ крѣпостей, «система самовознагражденія», казалось, достигла до самаго наивысшаго своего развитія. Больше всего достойна памяти и удивленія откровенность этого направленія въ молодежи: инженерные юнкера весело и беззащитчиво говорили, что они «иначе не понимаютъ, какъ быть инженеромъ—это значитъ *купаться въ золотѣ*». Такъ они и росли съ этимъ убѣжденіемъ, укрѣплялись въ немъ и, выходя, начинали его практиковать.

Но какъ вездѣ бываютъ и всегда могутъ быть неподхо-

дѣянія къ общему правилу исключенія, такъ было и здѣсь. Рядомъ съ тѣми, которые приспособлялись активно практиковать «систему самовознагражденія», или хотя пассивно «не мѣшать товарищамъ», были безпокойные отщепенцы, «надынавшіеся брянчаниновскимъ духомъ». Ихъ звали «сектою» и не даромъ на нихъ косилась, какъ бы предчувствуя, что изъ нихъ, наконецъ, выйдетъ когда-нибудь «предерзкая собака на сѣвѣ». Таковою и вышелъ Николай Ферморъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

«Секта Брянчанинова», подъ вліяніе которой подпалъ въ инженерномъ училищѣ Николай Федоровичъ Ферморъ, къ его времени потеряла значительное измѣненіе въ духѣ. Съ отходомъ перваго своего основателя и руководителя Брянчанинова и его друга Чихачева, она утратила преобладаніе религіознаго направленія, но зато еще болѣе повысила требованія общей честности и благородства.

Разумѣется, все это держалось въ очень небольшомъ кружкѣ юношей, которые не только составляли меньшинство, но были, такъ-сказать, каплею въ морѣ, которую съ полнымъ удобствомъ можно было не замѣчать или считать ни во что. Начальство такъ на нихъ и смотрѣло: оно о нихъ кое-что знало и называло ихъ «мечтателями», но не опасными. Въ училищѣ они не могли оказывать никому никакой помѣхи, а съ выходомъ на службу преобладающее общее настроеніе, казалось, безъ сомнѣнія, должно ихъ убѣдить въ непригодности ихъ мечтаній и сравнить со всѣми другими, которые ничего мечтательнаго не затѣвали, а ортодоксально вѣрили, что «быть инженеромъ — значитъ купаться въ золотѣ». Многочисленные опыты убѣждали солидные умы въ пользу этого успокоительнаго предположенія и опасаться серьезнаго вреда отъ безсребренниковъ было нечего.

Николай Ферморъ, однако, представлялъ своимъ характеромъ исключеніе и съ раннихъ поръ заставлялъ думать, что его увлеченія честностью и благородствомъ могутъ когда-нибудь сдѣлаться въ серьезной степени неудобными и причинять съ ними хлопоты.

Это и оправдалось.

Что онъ проповѣдывалъ безусловное безкорыстіе и чест-

вость, находясь въ училищѣ, съ этимъ можно было еще не считаться, но онъ упорно держался того же и по выпускѣ его въ офицеры. На самомъ первомъ шагѣ своего выхода въ свѣтъ, когда бывшіе товарищи по училищу собрались вмѣстѣ, чтобы «всбрызнуть свои энзелеты», Ферморъ за обѣдомъ прочиталъ стихи своего сочиненія, въ которыхъ зывалъ къ совѣсти своихъ одноклассиковъ, приглашая ихъ тутъ же дать другъ передъ другомъ торжественную клятву, что они будутъ служить отечеству съ совершеннымъ безкорыстіемъ и не только ни одинъ никогда не станетъ вознаграждать себя самъ, но «системѣ самовознагражденія», но и другихъ этого не дозволить дѣлать, а, несмотря ни на что, остановить всякое малѣйшее злоупотребленіе и не пощадить вора. Онъ этого требовалъ въ своихъ горячихъ и, какъ говорятъ, будто бы очень недурныхъ стихахъ, и самъ же первый произнесъ торжественную клятву свято, неотступно слѣдовать во всю жизнь своему воззванію.

Читая свое стихотвореніе, онъ былъ разгоряченъ и взволнованъ, глаза его горѣли, онъ самъ дрожалъ и, все выше и выше возвышая голосъ, окончилъ истерическимъ экстазомъ, который многимъ былъ непріятенъ и приписанъ влиянію выпитаго поэтомъ вина. Такого дѣйствія, какого ожидалъ горячій юноша, не послѣдовало: съ нимъ никто не спорилъ, никто не говорилъ, что то, къ чему онъ призывалъ товарищей, было дурно, но никто къ нему на грудь не бросался, дружнаго звона сдвинутыхъ бокаловъ не раздавалось, а, напротивъ, многіе, потупивъ глаза въ свои приборы, обнаруживали смущеніе и какъ будто находили въ обличительныхъ словахъ поэта нѣчто неумѣстное, колкое, оскорбительное для старшихъ и вообще не отвѣчающее веселому характеру собранія. А нѣкто, кажется, и теперь еще живущій и, по крайней мѣрѣ, очень недавно еще произносившій «рѣчи съ юморомъ», поправилъ дѣло, сказавъ, что «надо помнить о присягѣ и, подчиняясь ей, не заводить никакихъ союзовъ, основанныхъ на исключительныхъ клятвахъ и обязательствахъ».

— По крайней мѣрѣ, я, господа, напоминаю, что я принималъ присягу и ни о какихъ союзахъ знать не хочу.

— И мы тоже, и мы! Браве! Ура!

Николай Ферморъ не сконфузился, но очень обидѣлся; онъ, стоя, дождался, пока шумъ стихъ, обвелъ вокругъ

сидѣвшихъ за столомъ товарищей, мрачно улыбнулся и сказалъ:

— Ну, если мнѣ суждено выпить мою чашу одному, то я ее одинъ и выпью.

И съ этимъ онъ выпилъ вино и разбилъ бокаль, чтобы изъ него не шли ни за какое другое пожеланіе.

Это опять бросило неблагоприятную тѣнь на общее настроеніе пирующихъ. Опять наплелъ люди, которые пытались поправить слово, но это не удавалось. Кто-то возгласилъ извѣстное стихотвореніе Пушкина, оканчивающееся словами: «да здравствуетъ *разумъ*», и всѣ пили этотъ тостъ, но Ферморъ не пилъ, — ему не изъ чего было пить за «разумъ», — его бокаль былъ разбитъ послѣ тоста «за честность въ жизни и на службѣ». Этотъ человѣкъ постоянно являлся внѣ общаго движенія — «уединеннымъ пошехонцемъ», и всѣ были рады, что онъ оставилъ общество ранѣе другихъ, всѣ, по уходѣ его, точно вздохнули и веселье закипѣло, а онъ былъ уже одинъ, унесъ съ собою неудовольствіе на другихъ и оставивъ такое же или, можетъ-быть, еще большее неудовольствіе въ этихъ другихъ.

Съ разсказаннаго случая на самомъ первомъ шагѣ самостоятельной жизни Фермора началось его отлученіе. Это не обѣщало ничего хорошаго, но онъ нимало не пугался создающагося положенія и еще усиливалъ его, раздражался отъ времени до времени новыми стихами, въ которыхъ старался какъ можно строже и язвительнѣе бичевать сребролюбіе и другія хорошо ему извѣстныя порочныя еклонности своего званія.

Ему было сдѣлано замѣчаніе, что такъ служить нельзя.

Ферморъ хотѣлъ сейчасъ же оставить инженерную службу, боясь, что далѣе онъ еще хуже не сумѣетъ поладить съ господствовавшимъ въ вѣдомствѣ направленіемъ, но перемѣнить службу ему не удалось. Великій князь Михаилъ Павловичъ, знавшій Николая Федоровича въ училищѣ, оставилъ его въ Петербургѣ при здѣшней инженерной командѣ.

Тутъ не было такихъ дѣлъ, изъ-за которыхъ молодому фанатику честности пришлось бы раздражаться, и онъ сносилъ свое служебное положеніе спокойно. Онъ даже былъ имъ доволенъ, но въ это именно время (въ 1831 г.) начались большія постройки въ крѣпостяхъ Царства Польскаго, гдѣ наши инженеры особенно привольно «кунались въ зо-

лотѣ». Это ни для кого не было большою тайной, но все-таки «купање» иногда обращало на себя вниманіе государя и великаго князя и тогда производилось «освѣженіе личнаго состава», отчего, впрочемъ, дѣло нѣсколько не выигрывало, ибо лица, вновь прибывающія для освѣженія, немедленно же ощущали совершенную невозможность противустоять общему направленію и вскорѣ же, безъ всякаго протеста, становились такими же, какъ и прежніе.

Кто по нежеланію, или по неумѣнью, или изъ страха самъ не лѣзъ въ золотое русло, чтобы купаться въ золотѣ, такихъ чрезвычайно предупредительно и ласково сами старшіе окунали въ ванны домашнимъ порядкомъ.

Дѣло было устроено такъ удобно, что тому, кто не хотѣлъ самъ лично входить въ какія-нибудь сдѣлки, не было и никакой необходимости заниматься этимъ самолично. Въ извѣстной части старшій самъ сдѣлывался съ поставщиками и пріемщиками и дѣлился со всѣми своими сослуживцами безъ объясненія путей и источниковъ дохода. При такомъ порядкѣ каждый «купался» безъ всякаго насилія своей скромности и своей совѣсти. Не доносить же на старшихъ, — да и чѣмъ подкрѣпить доносъ? Все скажутъ: «это неправда» и «міръ зинеть — правда сгинеть».

Н. Ѳ. Ферморъ былъ у великаго князя Михаила Павловича на хорошемъ счету, какъ способный инженерный офицеръ, и это повело къ тому, что въ одинъ прекрасный день Ферморъ совершенно неожиданно для себя получилъ переводъ изъ Петербурга въ Варшаву, гдѣ тогда производилось множество инженерныхъ работъ.

Ферморъ не обрадовался: онъ точно чувствовалъ, что ему тамъ не сдобровать, но онъ не имѣлъ такой рѣшимости, какъ Чихачевъ или Брянчанниковъ, чтобы бѣжать отъ службы и скрыться подъ рясу монаха. Да и идеаль Алексѣя челоуѣка Божія, которому слѣдовали въ своей рѣшимости Чихачевъ и Брянчанниковъ, не былъ идеаломъ позже ихъ вышедшаго на житейскій путь Фермора. Тотъ тоже былъ религіозенъ, но онъ не хотѣлъ бѣжать отъ жизни въ свѣтѣ, а, напротивъ, хотѣлъ борьбы со зломъ — онъ хотѣлъ внести посильную долю правды и свѣта въ жизнь. Ферморъ былъ челоуѣкъ съ гражданскими добродѣтелями и для него не годились ни аскетизмъ, ни витаніе въ позѣи красоты и любовныхъ восторговъ. Онъ писалъ недурные стихи, но

не къ «ножкамъ Терсихоры», а къ возбужденію духа чести въ житейскихъ отношеніяхъ, и въ этомъ смыслѣ значительно опережалъ свое время и неминуемо долженъ былъ нажить себѣ много недоброжелателей и враговъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Часть, въ которую Николай Ферморъ поступилъ по призыву въ Варшаву, находилась въ управленіи инженера, у котораго «система самовознагражденія» была поставлена самымъ правильнымъ образомъ. Никто, кромѣ самого начальника части, не имѣлъ надобности ничего извлекать самъ въ свою пользу или входить въ какія бы то ни было непосредственныя отношенія съ подрядчиками работъ и поставщиками стронтельныхъ матеріаловъ. Все это начальникъ со всею отвѣтственностью несъ на себѣ самъ, устраняя своихъ подчиненныхъ отъ всякихъ сдѣлокъ, «дабы не просходило никакой путаницы». Никто изъ офицеровъ своими руками ничего отъ постороннихъ не принималъ, но каждому ежемѣсячно, при выдачѣ казеннаго жалованья, раздавалась «прибавка» или «дачка», о происхожденіи которой извѣстно было только, что она «идетъ изъ кружки». Какъ составлялась эта «кружка» — всѣмъ было понятно: старшій бралъ или «уэкѣномливалъ», и потомъ «дѣлилъ какъ пошъ на причетъ». Причетники получали то, что имъ давалъ отецъ настоятель, и никакихъ частныхъ всей этой благостыни могли не знать. Они даже обязаны были не стараться проникать въ тайны, чтобы не подвергать дитя опасности отъ семи нянекъ, а получали, что имъ распределялось отъ отца командира, и затѣмъ продолжали служить съ незапятнанною совѣстью, исполняя приказанія старшаго и ни въ чемъ ему не перечая.

Словомъ, «система самовознагражденія» была здѣсь возведена на высокую степень практичности и всѣ были ею довольны, тѣмъ болѣе, что отецъ настоятель былъ мастеръ собирать кружку и дѣлилъ ее не скредно.

При раздѣлѣ кружечный сборъ составлялъ для каждаго такую значительную сумму, при которой казенное жалованье было сравнительно сущою бездѣлицей. Расписывались же только въ одной этой казенной бездѣлицѣ, а самое значительное полученіе «изъ кружки» выдавалось на руки безъ всякихъ расписокъ,—по-домашнему или по-семейному.

Сколько командиръ собиралъ, объ этомъ этикетомъ принято было не любопытствовать, но тѣмъ, что онъ дарствовалъ, всѣ были довольны, потому что онъ былъ «человѣкъ благородный и давать не скупясь».

Положеніе это всѣмъ правилось и никто его измѣнять не хотѣлъ; но вотъ вдругъ прѣвзжаетъ изъ Петербурга «молокососъ Ферморъ» и не только причиняетъ своимъ безразсуднымъ поведеніемъ всѣмъ ужасное безпокойство, но дѣлаетъ еще такой скандалъ во всемъ прицѣ и въ обществѣ, что отъ него надо было избавиться.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Прибыль Николай Ферморъ въ Варшаву въ свое время, но расчисленію поверстнаго разстоянія, и «какъ офицеръ, рекомендованный великимъ княземъ съ наилучшей стороны», былъ принятъ съ особливимъ вниманіемъ.

— Васъ избралъ для посылки сюда самъ великій князь, — сказалъ Фермору его начальникъ части. — Очень вамъ рады, намъ хорошіе молодые люди нужны и мы постараемся, чтобы вамъ у насъ было хорошо.

Ферморъ благодарилъ.

— Да, мы о васъ позаботимся, — у насъ уже это такъ принято. Мы считаемъ васъ своимъ со дня назначенія. Теперь отдыхайте.

Ферморъ пошелъ отдыхать, а потомъ, отдохнувъ, явился для испрошенія себѣ указанныхъ занятій.

Ему отвѣчали, чтобы онъ объ этомъ не заботился, что «занятія придутъ своимъ чередомъ». А «пока» ему никакого прямого назначенія не было.

— Что же мнѣ дѣлать? Чѣмъ заниматься?

Начальнику это рвеніе не понравилось, и онъ сразу же посмотрѣлъ на него, какъ на человѣка мало дисциплинированнаго и «съ чѣмъ-то особеннымъ въ характерѣ». А все сколько-нибудь и въ какомъ-нибудь отношеніи «особенное» тогда не правилось и казалось подозрительнымъ, или, во всякомъ случаѣ, особенность не располагала къ довѣрью и даже внушала безпокойство. Желательны были люди «стереотипнаго изданія», которые походили бы одинъ на другого, «какъ одноформенныя пуговицы».

Ферморъ къ этому не подходитъ и своимъ домогательствомъ занятій съ перваго же раза не понравился.

Начальникъ ему отвѣтилъ холодно и сухо:

— Ходите и присматривайтесь; мы увидимъ, къ чему вы способны.

Ферморъ сталъ «ходить и присматриваться», но ему продолжало сразу не везти во мнѣніи начальства,—нашли, что онъ слишкомъ внимательно присматривается.

— Что ему такое надо?

О немъ списались съ Петербургомъ въ отношеніи того, какъ онъ положенъ во мнѣніи начальства и какія у него родственныя связи.

Отвѣтъ пришелъ успокоительный: начальство ничего особаго о молодомъ инженерѣ не разумѣло, и только великій князь Михаилъ благоволилъ къ нему потому, что зналъ Фермора по инженерному училищу, гдѣ тотъ хорошо учился и былъ извѣстенъ добрымъ поведеніемъ. А что касается связей, то Ферморы принадлежали къ хорошей фамиліи, но особенно сильныхъ связей у нихъ нѣтъ, и старшій братъ Николая, Павелъ Федоровичъ Ферморъ, служить простымъ офицеромъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ и даже нуждается *).

Свѣдѣніе это успокоило варшавскаго начальника Николая Фермора, и онъ опредѣлить себѣ, какъ надо держать этого молодого офицера.

Въ первый же мѣсяць, когда приспѣло время получать жалованье, Николай Ферморъ явился къ казначею вмѣстѣ съ другимъ. Казначей съ своими сундуками помѣщался въ комнатѣ, смежной съ кабинетомъ начальника части. Инженерные офицеры входили къ нему по одному, расписывались въ книгѣ и получали въ одну руку изъ ящика ту сумму, какая имъ слѣдовала изъ казны и въ которой они расписывались, а въ другую, изъ особо стоявшей на полу возлѣ казначея корзины, имъ выдавалась обернутая въ бумажку пачка, въ которой заключалась сумма, значительно превосходящая казенное жалованье.

Эту посылку инженеры брали изъ рукъ казначея, не разсматривая и безъ расписки, а казначей только дѣлалъ карандашомъ значокъ о выдачѣ ея въ особой маленькой тетрадкѣ.

---

*) Павелъ Федоровичъ Ферморъ въслѣдствіи достигъ значительной высоты служебнаго положенія и былъ начальникомъ военно-юридической академіи, образованной изъ аудиторскаго училища.

Казначей былъ «косоротый», чиновникъ изъ писарей, въ своемъ родѣ дѣловитый и въ своемъ родѣ добрый человѣкъ, очень веселаго нрава. Онъ иногда позволялъ офицерамъ «любопытствовать, сколько въ пачкѣ», но болѣею частью этого никто не дѣлалъ, такъ какъ это ни къ чему не вело и только могло служить передъ начальствомъ признакомъ строптивости.

«Косоротый», скривя губы, говорилъ:

— Вѣруй, а не испытуй. Вѣрующему приложится, а у непытующаго отнимется.

Все здраво разсуждавшіе люди знали, что надо вѣрить, и вѣрили. За это имъ и давалось по вѣрѣ ихъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Когда вошелъ въ казначейскую комнату Николай Ферморъ, «косоротый» придержалъ его, пока два случившіеся здѣсь офицера вышли, а потомъ предложилъ ему для учинения расписки казенную книгу, а когда тотъ расписался въ полученіи слѣдовавшихъ ему казенныхъ денегъ (кажется, что-то около сорока рублей), тогда казначей подаль ему эти деньги и затѣмъ, опустивъ лѣвую руку въ стоявшую возлѣ него корзину, подаль пачку ассигнацій, перетянутую желтою бумажною полоской.

Положивъ эту пачку на столъ рядомъ съ отсчитаннымъ казеннымъ жалованьемъ, «косоротый» черкнулъ у себя въ тетрадь карандашномъ и, задвинувъ тетрадь въ столъ, ждалъ, чтобы Ферморъ вышелъ и далъ мѣсто другому офицеру.

И Ферморъ, дѣйствительно, отъ него ушелъ, но пачки, перетянутой бумажною полоской, не тронулъ.

— Что же вы?—проговорилъ ему вельдъ «косоротый».

Ферморъ остановился.

— Что же вы не берете? Это вѣдь тоже ваше.

— Что такое?—спросилъ, недоумѣвая, Ферморъ.

— Свое, что вамъ слѣдуетъ.

— Я получилъ все свое, что мнѣ слѣдуетъ.

— И это тоже вамъ слѣдуетъ.

Казначей опять показать глазами на оставшуюся на столѣ пачку.

— Что же это такое?

Казначей посмотрѣлъ на него значительно и съ неудовольствіемъ и отвѣчалъ:

— Чтò я вамъ буду разсказывать! Это деньги.

— Какія?

— Государственныя ассигнаціи.

— Сколько же ихъ здѣсь?

— Сколько? Объ этомъ не говорятъ, но можете сосчитать, сколько ихъ здѣсь. Тутъ четыреста рублей.

— И они мои?!

— Да, ваши.

— Рѣшительно не понимаю!—произнесъ, сдвинувъ плечами, Ферморъ.

— Ну, такъ и не понимайте,—отвѣчалъ «косоротый», и при выходѣ Фермора бросилъ предназначавшуюся ему пачку опять назадъ въ корзину.

А Николай Ферморъ, выйдя въ комнату, гдѣ были офицеры, отыскалъ тѣхъ изъ нихъ, съ которыми уже успѣлъ познакомиться, и за великій секретъ, съ негодованіемъ, разсказывалъ, какую «оскоробительную штуку» хотѣлъ было съ нимъ продѣлать «косоротый».

— Я понялъ его, — говорилъ Ферморъ: — онъ меня соблазнялъ потому, что хотѣлъ испытывать, но это ему никогда не удастся... И за то онъ теперь этого больше себѣ никогда не позволитъ ни со мной, ни съ другимъ. Пусть старшіе поступаютъ какъ хотятъ, но люди нашего поколѣнія должны научить этихъ господъ, какъ надо уважать честность.

И онъ при этомъ только хотѣлъ продолжать, что всѣ молодые инженеры должны образовать союзъ, чтобы поддерживать другъ друга на честномъ пути безкорытнаго служенія, но замѣтилъ, что кучка молодежи, среди которой онъ сообщалъ о своемъ оскорбленіи, растаяла и съ нимъ остался только одинъ изъ наиболѣе добросердечныхъ товарищей, и тотъ не столько ему внималъ, сколько убѣждалъ оставить это на время и идти «со всѣми вмѣстѣ въ гастрономію, такъ какъ это у насъ, говорить, заведено и никому не хорошо нарушать товарищескіе обряды».

— Я себѣ никогда и не позволю нарушать ничего товарищественнаго, но я ужасно взволнованъ казначеємъ... Это его презрѣніе къ моей чести...

— Полноте, пожалуйста, да онъ и не думаетъ ни о чьей чести!

— Но тогда чтò же даетъ ему такую увѣренность? И

притомъ, я, вѣдь, еще ничего не дѣлалъ, а только «ходилъ да присматривался».

— Ну, полно вамъ добираться... «Ходите да присматривайтесь», тогда и поймете. А, впрочемъ, въ «гастрономіи» у насъ своя инженерная зала и мы можемъ тамъ продолжать нашъ разговоръ, а теперь пойдете туда скорѣй, чтобы не задерживать товарищей.

Они вошли въ «гастрономическое отдѣленіе», гдѣ Николай Ферморъ повторилъ въ усиленномъ видѣ сцену въ томъ же самомъ родѣ, какъ та, которую онъ разыгралъ въ Петербургѣ, на иру вновь вышедшихъ инженеровъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ «гастрономію» въ Варшавѣ ходили только такіе люди, у которыхъ есть «глуныя деньги». Здѣсь, правда, можно было получать самыя утонченныя и рѣдкія вещи, но зато надо было платить за все чрезвычайно дорого. Людямъ, не имѣющимъ лишнихъ средствъ, сюда и порога переступить было не для чего, а съ тѣхъ, которые сюда заходили, драли уже цѣны безъ всякаго милосердія.

Самыми любимыми и наиболѣе обираемыми посѣтителями «гастрономіи» были русскіе инженеры, которые «купались въ золотѣ».

Если русскія армейскія войска полонили Варшаву, то русскіе инженеры несомнѣнно полонили варшавскую «гастрономію» и приложили стараніе внушать здѣшней челяди уваженіе къ русскому имени. Именитые поляки, поддерживавшіе здѣсь ранѣе честь польской аристократіи, присмѣли и были вытѣснены въ «малые кабинеты», а самымъ большимъ помѣщеніемъ завладѣли русскіе инженеры и назвали его «инженернымъ заломъ». Сюда при нихъ никто не смѣлъ приходиться и садиться, потому что инженеры во всякое время могли его подавить грандіозностью своего поведенія.

Въ общаѣ своемъ они были люди еще очень простые, и въ день полученія жалованья и паекъ въ бумажныхъ полоскахъ приходили въ гастрономію «валомъ», т. е. почти во всемъ составѣ, со включеніемъ и «косоротого». Здѣсь пили и ѣли много, забирая все, что есть самаго лучшаго и самаго дорогаго; засиживались долго, сколько хотѣли, и платили за все настоящимъ благороднымъ манеромъ, т. е. не

торгуясь и даже не считая, что дѣйствительно взято и что безсовѣстно присчитано.

Послѣ отнеднаго вѣка магнаторіи они начинали вѣкъ инженеріи, и, должно признаться, начинали его со славой. Заря, блиставшая инженерную славу, поднималась въ Варшавѣ и Новогеоргіевскѣ и оттуда свѣтила далѣе, противъ естества—съ запада на востокъ, черезъ Кіевъ, даже до Баку и Ленкорани, ибо нынѣ даже и тамъ воспрославлено имя русскаго инженера.

Съ такими-то людьми, если не барственныхъ, то, по крайней мѣрѣ, широкихъ привычекъ очутился чужакомъ, опоенный самою щекотливою честностью, и онъ повелъ себя въ этомъ почтенномъ сообществѣ какъ старинный юродивый въ золотомъ чертогѣ. Онъ жался, толкался, хмурился, оставался нелюдимъ, не принималъ никакого живого участія въ товарищескомъ разгулѣ, и не только почти ничего не вѣлъ, но и не нѣлъ, а между тѣмъ чувствовалъ надъ собою нѣчто демоническое и ужасное, подобное тому, что ощущаютъ нѣкоторые люди, проѣзжая надъ пропастью. Не проглотивъ ни одного глотка вина, Ферморъ охляивалъ отъ однихъ паровъ, отъ одной атмосферы и чувствовалъ неотразимую тягу броситься въ зияющую бездну, мимо которой ему нимало не тѣсно было бы пройти, если бы его туда не влекло и не толкало все вмѣстѣ взятое, чего не ощущалъ никто, кромѣ его одного. Его прямолинейныя понятія и чувствительные нервы не переносили всей массы этихъ впечатлѣній, и онъ теперь философствовалъ и жегъ себя огненными мугами.

«Жизнь меня обманула!—разсуждалъ онъ, и такъ написалъ въ письмѣ къ своему родственнику.—Я догадываюсь, что у насъ честно жить очень трудно и даже невозможно. Напрасно намъ въ такомъ случаѣ представляютъ примѣры изъ жизни чужихъ народовъ. У другихъ выгодно быть честнымъ, а у насъ нѣтъ. У насъ съ умомъ и съ честностью обходятся несравненно суровѣе и безпощаднѣе, чѣмъ съ бездарностью и съ нескательствомъ. У насъ съ честностью можно только страдать и пресмыкаться. Я все изжилъ, еще почти не начинаю жить. Если бы у меня былъ сынъ, я бы теперь уже не зналъ, какъ его воспитывать. Чтобы онъ не былъ несчастливъ, надо, чтобы онъ не былъ очень честенъ и на все былъ стоворчивъ. Отъ этого я никогда не

буду имѣть своей семьи. На честныхъ людей хорошо любоваться со стороны, но мучительно заставлятъ близкаго человѣка переносить все въ его собственной кожѣ. Задумываюсь даже, стоить ли жить и самому? Я не вижу смысла жить въ томъ ужасномъ сознанин, что чести и настоящему благородству нѣтъ мѣста въ русской жизни... Этого никто одинъ исправить не можетъ, а при этомъ честно жить невозможно...»

И вдругъ въ этомъ самомъ родѣ онъ заговорилъ передъ всѣми, засѣдавшими въ «гастрономн». И въ то же самое время, какъ онъ это говорилъ, онъ не помнилъ: зачѣмъ и съ какой стати онъ это говоритъ? Онъ никакъ не могъ вспомнить ни момента, ни случая, когда въ немъ вздрогнули вѣщія струны пророческой арфы и онъ пошелъ «глаголомъ жечь сердца людей». А въ то же время онъ понималъ, что дѣлаетъ что-то совершенно неудобное, разстроивающее компанію и потому неприличное и даже обидное. Онъ видѣлъ, что люди встаютъ и отходятъ отъ него, пожимая плечами и кидая на него презрительные взгляды, и вотъ уже нѣтъ никого, а только одинъ «косоротый» легъ грудью на столъ и, положивъ на руки голову, крѣпко спитъ, похвистывая носомъ.

На другой день Ферморъ ощущалъ чадъ и туманъ въ головѣ, какъ будто онъ неумѣренно пилъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ совсѣмъ не бралъ въ ротъ никакого вина. Ночью онъ легъ поздно, но безпрестанно просыпался, точно будто послѣ большого проигрыша. Ощущенія были такъ сходны съ этимъ, что онъ даже хватался два раза за свой бумажникъ и тщательно повѣрялъ свою наличность. Она была ничтожна: Ферморъ не пилъ, но пили другіе, а какъ расчетъ былъ сообщая, то, улачивая по-ровну со всѣми, онъ отдалъ почти все, что имѣлъ при себѣ. Во всякомъ случаѣ полученное имъ мѣсячное жалованье ушло почти все безъ остатка.

Это его не могло не смутить, потому что такіе расходы были возможны только для тѣхъ, кто «купался въ золотѣ»; но кто хотѣлъ жить на одно казенное жалованье, для того траты въ такомъ размѣрѣ были не по силамъ. Ферморъ тутъ же ночью далъ себѣ слово, что впередъ въ подобной компаніи онъ никогда участвовать не будетъ.

— Кто хочетъ прожить честно, тотъ не долженъ быть

транжиромъ и мотомъ. Онъ даже не долженъ стыдиться быть нищимъ. Иначе невозможно.

Ферморъ только немножко сожалѣлъ кое-кого изъ молодыхъ инженеровъ, которыхъ считалъ за людей лучшаго порядка, и стѣснялся, какъ онъ имъ откажетъ въ товариществѣ. Но безпокойство его было напрасно: ни старшіе, ни младшіе, никто его сообщества болѣе не искали. Другой мѣсяць Ферморъ тоже «проходилъ присматриваясь», безъ особаго назначенія, а когда пришелъ день раздачи жалованья, «косоротый» подалъ ему казенныя деньги въ книжкѣ и *де* пачки, перетянутыя бумажною полоской, — за истекающій мѣсяць и за прошедшій.

Ферморъ притворился, что онъ этихъ денегъ какъ бы не замѣтилъ, и взялъ только одно жалованье.

«Косоротый» еще болѣе скосоротился и спросилъ:

— Что жъ?.. Опять не берете?

— Да, не беру и никогда не возьму, — рѣзко отвѣчалъ Ферморъ и добавилъ, чтобы казначей на будущее время не смѣлъ и дѣлать ему такихъ предложеній.

— Хорошо-съ, — отвѣчалъ «косоротый», и тутъ же, прежде чѣмъ Ферморъ успѣлъ выйти, онъ пошелъ съ обѣими пачками въ рукахъ въ кабинетъ начальника.

Ферморъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода подозрѣвать, что «косоротый» спряталъ у себя его деньги, — напротивъ, онъ долженъ былъ думать, что деньги доставлены начальнику, какъ непринятые Ферморомъ.

И, дѣйствительно, дѣло такъ и было, и съ этихъ поръ все принимаетъ совсѣмъ иной характеръ.

Дождь-кихотство переходитъ въ трагизмъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Фермора совсѣмъ не позвали во второй разъ въ гастрономію. Старшіе, очевидно, не хотѣли его видѣть, а изъ младшихъ, тѣ, съ которыми онъ ближе другихъ сталкивался, были немножко сконфужены и, наконецъ, кто-то изъ нихъ, при какомъ-то разказѣ о чемъ-то, происходившемъ въ послѣдній разъ въ гастрономіи, сказалъ Фермору:

— Мы васъ съ собою не звали потому, что намъ всѣмъ было совѣстно: вы ничего не пьете, а между тѣмъ у насъ плата общая. Вамъ это убыточно.

— Мнѣ это *невозможно!* — отвѣчалъ Ферморъ.

— То-то и есть.

Молодой человек не искалъ широкъ и не почиталъ себя ни за честь, ни за удовольствіе шить и ѣсть въ «гастрономіи», онъ даже (какъ выше сказано) самъ желалъ отъ этого отказаться, но когда почувствовалъ, что его «выключили безъ прошенія», и притомъ такъ рѣшительно, такъ мягко и въ то же время такъ безповоротно, онъ сконфузился и, самъ не сознавая чего-то, сробѣлъ.

— Какъ это такъ скоро и такъ просто? Я не сдѣлалъ ничего дурного, а меня вышвырнули, какъ кошку за хвостъ... И еще извиняются... Это уже насмѣшка!

Но прошло нѣсколько дней и ему стало смѣшно, какъ его спустили.

Къ сожалѣнію, не къ чему было уже и присматриваться. Ферморъ видѣлъ, что его самого разсмотрѣли до дна и отставили, и, вдобавокъ, стала ходить какая-то сказка, будто онъ принялъ какую-то *шутку* казначея за серьезное предложеніе ему какой-то артельной взятки.

Это его возмутило: онъ пошелъ требовать отъ казначея объясненій и въ нилу гнѣва чуть не поднялъ руку...

«Косоротый» скрылся, но рассказалъ исторію.

На Фермора стали смотрѣть какъ на человека помѣшаннаго.

— Это Донъ-Кихоть; ему ни вѣсть что представляется; онъ никакой шутки не понимаетъ и бросается на добрыхъ людей.

Теперь, если бы онъ и захотѣлъ подчиниться общему положенію и братски принимать дѣлежн кружки, ему врядъ ли удалось бы поправить свое положеніе въ обществѣ товарищей и старшихъ, которыхъ онъ всѣхъ безъ исключенія обидѣлъ своимъ фанфаронствомъ.

— Дрянной и безпокойный человекъ, — говорили о немъ, и онъ слышалъ это и находилъ въ себѣ еще болѣе силы стоять на своемъ и не поддаваться.

Къ счастью, на каждого старшаго у насъ бываетъ еще высшій старшій, и Ферморъ надѣялся найти себѣ защиту выше.

Въ числѣ рекомендацій, которыми Ферморъ былъ снабженъ изъ Петербурга въ Варшаву, у него было рекомендательное письмо къ русскому, православному викарному архіерею Антонію Рафальскому, извѣстному своею страшною

и до сихъ поръ невыясненною ролью по приѣму Почаевской лавры отъ униатскихъ монаховъ, а потомъ, впоследствии, митрополиту повгородскому и с.-петербургскому.

Ферморъ, отъ скуки и досады, вздумалъ воспользоваться этимъ письмомъ и предсталъ викарію, который до вдовства своего жилъ въ міру и зналъ толкъ въ «обхожденіи».

Безъ всякаго сомнѣнія, онъ сразу же уразумѣлъ представшаго передъ нимъ молодого человѣка и сообразилъ, что это—прекрасное, восторженное дитя, человѣкъ совсѣмъ непригодный къ жизни между людьми бойцовой породы, и Антонію, можетъ-быть, стало жаль «младенца», а притомъ и петербургская рекомендація, которую привезъ Ферморъ, имѣла вѣсь въ глазахъ Рафальскаго, который дорожилъ связями въ Петербургѣ. Велѣдствіе всего этого, онъ нашелъ полезнымъ принять въ Николаѣ Ферморѣ участіе, чтобы имѣть за то на своей сторонѣ лицо, которое о немъ писало.

По такимъ побужденіямъ, истинный смыслъ которыхъ молодому идеалисту былъ недоступенъ, викарію варшавскій принялъ въ немъ участіе и воспользовался первымъ случаемъ ему помочь. При свиданіи съ начальникомъ инженеровъ въ Варшавѣ Деномъ, Антоній разсказалъ о Ферморѣ и сумѣлъ расположить Дена въ его пользу.

Иванъ Ивановичъ Денъ особенно не выпкалъ въ просьбу, такъ какъ она представлялась ему очень неважною. Молодой человѣкъ томится, что ему не даютъ сразу много дѣлъ въ руки, надъ чѣмъ командовать. Это часто такъ бываетъ: молодые люди всегда чѣмъ-нибудь томятся и хотятъ выше головы прыгнуть, а это нельзя. А, впрочемъ, молодой инженеръ, хорошо учившійся и хорошо рекомендованный учебнымъ начальствомъ... и также извѣстенъ великому князю... и также проситъ архіерей... Отчего онъ остается, въ самомъ дѣлѣ, безъ назначенія, тогда какъ инженерныхъ работъ множество? Объ этомъ надо спросить.

Денъ спросилъ, что это значитъ?

Ему отвѣчали, что молодой человѣкъ очень хорошій и имъ очень довольны; что его и не думали оставлять безъ назначенія, но надо было, разумѣется, «присмотрѣться», къ чему его можно лучше назначить.

— Ну, да, ну, да, это совершенно справедливо. Онъ мнѣ и не жаловался, а архіерея тамъ... за него просили и онъ просить... Надо для него сдѣлать.

— Да ужъ и сдѣлали.

— Ну, и прекрасно!—отвѣчалъ Денъ, и извѣстилъ Антопиа, что все улажено: его protégé дадутъ дѣло по силамъ, «а тогда мы не оставимъ это безъ вниманія и онъ будетъ награжденъ».

Антопий сейчасъ же послалъ за Ферморомъ и поспѣшилъ его обрадовать, но былъ неприятно пораженъ, замѣтивъ, что въ немъ «мало восторга», а «наиболѣе томности и унылости, какъ бы у человѣка разочарованнаго жизнью».

Викарiй его за это отечески поцунилъ и далъ «къ жизни наставленiе», заключавшееся въ томъ, что надо хранить бодрость духа во всякихъ положенiяхъ.

— Духа въ себѣ не угашайте и носа не вѣшайте,—училъ епископъ:—впередъ очень быстро не устремляйтесь, да ниш не возрощать, и позади не отставайте, да ниш не вознещують. Надо держать серединку на половинкѣ—себя блюсти и ближняго не скрести. А въ заключенiе всего афоризмъ: не укоряй и не укоренъ будещи, а укоринъ другихъ—укорять и тя.

Ферморъ этого нимало не боялся: за чтó его кто-нибудь можетъ укорить? Но въ отношенiи неудовольствiя на начальство онъ почувствовалъ, что былъ неправъ: начальникъ, дѣйствительно, выбралъ и далъ ему самое подходящее занятiе, къ которому ни съ какой стороны не могло подползти никакое подозрѣнiе. Начальникъ поручилъ Фермору техническiя повѣрки, которыми, кромѣ него, занимались еще шесть человѣкъ, чинами старше и умомъ опытѣе.

Назначенiе было почетное. Работа полезная и самостоятельная: смотри, вишкай, сообрази, изложи критику и доложки умно и понятно.

Ферморъ и пошелъ усердствовать. Сколько ему ни дадутъ работы на руки, онъ всѣ ихъ къ докладному дню въ недѣлю окончитъ и представляетъ.

Его товарищи всѣ вразъ на него перекозились. Первую, вторую недѣлю ему спустили, а потомъ одинъ отъ лица прочихъ говоритъ:

— Вы чтó же это дѣласте? Отличитесь, что ли, хотите?

Ферморъ отвѣчалъ, что у него и въ помыслахъ не было искать превозвышенiя надъ товарищами и, по его понятiямъ, онъ ровно ничего такого не дѣлалъ, за чтó бы его можно укорить въ честолюбiи или въ неблагогородствѣ.

— А вы, вѣдь, имѣли время присматриваться, такъ вы, развѣ, не видите, что всѣ *по одному* дѣлу въ докладной день представляютъ, а вы для чего тащите нить, да шесть и изъ каждаго показываете разную шерсть?

— Миѣ сколько поручаютъ, я столько и представляю.

— Да развѣ это можно такъ дѣлать?

— У меня много свободного времени и я усѣваю.

— Мало ли что вы усѣваете! Вы, вонъ, и вина не пьете, и въ карты не играете,—нельзя же требовать, чтобы такъ жили всѣ. Если вамъ въ тягость ваше свободное время, можете найти для себя какое угодно занятіе, только не быть выскочкою противъ товарищей.

Ферморъ сталъ скучать и явился просить другого дѣла.

— Каковъ молодецъ! онъ уже недоволенъ своимъ положеніемъ и просить другого! Безпокоить главнаго начальника и архіерея. Трется понасть въ амшики!—стали говорить одни, а другіе прибавляли:

— Какія протекціи! Изъ Петербурга его рекомендуютъ, здѣсь за него просятъ то архіерей, то самъ Иванъ Ивановичъ (День). Кому хотите дать столько протекцій, всякій себѣ карьеру сдѣлаетъ.

А Фермору казалось, будто чѣмъ больше людей за него заступается, тѣмъ ему становится хуже.

Изъ Петербурга ему пишутъ, что онъ «не умѣетъ» пользоваться участіемъ, а онъ не находитъ въ этомъ участіи того, что нужно,—не особыхъ протекцій, а возможности честнаго и усерднаго труда.

Онъ уже не зналъ, на кого роптать: всѣ хороши—начальникъ его не порицалъ и не преслѣдовалъ, а даже показывалъ, что очень доволенъ его усердіемъ, и «косоротый» ему не предлагалъ пачекъ съ бумажною полоской, а давалъ только то, что слѣдуетъ, и даже вслухъ приговаривалъ: «извольте столько-то рублей и конеекъ», и въ «гастрономію» его не приглашали, но ему день ото дня становилось все тяжелѣе и невыносимѣе.

Антоній къ нему продолжалъ благоволить и освѣдомлялся у его начальника: какъ онъ служить?

Тотъ отвѣчалъ, что онъ самъ Ферморомъ очень доволенъ, но удивляется и сожалѣетъ, что тотъ очень неудобно поставилъ себя со всѣми товарищами.

Викарій при первомъ свиданіи передалъ это Ферморю и освѣдомился:

— Въ чемъ дѣло?

— Не могу, не подхожу,—отвѣчалъ Ферморь.

— Отчего?.. Для чего вы такой зломнительный? Не хорошо имѣть мрачный взглядъ на жизнь. Въ ваши цвѣтущіе годы жизнь должна человѣка радовать и увлекать. Я о васъ говорилъ съ вашимъ начальникомъ и онъ васъ хвалитъ, а отнюдь не говоритъ того, будто вы не подходите. Извините меня: вы сами себѣ создаете какое-то особенное, нелюбимое положеніе между товарищами.

Ферморь всыхнулъ и отвѣчалъ:

— Это совершенно вѣрно: начальство относится ко мнѣ теперь лучше, чѣмъ товарищи.

— Ну, вотъ... Это не хорошо.

— Да; но чтобъ они относились ко мнѣ хорошо,—чтобы я *былъ любимъ*—надо, чтобъ я сдѣлалъ... то... что совсѣмъ нехорошо.

— Что же это?.. Неужто вольномысліе?

— О, нѣтъ! Я ничего не знаю о вольномыслии,—отвѣчалъ Ферморь.

— Такъ что же?

Ферморь молчалъ.

— Вѣрно, берутъ?

— Я ничего говорить не буду.

— Если это, то, вѣдь, что инженерія, что финансерія—это такія вѣдомства, гдѣ всѣ берутъ.

— Зачѣмъ же это? Для чего это такъ?

Викарій долго на него посмотрѣлъ и сказалъ:

— Для чего берутъ-то?

— Да!.. Вѣдь это подло!

— Значитъ, поладить не можете?

— Не могу, ваше преосвященство, я къ этому совсѣмъ отъ природы неспособенъ.

— Ну, способности тутъ немного надо.

— Взятка... мнѣ руку прожжеть.

— Прожечь не прожжеть, а... нехорошо. По дерзости не надо себѣ позволять.

Ферморь понялъ, что передано что-нибудь объ его сценѣ съ «косоротымъ», и съ горечью воскликнулъ:

— Ахъ, ваше преосвященство, какія дерзости! Они сами

выводятъ изъ терѣвнїа, сами обижаютъ, а потомъ лгутъ и сочиняютъ.

— Да, но все-таки на службѣ надо уживаться.

— Я не вижу никакой возможности уживаться съ такими людьми и буду проситься въ другое мѣсто.

— И на другомъ мѣстѣ, можетъ-быть, встрѣтите то же самое, ибо и тамъ тоже будутъ люди.

— Но не все же люди одинаковы!

Антоній опять на него поглядѣлъ съ сожалѣніемъ и сказалъ:

— Да, иногда бываетъ и отмѣна.

— Я посмотрю... я вѣрю встрѣтить иное.

— Ну, вѣруйте... посмотрите.

Въ тоиѣ викарія было слышно утомленіе.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Ближайшій начальникъ Фермора оказался зато такъ къ нему снисходителенъ и милостивъ, что далъ ему другое порученіе, на которое Ферморъ уже не приходилъ никому жаловаться, но совсѣмъ не сталъ заниматься дѣломъ, а началъ уединяться, жилъ келюдимымъ, не открывалъ своихъ дверей ни слугѣ, ни почтальону и «бормоталъ» какія-то странности.

Антоній узналъ объ этомъ и послалъ просить его къ себѣ.

Ферморъ пришелъ, но не только не опровергъ передъ викаріемъ дошедшихъ до него слуховъ, а, напротивъ, еще усилилъ сложившееся противъ него предубѣжденіе. Онъ былъ сухъ съ епископомъ, который за него заступался, и на вопросъ о причинѣ своего мрачнаго настроенія и уклоненія отъ общества отвѣчалъ:

— Я потерялъ вѣру въ людей и не могу ничего дѣлать.

Антоній не могъ вызвать Фермора ни на какую большую откровенность и отпустилъ его, сказавъ, что онъ, по его мнѣнію, должно-быть, боленъ и ему надо полѣчиться.

Ферморъ ушелъ молча и еще плотнѣе заперся, а потомъ, призванный черезъ нѣсколько дней къ начальнику, наговорилъ ему такихъ дерзостей, что тотъ, «желая спасти его», поѣхалъ къ Антонію и рассказалъ все между ними бывшее и добавилъ:

— Если я дамъ этому ходъ, то молодой человѣкъ пропадетъ, потому что онъ говоритъ на всѣхъ ужасныя вещи.

— Ай, ай!

— Да, онъ не только нарушаетъ военную дисциплину, но... простите меня великодушно: онъ подвергаетъ критикѣ ваши архипастырскія слова... Однако, какъ вы изволите принимать въ немъ такое теплое участіе, то я не желаю васъ огорчить и прошу васъ обратить на него вниманіе: онъ положительно боленъ и его надо увезти куда-нибудь къ роднымъ, гдѣ бы онъ имѣлъ за собою нѣжное, родственное попеченіе и ничѣмъ не раздражался. На службѣ онъ въ такомъ состояніи невозможенъ, но его любить великій князь, и если вы согласитесь сказать объ этомъ генералу Дену, то онъ, вѣроятно, напишетъ въ Петербургъ и исходатайствуетъ ему у великаго князя продолжительный отпускъ и средства для излѣченія.

Антоній согласился вмѣшаться въ это дѣло и вскорѣ же нашелъ случай поговорить о томъ съ Деномъ.

Иванъ Ивановичъ Денъ зачмокалъ губами и закачалъ головой.

— Жаль, очень жаль,—заговорилъ онъ. — Я не прочь допести объ этомъ великому князю и увѣрять, что бѣднягѣ разрѣшать отпускъ и дадутъ средства, но прежде чѣмъ я рѣшусь объ этомъ писать, надо обстоятельно удостовѣриться о здоровьѣ этого офицера. Я пошлю къ нему своего доктора и сообщу вамъ, что онъ мнѣ скажетъ.

Викарій извѣстилъ Фермора, какое участіе принимаетъ въ немъ главный начальникъ, который приплетъ къ нему своего доктора, но это извѣстіе, вмѣсто того, чтобы принести молодому человѣку утѣшеніе, до того его взволновало, что онъ написалъ викарію вепльчивый отвѣтъ, въ которомъ говорилъ, что докторъ ему не нуженъ, и вообще все, что дѣлается, то не нужно, а что нужно, то-есть, чтобы дать ему возможность служить при честныхъ людяхъ, — то это не дѣлается. Дену устроить это ничего бы не стоило, но онъ, къ несчастію, тоже не такъ на все смотритъ, потому что и самъ...

Викарій увидать, что молодой человѣкъ уже слишкомъ много себя позволяетъ: такъ дѣла въ государствѣ идти не могутъ.

Письмо осталось безъ отвѣта.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Посланный Деномъ его довѣренный и искусный врачъ нашель Фермора въ самомъ мрачномъ настроеніи, которое при первыхъ же словахъ доктора моментально перенло въ крайнюю раздраженность.

Молодой человѣкъ сначала не хотѣлъ ничего говорить, кромѣ того, что онъ физически совершенно здоровъ, но находится въ тяжеломъ душевномъ состояніи, потому что «потерялъ вѣру къ людямъ»; но когда докторъ сталъ его убѣждать, что эта потеря можетъ быть возмѣщена, если человѣкъ будетъ смотрѣть, съ одной стороны, снисходительнѣе, а съ другой—шире, ибо человѣчество отнюдь не состоитъ только изъ тѣхъ людей, которыми мы окружены въ данную минуту и въ данномъ мѣстѣ, то Ферморъ вдругъ словно сорвался съ задерживающихъ центровъ и въ страшномъ гнѣвѣ началъ утверждать, что у насъ нигдѣ ничего нѣтъ лучшаго, что онъ извѣрился во всѣхъ безъ исключенія, что честному человѣку у насъ жить нельзя и гораздо отраднѣе какъ можно скорѣе умереть. И въ этомъ нелю онъ то схватывалъ, то бросалъ отъ себя лежавшій на столѣ пистолеть и порицалъ безъ исключенія всѣ власти, находя ихъ безсильными остановить повсюду у насъ царящее лицемеріе, лихоимство, неуваженіе къ честности, къ уму и къ дарованіямъ и въ заключеніе назвалъ всѣ власти несоответствующими своему назначенію.

Врачъ доложилъ объ этомъ Дену и выразилъ такое мнѣніе, что Ферморъ, если и не сумасшедшій, то находится въ положеніи очень близкомъ къ помѣшательству, и что ему не только нельзя поручать теперь служебныя дѣла, но надо усиленно смотрѣть за нимъ, чтобы онъ, подъ влияніемъ своей мрачной меланхоліи, не причинилъ самому себѣ или другимъ какой-нибудь серьезной опасности.

— Я и подозрѣвалъ это.

Иванъ Ивановичъ Денъ послалъ доктора рассказать все Антонію, а самъ немедленно довелъ о происшествіи съ Николаемъ Ферморомъ до вѣдома великаго князя. А Михаилъ Павловичъ сейчасъ велѣлъ призвать къ себѣ Павла Федоровича Фермора и приказалъ ему немедленно ѣхать въ Варшаву и привезти «больного» въ Петербургъ.

Приказаніе это было исполнено: Николая Фермора при-

везли въ Петербургъ и онъ сталъ здѣсь жить въ домѣ своихъ родителей и лѣниться у ихъ домашняго, очень хорошаго доктора.

Сумасшествія у него не находили, но онъ, дѣйствительно, былъ нервно разстроенъ, унылъ и все писалъ стихи во вкусѣ извѣстнаго тогда мрачнаго поэта Эдуарда Губера. Въ разговорахъ онъ здраво отвѣчалъ на всякіе вопросы, исключая вопроса о службѣ и о честности. Все, что касалось этого какою бы то ни было стороною, моментально выводило его изъ спокойнаго состоянія и доводило до изступленія, въ которомъ онъ страстно выражалъ свою печаль объ утратѣ вѣры къ людямъ и полную безнадежность возратить ее черезъ кого бы то ни было.

На указаніе ему самыхъ сильныхъ лицъ онъ отвѣчалъ, что «это все равно,—ничто ничего не значить: что нужно, того никто не сдѣлаетъ».

— Они всё есть, но когда нужно, чтобъ они значили то, что они должны значить, тогда они ничего не значать, а это значить, что ничто ничего не значить.

Такъ онъ пошелъ «заговариваться», и въ этомъ было резюме его внутренняго разлада, такъ сказать, «пунктъ его номѣшательства». О разстройствѣ Николая Фермера скоро заговорили въ «свѣтѣ». Страшный душевный недугъ Фермера казался интереснымъ и занималъ многихъ. Опять думали, что онъ скрываетъ что-то политическое, и неохотно вѣрили, что ничего подобнаго не было. А онъ самъ говорилъ:

— Я знаю не политическое, а просто гадкое, и оно меня тѣснитъ и давить.

Душевныя страданія Фермера, говорятъ, послужили мотивами Герцену для его «Записокъ доктора Крунова», а еще позже — Теофилю Толстому, который съ него написалъ свой этюдъ «Болѣзни воли». Толстой въ точности воспроизвелъ своего героя съ Николая Фермера, а разсужденія взялъ изъ «Записокъ доктора Крунова», появившихся ранѣе.

Суди по времени событія и по большому сходству того, что читается въ «Запискахъ доктора Крунова» и особенно въ «Болѣзняхъ воли» О. Толстого съ характеромъ несчастнаго Николая Фермера, легко вѣрить, что и Герценъ, и Теофиль Толстой пользовались исторіею Николая Фермера для своихъ этюдовъ — Герценъ болѣе талантливо и ориги-

нально, а *Ө. Толстой* болѣе рабски и протоколно воспроизводя известную ему дѣйствительность.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Въ такомъ положеніи, что называется, ни въ тѣхъ, ни въ сихъ, *Николай Ферморъ* оставался нѣсколько лѣтъ. Ему по временамъ то становилось немножко легче, то опять на него наваливала хандра и безпокойство,—онъ не въ-время уходилъ изъ дома и не въ-время возвращался, сердился за пустяки и не обращалъ вниманія на вещи крупнаго значенія. Но вообще онъ всегда выходилъ изъ себя за всякую самонадѣнную недобросовѣстность. Онъ не смускалъ никому, если видѣлъ, что человекъ поступаетъ несправедливо и невеликодушно противъ другого человека. Но если его ничто не раздражало, то онъ былъ тихъ и или ходилъ задумчиво, или сидѣлъ потупя взоръ, какъ *Абадонна*, и читалъ *Губера*.

Такъ бы, вѣроятно, тянулось многіе годы, если бы не явился исключительный случай, какіе, впрочемъ, въ царствованіе *Николая I* бывали, свидѣтельствуя и теперь еще о сравнительной простотѣ тогдашнихъ обычаевъ.

Однажды *Павель Ѳедоровичъ Ферморъ*, отправились на лѣто съ полкомъ въ лагерь въ *Петергофъ*, пригласилъ съ собою туда больного брата. Тотъ согласился, и оба брата поселились въ лагерь, въ одной палаткѣ.

Николай Ѳедоровичъ былъ въ это время въ тихой полосѣ,—онъ читалъ, гулялъ и могъ вести снокойные разговоры, лишь бы они не касались его пункта — чести и начальства. Но въ *Петергофѣ* преобладало карьерное настроеніе, и невозможно было уйти отъ частыхъ разговоровъ о томъ, что одному удалось, а почему это же самое другому не удалось. Больной слушалъ все это и началъ опять раздражаться, на него напала бессонница, которая его разстроила до того, что онъ сталъ галлюцинировать и рассказывалъ своему брату *Павлу* разныя несообразности. Но какъ *Николай Ферморъ* все-таки былъ совершенно тихъ и ни для кого не опасенъ, то за нимъ не присматривали и онъ выходилъ, когда хотѣлъ, и шелъ, куда ему вздумалось.

Въ такомъ-то именно настроеніи онъ въ одно утро вышелъ изъ дома очень рано и отправился гулять въ *Нижній Садъ*. А въ тотъ годъ государь *Николай Павловичъ* шилъ

минеральныя воды и также вставать очень рано и дѣлать проходку прямо изъ Александрин по главной аллеѣ Нижняго Сада.

Случилось такъ, что императоръ и больной Николай Ферморъ встрѣтились.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Увидѣвъ государя, Николай Ферморъ сталъ какъ слѣдовало и приложилъ руку къ фуражкѣ.

Государь взглянулъ на него и было прошелъ уже мимо, но потомъ, вѣроятно, затрудняясь вспомнить, что это за инженерный офицеръ и зачѣмъ онъ здѣсь, оборотился назадъ и поманулъ Фермора къ себѣ.

Ферморъ подошелъ.

— Кто ты такой?—спросилъ государь.

Ферморъ назвалъ свое имя.

— Зачѣмъ ты здѣсь?

Ферморъ отвѣчалъ, что онъ былъ на службѣ въ Варшавѣ, но имѣлъ несчастіе тамъ заболѣть и, по приказанію его высочества, привезенъ своимъ братомъ Павломъ въ Петербургъ, а теперь находится для пользованія свѣжимъ воздухомъ у брата въ лагерѣ.

Государь, межъ тѣмъ, вематривался въ его лицо и потомъ спросилъ:

— Ты былъ въ инженерномъ училищѣ, когда я былъ еще великимъ княземъ?

— Нѣтъ, ваше величество,—это былъ мой братъ.

— Чѣмъ же ты нынче боленъ?

Николай Ферморъ смѣшался и лицо его мгновенно приняло страдальческое выраженіе.

Государь это замѣтилъ и ободрилъ его.

— Говори правду! Чтò бы то ни было, мнѣ надо отвѣчать правду!

— Ваше величество,—отвѣчалъ Ферморъ:—я никогда не лгу ни передъ кѣмъ и вамъ доложу сушую правду: болѣзнь моя заключается въ томъ, что я потерялъ довѣріе къ людямъ.

— Чтò такое?—переспросилъ, возвыся голосъ и откидывая голову, государь.

Ферморъ спокойно повторилъ то же самое, т. е., что онъ потерялъ довѣріе къ людямъ, и затѣмъ добавилъ, что отъ этого жизнь ему сдѣлалась несносна.

— Миѣ не вѣрять, ваше императорское величество, по я ужасно страдаю.

— Я тебѣ вѣрю. Я знаю, это у тебя отъ Варшавы; но это ничего не значитъ,—ты вздохнешь здѣсь русскимъ духомъ и поправишься.

— Никакъ нѣтъ, ваше величество.

— Отчего нѣтъ?

— Нельзя служить честно.

Лицо Фермора приняло жалкое, угнетенное выраженіе.

Государь былъ, видимо, тронутъ разлитымъ во всемъ его существѣ страданіемъ и, нимало не сердясь, коснулся его плеча и сказалъ:

— Успокойся,—я тебѣ дамъ такую службу, гдѣ ты будешь въ состояніи никого не бояться и служить честно.

— Кто же меня защититъ?

— Я тебя защищу.

Ферморъ поблѣднѣлъ и не отвѣчалъ, но лѣвую щеку его судорожно задергало.

— Или ты и миѣ не вѣришь?

— Я вамъ вѣрю, ваше величество, но вы не можете сдѣлать то, что изволите такъ великодушно обѣщать.

— Почему?

Возбужденіе и разстройство Фермора въ эту минуту достигло такой высокой степени, что судорога перехватила ему горло и изъ глазъ его полились слезы. Онъ весь дрожалъ и нервнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Виновать, простите меня, ваше величество: я не знаю почему, но... не можете... не защитите.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Государь посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ и въ это время, конечно, убѣдился, что онъ говоритъ съ помѣшаннымъ.

— Тебя лѣчили въ Варшавѣ, когда ты заболѣлъ?

— Генераль Денъ присылалъ ко миѣ своего доктора.

— И что же, онъ тебѣ не помогъ?

— Миѣ нельзя помочь, потому что я потерялъ...

— Да, да, я знаю, — перебилъ государь: — ты потерялъ довѣріе къ людямъ... Но ты не робѣй: этимъ самымъ отчасти страдаю и я...

— Ваше величество, въ ванемъ положеніи это еще ужаснѣе!

— Что, братецъ, дѣлать! Но я, однако, терплю. Я бы тебѣ посоветовалъ искать утѣшеніе въ религіи. Ты молишься Богу?

— Молюсь.

— У насъ есть духовныя лица съ большою извѣстностью, ты бы обратился къ кому-нибудь изъ нихъ.

— Я пользовался въ Варшавѣ расположеніемъ преосвященнаго Антонія.

— Да, онъ краснорѣчивъ. Религія въ твоемъ положеніи можетъ дать тебѣ утѣшеніе. Но ты, вѣдь, долженъ знать Игнатія Брянчаншнова,—онъ твой товарищъ.

— Онъ товарищъ моего старшаго брата, Павла.

— Это все равно: я васъ сведу. Иди сейчасъ въ лагерь и скажи твоему брату, что я приказываю ему сейчасъ свезти тебя отъ моего имени въ Сергіевскую пустынь къ отцу Игнатію. Онъ можетъ принести тебѣ много пользы.

Ферморъ молчалъ.

Государь пошелъ своею дорогой, но потомъ во второй разъ опять остановился,—самъ подошелъ къ стоявшему на мѣстѣ больному и сказалъ:

— Иди же, иди! Иди, не стой на мѣстѣ... А если тебѣ что-нибудь надобно—проси: я готовъ тебѣ помочь.

— Ваше величество! — отвѣчалъ Ферморъ: — я стою не потому, что хочу облынныхъ милостей, но я не могу идти отъ полноты всего, что ощущаю. Я благодарю васъ за участіе, и мнѣ больше ничего не нужно.

По щекамъ Фермора заструились слезы.

Государь вынулъ свой платокъ, обтеръ его лицо и поцѣловалъ его въ лобъ.

Ферморъ тяжело дышалъ и шатался, но смотрѣлъ оживленно и бодро.

— Ты, братецъ, рѣдкій человѣкъ, если тебѣ ничто не нужно; но если не теперь, а послѣ тебѣ что-нибудь понадобится, то помни, — я даю тебѣ право обратиться прямо ко мнѣ во всякое время.

— Никакѣмъ благодарю, ваше императорское величество, но никогда этого не сдѣлаю.

— Отчего?

— У васъ, ваше величество, столько важныхъ и священныхъ дѣлъ, что моя одинокая судьба не стоить того, чтобы

вамъ обо мнѣ думать. Это святотатство. Я себѣ не позволю васъ беспокоить.

— Ты мнѣ нравишься. Если не хочешь ко мнѣ приходиться, напиши мнѣ и передай во дворецъ, черезъ генераль-адъютанта. Я буду радъ тебѣ помочь; тебя кто теперь лѣчитъ?

— Докторъ Герацкій.

— Онъ не годится,—я поручу тебя Мандгу. Прощай.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Когда Николай Ферморъ пришелъ въ лагерь послѣ свиданія и разговора съ государемъ, старшій Ферморъ (Павель) еще спалъ. Николай его разбудилъ и сталъ ему рассказывать о томъ, какъ онъ повстрѣчался съ императоромъ въ Нижнемъ Саду и какой у нихъ вышелъ разговоръ, причемъ разговоръ этотъ былъ воспроизведенъ въ дословной точности.

Павель Федоровичъ подумалъ, что вотъ именно теперь братъ его совсѣмъ уже сошелъ съ ума и галлюцинируетъ и зрѣніемъ, и слухомъ, но, по наведеннымъ справкамъ, оказалось, однако, что Николай Ферморъ говоритъ сущую правду. По крайней мѣрѣ, особливые люди, которымъ все надо видѣть — дѣйствительно видѣли, что императоръ встрѣтилъ Фермора въ Нижнемъ Саду и довольно долго съ нимъ разговаривалъ, два раза къ нему возвращался и обтеръ своимъ платкомъ его лицо и поцѣловалъ его въ лобъ.

Всею остальному приходилось вѣрить на слова больного и въ этомъ смыслѣ докладываться начальству.

Батальоннымъ командиромъ у Павла Фермора въ это время былъ Ферре. Къ нему къ первому явился Павель Ферморъ, рассказалъ, что и какъ происходило, и затѣмъ просилъ разъяснить ему: какъ теперь быть, — оставить ли это безъ движенія, отнеся все слышанное насчетъ больного воображенія Николая Фермора, или не вѣрить передачѣ и исполнить въ точности переданное приказаніе государя?

Ферре былъ того мнѣнія, что хотя Николай Ферморъ и считается человѣкомъ больнымъ и очень легко можетъ галлюцинировать, но что въ данномъ случаѣ онъ, по всѣмъ видимостямъ, говоритъ правду, и потому переданныя черезъ него приказанія государя надо исполнить.

Тогда Павелъ Ѳеодоровичъ Ферморъ взялъ экипажъ, посадилъ туда больного брата и повезъ его въ «пустыню» къ Сергію.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Брянчанинова П. Ферморъ засталъ на служебнѣ: онъ совершалъ литургію. Ему доложили о прибывшихъ къ нему отъ государя братьяхъ Ферморахъ, когда онъ вернулся изъ церкви домой и собрался въ трапезу.

Игнатій принялъ братьевъ въ своихъ покояхъ, при чемъ находился и Чихачевъ, на племянницѣ котораго былъ женатъ Павелъ Ѳеодоровичъ. Они поговорили здѣсь вкратцѣ потому, что надо было идти въ трапезную къ братіи. За трапезою въ монастырѣ разговоры невозможны, но послѣ трапезы до звона къ вечернѣ подробнѣе поговорили обо всемъ, что вспомнулось, затѣмъ офицеры должны были возвратиться въ лагерь.

Свиданіе «утратившаго довѣріе къ людямъ» Николая Фермора съ Брянчаниновымъ и Чихачевымъ нимало не возвратило ему его утраты, а только исполнило его сильной нервной усталости, отъ которой онъ зѣвалъ и безпрестанно засыналъ, тогда какъ брату его, Павлу Ѳеодоровичу, одно за однимъ являлись новыя хлопоты по исполненію заботъ государя о больномъ.

Едва они подъѣхали къ лагерю, какъ Павлу Фермору сказали, что его давно уже ищутъ.

— Но я не могъ быть въ лагерѣ, потому что возилъ брата къ Сергію по приказанію государя и сказался о томъ своему батальонному командиру.

— Все равно, — отвѣчали ему: — васъ ищутъ тоже по приказанію государя, а батальонный ничего не сказалъ. Идите скорѣе въ вашу палатку, — тамъ вамъ есть важное письмо.

Оказалось, что въ лагерѣ былъ самолично великая медицинская знаменитость своего времени, докторъ Мандтъ.

Онъ пріѣхалъ въ лагерь по личному приказанію государя, чтобы видѣть Николая Фермора, и остался очень недоволенъ, что не нашелъ больного. Зато онъ оставилъ записку, въ которой писалъ, что «сегодня онъ былъ экстренно вытребованъ государемъ императоромъ, которому благоугодно было передать на его попеченіе Николая Фермора,

и въ виду этого онъ, д-ръ Мандтъ, проситъ Ив. О. Ф-ра, какъ только онъ возвратится въ лагерь и въ какое бы то ни было время, тотчасъ пожаловать къ нему для личныхъ объясненій».

Хотя время было уже поздноато, но Павелъ Ферморъ сейчасъ же отправился въ городъ на квартиру Мандта.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Мандтъ былъ дома. Онъ сидѣлъ на верандѣ и курилъ.

Когда ему доложили о Ферморѣ, онъ его тотчасъ же принялъ и, дымя сигарою, сказалъ:

— Государь очень заинтересовался вашимъ братомъ. У него, какъ думаетъ его величество, должно быть есть наклонность къ меланхоли. Что вамъ извѣстно о болѣзненномъ состоянiи вашего брата?

Павелъ Федоровичъ Ферморъ разсказалъ все, что ему было извѣстно, но Мандтъ нашелъ это недостаточнымъ: ему для уясненiя себѣ дѣла и для доклада о немъ государю нужно было имѣть «исторiю болѣзни», написанную медикомъ, и притомъ все это надо было имѣть въ рукахъ и завтра утромъ уже доложить государю.

По счастью, у Павла Фермора была исторiя болѣзни, написанная врачомъ, пользовавшимся его брата, но она была оставлена на городской квартирѣ въ Петербургѣ, а сообщенiя съ Петергофомъ тогда были не нынѣшнiя.

Чтобы помочь дѣлу, Мандтъ выдалъ Павлу Фермору билетъ на казенный пароходъ, отходившiй въ Петербургъ утромъ, и «исторiя болѣзни» Николая Фермера поспѣла въ руки Мандта во-время. Онъ ее сразу прочелъ, все въ ней понялъ и въ тотъ же день доложилъ государю.

Государь былъ доволенъ, что приказанiя его исполняются такъ скоро и такъ точно: онъ благодарилъ Мандта и просилъ его принять къ сердцу горестное состоянiе несчастнаго молодого человѣка.

— Его бредъ, — сказалъ государь: — исполненъ такого искренняго благородства, что нѣчто подобное не худо бы имѣть тѣмъ, которые пользуются цвѣтущимъ здоровьемъ.

Мандтъ принялъ протынутую ему при этомъ руку государя и какъ бы изъ нея переданнаго ему больного Николая Фермора съ его «утраченнымъ довѣрiемъ къ людямъ».

Все семейство Ферморовъ было въ восторгѣ, всѣ благо-

словляли вниманіе государя и начали смотрѣть въ будущее съ новымъ упованіемъ.

Въ обществѣ тоже говорили, что «теперь Мандтъ разорвется, а выльчнть... Иначе, чортъ ихъ возьми, — грошъ цѣна всей ихъ наукѣ».

Но самъ Николай Ферморъ молчалъ и спокойно смотрѣлъ на все, что съ нимъ дѣлалъ. Все это какъ будто не имѣло для него никакого значенія. Мандтъ, такъ и Мандтъ, — ему все равно, при чемъ содѣйствіи утеривать послѣднее довѣріе къ людямъ. Онъ точно какъ изжилъ всю свою энергію и чувствительность въ своемъ утреннемъ разговорѣ съ государемъ, и что теперь за этимъ дальше слѣдуетъ, — ему до этого уже не было никакого дѣла.

Чѣмъ, какъ и гдѣ будетъ пользоваться его Мандтъ, — это его и не интересовало. Онъ теперь смотрѣлъ на дѣло какъ человѣкъ, для котораго всѣ эти хлопоты не важны и результатъ ихъ безразличенъ, потому что онъ самъ знаетъ самое вѣрное средство, какъ избавиться отъ тяжести своего несчастнаго настроенія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Тѣмъ, что описано въ выше сего помѣщенныхъ строкахъ, выразилось самое сильное и самое большое напряженіе усердія знаменитаго врача къ исполненію порученія, лично переданнаго ему самимъ государемъ. Докторъ Мандтъ сдѣлалъ больному только одинъ неудачный визитъ, когда онъ не нашель Фермора въ палаткѣ петергофскаго лагеря. На другой день, какъ сказано, Мандтъ прочелъ наскоро исторію болѣзни и сдѣлалъ государю докладъ, не посѣтивъ больного. И съ этой поры онъ самъ не посѣщалъ Фермора ни разу, а присылалъ своего ассистента, врача, тоже составившаго себѣ впоследствии большое имя, Н. О. Здекауера. Если же государь спрашивалъ: видитъ ли онъ Фермора, то Мандтъ отвѣчалъ, что «видитъ», и чтобы это не было неправдою, онъ тотчасъ же вытребовалъ пациента къ себѣ на квартиру.

Для больного, который находился въ такомъ состояніи, какъ Николай Ферморъ, не тяжело было исполнить это требованіе, и онъ на каждый зовъ тотчасъ же шелъ въ квартиру Мандта (по Мойкѣ, неподалеку отъ Полицейскаго моста, въ домѣ Бѣликова).

Такимъ образомъ прошелъ годъ и могло бы идти и дальше,

по однажды раннею весной Николай Ферморъ во время прогулки опять попался на глаза императору Николаю Павловичу, и отъ этого случая произошла перемѣна, которая дала дѣлу новое направленіе.

Государь встрѣтилъ Николая Фермора на углу Невскаго и Большой Морской, у самаго англійскаго магазина.

Проходившій Ферморъ, замѣтилъ приближеніе государя, взялъ руку къ козырьку и остановился.

Государь взглянулъ на него и сейчасъ же узналъ.

— Ферморъ?

— Точно такъ, ваше величество.

— Какъ теперь твое здоровье?

— Я не чувствую, ваше величество, ни малѣйшаго облегченія.

На лицѣ государя выразилось неудовольствіе.

— Что же дѣлаетъ съ тобой Мандтъ?

— Онъ иногда присылаетъ ко мнѣ Здекауера, а иногда требуетъ меня къ себѣ.

— Ну, а что же вы дѣлаете, когда ты къ нему приходишь?

— Сначала я долго ожидаю его въ пріемной, а потомъ, когда онъ выйдетъ, пустить мнѣ въ лицо дымъ отъ сигары и скажетъ, чтобы я пилъ bitter Wasser.

— И только?

— Только всего, ваше величество.

Лицо государя омрачилось, а Ферморъ воспользовался минутой этого разговора и напомнилъ государю о его дозволеніи обращаться къ нему съ просьбами.

— Ну, прекрасно, что же я могу тебѣ сдѣлать?

— Прикажите меня лѣчить какому-нибудь доброму доктору изъ русскихъ.

— Хорошо, — отвѣчалъ государь и, кивнувъ головой, удалился.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Государь опять не забылъ своего обѣщанія. Не успѣлъ Ферморъ возвратиться домой, какъ его уже ожидалъ «вздохъ» изъ дворца, посланный Мандтомъ съ требованіемъ, чтобы больной немедленно прибылъ къ своему знаменитому доктору.

Николай Ферморъ, нимало не раздумывая, пошелъ.

Мандтъ на этотъ разъ не держалъ его долго въ пріемной.

— Вы на меня пожаловались государю? — встрѣтилъ онъ то строгимъ вопросомъ.

— Я не жаловался. Государь изволилъ спросить меня: чѣмъ вы меня лѣчите, а я отвѣчалъ, что ничѣмъ не лѣчите, кромѣ какъ велите пить bitter Wasser. Я всегда говорю правду.

— Да, да, вы все съ правдой... Но вы просили государя поручить васъ другому доктору?

— Да, мнѣ казалось, что вамъ, при вашемъ положеніи, некогда мною заниматься, и я просилъ его величество дозволить мнѣ пользоваться совѣтомъ другого доктора.

— Государь удовлетворилъ вашу просьбу. По вашему желанію, вамъ назначень другой врачъ. Отправьтесь на Михайловскую площадь, въ домъ Жербина, тамъ живетъ главный докторъ учрежденій императрицы Маріи. Государь ему поручилъ васъ, и я ему уже передалъ исторію вашей болѣзни.

Въ семейныхъ мемуарахъ, которыми я пользовался для составленія настоящаго очерка, не названо имени врача, смѣнившаго въ этой исторіи доктора Мандта. Способъ его лѣченія, однако, тоже не отличался удачею, но зато приемы отличались отъ системы Мандта гораздо болѣею рѣшительностью.

Новый врачъ не томилъ Фермора въ своей приемной и не посылалъ къ нему на домъ помощника, а нашелъ нужнымъ подвергнуть его болѣзненные явленія болѣе основательному и притомъ постоянному наблюдению, для чего самымъ удобнымъ средствомъ представлялось помѣстить пациента въ больницу душевныхъ больныхъ «на седьмую версту».

Родныхъ Фермора эта мѣра поразила самымъ неприятнымъ образомъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію и по мнѣнію всѣхъ знакомыхъ, не предстояло рѣшительно никакой необходимости лишать несчастнаго Николая Фермора той свободы и тѣхъ семейныхъ радостей, которыми онъ пользовался въ домашней обстановкѣ.

Но врачъ былъ непреклоненъ въ своемъ мнѣніи: онъ находилъ необходимымъ удалить пациента отъ его домашней обстановки и всю прежнюю безуспѣшность лѣченія приписывалъ тому, что больной ранѣе не былъ устраненъ изъ дома и не находился подъ постояннымъ надзоромъ.

Возражать и спорить, однако, было невозможно: врачъ иначе не находилъ возможности приступить къ лѣченію, и, въ случаѣ противодѣйствія родныхъ пациента, обѣщалъ доложить о томъ государю.

Одни видѣли въ этомъ необходимость, а другіе подозрѣ-

вали въ докторѣ желаніе — прежде всего обезопасить себя отъ повторенія такой случайности, которая была причиною перехода Николая Фермора къ нему отъ Мандта. И подозрѣніе это имѣло основаніе. Пока Николай Ферморъ оставался въ своемъ семействѣ и выходилъ свободно гулять по городу въ своей военной формѣ, онъ опять могъ какъ-нибудь встрѣтиться съ государемъ, и это могло дать поводъ къ безпокойствамъ, между тѣмъ какъ съ удаленіемъ его «на седьмую версту» возможность такой встрѣчи устранялась и все въ становилось гораздо спокойнѣе.

Мандтъ самъ или не отважился предложить эту мѣру, или она ему не приходила и въ голову, но когда это было высказано его собратомъ русскаго происхожденія, онъ ее поддерживалъ, какъ мѣру вполне сообразную и самую полезную для основательнаго наблюденія за больнымъ.

Государь убѣдился мнѣніемъ знаменитыхъ врачей, но и на этотъ разъ не оставилъ Фермора безъ своей опеки. Онъ велѣлъ помѣстить Николая Фермора на седьмую версту, но зато приказалъ его доктору *«навѣщать больного какъ можно чаще и непременно разъ въ недѣлю лично докладывать о состояніи его здоровья»*.

Черезъ такой оборотъ положеніе поваго врача дѣлалось несравненно болѣе труднымъ, чѣмъ было положеніе Мандта.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Это, съ одной стороны, успокоило родныхъ больного, что Николай Феодоровичъ не будетъ на седьмой верстѣ заброшенъ какъ все прочіе, которые имѣли несчастіе туда падать, а съ другой стороны—создало находчивому доктору совершенно непредвидѣнное и очень тяжелое и непріятное положеніе, котораго онъ не желалъ. Мудрецъ попался. Онъ долженъ былъ два-три раза въ недѣлю ѣздить въ больницу «*Всѣхъ скорбящихъ*», что ему было безпокойно и не выгодно, а потомъ разъ въ недѣлю являться къ государю и давать утомительно-однообразный отчетъ, такъ какъ съ больнымъ никакихъ переменъ не происходило, а повторять все одно и то же черезъ недѣлю передъ государемъ было отнюдь не пріятно.

Кромѣ того, это могло государя разсердить и имѣть для карьеры врача дурныя послѣдствія.

«На седьмой верстѣ» тоже не рады были такому гостю,

какъ Николай Ферморъ, который блажилъ, но все понималъ, и, видя жестокіе порядки, которые тогда были въ сумасшедшихъ домахъ, вступался за тѣхъ, кого считать обиженнымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и въ больницѣ «на седьмой верстѣ», какъ и въ другихъ подобныхъ учрежденіяхъ, люди допускали злоупотребленіе своей силой надъ больными.

Ферморъ же все это видѣлъ, и если бы государь вдругъ пожелалъ его посѣтить (что, по характеру и обычаямъ императора, почитали за очень возможное), то неутомимый правдолюбецъ могъ надѣлать большихъ хлопотъ; а ихъ черезъ него и такъ вышло уже не мало.

Надо было отъ него совсѣмъ избавиться, и у медицинской политики не оказалось для этого недостатка въ средствахъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Врачъ, наблюдавшій за Николаемъ Ферморомъ, хотя и претерпѣлъ на первыхъ шагахъ неудачу, но оставался на высотѣ дипломатической ливні; онъ доложилъ государю, что въ Берлинѣ открыта новая частная лечебница для душевныхъ больныхъ, которою завѣдуетъ знаменитый психіатръ, и что у него получаются удивительные результаты излѣченія.

— Такъ что же?—воскликнулъ государь:—послать туда, на мой счетъ, Фермора.

Это было какъ разъ то, что было всего желательнѣе врачамъ, которымъ возня съ Ферморомъ чрезвычайно надобла.

— Только я приказываю, — добавилъ государь: — чтобы больной былъ посланъ какъ можно удобнѣ. За безопасность его мнѣ отвѣчаютъ.

Къ исполненію этого тотчасъ же были приняты самыя энергическія мѣры.

Лучшее сообщеніе съ Берлиномъ тогда представляли пароходы, отправлявшіеся изъ Петербурга въ Штетинъ; съ нимъ и ѣхали за границу. А изъ пароходовъ, совершавшихъ эти рейсы, самымъ удобнымъ и комфортабельнымъ по тому времени почитался пароходъ «Александръ». На немъ ѣздила лучшая публка. По крайней мѣрѣ, всѣ мѣста въ весеннихъ рейсахъ «Александра» обыкновенно сберегались для особъ знатныхъ. На этомъ пароходѣ, въ первый его весенній рейсъ, и назначено было отправить Николая Фермора съ его провожатымъ.

Братъ Николая Феодоровича, Павелъ Ферморъ, о которомъ неоднократно приходилось упоминать въ этой эпопее, не могъ сопровождать больного въ Штетинъ. Онъ нуженъ былъ по службѣ въ петергофскомъ лагерѣ, а Николай Феодоровичъ былъ поручень смотрѣнію своего товарища, по фамиліи Степанова, которому вмѣстѣ съ больнымъ были поручены и деньги на его расходы, и подробная инструкция, какъ больного везти, оберегая его отъ всякихъ опасностей въ пути. Онъ же долженъ былъ и устроить Николая Фермора въ Берлинъ, согласно волѣ и приказанію императора.

Это препорученіе Николая Фермора другому лицу, безъ сомнѣнія, должно служить доказательствомъ, что больной въ это время уже былъ окончательно признанъ за сумасшедшаго, а то, что его помѣщали все-таки на самомъ лучшемъ пароходѣ, которымъ пользовались, по преимуществу, особы знатныя, указываетъ, какъ старались сберечь этого больного, пользовавшагося вниманіемъ государя.

Лучше уже ничего нельзя было сдѣлать для того, чтобы доложить государю, какъ тщательно и серьезно исполнена его воля.

Пароходъ шелъ съ отѣльнымъ обществомъ, въ которомъ, между прочимъ, блистали своимъ присутствіемъ: бывшій новороссійскій генераль-губернаторъ Воронцовъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, тайный совѣтникъ Бекъ и много другихъ особъ того и другого пола, занимавшихъ видное положеніе въ тогдашнемъ высшемъ обществѣ и пользовавшихся въ немъ большимъ вліяніемъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

День былъ самый погожій и жизнерадостный. Отѣзжавшій Николай Ферморъ находился въ очень спокойномъ, философскомъ настроеніи.

На стѣнѣ его комнаты, въ домѣ, за семью верстой, осталось начертаніе апофегмы Гиппократа:

«*Quod medicamenta non sanant, ferrum sanat; quod ferrum non sanat—ignis sanat; quod ignis non sanat, mors sanat*» (т. е. «что не излѣчиваютъ лѣкарства, то излѣчиваетъ желѣзо; что не излѣчиваетъ желѣзо, то излѣчиваетъ огонь; что не излѣчиваетъ огонь, то излѣчиваетъ смерть»).

Кому эта апофегма спльно понравилась и кто заботливою рукою воспроизвелъ ее на стѣнѣ своего печальнаго жилища, тотъ, вѣроятно, имѣлъ твердый взглядъ на жизнь.

Ферморъ не радовался отъѣзду за границу и не скучалъ о томъ, съ чѣмъ разставался на родинѣ. Излѣчиться отъ своей меланхоліи онъ былъ радъ, но, повидимому, отнюдь не вѣрилъ въ возможность излѣченія.

Эта предубѣжденность, по мнѣнію врачей, и портила все дѣло. А у больного былъ противъ этого свой доводъ: онъ находилъ, что нельзя же возвратить себѣ довѣріе къ людямъ, если они этого довѣрія къ себѣ не внушаютъ.

Братъ проводилъ больного до Кронштадта, гдѣ у нихъ произошло послѣднее, трогательное прощаніе; но горечь разлуки для Павла Фермора была сильно облегчена общимъ участіемъ пассажировъ къ его больному брату.

Какъ только эти уважаемые люди узнали на переѣздѣ до Кронштадта, что съ ними ѣдетъ тотъ Ферморъ, которому оказываетъ отеческое вниманіе государь, то всѣ тотчасъ же наперерывъ старались обнаружить къ Николаю Фермору самую теплую, родственную заботливость. Зачѣмъ ему братъ?—онъ въ каждомъ здѣсь находилъ самаго нѣжнаго родственника.

— Вѣдь всѣ мы русскіе, всѣ дѣти одного царя и брата по вѣрѣ.

Тайный совѣтникъ Бекъ привелъ даже по-церковно-славянски отъ Писанія, объ ангелахъ, которымъ заповѣдано сохранить и взять человѣка на рукахъ своихъ. Да если бы молодой человѣкъ и не внушалъ ничего самъ по себѣ, то одного того, что онъ лично извѣстенъ государю, и его величество имѣетъ о немъ попеченіе, было бы черезчуръ достаточно, чтобы всѣ считали своимъ долгомъ сберечь его, позабывъ сами себя.

Лучше, кажется, уже нельзя было отправить больного, какъ онъ отправлялся, и Павелъ Ферморъ, въ полномъ спокойствіи, возвратился къ своему полку въ петергофскій лагерь, а на третій день послѣ проводовъ брата поѣхалъ къ своей теткѣ, которая тогда проводила лѣто на дачѣ близъ Сергія, и тамъ скоро получилъ неожиданное извѣстіе, какъ отъменно уберегли на пароходѣ его брата.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Въ то время, когда Павелъ Федоровичъ Ферморъ сидѣлъ у тетки, къ ней завернули проѣздомъ съ бывшаго въ тотъ день, въ Красномъ Селѣ, развода три уланскіе офицера,

изъ которыхъ одинъ, Карлъ Пилларъ-фонъ-Пильхау, началъ съ сожалѣнiемъ разсказывать, что разводъ не удался.

— Кто же въ этомъ виноватъ?—спросила хозяйка.

— Никто не виноватъ, по государь прiѣхалъ огорченный и оттого благодарилъ мало.

— Что же такое опечалило государя передъ разводомъ?

Пилларъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Государю совѣтъ не во-время, передъ самымъ его отъѣздомъ на разводъ, подали печальное извѣстiе.

— О чемъ?

— О неприятномъ происшествiи съ однимъ инженеромъ, подпоручикомъ Ферморомъ. Государь принималъ въ немъ участiе, и погибель его страшно его величество огорчила.

Хозяйка только въ эту минуту замѣтила свою оплошность: она думала, что прiѣхавшие кавалеристы знакомы съ Павломъ Федоровичемъ Ферморомъ, и потому ихъ не познакомила.

Теперь она поспѣшила это сдѣлать, но не могла уже поправить этимъ ужаснаго впечатлѣнiя, произведеннаго словами Пиллара на Павла Фермора.

Павель Федоровичъ, однако, совладалъ съ собою и сказалъ, что онъ въ силахъ все выслушать, и проситъ одной милости — сказать сейчасъ, какъ можно скорѣе, въ чемъ заключается печальное извѣстiе о его братѣ.

— Я долженъ скорѣе это знать, чтобы спѣшить, что можно поправить.

— Увы,—отвѣчалъ Пилларъ:—дѣло кончено, и никакая поправка невозможна. Если вы тверды, какъ долженъ быть твердъ въ несчастiи уважающiй себя мужчина, то я вамъ скажу, что братъ вашъ погибъ невозвратно.

— Какъ, гдѣ и какимъ образомъ?

— Онъ бросился съ корабля въ море и утонулъ. Это случилось близъ острова Борнгольма.

Тогда помянулась Гиппократова апофегма, начертанная на стѣнѣ за седьмою верстой:

«Quod medicamenta non sanant—mors sanat».

Утраченное довѣрiе къ людямъ уврачевала смерть...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Но краткое извѣстiе о томъ, что «Николай Ферморъ бросился въ море и утонулъ», достаточное для начальства, не

удовлетворяло родныхъ и друзей погибшаго. Имъ хотѣлось знать: какъ могло случиться это трагическое происшествіе при той тщательной бѣрежи и при той нѣжной предусмотрительности, съ которыми большою былъ отпавленъ.

Объ этомъ существовали двѣ версіи.

Г. Степановъ, принявшій на свое попеченіе Николая Фермора, по возвращеніи изъ - за границы, рассказывалъ происшествіе Павлу Федоровичу Фермору слѣдующимъ образомъ. Несчастіе случилось вскорѣ послѣ обѣда. Погода была прекрасная, и все пассажиры послѣ стола вышли на палубу, чтобы пить кофе. Изъ всей знати остались внизу только два-три человека, которые не пили послѣобѣденнаго кофе и предпочитали послѣобѣденный сонъ. Николай Ферморъ былъ въ числѣ вышедшихъ на палубу. Онъ былъ въ спокойномъ расположеніи и за столомъ хорошо кушалъ.

На палубѣ пассажиры размѣстились съ чашками кофе по группамъ и все вели оживленные разговоры. Николай Ферморъ пилъ свой кофе, сидя въ сообществѣ нѣсколькихъ человекъ, и когда его чашка была уже имъ допита, онъ поставилъ ее на рубку, а самъ всталъ съ мѣста и отошелъ къ борту и затѣмъ сію же минуту наступилъ ногою на перекладину и, перекинувшись черезъ перила, бросился въ воду на глазахъ всехъ пассажировъ...

Всѣхъ объялъ неописанный ужасъ и поднялось страшное смятеніе, въ которомъ ничего нельзя было разобрать.

Пока въ этой суматохѣ отыскивали и вызвали наверхъ капитана, пока успѣли остановить пароходъ и спустить шлюпку, Николай Ферморъ вынырнулъ и сталъ грести руками, держась на волнахъ; но когда шлюпка стала къ нему приближаться, онъ ослабѣлъ или не захотѣлъ быть спасеннымъ и пошелъ ко дну.

Спасти его уже было невозможно, и пароходъ, при неопisanномъ ужасѣ пассажировъ, продолжалъ дальше свое плаваніе къ Штетину.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Другая версія, которую мнѣ привелось слышать отъ контръ-адмирала А. В. Фрейганга, человека замѣчательной искренности и справедливости, совсѣмъ не сходна съ тою, которая приведена выше, и представляетъ дѣло въ иномъ видѣ.

По второй версіи, Николай Ферморъ погибъ еще прежде

и незатѣише. Общество за столомъ, дѣйствительно, все было очень оживленно и всѣ были заняты вновь образованными на пароходѣ знакомствами. Николай Ферморъ ничего не пилъ и былъ спокоенъ, но какого сорта было его спокойствіе, это могъ знать только онъ самъ.

Когда обѣдъ былъ конченъ, Ферморъ вышелъ изъ столовой раньше всѣхъ прочихъ и послѣ того его уже никто не видалъ. Налитая для него чашка кофе, дѣйствительно, осталась на рубкѣ, но кофе въ ней былъ цѣль, и потому нельзя съ утвердительною сказать, кто ее тамъ поставилъ, Ферморъ или разносившій кофе кельнеръ. Хватились же Фермора не сразу, а случайно, когда тайный совѣтникъ Бекъ, посоветовавшись съ Морфеемъ, вышелъ изъ каюты на палубу и, освѣжительно зѣвнувъ, спросилъ:

— А гдѣ же этотъ нашъ... какъ его... что ѣдетъ по приказанію государя?

Тогда стали оглядываться по всѣмъ сторонамъ и замѣтили, что Фермора нѣтъ. Но при этомъ сразу никто не предполагалъ, что онъ погибъ въ волнахъ, а думали, что онъ запропастился гдѣ-нибудь на пароходѣ, и потому суетились, бѣгали, искали его по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ можно и даже гдѣ нельзя человеку спрятаться... Но всѣ поиски оказались тщетны,—и только тогда, когда были осмотрѣны всѣ закоулки и всѣ мышиныя норочки,—тогда впервые у капитана явилось ужасное предположеніе, что Фермора нѣтъ на пароходѣ.

— Гдѣ же онъ дѣлся? Вокругъ вода и небо и ничего больше.

Кто-то, отличавшійся логическимъ настроеніемъ ума, все обнявъ мыслью и сказалъ:

— Если онъ не взять за правдолюбіе живой на небо, то онъ, очевидно, утонулъ въ безднѣ моря.

Къ стыду человѣчества, эта циническая шутка для многихъ облегчила тяжесть впечатлѣнія. Ужасъ былъ, но небольшой, и то онъ чувствовался болѣе къ ночи, когда дамамъ стало представляться, будто изъ волнъ «поднимается голова».

Чтобы избавиться отъ этого привидѣнія, всѣ поспѣшили скорѣе сойти въ освѣщенные каюты, а на другое утро тайный совѣтникъ уже совѣтовалъ видѣть во вчерашнемъ событіи указаніе—«какъ наша молодежь относится къ жизни и какъ она мало способна цѣнить милости».

Согласить эти двѣ версіи такъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ

какой-нибудь общій выводъ, конечно, невозможно, но я не знаю, которой изъ нихъ слѣдуетъ дать предпочтеніе передъ другою въ разсужденіи справедливости. Лѣтомъ 1887 года, съ парохода рижскаго общества, носящаго то же самое имя, какимъ назывался пароходъ, съ котораго пропала Николай Ферморъ, одна молодая дама бросилась въ море и утонула такъ, что этого *никто* не замѣтилъ. Извѣстно и нѣсколько другихъ, точно такихъ же случаевъ. Слѣдовательно, нѣтъ ничего невозможнаго, что и Николай Ферморъ, при большомъ оживленіи пассажировъ, занятыхъ новыми интересными знакомствами, очень легко могъ укрыть свое намѣреніе и покончилъ со своею безотрадною жизнью такъ, какъ сообщаетъ вторая версія этого разсказа.

ГЛАВА ТРИЦАТАЯ.

Въ обители св. Сергія тоже знали *эту* вторую версію и едва ли не давали ей больше вѣры, чѣмъ первой. Брянчаниновъ и Чихачевъ были огорчены гибелью молодого человека, одного съ ними воспитанія и однихъ и тѣхъ же стремленій къ водворенію въ жизни царства правды и безкорыстія. Монахи считали гибель Фермора тяжкимъ преступленіемъ для всѣхъ русскихъ, бывшихъ на пароходѣ. По ихъ понятіямъ, эти господа могли меньше говорить о томъ, какъ имъ близокъ бѣднякъ, о которомъ заботился ихъ государь, но должны были больше побережь его.

Но все было кончено. Инокъ отслужилъ панихиду о погибшемъ мученикѣ томительныхъ стремленій къ неосуществимой въ то время служебной честности, и схимникъ Чихачевъ, опустивъ голову, пропѣлъ свою удивительную октавою «плачу и рыдаю».

Такъ отошли отъ жизни три страстно стремившіеся къ праведности воспитанника русской инженерной школы. На службѣ, къ которой всѣ они трое готовились, не годился изъ нихъ ни одинъ. Двое первые, которые держались правила: «отыди отъ зла и сотвори благо», ушли въ монастырь, гдѣ одинъ изъ нихъ опочилъ въ архіерейской митрѣ, а другой—въ схимѣ. Тотъ же, третій, который желалъ перевѣдаться со зломъ и побороть его въ жизни, самъ похоронилъ себя въ безднѣ моря.

Л Ъ В Ш А.

(Сказъ о тульскомъ косомъ Лѣвшѣ и о стальной блохѣ.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Когда императоръ Александръ Павловичъ окончилъ вѣнскій совѣтъ, то онъ захотѣлъ по Европѣ проѣздиться и въ разныхъ государствахъ чудесъ посмотреть. Обѣздитъ онъ всѣ страны и вездѣ черезъ свою ласковость всегда имѣлъ самые междуособные разговоры со всякими людьми, и всѣ его чѣмъ-нибудь удивляли и на свою сторону преклонять хотѣли, но при немъ былъ донской казакъ Платовъ, который этого склоненія не любилъ и, скучая по своему хозяйству, все государя домой манилъ. И чуть если Платовъ замѣтитъ, что государь чѣмъ-нибудь иностраннымъ очень интересуются, то всѣ провожатые молчать, а Платовъ сейчасъ скажетъ: такъ и такъ. и у насъ дома свое не хуже есть,— и чѣмъ-нибудь отведеть.

Англичане это знали, и къ прїѣзду государеву выдумали разныя хитрости, чтобы его чужестранностью плѣнить и отъ русскихъ отвлечь, и во многихъ случаяхъ они этого достигали, особенно въ большихъ собраніяхъ. гдѣ Платовъ не могъ по-французски полною говорить; но онъ этимъ мало и интересовался, потому что былъ человекъ женатый и всѣ французскіе разговоры считалъ за пустяки, которые не стоятъ воображенія. А когда англичане стали звать государя во всякіе свои цейхгаузы, оружейные и мыльно-шильные заводы, чтобы показать свое надѣ нами во всѣхъ

венахъ преимущество и тѣмъ славиться, — Платовъ сказалъ себѣ:

— Ну, ужъ тутъ шабашъ. До этихъ поръ еще я терпѣлъ, а дальне нельзя. Сумѣю я или не сумѣю говорить, а своихъ людей не выдамъ.

И только онъ сказалъ себѣ такое слово, какъ государь ему говорить:

— Такъ и такъ, завтра мы съ тобою ѣдемъ ихъ оружейную кунсткамеру смотрѣть. Тамъ, говорить, такія природы совершенства, что какъ помотришь, то уже больше не будешь спорить, что мы, русскіе, со своимъ значеніемъ никуда не годимся.

Платовъ ничего государю не отвѣтилъ, только свой грабоватый носъ въ лохматую бурку спустилъ, а пришелъ въ свою квартиру, велѣлъ денщику подать изъ погреба фляжку кавказской водки—кислярки *), дерябнулъ хорошій стаканъ, на дорожній складень Богу помоллся, буркой укрылся и захрапѣлъ такъ, что во всемъ домѣ англичанамъ никому спать нельзя было.

Думаль: утро ночи мудренѣе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

На другой день, поѣхали государь съ Платовымъ въ кунсткамеры. Больше государь никого изъ русскихъ съ собою не взялъ, потому что карету имъ подали двухчестную.

Пріѣзжаютъ въ небольшое зданіе — подъѣздъ неописанный, коридоры до безконечности, а комнаты одна въ одну, и, наконецъ, въ самомъ главномъ залѣ разные громадные бюстры и посрединѣ подъ валдахинномъ стоитъ Аболонъ полведерскій.

Государь оглядывается на Платова: очень ли онъ удивленъ и на чтѣ смотреть, а тотъ идетъ, глаза опустивши, какъ будто ничего не видитъ — только изъ усовъ кольца вьеть.

Англичане сразу стали показывать разныя удивленія, и пояснять, что къ чему у нихъ припоровлено для военныхъ обстоятельствъ: бурметры морскіе, мерблюзны мантоны пѣшихъ полковъ, а для конницы смолевые непромокаблн. Государь на все это радуется — все кажется ему очень хо-

---

*) Кислярки.

решо, а Платовъ держитъ свою ажидацію, что для него все ничего не значитъ.

Государь говоритъ:

— Какъ это возможно — отчего въ тебѣ такое безчувствіе? Неужто тебѣ здѣсь ничто не удивительно?

А Платовъ отвѣчаетъ:

— Мнѣ здѣсь то одно удивительно, что мои донцы-молодцы безъ всего этого воевали и дванадесять языкъ прогнали.

Государь говоритъ:

— Это безразсудокъ.

Платовъ отвѣчаетъ:

— Не знаю, къ чему отнести, но спорить не смѣю и долженъ молчать.

А англичане, видя между государя такую перемолвку, сейчасъ подвели его къ самому Аболону полведерскому и берутъ у того изъ одной руки Мортимерово ружье, а изъ другой пистолю.

— Вотъ, говорятъ, какая у насъ производительность, — и подають ружье.

Государь на Мортимерово ружье посмотрѣлъ спокойно, потому что у него такія въ Царскомъ Селѣ есть, а они потомъ даютъ ему пистолю и говорятъ:

— Это пистоля неизвѣстнаго, неподражаемаго мастерства, — ее нашъ адмиралъ у разбойничьяго атамана въ Кандеабринъ изъ-за пояса выдернулъ.

Государь взглянулъ на пистолю и наглядѣться не можетъ.

Взахался ужасно.

— Ахъ, ахъ, ахъ! — говоритъ, — какъ это такъ... какъ это даже можно такъ тонко сдѣлать! — И къ Платову по-русски оборачивается и говоритъ: — вотъ если бы у меня былъ хотя одинъ такой мастеръ въ Россіи, такъ я бы этимъ весьма счастливый былъ и гордился, а того мастера сейчасъ же благороднымъ бы сдѣлалъ.

А Платовъ на эти слова въ ту же минуту опустилъ правую руку въ свои большія шаровары и тащитъ оттуда ружейную отвертку. Англичане говорятъ: это не отворяется, а онъ, вниманія не обращая, ну, замокъ ковырять. Повернулъ разъ, повернулъ два — замокъ и вынулся. Платовъ показываетъ государю собачку, а тамъ, на самомъ сугробѣ, сдѣлана русская надпись: «Иванъ Москвинъ во градѣ Туль».

Англичане удивляются и другъ дружку петалкиваютъ:

— Охъ-де, мы маху дали!

А государь Платову грустно говоритъ:

— Зачѣмъ ты ихъ очень сконфузилъ, мнѣ ихъ теперь очень жалко. Поѣдемъ.

Сѣли опять въ ту же двухсѣстную карету и поѣхали, и государь въ этотъ день на балѣ былъ, а Платовъ еще болѣйшій стаканъ кислярки выдушилъ и спалъ крѣпкимъ казачьимъ сномъ.

Было ему и радостно, что онъ англичанъ сконфузилъ, а тульскаго мастера на точку вида поставилъ, но было и досадно: зачѣмъ государь подъ такой случай англичанъ сожалѣлъ!

«Черезъ что это государь огорчился? — думаю Платовъ,—совсѣмъ того не понимаю,» и въ такомъ разсужденіи онъ два раза вставалъ, крестился и водку пилъ, пока на-силъно на себя крѣпкій сонъ навелъ.

А англичане же въ это самое время тоже не спали, потому что и имъ завертѣло. Пока государь на балѣ веселился, они ему такое новое удивленіе подстроили, что у Платова всю фантазію отняли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

На другой день, какъ Платовъ къ государю съ добрымъ утромъ явился, тотъ ему говоритъ:

— Пусть сейчасъ заложать двухсѣстную карету и поѣдемъ въ новыя кунсткамеры смотрѣть.

Платовъ даже осмѣлился доложить, что: не довольно ли, молъ, чужеземные продукты смотрѣть, и не лучше ли къ себѣ въ Россію собираться? но государь говоритъ:

— Нѣтъ, я еще желаю другія новости видѣть: мнѣ хвалили, какъ у нихъ первый сортъ сахаръ дѣлаютъ.

Поѣхали.

Англичане все государю показываютъ: какіе у нихъ разные первые сорта, а Платовъ смотрѣлъ-смотрѣлъ, да вдругъ говоритъ:

— А покажите-ка намъ вашихъ заводовъ сахаръ *молво*?

А англичане и не знаютъ: что это такое *молво*? Перешептываются, перемигиваются, твердятъ другъ другѣ: «молво, молво», а понять не могутъ, что это у насъ такой сахаръ дѣлается, и должны сознаться, что у нихъ всѣ сахара есть, а «молва» нѣтъ.

Платовъ говоритъ:

— Ну, такъ и нечѣмъ хвастаться. Приѣзжайте къ намъ, мы васъ напоимъ чаемъ съ настоящимъ молво Бобринскаго завода.

А государь его за рукавъ дернулъ и тихо сказалъ:

— Пожалуйста, не портъ мнѣ политики.

Тогда англичане позвали государя въ самую послѣднюю кунсткамеру, гдѣ у нихъ со всего свѣта собраны минеральные камни и нимфозоріи, начиная съ самой огромнѣйшей египетской керамиды до закожной блохи, которую глазамъ видѣть невозможно, а угрызеніе ея между кожей и тѣломъ.

Государь поѣхалъ.

Осмотрѣли керамиды и всякія чучелы и выходятъ вонъ, а Платовъ думаетъ себѣ:

«Вотъ, слава Богу, все благополучно — государь ничему не удивляется.»

Но только пришли въ самую послѣднюю комнату, а тутъ стоятъ ихъ рабочіе въ тужурныхъ жилеткахъ и въ фартукахъ и держатъ подносъ, на которомъ ничего нѣтъ.

Государь вдругъ и удивился, — что ему подаютъ пустой подносъ.

— Что это такое значить? — спрашиваетъ; а аглицкіе мастера отвѣчаютъ: это вашему величеству наше покорное поднесеніе.

— Что же это?

— А вотъ, говорятъ, извольте видѣть сориночку?

Государь посмотрѣлъ и видитъ, точно лежитъ на серебряномъ подносѣ самая крошечная соринка.

Работники говорятъ:

— Извольте пальчикъ послушать и ее на ладошку взять.

— На что же мнѣ эта соринка?

— Эго, отвѣчаютъ, не соринка, а нимфозорія.

— Живая она?

— Никакъ нѣтъ, отвѣчаютъ, — не живая, а изъ чистой изъ аглицкой стали въ изображеніи блохи нами выкована и въ серединѣ въ ней заводъ и пружина. Извольте ключикомъ повернуть: она сейчасъ начнетъ танцевать танцевать.

Государь залюбопытствовалъ и спрашиваетъ:

— А гдѣ же ключикъ?

А англичане говорятъ:

— Здѣсь и ключъ передъ вашими очами.

— Отчего же,—государь говоритъ:—я его не вижу?

— Потому, отвѣчаютъ,—что это надо въ мелкоскопъ.

Подали мелкоскопъ, и государь увидѣлъ, что возлѣ блохи, дѣйствительно, на подносѣ ключикъ лежитъ.

— Извольте, говорятъ.—взять ее на ладонечку,—у нея въ пузичкѣ заводная дырка, а ключъ семь поворотовъ имѣеть, и тогда она пойдетъ дансе...

Насилу государь этотъ ключикъ ухватилъ и насилу его въ щепоткѣ могъ удерживать, а въ другую щепотку блошку взялъ и только ключикъ вставилъ, какъ почувствовалъ, что она начинаетъ усиками водить, потомъ ножками стала перебирать, а, наконецъ, вдругъ прыгнула и на одномъ лету прямое дансе и двѣ вѣрояціи въ сторону, потомъ въ другую, и такъ въ три вѣрояціи всю кадрили станцовала.

Государь сразу же велѣлъ англичанамъ миллионъ дать какими сами захотятъ деньгами,—хотятъ серебряными пяточками,—хотятъ мелкими ассигнаціями.

Англичане попросили, чтобы имъ серебромъ отпустили, потому что въ бумажкахъ они толку не знаютъ; а потомъ сейчасъ и другую свою хитрость показали: блоху въ даръ подали, а футляра на нее не принесли: безъ футляра же ни ея, ни ключика держать нельзя, потому что затеряются, и въ сору ихъ такъ и выбросятъ. А футляръ на нее у нихъ сдѣланъ изъ цѣльнаго брильянтоваго орѣха—и ей мѣстечко въ серединѣ выдавлено. Этого они не подали, потому что футляръ, говорятъ, будто казенный, а у нихъ насчетъ казеннаго строго, хоть и для государя, нельзя жертвовать.

Платовъ было очень разсердился, потому что, говоритъ:

— Для чего такое мошенничество!—даръ сдѣлали и миллионъ за то получили, и все еще недостаточно! Футляръ, говорятъ, всегда при всякой вещи принадлежитъ.

Но государь говоритъ:

— Оставь, пожалуйста, это не твое дѣло,—не портъ мнѣ политики. У нихъ свой обычай,—и сирашиваетъ:—Сколько тотъ орѣхъ стоитъ, въ которомъ блоха мѣстится?

Англичане положили за это еще пять тысячъ.

Государь Александръ Павловичъ сказалъ: «выплатить», а самъ спустилъ блошку въ этотъ орѣшекъ, а съ нею вмѣстѣ и ключикъ, а чтобы не потерять самый орѣхъ, опустилъ

его въ свою золотую табакерку, а табакерку велѣлъ положить въ свою дорожную шкатулку, которая вся выстлана перламутромъ и рыбьей костью. Англичихъ же мастеровъ государь съ честью отпустилъ и сказалъ имъ: вы есть первые мастера на всемъ свѣтѣ, и мои люди сунротивъ васъ сдѣлать ничего не могутъ.

Тѣ остались этимъ очень довольны, а Платовъ ничего противъ словъ государя произнести не могъ. Только взявъ мелкоскопъ, да, ничего не говоря, себѣ въ карманъ спустилъ, потому что онъ сюда же, говорить, принадлежить, а денегъ вы и безъ того у насъ много взяли.

Государь этого не зналъ до самаго пріѣзда въ Россію, а уѣхали они скоро, потому что у государя отъ военныхъ дѣлъ сдѣлалась меланхолія, и онъ захотѣлъ духовную исповѣдь имѣть въ Таганрогѣ у попа Ѳедота *). Дорогой у нихъ съ Платовымъ очень мало пріятнаго разговора было, потому они совсѣмъ разныхъ мыслей сдѣлались: государь такъ соображалъ, что англичанамъ нѣтъ равныхъ въ искусствѣ, а Платовъ доводилъ, что и наши на что взглянуть—все могутъ сдѣлать, но только имъ полезнаго ученія нѣтъ. И представлялъ государю, что у англичихъ мастеровъ совсѣмъ на все другія правила жизни, науки и продовольствія, и каждый человѣкъ у нихъ себѣ всѣ абсолютныя обстоятельства передъ собою имѣеть, и черезъ то въ немъ совсѣмъ другой смыслъ.

Государь этого не хотѣлъ долго слушать, а Платовъ на каждой станціи выйдеть и съ досады квасной стакань водки выпьетъ, соленымъ бараночкомъ закусить, закурить свою корешковую трубку, въ которую сразу цѣлый фунтъ Жукова табаку входило, а потомъ сядеть и сидеть рядомъ съ царемъ въ каретѣ молча. Государь въ одну сторону глядитъ, а Платовъ въ другое окно чубукъ высунеть и дымить на вѣтеръ. Такъ они и доѣхали до Петербурга, а къ попу Ѳедоту государь Платова уже совсѣмъ не взялъ.

— Ты, говорить, къ духовной бесѣдѣ невоздержень и

---

*) «Попъ Ѳедотъ» не съ вѣтра взятъ: императоръ Александръ Павловичъ передъ своею кончиною въ Таганрогѣ неповѣдывался у священника Алексѣя *Ѳедотова*-Чеховскаго, который послѣ того именовался «духовникомъ его величества» и любилъ ставить всемъ на видъ это совершенно случайное обстоятельство. Вотъ этотъ-то *Ѳедотовъ*-Чеховской, очевидно, и есть легендарный «попъ Ѳедотъ».

такъ очень много куришь, что у меня отъ твоего дыму въ головѣ копотъ стоитъ.

Платовъ остался съ обидою п легъ дома на досадную укушетку, да такъ все и лежалъ да покуривалъ Жуковъ табакъ безъ перестачи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Удивительная блоха изъ аглицкой вороненой стали оставалась у Александра Павловича въ шкатулкѣ подъ рыбей костью, пока онъ скончался въ Таганрогѣ, отдавъ ее попу Федоту, чтобы сдать послѣ государынѣ, когда она успокоится. Императрица Елисавета Алексѣевна посмотрѣла блохины вѣрояціи и усмѣхнулась, но заниматься ею не стала.

— Мое, говорить, теперь дѣло вдовѣ, и мнѣ никакія забавы не обольстительны, а, вернувшись въ Петербургъ, передала эту шкатулку со всѣми иными драгоценностями въ наслѣдство новому государю.

Императоръ Николай Павловичъ по началу тоже никакого вниманія на блоху не обратилъ, потому что при восходѣ его было смятеніе, но потомъ одинъ разъ сталъ пересматривать доставшуюся ему отъ брата шкатулку и досталъ изъ нея табакерку, а изъ табакерки брильянтовой орѣхъ, и въ немъ нашелъ стальную блоху, которая уже давно не была заведена и потому не дѣйствовала, а лежала смирно, какъ коченѣлая.

Государь посмотрѣлъ и удивился.

— Что это еще за пустяковина и къ чему она тутъ у моего брата въ такомъ сохраненіи!

Придворные хотѣли выбросить, но государь говоритъ:

— Нѣтъ,—это что-нибудь значитъ.

Позвали отъ Анничкина моста изъ противной аптеки химика, который на самыхъ мелкихъ вѣсахъ яды взвѣшивалъ, и ему показали, а тотъ сейчасъ взялъ блоху, положилъ на языкъ и говоритъ: «чувствую холодъ, какъ отъ крѣпкаго металла». А потомъ зубомъ ее слегка помялъ и объявилъ:

— Какъ вамъ угодно, а это не настоящая блоха, а нимфозорія, и она сотворена изъ металла, и работа эта не наша, не русская.

Государь велѣлъ сейчасъ разузнать: откуда это и что такое означаетъ?

Бросились смотрѣть въ дѣла и въ списки,—но въ дѣлахъ

ничего не записано. Стали того, другого спрашивать, — никто ничего не знает. Но, по счастью, донской казакъ Платовъ былъ еще живъ и даже все еще на своей досадной укушеткѣ лежалъ и трубку курилъ. Онъ какъ услыхалъ, что во дворцѣ такое безнокойство, сейчасъ съ укушетки поднялся, трубку бросилъ и явился къ государю во всѣхъ орденахъ. Государь говоритъ:

— Что тебѣ, мужественный старикъ, отъ меня надобно?

А Платовъ отвѣчаетъ:

— Мнѣ, ваше величество, ничего для себя не надо, такъ какъ я пью—ѣмъ, что хочу, и всѣмъ доволенъ, а я, говорить, пришелъ доложить насчетъ этой нимфозоріи, которую отыскали: это, говорить, такъ и такъ было, и вотъ какъ происходило при моихъ глазахъ въ Англии,—и тутъ при ней есть ключикъ, а у меня есть ихъ же мелкоскопъ, въ который можно его видѣть, и смѣ ключомъ черезъ пузичко эту нимфозорію можно завести и она будетъ скакать, въ какомъ угодно пространствѣ, и въ стороны вѣрояціи дѣлать.

Завели, она и пошла прыгать, а Платовъ говоритъ:

— Это, говорить, ваше величество, точно, что работа очень тонкая и интересная, но только намъ этому удивляться съ однимъ восторгомъ чувствъ не слѣдуетъ, а надо бы подвергнуть ее русскимъ пересмотрамъ въ Тулѣ или въ Сестербежѣ,—тогда еще Сестрорѣцкѣ Сестербекомъ звали,—не могутъ ли наши мастера сего превзойти, чтобы англичане надъ русскими не предвзвышались.

Государь Николай Павловичъ въ своихъ русскихъ людяхъ былъ очень увѣренный и никакому иностранцу уступить не любилъ, онъ и отвѣтилъ Платову:

— Это ты, мужественный старикъ, хорошо говоришь, и я тебѣ это дѣло поручаю повѣрить. Мнѣ эта коробочка все равно теперь при моихъ хлопотахъ не нужна,—а ты возьми ее съ собою и на свою досадную укушетку больше не ложись, а поѣзжай на тихій Донъ и поведи тамъ съ моими донцами междуособные разговоры насчетъ ихъ жизни и преданности, и что имъ нравится? А когда будешь ѣхать черезъ Тулу, покажи моимъ тульскимъ мастерамъ эту нимфозорію, и пусть они о ней подумаютъ. Скажи имъ отъ меня, что братъ мой этой вещи удивлялся и чужихъ людей, которые дѣлали нимфозорію, больше всѣхъ хвалилъ, а я на

своихъ надѣюсь, что они никого не хуже. Они моего слова не проронять и что-нибудь сдѣлають.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Платовъ взялъ стальную блоху и, какъ поѣхать черезъ Тулу на Донъ, показалъ ее тульскимъ оружейникамъ и слова государевы имъ передалъ, а потомъ спрашиваетъ:

— Какъ намъ теперь быть, православные?

Оружейники отвѣчаютъ:

— Мы, батюшка, милостивое слово государево чувствуемъ и никогда его забыть не можемъ за то, что онъ на своихъ людей надѣется, а какъ намъ въ настоящемъ случаѣ быть, того мы въ одну минуту сказать не можемъ, потому что аглицкая нація тоже не глупая, а довольно даже хитрая, и искусство въ ней съ большимъ смысломъ. Противъ нея, говорятъ, надо взяться подумавши и съ Божьимъ благословеніемъ. А ты, если, твоя милость, какъ и государь нашъ, имѣешь къ намъ довѣріе, поѣзжай къ себѣ на тихій Донъ, а намъ эту блошку оставь, какъ она есть, въ футлярѣ и въ золотой царской табакерочкѣ. Гуляй себѣ по Дону и заживляй раны, которыя пріялъ за отечество, а когда назадъ будешь черезъ Тулу ѣхать—остановись и спосылай за нами: мы къ той порѣ, Богъ дастъ, что-нибудь придумаемъ.

Платовъ не совсѣмъ доволенъ былъ тѣмъ, что туляки такъ много времени требуютъ и притомъ не говорятъ ясно: что такое именно они надѣются устроить. Спрашивалъ онъ ихъ такъ в иначе и на всѣ манеры съ ними хитро по-дошки заговаривалъ, но туляки ему въ хитрости нисколько не уступили, потому что имѣли они сразу же такой замыселъ, по которому не надѣялись даже, чтобы и Платовъ имъ повѣрилъ, а хотѣли прямо свое смѣлое воображеніе исполнить, да тогда и отдать.

Говорятъ:

— Мы еще и сами не знаемъ, что учинимъ, а только будемъ на Бога надѣяться, и авось слово царское ради насъ въ постыженіи не будетъ.

Такъ и Платовъ умомъ виляетъ, и туляки тоже.

Платовъ вилялъ, вилялъ да увидалъ, что туляка ему не перевилять, подалъ имъ табакерку съ ннмфозоріей и говорить:

— Ну, нечего дѣлать, пусть, говорятъ, будетъ по ва-

шему; я васъ знаю, какіе вы, ну, иначе, дѣлать нечего, — я вамъ вѣрю, но только смотрите, брильянтъ чтобы не подмѣнить и аглицкой тонкой работы не испортите, да не долго возитесь, потому что я шибко ѣзжу: двухъ недѣль не пройдетъ, какъ я съ тихаго Дона опять въ Петербургъ поворочу, — тогда мнѣ чтобы непременно было, что государю показать.

Оружейники его вполне успокоили:

— Тонкой работы, говорятъ, мы не повредимъ и брильянта не обмѣнимъ, а двѣ недѣли намъ времени довольно, а къ тому случаю, когда назадъ возвратитесь, будетъ тебѣ *что-нибудь* государеву великолѣпнѣе достойное представить.

А *что именно*, этого такъ-таки и не сказали.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Платовъ изъ Тулы уѣхать, а оружейники три человѣка, самые искусные изъ нихъ, одинъ косою лѣвшя. на щекахъ пятно родимое, а на вискахъ волосья при ученыи выдраны, — попрощались съ товарищами и съ своими домашними, да, ничего никому не сказывая, взяли сумочки, положили туда что нужно съѣстного и скрылись изъ города.

Замѣтили за ними только то, что они пошли не въ Московскую заставу, а въ противоположную Кіевскую сторону, и думали, что они пошли въ Кіевъ почивающимъ угоди-камъ поклониться или посоветовать тамъ съ кѣмъ-нибудь изъ живыхъ святыхъ мужей, всегда пребывающихъ въ Кіевѣ въ изобиліи.

Но это было только близко къ истинѣ, а не самая истина. Ни время, ни разстояніе не дозволяли тульскимъ мастерамъ сходить въ три недѣли пѣшкомъ въ Кіевъ, да еще потомъ усѣсть сдѣлать посрамительную для аглицкой націи работу. Лучше бы они могли сходить помолиться въ Москву, до которой всего «два девяносто верстъ», а святыхъ угодинокъ и тамъ почиваетъ не мало. А въ другую сторону, — до Орла такіе же «два девяносто», да за Орелъ до Кіева снова еще добрыхъ пять сотъ верстъ. Этакого пути скоро не сдѣлаешь, да и сдѣлавши его не скоро отдохнешь, — долго еще будутъ ноги остекливши и руки трястись.

Шумъ даже думалось, что мастера набахвалили передъ

Платовымъ, а потомъ какъ пообдумались, то и струсили и теперь совсѣмъ сбѣжали, унеся съ собою и царскую золотую табакерку, и брильянтъ, и надѣлавшую имъ хлопотъ английскую стальную блоху въ футлярѣ.

Однако, такое предположеніе было тоже совершенно неосновательно и недостойно искусныхъ людей, на которыхъ теперь почивала надежда націй.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Туляки, люди умные и свѣдущіе въ металлическомъ дѣлѣ, извѣстны также какъ первые знатоки въ религіи. Ихъ славою въ этомъ отношеніи полна и родная земля, и даже святой Аѳонъ: они не только мастера нѣтъ съ вавилонами, но они знаютъ какъ пишется картина «вечерній звонъ», а если кто изъ нихъ посвятитъ себя большому служенію и пойдетъ въ монашество, то таковые слывутъ лучшими монастырскими экономами, и изъ нихъ выходятъ самые способные сборщики. На святомъ Аѳонѣ знаютъ, что туляки—народъ самый выгодный, и если бы не они, то темные уголки Россіи навѣрно не видали бы очень многихъ святостей отдаленнаго Востока, а Аѳонъ лишился бы многихъ полезныхъ приношеній отъ русскихъ щедротъ и благочестія. Теперь «аѳонскіе туляки» обвозятъ святости по всей нашей родинѣ и мастерски собираютъ сборы даже тамъ, гдѣ взять нечего. Тулякъ полонъ церковнаго благочестія и великій практикъ этого дѣла, а потому и тѣ три мастера, которые взялись поддержать Платова и съ нимъ всю Россію, не дѣлали ошибки, направясь не къ Москвѣ, а на югъ. Они шли вовсе не въ Кіевъ, а къ Мценску, къ уѣздному городу орловской губерніи, въ которомъ стоитъ древняя «каменсѣченная» икона св. Николая, приплывшая сюда въ самыя древнія времена на большомъ каменномъ же крестѣ по рѣкѣ Зушѣ. Икона эта вида «грознаго и пристрашнаго»,—святитель Миръ-Ликійскихъ изображенъ на ней «въ ростъ», весь одѣянъ сребропозлащенной одеждой, а лицомъ темень и на одной рукѣ держитъ храмъ, а въ другой—мечъ—«воснное одолѣніе». Вотъ въ этомъ «одолѣніи» и заключался смыслъ вещи: св. Николай вообще покровитель торговаго и военнаго дѣла, а «мценскій Никола» въ особенностяхи, и ему-то туляки и пошли поклониться. Отслужили они молебень у самой иконы, потомъ у каменнаго

креста и, наконецъ, возвратились домой «попцію» и, ничего никому не рассказывая, принялись за дѣло въ ужасномъ секретѣ. Сошлись они всѣ трое въ одинъ домикъ къ лѣвшѣ, двери заперли, ставни въ окнахъ закрыли, передъ Николынымъ образомъ лампадку затеплили и начали работать.

День, два, три сидятъ и никуда не выходятъ, все молоточками потюкиваютъ. Куютъ что-то такое, а что куютъ—ничего неизвѣстно.

Всѣмъ любопытно, а никто ничего не можетъ узнать, потому что работающіе ничего не сказываютъ и наружу не показываются. Ходили къ домику разные люди, стучались въ двери подъ разными видами, чтобы огня или соли попросить, но три искусника ни на какой спросъ не отпираются, и даже чѣмъ питаются — неизвѣстно. Пробовали ихъ пугать, будто по сосѣдству домъ горитъ, — не выскочутъ ли въ перенугъ и не объявится ли тогда, что ими выковано, но ничто не брало этихъ хитрыхъ мастеровъ: одинъ разъ только лѣвша высунулся по плечи и крикнулъ:

— Горите себѣ, а намъ некогда,—и опять свою щипаную голову спрягалъ, ставню захлопнулъ и за свое дѣло принялся.

Только сквозь малыя щелочки было видно, какъ внутри дома огонекъ блеститъ, да слышно, что тонкіе молоточки по звонкимъ наковальнямъ вытюкиваютъ.

Словомъ, все дѣло велось въ такомъ страшномъ секретѣ, что ничего нельзя было узнать, и притомъ продолжалось оно до самаго возвращенія казака Платова съ тихаго Дона къ государю, и во все это время мастера ни съ кѣмъ не видались и не разговаривали.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Платовъ ѣхалъ очень спѣшно и съ церемоніей: самъ онъ сидѣлъ въ коляскѣ, а на козлахъ два свистовые казака съ нагайками по обѣ стороны ямщика садились и такъ его и поливали безъ милосердія, чтобы скакалъ. А если какой казакъ задремлетъ, Платовъ его самъ изъ коляски ногою ткнетъ, и еще злѣе понесутся. Эти мѣры побужденія дѣйствовали до того успѣшно, что нигдѣ лошадей ни у одной станціи нельзя было удержать, а всегда сто скачковыхъ мимо остановочнаго мѣста перескакивали. Тогда опять казакъ надъ ямщикомъ обратнo сдѣйствуетъ, и къ подѣзду возвратятся.

Такъ они и въ Тулу прикатили, — тоже пролетѣли сначала сто скачковъ дальше Московской заставы, а потомъ казакъ сдѣйствовалъ надъ ямщикомъ нагайкою въ обратную сторону, и стали у крыльца новыхъ коней запрягать. Платовъ изъ коляски не вышелъ, а только велѣлъ свистовому какъ можно скорѣе привести къ себѣ мастеровыхъ, которымъ блоху оставить.

Побѣждалъ одинъ свистовой, чтобы шли какъ можно скорѣе и послали ему работу, которою должны были англичанъ посрамить, и еще мало этотъ свистовой отбѣждалъ, какъ Платовъ вдогонку за нимъ разъ за разомъ новыхъ шлетъ, чтобы какъ можно скорѣе.

Всѣхъ свистовыхъ разогналъ и сталъ уже простыхъ людей изъ любопытной публики посылать, да даже и самъ отъ нетерпѣнія ноги изъ коляски выставляеть, и самъ отъ нетерпѣливости бѣжать хотеть, а зубами такъ и скрипитъ. — все ему еще не скоро показывается.

Такъ въ тогдашнее время все требовалось очень въ аккуратъ и въ скорости, чтобы ни одна минута для русской полезности не пропала.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Тульскіе мастера, которые удивительное дѣло дѣлали, въ это время какъ разъ только свою работу оканчивали. Свистовые приближали къ нимъ запыхавшихся, а простые люди изъ любопытной публики, тѣ и вовсе не добѣжали, потому что съ непривычки по дорогѣ ноги рассыпали и повалились, а потомъ отъ страха, чтобы не глядѣть на Платова, ударились домой, да гдѣ нонало спрятались.

Свистовые же какъ прискочили, сейчасъ вскрикнули и какъ видятъ, что тѣ не отпираютъ, сейчасъ безъ церемоніи рванули болты у ставень, но болты были такіе крѣпкіе, что нимаго не подались, дернули двери, а двери изнутри заложены на дубовый засовъ. Тогда свистовые взяли съ улицы бревно, поддѣли имъ на пожарный манеръ подъ кровельную застрѣху да всю крышу съ маленькаго домика сразу и своротили. Но крышу сняли да и сами сейчасъ повалились, потому что у мастеровъ въ ихъ тѣсной хоромникѣ отъ безотдышной работы въ воздухѣ такая потная спираль сдѣлалась, что непривычному человѣку съ свѣжаго повѣтрія и одного раза нельзя было продохнуть.

Послы закричали:

— Что же вы, такіе-сякіе, сволочи, дѣлаете, да еще этакою спиралью ошибать смѣете! Или въ васъ послѣ этого Бога нѣтъ!

А тѣ отвѣчаютъ:

— Мы сейчасъ, послѣдній гвоздичекъ заколачиваемъ и, какъ забьемъ, тогда нашу работу вынесемъ.

А послы говорятъ:

— Онъ насъ до того часу живьемъ съѣстъ и на поминъ души не оставитъ.

Но мастера отвѣчаютъ:

— Не успеетъ онъ васъ поглотить, потому вотъ пока вы тутъ говорили, у насъ уже и этотъ послѣдній гвоздь заколоченъ. Бѣгите и скажите, что сейчасъ несемъ.

Свистовые побѣжали, не не съ увѣркою, — думали, что мастера ихъ обманутъ; а потому бѣжать-бѣжать, да оглянутся; но мастера за ними шли и такъ очень скоро поспѣшали, что даже невольно какъ слѣдуетъ для явленія важному лицу одѣлись, а на ходу крючки въ кафтанахъ застегиваютъ. У двухъ у нихъ въ рукахъ ничего не содержалось, а у третьяго, у лѣвша, въ зеленомъ чехлѣ царская шкатулка съ английской стальной блохой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Свистовые подбѣжали къ Платову и говорятъ:

— Вотъ они сами здѣсь!

Платовъ сейчасъ къ мастерамъ:

— Готово ли?

— Все, отвѣчаютъ, готово.

— Подавай сюда.

Подали.

А экипажъ уже запряженъ и ямщикъ, и фореиторъ на мѣстѣ. Казаки сейчасъ же рядомъ съ ямщикомъ уселись и нагайки надъ нимъ подняли, и такъ замахнувши и держать.

Платовъ сорвалъ зеленый чехолъ, открылъ шкатулку, вынулъ изъ ваты золотую табакерку, а изъ табакерки брильянтовый орѣхъ, — видитъ: английская блоха лежитъ тамъ какая была, а крестъ ея ничего больше нѣтъ.

Платовъ говоритъ:

— Это что же такое? А гдѣ же ваша работа, которою вы хотѣли государя утѣшить.

Оружейники отвѣчали:

— Тутъ и наша работа.

Платовъ спрашиваетъ:

— Въ чемъ же она себя заключаетъ?

А оружейники отвѣчаютъ:

— Зачѣмъ это объяснять? Все здѣсь въ вашемъ виду,— и предусматривайте.

Платовъ плечами вздвигнулъ и закричалъ:

— Гдѣ ключъ отъ блохи?

— А тутъ же, отвѣчаютъ; гдѣ блоха, тутъ и ключъ, въ одномъ орѣхѣ.

Хотѣлъ Платовъ взять ключъ, но пальцы у него были куцаные, ловилъ - ловилъ, — никакъ не могъ ухватить ни блохи, ни ключика отъ ея брюшного завода, и вдругъ разсердился и началъ ругаться словами на казацкій манеръ.

Кричалъ:

— Что вы, подлецы, ничего не сдѣлали, да еще, пожалуй, всю вещь испортили! Я вамъ голову сниму!

А туляки ему въ отвѣтъ:

— Напрасно такъ насъ обижаете, — мы отъ васъ, какъ отъ государева посла, всѣ обиды должны стерпеть, но только за то, что вы въ насъ усумнились и подумали, будто мы даже государево имя обмануть сходственны,—мы вамъ секрета нашей работы теперь не скажемъ, а извольте къ государю отвезти — онъ увидитъ: каковы мы у него люди, и есть ли ему за насъ постыжденіе.

А Платовъ крикнулъ:

— Ну, такъ врите же вы, подлецы, я съ вами такъ не разстануся, а одинъ изъ васъ со мною въ Петербургъ поѣдетъ, и я его тамъ допытаюся, какія есть ваши хитрости.

И съ этимъ протянулъ руку, схватилъ своими куцаными пальцами за шиворотокъ косога лѣвшу, такъ что у того всѣ ключечки отъ казакина отлетѣли, и кинулъ его къ себѣ въ коляску въ ноги.

— Сиди, говоритъ, здѣсь до самаго Петербурга въ родѣ пубеля,—ты мнѣ за всѣхъ отвѣтшишь. А вы, говоритъ свистовымъ, теперь гайда! Не зѣвайте, чтобы послѣзавтра я въ Петербургѣ у государя былъ.

Мастера ему только осмѣлились сказать за товарища, что какъ же, моль, вы его отъ насъ такъ безъ тугамента увозите? ему нельзя будетъ назадъ слѣдовать! А Платовъ

имъ вмѣсто отвѣта показалъ кулакъ, такой страшный—бугровый и весь изрубленный, кое-какъ сросся,—и, погрозивши, говоритъ: вотъ вамъ тугаментъ! А казакамъ говорить:

— Гайда, ребята!

Казаки, ямщики и кони,—все вразъ заработало, и умчали лѣвшу безъ тугамента, а черезъ день, какъ приказалъ Платовъ, такъ его и подкатили къ государеву дворцу, и даже, рассказавшись какъ слѣдуетъ—мимо колоннъ проѣхали.

Платовъ всталъ, подѣшилъ на себя ордена и пошелъ къ государю, а косога лѣвшу велѣлъ свистовымъ казакамъ при подѣздѣ караулить.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Платовъ боялся къ государю на глаза показаться, потому что Николай Павловичъ былъ ужасно какой замѣчательный и памятный—ничего не забывалъ. Платовъ зналъ, что онъ непременно его о блохѣ спроситъ. И вотъ онъ, хоть никакого въ свѣтѣ непріятеля не пугался, а тутъ струсилъ: вошелъ во дворецъ со шкатулочкою, да потихонечку ее въ залѣ за печкой и поставилъ. Спрятавши шкатулку, Платовъ предсталъ къ государю въ кабинетъ и началъ поскорѣе докладывать, какіе у казаковъ на тихомъ Дону междоусобные разговоры. Думалъ онъ такъ: чтобы этимъ государя занять и тогда, если государь самъ вспомнить и заговоритъ про блоху, надо подать и отвѣтствовать, а если не заговоритъ, то промолчать, шкатулку кабинетному камердинеру велѣть спрятать, а тульского лѣвшу въ крѣпостной казаматъ безъ срока посадить, чтобы посидѣлъ тамъ до времени, если понадобится.

Но государь Николай Павловичъ ни о чемъ не забывалъ, и чуть Платовъ насчетъ междоусобныхъ разговоровъ кончилъ, онъ его сейчасъ же и спрашиваетъ:

— А что же, какъ мои тульскіе мастера противъ аглицкой нимфозоріи себя оправдали?

Платовъ отвѣчалъ въ томъ родѣ, какъ ему дѣло казалось.

— Нимфозорія, говоритъ, ваше величество, все въ томъ же пространствѣ, и я ее назадъ привезъ, а тульскіе мастера ничего удивительнѣе сдѣлать не могли.

Государь отвѣтилъ:

— Ты—старикъ мужественный, а этого, что ты мнѣ докладываешь, быть не можетъ.

Платовъ сталъ его увѣрять и разсказалъ, какъ все дѣло было, и какъ досказалъ до того, что туляки просили его блоху государю показать, Николай Павловичъ его по плечу хлопнулъ и говоритъ:

— Подавай сюда. Я знаю, что мои меня не могутъ обманывать. Тутъ что-нибудь сверхъ понятія сдѣлано.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Вынесли изъ-за печки шкатулку, сняли съ нея суконный покровъ, открыли золотую табакерку и брилльянтовый орѣхъ, — а въ немъ блоха лежитъ, какая прежде была и какъ лежала.

Государь посмотрѣлъ и сказалъ:

— Что за лихо!—но вѣры своей въ русскихъ мастеровъ не убавилъ, а велѣлъ позвать свою любимую дочь Александру Николаевну и приказалъ ей:

— У тебя на рукахъ персты тонкіе — возьми маленькій ключикъ и заведи поскорѣ въ этой нимфозоріи брюшную машинку.

Прицесса стала крутить ключикомъ, и блоха сейчасъ усиками зашевелила, но ногами не трогаетъ. Александра Николаевна весь заводъ натянула, а нимфозорія все-таки ни дансе не тащуетъ и ни одной вѣрояціи, какъ прежде, не выкидываетъ.

Платовъ весь позеленѣлъ и закричалъ:

— Ахъ, они, шельмы собаческія! теперь понимаю, зачѣмъ они ничего мнѣ тамъ сказать не хотѣли. Хорошо еще, что я одного ихняго дурака съ собой захватилъ.

Съ этими словами выбѣжалъ на подъѣздъ, словилъ лѣвну за волосы и началъ туда-сюда трепать такъ, что ключья полетѣли. А тогъ, когда его Платовъ пересталъ бить, поправился и говоритъ:

— У меня и такъ всѣ волосы при учобѣ выдраны, а не знаю теперь за какую надобность надо мною такое повореніе?

— Это за то,—говоритъ Платовъ: — что я на васъ надѣялся и заручался, а вы рѣдкостную вещь испортили.

Лѣвна отвѣчаетъ:

— Мы много довольны, что ты за насъ ручался, а испортить мы ничего не испортили: возьмите, въ самый сильный мелкоскопъ смотрите.

Платовъ назадъ побѣжалъ, про мелкоскопъ сказывать, а лѣвшій только погрозился:

— Я тебѣ,—говорить,—такой-сякой-этакой еще задамъ.

И велѣлъ свистовымъ, чтобы лѣвшій еще крѣпче локти назадъ закрутить, а самъ поднимается по ступенямъ, запыхался и читаетъ молитву: «Благого Царя Благая Мати, пречистая и чистая», и дальше какъ надобно. — А царедворцы, которые на ступеняхъ стоять, всѣ отъ него отворачиваются, думаютъ: попался Платовъ и сейчасъ его изъ дворца вонъ выгонять,—потому они его терпѣть не могли за храбрость.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Какъ довелъ Платовъ лѣвшины слова государю, тотъ сейчасъ съ радостію говоритъ:

— Я знаю, что мои русскіе люди меня не обмануть,—и приказалъ подать мелкоскопъ на подушкѣ.

Въ ту же минуту мелкоскопъ былъ поданъ, и государь взялъ блоху и положилъ ее подъ стекло сначала кверху спинкою, потомъ бочкомъ, потомъ пузичкомъ, — словомъ сказать, на всѣ стороны ее повернули, а видѣть нечего. Но государь и тутъ своей вѣры не потерялъ, а только сказалъ:

— Привести сейчасъ ко мнѣ сюда этого оружейника, который внизу находится.

Платовъ докладываетъ:

— Его бы пріодѣть надо,—онъ въ чемъ быть взятъ, и теперь очень въ зломъ видѣ.

А государь отвѣчаетъ:

— Ничего—ввести какъ онъ есть.

Платовъ говоритъ:

— Вотъ, иди теперь самъ, такой-этакой, передъ очами государю отвѣчай.

А лѣвшя отвѣчаетъ:

— Что жъ такое, и пойду, и отвѣчу.

Идетъ въ чемъ были: въ опорочкахъ, одна штанина въ сапогѣ, другая мотается, а озямчикъ старенькій, брючечки не застегаются, порастеряны, а шиворотъ разорванъ; но ничего, не конфузится.

«Что же такое? — думаетъ, — если государю угодно меня видѣть — я долженъ идти; а если при мнѣ тугагента

нѣтъ, — такъ я тому не причиненъ, и скажу, отчего такъ дѣло было.»

Какъ взошелъ лѣвшя и поклонился, государь ему сейчасъ и говоритъ:

— Что это такое, братецъ, значить, что мы и такъ, и этакъ смотрѣли, и подъ мелкоскопъ клали, а ничего замѣчательнаго не усматриваемъ?

А лѣвшя отвѣчаетъ:

— Такъ ли вы, ваше величество, изволили смотрѣть?

Вельможи ему киваютъ: «дескать, не такъ говорини!» а онъ не понимаетъ, какъ надо по придворному съ лестью или съ хитростью, а говорить просто.

Государь говоритъ:

— Оставьте надъ нимъ мудрость, — пусть его отвѣчаетъ, какъ онъ умѣетъ.

И сейчасъ ему пояснилъ:

— Мы, говоритъ, вотъ какъ клали — и положили блоху подъ мелкоскопъ. Смотри, говоритъ, самъ — ничего не видно.

Лѣвшя отвѣчаетъ:

— Этакъ, ваше величество, ничего и невозможно видѣть, потому что наша работа противъ такого размѣра гораздо секретнѣе.

Государь спросилъ:

— А какъ же надо?

— Надо, говоритъ, всего одну ея ножку въ подробности подъ весь мелкоскопъ подвести и отдѣльно смотрѣть на всякую пяточку, которой она ступаетъ.

— Помилуй, скажи, — говоритъ государь: — это уже очень сильно мелко!

— А что же дѣлать, — отвѣчаетъ лѣвшя: — если только такъ нашу работу и замѣтить можно: тогда все и удивленіе окажется.

Положили, какъ лѣвшя сказала, и государь какъ только глянулъ въ верхнее стекло, такъ весь и просіялъ, — взялъ лѣвшю, какой онъ былъ неубранный и въ нилы неумытый, — обнялъ его и поцѣловалъ, а потомъ обернулся ко всѣмъ придворнымъ и сказалъ:

— Видите, я лучше всѣхъ зналъ, что мои русскіе меня не обманутъ. Глядите, пожалуйте: вѣдь они, шельмы, аглицкую блоху на подковы подковали!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Стали всё подходить и смотрѣть: блоха, дѣйствительно, была на всё ноги подкована на настоящія подковы, а лѣвша доложилъ, что и это еще не все удивительное.

— Если бы, говорить, былъ лучше мелкоскопъ, который въ пять миллионъ увеличиваетъ, такъ вы изволили бы, говорить, увидать, что на каждой подковинкѣ мастерово имя выставлено: какой русскій мастеръ ту подковку дѣлалъ.

— И твое имя тутъ есть?—спросилъ государь.

— Никакъ нѣтъ, — отвѣчаетъ лѣвша: — моего одного и нѣтъ.

— Почему же?

— А потому, говорить, что я мельче этихъ подковокъ работалъ: я гвоздики выковывалъ, которыми подковки забиты,—тамъ уже никакой мелкоскопъ взять не можетъ.

Государь спросилъ:

— Гдѣ же вашъ мелкоскопъ, съ которымъ вы могли произвести это удивленіе?

А лѣвша отвѣтилъ:

— Мы люди бѣдные и по бѣдности своей мелкоскопа не имѣемъ, а у насъ такъ глазъ пристрѣлявши.

Тутъ и другіе придворные, видя, что лѣвша дѣло выгорѣло, начали его цѣловать, а Платовъ ему сто рублей далъ и говорить:

— Прости меня, братецъ, что я тебя за волосы отодралъ.

Лѣвша отвѣчаетъ:

— Богъ проститъ — это намъ не впервые такой снѣгъ на голову.

А больше и говорить не сталъ, да и некогда ему было ни съ кѣмъ разговаривать, потому что государь приказалъ сейчасъ же эту подкованную нимфозорію уложить и отослать назадъ въ Англію,—въ родѣ подарка, чтобы тамъ поняли, что намъ это не удивительно. И велѣлъ государь, чтобы везъ блоху особый курьеръ, который на всё языки ученъ, а при немъ чтобы и лѣвша находился, и чтобы онъ самъ англичанамъ могъ показать работу и каковыя у насъ въ Тулѣ мастера есть.

Платовъ его перекрестилъ:

— Пусть, говорить, — надъ тобою будетъ благословеніе,

а на дорогу я тебѣ моей собственной кислярки пришлю. Не пей мало, не пей много, а пей средственно.

Такъ и сдѣлалъ,—придѣлалъ.

А графъ Кисельвроте велѣлъ, чтобы обмыли лѣвшу въ Туляковскихъ всенародныхъ баняхъ, остригли въ парикмахерской и одѣли въ парадный кафтанъ съ придворнаго пѣвчаго, для того дабы похоже было, будто и на немъ какой-нибудь жалованный чинъ есть.

Какъ его такимъ манеромъ обформировали, напоили на дорогу чашемъ съ Платовскою кисляркою, затянули ремеснымъ поясомъ какъ можно туже, чтобы книжки не тряслись, и повезли въ Лондонъ. Отсюда съ лѣвшой и пошли заграничные виды.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Въехали курьеръ съ лѣвшой очень скоро, такъ что отъ Петербурга до Лондона нигдѣ отдыхать не останавливались, а только на каждой стаяціи пояса на одинъ значокъ еще уже перетягивали, чтобы книжки съ легкими не перепутались; но какъ лѣвши послѣ представления государю, по Платовскому приказанію, отъ казны винная порція вволю полагалась, то онъ, не ѣвши, этимъ однимъ себя поддерживалъ и на всю Европу русскія пѣсни пѣлъ, только припѣвъ дѣлалъ по иностранному:—*«ай люли—се тре жули»*.

Курьеръ, какъ привезъ его въ Лондонъ, такъ появился кому надо и отдалъ шкатулку, а лѣвшу въ гостиницѣ въ номеръ посадилъ, но ему тутъ скоро скучно стало, да и ѣсть захотѣлось. Онъ постучалъ въ дверь и показалъ служащему себя на ротъ, а тотъ сейчасъ его и свелъ въ нищенскію комнату.

Сѣлъ тутъ лѣвши за столъ и сидитъ, а какъ чего-нибудь по-англицки спроситъ — не умѣетъ. Но потомъ догадался: опять просто по столу перстомъ постучитъ, да въ ротъ себя покажетъ, — англичане догадываются и подаютъ, только не всегда того, что надобно, но онъ что ему не подходящее не принимаетъ. Подали ему ихняго приготовления горячій студингъ въ огнѣ; — онъ говоритъ: это я не знаю, что бы такое можно ѣсть, и вкушать не сталъ — они ему переменяли и другого кушанья поставили. Такъ же и водки ихъ пить не сталъ, потому что она зеленая — въ родѣ какъ будто купоросомъ заправлена, а выбралъ что

всего натуральнѣе, и ждетъ курьера въ прохладѣ за ба-
клажечкой.

А тѣ лица, которымъ курьеръ нимфозорію сдать, сію же
минуту ее разсмотрѣли въ самый сильный мелкоскопъ и
сейчасъ въ публицейскія вѣдомости описаніе, чтобы завтра
же на всеобщее извѣстіе клеветонъ вышелъ.

— А самого этого мастера, говорятъ, — мы сейчасъ хо-
тимъ видѣть.

Курьеръ ихъ препроводилъ въ номеръ, а оттуда въ пи-
щепріемную залу, гдѣ нашъ лѣвша порядочно уже подру-
мянился, и говоритъ: вотъ онъ!

Англичане лѣвшу сейчасъ хлопъ-хлопъ по плечу и какъ
ровнаго себѣ — за руки: «камадъ, говорятъ, камадъ—хо-
рошій мастеръ,—разговаривать съ тобой современемъ послѣ
будемъ, а теперь выпьемъ за твое благополучіе».

Спросили много вина и лѣвшѣ первую чарку, а онъ съ
вѣжливостью первый пить не сталъ: думаетъ, можетъ быть
отравить съ досады хотите.

— Пѣтъ, говорятъ,—это не порядокъ: п въ Польшѣ пѣтъ
хозяинна больше,—сами впередъ кушайте.

Англичане всѣхъ винъ передъ нимъ опробовали и тогда
ему стали наливать. Онъ всталъ, лѣвой рукой перекрестился
и за всѣхъ ихъ здоровье выпилъ.

Они замѣтили, что онъ лѣвой рукою крестится и спра-
шиваютъ у курьера:

— Чтѣ онъ, лютеранецъ или протестантистъ?

Курьеръ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, онъ не лютеранецъ и не протестантистъ, а
русской вѣры.

— А зачѣмъ же онъ лѣвой рукою крестится?

Курьеръ сказалъ:

— Онъ—лѣвша и все лѣвой рукою дѣлаетъ.

Англичане еще болѣе стали удивляться и начали нака-
чивать виномъ и лѣвшу, и курьера, и такъ цѣлые три дня
обходились, а потомъ говорятъ: «теперь довольно». По сим-
фону воды съ ерфиксомъ приняли и, совсѣмъ освѣживши,
начали спрашивать лѣвшу: гдѣ онъ и чему учился и до
какихъ поръ ариметику знаетъ?

Лѣвша отвѣчаетъ:

— Наша наука простая: по Псалтирю да по Полусон-
нику, а ариметики мы нимаю не знаемъ.

Англичане переглянулись и говорят:

— Это удивительно.

А лѣвша имъ отвѣчаетъ:

— У насъ это такъ повсемѣстно.

— А что же это, спрашиваютъ, — за книга въ Россіи «Полусонникъ»?

— Это, говоритъ, книга къ тому относящая, что если въ Псалтирѣ что-нибудь насчетъ гаданья царь Давидъ не ясно открылъ, то въ Полусонникѣ угадываютъ дополненіе.

Они говорятъ:

— Это жалко, лучше бы, если бы вы изъ ариметики по крайности хоть четыре правила сложенія знали, — то бы вамъ было гораздо полезнѣе, чѣмъ весь Полусонникъ. Тогда бы вы могли сообразить, что въ каждой машинѣ расчетъ силы есть, а то вотъ хоша вы очень въ рукахъ искусны, а не сообразили, что такая малая машинка, какъ въ нимфозоріи, на самую аккуратную точность рассчитана и ея подковокъ несть не можетъ. Черезъ это теперь нимфозорія и не прыгаетъ, и дансе не танцуетъ.

Лѣвша согласился.

— Объ этомъ, говоритъ, — спору нѣтъ, что мы въ наукахъ не вахлись, но только своему отечеству вѣрно преданные.

А англичане сказываютъ ему:

— Оставайтесь у насъ, мы вамъ большую образованность передадимъ, и изъ васъ удивительный мастеръ выйдетъ.

Но на это лѣвша не согласился:

— У меня, говоритъ, дома родители есть.

Англичане назвались, чтобы его родителямъ деньги посылать, но лѣвша не взялъ:

— Мы, говоритъ, — къ своей родинѣ привержены и тятинька мой уже старичокъ, а родительница — старушка и привыкли въ свой приходъ въ церковь ходить, да и мнѣ тутъ въ одиночествѣ очень скучно будетъ, потому что я еще въ холостомъ званіи.

— Вы, говорятъ, обвыкнете, — нашъ законъ примете, и мы васъ женимъ.

— Этого, — отвѣтилъ лѣвша: — никогда быть не можетъ.

— Почему такъ?

— Потому, — отвѣчаетъ, — что наша русская вѣра самая

правильная, и какъ вѣрили наши правотцы, такъ же точно должны вѣрить и потомцы.

— Вы,—говорятъ англичане:—нашей вѣры не знаете: мы того же закона христіанскаго и то же самое Евангеліе содержимъ.

— Евангеліе,—отвѣчаетъ лѣвша:—дѣйствительно, у всѣхъ одно, а только наши книги противъ вашихъ толще и вѣра у насъ полнѣе.

— Почему вы такъ это можете судить?

— У насъ тому,—отвѣчаетъ:—есть всѣ очевидныя доказательства.

— Какія?

— А такія,—говоритъ:—что у насъ есть и боготворныя иконы, и гроботочивыя главы, и мощи, а у васъ ничего, и даже, кромѣ одного воскресенья, никакихъ экстренныхъ праздниковъ нѣтъ, а по второй причинѣ, мнѣ съ англичанкою, хоть и повѣнчавшись въ законѣ, жить конфузно будетъ.

— Отчего же такъ?—спрашиваютъ. — Вы не пренебрегайте—наши тоже очень чисто одѣваются и хозяйственные.

А лѣвша говоритъ:

— Я ихъ не знаю.

Англичане отвѣчаютъ:

— Это не важно суть — узнать можете: мы вамъ грандеву сдѣлаемъ.

Лѣвша застыдился.

— Зачѣмъ,—говоритъ:—напрасно дѣвушекъ морочить, и отнѣкался. Грандеву, говоритъ, это дѣло господское, а намъ неидеть, и если объ этомъ дома, въ Тулѣ, узнаютъ, надо мною большую насмѣшку сдѣлаютъ.

Англичане полюбопытствовали:

— А если, говорятъ,—безъ грандеву, то какъ же у васъ въ такихъ случаяхъ поступаютъ, чтобы пріятный выборъ сдѣлать?

Лѣвша имъ объяснилъ наше положеніе.

— У насъ, говоритъ, — когда человекъ хочетъ насчетъ дѣвушки обстоятельное намѣреніе обнаружить, посылаетъ разговорную женщину, и какъ она предлогъ сдѣлаетъ, тогда вмѣстѣ въ домъ идутъ вѣжливо, и дѣвушку смотреть не таясь, а при всей родственности.

Они поняли, но отвѣчали, что у нихъ разговорныхъ

женщинъ нѣтъ и такого обыкновенія не водится, а лѣвша говоритъ:

— Это тѣмъ и пріятнѣе, потому что такимъ дѣломъ если и заняться, то надо съ обстоятельнымъ намѣреніемъ, а какъ я сего къ чужой націи не чувствую. то зачѣмъ дѣвушка морочить?

Онъ англичанамъ и въ этихъ своихъ сужденіяхъ понравился. такъ что они его опять пошли по плечамъ и по колѣнямъ съ пріятствомъ ладошками хлопывать, а сами спрашиваютъ:

— Мы бы, говорятъ, только черезъ одно любопытство знать желали: какія вы порочныя примѣты въ нашихъ дѣвицахъ примѣтили, и за что ихъ обѣгаете?

Тутъ лѣвша имъ уже откровенно отвѣтилъ:

— Я ихъ не порочу, а только мнѣ то не нравится, что одежда на нихъ какъ-то машется, и не разобрать, что такое надѣто и для какой надобности; тутъ одно что-нибудь, а ниже еще другое пришищено, а на рукахъ какія-то погавочки. Совсѣмъ точно обезьяна—санажу—илисовая тальма.

Англичане засмѣялись и говорятъ:

— Какое же вамъ въ этомъ препятствіе?

— Препятствія,—отвѣчаетъ лѣвша:—нѣтъ, а только опасаясь, что стыдно будетъ смотрѣть и дожидаться какъ она изъ всего изъ этого разбираться станетъ.

— Неужели же,—говорятъ:—вашъ фасонъ лучше?

— Нашъ фасонъ,—отвѣчаетъ:—въ Тулѣ простой: всякая въ своихъ кружевцахъ, и наши кружева даже и большія дамы носить.

Они его тоже и своимъ дамамъ казали, и тамъ ему чай наливали и спрашивали:

— Для чего вы морщитесь?

Онъ отвѣчалъ:

— Что мы,—говорить:—очень сладко не приучены.

Тогда ему по-русски въ прикуску подали.

Имъ показывается, что этакъ будто хуже, а онъ говоритъ:

— На нашъ вкусъ этакъ вкуснѣе.

Ничѣмъ его англичане не могли сбить, чтобы онъ на ихъ жизнь прельстился, а только уговорили его на короткое время погостить, и они его въ это время по разнымъ заводамъ водить бѣдутъ и все свое искусство покажутъ.

— А потомъ, — говорятъ: — мы его на своемъ кораблѣ привеземъ и живого въ Петербургъ доставимъ.

На это онъ согласился.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Взяли англичане лѣвшу на свои руки, а русскаго курьера назадъ въ Россію отправили. Курьеръ хотя и чинъ имѣлъ, и на разные языки быть учень, но они имъ не интересовались, а лѣвшою интересовались, — и пошли они лѣвшу водить и все ему показывать. Онъ смотрѣлъ все ихъ производство и металлическія фабрики и мыльно-шильные заводы, и всѣ хозяйственные порядки ихъ ему очень нравились, особенно насчетъ рабочаго содержанія. Всякій работникъ у нихъ постоянно въ сытости, одѣтъ не въ обрывкахъ, а на каждомъ способный тужурный жилетъ, обутъ въ толстые щиглеты съ желѣзными набалдашниками, чтобы нигдѣ ноги ни на что не напороть; работаетъ не съ бойломъ, а съ обученіемъ, и имѣетъ себѣ понятія. Передъ каждымъ на виду виситъ долбоща умноженія, а подъ рукою стирабельная дощечка: все, что который мастеръ дѣлаетъ, — на долбощу смотритъ, и съ понятіемъ свѣрляетъ, а потомъ на дощечкѣ одно пишеть, другое стираетъ и въ аккуратъ сводить: что на цифиряхъ написано, то и на дѣлѣ выходитъ. А придетъ праздникъ, соберутся по парочкѣ, возьмутъ въ руки по палочкѣ и идутъ гулять чинно-благородно какъ слѣдуетъ.

Лѣвшу на все ихъ житье и на всѣ ихъ работы посмотрѣлся, но больше всего вниманіе обращалъ на такой предметъ, что англичане очень удивлялись. Не столь его занимало, какъ новыя ружья дѣлають, сколь то, какъ старыя въ какомъ видѣ состоятъ. Все обойдетъ и хвалить, и говорить:

— Это и мы такъ можемъ.

А какъ до стараго ружья дойдетъ, — засунетъ палецъ въ дуло, поводитъ по стѣнкамъ и вздохнетъ:

— Это, — говорить: — противъ нашего не въ примѣръ превосходитѣйше.

Англичане никакъ не могли отгадать, что такое лѣвшу замѣчаетъ, а онъ спрашиваетъ:

— Не могу ли, — говорить: — я знать, что наши генералы это когда-нибудь глядѣли или нѣтъ?

Ему говорятъ:

— Которые тутъ были, тѣ, должно-быть, глядѣли.

— А какъ,—говорить:—они были: въ перчаткѣ или безъ перчатки?

— Ваши генералы,—говорятъ:—парадные, они всегда въ перчаткахъ ходятъ, значить и здѣсь такъ были.

Лѣвшя ничего не сказалъ. Но вдругъ началъ безпокойно скучать. Затосковалъ и затосковалъ, и говоритъ англичанамъ:

— Покорно благодарствуйте на всемъ угощеніи, и я всеѣмъ у васъ очень доволенъ и все, что мнѣ нужно было видѣть, уже видѣлъ, а теперь я скорѣе домой хочу.

Никакъ его болѣе удержать не могли. По сушѣ его пустить нельзя, потому что онъ на всѣ языки не умѣлъ, а по водѣ плыть не хорошо было, потому что время было осеннее, бурное, но онъ пристасть: отпустите.

— Мы на буреметрѣ,—говорятъ:—смотрѣли: буря будетъ,—потонуть можешь: это вѣдь не то, что у васъ Финскій заливъ, а тутъ настоящее Твердиземное море.

— Это все равно,—отвѣчаетъ:—гдѣ умереть—все единственно, воля Божія, а я желаю скорѣе въ родное мѣсто, потому что иначе я могу родъ помѣшательства достать.

Его силою не удерживали: наплатили, деньгами наградили, подарили ему на память золотые часы съ тренетиромъ, а для морской прохлады на поздній осенній путь дали байковое пальто съ вѣтряной нахлобучкою на голову. Очень тепло одѣли и отвезли лѣвшу на корабль, который въ Россію шель. Тутъ помѣстили лѣвшу въ лучшемъ видѣ, какъ настоящаго барина, но онъ съ другими господами въ закрытіи сидѣть не любилъ и совѣстился, а уйдетъ на палубу, подъ презентъ сядетъ и спроситъ:

— Гдѣ наша Россія?

Англичанинъ, котораго онъ спрашиваетъ, рукою ему въ ту сторону покажетъ или головою махнетъ, а онъ туда лицомъ оборотится и нетерпѣливо въ родную сторону смотритъ.

Какъ вышли изъ буфты въ Твердиземное море, такъ стремленіе его къ Россіи такое сдѣлалось, что никакъ его нельзя было успокоить. Водоplenіе стало ужасное, а лѣвшя все внизъ въ каюты пойдетъ,—подъ презентомъ сидитъ, нахлобучку надвинулъ и къ отечеству смотритъ.

Много разъ англичане приходили его въ теплое мѣсто внизъ звать, но онъ, чтобы ему не докучали, даже отлыгаться началъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ:—мнѣ тутъ наружи лучше,—а то со мною подъ крышей отъ колтыханія морская свинка сдѣлается.

Такъ все время и не сходилъ до особаго случая, и черезъ это очень понравился одному полкиперу, который на горе нашего лѣвша умѣлъ по-русски говорить. Этотъ полкиперъ не могъ надивиться, что русскій сухопутный человекъ и такъ всѣ непогоды выдерживаетъ.

— Молодецъ,—говоритъ:—русь,—выпьемъ!

Лѣвша выпилъ.

А полкиперъ говоритъ:

— Еще!

Лѣвша и еще выпилъ, и напился.

Полкиперъ его и спрашиваетъ:

— Ты какой отъ нашего государства въ Россію секретъ везешь?

Лѣвша отвѣчаетъ:

— Это мое дѣло.

— А если такъ, — отвѣчалъ полкиперъ: — такъ давай держать съ тобой аглицкое парей.

Лѣвша спрашиваетъ:

— Какое?

— Такое, чтобы ничего въ одиночку не пить, а всего пить за-равно,—что одинъ, то непременно и другой, и кто кого перепьетъ, того и горка.

Лѣвша думаетъ: небо тучится, брюхо пучится, — скука большая, а путина длинная и родного мѣста за волною невидно—паря держать все-таки веселѣе будетъ.

— Хорошо,—говоритъ:—идеть!

— Только чтобъ честно.

— Да, ужъ это,—говоритъ:—не безпокойтесь.

Согласились и по рукамъ ударили.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Началось у нихъ паря еще въ Твердиземномъ морѣ и шли они до рижскаго Динаминде, но шли все наравнѣ и другъ другу не уступали, и до того аккуратно равнялись, что когда одинъ, глянувъ въ море, увидалъ, какъ изъ воды

чортъ лѣзеть, такъ сейчасъ то же самое и другому объявилось. Только полшкиперъ видитъ чорта рыжаго, а лѣвша говорить, будто онъ темень, какъ Муринь.

Лѣвша говоритъ:

— Перекрестись и отворотись — это чортъ изъ пучины.

А англичанинъ спорить.

— Это морской водоглазь.

— Хочешь,—говорить:—я тебя въ море швырну, ты не бойся, онъ мнѣ тебя сейчасъ назадъ подастъ.

А лѣвша отвѣчалъ:

— Если такъ, то швырай.

Полшкиперъ его взялъ на закорки и понесъ къ борту.

Матросы это увидали, остановили ихъ и доложили капитану, а тотъ велѣлъ ихъ обонхъ внизъ занереть и дать имъ рому и вина, и холодной пищи, чтобы могли и пить, и ѣсть, и свое пари выдержать, — а горячаго студингу съ огнемъ имъ не подавать, потому что у нихъ въ нутрѣ можетъ спиртъ загорѣться.

Такъ ихъ и привезли взаперти до Петербурга и пари изъ нихъ ни одинъ другъ у друга, не выигралъ, а тутъ расклали ихъ на разныя повозки и повезли англичанина въ посланническій домъ на Аглицкую набережную, а лѣвшу въ кварталъ.

Отсюда судьба ихъ начала сильно разниться.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Англичанина какъ привезли въ посольскій домъ, сейчасъ сразу позвали къ нему лѣкаря и аптекаря, — лѣкарь велѣлъ его при себѣ въ теплую ванну всадить, а аптекарь сейчасъ же скаталь гуттаперчевую шлюлю и самъ въ ротъ ему всунулъ, а потомъ оба вмѣстѣ взяли и положили на перину и сверху шубой покрыли и оставили потѣть, а чтобы ему никто не мѣшалъ, по всему посольству приказъ данъ, чтобы никто чихать не смѣлъ. Дождались лѣкарь съ аптекаремъ, пока полшкиперъ заснулъ, и тогда другую гуттаперчевую шлюлю ему приготовили, — возлѣ его изголовья на столикъ положили и ушли.

А лѣвшу свалили въ кварталъ на полъ, и спрашиваютъ:

— Кто такой и откуда, и есть ли паспортъ или какой другой тугаментъ?

А онъ отъ болѣзни, отъ питья и отъ долгаго колтыханья

такъ ослабѣлъ, что ни слова не отвѣчаетъ, а только сто-
нетъ.

Тогда его сейчасъ обыскали, пестрое платье съ него
сняли и часы съ трепетиромъ, и деньги обрали, а самого
приставъ велѣлъ на встрѣчномъ извозчикѣ бесплатно въ
больницу отправить.

Повелѣть городской лѣвшу на санки сажать, да долго ни
одного встрѣчника поймать не могъ, потому извозчики отъ
полицейскихъ бѣгають. А лѣвша все это время на холод-
номъ паратѣ лежалъ; потомъ поймалъ городской извозчика,
только безъ теплой лисы, потому что они лису въ саняхъ
въ такомъ разѣ подъ себя прячуть, чтобы у полицейскихъ
скорѣй ноги стыли. Везли лѣвшу такъ непокрытаго, да
какъ съ одного извозчика на другого стануть пересажив-
вать, все роняють, а поднимать стануть,—ухи рвутъ, чтобы
въ память пришесть. Привезли въ одну больницу,—не при-
нимають безъ тугамента, привезли въ другую — и тамъ не
принимають, и такъ въ третью, и въ четвертую, — до са-
мага утра его по всѣмъ отдаленнымъ кривопуткамъ таскали
и все пересаживали, такъ что онъ весь избился. Тогда
одинъ подлѣкаръ сказалъ городовому везти его въ просто-
народную Обухвинскую больницу — гдѣ невѣдомаго сословія
всѣхъ умирать принимаютъ.

Тутъ велѣли росишку дать, а лѣвшу до разборки на
полу въ коридорѣ посадить.

А аглицкій полшкиперъ въ это самое время на другой
день всталъ, другую гуттаперчевую пилюлю въ нутро про-
глотилъ, на легкій завтракъ курицу съ рысью съѣлъ, эрфик-
сомъ запилъ и говоритъ:

— Гдѣ мой русскій камадь? я его искать пойду.

Одѣлся и побѣжалъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Удивительнымъ манеромъ полшкиперъ какъ-то очень
скоро лѣвшу нашелъ, только его еще на кровать не уло-
жили, а онъ въ коридорѣ на полу лежалъ и жаловался
англичанину.

— Мнѣ бы, говоритъ, — два слова государю непремѣнно
надо сказать.

Англичанинъ побѣжалъ къ графу Клейнмихелю и за-
шумѣлъ:

— Развѣ такъ можно! У него, говорить, хоть и шуба овечкина, такъ душа человѣчкина.

Англичанина сейчасъ оттуда за это разсужденіе вонъ — чтобы не смѣль поминать душу человѣчкину. А потомъ ему кто-то сказалъ: сходилъ бы ты лучше къ казаку Платову, — онъ простыя чувства имѣеть.

Англичанинъ достигъ Платова, который теперь опять на укушеткѣ лежалъ: Платовъ его выслушалъ и про лѣвшу вспомнилъ.

— Какъ же, братецъ, говорить, — очень коротко съ нимъ знакомъ, — даже за волоса его драть, — только не знаю, какъ ему въ такомъ несчастномъ разѣ помочь; потому что я уже совсѣмъ отслужился и полную пулекцію получилъ, — теперь меня больше не уважають, — а ты бѣги скорѣе къ коменданту Скобелеву, онъ въ сплахъ и тоже въ этой части опытный, — онъ что-нибудь сдѣлаеть.

Полкиперъ пошелъ и къ Скобелеву и все разсказалъ: какая у лѣвши болѣзнь и отчего сдѣлалась. Скобелевъ говоритъ:

— Я эту болѣзнь понимаю, только нѣмцы ее лѣчить не могутъ, а тутъ надо какого-нибудь доктора изъ духовнаго званія, потому что тѣ въ этихъ примѣрахъ выросли и помогать могутъ: я сейчасъ пошлю туда русскаго доктора Мартынь-Сольскаго.

Но только когда Мартынь-Сольскій пріѣхалъ, лѣвшна уже кончался, потому что у него затылокъ о парать раскололся, и онъ одно только могъ внятно выговорить:

— Скажите государю, что у англичапъ ружья кирпичомъ не чистятъ: пусть чтобы и у насъ не чистили, а то, храни Богъ войны, они стрѣлять не годятся.

И съ этою вѣрностью лѣвшна перекрестился и померъ.

Мартынь-Сольскій сейчасъ же поѣхалъ, объ этомъ графу Чернышеву доложилъ, чтобы до государя довести, а графъ Чернышевъ на него закричалъ:

— Знай, говорить, свое рвотное да слабительное, а не въ свое дѣло не мѣшайся — въ Россіи на это генералы есть.

Государю такъ и не сказали, и чистка все продолжалась до самой Крымской кампаніи. Въ тогдашнее время, какъ стали ружья заряжать, а пули въ нихъ и болтаются, потому что стволы кирпичомъ расчищены. Тутъ Мартынь-Сольскій Чернышеву о лѣвшнѣ и напомнилъ, а графъ Чернышевъ и говоритъ:

— Пошелъ къ чорту, плезирная трубка, — не въ свое дѣло не мѣшайся, а не то я отопрусь, что никогда отъ тебя объ этомъ не слыхалъ, — тебѣ же и достанется.

Мартынь-Сольскій подумалъ: и вправду отопрется, такъ и молчалъ.

А доведи они лѣвшины слова въ свое время до государя — въ Крыму на войнѣ съ непріятелемъ совсѣмъ бы другой оборотъ былъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Теперь все это уже — «дѣла минувшихъ дней» и «преданья старины», хотя и не глубокой, но преданія эти нѣтъ нужды торопиться забывать, несмотря на баснословный складъ легенды и эпическій характеръ ея главнаго героя. Собственное имя лѣвши, подобно именамъ многихъ величайшихъ геніевъ, навсегда утрачено для потомства; но какъ олицетворенный народною фантазією мнѡъ, онъ интересенъ, а его похождения могутъ служить воспоминаніемъ эпохи, общій духъ которой схваченъ мѣтко и вѣрно.

Такихъ мастеровъ, какъ баснословный лѣвши, теперь, разумѣется, уже нѣтъ въ Тулѣ: машины сравняли неравенство талантовъ и дарованій, и геній не рвется въ борьбѣ противъ прилежанія и аккуратности. Благопріятствую возвышенію заработка, машины не благопріятствуютъ артистической удали, которая иногда превосходила мѣру, вдохновляя народную фантазію къ сочиненію подобныхъ нынѣшней баснословныхъ легендъ.

Рабстники, конечно, умѣютъ цѣнить выгоды, доставляемыя имъ практическими приспособленіями механической науки, но о прежней старинѣ они вспоминаютъ съ гордостью и любовью. Это ихъ эпосъ, и притомъ съ очень «человѣчкиной душою».

ЧЕЛОВѢКЪ НА ЧАСАХЪ.

(1839 г.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Событіе, разсказъ о которомъ ниже сего предлагается вниманію читателей, трогательно и ужасно по своему значенію для главнаго героическаго лица пьесы, а развязка дѣла такъ оригинальна, что подобное ей даже едва ли возможно гдѣ-нибудь, кромѣ Россіи.

Это составляетъ отчасти придворный, отчасти историческій анекдотъ, недурно характеризующій нравы и направленіе очень любопытной, но крайне бѣдно отмѣченной эпохи тридцатыхъ годовъ совершающагося девятнадцатаго столѣтія.

Вымысла въ наступающемъ разсказѣ нѣтъ нисколько.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Зимою, около Крещенія, въ 1839 году въ Петербургѣ была сильная оттепель. Такъ разморогодило, что совсѣмъ какъ-будто веснѣ быть: снѣгъ таялъ, съ крышъ падали днесь кацели, а ледъ на рѣкахъ посинѣлъ и взялся водой. На Невѣ, передъ самымъ Зимнимъ дворцомъ, стояли глубокія полыны. Вѣтеръ дулъ теплый, западный, но очень спѣльный: со взморья нагоняло воду и стрѣляли пушки.

Карауль во дворцѣ занимала рота Измайловскаго полка, которою командовалъ блестяще образованный и очень хорошо поставленный въ обществѣ молодой офицеръ, Николай Ивановичъ Миллеръ (впоследствии полный генералъ и

директоръ лицей). Это былъ человекъ съ такъ-называемымъ «гуманнымъ» направлениемъ, которое за нимъ было давно замѣчено и немощно вредило ему по службѣ во вниманіи вышшаго начальства.

На самомъ же дѣлѣ, Миллеръ былъ офицеръ исправный и надежный, а дворцовый караулъ въ тогданнее время и не представлялъ ничего опаснаго. Пора была самая тихая и безмятежная. Отъ дворцоваго караула не требовалось ничего, кромѣ точнаго стоянія на постахъ, а между тѣмъ, какъ разъ тутъ, на караульной очереди капитана Миллера при дворцѣ, произошелъ весьма чрезвычайный и тревожный случай, о которомъ теперь едва вспоминаютъ немногіе изъ доживающихъ свой вѣкъ тогданныхъ современниковъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сначала въ караулѣ все шло хорошо: посты распределены, люди разставлены и все обстояло въ совершенномъ порядкѣ. Государь Николай Павловичъ былъ здоровъ, ѣздилъ вечеромъ кататься, возвратился домой и легъ въ постель. Уснулъ и дворецъ. Наступила самая спокойная ночь. Въ кордегардіи тишина. Капитанъ Миллеръ прикололъ булавками свой бѣлый носовой платокъ къ высокой и всегда традиціонно засаленной сафьянной спинкѣ офицерскаго кресла и сѣлъ коротать время за книгой.

Н. И. Миллеръ всегда былъ страстный читатель и потому онъ не скучалъ, а читать и не замѣчалъ, какъ унывала ночь; но вдругъ, въ исходѣ второго часа ночи, его встревожило ужасное безпокойство: предъ нимъ является разводный унтеръ-офицеръ и, весь блѣдный, объятый страхомъ, лепечетъ скороговоркой:

— Бѣда, ваше благородіе, бѣда!

— Что такое?!

— Страшное несчастье постигло!

Н. И. Миллеръ вскопчилъ въ неописанной тревогѣ и едва могъ толкомъ дознаться, въ чемъ именно заключались «бѣда» и «страшное несчастье».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: часовой, солдатъ Измайловскаго полка, по фамиліи Постниковъ, стоя на часахъ снаружи у нынѣшняго Іорданскаго подъѣзда, услы-

халь, что въ полыньѣ, которую противъ этого мѣста покрывалась Нева, заливается человекъ и отчаянно молить о помощи.

Солдатъ Постниковъ, изъ дворовыхъ господскихъ людей, былъ человекъ очень нервный и очень чувствительный. Онъ долго слушалъ отдаленные крики и стоны утопающаго и приходилъ отъ нихъ въ оцѣненіе. Въ ужасѣ онъ оглядывался туда и сюда на все видимое ему пространство набережной, и ни здѣсь, ни на Невѣ, какъ на зло, не усматривалъ ни одной живой души.

Подать помощь утопающему никто не можетъ, и онъ непременно заляется...

А между тѣмъ тонущій ужасно долго и упорно борется.

Ужъ одно бы ему, кажется,—не тратя силъ, спускаться на дно, такъ вѣдь нѣтъ! Его изнеможенные стоны и призывные крики то оборвутся и замолкнутъ, то опять начинаютъ раздаваться, и притомъ все ближе и ближе къ дворцовой набережной. Видно, что человекъ еще не потерялся и держитъ путь вѣрно, прямо на свѣтъ фонарей, но только онъ, разумѣется, все-таки не спасется, потому что именно тутъ, на этомъ пути, онъ попадетъ въ іорданскую прорубь. Тамъ ему нырокъ подъ ледъ и конецъ... Вотъ и опять стихъ, а черезъ минуту снова полощется и стонетъ: «спасите, спасите!» И теперь уже такъ близко, что даже слышны всплески воды, какъ онъ полощется...

Солдатъ Постниковъ сталъ соображать, что спасти этого человека чрезвычайно легко. Если теперь сбѣжать на ледъ, то тонущій непременно тутъ же и есть. Бросить ему веревку, или протянуть шестикъ, или подать ружье, и онъ спасенъ. Онъ такъ близко, что можетъ схватиться рукою и выскочить. Но Постниковъ помнить и службу, и присягу; онъ знаетъ, что онъ часовой, а часовой ни за что и ни подъ какимъ предлогомъ не смѣетъ покинуть своей будки.

Съ другой же стороны, сердце у Постникова очень непокорное: такъ и ноетъ, такъ и стучитъ, такъ и замираетъ... Хоть вырви его, да самъ себѣ подъ ноги брось,—такъ спокойно съ нимъ дѣлается отъ этихъ стоновъ и воплей... Страшно, вѣдь, слышать какъ другой человекъ погибаетъ, и не подать этому погибающему помощи, когда, собственно говоря, къ тому есть полная возможность, потому что будка съ мѣста не убѣжить и ничто иное вредное не случится.

«Иль сбѣжать, а?.. Не увидать... Ахъ, Господи, одинъ бы конецъ! Опять стонеть»...

За одинъ получасъ, пока это длилось, солдатъ Постниковъ совсѣмъ истерзался сердцемъ и сталъ ощущать «сомнѣннѣе разсудка». А солдатъ онъ былъ умный и исправный, съ разсудкомъ яснымъ и отлично понималъ, что оставить свой постъ есть такая вина со стороны часоваго, за которую сейчасъ же послѣдуетъ военный судъ, а потомъ гонка сквозь строй шпшпрутенами и каторжная работа, а можетъ-быть даже и «разстрѣль»; но со стороны вздувшейся рѣки опять наплываютъ все ближе и ближе стоны и уже слышно бурканье и отчаянное барахтанье.

— Т-о-о-ну!.. Спасите, тону!

Тутъ вотъ сейчасъ и есть юрданская прорубь... Конецъ!

Постниковъ еще разъ-два оглянулся во все стороны. Нигдѣ ни души нѣтъ, только фонари трясутся отъ вѣтра и мерцаютъ, да по вѣтру, прерываясь, долетаетъ этотъ крикъ... можетъ-быть, послѣдннй крикъ...

Вотъ еще всплескъ, еще однозвучный вопль, и въ водѣ забулкотало.

Часовой не выдержалъ и покинулъ свой постъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Постниковъ бросился къ сходнямъ, сбѣжалъ съ сильно бьющимся сердцемъ на ледъ, потомъ въ наплывшую воду полыньи и, скоро разсмотрѣвъ, гдѣ бьется заливающаяся утопленникъ, протянулъ ему ложу своего ружья.

Утопавшнй схватился за прикладъ, а Постниковъ потянулъ его за штыкъ и вытащилъ на берегъ.

Спасенный и спаситель были совершенно мокры, и какъ изъ нихъ спасенный былъ въ сильной усталости и дрожалъ и падалъ, то спаситель его, солдатъ Постниковъ, не рѣшившись его бросить на льду, а вывелъ его на набережную и сталъ осматриваться, кому бы его передать. А межъ тѣмъ, пока все это дѣлалось, на набережной показались сани, въ которыхъ сидѣлъ офицеръ существовавшей тогда придворной инвалидной команды (впослѣдствнн упраздненной).

Этотъ столь не въ-время для Постникова подошввшнй госнодинъ былъ, надо полагать, человѣкъ очень легкомысленнаго характера и притомъ немножко безтолковый и изрядный наглець. Онъ соскочилъ съ саней и началъ спрашивать:

— Что за человекъ... что за люди?

— Тонулъ, заливался,—началь-было Постниковъ.

— Какъ тонулъ? Кто, ты тонулъ? Зачѣмъ въ такомъ мѣстѣ?

А тотъ только отпырхивается, а Постникова уже нѣтъ: онъ взялъ ружье на плечо и опять сталъ въ будку.

Смекнуть или нѣтъ офицеръ въ чемъ дѣло, но онъ больше не сталъ изслѣдовать, а тотчасъ же подхватилъ къ себѣ въ сани спасеннаго человекъ и покатилъ съ нимъ на Морскую въ съѣзжій домъ Адмиралтейской части.

Тутъ офицеръ сдѣлалъ пристава заявленіе, что привезенный имъ мокрый человекъ тонулъ въ полыньѣ противъ дворца и спасенъ имъ, господиномъ офицеромъ, съ опасностью для его собственной жизни.

Тотъ, котораго спасли, былъ и теперь весь мокрый, иззябшій и изнемогшій. Отъ испуга и отъ страшныхъ усилій, онъ впадалъ въ безпамятство и для него было безразлично, кто спасать его.

Около него хлопотали заспаннѣй полицейскій фельдшеръ, а въ канцеляріи писали протоколъ по словесному заявленію инвалиднаго офицера и, съ свойственною полицейскимъ людямъ подозрительностью, недоумѣвали, какъ онъ самъ весь сухъ изъ воды вышелъ? А офицеръ, который имѣлъ желаніе получить себѣ установленную медаль «за спасеніе погибавшихъ», объяснялъ это счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ, но объяснялъ нескладно и невѣроятно. Пошли будить пристава, послали наводить справки.

А между тѣмъ во дворцѣ по этому дѣлу образовались уже другія, быстрыя теченія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Въ дворцовой караулѣ всѣ сейчасъ упомянутые обороты послѣ принятія офицеромъ спасеннаго утопленника въ свои сани были неизвѣстны. Тамъ измайловскій офицеръ и солдаты знали только то, что ихъ солдатъ, Постниковъ, оставивъ будку, кинулся спасать человекъ, и какъ это есть большое нарушеніе воинскихъ обязанностей, то рядовой Постниковъ теперь непременно пойдетъ подъ судъ и подъ палки, а всѣмъ начальствующимъ лицамъ, начиная отъ ротнаго командира полка, достанутся страшныя непріятности, противъ которыхъ ничего нельзя ни возражать, ни оправдываться.

Мокрый и дрожащій солдатъ Постниковъ, разумѣется, сейчасъ же былъ смѣненъ съ поста и, будучи приведенъ въ кордегардію, чистосердечно разсказалъ Н. И. Миллеру все, что намъ извѣстно, и со всѣми подробностями, доходившими до того, какъ инвалидный офицеръ посадилъ къ себѣ спасеннаго утोलенника и велѣлъ своему кучеру скакать въ Адмиралтейскую часть.

Опасность становилась все больше и неизбѣжиѣ. Разумѣется, инвалидный офицеръ все разскажетъ приставу, а приставъ тотчасъ же доведетъ объ этомъ до свѣдѣнія оберъ-полицеймейстера Коконкина, а тотъ доложитъ утромъ государю и пойдетъ «горячка».

Долго разсуждать было некогда, надо было призывать къ дѣлу старшихъ.

Николай Ивановичъ Миллеръ тотчасъ же послалъ тревожную записку своему батальонному командиру подполковнику Свиныну, въ которой просилъ его какъ можно скорѣе пріѣхать въ дворцовую караульную и всѣми мѣрами пособить совершившейся страшной бѣдѣ.

Это было уже около трехъ часовъ, а Коконкинъ являлся съ докладомъ къ государю довольно рано утромъ, такъ что на всѣ думы и на всѣ дѣйствія оставалось очень мало времени.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Подполковникъ Свинынъ не имѣлъ той жалостливости и того мягкосердечія, которыя всегда отличали Николая Ивановича Миллера: Свинынъ былъ человѣкъ не безсердечный, но, прежде всего и больше всего, «службистъ» (тишъ, о которомъ нынче опять вспоминаютъ съ сожалѣніемъ). Свинынъ отличался строгостью и даже любилъ щеголять требовательностью дисциплины. Онъ не имѣлъ вкуса ко злу и никому не искалъ причинить напрасное страданіе; но если человѣкъ нарушилъ какую бы то ни было обязанность службы, то Свинынъ былъ неумолимъ. Онъ считалъ неумѣтнымъ входить въ обсужденіе побужденій, какія руководили въ данномъ случаѣ движеніемъ виновнаго, а держался того правила, что на службѣ всякая вина виновата. А потому въ караульной ротѣ всѣ знали, что придется претерпѣть рядовому Постникову за оставленіе своего поста, то онъ и оттерпѣтъ, и Свинынъ объ этомъ скорѣе не станетъ.

Такимъ этотъ штабъ-офицеръ былъ извѣстенъ начальству и товарищамъ, между которыми были люди, не симпатизировавшіе Свиныну, потому что тогда еще не совсѣмъ вывелся «гуманизмъ» и другія ему подобныя заблужденія. Свинынъ былъ равнодушенъ къ тому, порицаютъ или хвалятъ его «гуманисты». Просить и умолять Свинына или даже пытаться его разжалобить — было дѣло совершенно бесполезное. Отъ всего этого онъ былъ закаленъ крѣпкимъ закаломъ карьерныхъ людей того времени, но и у него, какъ у Ахиллеса, было слабое мѣсто.

Свинынъ тоже имѣлъ хорошо начатую служебную карьеру, которую онъ, конечно, тщательно оберегалъ и дорожилъ тѣмъ, чтобы на нее, какъ на парадный мундиръ, ни одна пылинка не сѣла; а между тѣмъ несчастная выходка чело-вѣка изъ вѣрннаго ему батальона непремѣнно должна была бросить дурную тѣнь на дисциплину всей его части. Виновать или не виновать батальонный командиръ въ томъ, что одинъ изъ его сдѣлалъ, подъ вліяніемъ увлеченія благороднѣйшимъ состраданіемъ, — этого не стануть разбирать тѣ, отъ кого зависить хорошо начатая и тщательно поддерживаемая служебная карьера Свинына, а многіе даже охотно подкатятъ ему бревно подъ ноги, чтобы дать путь своему ближнему или подвинуть молодца, протежируемаго людьми, въ случаѣ государь, конечно, разсердится и непремѣнно скажетъ полковому командиру, что у него «слабые офицеры», что у нихъ «люди распущены». А кто это надѣлалъ? — Свинынъ. Вотъ такъ это и пойдетъ повторяться, что «Свинынъ слабъ», и такъ, можетъ, покорь слабостью и останется несмываемымъ пятномъ на его, Свинына, репутаціи. Не быть ему тогда ничѣмъ достопримѣчательнымъ въ ряду современниковъ и не оставить своего портрета въ галлерей историческихъ лицъ государства Россійскаго.

Изученіемъ исторіи тогда хотя мало занимались, но, однако, въ нее вѣрили, и особенно охотно сами стремились участвовать въ ея сочиненіи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Какъ только Свинынъ получилъ около трехъ часовъ ночи тревожную записку отъ капитана Миллера, онъ тотчасъ же вскочилъ съ постели, одѣлся по формѣ и, подъ вліяніемъ страха и гнѣва, прибылъ въ караульную Зимняго

дворца. Здѣсь онъ немедленно же произвелъ допросъ рядовому Постникову и убѣдился, что невѣроятный случай совершился. Рядовой Постниковъ опять вполне чистосердечно подтвердилъ своему батальонному командиру все то же самое, что произошло на его часахъ, и что онъ, Постниковъ, уже раньше показалъ своему ротному капитану Миллеру. Солдатъ говорилъ, что онъ «Богу и государю вичновать безъ милосердія», что онъ стоялъ на часахъ и, слышавъ стоны человѣка, тонувшаго въ полыньѣ, долго мучился, долго былъ въ борьбѣ между служебнымъ долгомъ и состраданіемъ и, наконецъ, на него напало искушеніе, и онъ не выдержалъ этой борьбы: покинулъ будку, соскочилъ на ледъ и вытащилъ тонувшаго на берегъ, а здѣсь, какъ на грѣхъ, попался профѣзжавшему офицеру дворцовой инвалидной команды.

Подполковникъ Свинынъ былъ въ отчаяніи; онъ далъ себѣ единственное возможное удовлетвореніе, сорвавъ свой гнѣвъ на Постниковѣ, котораго тотчасъ же прямо отсюда послать подъ арестъ въ казарменный карцеръ, а потомъ сказать нѣсколько колкостей Миллеру, непрекнувъ его «гуманеріей», которая ни на что не пригодна въ военной службѣ; но все это было недостаточно для того, чтобы поправить дѣло. Подыскать если не оправданіе, то хотя извиненіе такому поступку, какъ оставленіе часовымъ своего поста, было невозможно, и оставался одинъ исходъ—скрыть все дѣло отъ государя...

Но есть ли возможность скрыть такое происшествіе?

Повидимому, это представлялось невозможнымъ, такъ какъ о спасеніи погибавшаго знали не только всѣ караульные, но зналъ и тотъ ненавистный инвалидный офицеръ, который до сихъ поръ, конечно, успѣлъ довести обо всемъ этомъ до вѣдома генерала Кокоскина.

Куда теперь скакать? Къ кому бросаться? У кого искать помощи и защиты?

Свинынъ хотѣлъ скакать къ великому князю Михаилу Павловичу и рассказать ему все чистосердечно. Такіе маневры тогда были въ ходу. Пусть великій князь, по своему пылкому характеру, разсердится и накричитъ, но его нравъ и обычай были таковы, что, чѣмъ онъ сильнѣе окажетъ на первый разъ рѣзкости, и даже тяжко обидитъ, тѣмъ онъ потомъ скорѣе смилуетя и самъ же заступится. Подобныхъ

случаевъ бывало не мало и ихъ иногда нарочно искали. «Брань на вороту не висла», и Свинынь очень хотѣлъ бы свести дѣло къ этому благоприятному положенію, но развѣ можно ночью доступить во дворець и тревожить великаго князя? А дожидаться утра и явиться къ Михаилу Павловичу послѣ того, когда Кокоскинъ побываетъ съ докладомъ у государя, будетъ уже поздно. И пока Свинынь волновался среди такихъ затрудненій, онъ обмякъ, и умъ его началъ прозрѣвать еще одинъ выходъ, до сей поры скрывавшійся въ туманѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Въ ряду извѣстныхъ военныхъ приемовъ есть одинъ такой, чтобы въ минуту наивысшей опасности, угрожающей со стѣпъ осаждаемой крѣпости, не удаляться отъ нея, а прямо идти подъ ея стѣнами. Свинынь рѣшился не дѣлать ничего того, что ему приходило въ голову сначала, а немедленно ѣхать прямо къ Кокоскину.

Объ оберъ-полицеймейстерѣ Кокоскинѣ въ Петербургѣ говорили тогда много ужасающаго и нелѣпаго, но, между прочимъ, утверждали, что онъ обладаетъ удивительнымъ многостороннимъ тактомъ и при содѣйствіи этого такта не только «умѣетъ сдѣлать изъ мухи слона, но такъ же легко умѣетъ сдѣлать изъ слона муху».

Кокоскинъ въ самомъ дѣлѣ былъ очень суровъ и очень грозенъ и внушалъ всѣмъ большой страхъ къ себѣ, но онъ иногда мирволилъ шалунамъ и добрымъ весельчакамъ изъ военныхъ, а такихъ шулуновъ тогда было много, и имъ не разъ случалось находить себѣ въ его лицѣ могущественнаго и усерднаго защитника. Вообще онъ много могъ и много умѣлъ сдѣлать, если только захочетъ. Такимъ его знали и Свинынь, и капитанъ Миллеръ. Миллеръ тоже укрѣпилъ своего батальоннаго командира отважиться на то, чтобы ѣхать немедленно къ Кокоскину и довѣриться его великодушію и его «многостороннему такту», который, вѣроятно, продиктуетъ генералу, какъ вывернуться изъ этого досаднаго случая, чтобы не ввести въ гнѣвъ государя, что Кокоскинъ, къ чести его, всегда избѣгалъ съ большимъ стараніемъ.

Свинынь надѣлъ шинель, устремилъ глаза вверхъ, и вос-

кликнувъ нѣсколько разъ: «Господи, Господи!»—поѣхалъ къ Коконкину.

Это былъ уже въ началѣ пятой части утра.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Оберъ-полицеймейстера Коконкина разбудили и доложили ему о Свиныиѣ, пріѣхавшемъ по важному и не терпящему отлагательства дѣлу.

Генераль немедленно всталъ и вышелъ къ Свиныину въ аршалучкѣ, потирая лобъ, зѣвая и ежась. Все, что рассказывалъ Свиныиѣ, Коконкинъ выслушивалъ съ большимъ вниманіемъ, но спокойно. Онъ во все время этихъ объясненій и просьбъ о снисхожденіи произнесъ только одно:

— Солдаты бросили будку и спасъ человѣка?

— Точно такъ,—отвѣтилъ Свиныиѣ.

— А будка?

— Оставалась въ это время пустою.

— Гм... Я это зналъ, что она оставалась пустою. Очень радъ, что ее не украли.

Свиныиѣ изъ этого еще болѣе увѣрился, что ему уже все извѣстно и что онъ, конечно, уже рѣшилъ себѣ, въ какомъ видѣ онъ представить объ этомъ при утреннемъ докладѣ государю, и рѣшенія этого измѣнять не станетъ. Иначе такое событіе, какъ оставленіе часовымъ своего поста въ дворцовомъ караулѣ, безъ сомнѣнія, должно было бы гораздо сильнѣе встревожить энергическаго оберъ-полицеймейстера.

Но Коконкинъ не зналъ ничего. Приставъ, къ которому явился инвалидный офицеръ со спасеннымъ утопленникомъ, не видалъ въ этомъ дѣлѣ никакой особенной важности. Въ его глазахъ это вовсе даже не было такимъ дѣломъ, чтобы ночью тревожить усталаго оберъ-полицеймейстера, да и притомъ самое событіе представлялось приставу довольно подозрительнымъ, потому что инвалидный офицеръ былъ совсѣмъ сухъ, чего никакъ не могло быть, если онъ спасалъ утопленника съ опасностью для собственной жизни. Приставъ видѣлъ въ этомъ офицерѣ только что честолюбца и лгуна, желающаго имѣть одну новую медаль на грудь, и потому, пока его дежурный писалъ протоколъ, приставъ придерживалъ у себя офицера и старался выпытать у него истину черезъ разспросъ мелкихъ подробностей.

Приставу тоже не было приятно, что такое происшествіе случилось въ его части и что утопавшаго вытащилъ не полицейскій, а дворцовый офицеръ.

Спокойствіе же Кокоскина объяснялось просто, во-первыхъ, странною усталостью, которую онъ въ это время испытывалъ послѣ цѣлдневной суеты и ночного участія при тушеніи двухъ пожаровъ, а, во-вторыхъ, тѣмъ, что дѣло, сдѣланное часовымъ Постниковымъ, его, г-на оберъ-полицеймейстера, прямо не касалось.

Впрочемъ, Кокоскинъ тотчасъ же сдѣлалъ соответственное распоряженіе.

Онъ послалъ за приставомъ Адмиралтейской части и приказалъ ему немедленно явиться вмѣстѣ съ инвалиднымъ офицеромъ и со спасеннымъ утопленникомъ, а Свинына просилъ подождать въ маленькой пріемной передъ кабинетомъ. Затѣмъ Кокоскинъ удалился въ кабинетъ и, не затворяя за собою дверей, сѣлъ за столъ и началъ было поднимать бумаги; но сейчасъ же склонилъ голову на руки и заснулъ за столомъ въ креслѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Тогда еще не было ни городскихъ телеграфовъ, ни телефоновъ, а для слѣшной передачи приказаній начальства скакали по всѣмъ направленіямъ «сорокъ тысячъ курьеровъ», о которыхъ сохранится долговѣчное воспоминаніе въ комедіи Гоголя.

Это, разумѣется, не было такъ скоро, какъ телеграфъ или телефонъ, но зато сообщало городу значительное оживленіе и свидѣтельствовало о неусыпномъ бдѣніи начальства.

Пока изъ Адмиралтейской части явился запыхавшійся приставъ и офицеръ-спаситель, а также и спасенный утопленникъ, нервный и энергическій генералъ Кокоскинъ вздремнулъ и оживился. Это было замѣтно въ выраженіи его лица и въ проявленіи его душевныхъ способностей.

Кокоскинъ потребовалъ всѣхъ явившихся въ кабинетъ и вмѣстѣ съ ними пригласилъ и Свинына.

— Протоколъ?—односложно спросилъ оживленнымъ голосомъ у пристава Кокоскинъ.

Тотъ молча подаль ему сложенный листъ бумаги и тихо прошепталъ:

— Долженъ просить дозволить мнѣ доложить вашему превосходительству нѣсколько словъ по секрету...

— Хорошо.

Кокоршкинъ отошелъ въ амбразуру окна, а за нимъ приставъ.

— Что такое?

Послышался неясный шопотъ пристава и ясныя побрякиванья генерала.

— Гм... Да!.. Ну, что-жъ такое?.. Это могло быть... Они на томъ стоять, чтобы сухими выскакивать... Ничего больше?

— Ничего-съ.

Генералъ выпнелъ изъ амбразуры, присѣлъ къ столу и началъ читать. Онъ читалъ протоколъ про себя, не обнаруживая ни страха, ни сомнѣній, и затѣмъ непосредственно обратился съ громкимъ и твердымъ вопросомъ къ спасенному:

— Какъ ты, братецъ, попалъ въ полипыю противъ дворца?

— Виновать,—отвѣчалъ спасенный.

— То-то! Былъ пьянъ?

— Виновать, пьянъ не былъ, а былъ выпимши.

— Зачѣмъ въ воду попалъ?

— Хотѣлъ перейти поближе черезъ ледъ, сбился и попалъ въ воду.

— Значить, въ глазахъ было темно?

— Темно, кругомъ темно было, ваше превосходительство!

— И ты не могъ разсмотрѣть, кто тебя вытащилъ?

— Виновать, ничего не разсмотрѣлъ. Вотъ они, кажется.—Онъ указалъ на офицера и добавилъ:—Я не могъ разсмотрѣть, былъ испужамшись.

— То-то и есть, шляетесь, когда надо спать! Всмотрись же теперь и помни навсегда, кто твой благодѣтель. Благодарный человекъ жертвовалъ за тебя своею жизнью!

— Вѣкъ буду помнить.

— Имя ваше, господинъ офицеръ?

Офицеръ назвалъ себя по имени.

— Слышишь?

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Ты православный?

— Православный, ваше превосходительство.

— Въ поминанье за здравіе это имя запиши.

— Запишу, ваше превосходительство.

— Молись Богу за него и ступай вонъ: ты больше не нуженъ.

Тотъ поклонился въ ноги и выкатился, безъ мѣры довольный тѣмъ, что его отпустили.

Свининъ стоялъ и недоумѣвалъ, какъ это такой оборотъ все принимаетъ милостію Божіею!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Кокоскинъ обратился къ инвалидному офицеру:

— Вы спасли этого человѣка, рискуя собственной жизнью?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Свидѣтелей этого происшествія не было, да по позднему времени и не могло быть?

— Да, ваше превосходительство, было темно и на набережной никого не было, кромѣ часовыхъ.

— О часовыхъ не зачѣмъ поминать: часовой охраняетъ свой постъ и не долженъ отвлекаться ничѣмъ постороннимъ. Я вѣрю тому, что написано въ протоколѣ. Вѣдь это съ вашихъ словъ?

Слова эти Кокоскинъ произнесъ съ особеннымъ удареніемъ, точно какъ будто пригрозилъ или прикрикнулъ.

Но офицеръ не сробѣлъ, а, выгнувъ глаза и выпучивъ грудь, отвѣтилъ:

— Съ моихъ словъ и совершенно вѣрно, ваше превосходительство.

— Вашъ поступокъ достоинъ награды.

Тотъ началъ благодарно кланяться.

— Не за что благодарить,—продолжалъ Кокоскинъ.— Я доложу о вашемъ самоотверженномъ поступкѣ государю императору и грудь ваша, можетъ-быть, сегодня же будетъ украшена медалью. А теперь можете идти домой, напейтесь теплаго и нигуда не выходите, потому что, можетъ-быть, вы понадобятся.

Инвалидный офицеръ совѣмъ засіялъ, откланялся и вышелъ.

Кокоскинъ поглядѣлъ ему вслѣдъ и проговорилъ:

— Возможная вещь, что государь пожелаетъ самъ его видѣть.

— Слушаю-сь,—отвѣчалъ понятымъ приставъ.

— Вы мнѣ больше не нужны.

Приставъ вышелъ и, затворивъ за собою дверь, тотчасъ, по набожной привычкѣ, перекрестился.

Иinvalidный офицеръ ожидалъ пристава внизу, и они отправились вмѣстѣ въ гораздо болѣе теплыхъ отношеніяхъ, чѣмъ когда сюда вступали.

Въ кабинетѣ у оберъ-полицеймейстера остался одинъ Свинынь, на котораго Кокоскинъ сначала посмотрѣлъ долгимъ, пристальнымъ взглядомъ и потомъ спросилъ:

— Вы не были у великаго князя?

Въ то время, когда упоминали о великомъ князѣ, то всѣ знали, что это относится къ великому князю Михаилу Павловичу.

— Я прямо явился къ вамъ,—отвѣчалъ Свинынь.

— Кто караульный офицеръ?

— Капитанъ Миллеръ.

Кокоскинъ опять окинулъ Свинына взглядомъ и потомъ сказалъ:

— Вы мнѣ, кажется, что-то прежде иначе говорили.

Свинынь даже не понялъ, къ чему это относится, и промолчалъ, а Кокоскинъ добавилъ:

— Ну, все равно: спокойно почивайте.

Аудіенція кончилась.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Въ часъ пополудни invalidный офицеръ, дѣйствительно, былъ опять потребованъ къ Кокоскину, который очень ласково объявилъ ему, что государь весьма доволенъ, что среди офицеровъ invalidной команды его дворца есть такіе бдительные и самоотверженные люди, и жалуется ему медаль «за спасеніе погибавшихъ». При семъ Кокоскинъ собственноручно вручилъ герою медаль, и тотъ пошелъ щеголять ею. Дѣло, стало-быть, можно было считать совсѣмъ сдѣланнымъ, но подполковникъ Свинынь чувствовалъ въ немъ какую-то незаконченность и почиталъ себя призваннымъ поставить *point sur les i*.

Онъ былъ такъ встревоженъ, что три дня проболѣлъ, а на четвертый всталъ, съѣздивъ въ Петровскій домикъ, отслужилъ благодарственный молебенъ передъ иконою Спасителя и, возвратясь домой съ успокоенною душой, послалъ попросить къ себѣ капитана Миллера.

— Ну, слава Богу. Николай Ивановичъ, — сказалъ онъ

Миллеру: — теперь гроза, надъ нами тяготѣвшая, совсѣмъ прошла и наше несчастное дѣло съ часовымъ совершенно уладилось. Теперь, кажется, мы можемъ вздохнуть спокойно. Всѣмъ этимъ мы, безъ сомнѣнія, обязаны сначала милосердію Божію, а потомъ генералу Кокоскину. Пусть о немъ говорятъ, что онъ и недобрый, и безсердечный, но я исполненъ благодарности къ его великодушію и почтенія къ его находчивости и такту. Онъ удивительно мастерски воспользовался хвастовствомъ этого инвалиднаго пройдохи, котораго, по правдѣ, стоило бы за его наглость не медалью награждать, а на обѣ корки выдрать на конюшнѣ, но ничего иного не оставалось: имъ нужно было воспользоваться для спасенія многихъ, и Кокоскинъ повернулъ все дѣло такъ умно, что никому не вышло ни малѣйшей неприятности,—напротивъ, всѣ очень рады и довольны. Между нами сказать, мнѣ передано черезъ достовѣрное лицо, что и самъ Кокоскинъ мною *очень доволенъ*. Ему было пріятно, что я не поѣхалъ никуда, а прямо явился къ нему, и не спорилъ съ этимъ проходимцемъ, который получилъ медаль. Словомъ, никто не пострадалъ и все сдѣлано съ такимъ тактомъ, что и впередъ опасаться нечего, но маленькій недочетъ есть за нами. Мы тоже должны съ тактомъ послѣдовать примѣру Кокоскина и закончить дѣло съ своей стороны такъ, чтобъ оградить себя на всякій случай впоследствии. Есть еще одно лицо, котораго положеніе не оформлено. Я говорю про рядового Постникова. Онъ до сихъ поръ въ карцерѣ подъ арестомъ и его, безъ сомнѣнія, томить ожиданіе, что съ нимъ будетъ. Надо прекратить и его мучительное томленіе.

— Да, пора!—подсказалъ обрадованный Миллеръ.

— Ну, конечно, и вамъ это всѣхъ лучше исполнить: отправьтесь, пожалуйста, сейчасъ въ казармы, соберите вашу роту, выведите рядового Постникова изъ-подъ ареста и накажите его передъ строемъ двумя стами розогъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Миллеръ изумился и сдѣлалъ попытку склонить Свинына къ тому, чтобы на общей радости совсѣмъ пощадить и простить рядового Постникова, который и безъ того уже много перестрадалъ, ожидая въ карцерѣ рѣшенія того, что ему будетъ; но Свинынъ вспыхнулъ и даже не далъ Миллеру продолжать.

— Нѣтъ,—перебилъ онъ,—это оставьте: я вамъ только что говорилъ о тактѣ, а вы сейчасъ же начинаете безтактность! Оставьте это!

Свиньинъ перемѣнилъ тонъ на болѣе сухой и officialный и добавилъ съ твердостью:

— А какъ въ этомъ дѣлѣ вы сами тоже не совсѣмъ правы и даже очень виноваты, потому что у васъ есть не идущая военному человѣку мягкость, и этотъ недостатокъ вашего характера отражается на субординаціи въ вашихъ подчиненныхъ, то я приказываю вамъ лично присутствовать при экзекуціи и настоять, чтобы сѣченіе было произведено серьезно... какъ можно строже. Для этого извольте распорядиться, чтобы розгами сѣкли молодые солдаты изъ новопривывшихъ изъ арміи, потому что наши старики все заражены на этотъ счетъ гвардейскимъ либерализмомъ: они товарища не сѣкутъ какъ должно, а только блохъ у него за спиною пугаютъ. Я заѣду самъ и самъ посмотрю, какъ виноватый будетъ сдѣланъ.

Уклонения отъ какихъ бы то ни было служебныхъ приказаній начальствующаго лица, конечно, не имѣли мѣста, и мягкосердечный Н. П. Миллеръ долженъ былъ въ точности исполнить приказъ, полученный имъ отъ своего батальоннаго командира.

Рота была выстроена на дворѣ измайловскихъ казармъ, розги принесены изъ запаса въ довольномъ количествѣ и выведенный изъ карцера рядовой Постниковъ «былъ сдѣланъ» при усердномъ содѣйствіи новопривывшихъ изъ арміи молодыхъ товарищей. Эти неспорченные гвардейскимъ либерализмомъ люди въ совершенствѣ выставили на немъ все *point sur les i*, въ полной мѣрѣ опредѣленные ему его батальоннымъ командиромъ. Затѣмъ наказанный Постниковъ былъ поднять и непосредственно отсюда на той же шинели, на которой его сѣкли, перенесенъ въ полковой лазаретъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Батальонный командиръ Свиньинъ, по полученіи донесенія объ исполненіи экзекуціи, тотчасъ же самъ отечески навѣстилъ Постникова въ лазаретѣ и, къ удовольствію своему, самымъ нагляднымъ образомъ убѣдился, что приказаніе его исполнено въ совершенствѣ. Сердобольный и

нервный Постниковъ былъ «сдѣманъ какъ слѣдуетъ». Свинынь остался доволенъ и приказалъ дать отъ себя наказанному Постникову фунтъ сахару и четверть фунта чаю, чтобъ онъ могъ услаждаться, пока будетъ на поправкѣ. Постниковъ, лежа на койкѣ, слышать это распоряженіе о чаѣ и отвѣчалъ:

— Много доволенъ, ваше высококородіе, благодарю за отеческую милость.

И онъ въ самомъ дѣлѣ былъ «доволенъ», потому что, сидя три дня въ карцерѣ, онъ ожидалъ гораздо худшаго. Двѣсти розогъ, по тогдашнему сильному времени, очень мало значили въ сравненіи съ тѣми наказаніями, какія люди переносили по приговорамъ военнаго суда; а такое именно наказаніе и досталось бы Постникову, если бы, къ счастью его, не произошло всѣхъ тѣхъ смѣлыхъ и тактическихъ эволюцій, о которыхъ выше рассказано.

Но число всѣхъ довольныхъ рассказаннымъ происшествіемъ этимъ не ограничилось.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Подъ сурдинкою подвигъ рядового Постникова расплылся по разнымъ кружкамъ столицы, которая въ то время печатной безголосицы жила въ атмосферѣ безконечныхъ сплетень. Въ устныхъ передачахъ имя настоящаго героя—солдата Постникова утратилось, но зато сама эпопея раздулась и приняла очень интересный, романтическій характеръ.

Говорили, будто ко дворцу со стороны Петропавловской крѣпости плыль какой-то необыкновенный пловець, въ котораго одинъ изъ стоявшихъ у дворца часовыхъ выстрѣлилъ и пловца ранилъ, а проходившій инвалидный офицеръ бросился въ воду и спасъ его, за что и получили: одинъ—должную награду, а другой—заслуженное наказаніе. Нелѣпый слухъ этотъ дошелъ и до подворья, гдѣ въ ту пору жилъ осторожный и равнодушный къ «свѣтскимъ событіямъ» владыко, благосклонно благоволившій къ набожному московскому семейству Свиныньныхъ.

Проницательному владыкѣ казалось неяснымъ сказаніе о выстрѣлѣ. Что же это за ночной пловець? Если онъ былъ бѣглый узникъ, то за что же наказанъ часовой, который исполнилъ свой долгъ, выстрѣливъ въ него, когда тотъ

плыль черезъ Неву изъ крѣпости? Если же это не узникъ, а иной загадочный человѣкъ, котораго надо было спасать изъ волнъ Невы, то почему о немъ могъ знать часовой? И тогда опять не можетъ быть, чтобъ это было такъ, какъ о томъ въ мѣрѣ суетлюють. Въ мѣрѣ многое берутъ крайне легкомысленно и «суетлюють», но живущіе въ обителѣяхъ и на подворьяхъ ко всему относятся гораздо серьезнѣе и знаютъ о свѣтскихъ дѣлахъ самое настоящее.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Однажды, когда Свинынь случился у владыки, чтобы принять отъ него благословеніе, высокочтимый хозяинъ заговорилъ съ нимъ «кстати о выстрѣлѣ». Свинынь разказалъ всю правду, въ которой, какъ мы знаемъ, не было ничего похожаго на то, о чемъ повѣствовали «кстати о выстрѣлѣ».

Владыко выслушалъ настоящій разказъ въ молчаніи, слегка шевеля своими бѣленькими четками и не сводя своихъ глазъ съ разказчика. Когда же Свинынь кончилъ, владыко тихо журчащею рѣчью произнесъ:

— Посему надлежитъ заключить, что въ семь дѣлѣ не все и не вездѣ излагалось согласно съ полною истиною?

Свинынь замаялся и потомъ отвѣчалъ съ уклономъ, что докладывалъ не онъ, а генераль Кокоскинъ.

Владыко въ молчаніи перепустилъ нѣсколько разъ четки сквозь свои восковые персты и потомъ молвилъ:

— Должно различать, что есть ложь и что неполная истина.

Опять четки, опять молчаніе и, наконецъ, тихоструйная рѣчь:

— Неполная истина не есть ложь. Но о семь наименьше.

— Это, дѣйствительно, такъ,—заговорилъ поощренный Свинынь.—Меня, конечно, больше всего смущаетъ, что я долженъ былъ подвергнуть наказанію этого солдата, который хотя нарушилъ свой долгъ...

Четки и тихоструйный перебивъ:

— Долгъ службы никогда не долженъ быть нарушенъ.

— Да, но это имъ было сдѣлано по великодушію, по состраданію и притомъ съ такой борьбой и съ опасностью: онъ понималъ, что, спасая жизнь другому человѣку, онъ губить самого себя... Это высокое, святое чувство!

— Святое извѣстно Богу, наказаніе же на тѣлѣ простолюдину не бываетъ губительно и не противорѣчитъ ни обычаю народовъ, ни духу Писанія. Лозу гораздо легче перенести на грубомъ тѣлѣ, чѣмъ тонкое страданіе въ духѣ. Въ семь справедливость отъ васъ нисколько не пострадала.

— Но онъ лишень и награды за спасеніе погибавшихъ.

-- Спасеніе погибающихъ не есть заслуга, во паче долгъ. Кто могъ спасти и не спасъ—подлежитъ карѣ законовъ, а кто спасъ, тотъ исполнилъ свой долгъ.

Пауза, четки и тихоструй:

— Воину претерпѣть за свой подвигъ униженіе и раны можетъ быть гораздо полезнѣе, чѣмъ превозноситься знакомъ. Но что во всемъ семь наибольшее — это то, чтобы хранить о всемъ семь осторожность и отнюдь нигдѣ не упоминать о томъ, кому по какому-нибудь случаю о семь было сказывано.

Очевидно, и владыко былъ доволенъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Если бы я имѣлъ дерзновеніе счастливыхъ избранниковъ Неба, которымъ, по великой ихъ вѣрѣ, дано проникать тайны Божія смотрѣнія, то я, можетъ-быть, дерзнулъ бы дозволить себѣ предположеніе, что, вѣроятно, и самъ Богъ былъ доволенъ поведеніемъ созданной имъ смиренной души Постникова. Но вѣра моя мала; она не даетъ уму моему силы зрѣть столь высокаго: я держусь земного и перстнаго. Я думаю о тѣхъ смертныхъ, которые любятъ добро просто для самаго добра и не ожидаютъ никакихъ наградъ за него, гдѣ бы то ни было. Эти прямые и надежные люди тоже, мнѣ кажется, должны быть вполне довольны святымъ порывомъ любви и не менѣе святымъ терпѣніемъ смиреннаго героя моего точнаго и безыскусственнаго разсказа.

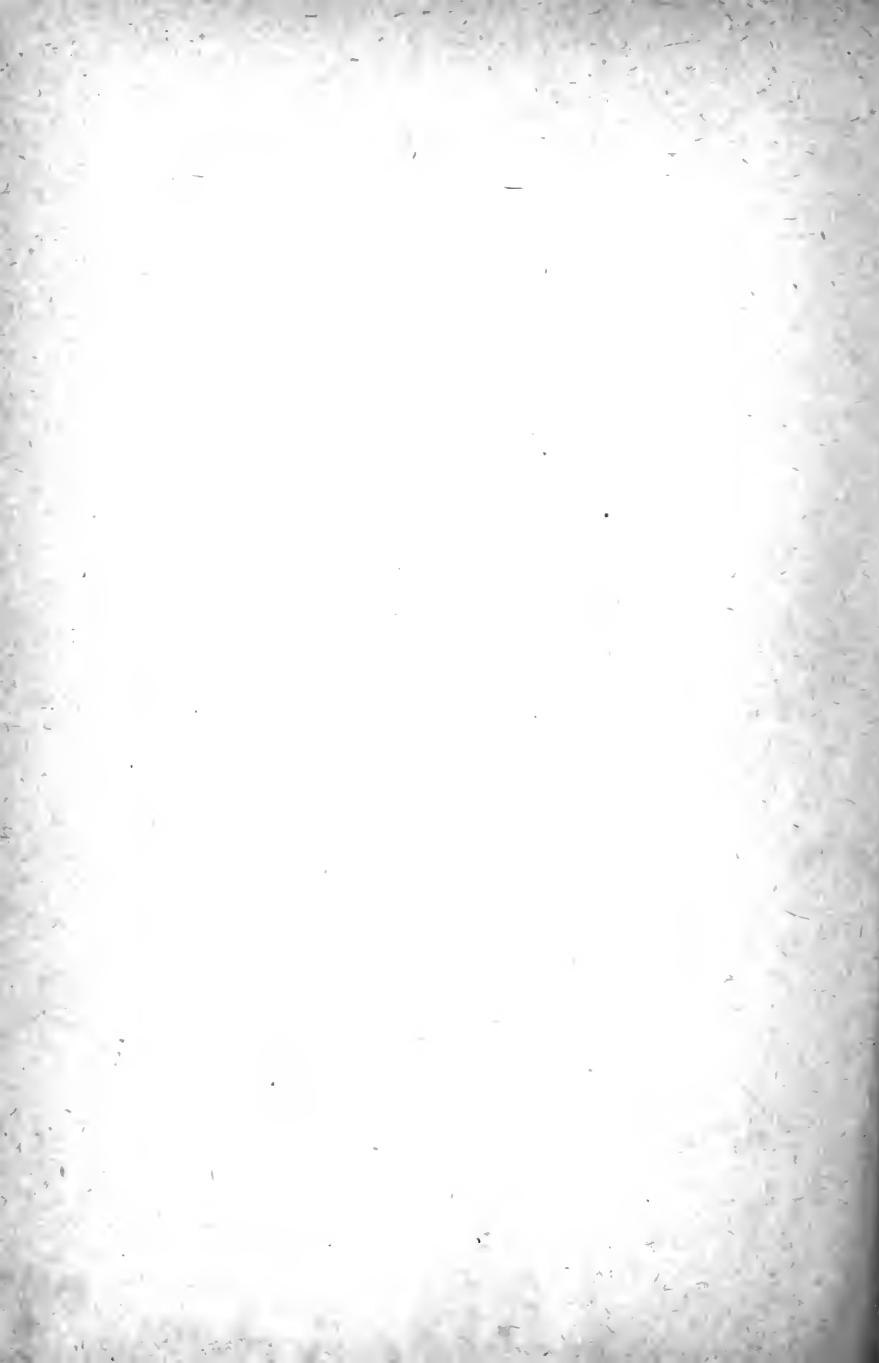

Оглавленіе.

IV ТОМА.

Праведники:

	СТР.
Несмертельный Голованъ	5
Инженеры-безсребренники	51
Львша	109
Человѣкъ на часахъ	142

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. П. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1902.

Типографъ А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мы плыли по Ладожскому озеру отъ острова Коневца къ Валааму и на пути зашли по корабельной надобности въ пристань къ Корелѣ. Здѣсь многіе изъ насъ полюбопытствовали сойти на берегъ и съѣздили на добрыхъ чухонскихъ лошадакъ въ пустынный городокъ. Затѣмъ капитанъ изготавился продолжать путь, и мы снова отплыли.

Послѣ посѣщенія Корелы, весьма естественно, что рѣчь зашла объ этомъ бѣдномъ, хотя и чрезвычайно старомъ русскомъ поселкѣ, грустнѣе котораго трудно что-нибудь выдумать. На суднѣ всѣ раздѣляли это мнѣніе, и одинъ изъ пассажировъ, человекъ склонный къ философскимъ обобщеніямъ и политической шутливости, замѣтилъ, что онъ никакъ не можетъ понять: для чего это неудобныхъ въ Петербургѣ людей принято отправлять куда-нибудь въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста, отчего, конечно, происходитъ убытокъ казнѣ на ихъ провозъ, тогда какъ тутъ же, вблизи столицы, есть на Ладожскомъ берегу такое превосходное мѣсто, какъ Корела, гдѣ любое вольномысліе и свободомысліе не могутъ устоять передъ апатіею населенія и ужасною скукою гнетущей, скупой природы.

— Я увѣренъ,—сказалъ этотъ путникъ:—что въ настоящемъ случаѣ непременно виновата рутинна, или въ крайнемъ случаѣ, можетъ-быть, недостатокъ подлежащихъ свѣдѣній.

Кто-то, часто здѣсь путешествующій, отвѣтилъ на это, что будто и здѣсь разновременно жилали какіе-то изгнанники, но только всѣ они недолго будто выдерживали.

— Одинъ молодецъ изъ семинаристовъ сюда за грубость въ дьячки былъ присланъ (этого рода ссылки я уже и понять не могъ). Такъ прїѣхавши сюда, онъ долго храбрился и все надѣялся какое-то судбище поднять; а потомъ, какъ запылъ, такъ до того пылъ, что совсѣмъ съ ума сошелъ и послалъ такую просьбу, чтобы его лучше какъ можно скорѣе велѣли «разстрѣлять, или въ солдаты отдать, а за неспособность повѣсить».

— Какая же на это послѣдовала резолюція?

— М... н... не знаю право; только онъ все равно этой резолюціи не дождался: самовольно повѣсился.

— И прекрасно сдѣлать,—откликнулся философъ.

— Прекрасно?—переспросилъ рассказчикъ, очевидно купецъ и притомъ человекъ солидный и религіозный.

— А что же? по крайней мѣрѣ умеръ и концы въ воду.

— Какъ же концы въ воду-съ? А на томъ свѣтѣ что ему будетъ? Самоубійцы, вѣдь они цѣлый вѣкъ будутъ мучиться. За нихъ даже и молиться никто не можетъ.

Философъ ядовито улыбнулся, но ничего не отвѣтилъ, но зато и противъ него, и противъ купца выступилъ новый оппонентъ, неожиданно вступившійся за дьячка, совершившаго надъ собою смертную казнь безъ разрѣшенія начальства.

Это былъ новый пассажиръ, который ни для кого изъ насъ незамѣтно прїѣхалъ съ Конева. Онъ до сихъ поръ молчалъ, и на него никто не обращалъ никакого вниманія, но теперь всѣ на него оглянулись и, вѣроятно, всѣ подивились: какъ онъ могъ до сихъ поръ оставаться незамѣченнымъ. Это былъ человекъ огромнаго роста, съ смуглымъ, открытымъ лицомъ и густыми, волнистыми волосами свинцоваго цвѣта: такъ странно отливала его просѣдь. Онъ былъ одѣтъ въ послушничьемъ подрясникѣ, съ широкимъ монастырскимъ ременнымъ поясомъ и въ высокомъ, черномъ суконномъ колпачкѣ. Послушникъ онъ былъ, или постриженный монахъ — этого отгадать было невозможно, потому что монахи Ладожскихъ острововъ не только въ путешествіяхъ, но и на самыхъ островахъ не всегда надѣваютъ камилавки, а въ сельской простотѣ ограничиваются колпачками. Этому новому нашему спутнику, оказавшемуся впоследствии чрезвычайно интереснымъ человекомъ, по виду можно было дать съ небольшимъ лѣтъ за пятьдесятъ; но

онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова богатырь, и притомъ типическій, простодушный, добрый русскій богатырь, напоминающій дѣдушку Илью Муромца въ прекрасной картинѣ Верещагина и въ поэмѣ графа А. К. Толстого. Казалось, что ему бы не въ ряскахъ ходить, а сидѣть бы ему на «чубаромъ» да ѣздить въ лаптищахъ по лѣсу и лѣнливо нюхать, какъ «смолой и земляничкой пахнетъ темный боръ».

Но, при всемъ этомъ добромъ простодушии, немного надо было наблюдательности, чтобы видѣть въ немъ человѣка много видѣвшаго и, что называется, «бывалаго». Онъ держался смѣло, самоувѣренно, хотя и безъ непріятной развязности, и заговорилъ пріятнымъ басомъ съ повадкою:

— Это все ничего не значитъ, — началъ онъ, лѣнливо и мягко выпуская слово за словомъ изъ-подъ густыхъ, вверхъ по-гусарски закрученныхъ сѣдыхъ усовъ. — Я, что вы насчетъ того свѣта для самоубійцевъ говорите, что они будто никогда не простятся, не приѣмлю. И что за нихъ будто некому молиться—это тоже пустяки. потому что есть такой человѣкъ, который все ихъ положеніе самымъ легкимъ манеромъ очень просто можетъ поправить.

Его спросили: кто же это такой человѣкъ, который вѣдаетъ и исправляетъ дѣла самоубійць послѣ ихъ смерти?

— А вотъ кто-съ, — отвѣчалъ богатырь-черноризецъ:— есть въ московской епархіи въ одномъ селѣ попикъ,—прегорчающій пьяница, котораго чуть было не разстригли,—такъ онъ ими орудуетъ.

— Какъ же вамъ это извѣстно?

— А помилуйте-съ, это не я одинъ знаю, а всѣ въ московскомъ округѣ про то знаютъ, потому что это дѣло шло черезъ самого высокопреосвященнаго митрополита Филарета.

Вышла маленькая пауза, и кто-то сказалъ, что все это довольно сомнительно.

Черноризецъ нимало не обидѣлся этимъ замѣчаніемъ и отвѣчалъ:

— Да-съ, оно по первому взгляду такъ-съ, сомнительно-съ. И что тутъ удивительнаго, что оно намъ сомнительнымъ кажется, когда даже сами его высокопреосвященство долго этому не вѣрили, а потомъ, получивъ вѣрныя тому доказательства, увидали, что нельзя этому не вѣрить, и повѣрили.

Пассажиры пристали къ иноку съ просьбою рассказать

эту дивную исторію, и онъ отъ этого не отказался и началъ слѣдующее:

— Повѣствуютъ такъ, что пишеть будто бы разъ одинъ благочинный высокопреосвященному владыкѣ, что будто бы, говоритъ, такъ и такъ, этотъ попикъ ужасная пьяница, — ньетъ вино и въ приходѣ не годится. И оно, это донесеніе, по одной сущности было справедливо. Владыко и велѣли прислать къ нимъ этого попика въ Москву. Посмотрѣли на него и видятъ, что, дѣйствительно, этотъ попикъ заливашка, и рѣшили, что быть ему безъ мѣста. Попикъ огорчился и даже пересталъ пить, и все убивается и оплакиваетъ: «до чего, думаетъ, я себя довелъ, и что мнѣ теперь больше дѣлать, какъ не руки на себя наложить? Это одно, говоритъ, мнѣ только и осталось: тогда, по крайней мѣрѣ, владыко сжалятся надъ моею несчастною семьею и дочери жениха дадутъ, чтобы онъ на мое мѣсто заступилъ и семью мою питалъ». Вотъ и хорошо: такъ онъ порѣшилъ настоятельно себя кончить и день къ тому опредѣлилъ, но только какъ былъ онъ человѣкъ доброй души, то подумалъ: «хорошо же; умереть-то я, положимъ, умру, а вѣдь я не скотина: я не безъ души, — куда потомъ моя душа пойдетъ?» И сталъ онъ отъ этого часу еще больше скорбѣть. Ну, хорошо: скорбѣть онъ и скорбѣть, а владыко рѣшили, что быть ему за его пьянство безъ мѣста, и легли однажды послѣ трапезы на диванчикъ съ книжкой отдохнуть и заснули. Ну, хорошо: заснули они или этакъ только воздремали, какъ вдругъ видятъ, будто къ нимъ въ келію двери отворяются. Они и окликнули: «кто тамъ?» потому что думали, будто служба имъ про кого-нибудь доложить пришла; анъ, вмѣсто служки, смотрятъ — входитъ старецъ, добрый-предобрый, и владыко его сейчасъ узнали, что это преподобный Сергій.

Владыко и говорятъ:

— Ты ли это, пресвятой отче Сергіе?

А угодникъ отвѣчаетъ:

— Я, рабъ Божій Филаретъ.

Владыко спрашиваютъ:

— Что же твоей чистотѣ угодно отъ моего недостойнства?

А святой Сергій отвѣчаетъ:

— Милости хочу.

— Кому же повелишь явить се?

А угодникъ и наименовалъ того пошпка, что за пьянство мѣста лишень, и самъ удаллся; а владыко проснулись и думаютъ: «къ чему это причестъ: простой это сонъ, или мечтаніе, или духоводительное видѣніе?» И стали они размышлять и, какъ мужъ ума во всемъ свѣтѣ именитаго, находятъ, что это простой сонъ, потому что статочное ли дѣло, что святой Сергій, постникъ и добраго, строгаго житія блюститель, ходатайствовалъ объ іереѣ слабомъ, творящемъ житіе съ небреженіемъ. Ну-съ, хорошо: разсудили такъ его высокопреосвященство и оставили все это дѣло естественному онаго теченію, какъ было начато, а сами провели время, какъ имъ надлежало, и отошли опять въ должный часъ ко сну. Но только что они снова опочили, какъ снова видѣніе, и такое, что великій духъ владыки еще въ большее смятеніе повергло. Можете вообразить: грохотъ... такой странный грохотъ, что ничѣмъ его невозможно выразить... Скачуть... числа имъ нѣтъ сколько рыцарей... несутся, всѣ въ зеленомъ убранствѣ, латы и перья, и кони, что львы вороные, а впереди ихъ горделивый стратопедархъ въ такомъ же уборѣ, и куда помахнетъ темнымъ знаменемъ, туда всѣ и скачуть, а на знамени змѣй. Владыко не знаютъ, къ чему этотъ поѣздъ, а оный горделивецъ командуетъ: «терзайте, говорить, ихъ: теперь нѣтъ ихъ молитвенника», и проскакалъ мимо; а за нимъ стратопедархомъ — его воины, а за ними, какъ стая весеннихъ гусей тощихъ, потянулись скучныя тѣни и все киваютъ владыкѣ грустно и жалостно, и все сквозь плачь тихо стонуть: «отпусти его! — онъ одинъ за насъ молится». Владыко, какъ изволили встать, сейчасъ посылаютъ за пьянымъ пошпкомъ и разспрашиваютъ: какъ и за кого онъ молится? А пошъ по бѣдности духовной весь передъ святителемъ растерялся и говорить: «я, владыко, какъ положено, совершаю». И насилу его высокопреосвященство добились, что онъ повинился: «вниовать, говорить, въ одномъ, что самъ, слабость душевную имѣя и отъ отчаянія думая, что лучше жизни себя лишить, я всегда на святой проскомидіи за безъ покаянія скончавшихся и руки на ся наложившихъ молюсь...» Ну, тутъ владыко и поняли, что то за тѣни предъ нимъ въ видѣніи какъ тощіе гуси плыли, и не восхотѣли радовать тѣхъ демоновъ, что впереди ихъ спѣшили съ губительствомъ, и благословили пошпка: «ступай,

изволили сказать, и къ тому не согрѣшай, а за кого молился — молись», и опять его на мѣсто отправили. Такъ вотъ онъ, этакій человекъ, всегда таковымъ людямъ, что жизни боренія не переносятъ, можетъ быть полезенъ, ибо онъ уже отъ дерзости своего призванія не отступитъ и все будетъ за нихъ Создателю догучать, и Тотъ долженъ будетъ ихъ простить.

— Почему же «долженъ»?

— А потому, что «толщитесь»; вѣдь это отъ Него же самого повелѣно, такъ вѣдь уже это не перемѣнится же-съ.

— А скажите, пожалуйста, кромѣ этого московскаго священника, за самоубійецъ развѣ никто не молится.

— А не знаю, право, какъ вамъ на это что доложить? Не слѣдуетъ, говорятъ, будто бы за нихъ Бога просить, потому что они самоуправцы, а впрочемъ, можетъ-быть, иные, сего не понимая, и о нихъ молятся. На Троицу, не то на Духовъ день, однако, кажется, даже всѣмъ позволено за нихъ молиться. Тогда и молитвы такія особенныя читаются. Чудесныя молитвы, чувствительныя; кажется, всегда бы ихъ слушалъ.

— А ихъ нельзя развѣ читать въ другіе дни?

— Не знаю-съ. Объ этомъ надо спросить у кого-нибудь изъ начитанныхъ: тѣ, думается, должны бы знать; да какъ мнѣ это ни къ чему, такъ и не доводилось объ этомъ говорить.

— А въ служеніи вы не замѣчали, чтобы эти молитвы когда-нибудь повторялись?

— Нѣтъ-съ, не замѣчалъ; да вы, впрочемъ, на мои слова въ этомъ не полагайтесь, потому что вѣдь я у службы рѣдко бываю.

— Отчего же это?

— Занятія мои мнѣ не позволяютъ.

— Вы іеромонахъ, или іеродіаконъ?

— Нѣтъ, я еще просто въ рясофорѣ.

— Все же вѣдь уже это, значить, вы инокъ?

— Н... да-съ; вообще это такъ почитаютъ

— Почитать-то почитаютъ,—отозвался на это купецъ:— но только изъ рясофора-то еще можно и въ солдаты лобъ забрить.

Богатырь-черноризецъ нимало этимъ замѣчаніемъ не обидѣлся, а только пораздумалъ немножко и отвѣчалъ:

— Да, можно, и, говорятъ, бывали такіе случаи; но только я уже старъ: пятьдесятъ третій годъ живу, да и мнѣ военная служба не въ диковину.

— Развѣ вы служили въ военной службѣ?

— Служилъ-съ.

— Что же, ты изъ ундеровъ, что ли? — снова спросилъ его купецъ.

— Нѣтъ, не изъ ундеровъ.

— Такъ кто же: солдатъ или вахтеръ, или помазокъ — чей возокъ?

— Нѣтъ, не угадали: но только я настоящій военный при полковыхъ дѣлахъ былъ почти съ самаго дѣтства.

— Значитъ, кантонистъ? — сердясь добивался купецъ.

— Опять же нѣтъ.

— Такъ прахъ же тебя разбереть, кто же ты такой?

— Я конэсеръ.

— Что-о-о тако-о-е?

— Я конэсеръ-съ, конэсеръ, или, какъ простонароднѣе выразить, я въ лошадяхъ знатокъ и при ремонтерахъ состоялъ для ихъ руководствованія.

— Вотъ какъ!

— Да-съ, не одну тысячу коней отобралъ и отъѣздилъ. Такихъ звѣрей отучалъ, каковыя, напримѣръ, бываютъ, что встаетъ на дыбы да со всего духу навзничъ бросается и сейчасъ сѣдоку сѣдельною лукою можетъ грудь проломить, а со мной этого ни одна не могла.

— Какъ же вы такихъ усмиряли?

— Я... я очень просто, потому что я къ этому отъ природы своей особенное дарованіе получилъ. Я какъ вскочу, сейчасъ, бывало, не дамъ лошади опомниться, лѣвою рукою ее со всей силы за ухо да въ сторону, а правую кулакомъ между ушей по башкѣ, да зубами страшно на нее закриплю, такъ у нея, у иной, даже инда мозгъ изъ-лба въ ноздряхъ вмѣстѣ съ кровью покажется, — она и усмирѣеть.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ сойдешь, оглядишь, дашь ей въ глаза себѣ налюбоваться, чтобы въ памяти у нея хорошее воображеніе осталось, да потомъ сядешь опять и поѣдешь.

— И лошадь послѣ этого смирно идетъ?

— Смирно пойдетъ, потому лошадь умна, она чувствуетъ, какой человекъ съ ней обращается и какихъ онъ насчетъ

ея мыслей. Меня, наиримѣрь, лошадь въ этомъ разсужденіи всякая любила и чувствовала. Въ Москвѣ, въ манежѣ, одинъ конь былъ, совсѣмъ у всѣхъ наѣздивковъ отъ рукъ отбился и изучилъ, профанъ, такую манеру, чтобы за колѣни сѣдока ѣсть. Просто, какъ чортъ, схватить зубищами, такъ всю колѣнную чашку и выцелушить. Отъ него много людей погибло. Тогда въ Москву англичанинъ Рарей пріѣзжалъ, — «бѣшенный усмиритель» онъ назывался, — такъ она, эта подлая лошадь, даже и его чуть не съѣла, а въ позоръ она его все-таки привела; но онъ тѣмъ отъ нея только и уцѣлѣлъ, что, говорить, стальной наколѣнникъ имѣлъ, такъ что она его хотя и ѣла за ногу, но не могла прокусить и сбросила, а то бы ему смерть; а я ее направилъ какъ должно.

— Разскажите, пожалуйста, какъ же вы это сдѣлали?

— Съ Божіею помощію-съ, потому что, повторяю вамъ, я къ этому даръ имѣю. Минстеръ Рарей этотъ, что называется «бѣшенный укротитель», и прочіе, которые за этого коня брались, все искусство противу его злобности въ поводахъ держали, чтобы не допустить ему ни на ту, ни на другую сторону баникой мотнуть; а я совсѣмъ противное тому средство избобрѣлъ: я, какъ только англичанинъ Рарей отъ этой лошади отказался, говорю: «ничего, говорю: — это самое пустое, потому что этотъ конь ничего больше, какъ бѣсомъ одержимъ». Англичанинъ этого не можетъ постичь, а я постигну и помогу. Начальство согласилось. Тогда я говорю: «выведите его за Драгомиловскую заставу!» Вывели. Хорошо-съ; свели мы его въ поводьяхъ въ лошину къ Флямъ, гдѣ лѣтомъ господа на дачахъ живутъ. Я вижу: тутъ мѣсто просторное и удобное, и давай дѣйствовать. Съѣлъ на него, на этого людоеда, безъ рубахи, босой, въ однихъ шароварахъ, да въ картузѣ, а по голому тѣлу имѣлъ тесменный поясокъ отъ святого, храбраго князя Всеволода-Гавриила изъ Новгорода, котораго я за молодечество его сильно уважалъ и въ него вѣрилъ; а на томъ пояскѣ его надшсь заткана: *«чести моеи никому не отдамъ»*. Въ рукахъ же у меня не было никакого особаго инструмента, какъ oprичъ въ одной — крѣпкая татарская нагайка съ свинцовымъ головкомъ, въ концѣ такъ не болѣе, яко въ два фунта, а въ другой — простой муравный горшокъ съ жидкимъ тѣстомъ. Ну-съ, усѣлся я, а четверо человекъ тому коню морду поводьями въ разныя стороны

тащутъ, чтобы онъ на котораго-нибудь изъ нихъ зубомъ не кинулся. А опъ, бѣсь, видя, что на него ополчаемся, и ржетъ, и визжитъ, и потѣетъ, и весь отъ злости трусится, сожрать меня хочетъ. Я это вижу и велю конюхамъ: «тащите, говорю, скорѣе съ него, мерзавца, узду долой». Тѣ ушамъ не вѣрятъ, что я имъ такое даю приказаніе, и глаза выпучили. Я говорю: «Что же вы стоите! или не слышите? Что я вамъ приказываю—то вы сейчасъ исполнять должны!» А они отвѣчаютъ: «что ты, Иванъ Северьянычъ (меня въ міру Иванъ Северьянычъ, господинъ Флягинъ, звали): какъ, говорятъ, это можно, что ты велишь узду снять?» Я на нихъ сердиться началъ, потому что наблюдаю и чувствую въ ногахъ, какъ конь отъ ярости бѣсится, и его хорошенько подавилъ въ колѣняхъ, а имъ кричу: «снимай!» Они было еще слово; но тутъ уже и я совсѣмъ разсвирѣпѣлъ, да какъ заскриплю зубами—они сейчасъ въ одно мгновеніе узду сдернули, да сами, кто куда видить, бросились бѣжать, а я ему въ ту же минуту сейчасъ первое, чего онъ не ожидалъ, трахъ горшокъ объ лобъ: горшокъ разбилъ, а тѣсто ему и потекло и въ глаза, и въ ноздри. Онъ испужался, думаетъ: «что это такое?» А я скорѣе схватилъ съ головы картузь въ лѣвую руку и прямо имъ коню еще больше на глаза тѣста натираю, а нагайкой его по боку щѣлкъ... Онъ ёкъ да впередъ, а я его картузомъ по глазамъ тру, чтобы ему совсѣмъ зрѣніе въ глазахъ замутить, а нагайкой еще по другому боку... Да и пошелъ, да и пошелъ его парить. Не даю ему ни продохнуть, ни проглянуть, все ему своимъ картузомъ по мордѣ тѣсто размазываю, слѣблю; зубнымъ скрежетомъ въ трепеть привожу, пугаю, а по бокамъ съ обѣихъ сторонъ нагайкой деру, чтобы понималъ, что это не шутка... Онъ это понялъ и не сталъ на одномъ мѣстѣ упорствовать, а ударился меня носить. Носилъ онъ меня, сердечный, носилъ, а я его поролъ да поролъ, такъ что чѣмъ усерднѣе онъ носится, тѣмъ и я для него еще ревностнѣе плетью стараюсь, и наконецъ, оба мы отъ этой работы стали уставать: у меня плечо ломить и рука не поднимается, да и онъ, смотрю, уже пересталъ коситься и языкъ изъ рта вонъ посунулъ. Ну, тутъ я вижу, что онъ пардону просить, поскорѣе съ него сошелъ, протеръ ему глаза, взялъ за вихорь и говорю: «стой, собачье мясо, песья снѣдь!» да какъ дерну его книзу—онъ

на колѣни передо мною и палъ, и съ той поры такой скромникъ сдѣлался, что лучше требовать не надо: и садиться давался, и ѣздилъ, но только скоро издохъ.

— Издохъ однако?

— Издохъ-съ; гордая очень тварь былъ, поведеніемъ смирился, но характера своего, видно, не могъ преодолѣть. А господинъ Рарей меня тогда, объ этомъ прослышавъ, къ себѣ въ службу приглашалъ.

— Что же, вы служили у него?

— Нѣтъ-съ.

— Отчего же?

— Да какъ вамъ сказать! Первое дѣло, что я вѣдь былъ конэсеръ и больше къ этой части привыкъ—для выбора, а не для отъѣздки, а ему нужно было только для одного бѣшенанаго усмирительства, а второе, что это съ его стороны, какъ я полагаю, была одна коварная хитрость.

— Какая же?

— Хотѣлъ у меня секретъ взять.

— А вы бы ему продали?

— Да, я бы продалъ.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало?

— Такъ... онъ самъ меня, должно быть, испугался.

— Расскажите, сдѣлайте милость, чтѣ это еще за исторія?

— Никакой-съ особенной исторіи не было, а только онъ говоритъ: «открой мнѣ, братецъ, твой секретъ, — я тебѣ большія деньги дамъ и къ себѣ въ конэсеры возьму». Но какъ я никогда не могъ никого обманывать, то и отвѣчаю: «какой же секретъ?— это глупость». А онъ все съ аглицкой, ученой точки беретъ, и не повѣрилъ; говоритъ: «ну, если ты не хочешь такъ, въ своемъ видѣ, открыть, то давай съ тобою вмѣстѣ ромъ пить». Послѣ этого мы пили вдвоемъ съ нимъ очень много рому, до того, что онъ раскраснѣлся и говоритъ, какъ умѣлъ: «ну, теперь, молю, открывай, чтѣ ты съ конемъ дѣлалъ?» А я отвѣчаю: «вотъ что...» да глянулъ на него какъ можно пострашнѣе и зубами заскрипѣлъ, а какъ горшка съ тѣстомъ на ту пору при себѣ не имѣлъ, то взялъ да для примѣру стаканомъ на него размахнулъ, а онъ вдругъ, это видя, какъ нырнетъ—и спустился подъ столъ, да потомъ какъ шаркнетъ въ двери, да и былъ таковъ, и негдѣ его стало и искать. Такъ съ тѣхъ поръ мы съ нимъ уже и не видались.

— Поэтому вы къ нему и не поступили?

— Поэтому-съ. Да и какъ же поступить, когда онъ съ тѣхъ поръ даже встрѣтить меня опасался? А я бы очень къ нему тогда хотѣлъ, потому что онъ мнѣ, пока мы съ нимъ на ромъ на этомъ состязались, очень понравился; но вѣрно своего пути не обѣжишь, и надо было другому призванію послѣдовать.

— А вы что же почитаете своимъ призваніемъ?

— А не знаю, право, какъ вамъ сказать... Я вѣдь много что происходилъ; мнѣ доводилось быть-съ и на коняхъ, и подь конями, и въ плѣну былъ, и воевалъ, и самъ людей билъ, и меня увѣчили, такъ что, можетъ-быть, не всякій бы вынесъ.

— А когда же вы въ монастырь пошли?

— Это недавно-съ, всего нѣсколько лѣтъ послѣ всей прошедшей моей жизни.

— И тоже призваніе къ этому почувствовали?

— М... н... н... не знаю, какъ это объяснить... впрочемъ, надо полагать, что имѣлъ-съ.

— Почему же вы это такъ... какъ будто не навѣрное говорите?

— Да потому, что какъ же навѣрное сказать, когда я всей моей обширной протекшей жизненности даже обнять не могу?

— Это отчего?

— Оттого-съ, что я многое даже не своею волею дѣлалъ.

— А чьею же?

— По родительскому обѣщанію.

— И что же такое съ вами происходило по родительскому обѣщанію?

— Всю жизнь свою я погибалъ и никакъ не могъ погибнуть.

— Будто такъ?

— Именно такъ-съ.

— Расскажите же намъ, пожалуйста, вашу жизнь.

— Отчего же, что вспомню, то, извольте, могу рассказать, но только я иначе не могу-съ, какъ съ самаго первоначала.

— Сдѣлайте одолженіе. Это тѣмъ интереснѣе будетъ.

— Ну, ужъ не знаю-съ, будетъ ли это сколько-нибудь интересно, а извольте слушать.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Бывшій консервь Иванъ Северьянычъ, господинъ Флягинъ, началъ свою повѣсть такъ:

— Я родился въ крѣпостномъ званіи и происхожу изъ дворовыхъ людей графа К. изъ орловской губерніи. Тешерь эти имѣнія при молодыхъ господахъ расплылись, но при старомъ графѣ были очень значительны. Въ селѣ Г., гдѣ самъ графъ изволилъ жить, былъ громадный великій домна, флигеля для приѣзду, театръ, особая кегельная галерея, псарня, живые медвѣди на столбѣ сидѣли, оранжерен, сады, свои пѣвчіе концерты пѣли, свои актеры всякія сцены представляли; были свои ткацкія и всякія свои мастерства содержались; но болѣе всего обращалось вниманіе на конный заводъ. Ко всякому дѣлу были, приставлены особые люди, но конюшенная часть была еще въ особомъ вниманіи и все равно какъ въ военной службѣ отъ солдата въ прежнія времена кантонистъ происходилъ, чтобы сражаться, такъ и у насъ отъ кучера шелъ кучеренокъ, чтобы ѣздить, отъ конюха — конюшонокъ, чтобы за лошадыи ходить, а отъ кормового мужика кормовикъ, чтобы съ гумна на ворки кормъ возить. Мой родитель былъ кучерь Северьянъ, и хотя приходился онъ не изъ самыхъ первыхъ кучеровъ, потому что у насъ ихъ было большое множество; но, однако, онъ шестерикомъ правилъ, и въ царскіи проѣздъ одинъ разъ въ седьмомъ номерѣ былъ и старинною синею ассигнаціею жалованъ. Отъ родительницы своей я въ самомъ юномъ сиротствѣ остался и ее не помню, потому какъ я былъ у нея *молитвенный сынъ*, значить, она, долго дѣтей не имѣя, меня себѣ у Бога все выпрашивала, и какъ выпросила, такъ сейчасъ же, меня породивши, и умерла, оттого, что я произшелъ на свѣтъ съ необыкновенною большою головою, такъ что меня поэтому и звали не Иванъ Флягинъ, а просто *Голованъ*. Живучи при отцѣ на кучерскомъ дворѣ, всю жизнь свою я проводилъ на конюшнѣ, и тутъ я постигъ тайну познанія въ животномъ и, можно сказать, возлюбилъ коня, потому что маленькимъ еще на четверенькахъ я у лошадей промежъ ногъ ползаль и онѣ меня не увѣчили, а подросъ — такъ и совсѣмъ съ ними спознался. Заводъ у насъ былъ отдѣльно, — конюшни отдѣльно, и мы, конюшенные люди, до завода не касались, а получали оттуда готовыхъ воспи-

тѣмковъ и обучали ихъ. У насъ у всякаго кучера съ фореиторомъ были шестерикки и все разныхъ сортовъ: вятки, казанки, калмыки, битюгскіе, донскіе,—все это были изъ при-водныхъ коней, которые по ярмаркамъ покупались, а то, раз-умѣется, больше было своихъ заводскихъ, но про этихъ говорить не стоить, потому что заводскіе кони смиренные и ни сильнаго характера, ни фантазиі веселой не имѣютъ; а вотъ эти дикари, это ужасные были звѣри. Покупаетъ ихъ, бывало, графъ прямо цѣлыми косяками, какъ есть весь табунъ, дешево, рублей по восьми, по десяти за голову, ну и какъ скоро мы ихъ домой пригонимъ, сейчасъ начинаемъ ихъ школить. Ужасно противляются. Половина даже, бывало, подохнуть, а воспитанію не поддаются: стоять на дворѣ—все дивятся и даже отъ стѣнъ шарахаются, а все только на небо, какъ птицы, глазами косятъ. Даже иногда жалость, глядя на много, возьметъ, потому что видишь, что вотъ такъ бы онъ, кажется, сердечный, и улетѣлъ, да крылышекъ у него нѣтъ... И овса или воды изъ корыта ни за что по перво-началу ни пить, ни ѣсть не станеть, и такъ все сохнетъ, сохнетъ, пока изведется совсѣмъ и околѣетъ. Иногда этой траты бываетъ болѣе, какъ на половину того, что купимъ, а особенно изъ киргизскихъ. Ужасно они степную волю любятъ. Но зато, которые оборкаются и останутся жить, изъ тѣхъ тоже не малое число, учивши, покаратьчить при-дется, потому что на ихъ дикость одно средство—строгость, но зато уже которые все это воспитаніе и науку вынесутъ, такъ изъ этихъ такая отборность выходитъ, что никогда съ ними никакой заводской лошади не сравнится по ѣздо-вой добродѣтели.

Родитель мой, Северьянъ Иванычъ, правилъ киргизскимъ шестерикомъ, а когда я подросъ, такъ меня къ нему въ этотъ же шестерикъ фореиторомъ посадили. Лошади были жестокия, не то, что нынѣшнія какія-нибудь кавалерійскія, что для офицеровъ берутъ. Мы этихъ офицерскихъ кофи-шенками звали потому, что на нихъ нѣтъ никакого удо-вольствія ѣхать, такъ какъ на нихъ офицеры даже могутъ сидѣть, а тѣ были просто звѣрь, аспидъ и василискъ, все вмѣстѣ: морды эти однѣ чего стоили, или оскаль, либо но-жищи, или гривье... ну, то-есть, просто сказать ужасть! Устали онѣ никогда не знали; не только что восемьдесятъ, а даже сто и сто пятнадцать верстъ изъ деревни до Ора

или назадъ домою такимъ же манеромъ, это имъ, бывало, безъ отдыха нипочемъ сдѣлать. Какъ разнесутся, такъ только гляди, чтобы мимо не пролетѣли. А мнѣ въ ту пору, какъ я на фореиторскую подсѣдельную сѣлъ, было еще всего одиннадцать лѣтъ и голосъ у меня былъ настоящій такой, какъ по тогдашнему приличію для дворянскихъ фореиторовъ требовалось: самый пронзительный, звонкій и до того продолжительный, что я могъ это «ддиди-и-и-ттты-о-о» завести и полчаса этакъ звенѣть; но въ тѣлѣ своемъ силами я еще не могучъ былъ, такъ что дальніе пути не могъ свободно верхомъ переносить и меня еще присѣдывали къ лошади, то-есть къ сѣдлу и къ подпругамъ, ко всему ремнями умотаютъ и сдѣлаютъ такъ, что упасть нельзя. Расколотить на смерть и даже не одинъ разъ сомлѣешь и чувство потеряешь, а все въ своей позиціи верхомъ ѣдешь, и опять, наскучивъ мотаться, въ себя придешь. Должность не легкая, за дорогу, бывало, нѣсколько разъ такіа перемѣны происходить, то ослабѣешь, то исправишься, а дома отъ сѣдла совсѣмъ уже какъ неживого отрѣшати, положить и стануть давати хрѣнь нюхать; ну, а потомъ привыкъ и все это нипочемъ сдѣлалось; еще, бывало, ѣдешь да все норовишь какого-нибудь встрѣчнаго мужика кнутомъ по рубахѣ вытянуть. Это фореиторское озорство уже извѣстно. Вотъ этакъ мы разъ и ѣдемъ съ графомъ въ гости. Погода лѣтняя, прекрасная, и графъ сидятъ съ собакою въ открытой коляскѣ, батюшка четверней править, а я впереди задуваю, а дорога тутъ съ большака свертываетъ и идетъ особый поворотъ верстъ на пятнадцать къ монастырю, который называется П... пѹстынь. Дорожку эту монахи справили, чтобы заманчивѣе къ нимъ ѣздить было: преестественно, тамъ на казенной дорогѣ нечисть и ракиты, одни корявые прутья торчатъ; а у монаховъ къ пѹстынѣ дорожка въ чистотѣ, разметена вся и подчищена и по краямъ сажеными березками обросла и отъ тѣхъ березъ такая зелень и духъ, а вдалѣ полевой видъ обширный... Словомъ сказать,—столь хорошо, что вотъ такъ бы при всемъ этомъ и вскрикнуть, а кричать, разумѣется, безъ пути нельзя, такъ я и держусь, скачу; но только вдругъ на третьей или четвертой верстѣ не доѣзжая монастыря, стало этакъ клонить подо взволочекъ и вдругъ я завидѣлъ тутъ впереди себя малую точку... что-то ползеть

по дорогѣ, какъ ежикъ. Я обрадовался этому случаю и изо всей силы затянулъ «ддд-и-и-и-т-т-т-ы-о-о», и съ версту все это звучалъ и до того разгорѣлся, что какъ стали мы нагонять парный возъ, на кого я кричалъ-то, я и сталъ въ стременахъ подниматься и вижу, что человекъ лежитъ на сѣнѣ на возу и какъ его вѣрно пріятно на свѣжемъ повѣтріи солнышкомъ пригрѣло, то онъ, ничего не опасаяся, крѣпко-прекрѣпко спитъ, такъ сладко вверхъ спиною раскинулся и даже руки врозь разложилъ, точно возъ обнимаетъ. Я вижу, что уже онъ не свернетъ, взялъ въ сторону, да поровнявшись съ нимъ, стоя на стременахъ, впервые тогда заскрипѣлъ зубами, да какъ полосну его во всю мочь вдоль спины кнутомъ. Его лошади какъ подхватятъ съ возомъ подъ гору, а онъ сразу какъ взметнется, старенькій этакой, вотъ въ такомъ, какъ я нынѣ, въ послушничьемъ колпачкѣ и лицо какое-то такое жалкое, какъ у старой бабы, да весь перепуганный и слезы текутъ, и ну виться на сѣнѣ, словно пескаръ на сковородѣ, да вдругъ не разобралъ вѣрно съ просонья гдѣ край, да кувыркъ съ воза подъ колесо и въ пыли-то и поползъ... въ вожики ногамъ замотался... Мнѣ и отцу моему, да и самому графу сначала это смѣшно показалось, какъ онъ кувыркнулся, а тутъ вижу я, что лошади внизу у моста зацѣпили колесомъ за надолбу и стали, а онъ не поднимается и не ворочается... Ближе подѣхали, а гляжу онъ весь сѣрый въ пыли и на лицѣ даже носа не значится, а только трещина и изъ нея кровь... Графъ велѣли остановиться, сонли, посмотрѣли и говорятъ «убить». Погрозились мнѣ дома за это выпоротъ и велѣли скорѣй въ монастырь ѣхать. Оттуда людей послали на мостъ, а графъ тамъ съ игуменомъ переговорили и по осени отъ насъ туда въ дары цѣлый обозъ пошелъ съ овсомъ и съ мукою и съ сушеными карасями, а меня отецъ кнутомъ въ монастырь за сараемъ по штанамъ продралъ, но настояще поротъ не стали, потому что мнѣ, по моей должности, сейчасъ опять верхомъ надо было садиться. Тѣмъ это дѣло и кончилось, но въ эту же самую ночь приходитъ ко мнѣ въ видѣніи этотъ монахъ, котораго я засѣкъ, и опять какъ баба плачетъ. Я говорю:

— Чего тебѣ отъ меня надо? пошелъ прочь!

А онъ отвѣчаетъ:

— Ты, говорить, меня безъ покаянія жизни рѣшилъ.

— Ну, мало чего нѣтъ,—отвѣчаю:—что же мнѣ теперь съ тобой дѣлать? Вѣдь я это не нарочно. Да и чѣмъ, говорю, тебѣ теперь худо? Умеръ ты и все кончено.

— Кончено-то,—говорить:—это, дѣйствительно, такъ, и я тебѣ очень за это благодаренъ, а теперь я пришелъ съ твоей родной матери сказать тебѣ, что знаешь ли ты, что ты у нея *моленный сынъ*?

— Какъ же,—говорю:—слышала я про это, бабушка Феодосья мнѣ про это не разъ сказывала.

— А знаешь ли,—говорить:—ты еще и то, что ты *сынъ обѣщанный*?

— Какъ это такъ?

— А такъ,—говорить:—что ты Богу обѣщанъ.

— Кто же меня Ему обѣщаль?

— Мать твоя.

— Ну, такъ пускай же,—говорю:—она сама придетъ мнѣ про это скажетъ, а то ты, можетъ-быть, это выдумалъ.

— Нѣтъ, я,—говорить:—не выдумывалъ, а ей придти нельзя.

— Почему?

— Такъ,—говорить:—потому, что у насъ здѣсь не то, что у васъ на землѣ: здѣшніе не всѣ говорятъ и не всѣ ходятъ, а кто чѣмъ одаренъ, тотъ то и дѣлаетъ. А если ты хочешь, говорить, такъ я тебѣ дамъ знаменіе въ удостовѣреніе.

— Хочу,—отвѣчаю:—только какое же знаменіе?

— А вотъ,—говорить:—тебѣ знаменіе, что будешь ты много разъ погибать и ни разу не погибнешь, пока придетъ твоя настоящая погибель и ты тогда вспомнишь матерно обѣщаніе за тебя и пойдешь въ чернецы.

— Чудесно,—отвѣчаю:—согласенъ и ожидаю.

Онъ и скрылся, а я пропущенъ и про все это позабылъ и не чаю того, что всѣ эти погибели сейчасъ по ряду и начнутся. Но только черезъ нѣкоторое время поѣхали мы съ графомъ и съ графиней въ Воронежъ,—къ новоявленнымъ мощамъ маленькую графиньку косолапую на исцѣленіе туда везли,—и остановились въ елецкомъ уѣздѣ, въ селѣ Крутомъ, лошадей кормить, я и опять подъ колодой уснулъ, и вижу опять идетъ тотъ монашекъ, котораго я рѣшилъ, и говорить:

— Слушай, Голованька, мнѣ тебя жаль, проснись скорѣй у господъ въ монастырь,—они тебя пустять.

Я отвѣчаю:—Это съ какой стати?

А онъ говорить:

— Ну, гляди, сколько ты иначе зла претерпишь.

Думаю, ладно; надо тебѣ что-нибудь каркать, когда я тебя убилъ, и съ этимъ всталъ, запрягъ съ отцомъ лошадей и выѣзжаемъ, а гора здѣсь прекрутая-крутищая и сбоку обрывъ, въ которомъ тогда не вѣсть что народу погибало. Графъ и говорить:

— Смотри, Голованъ, осторожнѣе.

А я на это ловокъ былъ и хотъ всякки отъ дышловыхъ, которымъ надо спускаться, въ рукахъ у гучера, но я много умѣлъ отцу помогать. У него дышловики были сильные и опористые: могли такъ спускаться, что просто хвостомъ на землю садились, но одинъ изъ нихъ, подлець, съ астрономіей былъ — какъ только его сильно потянешь, онъ сейчасъ голову кверху дереть и прахъ его знаетъ куда на небо созерцаетъ. Эти астрономы въ корню—нѣтъ ихъ хуже, а особенно въ дышлѣ они самые опасные, за конемъ съ такою повадкою фореиторъ завсегда смотри, потому что астрономъ самъ не зреть какъ тычетъ ногами и не вѣсть куда попадаетъ. Все это я, разумѣется, за своимъ астрономомъ зналъ и всегда помогать отцу: своихъ подсѣдельную и подручную, бывало, на лѣвомъ локтѣ поводами держу и такъ ихъ ставлю, что онѣ хвостами дышловымъ въ самую морду приходятся, а дышло у нихъ промежду круповъ, а у самого у меня кнутъ всегда наготовѣ, у астронома передъ глазами, и чуть вижу, что онъ уже очень въ небо полѣзъ, я его по храпѣ, и онъ сейчасъ морду спустить и отлично съѣдемъ. Такъ и на этотъ разъ: спускаемъ экипажъ и я верчусь, знаете, передъ дышломъ и кнутомъ астронома остепеняю, какъ вдругъ вижу, что ужъ онъ ни отцовыхъ вожжей, ни моего кнута не чувствуетъ, весь ротъ въ крови отъ удилловъ и глаза выворотилъ, а самъ я вдругъ слышу сзади что-то заскрипѣло, да хлопъ, и весь экипажъ сразу такъ и посунулся... Тормозъ лопнулъ! Я кричу отцу: «держи! держи!» и онъ самъ оретъ: «держи, держи!» А уже чего держать, когда весь шестерникъ, какъ прокаженные, несутся и сами ничего не видятъ, а передъ глазами у меня вдругъ что-то стрекнуло и смотрю отецъ съ козелъ долой летить... вожжа оборвалась... А впереди та страшная пропасть... Не знаю, жалко ли мнѣ господъ или себя стало,

но только я, видя неминуемую гибель, съ подсѣдельной бросился прямо на дышло и на концѣ повисъ... Не знаю опять, сколько тогда во мнѣ вѣсу было, но только на перевѣсѣ вѣдь это очень тяжело вѣсить, и я дышловиковъ такъ сдушилъ, что они захрипѣли и... гляжу уже моихъ передовыхъ нѣтъ, какъ отрѣзало ихъ, а я висию надъ самою пропастью, а экипажъ стоитъ и уперся въ коренныхъ, которыхъ и дышломъ подавилъ.

Тутъ только я опомнился и пришелъ въ страхъ и руки у меня оторвались, и я полетѣлъ и ничего уже не помню. Очнулся я тоже не знаю черезъ сколько времени и вижу, что я въ какой-то избѣ и здоровый мужикъ говоритъ мнѣ:

— Ну, что, неужели ты, малый, живъ?

Я отвѣчаю:

— Должно быть живъ.

— А помнишь ли, говоритъ, — что съ тобою было?

Я сталъ припоминать и вспомнилъ, какъ насъ лошади понесли и я на конецъ дышла бросился и повисъ надъ ямищей; а что дальше было — не знаю.

А мужикъ и улыбается:

— Да и гдѣ же, говоритъ, — тебѣ это знать. Туда въ пропасть и кони-то твои передовые заживо не долетѣли — расшиблись, а тебя это словно какая невидимая сила спасла: какъ на глиняну глыбу сорвался, упалъ, такъ на ней внизъ какъ на салазкахъ и скатился. Думали мертвый совѣтъ, а глядимъ ты дышишь, только воздухомъ духъ оморило. Ну, а теперь, говоритъ, если можешь, вставай, носи́жай скорѣе къ угоднику: графъ деньги оставилъ, чтобы тебя, если умрешь, схоронить, а если живъ будешь, къ нему въ Воронежъ привезть.

Я и поѣхалъ, но только всю дорогу ничего не говорилъ, а слушалъ, какъ этотъ мужикъ, который меня везъ, все на гармонин «барыню» игралъ.

Какъ мы приѣхали въ Воронежъ, графъ призвалъ меня въ комнаты и говоритъ графинюшкѣ:

— Вотъ, говоритъ, — мы, графинюшка, этому мальчишкѣ спасеніемъ своей жизни обязаны.

Графиня только головою закачала, а графъ говоритъ:

— Проси у меня, Голованъ, чего хочешь, — я все тебѣ сдѣлаю.

Я говорю:

— Я не знаю чего просить!

А онъ говорить:

— Ну, чего тебѣ хочется?

А я думать - думать, да говорю:

— Гармонію.

Графъ засмѣялся и говоритъ:

— Ну, ты взаправду дуракъ, а, впрочемъ, это само собою, я самъ, когда придетъ время, про тебя вспомню, а гармонію, говорить,—ему сейчасъ же купить.

Лакей сходилъ въ лавки и приноситъ мнѣ на конюшню гармонію:

— На, говорить, играй.

Я было ее взялъ и сталъ играть, но только вижу, что ничего не умѣю, и сейчасъ ее бросилъ, а потомъ ее у меня странницы на другой день изъ-подъ сарая и украли.

Мнѣ надо было бы этимъ случаемъ графской милости пользоваться, да тогда же, какъ монахъ совѣтовалъ, въ монастырь проситься; а я самъ не знаю зачѣмъ себѣ гармонію выпросилъ и тѣмъ первое самое призваніе опровергъ и оттого пошелъ отъ одной стражи къ другой, все болѣе и болѣе претерпѣвая, но нигдѣ не погибъ, пока все мнѣ монахомъ въ видѣніи предреченное въ настоящемъ житейскомъ исполненіи оправдалось за мое недовѣріе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Не успѣлъ я, по семъ благодѣтельствуваніи своихъ господъ, вернуться съ ними домой на новыхъ лошадяхъ, конхъ мы въ Воронежѣ опять шестерикъ собрали, какъ прилучилоя мнѣ завести у себя въ конюшнѣ на полочкѣ хохлатыхъ голубей,—голубя и голубочку. Голубь былъ глинистаго пера, а голубочка бѣленькая и такая красноногенькая, прехорошенькая!.. Очень они мнѣ нравились: особенно бывало, когда голубь ночью воркуетъ, такъ это пріятно слушать, а днемъ они между лошадей летаютъ и въ ясли садятся, кормъ клюютъ и сами съ собою цѣлуются... Утѣшно на все на это молодому ребенку смотреть.

И пошли у нихъ послѣ этого цѣлованія дѣти; одну пару вывели и опять эти растутъ, а они цѣловались-цѣловались, да и опять на яички сѣли и еще вывели... Маленькіе такіе эти голубяточки, точно въ шерсти, а пера нѣтъ, и желтые какъ бываютъ ядрышки на травѣ, что зовутъ «кошачьи

просвирки», а носы, притомъ, не хуже какъ у черкесскихъ князей, здоровенные... Сталь я ихъ, этихъ голубятокъ, разглядывать и, чтобы ихъ не номать, взялъ одного за носикъ и смотрѣлъ, смотрѣлъ на него и засмотрѣлся, какой онъ ибъжный, а голубь его у меня все отбываетъ. Я съ нимъ и забавлялся,—все его этимъ голубенкомъ дразню; да потомъ какъ сталь иичужку назадъ въ гнѣздо класть, а онъ уже и не дышитъ. Этакая досада: я его и въ горстяхъ - то грѣлъ и дышалъ на него, все оживить хотѣлъ;—нѣтъ, пропаль да и полно! Я разсердился, взялъ да и вышвырнулъ его вонъ за окно. Ну, ничего; другой въ гнѣздѣ остался, а этого, дохлаго, откуда ни возмись, бѣлая кошка какая-то мимо бѣжала и подхватила, и помчала. И я ее, эту кошку, еще хорошо замѣтилъ, что она вся бѣлая, а на лобочкѣ какъ шапочка черное пятнышко. Ну, да думаю себѣ, прахъ съ ней, — пусть она мертваго вѣтъ. Но только ночью я сплю и вдругъ слышу на полочкѣ надъ моей кроватью голубь съ кѣмъ-то сердито бьется. Я вскочилъ и гляжу, а ночь лунная и мнѣ видно, что это опять та же кошечка бѣлая уже другого живого моего голубенка тащить.

— Ну, думаю, нѣтъ, зачѣмъ же, молъ, это такъ дѣлать? да вдогонку за нею и швырнулъ сапогомъ, но только не попалъ, — такъ она моего голубенка унесла и вѣрно гдѣ-нибудь съѣла. Осиротѣли мои голубки, но недолго поскучали и начали опять цѣловаться и опять у нихъ парка дѣтей готовы, а та проклятая кошка опять какъ тутъ... Лихо ее знаетъ, какъ это она все это наблюдала, но только гляжу я, одинъ разъ она среди бѣлаго дня опять голубенка волочить, да такъ ловко, что мнѣ и швырнуть - то за ней нечѣмъ было. Но зато же я рѣшился ее пробрать и настронлъ въ огнѣ такой силокъ, что чуть она ночью морду показала, тутъ ее сейчасъ и прихлопнуло, и она сидитъ и жалится, мяучить. Я ее сейчасъ изъ силка вынулъ, воткнулъ ее мордою и передними лапами въ голенище, въ сапогъ, чтобы она не царапалась, а заднія лапки вмѣстѣ съ хвостомъ забралъ въ лѣвую руку, въ рукавицу, а въ правую кнутъ со стѣны снялъ, да и пошелъ ее на своей кровати учить. Кнутовъ, я думаю, сотни полторы я ей закатилъ и то изо всей силы, до того, что она даже и биться перестала. Тогда я ее изъ сапога вынулъ и думаю: издохла или не издохла? Семъ, думаю, испробовать, жива она или

нѣтъ? и положилъ я ее на порогъ да топорикомъ хвостъ ей и отсѣкъ: она этакъ «мяя», вся вздрогнула и перекрутилась разъ десять, да и побѣжала.

— Хорошо, думаю, теперь ты сюда, небось, въ другой разъ на моихъ голубятъ не пойдешь; а чтобы ей еще страшнѣе было, такъ я на утро взять да и хвостъ ея, который отсѣкъ, гвоздикомъ у себя надъ окномъ снаружи приколотилъ, и очень этимъ былъ доволенъ. Но только такъ черезъ часъ или не болѣе какъ черезъ два, смотрю, всѣгаетъ графинина горничная, которая отъ-роду у насъ на конюшнѣ никогда не была, и держитъ надъ собою въ рукѣ зонтикъ, а сама кричитъ:

— Ага, ага! вотъ это кто! вотъ это кто!

Я говорю:

— Что такое?

— Это ты, говорить, — Зозиньку изувѣчилъ? Признавайся: это вѣдь у тебя ея хвостикъ надъ окномъ приколотень?

Я говорю:

— Ну такъ что же такое за важность, что хвостикъ приколотень?

— А какъ же ты, говорить, это смѣлъ?

— А она, моль, какъ смѣла моихъ голубятъ ѣсть?

— Ну, важное дѣло твои голубята.

— Да и кошка, моль, тоже небольшая барыня.

Я уже, знаете, на возрастъ-то поругиваться сталъ.

— Что, говорю, за штука такая кошка.

А та стрекоза:

— Какъ ты этакъ смѣешь говорить: ты развѣ не знаешь, что это моя кошка и ее сама графиня ласкала; да съ этимъ ручкою хватъ меня по щекѣ, а я, какъ самъ тоже съ дѣтства былъ скоръ на руку, долго не думая, схватилъ отъ дверей грязную метлу, да ее метлою по талии...

Боже мой, что тутъ поднялось! Повели меня въ контору къ нѣмцу управителю судить, и онъ разсудилъ, чтобы меня какъ можно жесточе вынороть и потомъ съ конюшни долой и въ аглицкій садъ для дорожки молоткомъ камешки бить... Отодрали меня ужасно жестоко, даже подняться я не могъ, и къ отцу на рогожѣ спесли, но это бы мнѣ ничего, а вотъ послѣднее осужденіе, чтобы стоять на колѣняхъ да камешки бить... это уже домучило меня до того, что я думать - ду-

мать, какъ себѣ помочь, и рѣшился съ своею жизнью покончить. Припасъ я себѣ крѣпкую сахарную веревочку, у лакейченка се выпросилъ, и пошелъ вечеромъ выкупался, а оттудова въ осиновый лѣсокъ за огуменникомъ, сталъ на колѣни, помолился за вся христіаны, привязалъ ту веревочку за сукъ, затравилъ петлю и всунулъ въ нее голову. Осталось скакнуть, да и вся бѣ недолга была... Я бы все это отъ своего характера пресвободно и исполнилъ, но только-что размахнулся да соскочилъ съ сука и повисъ, какъ, гляжу, уже я на землѣ лежу, а передо мною стоитъ цыганъ съ ножомъ и смѣется, — бѣлые-пребѣлые зубы, да такъ ночью середь черной морды и сверкають.

— Что это, говорить, — ты, батракъ, дѣлаешь?

— А тебѣ, молъ, что до меня за надобность?

— Или, пристаешь, — тебѣ жить худо?

— Видно, говорю, — не сахарно.

— Такъ чѣмъ своей рукой вѣшаться, пойдемъ, говорить, — лучше съ нами жить, авось иначе повиснешь.

— А вы кто такіе и чѣмъ живете? Вы, вѣдь, небось, воры?

— Воры, говорить, — мы и воры, и мошенники.

— Да; вотъ видишь, говорю, — а при случаѣ, молъ, вы, пожалуй, небось, и людей рѣжете?

— Случается, говорить, — и это дѣйствуемъ.

Я подумалъ - подумалъ: чтѣ тутъ дѣлать: дома завтра и послѣзавтра опять все то же самое, стой на дорожкѣ на колѣняхъ, да тюпъ да тюпъ молоточкомъ камешки бей, а у меня отъ этого рукомесла уже на колѣнгахъ наросты пошли и въ унахъ одно слышаніе было какъ надо мною всѣ насмѣхаются, что осудилъ меня вражій нѣмецъ за конкинъ хвостъ цѣлую гору камня перемусорить. Смѣются всѣ: «А еще, говорятъ, спаситель называешься: господамъ жизнь спасъ». Просто терпѣнія моего не стало и, взгадавъ все это, что если не удавиться, то опять къ тому же надо вернуться, махнулъ я рукою, заплакалъ и пошелъ въ разбойники.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тутъ этотъ хитрый цыганъ не далъ мнѣ опомниться и говорить:

— Чтѣбъ я, говорить, тебѣ повѣрилъ, что ты назадъ не

уйдешь, ты долженъ мнѣ сейчасъ изъ барской конюшни пару коней вывести, да бери коней такихъ самыхъ наилучшихъ, чтобы мы на нихъ до утра далеко могли ускакать.

Я закручинился: страсть какъ мнѣ не хотѣлось воровать, однако, видно, назвавшись груздемъ, полѣзешь и въ кузовъ: и я, зная въ конюшнѣ всѣ ходы и выходы, безъ труда вывелъ за гумно пару лихихъ коней, кои совсѣмъ устали не вѣдали, а цыганъ еще до того сейчасъ досталъ изъ кармана на шнурочкѣ волчьи зубы и повѣсилъ ихъ и одному, и другому коню на шею, и мы съ цыганомъ сѣли на нихъ и поѣхали. Лошади, чуя на себѣ волчью кость, такъ неслись, что и сказать нельзя, и мы на нихъ къ утру стали за сто верстъ подъ городомъ Карачевомъ. Тутъ мы этихъ коней вразъ продали какому-то дворнику, взяли деньги и пришли къ одной рѣчкѣ и стали дѣлиться. За коней мы взяли триста рублей, разумеется по-тогдашнему, на ассигнацію, а цыганъ мнѣ даетъ всего одинъ серебряный цѣлковый и говорить:

— Вотъ тебѣ твоя доля.

Мнѣ это обидно показалось.

— Какъ, говорю, — я же тѣхъ лошадей красть и за то больше тебя пострадать могъ, а за что же моя доля такая маленькая?

— Потому, отвѣчаетъ, — что такая выросла.

— Это, говорю, — глупости: почему же ты себѣ много берешь?

— А, опять, говорить, — потому, что я мастеръ, а ты еще ученикъ.

— Что, говорю, ученикъ, — ты это все врешь! да и пошло у насъ съ нимъ слово за слово и оба мы поругались. А наконецъ, я говорю: я съ тобою не хочу дальше идти, потому что ты подлець.

А онъ отвѣчаетъ:

— И отстань, братецъ, Христа ради, потому что ты безначпортный, еще съ тобою спутаешься.

Такъ мы и разошлись, и я было пошелъ къ засѣдателю, чтобы объявиться, что я сбѣглый, но только рассказалъ и эту свою исторію его писарю, а тотъ мнѣ и говоритъ:

— Дуракъ ты, дуракъ: на что тебѣ объявляться; есть у тебя десять рублей?

— Нѣтъ, говорю, — у меня одинъ цѣлковый есть, а десяти рублей нѣту.

— Ну такъ, можетъ-быть, еще что-нибудь есть, можетъ-быть, серебряный крестъ на шеѣ. или вонъ это что у тебя въ ухѣ: серьга?

— Да, говорю,—это сережка.

— Серебряная?

— Серебряная, и крестъ, моль, тоже имѣю отъ Митрофанія серебряный.

— Ну, скидавай, говорить,—ихъ скорѣе и давай ихъ мнѣ, я тебѣ отпускной видъ напишу и уходи въ Николаевъ, тамъ много людей нужно и страсть что туда отъ насъ бродягъ бѣжить.

Я ему отдалъ цѣлковый, крестъ и сережку, а онъ мнѣ видъ написалъ и засѣдателю печать приложилъ и говорить:

— Вотъ за печать съ тебѣ надо бы прибавку, потому что я такъ со всѣхъ беру, но только уже жалю твою бѣдность и не хочу, чтобы моихъ рукъ виды не въ совершенствѣ были. Ступай, говорить, и кому еще нужно — ко мнѣ посылай.

— Ладно, думаю: хороши милостивецъ: крестъ съ шеи снять, да еще и жалѣть. Никого я къ нему не посылалъ, а все только шелъ Христовымъ именемъ безъ грошика мѣднаго.

Прихожу въ этотъ городъ и сталъ на торжокъ, чтобы наняться.—Народу наемнаго самая малость вышла,—всего три человѣка и тоже все должно быть точно такіе какъ я, полубродяжки, а нанимать выбѣжало много людей и всѣ такъ насъ нарасхватъ и рвутъ, тотъ къ себѣ, а этотъ на свою сторону. На меня напалъ одинъ баринъ, огромный-преогромный, больше меня, и прямо всѣхъ отъ меня отпихнулъ и схватилъ меня за обѣ руки и поволокъ за собою: самъ меня ведетъ, а самъ другихъ во всѣ стороны кулаками расталкиваетъ и преподло бранится, а у самого на глазахъ слезы. Привелъ онъ меня въ домишко, не вѣсть изъ чего наскоро сколоченный, и говорить:

— Скажи правду: ты вѣдь бѣглый?

Я говорю:

— Бѣглый.

— Воръ, говорить,—или душегубецъ, или просто бродяга?

Я отвѣчаю:

— На что вамъ это разспрашивать?

— А чтобы лучше знать, къ какой ты должности годенъ.

Я рассказалъ все, отчего я сбѣжалъ, а онъ вдругъ кинулся меня цѣловать и говорить:

— Такого мнѣ и надо; такого мнѣ и надо! Ты, говорить, вѣрно, если голубяешь жалѣть, такъ ты можешь мое дитя выводить: я тебя въ няньки беру.

Я ужаснулся:

— Какъ, говорю:—въ няньки? я къ этому обстоятельству совсѣмъ не сроденъ.

— Нѣтъ, это пустяки, говорить, пустяки: я вижу, что ты можешь быть нянькой; а то мнѣ бѣда, потому что у меня жена съ ремонтеромъ отсюда съ тоски сбѣжала и оставила мнѣ грудную дочку, а мнѣ ее кормить некогда и нечѣмъ, такъ ты ее мнѣ выкормишь, а я тебѣ по два цѣлковыхъ въ мѣсяць стану жалованья платить.

— Помилуйте, отвѣчаю,—тутъ не о двухъ цѣлковыхъ, а какъ я въ этой должноти справлюсь?

— Пустяки, говорить:—вѣдь ты русскій человѣкъ? Русскій человѣкъ со всѣмъ справится.

— Да, что же, молъ,—хоть и я русскій, но вѣдь я мужчина, и чего нужно чтобы грудное дитя воспитывать, тѣмъ не одаренъ.

— А я, говорить,—на этотъ счетъ тебѣ въ помощь у жида козу куплю: ты ее дой и тѣмъ молочкомъ мою дочку воспитывай.

Я задумался и говорю:

— Конечно, молъ, съ козою отчего дитя не воспитать, но только все бы, говорю, кажется, вамъ женщину къ этой должноти лучше имѣть.

— Нѣтъ, ты мнѣ про женщину, пожалуйста, отвѣчаетъ,—не говори: изъ-за нихъ-то тутъ всѣ исторіи и поднимаются, да и брать ихъ не откуда, а ты, если мое дитя няньчить не согласишься, такъ я сейчасъ казаковъ позову и велю тебя связать да и въ полицію, а оттуда по пересылкѣ отправятъ. Выбрай теперь, что тебѣ лучше: опять у своего графа въ саду на дорожкѣ камни щелкать, или мое дитя воспитывать?

Я подумалъ: нѣтъ, уже назадъ не пойду, и согласился остаться въ нянькахъ. Въ тотъ же день мы купили у жида бѣлую козу съ козленочкомъ. Козленочка я заколеть, и мы его съ моимъ баринномъ въ лапни съѣли, а козочку я подоилъ и ея молочкомъ началъ дитя шить. Дитя было ма-

ленькое и такое поганое, жалкое: все пищить. Баринъ мой, отецъ его, изъ полячковъ былъ чиновникъ и никогда, прохвостикъ, дома не сидѣлъ, а все бѣгалъ по своимъ товарищамъ въ карты играть, а я одинъ съ этой моей воспитомкой, съ дѣвчурочкой, и страшно я сталъ къ ней привыкать, потому что скука для меня была тутъ несносная, и я отъ нечего дѣлать все съ ней упражнялся. То положу дитя въ корытце, да хорошенько ее вымою, а если гдѣ на кожечкѣ сыпка зацвѣтетъ, я ее сейчасъ мучкой подсыплю; или головенку ей расчесываю, или на колѣняхъ качаю ее. либо, если дома очень соскучусь, суну ее за пазуху да пойду на лиманъ бѣлье полоскать, — и коза-то и та къ намъ привыкла, бывало, за нами тоже гулять идетъ. Такъ я дожидь до новаго лѣта и дитя мое подросло, и стало дыбки стоять, но замѣчаю я, что у нея что-то ножки колесомъ идутъ. Я было на это барину показалъ, но онъ ничего на то не уважилъ и сказалъ только:

— Я, говорить, тутъ чѣмъ причинень? снеси ее лѣкарю покажи: пусть посмотритъ.

Я понесъ, а лѣкарь говоритъ:

— Это аглицкая болѣзнь, надо ее въ песокъ сажать.

Я такъ и началъ исполнять: выбралъ на бережку лимана такое мѣстечко, гдѣ песокъ есть, и какъ погожий теплый день, я заберу и козу, и дѣвочку, и туда съ ними удаляюсь. Разгребу руками теплый песочекъ и закопаю туда дѣвочку по поясъ и дамъ ей палочекъ играть и камушковъ. а коза наша вокругъ насъ ходитъ, травку щиплетъ, а я спужу, спужу, руками ноги обхвативши, и засну, и сплю.

По цѣлымъ днямъ такимъ манеромъ мы втроемъ одни проводили и это мнѣ лучше всего было отъ скуки, потому что скука, опять повторю, была ужасная и особенно мнѣ тутъ весною, какъ я сталъ дѣвочку въ песокъ закапывать, да надъ лиманомъ спать, пошли разные безтолковые сны. Какъ усну, а лиманъ рокочетъ, а со степи теплый вѣтеръ на меня несетъ, такъ точно съ нимъ будто что-то плыветъ на меня чародѣйное и нападаетъ страшное мечтаніе: вижу, какія-то степи, коней и все меня будто кто-то зоветъ и куда-то манитъ: слышу даже имя кричить: «Иванъ! Иванъ! иди, братъ Иванъ!» Встрепенешься, инда вздрогнешь и плюнешь: тьфу, пропасти на васъ нѣтъ, чего вы меня всликались! оглянешься кругомъ: — тоска: коза уже отойдетъ да-

леко, бродить, травку щиплетъ, да дитя законано въ песокѣ сидитъ, а больше ничего... Ухъ, какъ скучно! пустынь, солнце да лиманъ, и опять заснешь, а оно, это теченіе съ повѣтріемъ, опять въ душу лѣзетъ и кричитъ: «Иванъ! пойдѣмъ, братъ Иванъ!» Даже выругаешься, скажешь: да покажись же ты, лихо тебя возьми, кто ты такой, что меня такъ зовешь? И вотъ я такъ разъ озлобился и сию да гляжу въ-полсна за лиманъ, и оттолъ какъ облачко легкое поднялось и плыветъ и прямо на меня, думаю: тпру, куда ты, благое, еще вымочишь! Анъ вдругъ вижу это надо мною стоитъ тотъ монахъ съ бабыимъ лицомъ, котораго я давно фореиторомъ бывши, кнудомъ засѣкъ. Я говорю: тпружи! пошелъ прочь! А онъ этакъ ласково звенить: «пойдѣмъ, Иванъ, братъ, пойдѣмъ! тебѣ еще много надо терпѣть, а потомъ достигнешь». Я его во снѣ выругалъ и говорю: «Куда я съ тобой пойду и чего еще достигать буду». А онъ вдругъ опять облакомъ сдѣлался и сквозь себя показалъ мнѣ и самъ не знаю что: степь, люди, такіе дикіе, сарацины, какъ вотъ бывають при сказкахъ въ Ерусланѣ и въ Бовѣ Королевичѣ; въ большихъ шапкахъ лохматыхъ и съ стрѣлами, на страшныхъ дикихъ коняхъ. И съ этимъ, что вижу, слышалась мнѣ и гоготь, и ржанье, и дикій смѣхъ, а потомъ вдругъ вихорь... взмело песокъ тучею и нѣтъ ничего, только гдѣ-то тонко колоколь тихо звонить и весь какъ алою зарею облитый большой бѣлый монастырь по вершинѣ показывается, а по стѣнамъ крылатые ангелы съ золотыми коньями ходятъ, а вокругъ море, и какъ который ангель по щиту копьемъ ударить, такъ сейчасъ вокругъ всего монастыря море всколышется и заплещетъ, и изъ бездны страшные голоса вопіють: «святѣ!»

Ну, думаю, — опять это мнѣ про монашество пошло! и съ досадою проснулся и въ удивленіи вижу, что надъ моею барышнею кто-то стоитъ на песку на колѣняхъ самаго нѣжнаго вида, и рѣка-рѣкой разливается-плачетъ.

Я долго на это смотрѣлъ, потому что все думалъ: не длится ли мнѣ это видѣніе, но потомъ вижу, что оно не исчезаетъ, я и всталъ, и подхожу: вижу дама дѣвочку мою изъ песку выконала и схватила се на руки и цѣлуетъ, и плачетъ:

Я спрашиваю ее:

— Что надо?

А она ко мнѣ и бросилась и жметъ дитя къ груди, а сама шепчетъ:

— Это мое дитя. это дочь моя, это дочь моя!

Я говорю:

— Ну, такъ что же въ этомъ такое?

— Отдай,—говорить:—мнѣ ее.

— Съ чего же ты это.—говорю:—взяла, что я ее тебѣ отдамъ?

— Развѣ тебѣ,—плачетъ:—ее не жаль? видишь, какъ она ко мнѣ жмется.

— Жаться, молъ, она глупый ребенокъ, — она тоже и ко мнѣ жмется. а отдать я ее не отдамъ.

— Почему?

— Потому, молъ, что она мнѣ на соблюденіе повѣрена—вонъ и коза съ нами ходитъ, а я дитя долженъ отцу приносить.

Она, эта барынька, начала плакать и руки ломать:

— Ну, хорошо, — говоритъ: — ну, не хочешь дитя мнѣ отдать, такъ, но крайней мѣрѣ, не сказывай, говоритъ, моему мужу, а твоему господину, что ты меня видѣлъ, и приходи завтра опять сюда на это самое мѣсто съ ребенкомъ, чтобы я его еще поласкать могла.

— Это, молъ,—другое дѣло,—это я обѣщаю и исполню.

И точно, я ничего про нее своему барину не сказалъ, а на утро взялъ козу и ребенка и пошелъ опять къ лиману, а барыня уже ждетъ. Все въ ямочкѣ сидѣла, а какъ насъ увидѣла, выскочила и бѣжитъ, и плачетъ, и смѣется, и въ обѣихъ ручкахъ дитю игрушечки суетъ и даже на козу на нашу колокольчикъ на красной суконкѣ повѣсила, а мнѣ трубку и кisetъ съ табакомъ и расческу.

— Кури.—говорить:—пожалуйста, эту трубочку, а я буду дитя нянчить.

И такимъ манеромъ пошли у насъ тутъ надъ лиманомъ свиданія: барыня все съ дитемъ, а я сплю, а порой она мнѣ начнетъ рассказывать, что она того... замужъ въ своемъ мѣстѣ за моего барина насильно была выдана... злою мачихою и того... этого мужа своего она не того... говорить, никакъ не могла полюбить. А того... этого... другого-то, ремонтера-то... что ли... этого любить и жалуется, что противъ воли, говоритъ, своей я ему... предана. Потому мужъ мой, какъ самъ, говоритъ, знаешь, неаккуратной жизни, а

этотъ съ этими... ну, какъ ихъ?.. съ усиками, что ли, прахъ его знаетъ, и очень чисто, говоритъ, онъ завсегда одѣвается, и меня жалѣетъ, но только же, опять я, говоритъ, со всѣмъ съ этимъ все-таки не могу быть счастлива, потому что мнѣ и этого дитя жалъ. А теперь мы, говоритъ, съ нимъ сюда прѣехали и стоимъ здѣсь на квартирѣ у одного у его товарища, но я живу подъ большимъ опасеніемъ, чтобы мой мужъ не узналъ, и мы скоро уѣдемъ и я опять о дитѣ страдать буду.

— Ну, что же, молъ, дѣлать: если ты, презрѣвъ законъ и религію, свой обрядъ измѣнила, то должна и пострадать.

А она начнетъ плакать и отъ одного дня разъ отъ разу больше и жалостнѣе стала плакать, и мнѣ жалобами докучаетъ, и вдругъ ни съ того, ни съ сего стала все мнѣ деньги сулить. И, наконецъ, пришла послѣдній разъ прощаться и говорить:

— Послушай, Иванъ (она уже имя мое знала), послушай,—говоритъ:—что я тебѣ скажу: нынче, говоритъ, *онъ* самъ сюда къ намъ придетъ.

Я спрашиваю:

— Кто этой такой?

Она отвѣчаетъ:

— Ремонтеръ.

Я говорю:

— Ну, такъ что же мнѣ за причина?

А она повѣствуетъ, что будто онъ сею ночью страсть какъ много денегъ въ карты выигралъ и сказалъ, что хочетъ ей въ удовольствіе мнѣ тысячу рублей дать за то, чтобы я, то-есть, ей ея дочку отдалъ.

— Ну, уже вотъ этого,—говорю:—никогда не будетъ.

— Отчего же, Иванъ? отчего же?—пристааетъ.—Неужто тебѣ меня и ее не жалъ, что мы въ разлукѣ?

— Ну, молъ, жалъ, или не жалъ, а только я себя не продавалъ ни за большія деньги, ни за малыя и не продамъ, а потому всѣ ремонтеры тысящи пусть при немъ остаются, а твоя дочка при мнѣ.

Она плакать, а я говорю:

— Ты лучше не плачь, потому что мнѣ все равно.

Она говоритъ:

— Ты безсердечный, ты каменный.

А я отвѣчаю:

— Совѣмъ, молъ, я не каменный, а такой же какъ всѣ, костяной да жильный, а я человѣкъ должностной и вѣрный: взялся хранить дитя и берегу его.

Она убѣждаетъ, что вѣдь посуды, говорить, и самому же дитяти у меня лучше будетъ!

— Олять-таки,—отвѣчаю:—это не мое дѣло.

— Неужто же,—вскрикиваетъ она:—неужто же мнѣ опять съ дитемъ моимъ должно разставаться?

— А что же, — говорю: — если ты, презрѣвъ законъ и религію...

Но только не договорилъ я этого, что хотѣлъ сказать, какъ вижу къ намъ по стѣшн легкой уланъ идетъ. Тогда полковые еще какъ должно ходили, съ форсомъ, въ настоящей военной формѣ, не то что какъ нынѣшніе, въ родѣ писарей. Идетъ этотъ уланъ-ремонтёръ такой осанистый, руки въ боки, а шинель широко на опашку несетъ... силы въ немъ, можетъ-быть, и нисколько нѣтъ, а форсисто... Гляжу я на этого гостя и думаю: вотъ бы мнѣ отлично съ нимъ со скуки поиграть. И рѣшилъ, что чуть если онъ ко мнѣ какое слово заговорить, я ему непременно какъ ни можно хуже согрублю и авось, молъ, мы съ нимъ здѣсь, Богъ дастъ, въ свое удовольствіе подеремся. Это, восторгаюсь, будетъ чудесно, и того, что мнѣ въ это время говорить и со слезами моя барынька лепечетъ, уже не слушаю, а только играть хочу.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Только, рѣшивши себѣ этукую потѣху добыть, я думаю: какъ бы мнѣ лучше этого офицера раздражить, чтобы онъ на меня нападать сталъ? и взялъ я сѣль, вынулъ изъ кармана гребень и зачалъ имъ себя будто въ головѣ чесать; а офицеръ подходит и прямо къ той своей барынькѣ.

Онъ ему—та-та-та, та-та: все, значить, о томъ, что я ей дитя не даю.

А онъ ее по головкѣ гладить и говорить:

— Ничего это, душенька, ничего: я противъ него сейчасъ средство найду. Деньги, — говорить: — раскинемъ, у него глаза разбѣжятся; а если и это средство не подѣйствуетъ, такъ мы просто отнимемъ у него ребенка,—и съ этимъ самымъ словомъ подходитъ ко мнѣ и подаетъ мнѣ пучокъ ассигнацій, а самъ говорить:

— Вотъ,—говорить:—туть ровно тысяча рублей,—отдай намъ дитя, а деньги бери и ступай куда хочешь.

А я нарочно невѣжничая, не скоро ему отвѣчаю: прежде всталъ потихонечку; потомъ гребень на поясокъ повѣсилъ, откашлянулся и тогда молвилъ:

— Нѣтъ,—говорю:—это твое средство, ваше благородіе, не подѣйствуетъ, а самъ взялъ, вырвалъ у него изъ рукъ бумажки, поплевалъ на нихъ да и бросилъ, говорю: тубо,—пиль, ашпортъ, подними!

Онъ огорчился, весь покраснѣлъ, да на меня; но мнѣ, сами можете видѣть мою комплекцію,—что же мнѣ съ форменнымъ офицеромъ долго справляться: я его такъ слегка шихнулъ, онъ и готовъ: полетѣлъ и шпоры вверхъ задралъ, а сабля на сторону отогнулася. Я сейчасъ топнулъ, на эту саблю его ногой наступилъ и говорю:

— Вотъ тебѣ, говорю, и храбрость твою подъ ногой придавлю.

Но онъ хоть силой плохъ, но отважный былъ офицерикъ: видитъ, что сабельки ему у меня уже не отнять, такъ распоясалъ ее, да съ кулачками ко мнѣ борзо кидается... Разумѣется, и этакъ онъ отъ меня ничего, кромѣ тѣлеснаго огорченія, для себя не получилъ, но понравилось мнѣ какъ онъ характеромъ своимъ былъ гордъ и благороденъ: я не беру его денегъ и онъ ихъ тоже не сталъ подбирать.

Какъ перестали мы драться, я кричу:

— Возьми же, ваше сіятельство, свои деньги подбери, на прогоны годится!

Что же вы думаете: вѣдь не поднять, а прямо бѣжить и за дитя хватается; но, разумѣется, онъ беретъ дитя за руку, а я сейчасъ же хватъ за другую и говорю:

— Ну, тяни его: на чію половину больше оторвется.

Онъ кричить:

— Подлецъ, подлецъ, извергъ!—и съ этимъ въ лицо мнѣ плюнулъ и ребенка бросилъ, а уже только эту барыньку увлекаетъ, а она въ отчаяніи, пржежалобно вопить и, сильно влекома, за нимъ хотя слѣдуетъ, но глаза и руки сюда ко мнѣ и къ дитѣ простираетъ... и вотъ вижу я и чувствую какъ она, точно живая, пополамъ рвется, половина къ нему, половина къ дитяти... А въ эту самую минуту отъ города вдругъ вижу бѣжить мой баринъ, у кото-

раго я служу, и у него въ рукахъ пистолеть, и онъ все стрѣляетъ изъ того пистолета да кричить:

— Держи ихъ, Иванъ! держи.

Ну, какъ же, думаю себѣ. такъ я тебѣ и ставу ихъ держать? Пускай любятся! да догналь барыньку съ уланомъ, даю имъ дитя и говорю:

— Натя валъ этого пострѣла! только уже теперь и меня,—говорю:—увозите, а то онъ меня правосудію сдасть, потому что я по незаконному паспорту.

Она говоритъ:

— Уѣдемъ, голубчикъ Иванъ, уѣдемъ, будемъ съ нами жить.

Такъ мы и ускакали и дѣвчурку, мою воспитомку, съ собой увезли, а тому моему барину коза да деньги, да мой паспортъ остались.

Всю дорогу я съ этими своими съ новыми господами все на козлахъ на тарантасѣ до самой Пензы ѣдучи сидѣлъ и думалъ: хорошо ли же это я сдѣлалъ, что я офицера билъ? вѣдь онъ присягу принималъ, и на войнѣ съ саблею отечество защищаетъ и самъ государь ему, по его чину, можетъ-быть, «вы» говорить, а я, дуракъ, его такъ обидѣлъ!.. А потомъ это передумаю, начну другое думать: куда теперь меня еще судьба опредѣлитъ, а въ Пензѣ тогда была ярмарка и уланы мнѣ говорить:

— Послушай, Иванъ, ты вѣдь, я думаю, знаешь, что мнѣ тебя при себѣ держать нельзя.

Я говорю:

— Почему же?

— А потому, отвѣчаетъ, что я человекъ служащій, а у тебя никакого паспорта нѣтъ.

— Нѣтъ, у меня былъ, говорю,—паспортъ, только фальшивый.

— Ну, вотъ видишь, отвѣчаетъ,—а теперь у тебя и такого нѣтъ. На же вотъ тебѣ двѣсти рублей денегъ на дорогу и ступай съ Богомъ куда хочешь.

А мнѣ, признаюсь, ужасъ какъ не охота была никуда отъ нихъ идти, потому что я то дитя любилъ; но дѣлать нечего, говорю:

— Ну, прощайте, говорю,—покорно васъ благодарю на вашемъ награжденіи, но только еще вотъ что:

— Что, спрашиваетъ,—такое?

— А то, отвѣчаю,—что я передь вами виновать, что дрался съ вами и грубилъ.

Онъ разсмѣялся и говоритъ:

— Ну, что это, Богъ съ тобой, ты добрый мужикъ.

— Нѣтъ-съ, это, отвѣчаю:—мало ли что добрый, это такъ нельзя, потому что это у меня можетъ на совѣсти остаться: вы защитникъ отечества, и вамъ, можетъ-быть, самъ государь «вы» говорилъ.

— Это, отвѣчаетъ,—правда: намъ, когда чинъ даютъ, въ бумагахъ пишутъ: «жалуемъ *васъ* и повелѣваемъ *васъ* почитать и уважать».

— Ну, позвольте же, говорю:—я этого никакъ дальше снести не могу...

— А что же, говоритъ,—теперь съ этимъ дѣлать. Что ты меня сильнѣе и поколотилъ меня, того назадъ не вынешь.

— Вынуть, говорю,—нельзя, а по крайности для облегченія моей совѣсти, какъ вамъ угодно, а извольте сколько-нибудь разъ меня сами ударить, и взявъ обѣ щеки передь нимъ надуль.

— Да за что же?—говоритъ:—за что же я тебя стану бить?

— Да такъ, отвѣчаю,—для моей совѣсти,—чтобы я не безъ наказанія своего государя офицера оскорбилъ.

Онъ засмѣялся, а я опять надуль щеки, какъ можно полнѣе, и опять стою.

Онъ спрашиваетъ:

— Чего же ты это надуваешься, зачѣмъ гримасничаешь?

А я говорю:

— Это я по-солдатски, по артикулу приготовился: извольте, говорю,—меня съ обѣихъ сторонъ ударить, и опять щеки надуль; а онъ вдругъ вмѣсто того, чтобы меня бить, сорвался съ мѣста и ну цѣловать меня и говоритъ:

— Полно, Христа ради, Иванъ, полно: ни за что на свѣтѣ я тебя ни разу не ударю, а только уходи поскорѣе, пока Машеньки съ дочкой дома нѣтъ, а то онѣ по тебѣ очень плакать будутъ.

— А! это, молъ, иное дѣло, зачѣмъ ихъ огорчать?

И хоть не хотѣлось мнѣ отходить, но дѣлать нечего: такъ и ушелъ поскорѣй, не прощавшись, и вышелъ за ворота и сталъ, и думаю:

— Куда я теперь пойду? И взаправду сколько времени

прошло съ тѣхъ норь какъ я отъ господь бѣжалъ и бродяжу, а все я ни гдѣ мѣста подь собой не согрѣю... Шабашъ, думаю, пойду въ полицію и объявлюсь, но только, думаю, опять теперь то нескладно, что у меня теперь деньги есть, а въ полиціи ихъ всѣ отберуть: дай же хоть что-нибудь изъ нихъ потрачу, хоть чаю съ кренделями въ трактирѣ пошью въ свое удовольствіе. И вотъ я пошелъ на ярмарку въ трактиръ, спросилъ чаю съ кренделями и долго шилъ, а потомъ вижу, дольше никакъ невозможно продолжать и пошелъ походить. Выхожу за Суру за рѣку на стень, гдѣ тамъ стоять конскіе косяки и при нихъ же тутъ и татары въ кибиткахъ. Всѣ кибитки одинаковыя, но одна нестрая-препестрая, а вокругъ нея много разныхъ господь занимаются, ѣздовыхъ коней пробуютъ. Разные—и штатскіе, и военные, и помѣщики, которые пріѣхали на ярмарку, всѣ стоять трубки курятъ, а посреди ихъ на пестрой кошмѣ сидитъ тонкій, какъ жердь, длинный степенный татаринъ въ штучномъ халатѣ и въ золотой тюбетейкѣ. Я оглядаюсь и, видя одного человѣка, который при мнѣ въ трактирѣ чай шилъ, спрашиваю его: что это такой за важный татаринъ, что онъ одинъ при всѣхъ сидитъ? А мнѣ тотъ человѣкъ отвѣчаетъ:

— Нешто ты, говорить, его не знаешь: это ханъ Джангаръ.

— Что, молъ, еще за ханъ Джангаръ?

А тотъ и говорить, ханъ Джангаръ, говорить,—первый степной коневодъ, его табуны ходятъ отъ самой Волги до самаго Урала во всѣ Рынь-пески и самъ онъ, этотъ ханъ Джангаръ, въ степи все равно что царь.

— Развѣ, говорю,—эта степь не подь нами?

— Нѣтъ; она, отвѣчаетъ,—подь нами, но только намъ ее никакъ достать нельзя, потому что тамъ до самаго Каспія либо солончаки, либо одна трава да птицы по поднебесью вьются и чиновнику тамъ совсѣмъ взять нечего, вотъ по этой причинѣ, говорить, ханъ Джангаръ тамъ и царюетъ, и у него тамъ, въ Рынь-пескахъ, говорятъ, есть свои шихи и шихъ-сады, и молозады, и мамы, и ази, и дербыши, и уланы, и онъ ихъ всѣхъ, какъ ему надо, наказываетъ, а они тому рады повиноваться.

Я эти слова слушаю, а самъ смотрю, что въ то самое время одинъ татарченокъ пригонилъ передь этого хана небольшую бѣлую кобылку и что-то залопоталъ; а тотъ всталъ, взялъ кнутъ на длинномъ кнутовищѣ и сталъ прямо про-

тивъ кобылицыной головы и кнутъ ей ко лбу вытянулъ и стоитъ. Но вѣдь какъ, я вамъ доложу, разбойникъ стоитъ? просто статуя великолѣпный, на котораго на самого заглядѣться надо, и сейчасъ по немъ видно, что онъ въ конѣ все нутро соглядаетъ. А какъ я по этой части самъ съ дѣтства былъ наблюдателемъ, то мнѣ видно, что и сама кобылица-то эта зреть въ немъ знатока, и сама вся на вытяжкѣ передъ нимъ держится: на-де, смотри на меня и любуйся! И такимъ манеромъ онъ, этотъ степенный татаринъ, смотрѣлъ, смотрѣлъ на эту кобылицу и не обходилъ ее, какъ дѣлають наши офицеры, что по суетливости все вокругъ коня мычутся, а онъ все съ одной точки взиралъ и вдругъ кнутъ опустилъ, а самъ персты у себя на рукѣ молча поцѣловалъ: «дескать, антикъ!» и опять на кошмѣ, склавини накрестъ ноги, сѣлъ, а кобылица сейчасъ ушми запряла, фыркнула и заиграла.

Господа, которые тутъ стояли и пошли на нее въ переробой торговаться: одинъ даетъ сто рублей, а другой полтораста и такъ далѣе все большую другъ противъ друга цѣну нагоняють. Кобылица была, точно, дивная, ростомъ не великонька, въ подобье арабской, но стройненькая, головка маленькая, глазокъ полный, яблочкомъ, ушки сторожкія; бочка самые звонкіе, воздушные, спинка какъ стрѣлка, а ножки легкія, точенныя, самыя уносистыя. Я, какъ подобной красоты былъ любитель, то никакъ глазъ отъ этой кобылицы не отвлеку. А ханъ Джангаръ видитъ, что на всѣхъ отъ нея зорость пришла и господа на нее какъ оглашенные цѣну наполняютъ, кивнулъ чумазому татарченку, а тотъ какъ прыгъ на нее, на лебедушку, да и ну ее гонить, — сидить, знаете, по-своему, по-татарски, колѣнками ее ежить. а она подъ нимъ окрыляется и точно птица летитъ, и не всколыхнетъ, а какъ онъ ей къ холочкѣ принагнется, да на нее гикнетъ, такъ она такъ вмѣстѣ съ пескомъ въ одинъ вихоръ и воскурится. Ахъ, ты, змѣя! думаю себѣ, ахъ ты стрепеть степной, аспидскій! гдѣ ты только могла такая зародиться? И чувствую, что рванулась моя душа къ ней, къ этой лошади, родной страстию. Пригонилъ ее татарчище назадъ, она пыхнула сразу въ обѣ ноздри, выдулась и всю усталъ сбросила и больше ни дыхнетъ и ни сапнетъ. Ахъ, ты, думаю, милушка; ахъ ты милушка! Кажется, спроси бы у меня за нее татаринъ не то что мою душу, а отца и

мать родную, и тѣхъ бы не пожалѣть—но гдѣ было о томъ и думать, чтобы этакого летуна достать, когда за нее между господами и ремонтерами не вѣсть какая цѣна слагалась, но и это еще было все ничего, какъ вдругъ тутъ еще торгъ не быть конченъ, и никому она не досталась, какъ видимъ изъ-за Суры, отъ Селиксы, гонить на ворономъ конѣ борзый всадникъ, а самъ широкою шляпою машетъ и подлетѣлъ, соскочилъ, коня бросилъ и прямо къ той къ бѣлой, кобылицѣ и сталъ опять у нея въ головахъ, какъ и первый статуй, и говоритъ:

— Моя кобылица.

А ханъ отвѣчаетъ:

— Какъ не твоя: господа мнѣ за нее пятьсотъ монетовъ дають.

А тотъ всадникъ—татарчище этакій огромный и пузатый, морда загорѣла и вся облупилась, словно кожа съ нея сорвана, а глаза малые точно щелки, и оретъ сразу:

— Сто монетовъ больше всѣхъ даю!

Господа взтерепенились, еще больше сулятъ, а сухой ханъ Джангаръ сидитъ да губы цмокаетъ, а отъ Суры съ другой стороны еще всадникъ татарчище гонить на гривастомъ конѣ, на игренемъ, и этотъ опять весь худой, желтый, въ чемъ кости держатся, а еще озорнѣе того, что первый пріѣхалъ. Этотъ съерзнулъ съ коня и какъ гвоздь воткнулся передъ бѣлой кобылицей и говоритъ:

— Всѣмъ отвѣчаю: хочу, чтобы моя была кобылица!

Я и спрашиваю сосѣда: въ чемъ тутъ у нихъ дѣло зависитъ. А онъ отвѣчаетъ:

— Это, говоритъ, дѣло зависитъ отъ очень большого хана-Джангарова понятія. Онъ, говоритъ, не одинъ разъ, а чуть не всякую ярмарку тутъ такую штуку подводитъ, что прежде всѣхъ своихъ обыкновенныхъ коней, коихъ пригонитъ сюда, распродаетъ, а потомъ въ послѣдній день, михорь его знаетъ откуда, какъ изъ-за пазухи выйметъ такого коня, или двухъ, что конасеры не знаютъ что дѣлають; а онъ, хитрый татаринъ, глядитъ на это, да тѣшится и еще деньги за то получаетъ. Эту его привычку знавши, всѣ уже такъ этого послѣдыша отъ него и ожидаютъ, и вотъ оно такъ и теперь вышло: всѣ думали, ханъ нонѣ уѣдетъ, и онъ, точно, ночью уѣдетъ, а теперь ишь какую кобылицу вывелъ...

— Диво, говорю, какая лошадь!

— Подлинно диво, — онъ ее, говорятъ, къ ярмаркѣ все-реди косяка пригонилъ, и такъ гнать, что ее за другими конями никому видѣть нельзя было, и никто про нее не зналъ, опричь этихъ татаръ, что прѣехали. да и тѣмъ онъ казалъ, что кобылица у него не продажная, а завѣтная, да ночью ее отъ другихъ оглучилъ и подѣ Мордовскій ишимъ въ лѣсъ отогналъ и тамъ на полянѣ съ особымъ пастухомъ пасъ, а теперь вдругъ ее выпустилъ и продавать сталъ, и ты погляди, что изъ-за нея тутъ за чудеса будутъ, и что онъ, собака, за нее возьметъ, а если хочешь, ударимся объ закладъ, кому она достанется?

— А что, моль, такое: изъ-за чего намъ бится?

— А изъ-за того, отвѣчаетъ, — что тутъ страсть, что сейчасъ почнется: и всѣ господа непременно спятятся, а лошадь который-нибудь вотъ изъ этихъ двухъ азіатовъ возьметъ.

— Что же они, спрашиваю: — очень что ли богаты?

— И богаты, отвѣчаетъ, — и озорные охотники: они свои большіе косяки гоняютъ и хорошей, завѣтной лошади другъ другу въ жизнь не уступятъ. Ихъ всѣ знаютъ: этотъ, брюхастый, что вся морда облуплена, это называется Бакшей Отучевъ, а худощій, что однѣ кости ходятъ, Чепкунъ Емгурчевъ, — оба злые охотники, и ты только смотри, что они за потѣху сдѣлаютъ.

Я замолчалъ и смотрю: господа, которые за кобылицу торговались, уже отступились отъ нея и только глядятъ, а тѣ два татарина другъ другу отпихиваютъ и все хана Джангара по рукамъ хлопаютъ, а сами за кобылицу держатся и всѣ трясутся да кричатъ; одинъ кричитъ:

— Я даю за нее, кромѣ монетовъ, еще пять головъ (значитъ пять лошадей), а другой вопить:

— Вретъ твоя мордамъ, я даю десять.

Бакшей Отучевъ кричитъ:

— Я даю пятнадцать головъ.

А Чепкунъ Емгурчевъ:

— Двадцать.

Бакшей:

— Двадцать пять.

А Чепкунъ:

— Тридцать.

А больше ни у того, ни у другого видно уже нѣтъ... Чепкунъ крикнулъ: тридцать, и Бакшей даетъ тоже только тридцать, а больше нѣтъ; но зато Чепкунъ еще въ придачу сѣдло сулитъ, а Бакшей сѣдло и халатъ, и Чепкунъ халатъ скидаетъ, а больше опять другъ друга имъ нечѣмъ одолѣвать. Чепкунъ крикнулъ: слушай меня, ханъ Джангаръ: я домой приѣду, я къ тебѣ свою дочь пригоню, и Бакшей тоже дочь сулитъ, а больше опять другъ друга нечѣмъ пересилить. Тутъ вдругъ вся татарва, копъ тутъ это торговнище зрѣли, заорали, загалдѣли по-своему; ихъ разнимають, чтобы до разоренія другъ друга не довели, тормозать ихъ, Чепкуна и Бакшея, въ разныя стороны, въ бока ихъ тычуть. уговаривають.

Я спрашиваю у сосѣда:

— Скажи, пожалуйста, что это такое у нихъ теперь пошло?

— А вотъ, видишь,—говоритъ:—этимъ князьямъ, которые ихъ разнимають, имъ Чепкуна съ Бакшеемъ жалко, что они очень заторговались, такъ вотъ они ихъ разлучають, чтобы опомнились и какъ-нибудь другъ дружкѣ честию кобылицу уступили.

— Какъ же,—спрашиваю:—можно ли, чтобы они другъ дружкѣ ее уступили, когда она обоимъ имъ такъ нравится? Этого быть не можетъ.

— Отчего же,—отвѣчаетъ:—азіаты народъ разсудительный и степенный: они разсудятъ, что зачѣмъ напрасно имѣніе терять и хану Джангару дадутъ сколько онъ проситъ, а кому коня взять—съ общаго согласія наперепоръ пустятъ.

Я любопытствую:

— Что же, молъ, такое это значитъ: «наперепоръ».

А тотъ мнѣ отвѣчаетъ:

— Нечего спрашивать, смотри, это видѣть надо, а оно сейчасъ начинается.

Смотрю и вижу, что и Бакшей Отучевъ и Чепкунъ Емгурчеевъ оба будто стихали и у тѣхъ своихъ татарь-мировщиковъ вырываются и оба другъ къ другу бросились, подбѣжали и по рукамъ бьютъ.

— Сгодя! дескать,—поладили.

И тотъ то же самое отвѣчаетъ:

— Сгодя! поладили!

И оба въ разъ съ себя и халаты долой, и бешметы, и

чевяки сбросили, и ситцевыя рубахи сняли, и въ однихъ широкихъ полосатыхъ портищахъ остались и плюхъ одинъ противъ другого, сѣли на землю, какъ курохтаны степные, и сидятъ.

Въ первой разъ мнѣ этакое диво видѣть доводилось, и я смотрю, чтѣ дальше будетъ? А они другъ дружкѣ лѣвыя руки подали и крѣпко ихъ держатъ, ноги растопырили и ими другъ дружкѣ слѣдами въ слѣды уперлись и кричатъ: «подавай!»

Что такое они себѣ требуютъ «подавать» я не предвижу, но тѣ, татарва-то, изъ кучки отвѣчаютъ:

— Сейчасъ, бачка, сейчасъ.

И вотъ вышелъ изъ этой кучки татаринъ старый, степенный такой, и держитъ въ рукахъ двѣ здоровыя нагайки и сравниваетъ ихъ въ рукахъ и кажетъ всей публикѣ и Чепкуну съ Бакшеемъ: смотрите, говоритъ, обѣ штуки ровныя.

— Ровныя,—кричатъ татарва:—все мы видимъ, что благородно сдѣланы, плети ровныя! Пусть садятся и начинаютъ.

А Бакшей и Чепкунъ такъ и рвутся, за нагайки хватаются.

Степенный татаринъ и говоритъ имъ: «подождите» и самъ имъ эти нагайки подаль: одну Чепкуну, а другую Бакшею, да ладонами хлопаешь тихо, разъ, два и три... И только что онъ въ третье хлопнулъ, какъ Бакшей стегнетъ изо всей силы Чепкуна нагайкою черезъ плечо по голой спинѣ, а Чепкунъ такимъ самымъ манеромъ на отвѣтъ его. Да и пошли этакъ одинъ другого потчивать: въ глаза другъ другу глядятъ, ноги въ ноги слѣдками упираются и лѣвыя руки крѣпко жмутъ, а правыми съ нагайками порются... Ухъ, какъ они знатно поролись! Одинъ хорошо черкнетъ, а другой еще лучше. Глаза-то у обонхъ даже вытолбенѣли и лѣвыя руки замерли, а ни тотъ, ни другой не сдается.

Я спрашиваю у моего знакома:

— Что же это, моль, у нихъ, стало-быть, въ родѣ какъ господа на дуэль, что ли, выходятъ?

— Да, — отвѣчаетъ:—тоже такой поединокъ, только это, говорить, не насчетъ чести, а чтобы не расходоваться.

— И что же, — говорю:—они этакъ могутъ другъ друга долго сѣчь?

— А сколько имъ, — говоритъ:—похочется и сколько силы станеть.

А тѣ все хлещутся, а въ народѣ за нихъ споръ пошелъ: одни говорятъ: «Чепкунъ Бакшея перепоретъ», а другіе спорять: «Бакшей Чепкуна перебьетъ» и, кому хочется, объ закладъ держать—тѣ за Чепкуна, а тѣ за Бакшея, кто на кого больше надѣется. Поглядятъ имъ съ познаниемъ въ глаза и въ зубы, и на спины посмотрятъ и по какимъ-то примѣтамъ понимаютъ кто надежнѣе, за того и держатъ. Человѣкъ, съ которымъ я тутъ разговаривалъ, тоже изъ зрителей опытныхъ былъ и сталъ сначала за Бакшея держать, а потомъ говоритъ:

— Ахъ, квитъ, пропалъ мой двугривенный: Чепкунъ Бакшея собьетъ.

А я говорю:

— Почему то знать? Еще, молъ, ничего не можно утвердить: оба еще ровно сидятъ.

А тотъ мнѣ отвѣчаетъ:

— Сидятъ-то,—говоритъ:—они еще оба ровно, да не одна въ нихъ повадка.

— Что же,—говорю:—по моему мнѣнію, Бакшей еще ярче стегаетъ.

— А вотъ то,—отвѣчаетъ:—и плохо. Нѣтъ, пропалъ за него мой двугривенный: Чепкунъ его запоретъ.

Что это, думаю, такое за диковина: какъ онъ непонятно, этотъ мой знакомецъ, рассуждаетъ? А вѣдь онъ же, размышляю, должно-быть въ этомъ дѣлѣ хорошо понимаетъ практику, когда объ закладъ бьется!

И стало мнѣ, знаете, очень любопытно, и я къ этому знакомцу пристаю:

— Скажи,—говорю:—милый человѣкъ, отчего ты теперь за Бакшея опасаться?

А онъ говоритъ: —

— Экой ты пригородникъ глупый: ты гляди,—говоритъ:—какая у Бакшея спина.

Я гляжу: ничего, спина этакая хорошая, мужественная, большая и пухлая, какъ подушка.

— А видишь,—говоритъ:—какъ онъ бьетъ?

Гляжу, и вижу тоже, что бьетъ яростно, даже глаза на лобъ выпяпилъ, и такъ его какъ ударить, такъ сразу до крови и рѣжетъ.

— Ну, а теперь сообрази, какъ онъ нутрёмъ дѣйствуетъ?

— Что же, молъ, такое нутрёмъ?—я вижу одно, что си-

дуть онъ прямо, и весь ротъ открылъ и воздухъ въ себя шибко забираетъ.

А мой знакомецъ и говоритъ:

— Вотъ это-то и худо: спина велика, по ней весь ударъ просторно ложится; шибко бьетъ, запыхается, а въ открытый ротъ дышитъ, онъ у себя воздухомъ все нутро пережжетъ.

— Что же,—спрашиваю:—стало быть Чепкунъ надежнѣй?

— Непремѣнно,—отвѣчаетъ:—надежнѣе: видишь, онъ весь сухой, кости въ одной кожѣ держатся и спиночка у него какъ лопата коробленая, по ней ни за что по всей ударъ не падетъ, а только мѣстечками, а самъ онъ, зри, какъ Бакшея спрехвала поливаетъ, не частитъ, а съ повадочкой, и плеть сразу не отхватываетъ, а подъ нею кожѣ напухать даетъ. Вонъ она отъ этого, спина-то, у Бакшея вся и вздулась и какъ котель поспинѣла, а крови нѣтъ и вся боль у него теперь въ тѣлѣ стоитъ, а у Чепкуна на худой спинѣ кожичка какъ на жареномъ поросенкѣ трещить, прорываетъ и оттого у него вся боль кровью сойдетъ и онъ Бакшея запереть. Понимаешь ты это теперь?

— Теперь,—говорю:—понимаю, и, точно, тутъ я всю эту азиатскую практику сразу понял и сильно ею заинтересовался: какъ въ такомъ случаѣ надо полезнѣе дѣйствовать?

— А еще самое главное,—указуетъ мой знакомецъ,—замѣчай, говоритъ, — какъ этотъ проклятый Чепкунъ хорошо мордой такту соблюдаетъ; видишь: стегнетъ и на отвѣтъ самъ вытерпитъ и соразмѣрно глазами хлопнетъ,—это легче, чѣмъ пилить глаза, какъ Бакшей пилить, и Чепкунъ зубы стиснулъ и губы прикусилъ, это тоже легче, оттого, что въ немъ черезъ эту замкнутость излишняго горѣнія внутри нѣтъ.

Я всѣ эти его любопытныя примѣты на умъ взялъ, и самъ вглядываюсь и въ Чепкуна, и въ Бакшея, и все мнѣ стало самому понятно, что Бакшей непременно свалится, потому что у него уже и глазища совсѣмъ обѣостолопѣли и губы веревочкой сошлись и весь оскаль открыли... И точно, глядимъ, Бакшей еще разъ двадцать Чепкуна стегануль и все разъ отъ разу слабѣе, да вдругъ брякъ назадъ и лѣвую Чепкунову руку выпустилъ, а своею правою все еще двигаетъ, какъ будто бьетъ. но уже безъ памяти, совсѣмъ въ обморокѣ. Ну, тутъ мой знакомый говоритъ:

«набашь: пропаль мой двугривенный». Тутъ всѣ и татары заговорили, поздравляютъ Чепкуна, кричатъ:

— Ай, башка Чепкунъ Емгуреевъ, ай, умнай башка—совѣмъ пересѣкъ Бакшея, садись—теперь твоя кобыла.

И самъ ханъ Джангарь всталъ съ кошмы и похаживаетъ, а самъ губами шлепаетъ и тоже говоритъ:

— Твоя, твоя, Чепкунъ, кобылица: садись, гони, на ней отдыхай.

Чепкунъ и всталъ: кровь струитъ по спинѣ, а ничего виду болѣзни не даетъ. положилъ кобылицѣ на спину свой халатъ и бешметъ, а самъ на нее брюхомъ вскинулся и такимъ манеромъ поѣхалъ, и мнѣ опять скучно стало.

— Вотъ, думаю, все это уже и окончилось, и мнѣ опять про свое положеніе въ голову полѣзеть: а мнѣ страхъ какъ не хотѣлось про это думать.

Но только, спасибо, мой тотъ знакомый человекъ говорить мнѣ:

— Подожди, не уходи, тутъ непременно что-то еще будетъ.

Я говорю:

— Чему же еще быть? все кончено.

— Нѣтъ,—говоритъ:—не кончено, ты смотри, говоритъ, какъ ханъ Джангаръ трубку жжетъ. Видишь, палитъ: это онъ непременно еще про себя что-нибудь думаетъ, самое азіатское.

Ну, а я себя думаю: ахъ, если еще что́ будетъ въ этомъ въ самомъ родѣ, то уже было бы только кому за меня заложиться, а уже я не спущу!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

И что же вы изволите полагать? Все точно такъ и вышло, какъ мнѣ желалось: ханъ Джангаръ трубку палитъ, а на него изъ чищобы гонить еще татарченокъ и уже этотъ не на такой кобылицѣ, какую Чепкунъ съ мировой у Бакшея взялъ, а караковый жеребенокъ, какого и описать нельзя. Если вы видали когда-нибудь, какъ по межѣ въ хлѣбахъ птичка коростель бѣжитъ, — по-нашему, по-орловски, дергачъ зовется: крыла онъ растопырить, а задъ у него не какъ у прочихъ птицъ, не распространяется по воздуху, а внизъ виситъ и ноги книзу пуститъ, точно онъ ему не надобны, — настоящее, выходитъ, будто онъ ѣдетъ по воз-

духу. Вотъ и этотъ новый конь, на эту птицу подобно, точно не своей силой неся.

Истинно не солгу скажу, что онъ даже не летѣлъ, а только земли за нимъ сзади прибавлялось. И такою легкости сроду не видалъ и не зналъ, какъ сего конька и цѣнить, на какія сокровища и кому его обречь, какому королевичу, а уже тѣмъ наче никогда того не думалъ, чтобы этотъ конь мой сталъ.

— Какъ онъ вашъ сталъ? — перебили рассказчика удивленные слушатели.

— Такъ-съ, мой, по всеѣмъ правамъ мой, но только на одну минуту, а какимъ манеромъ, извольте про это слушать, если угодно. Господа, по своему обыкновенію, начали и на эту лошадь торговаться и мой ремонтеръ, которому я дитя подарилъ, тоже встрялъ, а противъ нихъ, точно ровня имъ, взялся татаринъ Савакирей, такою коротышъ, небольшой, но крѣпкій, верченый, голова бритая, словно точеная, и круглая, будто молодой кочашокъ крѣпонькій, а рожа какъ морковь красная, и весь онъ будто огородинна какая здоровая и свѣжая. Кричить: что, говорить, по-пустому карманъ терять нечего, клади кто хочетъ деньги за руки сколько ханъ проситъ, и давай со мною пороться, кому конь достанется?

Господамъ, разумѣется, это не пристало, и они отъ этого сейчасъ въ сторону, да и гдѣ имъ съ этимъ татаринкомъ сѣчься, онъ бы, поганый, ихъ всеѣхъ перебилъ. А у моего ремонтера тогда уже и денегъ-то не очень густо было, потому онъ въ Пензѣ опять въ карты проигрался, а лошадь ему, я вижу, хочется. Вотъ я его сзади дернулъ за рукавъ, да и говорю: такъ и такъ, моль, лишняго слушать не надо, а что ханъ требуетъ, тѣ дайте, а я съ Савакиреемъ сяду потягаться на мировую. Онъ было не хотѣлъ, но я упрямилъ, говорю:

— Сдѣлайте такую милость: мнѣ хочется.

Ну, такъ и сдѣлали.

— Вы съ этимъ татаринкомъ... что же... сѣкли другъ друга?

— Да-съ, тоже такимъ манеромъ попоролись на мировую, и жеребенокъ мнѣ достался.

— Значитъ, вы татарина побѣдили?

— Побѣдилъ-съ не безъ труда, но пересилилъ его.

— Вѣдь это, должно быть, ужасная боль?

— Ммм... какъ вамъ сказать... да; вначалѣ есть - съ; и даже очень чувствительно, особенно потому, что безъ привычки, и онъ, этотъ Савакирей, тоже имѣлъ сноровку на опухъ бить, чтобы кровь не спущать, но я противъ этого его тонкаго искусства свою хитрую сноровку взялъ: какъ онъ меня хлобыснетъ, я самъ подъ нагайкой спиною поддерну и такъ приноровался, что сейчасъ шкуру себѣ и сорву, такимъ манеромъ и обезопасился, и самъ этого Савакирея запоролъ.

— Какъ запорол, неужто совершенно до смерти?

— Да-съ, онъ черезъ свое упорство да черезъ политику такъ глупо себя допустилъ, что его больше и на свѣтѣ не стало,—отвѣчалъ добродушно и безстрастно рассказчикъ, и видя, что слушатели всѣ смотрять на него, если не съ ужасомъ, то съ нѣмымъ недоумѣніемъ, какъ - будто почувствовалъ необходимость пополнить свой рассказъ поясненіемъ.

— Видите,—продолжалъ онъ:—это стало не отъ меня, а отъ него, потому что онъ во всѣхъ Рынь - пескахъ первый батырь считался и черезъ эту амбицію ни за что не хотѣлъ мнѣ уступить, хотѣлъ благородно вытерпѣть, чтобы позора черезъ себя на азіатскую націю не положить, но сомнѣлъ, бѣднячокъ, и противъ меня не вытерпѣлъ, вѣрно потому, что я въ ротъ грошъ взялъ. Ужасно это помогаетъ, и я все его грызъ, чтобы боли не чувствовать, а для разсѣянности мыслей въ умѣ удары считалъ, такъ мнѣ и ничего.

— И сколько же вы насчитали ударовъ?—перебили рассказчика.

— А вотъ навѣрное этого сказать не могу - съ, помню, что я сосчиталъ до двѣсти до восемьдесятъ и два, а потомъ вдругъ покачнуло меня въ родѣ обморока, я и соился на минуту и уже такъ безъ счета пущать, но только Савакирей тутъ же вскорѣ послѣдній разокъ на меня замахнулся, а уже ударить не могъ, самъ какъ кукла на меня впередъ и упалъ: посмотрѣли, а онъ мертвый... Тыфу, ты, дуракъ эдакій! до чего дотерпѣлся? Чуть я за него въ острогъ не поналъ. Татарва—тѣ ничего: ну, убилъ и убилъ: на то такія были коядици, потому что и онъ меня могъ засѣчь, но свои, наши русскіе, даже досадно какъ этого не понимаютъ, и взѣлись. Я говорю:

— Ну, вамъ что такого? что вамъ за надобность?

— Какъ, говорятъ:—вѣдь ты азіата убилъ?

— Ну, такъ, что же, моль, такое, что я его убилъ? Вѣдь это дѣло любовное. А развѣ лучше было бы, если бы онъ меня засѣкъ?

— Онъ, говорятъ, — тебя могъ засѣчь и ему ничего, потому что онъ иновѣръ, а тебя, говорятъ, по христіанству надо судить. Пойдемъ, говорятъ, въ полицію.

Ну, я себѣ думаю: ладно, братцы, судите вѣтра въ полѣ, а какъ по-моему полиція — нѣтъ ее ничего вреднѣе, то я сейчасъ шмыгъ за одного татарина, да за другого. Шепчу имъ:

— Спасайте, князья: сами видѣли, все это было на честномъ бою...

Они скалились и пошли меня другъ за дружкой перенихивать и скрыли.

— То-есть, позвольте... Какъ же они васъ *скрыли*?

— Совѣмъ я съ ними бѣжалъ въ ихъ степи.

— Въ степи даже!

— Да-съ, въ самые Рынь-пески.

— И долго тамъ провели?

— Цѣлыя десять лѣтъ: двадцати трехъ лѣтъ меня въ Рынь-пески доставили, по тридцать четвертому году я оттуда назадъ убѣжалъ.

— Что же вамъ понравилось или нѣтъ въ степи жить?

— Нѣтъ-съ; что же тамъ можетъ нравиться?—скучно и больше ничего; а только раньше уйти нельзя было.

— Отчего же: держали васъ татары въ ямѣ, или караулили?

— Нѣтъ-съ, они добрые, они этого неблагородства со мною не допускали, чтобы въ яму сажать, или въ колодки, а просто говорятъ: ты намъ, Иванъ, будь пріятель; мы, говорятъ, тебя очень любимъ, и ты съ нами въ степи живи и полезнымъ человѣкомъ будь, — коней намъ лѣчи, и бабамъ помогай.

— И вы лѣчили?

— Лѣчилъ; я такъ у нихъ за лѣкаря и былъ, и самихъ ихъ, и скотину всю, и коней, и овецъ, всего больше жесть ихнихъ, татарокъ, пользовалъ.

— Да вы развѣ умѣете лѣчить?

— Какъ бы вамъ это сказать... Да вѣдь въ этомъ ка-

кая же хитрость? Чѣмъ кто заболитъ—я сабуру дамъ, или калганнаго корня, и пройдетъ, а сабуру у нихъ много было, — въ Саратовѣ одинъ татаринъ цѣлый мѣшокъ нашелъ и привезъ, да они до меня не знали, къ чему его опредѣлить.

— И обжились вы съ ними?

— Нѣтъ-съ, постоянно назадъ стремился.

— И неужто никакъ нельзя было уйти отъ нихъ?

— Нѣтъ-съ, отчего же, если бы у меня ноги въ своемъ видѣ оставались, такъ я навѣрно давно бы назадъ въ отечество ушелъ.

— А у васъ что же съ ногами случилось?

— Подщетенень я былъ, послѣ перваго раза.

— Какъ это?.. Извините, пожалуйста, мы не совсѣмъ понимаемъ, что это значитъ, что вы были *подщетенены*?

— Это у нихъ самое обыкновенное средство: если они кого любятъ и удержать хотятъ, а тотъ тоскуетъ, или попытается бѣжать, то и дѣлаютъ съ нимъ, чтобы онъ не ушелъ. Такъ и мнѣ, послѣ того какъ я разъ попробовалъ уходить, да сбился съ дороги, они поймали меня и говорятъ: знаешь, Иванъ, ты, говорятъ, намъ будь пріятель и чтобы ты опять не ушелъ отъ насъ, мы тебѣ лучше пятки нарубимъ и малость щетинки туда пихнемъ, ну и испортили мнѣ такимъ манеромъ ноги, такъ что все время на карачкахъ ползаль.

— Скажите, пожалуйста: какъ же они дѣлаютъ эту ужасную операцію?

— Очень просто-съ: повалили меня на землю человекъ десять и говорятъ: «ты кричи, Иванъ, погромче кричи, когда мы начнемъ рѣзать: тебѣ тогда легче будетъ», и сверхъ меня сѣли, а одинъ такой искусникъ изъ нихъ въ одну минуточку мнѣ на подошвахъ шкурку подрѣзалъ да рубленой коневьей гривы туда засыпалъ и опять съ этой подсышкой шкурку завернулъ и стружкой зашилъ. Послѣ этого тутъ они меня, точно, дѣнь нѣсколько держали руки связавши, — все боялись, чтобы я себѣ ранъ не вредилъ и щетинку гноемъ не вывелъ; а какъ шкурка зажила и отпустили: теперь, говорятъ, здравствуй, Иванъ, теперь уже ты совсѣмъ нашъ пріятель и отъ насъ отсюда никогда не уйдешь.

Я тогда только всталъ на ноги, да и брякъ опять на

землю: волосъ-то этотъ рубленый, что подъ шкурой въ пятнахъ заросъ, такъ смертно больно въ живое мясо колотся, что не только шагу ступить невозможно, а даже устоять на ногахъ средства нѣтъ. Сроду я не плакивалъ, а тутъ даже въ голосъ заголосилъ:

— Что же это, говорю, вы со мною, азіаты проклятые, устроили? Вы бы меня лучше, аспиды, совсѣмъ убили, чѣмъ этакъ цѣлый вѣкъ такимъ калѣкой быть, что ступить не могу.

А они говорятъ:

— Ничего, Иванъ, ничего, что ты по пустому дѣлу обижаешься.

— Какое же, говорю, — это пустое дѣло, такъ человѣка испортить, да еще чтобы не обижаться?

— А ты, говорятъ, — присноровись, прямо-то на слѣдки не наступай, а раскорячкомъ на косточкахъ ходи.

— Тыфу, вы подлецы! — думаю я себѣ, и отъ нихъ отвернулся и говорить не сталъ, и только порѣшилъ себѣ въ своей головѣ, что лучше уже умру, а не стану, молъ, по вашему совѣту раскорякою на щиколоткахъ ходить; но потомъ полежалъ - полежалъ, — скука смертная одолѣла и сталъ присноравливаться и мало-по-малу пошелъ на щиколоткахъ ковылять. Но только они надо мной черезъ это нимало не смѣялись, а еще говорили:

— Вотъ и хорошо, и хорошо, Иванъ, ходишь.

— Экое несчастіе, и какъ же вы это пустились уходить и опять попались?

— Да невозможно-съ; степь ровная, дорогъ нѣтъ и ѣсть хочется... Три дня шелъ, ослабѣлъ не хуже лиса, руками какую-то птицу поймалъ и сырую ее съѣлъ, а тамъ опять голодъ и воды нѣтъ... Какъ идти?... Такъ и уналъ, а они отыскали меня и взяли и подчитнчили.

Нѣкто изъ слушателей замѣтилъ по поводу этого подчитниванья, что вѣдь это должно быть изъ рукъ вонъ неловко ходить на щиколоткахъ.

— По первоначалу даже очень нехорошо, — отвѣчалъ Иванъ Северьянычъ: — да и потомъ хоть я изловчился, а все много пройти нельзя. Но только зато они, эта татарва, не стану лгать, обо мнѣ съ этихъ поръ хорошо печалились:

— Теперь, говорятъ, тебѣ, Иванъ, самому трудно быть: тебѣ ни воды принести, ни что прочее для себя приготовить

неловко. Бери, говорятъ, братъ, себѣ теперь Наташу, — мы тебѣ хорошую Наташу дадимъ, какую хочешь выбирай.

Я говорю:

— Что мнѣ ихъ выбирать: одна въ нихъ во всѣхъ польза. Давайте какую попало. Ну, они меня сейчасъ безъ спора и женили.

— Какъ! женили васъ на татаркѣ?

— Да-съ; разумѣется, на татаркѣ. Сначала на одной того самаго Савакирея жейѣ, котораго я пересѣкъ, только она, эта татарка, вышла совсѣмъ мнѣ не по вкусу: благая какая-то и все какъ будто очень меня боялась и нимало меня не веселила. По мужу, что ли, она скучала, или такъ къ сердцу ей что-то подступало. Ну, такъ они замѣтили, что я ею сталъ отягощаться и сейчасъ другую мнѣ привели, эта маленькая была дѣвочка, не болѣе, какъ всего годовъ тринадцати... Сказали мнѣ:

— Возьми, Иванъ, еще эту Наташу, эта будетъ утѣшиѣ. Я и взялъ.

— И что же: эта точно была для васъ утѣшиѣ?—спросили слушатели Ивана Северьяныча.

— Да, — отвѣчалъ онъ: — эта вышла поутѣшиѣ, только порою, бывало, веселить, а порою тѣмъ докучаетъ, что балуется.

— Какъ же она баловалась?

— А разно... Какъ ей, бывало, вздумается; на колѣни, бывало, вкочить; либо спишь, а она съ головы тубетейку ногой скопнеть, да закишетъ куда попало, а сама смѣется. Станешь на нее грозиться, а она хохочетъ, заливается, да какъ русалка бѣгать почнетъ, ну, а мнѣ ее на карачкахъ не догнать,—шлепнешься, да и самъ разсмѣешься.

— А вы тамъ въ степи голову брили и носили тубетейку?

— Брилъ-съ.

— Для чего же это? вѣрно хотѣли нравиться вашимъ женамъ?

— Нѣтъ-съ; больше для опрятности, потому что тамъ бань нѣтъ.

— Такимъ образомъ у васъ, значить, за разъ было двѣ жены?

— Да-съ; въ этой степи двѣ; а потомъ у другого хана, у Агашимолы, кой меня утонилъ отъ Отучева, мнѣ еще двѣ дали.

— Позвольте же, — запыталъ опять одичь изъ слушателей: — какъ же васъ могли угнать?

— Подвохомъ-съ. Я вѣдь изъ Пензы бѣжалъ съ татарвою Чепкуна Емгурчеева и лѣтъ пять подь-рядъ жилъ въ емгурчеевской ордѣ и тутъ съѣзжались къ нему на радости всѣ князья и уланы, и шихъ-зады, и мало-зады, и бывалъ ханъ Джангарь и Бакшей Отучевъ.

— Это котораго Чепкунъ сѣкъ?

— Да-съ, тотъ самый.

— Какъ же это... развѣ Бакшей на Чепкуна не сердился?

— За что же?

— За то, что онъ такъ поролъ его и лошадь у него отбилъ?

— Нѣтъ-съ, они никогда за это другъ на друга не сердятся: кто кого по любовному уговору перебьетъ, тотъ и получай, и больше ничего; а только ханъ Джангарь мнѣ, точно, одинъ разъ выговаривалъ... эхъ, говоритъ, Иванъ, эхъ, глупая твоя бабка, Иванъ, зачѣмъ ты съ Савакиреемъ за русскаго князя сѣлся сѣлъ, — я, говоритъ, было хотѣлъ смѣяться, какъ самъ князь рубаха долой будетъ снимать.

— Никогда бы, отвѣчаю ему, ты этого не дождалъ.

— Отчего?

— Оттого, что наши князья, говорю, — слабодушные и не мужественные, и сила ихъ самая ничтожная.

Онъ понялъ.

— Я такъ, говоритъ, — и видѣлъ, что изъ нихъ, говоритъ, настоящихъ охотниковъ нѣтъ, а все только если, что хотить получить, такъ за деньги.

— Это, молъ, вѣрно: они безъ денегъ ничего не могутъ.

— Ну, а Агашмола, онъ изъ дальней орды былъ, гдѣ-то надъ самымъ Каспиемъ его косяки ходили, онъ очень лѣчиться любилъ и позвалъ меня свою ханшу попользовать и много головъ скота за то Емгурчею обѣщалъ. Емгурчей меня къ нему и отпустилъ: набралъ я съ собою сабуру и калганнаго корня и поѣхалъ съ нимъ. А Агашмола какъ взялъ меня, да и гайда, въ сторону со всѣмъ кочемъ, восемь дней въ сторону скакали.

— И вы верхомъ ѣхали?

— Верхомъ-съ.

— А какъ же ваши ноги?

— А что же такое?

— Да волосъ-то рубленый, который у васъ въ пяткахъ былъ, развѣ онъ васъ не безнокоптъ?

— Ничего; это у нихъ хорошо приноровлено: они эдакъ кого волосомъ подщегинять, тому хорошо ходить нельзя, а на конѣ такой подщегиненный человекъ еще лучше обыкновеннаго сидитъ, потому что онъ, раскорякой ходючи, всегда ноги колесомъ привыкаеть держать, и коня какъ обручемъ ими обтянетъ такъ, что ни за что его долой и не сбить.

— Ну и что же съ вами далѣе было въ новой стени у Агашимолы?

— Опять и еще жесточе погибалъ.

— Но не погибли?

— Нѣтъ-съ, не погибъ.

— Сдѣлайте же милость, расскажите: чтò вы дальше у Агашимолы вытерпѣли.

— Извольте.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Какъ Агашимолова татарва пригнали со мной на становище, такъ и гайда на другое на новое мѣсто пошли и уже не выпустили меня.

— Что, говорить,—тебѣ тамъ, Иванъ, съ Емгурчеевыми жить,—Емгурчей воръ, ты съ нами живи, мы тебя съ охотою уважать будемъ и хорошихъ Наташъ тебѣ дадимъ. Тамъ у тебя всего двѣ Наташи было, а мы тебѣ больше дадимъ.

Я отказался:

— На что, говорю, мнѣ ихъ больше? мнѣ больше не надо.

— Нѣтъ, говорить,—ты не понимаешь: больше Наташъ лучше: онѣ тебѣ больше Колекъ нарожаютъ, всѣ тебя тятъ-кой кричать будутъ.

— Ну, говорю, легко ли мнѣ обязанность татарчать воспитывать. Кабы ихъ крестить и причащать было кому, другое бы еще дѣло, а то что же: сколько я ихъ ни умножу, всѣ они ваши же будутъ, а не православные, да еще и обманывать мужиковъ станутъ какъ вырастутъ. Такъ двухъ женъ опять взялъ, а больше не принялъ, потому что если много бабъ, такъ онѣ хотъ и татарки, но ссорятся, поганья, и ихъ надо постоянно учить.

— Ну-съ, и что же, любилъ вы этихъ вашихъ новыхъ женъ?

— Какъ-съ?

— Этихъ новыхъ женъ своихъ вы любили?

— Любить?.. Да, то-есть вы про это? ничего, одна, что я отъ Агашимолы принялъ, была до меня услужлива, такъ я ее ничего... сожалѣлъ.

— А ту дѣвочку, что прежде молоденькая-то такая у васъ въ женахъ была? она вамъ, вѣрно, больше нравилась?

— Ничего; я и ее жалѣлъ.

— И скучали навѣрно по ней, когда васъ изъ одной орды въ другую укралъ?

— Нѣтъ; скучать не скучалъ.

— Но вѣдь у васъ, вѣрно, и тамъ отъ тѣхъ отъ первыхъ женъ дѣти были?

— Какъ же-съ, были: Савакиреева жена родила двухъ Колежъ да Натанку, да эта маленькая въ пять лѣтъ шесть штукъ породила, потому что она двухъ Колежъ въ одинъ разъ парюю принесла.

— Позвольте, однако, спросить васъ: почему вы ихъ все такъ называете «Кольками» да «Натанками»?

— А это по-татарски. У нихъ все: если взрослый русскій человѣкъ такъ *Иванъ*, а женщина *Натанка*, а мальчиковъ они *Кольками* кличутъ, такъ и моихъ женъ, хоть онѣ и татарки были, но по мнѣ ихъ все уже русскими числили и Натанками звали, а мальчишекъ Кольками. Однако, все это, разумѣется, только поверхностно, потому что они были безъ всѣхъ церковныхъ таинствъ и я ихъ за своихъ дѣтей не почиталъ.

— Какъ же не почитали за своихъ? почему же это такъ?

— Да что же ихъ считать, когда они не крещеные-съ, и муромъ не мазаны.

— А чувства-то ваши родительскія?

— Что же такое-съ?

— Да неужто же вы этихъ дѣтей нимало и не любили, и не ласкали ихъ никогда?

— Да вѣдь какъ ихъ ласкать? Разумѣется, если, бывало, какъ одинъ сидишь, а который-нибудь подбѣжитъ, ну, ничего, по головкѣ его рукой поведешь, поглядишь и скажешь ему «стунай къ матери», но только это рѣдко доводилось, потому мнѣ не до нихъ было.

— А отчего же не до нихъ: дѣла, что ли, у васъ очень много было?

— Нѣтъ-съ; дѣла никакого, а тосковалъ: очень домой въ Россію хотѣлось.

— Такъ вы и въ десять лѣтъ не привыкли къ степямъ?

— Нѣтъ-съ, домой хочется... тоска дѣлалась. Особенно по вечерамъ, или даже когда среди дня стоитъ погода хорошая, жарынь, въ стану тихо, вся татарва отъ зною попадаетъ по шатрамъ и спитъ, а я подниму у своего шатра полочку и гляжу на степи... въ одну сторону и въ другую—все одинаково... Знойный видъ, жестокій; просторъ—краю нѣтъ; травы, буйство; ковыль бѣлый, пушистый, какъ серебряное море волнуется и по вѣтерку запахъ несетъ: овцой пахнетъ, а солнце обливаетъ, жжетъ, и степи, словно жизни тягостной, нигдѣ конца не предвидится и тутъ глубинѣ тоски дна нѣтъ... Зришь, самъ не знаешь куда, и вдругъ предъ тобой отколъ ни возмется обозначается монастырь, или храмъ и вспомнишь крещеную землю и заплачешь.

Иванъ Северьянычъ остановился. тяжело вздохнулъ отъ воспоминанія и продолжалъ:

— Или еще того хуже было на солончакахъ надъ самымъ надъ Каспіемъ; солнце рдѣеть, печеть и солончакъ блеснить и море блеснить... Одурѣніе отъ этого блеску даже хуже чѣмъ отъ ковыля дѣлается и не знаешь тогда, гдѣ себя, въ какой части свѣта числить, то-есть живъ ты или уже умеръ и въ безнадежномъ аду за грѣхи мучишься. Тамъ, гдѣ степь ковылистѣе, она все-таки радостнѣй; тамъ хоть по уваламъ кое-гдѣ изрѣдка шалфей сизѣть, или мелкій полынь и чабрець пестритъ бѣлизну! а тутъ все одно блыщаніе... Тамъ, гдѣ-нибудь огонь паломъ по травѣ поидеть, — суета поднимется: дрохвы летятъ, стрепеты, кулики степные и охота на нихъ затѣется. Тудаковъ этихъ, или по здѣшнему драхововъ, на коняхъ завѣзаемъ и длинными кнутьями засѣкаемъ; а тамъ, гляди, надо и самимъ съ коня отъ огня бѣжать... Все отъ этого развлеченіе. А потомъ по старому палу опять клубника засядетъ; птица на нее разная налетитъ, все больше мелочь этакая и поидетъ въ воздухъ чириканье... А потомъ еще гдѣ-нибудь и кустикъ встрѣтишь: таволожка, дикій персичекъ, или чилизникъ... И когда на восходѣ солнца туманъ рососо садится, будто прохладой пахнетъ и идутъ отъ растенія запахи... Оно, разумѣется, и при всемъ этомъ скучно, но все еще перенестъ можно, но на солончакѣ не приведи Господи ни-

кому долго побывать. Конь тамь одно время бывает доволен: онь соль лижетъ и съ нея много пьетъ и жирѣетъ, но человѣку тамь—погибель. Живности даже никакой нѣтъ, только и есть, какъ на смѣхъ, одна малая птичка, красноустикъ, въ родѣ нашей ласточки, самая непримѣчательная, а только у губокъ этакая оторочка красная. Зачѣмъ она къ этимъ морскимъ берегамъ летитъ—не знаю, но какъ съѣсть ей постоянно здѣсь не на что, то она упадетъ на солончакъ, полежитъ на своей хлупи и, глядишь, опять схватилась и опять полетѣла, а ты и сего лишень, ибо крыльевъ нѣтъ, и ты снова здѣсь, и нѣтъ тебѣ ни смерти, ни живота, ни покаянія, а умрешь, такъ какъ барана тебя въ соль положить, и лежи до конца свѣта солониною. А еще и этого тошнѣ зимою на тюбенькѣ; снѣгъ малый, только чуть траву укроетъ и залубенить—татары тогда все въ юртахъ надъ огнемъ сидятъ, курятъ... И вотъ тутъ они со скуки тоже часто между собою порются. Тогда выйдешь и глянуть не на что: кони нахохряются и ходятъ свернувшись, худые такіе, что только хвосты да гривы развѣваются. Насилу ноги волочатъ и копытомъ снѣжный насть разгребаютъ и мерзлую травку гложутъ, тѣмъ и питаются, — это и называется *тюбенькуютъ*... Несносно. Только и разсѣянія, что если замѣчаютъ, что какой конь очень ослабѣлъ и тюбеньковать не можетъ, — снѣгу копытомъ не пробиваетъ и мерзлаго корня зубомъ не достаетъ, то такого сейчасъ въ горло ножомъ колютъ и шкуру снимаютъ, а мясо ѣдятъ. Препоганое, однако, мясо: сладкое, все равно въ родѣ какъ коровье вымя, но жесткое: отъ нужды, разумѣется, ѣшь, а самого мутитъ. У меня, спасибо, одна жена умѣла еще коневыя ребра коптить: возьметъ какъ есть коневыя ребра, съ мясомъ съ обѣихъ сторонъ, да въ большую кличку всунетъ и надъ очагомъ выкоптитъ. Это еще ничего, сходнѣе ѣсть можно, потому что оно, по крайней мѣрѣ, запахомъ въ родѣ ветчины отдаетъ, но а на вкусъ все равно тоже поганое. И тутъ-то такую гадость гложешь и вдругъ вздумаешь: ахъ, а дома у насъ теперь въ деревнѣ къ празднику утокъ, моль, и гусей щипать, свиней рѣжутъ, щи съ зашеинной варятъ жирныя-прежирныя, и отецъ Илья, нашъ священникъ, добрый-предобрый старичокъ, теперь скоро пойдетъ онъ Христа славить и съ нимъ дяки, понады и дячихи идутъ и съ семинаристами, и всѣ навеселѣ, а самъ отецъ

Илья много пить не можетъ: въ господскомъ домѣ ему дворецкій рюмочку поднесетъ; въ конторѣ тоже управитель съ нянькой вышетъ, попотчуетъ, отецъ Илья и раскиснетъ и ползетъ къ намъ на дворню, совсѣмъ чуть ножки волочить пьяненькій: въ первой съ краю избѣ еще какъ-нибудь рюмочку прососетъ. а тамъ ужъ болѣе не можетъ и все подъ ризой въ бутылочку сливается. Такъ это все у него семейственно, даже въ разсужденіи кушанья, онъ если что посмачишь изъ съѣстного увидитъ, проситъ: «дайте, говоригъ, мнѣ въ газетную бумажку. я съ собой заверну». Ему обыкновенно скажутъ: «нѣту, молъ, батюшка, у насъ газетной бумаги», онъ не сердится, а возьметъ такъ просто и, не завернувши, своей попадейкѣ передать и дальше столь же мирно пойдетъ. Ахъ, судари, какъ это все съ дѣтства памятное житье пойдетъ вспоминаться, и понапретъ на душу и станетъ вдругъ загнетать на печеняхъ, что гдѣ ты пропадасшь, ото всего этого счастья отлучень и столько лѣтъ на духу не быть, и живешь невѣянчаный и умрешь неотпѣтый, и охватить тебя тоска, и... дождешься ночи, выползешь потихоньку за ставку, чтобы ни жены, ни дѣти и никто бы тебя изъ поганыхъ не видалъ, и начнешь молиться... и молишься,—такъ молишься, что даже снѣгъ пнда подъ кельѣнами протааетъ и гдѣ слезы падали—утромъ травку увидишь.

Разсказчикъ умолкъ и поникъ головою. Его никто не тревожилъ; казалось, всѣ были проникнуты уваженіемъ къ святой скорби его послѣднихъ воспоминаній; но прошла минута и Иванъ Северьянычъ самъ вздохнулъ, какъ рукой махнулъ: снялъ съ головы своей монастырскій колпачокъ и, перекрестясь, молвить.

— А все прошло, слава Богу!

Мы дали ему немножко поотдохнуть и дерзнули на новые вопросы о томъ, какъ онъ, нашъ очарованный богатырь, выправилъ свои попорченія волосяною сѣчкою пятки и какими путями онъ убѣжалъ изъ татарской степи отъ своихъ Наташекъ и Колекъ и попалъ въ монастырь?

Иванъ Северьянычъ удовлетворилъ это любопытство съ полною откровенностью, измѣняя которой онъ, очевидно, былъ вовсе не способенъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Дорожа послѣдовательностью въ развитіи заинтересовавшей насъ исторіи Пвана Северьяновича, мы просили его прежде всего рассказать, какими необыкновенными средствами онъ избавился отъ своей щетинки и ушелъ изъ плѣна? Онъ повѣдалъ объ этомъ слѣдующее сказаніе:

— Я совершенно отчаялся когда-нибудь вернуться домой и увидать свое отечество. Помышленіе объ этомъ даже мнѣ казалось невозможнымъ и стала даже во мнѣ самая тоска замирать. Живу, какъ статуя безчувственный, и больше ничего; а иногда думаю: что вотъ же, моль, у насъ дома въ церкви этотъ самый отецъ Илья, который все газетной бумажки проситъ, бывало, на служеніи молится «о плавающихъ и путешествующихъ, страждущихъ и *плѣнныхъ*». а я, бывало, когда это слушаю, все думаю: зачѣмъ? развѣ теперь есть война, чтобы о плѣнныхъ молиться? А вотъ теперь и понимаю, зачѣмъ такъ молятся, но не понимаю, отчего же мнѣ отъ всѣхъ этихъ молитвъ никакой пользы нѣтъ и, по малости сказать, хоша не невѣрую, а смущаюсь и самъ молиться не сталъ.

— Что же, думаю, молить, когда ничего этого не выходитъ.

А между тѣмъ вдругъ однажды слышу-послышу татарва что-то сумятыся.

Я говорю:

— Что такое?

— Ничего, говорятъ. — изъ вашей стороны два муллы пришли, отъ Бѣлаго Царя охранный листъ имѣютъ и далеко идти свою вѣру уставлять.

Я бросился: говорю:

— Гдѣ они?

Мнѣ показали на одну юрту, я и пошелъ туда, куда показали. Прихожу и вижу тамъ собралось много пшихъ-задовъ и мало-задовъ, имамовъ и дербышей, и всѣ, поджавъ ноги, на кошмахъ сидятъ, а посреди ихъ два человѣка незнакомые, одѣты хотя и по-дорожному, а видно, что духовнаго званія: стоятъ оба посреди этого сброда и слову Божьему татаръ учатъ.

Я ихъ какъ увидаль, взрадовался, что русскихъ вижу, и сердце во мнѣ затрепетало и упалъ я имъ въ ноги и за-

рыдалъ. Они тоже этому моему поклону обрадовались и оба воскликнули:

— А что? а что? видите! видите? какъ дѣйствуетъ благодать, вотъ она уже одного вашего коснулась, и онъ обращается отъ Магомета.

А татары отвѣчаютъ, что это, молъ, ничего не дѣйствуетъ: это — вашъ Иванъ, онъ изъ вашихъ, изъ русскихъ, только въ плѣну у насъ здѣсь проживаетъ.

Миссіонеры очень этимъ недовольны сдѣлались. Не вѣрятъ, что я русскій, а я и встрять самъ:

— Нѣтъ, — я говорю, — я, точно, русскій! Отцы, говорю, духовные! смилуйтесь, выручите меня отсюда! я здѣсь уже одиннадцатый годъ въ плѣну томлюсь и видите, какъ изувѣченъ: ходить не могу.

Они, однако, нисколько на эти мои слова не уважили и отвернулись и давай опять свое дѣло продолжать: все проповѣдуютъ.

Я думаю: ну что же на это роптать: они люди должностные и, можетъ-быть, имъ со мною неловко иначе при татарахъ обойтись и оставить, а выбралъ такой часъ, что они были одни въ особливой ставкѣ, и кинулся къ нимъ, и уже со всею откровенностью имъ все рассказалъ, что самую жестокою участь претерпѣваю и прошу ихъ.

— Попугайте, — говорю, — ихъ, отцы благодѣтели, нашимъ батюшкой Бѣлымъ Царемъ: скажите имъ, что онъ не велитъ азіатамъ своихъ подданныхъ насильно въ плѣну держать, или, еще лучше, выкупъ за меня имъ дайте, а я вамъ служить пойду. Я, говорю, здѣсь живучи, ихнему татарскому языку отлично научился и могу вамъ полезнымъ человѣкомъ быть.

А они отвѣчаютъ:

— Что, говорятъ, сыне: выкупу у насъ нѣтъ, а пугать, — говорить, — намъ невѣрныхъ не позволено, потому что и безъ того люди лукавые и непреданные, и съ ними изъ политики мы вѣжливость соблюдаемъ.

— Такъ что же, говорю: стало-быть мнѣ изъ-за этой политики такъ тутъ цѣлый вѣкъ у нихъ и пропадать?

— А что же, говорятъ, — все равно, сыне, гдѣ пропадать, а ты молись: у Бога много милости, можетъ-быть Онъ тебя и избавитъ.

— Я, молъ, молился, да уже силъ моихъ нѣтъ и упованіе отложило.

— А ты, говорятъ,—не отчаивайся, потому что это большой грѣхъ!

— Да я, говорю,—не отчаиваюсь, а только... какъ же вы это такъ... мнѣ это очень обидно, что вы, русскіе и земляки, и ничего пособить мнѣ не хотите.

— Нѣтъ, отвѣчаютъ,—ты, чадо, насъ въ это не мѣшай, мы во Христѣ, а во Христѣ нѣтъ ни еллинъ, ни жидъ: наши земляки всѣ послушенствующіе. Намъ всѣ равны, всѣ равны.

— Всѣ?—говорю.

— Да, —отвѣчаютъ: — всѣ, это наше наученіе отъ апостола Павла. Мы куда приходимъ, не ссоримся... это намъ не подобаетъ. Ты рабъ и, что дѣлать, терпи, ибо и по апостолу Павлу,—говорятъ,—рабы должны повиноваться. А ты помни, что ты христіанинъ и потому о тебѣ намъ уже хлопотать нечего, твоей душѣ и безъ насъ врата въ рай уже отверсты, а эти во тьмѣ будутъ, если мы ихъ не присоединимъ, такъ мы за нихъ должны хлопотать.

И показываютъ мнѣ книжку:

— Вотъ вѣдь,—говорятъ,—видишь сколько здѣсь у насъ человекъ въ этомъ реестрѣ записано,—это все мы столько людей къ нашей вѣрѣ присоединили!

Я съ ними больше и говорить не сталъ и не видѣлъ ихъ больше, какъ окромя одного, и то случаемъ: пригонилъ отколь-то разъ одинъ мой сынишка и говоритъ:

— У насъ на озерцѣ, тятка, человекъ лежитъ.

Я пошелъ посмотрѣть: вижу, на ногахъ съ колѣнъ чулки содраны, а съ рукъ по локти перчатки сняты, татарва это искусно дѣлаютъ, обчертить да дернетъ, такъ шкуру и сниметъ,—а голова этого человека въ сторонкѣ валяется и на лбу крестъ вырѣзанъ.

— Эхъ, думаю:—не хотѣлъ ты за меня, землякъ, хлопотать и я тебя осуждалъ, а ты вотъ сподобился и вѣнецъ страданія пріялъ. Прости меня теперь ради Христа!

И взялъ я его перекрестилъ, сложилъ его головку съ туловищемъ, поклонился до земли и закопалъ, и «Святый Боже» надъ нимъ прошѣлъ,—а куда другой его товарищъ дѣлся, такъ и не знаю; но только тоже вѣрно онъ тѣмъ же кончилъ, что вѣнецъ пріялъ, потому что у насъ послѣ по

ордѣ у татарокъ очень много образковъ пошло, тѣхъ самыхъ, что съ этими миссіонерами были.

— А эти миссіонеры даже и туда въ Рынь-пески заходятъ?

— Какъ же-съ, они ходятъ, но только все безъ пользы безъ всякой.

— Отчего же?

— Обращаться не знаютъ какъ. Азіата въ вѣру привести надо со страхомъ, чтобы онъ трясся отъ перепуга, а они имъ Бога смирнаго проповѣдываютъ. Это по первоначалу никакъ не годится, потому что азіатъ смирнаго Бога безъ угрозы ни за что не уважить и проповѣдниковъ побьеть.

— А главное, надо полагать, пдучи къ азіатамъ, денегъ и драгоценностей не надо при себѣ имѣть.

— Не надо-съ; а впрочемъ, все равно они не повѣрятъ, что кто-нибудь пришелъ, да ничего при себѣ не принесъ; подумаютъ, что гдѣ-нибудь въ степи закопалъ и пытаться станутъ и запытаютъ.

— Вотъ разбойники!

— Да-съ; такъ было при мнѣ съ однимъ жидовиномъ: старый жидовинъ не вѣсть откуда пришелъ, и тоже о вѣрѣ говорилъ. Человѣкъ хорошій и видно къ вѣрѣ своей усердный и весь въ такихъ лохмоткахъ, что вся плоть его видна, а сталъ говорить про вѣру, такъ даже кажется никогда бы его не перестать слушать. Я съ нимъ по первоначалу было спорить зачалъ, что какая же, молъ, ваша вѣра, когда у васъ святыхъ нѣтъ, но онъ говоритъ: есть, и началъ по талмуду читать, какіе у нихъ бываютъ святые... очень занятно, а тотъ талмудъ, говоритъ, написалъ раввинъ Іовозбенъ Леви, который былъ такой ученый, что грѣшныя люди на него смотрѣть не могли; какъ взглянули, сейчасъ всѣ умирали, черезъ что Богъ позвалъ его передъ самого себя и говоритъ: «Эй, ты, ученый раввинъ, Іовозбенъ Леви! то хорошо, что ты такой ученый, но только то нехорошо, что чрезъ тебя всѣ мои жидки могутъ умирать. Не на то, говоритъ, я ихъ съ Моисеемъ черезъ степь перегналъ и черезъ море переправилъ. Пошелъ-ну ты за это вонъ изъ своего отечества и живи тамъ, гдѣ бы тебя никто не могъ видѣть». — А раввинъ Леви какъ пошелъ, то ударился до самаго до того мѣста, гдѣ былъ рай, и зарылъ себя тамъ въ

песокъ по самую шею и пребывать въ немъ тринадцать лѣтъ, а хотя же и былъ засыпанъ по шею, но всякую субботу приготавливалъ себѣ агнца, который былъ печенъ огнемъ, съ небеси нисходящимъ. И если комаръ или муха ему садилась на носъ, чтобы пить его кровь, то они тоже сейчасъ были пожираемы небеснымъ огнемъ... Азіатамъ это очень понравилось про ученаго раввина, и они долго сего жидовина слушали, а потомъ приступили къ нему и стали его допрашивать: гдѣ онъ, идучи къ нимъ, свои деньги закопалъ? Жидовинъ батюшки-какъ клялся, что денегъ у него нѣтъ, что его Богъ безо всего послалъ съ одной мудростью, ну, однако, они ему не повѣрили, а сгребли уголья, гдѣ костеръ горѣлъ, разостлали на горячую золу коневью шкуру, положили на нее и стали потряхивать. Говори имъ, да говори: гдѣ деньги? А какъ видятъ, что онъ весь почернѣлъ и голосу не подаетъ:

— Стой,—говорятъ:—давай мы его по горло въ песокъ закопаемъ: можетъ быть ему отъ этого проходить.

И закопали, но, однако, жидовинъ такъ закопанный и померъ, и голова его долго потомъ изъ песку чернѣлась, но дѣти ее стали пужаться, такъ срубали ее и въ сухой колодець кинули.

— Вотъ тебѣ и проповѣдуй имъ!

— Да-съ; очень трудно, но а деньги у этого жидовина все-таки вѣдь были.

— Были?!

— Были-съ; его потомъ волки тревожить стали и шакалки и всего по кусочкамъ изъ песку повытаскали и, наконецъ, добрался и до обуви. Тутъ сапожонки растормошили, а изъ подметки семь монетъ выкатились. Нашли ихъ потомъ.

— Ну, а какъ же вы-то отъ нихъ вырвались?

— Чудомъ спасень.

— Кто же это чудо сдѣлалъ, чтобы васъ избавить?

— Талафа.

— Это кто же такой, этотъ Талафа: тоже татаринъ?

— Нѣтъ-съ; онъ другой породы, индійской, и даже не простой индеецъ, а ихній богъ, на землю сходящій.

Упрощенный слушателями, Иванъ Северьянычъ Флягинъ рассказалъ нижеслѣдующее объ этомъ новомъ актѣ своей житейской драмо-комедіи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

— После того, какъ татары нашихъ мисанеровъ избавились, опять пронесли безъ мала годъ и опять была зима и мы перегнали косяки тюбеньковать на сторону поюжиѣ къ Каспію и тутъ вдругъ одного дня передъ вечеромъ пригнали къ намъ два человѣка, ежели только можно ихъ за человѣковъ считать. Кто ихъ знаетъ, какіе они и откуда и какого рода и званія. Даже языка у нихъ никакого настоящаго не было, ни русскаго, ни татарскаго, а говорили слово по-нашему, слово по-татарски, а то промежъ себя не вѣсть по-каковски. Оба не старые, одинъ черный, съ большой бородой, въ халатъ, будто и на татарина похожъ, но только халатъ у него не пестрый, а весь красный и на башкѣ острая персіанская шапка, а другой рыжій, тоже въ халатъ, но этакій штуковатый: все ящички какіе-то при себѣ имѣлъ и сейчасъ, чуть ему время есть, что никто на него не смотритъ, онъ съ себя халатъ долой сниметъ и остается въ однихъ штанцахъ и въ курточкѣ, а эти и штанцы и курточка по такому шиты, какъ въ Россіи на заводахъ у какихъ-нибудь нѣмцевъ бываетъ. И все онъ, бывало, въ этихъ ящичкахъ что-то вертитъ да перебираетъ, а что такое у него тамъ содержалось—лихо его вѣдаетъ. Говорили, будто изъ Хивы пришли коней закупать и хотятъ тамъ у себя дома съ кѣмъ-то войну дѣлать, а съ кѣмъ — не сказываютъ, но только все татарву противъ русскихъ подущаютъ. Слышу я — этотъ рыжій — говоритъ онъ много не умѣетъ, а только выговоритъ въ родѣ какъ по-русски «натшальникъ» и плюнетъ; но денегъ съ ними при себѣ не было, потому что они, азіаты, это знаютъ, что если съ деньгами въ степь пріѣхать, то оттолъ уже съ головой на плечахъ не выйдешь, а манули они нашихъ татаръ, чтобы имъ косяки коней на ихъ рѣку, на Дарью, перегнать, и тамъ расчетъ сдѣлать. Татарва и туда, и сюда мыслями разсѣялись, и не знаютъ: согласиться на это, или нѣтъ? Думаютъ, думаютъ, словно золото копаютъ, а видно чего-то боятся.

А тѣ ихъ то честью уговаривали, а потомъ тоже и пугать начали:

— Гоните, — говорятъ: — а то вамъ худо можетъ быть: у насъ есть богъ Талафа и онъ съ нами свой огонь прислалъ. Не дай Богъ какъ рассердится.

Татары того бога не знают и сомнѣваются, что онъ имъ сдѣлать можетъ въ степи, зимою, съ своимъ огнемъ, — ничего. Но этотъ чернобородый, который изъ Хивы пріѣхалъ въ красномъ халатѣ, говоритъ, что если, говоритъ, вы сомнѣваетесь, то Талафа вамъ сею же ночью свою силу покажетъ, только вы, говоритъ, если что увидите или услышите, наружу не высекаивайте, а то онъ сожжетъ. Разумѣется, всѣмъ это среди скуки степной, зимней, ужасъ какъ интересно, и всѣ мы хотя немножко этой ужаси боимся, а рады посмотреть: что такое отъ этого индійскаго бога будетъ; чѣмъ онъ, какимъ чудомъ проявится?

Позабрались мы съ женами и съ дѣтьми подъ ставки рано и ждемъ... Все темно и тихо, какъ и во всякую ночь, только вдругъ, такъ въ первый сонъ, я слышу, что будто въ степи что-то какъ вьюга пришипѣло и хлопнуло, и сквозь сонъ мнѣ показалось, будто съ небесъ пскры посыпались.

Схватился я, гляжу и жены мои ворочаются и ребята заплакали.

Я говорю:

— Цыть! заткните имъ глотки, чтобы сосали и не плакали.

Тѣ зацмектали и стало опять тихо, а въ темной степи вдругъ опять вверхъ огонь зашипѣлъ... зашипѣло и опять лопнуло...

— Ну, думаю, однако, видно Талафа-то не шутка!

А онъ мало спустя, опять зашипѣлъ да уже совсѣмъ на другой манеръ, — какъ птица огненная выпорхнулъ съ хвостомъ, тоже съ огненнымъ, и огонь необыкновенно какой, какъ кровь красный, а лопнетъ, вдругъ все желтое сдѣлается и потомъ синее станетъ.

По становищу, слышу, все какъ умерло. Не слышать этого, разумѣется, никому нельзя этакой палбы, но всѣ, значить, оробѣли и лежатъ подъ тулупами. Только слышно, что земля вразъ вздрогнетъ, затрясется и опять станетъ. Это, можно разумѣть, кони шарахаются и все въ кучу тѣсняются, да слышно разъ было какъ эти хивяки, или индійцы, куда-то пробѣгли и сейчасъ опять по степи огонь какъ пустится змѣемъ... Коня какъ зынулъ на то, да и понеслись... Татарва и страхъ позабыли, всѣ повыскакали, башками трясутъ, воиятъ: Алла! Алла! да въ ногою, а тѣ,

хивяки, пропали и слѣда ихъ нѣтъ, только одинъ ящикъ свой покинули по себѣ на память... Вотъ тутъ какъ всѣ наши багыри угнали за табуномъ, а въ стану однѣ бабы да старики остались, я и доглядѣлся до этого ящика: что тамъ такое? Вижу въ немъ разныя земли и снадобья, и бумажныя трубки: я сталъ разъ одну эту трубку близко къ костру разсматривать, а она какъ хлопнетъ, чуть мнѣ огнемъ всѣ глаза не выжгло, и вверхъ полетѣла, а тамъ... бббахххъ звѣздами разсыпало... Эге, думаю себѣ, да это должно не богъ, а просто фейверокъ, какъ у насъ въ публичномъ саду пускали, да опять какъ изъ другой трубки бабахну, а гляжу татары, кои тутъ старики остались уже, и повалились и ничкомъ лежать кто гдѣ упалъ, да только ногами дрыгаютъ... Я было по-первоначалу и самъ испугался, но потомъ какъ увидаль, что они этакъ дрыгаютъ, вдругъ совсѣмъ въ иное расположеніе пришелъ и съ тѣхъ поръ, какъ въ полощъ попалъ, въ первый разъ какъ закриплю зубами, да и ну на нихъ вслухъ какія попало незнакомыя слова произносить. Кричу какъ можно громче:

— Парле-бьень-комса-шире-миръ-ферфлюхтуръ-мишь-адью мусью!

Да еще трубку съ вертуномъ выпустилъ... Ну, тутъ уже они, увидавъ, какъ вертунъ съ огнемъ ходитъ, всѣ какъ умерли... Огонь погасъ, а они все лежать и только нѣтъ-нѣтъ одинъ голову подниметь, да и опять сейчасъ мордокъ внизъ, а самъ только пальцемъ киваетъ, зоветъ меня къ себѣ. Я подошелъ и говорю:

— Ну, что? признавайся; чего тебѣ, проклятому: смерти или живота? потому что вижу, что они уже страсть меня боятся.

— Прости, — говорятъ: — Иванъ, не дай смерти, а дай живота.

А въ другомъ мѣстѣ тоже и другіе такимъ манеромъ киваютъ и все прощенья и живота просятъ.

Я вижу, что хорошо мое дѣло заиграло: вѣрно уже я за всѣ свои грѣхи оттерпѣлся и прощу:

— Мать Пресвятая Владычица, Николай угодникъ, лебедки мои, голубчики, помогите мнѣ, благодѣтели!

А самъ татаръ строго спрашиваю:

— Въ чемъ и на какой коонецъ я васъ долженъ простить и животомъ жаловать.

— Прости, — говорятъ: — что мы въ твоего Бога не вѣрили.

— Ага, думаю, — вонъ оно какъ я ихъ пугнулъ, да говорю: ну, ужъ пѣтъ, братцы, врите, — этого я вамъ за противность религiи ни за что не прощу! да самъ опять зубами скрипѣть, да еще трубку расчечалъ.

Эта вышла съ ракитою... Страшный огонь и трескъ.

Кричу я на татаръ:

— Что же: еще одна минута и я васъ всѣхъ погублю, если вы не хотите въ моего Бога вѣрить.

— Не губи, — отвѣчаютъ: — мы всѣ подъ вашего Бога согласны подойти.

Я и пересталъ фейверки жечь и окрестилъ ихъ въ рѣчечкѣ.

— Тутъ же, въ это самое время и окрестили?

— Въ эту же самую минуту-съ. Да и что же тутъ было долго время препровождать? Надо, чтобы они одуматься не могли. Помочилъ ихъ по башмакамъ водицей, надъ прорубью, прочелъ «во имя Отца и Сына» и крестики, которые отъ мисанеровъ остались, понадѣвалъ на шею и велѣлъ имъ того убитаго мисанера, чтобы они за мученика почитали и за него молились и могилку имъ показать.

— И они молились?

— Молились-съ.

— Вѣдь они же никакихъ молитвъ христіанскихъ, чай, не знали, или вы ихъ выучили?

— Нѣтъ; учить мнѣ ихъ некогда было, потому что я видѣлъ, что мнѣ въ это время бѣжать пора, а велѣлъ имъ: молитесь, молю, какъ до сего молились, по-старому, но только Аллу называть не смѣйте, а вмѣсто него Иисуса Христа поминайте. Они такъ и приняли сіе изповѣданіе.

— Ну, а потомъ какъ же все-таки вы отъ этихъ новыхъ христіанъ убѣжали съ своими искалѣченными ногами и какъ вылѣчили?

— А потомъ я нашелъ въ тѣхъ фейверкахъ ѣдкую землю; такая, что чуть ее къ тѣлу приложишь, сейчасъ она страшно тѣло жажеть. Я ее и приложилъ и притворился, будто я боленъ, а самъ себѣ все, подъ кошмой лежа, этой ѣдкостью пятки растравливалъ и въ двѣ недѣли такъ растравилъ, что у меня вся какъ есть плоть на ногахъ взгноилась и вся та щетина, которую мнѣ татары десять лѣтъ назадъ

засыпали, съ гноемъ вышла. И какъ можно скорѣе обмогнулся, но виду въ томъ не подаю, а притворяюсь, что мнѣ еще хуже стало, и наказаль я бабамъ и старикамъ, чтобы они всѣ какъ можно усерднѣе за меня молились, потому что, моль, помираю. И положилъ я на нихъ въ родѣ эпитимьи постъ, и три дня я имъ за юрты выходить не велѣлъ, а для бѣльшей еще острастки самый большой фей-веркъ пустилъ и ушелъ...

— Но они васъ не догнали?

— Нѣтъ; да и гдѣ имъ было догнать: я ихъ такъ за-постилъ и нанугалъ, что они, небось, радененьки остались и три дня носу изъ юртъ не казали, а послѣ хоть и выглянули, да уже искать имъ меня далеко было. Ноги-то у меня, какъ я изъ нихъ щетину спустилъ, подсохли, такія легкія стали, что какъ разбѣжался, всю степь перебѣжалъ.

— И все пѣшкомъ?

— А то какъ же-съ, тамъ вѣдь не проѣзжая дорога, встрѣтить некого, а встрѣтишь, такъ не обрадуешься, кого обрѣтешь. Мнѣ на четвертый день чувашинъ показался, одинъ пять лошадей гонить, говоритъ: садись верхомъ.

Я поопасался и не поѣхалъ.

— Чѣго же вы его боялись?

— Да такъ... онъ какъ-то мнѣ невѣренъ показался, а притомъ нельзя было и разобрать, какой онъ религій, а безъ этого на степи странно. А онъ, безтолковый, кричитъ:

— Садись, — кричитъ: — веселѣй, двое будемъ ѣхать.

Я говорю:

— А кто ты: можетъ-быть, у тебя Бога нѣтъ?

— Какъ, — говоритъ: — нѣтъ: это у татарина бока нѣтъ, онъ кобылу ѣстъ, а у меня есть бокъ.

— Кто же, — говорю: — твой Богъ?

— А у меня, — говоритъ: — все бокъ: и солнце бокъ, и мѣсяцъ бокъ, и звѣзды бокъ... все бокъ. Какъ у меня нѣтъ бокъ?

— Все!.. гм... все, моль, у тебя Богъ, а Иисусъ Христосъ, говорю, — стало-быть, тебѣ не Богъ?

— Нѣтъ, говоритъ, — и Онъ бокъ, и Богородица бокъ, и Николачъ бокъ...

— Какой, говорю, — Николачъ?

А что одинъ на зиму, одинъ на лѣто живетъ?

Я его похвалилъ, что онъ русскаго Николая Чудотворца уважаетъ.

— Всегда, говорю, — его почитай, потому что онъ русскій, и уже совсѣмъ-было его вѣру одобрилъ и совсѣмъ съ нимъ фхать хотѣлъ, а онъ, спасибо, разболтался и выказался.

— Какъ же, говорить,—я Николача почитаю: я ему на зиму, пушай, хоть не кланяюсь, а на лѣто ему двугривенный даю, чтобъ онъ мнѣ хорошенько коровокъ берегъ, да! Да еще на него одного не надѣюсь, такъ Керемети бычка жертвую.

Я и разсердился.

— Какъ же, говорю, — ты смѣешь на Николая Чудотворца не надѣяться и ему, русскому, всего двугривенный, а своей мордовской Керемети поганой цѣлаго бычка! Пошелъ прочь, говорю:—не хочу и съ тобою... я съ тобою не поѣду, если ты такъ Николая Чудотворца не уважаешь.

И не поѣхалъ: запахалъ во всю мочь; не успѣлъ опомниться, смотрю, къ вечеру третьяго дня вода завидѣлась и люди. Я легъ для опаски въ траву и высматриваю: что за народъ такой? Потому что боюсь, чтобы опять еще въ худшій плѣнь не попасть, но вижу, что это люди пищу варятъ... Должно-быть, думаю, христіане. Подползъ еще ближе: гляжу, крестятся и водку пьютъ, — ну, значитъ, русскіе!.. Тутъ и я выскочилъ изъ травы и объявился. Это, вышло, ватага рыбная: рыбу ловили. Они меня, какъ надо землякамъ, ласково приняли и говорятъ:

— Пей водку!

Я отвѣчаю:

— Я, братцы мои, отъ нея, съ татарвой живучи, совсѣмъ отвыкъ.

— Ну, ничего, говорятъ,—здѣсь своя нація, опять привыкнешь: пей!

Я налилъ себѣ стаканчикъ и думаю:

— Ну-ка, Господи благослови, за свое возвращеніе!—и выпилъ, а ватажники пристають, добрые ребята.

— Пей еще! говорятъ, — ишь ты безъ нея какъ зачичкался.

Я и еще одну позволилъ и сдѣлался очень откровенный, все имъ рассказал: откуда я и гдѣ, и какъ пребывалъ. Всю ночь я имъ, у огня сидя, рассказывалъ и водку пилъ, и все мнѣ такъ радостно было, что я опять на святой Руси, но только подъ утро этакъ, уже костерокъ сталъ тухнуть

и почти всѣ, кто слушалъ, заснули, а одинъ изъ нихъ, ватажный товарищъ, говоритъ мнѣ:

— А паспортъ же у тебя есть?

Я говорю:

— Нѣтъ, нема.

— А если, говоритъ, — нема, такъ тебѣ здѣсь будетъ тюрьма.

— Ну, такъ я, говорю, — я отъ васъ не пойду: а у васъ, небось, тутъ можно жить и безъ паспорта?

А онъ отвѣчаетъ:

— Жить, говоритъ, — у насъ безъ паспорта можно, но помирать нельзя.

Я говорю:

— Это отчего?

— А какъ же, говоритъ, — тебя пошь запишеть, если ты безъ паспорта?

— Такъ какъ же, моль, мнѣ на такой случай быть?

— Въ воду, говоритъ, — тебя тогда бросимъ на рыбное пропитаніе.

— Безъ пона?

— Безъ пона.

Я, въ легкомъ подпитіи будучи, ужасно этого испугался и сталъ плакать и жалиться, а рыбацкъ смѣется:

— Я, говоритъ, — надъ тобою шутиль: помирай смѣло, мы тебя въ родную землю зароемъ.

Но я уже очень огорчился и говорю:

— Хороша, моль, шутка. Если вы этакъ станете надо мною часто шутить, такъ я и до другой весны не доживу.

И чуть этотъ послѣдній товарищъ заснулъ, я поскорѣе поднялся и пошелъ прочь, и пришелъ въ Астрахань, заработалъ на поденничіи рубль и съ того часу столь усердно зашилъ, что не помню, какъ очутился въ иномъ городѣ, и сижу уже я въ острогѣ, а оттуда меня по пересылкѣ въ свою губернію послали. Привели меня въ нашъ городъ, высѣкли въ полиціи и въ свое имѣніе доставили. Графиня, которая меня за конкинъ хвостъ съчь приказывала, уже померла, а одинъ графъ остался, но тоже очень состарѣлся и богомольный сталъ, и конскую охоту оставилъ. Доложили ему, что я пришелъ, онъ меня вспомнилъ и велѣлъ меня еще разъ дома высѣчь и чтобы я къ батюшкѣ, къ отцу Ильѣ, на духъ шель. Ну, высѣкли меня по старинному, въ раз-

рядной избѣ, и я прихожу къ отцу Ильѣ, а онъ сталъ меня исповѣдывать и на три года не разрѣшаетъ мнѣ причастія...

Я говорю:

— Какъ же такъ, батюшка, я было... столько лѣтъ не причащаминсь... ждаль...

— Ну, мало ли, говоритъ. — что; ты ждаль, а зачѣмъ ты, говоритъ, татарокъ при себѣ вмѣсто женъ держаль... Ты знаешь ли, говоритъ, что я еще милостиво дѣлаю, что тебя только отъ причастія отлучаю, а если бы тебя взяли какъ должно по правилу свитыхъ отецъ исправлять, такъ на тебѣ на живомъ надлежитъ всю одежду ежечь, но только ты, говоритъ, этого не бойся, потому что этого теперь по полицейскому закону не позволяется.

Ну, что же, думаю, — дѣлать: останусь хоть такъ, безъ причастія, дома поживу, отдохну послѣ плѣна, но графъ этого не захотѣли. Изволили сказать:

— Я, говорятъ, не хочу вблизи себя отлученнаго отъ причастія терпѣть.

И приказали управителю еще разъ меня высѣчь съ оглашеніемъ для всеобщаго примѣра и потомъ на оброкъ пустить. Такъ и сдѣлалось: вышорили меня въ этотъ разъ по новому, на крыльцѣ, передъ конторою, при всѣхъ людяхъ, и дали паспортъ. Отрадно я себя тутъ-то почувствовалъ, черезъ столько лѣтъ совершенно свободнымъ человекомъ, съ законною бумагою, и пошелъ. Намѣреніевъ у меня никакихъ опредѣлительныхъ не было, но на мою долю Богъ послалъ практику.

— Какую же?

— Да опять все по той же, по конской части. Я пошелъ съ самаго малаго ничтожества, безъ гроша, а вскорѣ очень достаточнаго положенія достигъ и еще бы лучше могъ распорядиться, если бы не одинъ предметъ.

— Что же это такое, если можно спросить?

— Одержимости большой подналъ отъ разныхъ духовъ и страстей, и еще одной неподобной вещи.

— Что же это такое за неподобная вещь васъ обдержала?

— Магнетизмъ-съ.

— Какъ! магнетизмъ?!

— Да-съ, магнетическое вліяніе отъ одной особы.

— Какъ же вы чувствовали надъ собой ея вліяніе?

— Чужая воля во мнѣ дѣйствовала, и я чужую судьбу исполнять.

— Вотъ тутъ. значить, къ вамъ и пришла *ваша* собственная погибель, послѣ которой вы нашли, что вамъ должно исполнить матушкино обѣщаніе, и пошли въ монастырь?

— Нѣтъ-съ, это еще послѣ пришло, а до того со мною много пныхъ разныхъ приключеній было, прежде чѣмъ я получилъ настоящее убѣжденіе.

— Вы можете рассказать и эти приключенія?

— Отчего же-съ; съ большимъ моимъ удовольствіемъ.

— Такъ, пожалуйста.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Взявши я паспортъ, пошелъ безъ всякаго о себѣ намѣренія и пришелъ на ярмарку, и вижу тамъ цыганъ мужику лошадь мѣняетъ и безбожно его обманываетъ; сталъ ей силу пробовать, и своего коннику въ просяной возъ заложилъ, а мужикову лошадь въ яблочный. Тяга въ нихъ, разумѣется, хоть и равная, а мужикова лошадь прѣтеть, потому что ее яблочный духъ обморачиваетъ, такъ какъ коню этотъ духъ страшно непріятенъ, а у цыгановой лошади, кромѣ того, я вижу, еще и обморокъ бываетъ и это сейчасъ понять можно, потому, что у нея на лбу есть знакъ, какъ былъ огонь ставленъ, а цыганъ говорить: «это бородавка». А мнѣ мужика, разумѣется, жаль, потому ему на обморочной лошади нельзя будетъ работать, такъ какъ она кувырнетъ, да и все тутъ, а къ тому же, я цыгановъ тогда смерть ненавидѣлъ черезъ то, что отъ первыхъ отъ нихъ имѣлъ соблазнъ бродить и впереди, вѣроятно, еще пное предчувствовалъ, какъ и оправдалось. Я эту фальшь въ лошади мужичку и открылъ, а какъ цыганъ сталъ со мною спорить, что не огонь жженъ на лбу, а бородавка, я въ доказательство моей справедливости ткнулъ коня шильцемъ въ почку, онъ сейчасъ и шлепъ на землю и закрутился. Взялъ я и мужикамъ хорошую лошадь по своимъ познаніямъ выбрать, а они мнѣ за это вина и угощенія и двѣ гривны денегъ, и очень мы тутъ погуляли. Съ того и пошло: и капиталъ расти и усердное пьянство, и мѣсяца не прошло, какъ я вижу, что это хорошо: обвѣшался весь бляхами и коновальскою сбруею и началъ ходить съ ярмарки на ярмарку и вездѣ бѣдныхъ

людей руководствую и собираю себѣ достатокъ и всѣ могарычи пью; а между тѣмъ сталъ я для всѣхъ барышниковъ-цыгановъ все равно, что Божія гроза, и узналъ стороною, что они собираются меня бить. И отъ этого сталъ уклоняться, потому что ихъ много, а я одинъ и они меня ни разу не могли попасть одного, и вдоволь отколотить, а при мужикахъ не смѣли, потому что тѣ за мою добродѣтель всегда стояли за меня. Тутъ они и пустили про меня дурную славу, что будто я чародѣй и не своею силою въ твари толкъ знаю, но, разумѣется, все это были пустяки: къ коню я, какъ вамъ докладывалъ, имѣю дарованіе и готовъ бы его всякому кому угодно преподавать, но только что главное дѣло это никому въ пользу не послужить.

— Отчего же это не послужить въ пользу?

— Не пойметъ-съ никто, потому что на это надо не иначе какъ имѣть даръ природный и у меня уже не разъ такой опытъ былъ, что я преподавалъ, но все втуне осталось; но позвольте, объ этомъ послѣ.

Когда моя слава по ярмаркамъ прогремѣла, что я насквозь коня вижу, то одинъ ремонтеръ, князь, мнѣ сто рублей давалъ:

— Открой, говоритъ, братецъ, твой секретъ насчетъ пониманія. Мнѣ это дорого стоитъ.

А я отвѣчаю:

— Никакого у меня секрета нѣтъ, а у меня на это природное дарованіе.

Ну, а онъ пристааетъ:

— Открой же мнѣ, однако, какъ ты объ этомъ понимаешь? А чтобы ты не думалъ, что я хочу какъ-нибудь, — вотъ тебѣ сто рублей.

Что тутъ дѣлать? Я пожалъ плечами, завязалъ деньги въ тряпицу и говорю: извольте, молъ, я, что знаю, стану сказывать, а вы извольте тому учиться и слушать; а если не выучитесь и нисколько вамъ отъ того пользы не будетъ, за это я не отвѣчаю.

Онъ, однако, былъ и этимъ доволенъ, и говоритъ: ну, ужъ это не твоя бѣда, сколько я научусь, а ты только сказывай.

— Первое самое дѣло, говорю, — если кто насчетъ лошади хочетъ знать, что она въ себѣ заключаетъ, тотъ долженъ имѣть хорошее расположеніе въ осмотрѣ и оттого никогда

не отдаляться. Съ перваго взгляда надо глядѣть умно на голову и потомъ всю лошадь окидывать до хвоста, а не латонить, какъ офицеры дѣлають. Тропеть за зашенну, за чолку, за хралокъ, за обрѣзь и за грудной соколкѣ, или еще за что попало, а все безъ толку. Отъ этого барышники кавалерійскихъ офицеровъ за эту латонливостъ страсть любить. Барышникъ, какъ такую военную латѣху увидаль, сейчасъ начнетъ передъ нимъ конемъ крутить, вертѣть, во всѣ стороны поворачивать, а которую часть не хочетъ показать, той ни за что не покажетъ, а тамъ-то и фальшь, а фальшей этихъ бездна: конь вислоухъ—ему кожнцы на вершокъ въ затылкѣ вырѣжутъ, стянутъ и зашьютъ и замажутъ и онъ оттого ушки подбереть, но не надолго: кожа ослабнетъ и уши развиснутъ. Если уши велики,—ихъ обрѣзываютъ,—а чтобы ушки прямо стояли, въ нихъ рожки суютъ. Если кто паристыхъ лошадей подбираетъ, и если, наиримѣрь, одинъ конь во лбу съ звѣздочкой,—барышники уже такъ и зрятъ, чтобы такую звѣздочку другой приспособить: немзою шерсть вытирають, или горячую рѣпу печеную приложить гдѣ надо, чтобы бѣлая шерсть выросла, она сейчасъ и идетъ, но только всячески если хорошо смотрѣть, то такимъ манеромъ роцная шерстка всегда противъ настоящей немножко длиннѣе и пушится, какъ будто бородочка. Еще больше барышники обижаютъ публику глазами: у иной лошади зашадки ввалившисъ надъ глазомъ и некрасиво, но барышникъ проколетъ кожнцу булавкой, а потомъ приляжетъ губами и все въ это мѣсто дуеть, и надуетъ такъ, что кожа подыметъ и глазъ освѣжетъ, и красиво станеть. Это легко дѣлать, потому что если лошади на глазъ дышать, ей это пріятно, отъ теплаго дыханія, и она стоитъ не шелохнется, но воздухъ выйдетъ и у нея опять ямы надъ глазами будутъ. Противъ этого одно средство: около кости щупать, не ходитъ ли воздухъ. Но еще того смѣшнѣе, какъ слѣпыхъ лошадей продають. Это точно комедія бываетъ. Офицерикъ, наиримѣрь, крадется къ глазу коня съ соломинкой, чтобы испытать, видитъ ли конь соломинку, а самъ того не видитъ, что барышникъ въ это время, когда лошади надо головой мотнуть, кулакомъ ее подъ брюхо или подъ бокъ толкаеть. А иной хоть и тихо гладить, но у него въ перчаткѣ гвоздикъ, и онъ будто гладить, а самъ кольнетъ. И я свосму ремонтеру противъ

того, что здѣсь сейчасъ упомянулъ, въдесятеро болѣе объяснилъ, но ничего ему это въ пользу не послужило: на-завтра, гляжу, онъ накупилъ коней такихъ, что кляча клячи хуже и еще зоветъ меня посмотреть и говорить:

— Ну-ка, братъ, полюбуйся, какъ я наловчился коней понимать?

Я взглянулъ, разсмѣлся и отвѣчаю, что, молъ, и смотрѣть нечего:

— У этой плечи мясноты,—будетъ землю ногами цѣплять; эта ложится—копыто подъ брюхо кладетъ и много, что чрезъ годокъ себѣ килу намнетъ; а эта, когда овесъ ѣсть, передней ногою топаетъ и колѣно объ ясли бьетъ, и такъ всю покупку раскритиковалъ и все правильно на мое вышло.

Князь на другой день и говорить:

— Нѣтъ, Иванъ: мнѣ, точно, твоего дарованія не понять, а лучше служи ты самъ у меня конэсеромъ и выбирай ты, а я только буду деньги платить.

Я согласился и жить отлично цѣлые три года, не какъ рабъ или наемникъ, а больше какъ другъ и помощникъ, и если бы не выходы меня одолѣли, такъ я могъ бы даже себѣ капиталъ собрать, потому что, по ремонтирекому заведенію, какой заводчикъ ни пріѣдетъ, сейчасъ самъ съ ремонтромъ знакомится, а вѣрнаго человѣка подсылаетъ къ конэсеру, чтобы какъ возможно конэсера на свою сторону задобрить, потому что заводчики знаютъ, что вся настоящая сила не въ ремонтерѣ, а въ томъ, если который имѣетъ при себѣ настоящаго конэсера. Я же былъ, какъ докладывалъ вамъ, природный конэсеръ и этотъ долгъ природы исполнялъ совѣстно: ни за что я того, кому служу, обмануть не могъ. И мой князь это чувствовалъ и высоко меня уважалъ, и мы жили съ нимъ во всемъ въ полной откровенности. Онъ, бывало, если проиграется гдѣ-нибудь ночью, сейчасъ утромъ какъ встанетъ, идетъ въ архалучкѣ ко мнѣ въ конюшню и говорить:

— Ну что, почти-полупочтеннѣйшій мой Иванъ Северьянычъ! Каковы ваши дѣла?—Онъ все этакъ шутилъ, звалъ меня *почти-полупочтенный*, но почиталъ, какъ увидите, вполне.

А я зналъ, что это обозначаетъ, если онъ съ такой шуткой идетъ, и отвѣчу, бывало:

— Ничего, моль: мои дѣла, слава Богу, хороши, а не знаю, какъ ваше сѣятельство, каковы ваши обстоятельства?

— Мои, говоритъ,—такъ довольно гадки, что даже хуже требовать не надо.

— Что же это такое, моль, вѣрно опять вчера продулись по онамеднишнему?

— Вы, отвѣчаетъ,—изволили отгадать, мой полупочтеннѣйшій, продулся я-съ, продулся.

— А на сколько, спрашиваю,—вашу милость облегчило? Онъ сейчасъ же и отвѣтитъ, сколько тысячъ проигралъ, а я покачаю головою, да говорю:

— Продратъ бы ваше сѣятельство—хорошо, да некому. Онъ разсмѣется и говоритъ:

— То и есть, что некому.

— А вотъ ложитесь, моль, на мою кроватку, я вамъ чистенькій кулечекъ въ голову положу, а самъ васъ по-стегаю.

Онъ, разумѣется, и начнетъ подъѣзжать, чтобы я ему на реванжъ денегъ далъ.

— Пѣтъ, ты, говоритъ,—лучше меня не пори, а дай-ка мнѣ изъ расходныхъ денегъ на реванжикъ: я пойду отыграюсь и всѣхъ обыграю.

— Ну, ужъ это, отвѣчаю,—покорно васъ благодарю, нѣтъ уже, играйте, да не отыгрывайтесь.

— Какъ благодарилъ!—начнетъ смѣхомъ, а тамъ уже пойдетъ сердиться:—ну, пожалуйста, говоритъ, не забывайся, прекрати надо мною свою опеку и подай деньги.

Мы спросили Ивана Северьяныча, давалъ ли онъ своему князю на реванжъ?

— Никогда,—отвѣчалъ онъ.—Я его, бывало, либо обману: скажу, что всѣ деньги на овесъ роздалъ, либо просто со двора сбѣгу.

— Вѣдь онъ на васъ, небось, за это сердился?

— Сердился-съ; сейчасъ, бывало, объявляетъ: кончено-съ; вы у меня, полупочтеннѣйшій, болѣе не служите.

Я отвѣчаю:

— Ну, и что же такое, и прекрасно. Пожалуйста мой паспортъ.

— Хорошо-съ, говоритъ:—извольте собираться: завтра получите вашъ паспортъ.

Но только на завтра у насъ уже никогда объ этомъ ни-

какого разговору больше не было. Не болѣе какъ черезъ какой-нибудь часъ онъ, бывало, приходитъ ко мнѣ совсѣмъ въ другомъ расположеніи и говорить:

— Благодарю васъ, мой премного-мало-значущій, что вы имѣли характеръ и мнѣ на реванжъ денегъ не дали.

И такъ это онъ всегда послѣ чувствовалъ, что если и со мною что-нибудь на моихъ выходахъ случалось, такъ онъ тоже, какъ братъ, ко мнѣ снисходитъ.

— А съ вами что же случалось?

— Я же вамъ объяснялъ, что выходы у меня бывали.

— А что это значитъ *выходы*?

— Гулять со двора выходилъ-съ. Обучася пить вино, я его всякій день пить избѣгалъ и въ умѣренности никогда не употреблялъ, но если, бывало, что меня растревожитъ, ужасное тогда къ питью усердіе получаю и сейчасъ сдѣлаю выходъ на нѣсколько дней и пропадаю. А брало это меня и не замѣтишь отчего; напримѣръ, когда, бывало, отпускаемъ коней, кажется, и не братья они тебѣ, а соскучаешь по нихъ и запынешь. Особенно, если отдалитъ отъ себя такого коня, который очень красивъ, то такъ онъ, подлець, у тебя въ глазахъ и мечется, до того, что какъ отъ навожденія какого отъ него скрываешься, и сдѣлаешь выходъ.

— Это значитъ—запынешь!?

— Да-съ: выйду и запыю.

— И надолго?

— М..! н... н... это не равно-съ, какой выходъ задается: иногда пьешь пока все пропьешь, и либо кто-нибудь тебя отколотитъ, либо самъ кого побьешь, а въ другой разъ покороче удастся—въ части посидишь, или въ канавѣ выспишься и доволенъ, и отойдетъ. Въ таковыхъ случаяхъ я уже наблюдалъ правило, и какъ, бывало, чувствую, что долженъ сдѣлать выходъ, прихожу къ князю и говорю:

— Такъ и такъ, ваше сіятельство, извольте принять отъ меня деньги; а я пропаду.

Онъ уже и не споритъ, а принимаетъ деньги или только спросить, бывало:

— Надолго ли, ваша милость, вздумали зарядить?

— Ну, я отвѣчаю, судя по тому, какое усердіе чувствую: на большой ли выходъ, или на коротенькій.

И я уйду, а онъ уже самъ и хозяйничаетъ и ждетъ меня,

пока кончится выходъ, и все шло хорошо; но только ужасно мнѣ эта моя слабость надоѣла, и вздумалъ я вдругъ отъ нея избавиться; тутъ-то и сдѣлалъ такой послѣдній выходъ, что даже теперь вспомнить страшно.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Мы, разумѣется, подговорились, чтобы Иванъ Северьянычъ довершилъ свою любезность, досказавъ этотъ новый злополучный эпизодъ въ своей жизни, а онъ, по добротѣ своей, всеконечно отъ этого не отказался и повѣдалъ о своемъ «послѣднемъ выходѣ» слѣдующее:

— У насъ была куплена съ завода кобылица Дидона, молодая, золотогрѣдая, для офицерскаго сѣдла. Дивная была красавица: головка хорошенькая, глазки пригожіе, ноздри сублильныя и открытенькія, какъ хочеть, такъ и дышитъ, гривка легкая; грудь межъ плечъ ловко, какъ корабликъ, сидитъ, а въ поясу гибкая, и ножки въ бѣлыхъ чулочкахъ легкія и она ихъ мечеть, какъ играетъ... Однимъ словомъ, кто охотникъ и въ красотѣ имѣеть понятіе, тотъ отъ нагляднѣія на этакого животнаго задуматься можетъ. Мнѣ же она такъ по вкусу пришла, что я даже изъ конюшни отъ нея не выходилъ и все ласкалъ ее отъ радости. Бывало, самъ ее вычищу и оботру ее всю какъ есть бѣлымъ платочкомъ, чтобы пылочки у нея въ шерсткѣ нигдѣ не было, даже и поцѣлую ее въ самый лобикъ, въ завиточекъ, откуда шерсточка ея золотая расходилась... Въ эту пору у насъ разомъ шли двѣ ярмарки: одна въ Л., другая въ К., и мы съ княземъ раздѣлились: на одной я дѣйствую, а на другую онъ поѣхалъ. И вдругъ я получаю отъ него письмо, что пишетъ «прислать, говорить, ко мнѣ сюда такихъ-то и такихъ-то лошадей и Дидону». Мнѣ неизвѣстно было зачѣмъ онъ эту мою красавицу потребовалъ, на которую мой охотницкій глазъ радовался. Но думать я, конечно, что кому-нибудь онъ ее, голубушку, промѣнялъ или продалъ, или, еще того вѣрнѣе, проигралъ въ карты... И вотъ я отпустилъ съ конюхами Дидону и ужасно растосковался и возжелалъ выходъ сдѣлать. А положеніе мое въ эту пору было совсѣмъ необыкновенное: я вамъ докладывалъ, что у меня всегда было такое заведеніе, что если нападетъ на меня усердіе къ выходу, то я, бывало, появляюсь къ князю, отдаю ему всѣ деньги, кои всегда были у меня на рукахъ

въ большой суммѣ, и говорю: «Я на столько-то, или на столько-то дней пропаду». Ну, а тутъ, какъ мнѣ это устроить, когда моего князя при мнѣ нѣтъ? И вотъ я думаю себѣ: «нѣтъ, однако, я больше не стану пить, потому что князя моего нѣтъ и выхода мнѣ въ порядкѣ сдѣлать невозможно, потому что денегъ отдать некому, а при мнѣ сумма знатная, болѣе какъ до пяти тысячъ. Рѣшилъ я такъ, что этого нельзя и твердо этого рѣшенія и держусь, и усердія своего, чтобы сдѣлать выходъ и хорошенько пропасть, не попускаю, но ослабленія къ этому желанію все-таки не чувствую, а напротивъ того, все больше и больше стремлюсь сдѣлать выходъ. И, наконецъ, сталъ я исполняться одной мысли: какъ бы мнѣ такъ устроить, чтобы и свое усердіе къ выходу исполнить, и княжескія деньги соблности? И началъ я ихъ съ этою цѣлю прятать и все по самымъ невѣроятнымъ мѣстамъ ихъ пряталъ, гдѣ ни одному человѣку на мысль не придетъ деньги положить... Думаю: что дѣлать? видно съ собою не совладаешь, устрою, думаю, понадежнѣе деньги, чтобы онѣ были сохранны, и тогда отбуду свое усердіе, сдѣлаю выходъ. Но только напало на меня смущеніе: гдѣ я эти проклятыя деньги спрячу? Куда я ихъ ни положу, чуть прочь отъ того мѣста отойду, сейчасъ мнѣ входитъ въ голову мысль, что ихъ кто-то крадетъ. Иду и опять поскорѣе возьму и опять перепрятываю... Измучился просто я ихъ прятаями, и по сѣноваламъ, и по погребамъ, и по застрѣхамъ, и по другимъ такимъ неподобнымъ мѣстамъ для храненія, а чуть отойду, сейчасъ все кажется, что кто-нибудь видѣлъ какъ я ихъ хоронилъ и непременно ихъ отыщеть, и я опять вернусь, и опять ихъ достану, и пошу ихъ съ собою, а самъ опять думаю: «нѣтъ, уже баста, видно мнѣ не судьба въ этотъ разъ свое усердіе исполнить». И вдругъ мнѣ пришла божественная мысль: вѣдь это, моль, меня бѣсъ томить этой страстью, пойду же я его, мерзавца, отъ себя святыней отгоню! И пошелъ я къ ранней обѣднѣ, помолился, вынулъ за себя частичку и, выходя изъ церкви, вижу, что на стѣнѣ Страшный Судъ нарисованъ, и тамъ въ углу дьявола въ гееннѣ ангелы цѣпью бьютъ. Я остановился, посмотрѣлъ и помоллся поусердиѣ святымъ ангеламъ, а дьяволу взять, да, послушивши, кулакъ въ морду и сунулъ:

— На-ка, моль, тебѣ кукнишь, на него, что хочешь, то

и кунинь, а самъ послѣ этого совершенно успокоился и, распорядившись дома чѣмъ надобно, пошелъ въ трактиръ чай пить... А тамъ, въ трактирѣ, вижу стоитъ между гостей какой-то проходимецъ. Самый пренустьѣйшій-пустой чело-вѣкъ. Я его и прежде, этого чело-вѣка, видалъ, и почиталъ его не больше какъ за какого-нибудь шарлатана, или паяца, потому что онъ все, бывало, по ярмаркамъ таскается и у господъ по-французски пособія себѣ просить. Изъ благородныхъ онъ будто бы былъ и въ военной службѣ служилъ, но все свое промоталъ и въ карты проигралъ, и ходить по міру... Тутъ его въ этомъ трактирѣ, куда я пришелъ, услу-жающіе молодцы выгоняютъ вонъ, а онъ не соглашается уходить и стоитъ да говоритъ:

— Вы еще знаете ли кто я такой? Вѣдь я вамъ вовсе не ровня; у меня свои грѣбностные люди были и я очень много такихъ молодцовъ, какъ вы, на конюшнѣ для одной своей прихоти сѣкъ, а что я всего лишился, такъ на это была особая Божія воля и на мнѣ печать гнѣва есть, а потому меня никто тронуть не смѣетъ.

Тѣ ему не вѣрятъ и смѣются, а онъ сказывается, какъ онъ жилъ и въ каретахъ ѣздилъ, и изъ публичнаго сада всѣхъ штатскихъ господъ вонъ прогонялъ, и одинъ разъ къ губернаторшѣ голый прѣхалъ, а нынѣ, говоритъ, я за свои своесволия проклятъ и вся моя натура окаменѣла, и я ее долженъ постоянно размачивать, а потому подай мнѣ водки! — я за нее денегъ платить не имѣю, но зато со стекломъ сѣбѣ.

Одинъ гость и велѣлъ ему подать, чтобы посмотрѣть, какъ онъ будетъ стекло ѣсть. Онъ сейчасъ водку на лобъ хватилъ, и, какъ обѣщаль, такъ честно и началъ стеклянную рюмку зубами хрустать и передъ всѣми ее и сѣбѣ, и всѣ этому съ восторгомъ дивились и хохотали. А мнѣ его стало жалко, что благородный онъ чело-вѣкъ, а вотъ за свое усердіе къ вину даже утробою жертвуетъ. Думаю: надо ему дать хоть книжки отъ этого стекла прополоснуть, и велѣлъ ему на свой счетъ другую рюмку подать, но стекла ѣсть не понуждалъ. Сказалъ: не надо, не ѣшь. Онъ это восчувствовалъ и руку мнѣ подаетъ.

— Вѣрно, — говоритъ: — ты происхожденія изъ господскихъ людей?

— Да, — говорю: — изъ господскихъ.

— Сейчас,—говорить:—и видно, что ты не то, что эти свиньи. Гранъ-мерен,—говорить:—тебѣ за это.

Я говорю:

— Ничего, иди съ Богомъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ:—я очень радъ съ тобою поговорить. Подвинься-ка, я возлѣ тебя сяду.

— Ну, молъ,—пожалуй, садись.

Онъ возлѣ меня и сѣлъ, и началъ сказывать, какой онъ именитой фамилии и важнаго воспитанія и опять говоритъ:

— Что это... ты чай пьешь?

— Да, молъ,—чай. Хочешь и ты со мною пей.

— Спасибо,—отвѣчаетъ:—только я чаю нить не могу.

— Отчего?

— А оттого,—говорить:—что у меня голова не чайная, а у меня голова отчаянная: вели мнѣ лучше еще рюмку вина подать!.. И этакъ онъ и разъ, и два, и три у меня вина выпросилъ, и сталъ уже очень мнѣ этимъ докучать. А еще больше противно мнѣ стало, что онъ очень мало правды сказываетъ, а все-то куражится и не вѣсть что о себѣ соплететь, а то вдругъ бѣднится, плачетъ и все о суетѣ.

— Подумай, — говоритъ: — ты, какой я человекъ? Я, — говоритъ:—самимъ Богомъ въ одинъ годъ съ императоромъ созданъ, и ему ровесникъ:

— Ну, такъ что же, молъ, такое?

— А то, что какое же мое, не смотря на все это, положеніе? Несмотря на все это, я, — говоритъ: — нисколько не взыскавъ и вынелъ ничтожество, и какъ ты сейчасъ видѣлъ, я ото всѣхъ презираемъ. И съ этими словами опять водки потребовалъ, но на сей разъ уже велѣлъ цѣлый графинъ подать, а самъ завелъ мнѣ преогромную исторію, какъ надъ нимъ по трактирамъ кунцы насмѣхаются, и въ концѣ говоритъ:

— Они,—говорить:—необразованные люди, думаютъ, что это легко такую обязанность несть, чтобы вѣчно пить и рюмкою закусывать? Это очень трудное, братецъ, призваніе и для многихъ даже совсѣмъ невозможно; но я свою натуру пріучилъ, потому что вижу, что свое надо отбыть, и несу.

— Зачѣмъ же, — разсуждаю: —этой привычкѣ такъ уже очень усердствовать? Ты ее брось.

— Бросить?—отвѣчаеть.—А-га, нѣтъ, братецъ, мнѣ этого бросить невозможно.

— Почему же,—говорю:—нельзя?

— А нельзя,—отвѣчаеть:—по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что я, не напившись вина, никакъ въ кровать не попаду, а все буду ходить; а, во-вторыхъ, самое главное, что мнѣ этого мои христіанскія чувства не позволяютъ.

— Что же, молъ, это такое? что ты въ кровать не попадешь, это понятно, потому что все пить ищешь; но чтобы христіанскія чувства тебѣ не позволили этакую вредную пакость бросить, этому я вѣрить не хочу.

— Да, вотъ ты,—отвѣчаеть:—не хочешь этому вѣрить... Такъ и всѣ говорятъ... А что, какъ ты полагаешь, если я эту привычку нѣнствовать брошу, а кто-нибудь ее подниметъ да возьметъ: радъ ли онъ этому будетъ или нѣтъ?

— Спаси, молъ, Господи! Нѣтъ, я думаю, не обрадуется.

— А-га!—говоритъ:—вотъ то-то и есть, а если же это такъ надо, чтобы я страдалъ, такъ вы уважайте же меня, по крайней мѣрѣ, за это и вели мнѣ еще графинъ водки подать!

Я постучалъ еще графинчикъ и сѣжу и слушаю, потому что мнѣ это стало казаться занятно, а онъ продолжаетъ таковыя слова:

— Оно, — говоритъ: — это такъ и надлежитъ, чтобы это мученіе на мнѣ кончилось, чѣмъ еще другому достанется, потому что я, — говоритъ: — хорошаго рода и настоящее воспитаніе получилъ, такъ что даже я еще самымъ маленькимъ по-французски Богу молился, но я былъ немилостивый и людей мучилъ, въ карты своихъ крѣпостныхъ проигрывалъ; матерей съ дѣтьми разлучалъ; жену за себя богатую взялъ и со свѣта ее сжилъ, и, наконецъ, будучи во всемъ самъ виноватъ, еще на Бога возропталъ: зачѣмъ у меня такой характеръ? Онъ меня и наказалъ: далъ мнѣ другой характеръ, что нѣтъ во мнѣ ни малѣйшей гордости, хоть въ глаза наплюй, по щечкамъ отдуй, только бы пьянымъ быть, про себя забыть.

— И что же, — спрашиваю: — теперь, ты уже на этотъ характеръ не ропщешь?

— Не ропщу,—отвѣчаеть:—потому что оно хотя хуже, но зато лучше?

— Какъ это, молъ, — такъ: я что-то не понимаю, какъ это: хуже, но лучше?

— А такъ,—отвѣчаетъ:—что теперь я только одно знаю, что себя гублю, а зато уже другихъ губить не могу, ибо отъ меня всѣ отвращаются. Я, говорить, теперь все равно, что Ювъ на гноищѣ и въ этомъ, говорить, все мое счастье и спасеніе, и самъ опять водку допилъ и еще графинъ спрашиваетъ, и молвить:

— А ты знаешь ли, любезный другъ: ты никогда ни-къмъ не пренебрегай, потому что никто не можетъ знать, за что кто какой страстью мучимъ и страдаетъ. Мы, одержимые, страдаемъ, а другимъ зато легче. И самъ ты, если какую скорбь отъ какой-нибудь страсти имѣешь, самовольно ее не бросай, чтобы другой человѣкъ не поднялъ ее и не мучился; а ницъ такого человѣка, который бы добровольно съ тебя эту слабость взялъ.

— Ну, гдѣ же,—говорю:—возможно такого человѣка найти! Никто на это не согласится.

— Отчего такъ?—отвѣчаетъ:—да тебѣ даже нечего далеко ходить: такой человѣкъ передъ тобою: я самъ и есть такой человѣкъ.

Я говорю:

— Ты шутишь?

Но онъ вдругъ вскакиваетъ и говоритъ:

— Нѣтъ, не шучу, а если не вѣришь, такъ испытай.

— Ну, какъ,—говорю:—я могу это испытывать?

— А очень просто: ты желаешь знать, каково мое дарованіе? У меня вѣдь, братъ, большое дарованіе: я вотъ, видишь,—я сейчасъ пьянъ... Такъ или нѣтъ: пьянъ я?

Я посмотрѣлъ на него и вижу, что онъ совсѣмъ сизый и весь осоловѣвши и на ногахъ покачивается, и говорю:

— Да, разумѣется, что ты пьянъ.

А онъ отвѣчаетъ:

— Ну, теперь отвернись на минуту на образъ и прочитай въ умѣ «Отче нашъ».

Я отвернулся, и, дѣйствительно, только «Отче нашъ», глядя на образъ, въ умѣ прочиталъ, а этотъ пьяный баринъ уже опять мнѣ командуетъ:

— А ну-ка, погляди теперь на меня: пьянъ я теперь или нѣтъ?

Обернулся я и вижу, что онъ, точно ни въ одномъ глазу у него ничего не было, и стоитъ, улыбается.

Я говорю:

— Что же это значить: какой это секретъ?

А онъ отвѣчаетъ:

— Это, говоритъ,—не секретъ, а это называется магнетизмъ.

— Не понимаю, молъ,—что это такое?

— Такая воля, говоритъ,—особенная въ человѣкѣ помѣщается и ее нельзя ни пропить, ни проспать, потому что она дарована. Я, говоритъ, это тебѣ показаль для того, чтобы ты понималъ, что я если захочу, сейчасъ могу остановиться и никогда не стану пить, но я этого не хочу, чтобы другой кто-нибудь за меня не запилъ, а я, поправившись, чтобы про Бога не позабылъ. Но съ другого человѣка со всякаго я готовъ и могу запойную страсть въ одну минуту свести.

— Такъ сведи, говорю,—сдѣлай милость, съ меня!

— А ты, говоритъ,—развѣ пьешь?

— Пью, говорю,—и временемъ даже очень усердно пью.

— Ну, такъ не робѣй же, говоритъ,—это все дѣло моихъ рукъ, и я тебя за твое угощеніе отблагодарю, все съ тебя сниму.

— Ахъ, сдѣлай милость, прошу, сними!

— Изволь, говоритъ,—любезный, изволь: я тебѣ это за твое угощеніе сдѣлаю; сниму и на себя возьму, и съ этимъ крикнулъ опять вина и двѣ рюмки.

Я говорю:

— На что тебѣ двѣ рюмки?

— Одна, говоритъ,—для меня, другая—для тебя!

— Я, молъ, пить не стану.

А онъ вдругъ какъ бы осерчалъ и говоритъ:

— Тсссъ! сплянься! молчать! Ты теперь кто?—больной.

— Ну, молъ,—ладно, будь по-твоему: я больной.

— А я, говоритъ,—лѣкарь, и ты долженъ мои приказанія исполнять и принимать лѣкарство,—и съ этимъ началъ и мнѣ, и себѣ по рюмкѣ и началъ надъ моей рюмкой въ воздухъ, въ родѣ какъ архіерейскій регентъ, руками махать.

Помахалъ, помахалъ и приказываетъ:

— Пей!

Я было усомнился, но, какъ по правдѣ сказать, и самому мнѣ вина попробовать очень хотѣлось и онъ приказываетъ: дай, думаю, ни для чего иного, а для любопытства выпью! и выпилъ.

— Хороша ли?—спрашиваетъ:—вкусна ли, или горька?

— Не знаю, моль,—какъ тебѣ сказать.

— А, это значить, — говорить, что ты мало принять, и налить вторую рюмку, и давай опять надъ нею руками мотать. Помотаетъ-помотаетъ и отряхнетъ, и опять заставить меня и эту, другую, рюмку вышить и вопрошаетъ: эта какова?

Я пошутить:

— Говорю, эта что-то тяжела показалась.

Онъ кивнулъ головой и сейчасъ намахалъ третью, и опять командуетъ: пей! Я вынулъ и говорю:

— Эта легче; и затѣмъ уже самъ въ графинъ стучу и его потчую, и себѣ наливаю, да и пошелъ пить. Онъ мнѣ въ этомъ не препятствуетъ, но только ни одной рюмки такъ просто не намаханной не позволяетъ вышить, а чуть я возьмусь рукой, онъ сейчасъ ее изъ моихъ рукъ выиметь и говорить:

— Шу, силянсь... атанде,—и прежде надъ нею руками помашеть, а потомъ и говорить:—теперь готово, можешь *принимать какъ сказано.*

И лѣчился я такимъ образомъ съ этимъ баринкомъ тутъ въ трактирѣ до самаго вечера, и все былъ очень снокоенъ, потому что знаю, что я ныю не для баловства, а для того, чтобы перестать. Попробую за пазухою деньги, и чувствую, что онѣ всѣ, какъ должно, на своемъ мѣстѣ цѣлы лежать, и продолжаю.

Баринъ мнѣ тутъ, пивши со мною, про все рассказывалъ, какъ онъ въ свою жизнь кутнилъ и гулялъ и особенно про любовь, и впоследствии всего сталъ ссориться, что я любви не понимаю.

— Я говорю: что же съ тѣмъ дѣлать, когда я къ этимъ пустякамъ не привлеченъ? Будетъ съ тебя того, что ты все понимаешь и зато вонъ какой лонтрыгой ходишь.

А онъ говорить:

— Шу, силянсь! любовь наша святыня!

— Пустяки, моль.

— Мужикъ, говорить, — ты, и подлець, если ты смѣешь надъ священнымъ сердца чувствомъ смѣяться и его пустяками называть.

— Да, пустяки, моль,—оно и есть.

— Да ты понимаешь ли, говорить, — что такое «краса природы совершенство»?

— Да, говорю,—я въ лошади красоту понимаю.

А онъ какъ вскочить и хотѣлъ меня въ ухо ударить.

— Развѣ лошадь, говорить, — краса природы совершенство?

Но какъ время было довольно поздно, то ничего этого онъ мнѣ доказать не могъ, а буфетчикъ видитъ, что мы оба пьяны, моргнувъ на насъ молодцамъ, а тѣ подскочили челоуѣкъ шесть и сами просятъ... «пожалуйте вонъ», а сами подхватили насъ обоихъ подъ ручки и за порогъ выставили и дверь за нами наглухо на почъ заперли.

Вотъ тутъ и началось такое навожденіе, что хотя этому дѣлу уже много-много лѣтъ прошло, но я и по сіе время не могу себѣ понять, что тутъ произошло за дѣйствіе и какою силою оно надо мною творилось, но только такихъ искушеній и происшествій, какія я тогда перенесъ, мнѣ кажется, даже ни въ одномъ житіи въ Четминяхъ нѣтъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Первымъ дѣломъ, какъ я за дверь вылетѣлъ, сейчасъ же руку за назуху и удостовѣрился, здѣсь ли мой бумажникъ? Оказалось, что онъ при мнѣ. Теперь, думаю, вся забота, какъ бы ихъ благополучно домой донести. А ночь была самая темная, какую только можете себѣ вообразить. Въ лѣтъ, знаете, у насъ, около Курска бываютъ такія темныя ночи, но претѣнлѣйшія и премягкія: по небу звѣзды какъ лампы навѣшаны, а по низу темнота такая густая, что словно въ ней кто-то тебя шарить и трогаетъ... А на ярмаркѣ всякаго дурного народа бездна бываетъ и достаточно случаетъ, что нѣкихъ грабятъ и убиваютъ. И же хоть силу въ себѣ и ощущать, но думаю, во-первыхъ, я пьянъ, а, во-вторыхъ, что если десять или болѣе челоуѣкъ на меня нападутъ, то и съ большою силою ничего съ ними не сдѣлаешь и оберуть, а я хоть и былъ въ куражѣ, но помнилъ, что когда я не разъ, вставая и опять садясь, расплачивался, то мой компаньонъ, баринокъ этотъ, видѣлъ, что у меня съ собою денегъ тучная сила. И потому вдругъ мнѣ, знаете, внало въ голову: нѣтъ ли съ его стороны ко вреду моему какого-нибудь предательства? Гдѣ онъ взаправду? вмѣстѣ насъ вонъ выставили, а куда же онъ такъ смѣшно дѣлся?

Стою я и потихоньку оглядываюсь и, имени его не зная, потихоньку зову такъ:

— Слышь, ты? говорю,—магнетизерь, гдѣ ты?

А онъ вдругъ, словно бѣсъ какой, прямо у меня передъ глазами вырастаетъ и говорить:

— Я вотъ-онъ.

А мнѣ показалось, что будто это не тотъ голосъ, да и впоотьмахъ даже и рожа не его представляется.

— Подойди-ка, говорю,—еще поближе; и какъ онъ подойдетъ, я его взялъ за плечи и начинаю разсматривать и никакъ не могу узнать, кто онъ такой? какъ только его коснулся, вдругъ ни съ того, ни съ сего всю память отшибло. Слышу только, что онъ что-то по-французски лопочеть: «ди-ка-ти-ли-ка-ти-пе», а я въ томъ ничего не понимаю.

— Что ты такое, говорю,—лопочешь?

А онъ опять по-французски:

— Ди-ка-ти-ли-ка-тине.

— Да перестань, говорю,—дура, отвѣчай мнѣ по-русски, кто ты такой, потому что я тебя позабылъ.

Отвѣчаетъ:

— Ди-ка-ти-ли-ка-тине: я магнетизерь.

— Тыфу, моль,—ты пострѣль этакой! и на минутку будто вспомню, что это онъ, но стану въ него всматриваться и вижу у него два носа!.. Два носа, да и только! А раздумуюсь объ этомъ—позабуду, кто онъ такой!..

— Ахъ, ты, будь ты проклять, думаю:—и откуда ты, шельма, на меня навязался? и опять его спрашиваю: кто ты такой?

Онъ опять говорить:

— Магнетизерь.

— Провались же, говорю,—ты отъ меня: можетъ-быть, ты чортъ?

— Не совѣмъ, говорить,—такъ, а около того.

Я его въ лобъ и стукнулъ, а онъ обидѣлся и говорить:

— За что же ты меня ударилъ? я тебѣ добродѣтельствую, и отъ усерднаго пьянства тебя освобождаю, а ты меня бьешь?

А я, хоть что хочешь, опять его не помню и говорю:

— Да кто же ты, моль,—такой?

Онъ говорить:

— Я твой довѣчный другъ.

— Ну, хорошо, моль,—а если ты мой другъ, такъ ты, можетъ-быть, мнѣ повредить можешь?

— Нѣтъ, говорить,—я тебѣ такое пти-ком-пѣ представлю, что ты себя инымъ человѣкомъ ощутишь.

— Ну, перестань, говорю,—пожалуйста, врать.

— Истинно, говорить,—истинно: такое пти-ком-пѣ...

— Да не болтай ты, говорю,—чортъ, со мною по-французски: я не понимаю, что то за пти-ком-пѣ!

— Я, отвѣчаетъ,—тебѣ въ жизни новое понятіе дамъ.

— Ну, вотъ это, моль,—такъ; но только, какое же такое ты можешь мнѣ дать новое понятіе?

— А такое, говорить,—что ты постигнешь красу, природы совершенство.

— Отчего же я, моль,—вдругъ такъ ее и постигну?

— А вотъ пойдемъ, говорить,—сейчасъ увидишь.

— Хорошо, моль,—пойдемъ.

И пошли. Идемъ оба, шатаемся, но все идемъ, а я не знаю куда, и только вдругъ вспомню, что кто же это такой со мною и опять говорю:

— Стой! говори мнѣ, кто ты? иначе я не пойду.

Онъ скажетъ, и я на минутку какъ будто вспомню, и спрашиваю:

— Отчего же это я позабываю, кто ты такой?

А онъ отвѣчаетъ:

— Это, говорить,—и есть дѣйствіе отъ моего магнетизма; но только ты этого не пугайся, это сейчасъ пройдетъ, только вотъ дай я въ тебя сразу побольше магнетизму пуцу.

И вдругъ повернулъ меня къ себѣ спиною и ну у меня въ затылкѣ, въ волосахъ пальцами перебирать... Такъ чудно: копаются тамъ, точно хочетъ мнѣ взлѣзть въ голову.

— Я говорю: послушай ты... кто ты такой! что ты тамъ роешься?

— погоди, отвѣчаетъ,—стой: я въ тебя свою силу магнетизмъ перепущаю.

— Хорошо,—говорю:—что ты силу перепущаешь, а можешь ты меня обокрасть хочешь?

Онъ отпирается.

— Ну, такъ постой, моль,—я деньги попробую.

Попробоваль—деньги цѣлы.

— Ну, теперь, моль,—вѣрно, что ты не воръ, а кто онъ такой—опять позабылъ, но только уже не помню какъ про то и спросить, а занять тѣмъ; что чувствую, что уже онъ совсѣмъ въ меня сквозь затылокъ точно внутрь влѣзъ и че-

резь мои глаза на свѣтъ смотреть, а мои глаза ему только словно какъ стекла.

— Вотъ, думаю,—штуку онъ со мной сдѣлалъ! а гдѣ же теперь, спрашиваю, мое зрѣніе?

— А твоего,—говорить:—теперь уже нѣтъ.

— Что, молъ,—это за вздоръ, что нѣтъ?

— Такъ,—отвѣчаетъ:—своимъ зрѣніемъ ты теперь только то увидишь, чего нѣту.

— Вотъ, молъ,—еще притча! Ну-ка, давай-ка я понатужусь.

Вылутился, знаете, во всю мочь, и вижу, будто на меня изъ-за всѣхъ угловъ темныхъ разныя мерзкія рожи на ножкахъ смотрятъ и дорогу мнѣ перебѣгаютъ, и на перекресткахъ стоятъ, ждуть и говорятъ: «убьемъ его и возьмемъ сокровище». А передо мною опять мой вихрястенъкій баринокъ и рожа у него вся свѣтомъ свѣтится, а сзади себя слышу страшный шумъ и содомъ, голоса и бряцанье, и гикъ, и визгъ, и веселый хохотъ. Осматриваюеь, и понимаю, что стою, прислоняеь шиною къ какому-то дому, а въ немъ окна открыты и въ серединѣ свѣтло, и оттуда тѣ разныя голоса и шумъ и гитара поетъ, а передо мною опять мой баринокъ и все мнѣ спереди по лицу ладонями машетъ, а потомъ по груди руками ведетъ, противъ сердца останавливается, напираетъ и за персты рукъ схватитъ, встряхнетъ полегонечку, и опять машетъ, и такъ трудится, что даже, вижу, онъ сдѣлался весь въ поту.

Но только тутъ, какъ мнѣ сталъ изъ оконъ дома свѣтъ свѣтить и я почувствовалъ, что въ сознание свое прихожу, то я его пересталъ опасаться и говорю:

— Ну, послушай ты, кто ты такой ни есть: чортъ, или дьяволь, или мелкій бѣсъ, а только, сдѣлай милость, или разбуди меня, или разсыпся.

А онъ мнѣ на это отвѣчаетъ:

— Погоди,—говорить:—еще не время: еще опасно, ты еще не можешь перенести.

Я говорю:

— Чего, молъ,—такого я не могу перенести?

— А того,—говорить:—что въ воздушныхъ сферахъ теперь происходитъ.

— Что же, я, молъ,—ничего особеннаго не слышу.

А онъ настанваетъ, что будто бы я не такъ слушаю, и говоритъ мнѣ божественнымъ языкомъ:

— Ты,—говорить:—чтобы слышать, подражай примѣрнѣ гусленгрателю, како сей подклоняетъ низу главу и, слухъ прилагая къ нѣню, подвизаетъ бряцало рукою.

— Нѣтъ,—думаю:—да что же это такое? Это даже совсѣмъ на пьянаго человѣка рѣчи непохоже, какъ онъ сталъ разговаривать!

А онъ на меня глядитъ и тихо по мнѣ руками водить, а самъ продолжаетъ въ томъ же намѣреніи уговаривать.

— Такъ,—говорить:—кунно струнамъ, художне соудаемымъ единымъ со другими, гусли нѣсь издають и гусленгратель веселится, сладости ради медовныя.

То-есть просто, вамъ я говорю, точно я не слова слышу, а вода живая мимо слуха струитъ, и я думаю: вотъ тебѣ и пьяничка! Гляди-ка, какъ онъ еще хорошо можетъ отъ божества говорить! а мой баринокъ этимъ временемъ пересталъ егозиться и такую рѣчь молвить:

— Ну, теперь довольно съ тебя; теперь проснись, — говорить:—и подкрѣпись!

И съ этимъ принагнулся и все что-то у себя въ штанинахъ въ карманкѣ долго искалъ и, наконецъ, что-то оттуда достаетъ. Гляжу, это вотъ такохонькій махонькій, махонькій кусочекъ сахарцу и весь въ сору, видно оттого, что тамъ долго валялся. Обобралъ онъ съ него коготками этотъ соръ, пообдулъ и говорить:

— Раскрой ротъ.

Я говорю:

— Зачѣмъ? а самъ ротъ разявилъ. А онъ воткнулъ мнѣ тотъ сахарокъ въ губы и говорить:

— Соси,—говорить:—смѣлѣе: это магнитный сахаръ-менторъ: онъ тебя подкрѣпитъ.

Я уразумѣлъ, что хоть это и по-французски онъ говорилъ, но насчетъ магнетизма, и больше его не спрашиваю, а занимаюсь сахаръ сосу, а кто мнѣ его далъ, того уже не вижу. Отошелъ ли онъ куда впотьмахъ въ эту минуту, или такъ куда провалился, лихо его вѣдаетъ, но только я остался одинъ и совсѣмъ сдѣлался въ своемъ понятіи и думаю: чего же мнѣ его ждать? мнѣ теперь надо домой идти. Но опять дѣло: не знаю — на какой я такой улицѣ нахожусь и что это за домъ, у котораго я стою? И думаю: да уже домъ ли это? можетъ быть это все мнѣ только кажется, а все это навожденіе... Теперь почь,—всѣ спить,

а зачѣмъ тутъ свѣтъ?.. Ну, а лучше, молъ, попробоватъ... зайду, посмотрю, что здѣсь такое: если тутъ настоящіе люди, такъ я у нихъ дорогу спрошу, какъ мнѣ домой идти, а если это только обольщеніе глазъ, а не живые люди... такъ что же опаснаго? я скажу: «нане мѣсто свято: чуръ меня» и все разсынется.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Вхожу я съ такою отважною рѣшимостью на крылечко, перекрестился и зачурался, ничего: домъ стоитъ, не матается, и вижу: двери отворены и впереди большія длинныя сѣни, а въ глубинѣ ихъ на стѣнкѣ фонарь со свѣчю свѣтитъ. Осмотрѣлся я и вижу палъво еще двѣ двери. обѣ цыновкой обиты и надъ ними опять такіе подсвѣчники съ зеркальными звѣздочками. Я и думаю: что же это такое за домъ: трактиръ какъ будто не трактиръ, а видно, что гостинное мѣсто, а какое—не разберу. Но только вдругъ величиваюсь, и слышу, что изъ-за этой цыновочной двери льется пѣсня... томная-иретомная, сердечнѣйшая, и поетъ ее голосъ, точно колоколь малиновый, такъ за душу и вилетъ, такъ и беретъ въ полонъ. Я и слушаю и никуда дальѣе не иду, а въ это время дальняя дверка вдругъ растворяется и я вижу вышелъ изъ нея высокій цыганъ, въ шелковыхъ штанахъ, а казакнѣ бархатный, и кого-то передъ собою скоро вынриводить въ особую дверь, подъ дальнимъ фонаремъ, которую я спервоначала и не замѣтилъ. Я, признаться, хоть не хорошо разсмотрѣлъ, кого это онъ сирвадилъ, но показалось мнѣ, что это онъ вывелъ моего магнетизера и говоритъ ему велѣдъ:

— Ладно, ладно, не обижайся, любезный, на этомъ полтинникѣ, а завтра приходи: если намъ *отъ него* колыза будетъ, такъ мы тебѣ за его приведеніе къ намъ еще прибавимъ.

И съ этимъ дверь на защелку защелкнулъ и бѣгать ко мнѣ, будто ненарокомъ, отворяетъ передо мною дверь, что подъ зеркальцемъ, и говоритъ:

— Милости просимъ, господнѣ купецъ; пожалуйте нашихъ пѣсенъ послушать! Голоса есть хорошіе.

И съ этимъ дверь передъ мною тихо настель распахнулъ... Такъ, милостивые государи, меня и обдало не знаю чѣмъ, но только будто столь мнѣ сроднымъ, что я вдругъ

весь тамъ очутился. Комната этакая обширная, но низкая, и потолокъ повихнуть, пузомъ внизъ лѣзеть, все темно, за-контъло и дымъ отъ табаку такой густой, что люстра на-верху виситъ, такъ только чуть ее знать, что она свѣ-тится. А внизу въ этомъ дымищѣ люди... очень много, страсть какъ много людей, и передъ ними этимъ голосомъ, который я слышала, молодая цыганка поетъ. Притомъ, какъ я взошеть, она только послѣднюю штучку тонко-пре-тонко, нѣжно дотянула и спустила на нѣтъ и голосокъ у нея замеръ... Замеръ ея голосокъ и съ нимъ въ одно мано-веніе точно все умерло... Зато черезъ минуту всѣ какъ вскочать, словно бѣшеные, и ладонами плещутъ и кричатъ. А я только удивляюсь: откуда это здѣсь такъ много народу и какъ будто еще все его больше и больше изъ дыму вы-ступаетъ? Ухъ, думаю, да не дичь ли это какая-нибудь, вмѣсто людей? Но только вижу я разныхъ знакомыхъ го-сподъ ремонтеровъ и заводчиковъ, и такъ просто богатыхъ кунцовъ и помѣщиковъ узнаю, которые до коней охотники, и промежду всей этой публики цыганка ходитъ этакая... даже нельзя ее описать какъ женщину, а точно будто какъ яркая змѣя, на хвостѣ движеть и все станомъ гнется, а изъ черныхъ глазъ такъ и жжетъ огнемъ. Любопытная фи-гура! А въ рукахъ она держитъ большой подносъ, на ко-торомъ по краямъ стоятъ много стакановъ съ шампанскимъ виномъ, а посрединѣ куча денегъ страшная. Только одного серебра нѣтъ, а то и золото, и ассигнаціи, и синія синицы, и сѣрыя утицы, и красные косачи,—только однихъ бѣлыхъ лебедей нѣтъ. Кому она подастъ стаканъ, тотъ сейчасъ вино выпьетъ, и на подносъ, сколько чувствуетъ усердія, денегъ мечетъ, золото, или ассигнаціи; а она его тогда въ уста поцѣлуетъ и поклонится. И обошла она первый рядъ и второй—гости въ родѣ какъ полукругомъ сидѣли—и по-томъ проходитъ и самый послѣдній рядъ, за которымъ я сзади за стуломъ на ногахъ стояла и было уже назадъ по-вернула, не хотѣла мнѣ подносить, но старый цыганъ, что сзади ея шелъ, вдругъ какъ крикнетъ:

— Грушка!—и глазами на меня кажетъ. Она взмахнула на него рѣсничницами... ей-Богу вотъ этакія рѣсницы, длинныя-предлинныя, черныя, и точно онѣ сами по себѣ живыя и какъ птицы какія шевелятся, а въ глазахъ я замѣтила у нея какъ старикъ на нее повелѣлъ, то во всей

въ ней точно гнѣвомъ дунуло. Разсердилась, значить, что велятъ ей меня потчивать, но, однако, свою должность исполняетъ: заходитъ ко мнѣ за задній рядъ, кланяется и говоритъ:

— Выкушай, гость дорогой, про мое здоровье!

А я ей даже и отвѣчать не могу: такое она со мною сразу сдѣлала! Сразу, то-есть, какъ она передо мною надъ подносомъ нагнулась и я увидать какъ это у нея промежъ черныхъ волосъ на головѣ, будто серебро, приборъ вьется и за спину надаешь, такъ я и осатанѣлъ, и весь умъ у меня отняло. Пью ей угощенье, а самъ черезъ стаканъ ей въ лицо смотрю и никакъ не разберу: смугла она, или бѣла она, а межъ тѣмъ вижу какъ у нея подъ тонкою кожею, точно въ сливѣ на солнцѣ, краска рдѣетъ и на нѣжномъ вискѣ жилака бьетъ... Вотъ она, думаю, гдѣ настоящая-то красота, что природы совершенство называется: магнетизеръ правду сказалъ: это совсѣмъ не то, что въ лошади, въ продажномъ звѣрѣ.

И вотъ я дошилъ стаканъ до дна и стукъ имъ объ поднось, а она стоитъ да дожидается, за что ласкать будетъ. Я поскорѣ спустилъ на тотъ конецъ руку въ карманъ, а въ карманѣ все попадаются четвертаки да двугривенные, да прочая расхожая мелочь. Мало, думаю; недостойно этимъ одарить такую язвинку, и передъ другими стыдно будетъ! А господа, слышу, не больно тихо цыгану говорятъ:

— Эхъ, Василій Ивановъ, зачѣмъ ты велишь Грушѣ этого мужика угощать? намъ это обидно.

А онъ отвѣчаетъ:

— У насъ, господа, всякому гостю честь и мѣсто, и моя дочь родной отцовъ цыганскій обычай знаетъ; а обижаться вамъ нечего, потому что вы еще пока не знаете, какъ иной простой человѣкъ красоту и талантъ оцѣнить можетъ. На это разные примѣры бываютъ.

А я, это слышучи, думаю:

— Ахъ, вы, волкъ васъ ѣшь! Неужели съ того, что вы меня богатѣе, то у васъ и чувствъ больше? Нѣтъ уже, что будетъ, то будетъ: послѣ князю отслужу, а теперь себя не постыжу и сей невиданной красоты скупостью не унижу.

Да съ этимъ вразъ руку за пазуху, вынулъ изъ пачки сторублеваго лебедя, да и шаркнулъ его на поднось. А цыганочка сейчасъ поднось въ одну ручку переняла, а другую

миѣ бѣлымъ платкомъ губы вытерла и своими устами такъ слегка, даже какъ и не поцѣловала, а только будто тронула устами, а вмѣсто того, точно будто ядомъ какимъ провела и прочь отошла.

Она отошла, а я было на томъ же мѣстѣ остался, но только тотъ старый цыганъ, этой Груши отецъ, и другой цыганъ, подхватили меня подъ руку и волокутъ впередъ и сажаютъ въ самый передній рядъ, рядомъ съ исправникомъ и съ другими господами.

Миѣ было, признаться, на это и не охота: я не хотѣлъ продолжать и хотѣлъ конъ идти; но они просить и не пускаютъ и зовутъ:

— Груша! Грунюша, останови гостя желаннаго!

И та выходитъ н... врагъ ее знаетъ, что она умѣла глазами дѣлать: взглянула, какъ заразу какую въ очи пустила, а сама говоритъ:

— Не обидь; погости у насъ на этомъ мѣстѣ.

— Ну, ужъ тебя ли, — говорю: — кому обидѣть можно, — и сѣлъ.

А она меня опять поцѣловала и опять то же самое осезаніе: какъ будто ядовитую кисточкою уста тронуть и всю кровь до самаго сердца болью прожжетъ.

И послѣ этого начались опять пѣсни и пляски, и опять другая цыганка съ шампансеей пошла. Тоже и эта хороша, но гдѣ противъ Груши! Половины той красоты нѣтъ, и за это я ей на поднось зацѣпилъ изъ кармана четвертаковъ и сынулъ... Господа это взяли въ пересмѣхъ, но миѣ все равно, потому я одного смотрю, гдѣ она, эта Грушенька, и жду, чтобы ее одинъ голосъ безъ хора слышать, а она не поетъ. Сидитъ съ другими подиѣваетъ, но соду не дѣлаетъ и миѣ ея голоса не слышать, а только ротокъ съ бѣлыми зубками видно... Эхъ, ты, думаю: доля моя сиротская: на минуту зашелъ и сто рублей потерялъ, а вотъ ее-то одну и не услышу! Но на мое счастье не одному миѣ хотѣлось ее послушать: и другіе господа важные посѣтители всѣ вкупѣ закричали послѣ одной перемѣны:

— Груша! Груша! «Челнокъ», Груша! «Челнокъ!»

Вотъ цыганы покашливали и молодой ея братъ взялъ въ руки гитару, а она запѣла. Знаете... ихъ пѣніе обыкновенно достигаемое и за сердца трогаетъ, а я какъ услышать этотъ самый ея голосъ, на который миѣ еще изъ-за двери

манилось, расчувствовался. Ужасно мнѣ какъ поправилось! Начала она такъ какъ будто грубовато, мужественно, этакъ: «мо-о-ре во-оо-о-еть, мо-ре сто-нетъ». Точно въ дѣйствительности слышно, какъ и море стонетъ, и въ немъ челночекъ поглощенный бьется. А потомъ вдругъ въ голосѣ совѣтъ другая перемеѣна, обращеніе къ звѣздѣ: «Золотая, дорогая, предвѣщательница дни, при тебѣ бѣда земная недоступна до меня». И опять новая обратность, чего не ждешь. У нихъ все съ этими съ обращеніями: то плачетъ, томитъ, просто душу изъ тѣла вынимаетъ, а потомъ вдругъ какъ хватить совѣтъ въ другомъ родѣ и точно сразу опять сердце вставить... Такъ и тутъ она это «море»-то съ «челномъ» всколыхала, а другіе какъ завизжать всѣмъ хоромъ:

Джа-ла-ла. Джа-ла-ла,
Джа-ла-ла принга-ла!
Джа-ла-ла принга-ла
Гай да ченурингала!
Гей гонь-гай, та гара!
Гей гонь-гай-та гара!

и потомъ Грушенька опять пошла съ виномъ и съ подносомъ, а я ей опять изъ-за пазухи еще одного лебедя... На меня всѣ оглядываться стали, что я ихъ своими подарками ниже себя ставлю; такъ что имъ даже совѣстно постѣ меня класть, а я рѣшительно уже ничего не жалѣю, потому моя воля, сердце выкажу, душу выкажу, и выказалъ. Что Груня разъ ни споетъ, то я ей за то лебедя, и уже не считаю сколько ихъ выпустить, а даю да и конечно, и за то другіе ее всѣ разомъ просятъ пѣть, она всѣ ихъ просьбы не поетъ, говоритъ «устала», а я одинъ кивну цыгану: не можно ли, моль, ее понудить? тотъ сейчасъ на ее глазами поведетъ, она и поетъ. И много-съ она пѣла, пѣсня отъ пѣсни могучѣе, и покидалъ я уже ей много безъ счету лебедей, а въ концѣ, не знаю въ который часъ, но уже совѣтъ на зарѣ точно и въ самомъ дѣлѣ она измаялась, и устала, и, точно съ намеками на меня глядя, завела: «Отойди, не гляди, скройся съ глазъ моихъ». Этими словами точно гонить, а другими словно допрашиваетъ: «пль играть хочешь ты моей львиной душой и всю власть красоты испытать надъ собой». А я ей еще лебедя! Она меня опять поневолѣ поцѣловала, какъ ужалила, и въ глазахъ точно пламя

темное, а тѣ, другіе, въ этотъ лукавый часъ на послѣднихъ какъ заорутъ:

Ты восчувствуй, милая,
Какъ люблю тебя, драгая!

и всѣ имъ подтягиваютъ, да на Грушу смотрятъ, и я смотрю, да подтягиваю: «ты восчувствуй!» А потомъ цыгане какъ хватитъ: «Ходи изба, ходи печь, хозяину негдѣ лечь» и вдругъ всѣ въ плясъ пошли... Пляшутъ и цыгане, пляшутъ и цыганки, и господа пляшутъ: всѣ вмѣстѣ выются, точно и въ самомъ дѣлѣ вся изба пошла. Цыганки передъ господами носятся, и тѣ поспѣваютъ, имъ встѣдъ гонять, молодые съ посвистомъ, а кои старше съ покрехтомъ... На мѣстахъ, гляжу, уже никого и не остается... Даже отъ которыхъ бы степенныхъ мужичъ и въ жизнь того скоморошества не ожидалъ, и тѣ всѣ поднимаются. Посидить-посидить иной, кто посолиднѣе, и сначала, видно, очень стыдится идти, а только глазомъ ведетъ, либо усомъ дергаетъ, а потомъ одинъ врагъ его плечомъ дернетъ, другой ногой топнетъ и, смотришь, вдругъ вскочитъ и хоть не умѣетъ плясать, а пойдетъ такое ногами выводить, что ни къ чему годно! Исправникъ толстый-претолстый и двѣ дочери у него были замужемъ, а и тотъ съ зятями своими тутъ же заодно нытитъ, какъ сомъ, и пятками мѣситъ, а гусарь-ремонтёръ, ротмистръ богатый и собой молодець, плясунъ залихватскій, всѣхъ ярче дѣйствуетъ: руки въ боки, а каблуками навывертъ стучитъ, передъ всѣми идетъ — козырится, въ загребъ валяется, а съ Грушей встрѣняется—головой тряхнетъ, шалку къ ногамъ ея ронить и кричитъ «настуни, раздави, раскрасавица!» и она... Охъ, тоже плясунья была! Я видалъ какъ пляшутъ актерки въ театрахъ, да что все это, тѣфу, все равно, что офицерскій конь безъ фангази на парадѣ для одного близиру манежится, не вѣсть чего ерхонится, а огня—жизни нѣтъ. Эта же брала, какъ пошла, такъ какъ фараонъ плыветъ—не колыхнется, а въ самой, въ змѣѣ, слышно, какъ и хряць хруститъ, и изъ кости въ кость мозжечокъ идетъ, а станеть, повыгнется, плечомъ ведетъ и бровь съ носкомъ ножки на одну линію стронть... Картина! Просто отъ этого видѣнья на ея талецъ всѣ словно свой весь умъ потеряли: рвутся къ ней безъ ума, безъ памяти: у кого слезы на глазахъ, а кто зубы скалить, но всѣ кричатъ:

— Ничего не жалѣемъ: танцуй!—и деньги ей такъ просто зря подь ногу мечуть, кто золото, кто ассигнаціи. И все тутъ гуще и гуще завѣялось, и я лишь одинъ сижу, да и то не знаю долго ли утерплю, потому что не могу глядѣть, какъ она на гусарову шапку наступаетъ... Она ступить, а меня чортъ въ жилу щелкъ; она опять ступить, а онъ меня опять щелкъ, да, наконецъ, думаю: что же мнѣ такъ себя всеу мучить! Пущу и я свою душу погулять вволю, да какъ вскочу, отпихнуль гусара, да и пошелъ передь Грушею въ присядку... А чтобы она на его, гусарову, шапку не становилася, такое средство изобрѣлъ, что, думаю, всё вы кричите, что ничего не жалѣете, меня тѣмъ не удивите: а вотъ, что я ничего не жалѣю, такъ я то дѣломъ-правдою докажу, да самъ прыгну, и самъ изъ-за пазухи ей подь ноги лебедя и кричу: «дави его! наступай!» Она было не того... даромъ, что мой лебедь гусарской шапки дороже, а она и на лебедя не глядитъ, а все норовить за гусаромъ; да только старый цыганъ, спасибо, это замѣтилъ, да какъ на нее топнетъ... Она и поняла и пошла за мной... Она на меня плыветъ, глаза внизъ спустила, какъ змѣища-горынище, ажко гнѣвомъ землю жжетъ; а я передь ней просто въ подобіи бѣса скачу, да все, что разъ прыгну, то подь ножку ей мечу лебедя... Самъ ее такъ уважаю, что думаю: не ты ли, проклятая, и землю, и небо сдѣлала? а самъ на нее съ дерзостью кричу: «ходи шибче», да все подь ноги ей лебедей, да разъ руку за пазуху пушаю, чтобы еще одного достать, а ихъ, гляжу, тамъ уже всего съ десятокъ остался... Тьфу ты, думаю, чортъ же васъ всѣхъ побирай! скомкаль ихъ всѣхъ въ кучку, да сразу ихъ всё ей подь ноги и выбросиль, а самъ взяль со стола бутылку шампанскаго вина, отбилъ ей горло и крикнуль:

— Сторонись, душа, а то оболью, да всю сразу и выпилъ за ея здоровье, потому что послѣ этой пляски мнѣ нить страшно хотѣлось.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

— Ну, и что же далѣе?—вопросили Ивана Северьяныча.

— Далѣе, дѣйствительно, все такъ воспослѣдовало, какъ онъ общался.

— Кто общался?

— А магнетизерь, который это на меня навелъ: онъ

какъ общался отъ меня пьянаго бѣса отставить, такъ его и свель, и я съ той поры никогда больше ни одной рюмки не пилъ. Очень онъ это крѣпко сдѣлать.

— Ну-съ, а какъ же вы съ княземъ-то своимъ за выкупныхъ лебедей кончили?

— А я и самъ не знаю, какъ-то очень просто: какъ отъ этихъ цыгановъ доставился домой и не помню какъ легъ, но только слышу князь стучитъ и зоветъ, а я хочу съ коника встать, но никакъ края не найду и не могу сойти. Въ одну сторону поползу—не край, въ другую обогнусь и здѣсь тоже краю нѣтъ... Заблудилъ на коникѣ да и полно?.. Князь кричитъ: «Иванъ Северьянычъ!» А я откликаюсь «сейчасъ», а самъ лазаю во все стороны и все не найду края, и, наконецъ, думаю: ну, если слѣзть нельзя, такъ я же спрыгну, и размахнулся, да какъ снгану какъ можно дальше и чувствую, что меня будто что по мордѣ ударило и вокругъ меня что-то звенить и слышится, и сзади тоже звенить и опять слышится, и голосъ князя говоритъ девицку: «давай огня скорѣй!»

А я стою, не трогаюсь, потому что не знаю, паяву или во снѣ я все это надъ собою вижу, и полагаю, что я все еще на коникѣ до края не достигъ; а на мѣсто того, какъ девицкѣ принесъ огонь, я вижу, что я на полу стою, мордой въ хозяйскую горку съ хрусталемъ запрыгнулъ и поколотилъ все...

— Какъ же вы это такъ заблудились?

— Очень просто: думалъ, что я, по всегдашнему своему обыкновенію, на коникѣ сплю, а я, вѣрно, приди отъ цыганъ, прямо на полъ легъ, да все и ползаль, края искалъ, а потомъ сталъ прыгать... и допрыгалъ до горки. Блуждалъ, потому этотъ... магнетизеръ, онъ пьянаго бѣса отъ меня свель, а блуднаго при мнѣ поставилъ... Я тутъ же и вспомнилъ его слова, что онъ говоритъ: «какъ бы хуже не было, если шитье бросить» и пошелъ его искать,—хотѣлъ просить, чтобы онъ лучше меня размагнетизировалъ на старое, но его не засталъ. Онъ тоже много на себя набралъ и самъ не вынесъ, и тутъ же напротивъ цыгановъ у шинкарки такъ напился, что и померъ.

— А вы такъ и остались замагнетизированы?

— Такъ и остался-съ.

— И долго же на васъ этотъ магнетизмъ дѣйствовалъ?

— Отчего же долго ли? онъ, можетъ-быть, и посейчасъ дѣйствуетъ.

— А все-таки интересно знать, какъ же вы съ княземъ-то?.. Неужто такъ и объясненія у васъ никакого не было за лебедей?

— Нѣтъ-съ, объясненіе было, только не важное. Князь тоже прѣхалъ проигравшись и на реваншъ у меня стать просить. Я говорю:

— Ну, уже это оставьте: у меня ничего денегъ нѣтъ.

Онъ думаетъ шутка, а я говорю:

— Нѣтъ испрауди, у меня безъ васъ большой выходъ былъ.

Онъ спрашиваетъ:

— Куда же, моль, ты могъ пять тысячъ на одномъ выходѣ дѣть?..

Я говорю:

— Я ихъ сразу цыганкѣ бросилъ...

Онъ не вѣритъ.

Я говорю:

— Ну, не вѣрьте: а я вамъ правду говорю.

Онъ было озлился и говоритъ:

— Запрн-ка дсери, я тебѣ задамъ, какъ казенныя деньги швырять,—а потомъ, это вдругъ отмѣнивъ, и говоритъ:— Не надо ничего: я и самъ такой же, какъ ты, безпутный.

И онъ въ комнатѣ легъ свою ночь досыпать, а я на сѣновалѣ тоже опять спать пошелъ. Опомился же я въ лазаретѣ и слышу говорятъ, что у меня бѣлая горячка была и хотѣлъ будто бы я вѣшатся, только меня, слава Богу, въ длинную рубашку спеленали. Потомъ выздоровѣлъ я и явился къ князю въ его деревню, потому что онъ этимъ временемъ въ отставку вышелъ, и говорю:

— Ваше сіятельство, надо мнѣ вамъ деньги отслужить.

Онъ отвѣчаетъ:

— Пошелъ къ чорту.

Я вижу, что онъ очень на меня обиженъ, подхожу къ нему и пагинаюсь.

— Что, говоритъ,—это значить?

— Да отрешите же, прошу, меня, но крайней мѣрѣ, какъ слѣдуетъ!

А онъ отвѣчаетъ:

— А почему ты знаешь, что я на тебя сержусь, а можетъ быть я тебя вовсе и виноватымъ не считаю.

— Помилуйте, говорю:—какъ же еще я не виновать, когда я этакую область денегъ расшвырять? Я самъ знаю, что меня, подлеца, за это повѣсить мало.

А онъ отвѣчаетъ:

— А что, братецъ, дѣлать, когда ты артистъ.

— Какъ, говорю,—это такъ?

— Такъ, отвѣчаетъ,—такъ, любезнѣйшій Иванъ Северянычъ, вы, мой полупочтеннѣйшій,—артистъ.

— И понять, говорю,—не могу.

— Ты, говорить,—не думай что-нибудь худое, потому что и я самъ тоже артистъ.

— Ну, вотъ это, думаю,—понятно: видно не я одинъ до бѣлой горячки подвизался.

А онъ всталъ, ударилъ объ полъ трубку и говорить:

— Что тутъ за диво, что ты передъ ней бросилъ, что при себѣ имѣлъ, я, братецъ, за нее то отдалъ, чего у меня нѣтъ и не было.

Я во всѣ глаза на него вылунился.

— Батюшка, молю, ване сѣятельство: помилосердуйте, что вы это говорите, мнѣ это даже слушать странно.

— Ну, ты, отвѣчаетъ,—очень не пугайся: Богъ милостивъ и авось какъ-нибудь выкручусь, а только я за эту Грушу въ таборъ полсотни тысячъ отдалъ.

Я такъ и ахнулъ:

— Какъ, говорю,—полсотни тысячъ! за цыганку! да стѣить ли она этого, аспидка.

— Ну, вотъ это, отвѣчаетъ,—вы, полупочтеннѣйшій, глупо и не по-артистически заговорили... Какъ стѣить ли? Женщина всего на свѣтѣ стѣить, потому что она такую язву нанесетъ, что за все царство отъ нея не выльчишься, а она одна въ одну минуту отъ нея можетъ исцѣлить.

А я все думаю, что все это правда, а только самъ все головою качаю и говорю:

— Этакая, молю, сумма! цѣлыя пятьдесятъ тысячъ!

— Да, да, говорить,—и не повторяй больше, потому что спасибо, что и это взял, а то бы я и больше далъ... все, что хочешь, далъ бы.

— А вамъ бы, говорю,—плюнуть и больше ничего.

— Не могъ, говорить,—братецъ, не могъ плюнуть.

— Отчего же?

— Она меня красотою и талантомъ уязвила и мнѣ исцѣ-

ленья надо, а то я съ ума сойду. А ты миѣ скажи: вѣдь правда: она хороша? А? правда, что ли? Есть отчего от нея съ ума сойти?..

Я губы закусила и только уже молча головой трясу.

— Правда, моль, правда!

— Миѣ,—говоритъ князь:—знаешь, миѣ вѣдь за женщину хоть умереть, такъ ничего не стѣнть. Ты можешь ли это понимать, что умереть ниночемъ?

— Что же, говорю,—тутъ непонятнаго, краса, природы совершенство...

— Какъ же ты это понимаешь?

— А такъ, отвѣчаю,—и понимаю, что краса природы совершенство и за это восхищенному человѣку погибнуть... даже радость!

— Молодецъ, отвѣчаетъ мой князь;—молодецъ вы, мой почти-полу-почтеннѣйшій и премоного-мало-значущій Иванъ Северьянович! именно-съ, именно гибнуть-то и радостно, и вотъ то-то миѣ теперь и сладко, что я для нея всю мою жизнь перевернулъ: и въ отставку вышелъ, и имѣнїе заложилъ, и съ этихъ поръ стану тутъ жить, человѣка не види, а только все буду одной ей въ лицо смотрѣть.

Тутъ я еще ниже спустилъ голосъ и шепчу:

— Какъ, говорю,—будете ей въ лицо смотрѣть? Развѣ она здѣсь.

А онъ отвѣчаетъ:

— А то какъ же иначе? разумѣется, здѣсь.

— Можетъ ли, говорю,—это быть?

— А вотъ ты, говоритъ,—постой, я ее сейчасъ приведу. Ты артистъ,—отъ тебя я ее не скрою.

И съ этимъ оставилъ меня, а самъ вышелъ за дверь. Я стою, жду и думаю:

— Эхъ, нехорошо это, что ты такъ утверждаешь, что на одно на ея лицо будешь смотрѣть! Наскучитъ! но въ подробности объ этомъ не разсуждаю, потому что какъ вспомню, что она здѣсь, сейчасъ чувствую, что у меня даже въ бокахъ жарко становится и въ умѣ мѣшаюсь, думаю: неужели я ее сейчасъ увижу? А они вдругъ и входятъ: князь впереди идетъ и въ одной рукѣ гитару съ широкою алой лентой несетъ, а другою Грушеньку, за обѣ ручки сжавши, тащить, а она идетъ понуро, упирается и не смо-

трить, а только эти рѣснички черныя по щекамъ какъ будто птичьи крылья шевелятся.

Ввелъ ее князь, взялъ на руки и посадилъ какъ дитя съ ногами въ уголь на широкой мягкой диванъ; одну бархатную подушку ей за спинку подсунулъ, другую — подъ правый локотокъ подложилъ, а ленту отъ гитары перекинулъ черезъ плечо, и персты руки на струны поклавъ. Потомъ сѣлъ самъ на полу у дивана и голову склонилъ къ ей алому сафьянному башмачку и мнѣ киваетъ: дескать, «садись и ты».

Я тихонечко опустилсѣ у порожка на полъ, тоже подобралъ подъ себя ноги и сижку, гляжу на нее. Тихо настало такъ, что даже тоцо дѣлается. Я сидѣль-сидѣль, видно колѣни разломилъ, а глину на нее, она все въ томъ же положеніи, а на князя посмотрю: вижу, что онъ отъ томноты у себя весь усъ изгрызъ, а ничего ей не говоритъ.

Я ему и киваю: дескать, что же вы, прикажите ей пѣть! А онъ обратно мнѣ пантомину даетъ въ такомъ смыслѣ, что, дескать, не послушаетъ.

И опять оба сидимъ на полу, да ждемъ, а она вдругъ начала, какъ будто бредить, вздыхать, да похлипывать и по рѣсничкѣ слезка струитъ, а по струнамъ пальцы какъ осы ползаютъ и рокочутъ... И вдругъ она тихо-тихо, будто плачетъ, зашѣла: «люди добрые, послушайте про печаль мою сердечную».

Князь шепчетъ: что?

А я ему тоже шопотомъ по-французски отвѣчаю:

— Пти-комъ-нѣ, говорю, и сказать больше нечего, а она въ эту минуту вдругъ какъ вскрикнетъ: «а меня съ красоты продадутъ, продадутъ», да какъ швырнетъ гитару далеко съ колѣни, а съ головы сорвала косынку и пала ничкомъ на диванъ, лицо въ ладони уткнула и плачетъ, и я, глядя на нее, плачу, и князь... тоже и онъ заплакалъ, но взялъ гитару и точно не пѣлъ, а какъ будто службу служи, застоялъ: «Если бъ знала ты весь огонь любви, всю тоску души моей пламенной», да и ну рыдать. И поетъ, и рыдаетъ: «Успокой меня, беспокойнаго, осчастливь меня, несчастливаго». Какъ онъ такъ жестоко взволновался, она, вижу, внемлетъ смѣхъ его слезамъ и пѣнію и все стала тишать, усмиряться и вдругъ тихо ручку изъ-подъ своего лица вывела и, какъ мать, нѣжно обвила ею его голову...

Ну, тутъ мнѣ стало понятно, что она его въ этотъ часъ пожалѣла и теперь сейчасъ успокоить и исцѣлить всю тоску души его пламенной, и я всталъ потихоньку незамѣтно и вышелъ.

— И вѣрно тутъ-то вы и въ монастырь пошли?—вопросилъ нѣкто разсказчика.

— Нѣтъ-съ: еще не тутъ, а позже,—отвѣчалъ Иванъ Северьянычъ и добавилъ, что ему еще надлежало прежде много въ свѣтѣ отъ этой женщины видѣть, пока надъ ней все, чему суждено было, исполнилось, и его зачеркнуло.

Слушатели, разумѣется, приступили съ просьбою хотя вкратцѣ разсказать имъ исторію Груши, и Иванъ Северьянычъ это исполнилъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

— Видите, — началъ Иванъ Северьянычъ: — мой князь былъ человѣкъ души доброй, но перемѣнчивой. Чего онъ захочетъ, то ему сейчасъ во что бы то ни стало вынь да положи—иначе онъ съ ума сойdetъ, и въ тѣ поры ничего онъ на свѣтѣ за это достиженіе не пожалѣетъ, а потомъ, когда получитъ, не дорожитъ счастьемъ. Такъ это у него и съ этой цыганкою вышло и ея, Грушинъ, отецъ, и всѣ тѣ ихніе таборные цыганы отлично сразу въ немъ это поняли и запросили съ него за нее не вѣсть какую цѣну, больше какъ все его домашнее состояніе позволяло, потому что было у него хотя и хорошее имѣніе, но разоренное. Такихъ денегъ, какія таборъ за Грушу назначилъ, у князя тогда на-лицо не было, и онъ сдѣлалъ для того долгъ и уже служить больше не могъ.

Знавши всѣ эти его привычки, я много хорошаго отъ него не ожидалъ и для Груши, и такъ на мое и вышло. Все онъ къ ней ластился, безотходно на нее смотрѣлъ и дышалъ и вдругъ зѣвать сталъ, и все меня въ компанію призывать началъ.

— Садись, говорить,—послушай.

Я беру стулъ, сажусь гдѣ-нибудь поближе къ дверямъ и слушаю. Такъ и часто доводилось: онъ, бывало, ее попросить нѣтъ, а она скажетъ:

— Передъ кѣмъ я стану нѣтъ! ты, говорить,—холодный сталъ, а я хочу, чтобы отъ моей нѣсни чья-нибудь душа горѣла и мучилась.

Князь сейчасъ опять за мною и посылаетъ, и мы съ нимъ двое ее и слушаемъ; а потомъ Груша и сама стала ему напоминать, чтобы звать меня, и начала со мною обращаться очень дружественно, и я послѣ ея пѣнія не разъ у нея въ покояхъ чай пилъ, вмѣстѣ съ княземъ, но только, разумѣется, или за особымъ столомъ, или гдѣ-нибудь у оконечка, а если когда она одна оставалась, то завсегда попросту рядомъ съ собою меня сажала. Вотъ такъ прошло сколько времени, а князь все смутнѣе началъ становиться и одинъ разъ мнѣ и говорить:

— А знаешь что, Иванъ Северьяновъ, такъ и такъ, вѣдь, дѣла мои очень плохи.

И говорю:

— Чѣмъ же они плохи? Слава Богу, живете какъ надо и все у васъ есть.

А онъ вдругъ обидѣлся.

— Какъ, говоритъ,—вы, мой полупочтеннѣйшій, глупы, «все есть»? что же это такое у меня *есть*?

— Да все, молъ, что нужно.

— Неправда, говоритъ,—я обидѣлся, я теперь себѣ на бутылку вина къ обѣду долженъ разсчитывать. Развѣ это жизнь? Развѣ это жизнь?

— Вотъ, думаю,—что тебя огорчаетъ, и говорю:—ну, если когда вина недостача, еще не велика бѣда, потерпѣть можно, зато есть, что слаще и вина, и меду.

Но онъ понялъ, что я намекаю на Грушу, и какъ будто меня устыдилъ и самъ ходить, рукою машеть, а самъ говорить:

— Конечно... конечно... разумѣется... но только... Вотъ я теперь полгода живу здѣсь и человѣка у себя чужого не видалъ...

— А зачѣмъ, молъ, онъ вамъ, чужой-то человѣкъ, когда есть душа желанная?

Князь всыхнулъ.

— Ты, говоритъ, — братецъ, ничего не понимаешь: все хорошо одно при другомъ.

— А-га! думаю:—вотъ ты что, братъ, заглѣлъ? и говорю:—что же, молъ, теперь дѣлать?

— Давай, говоритъ, — станемъ лошадьми торговать. Я хочу, чтобы ко мнѣ опять ремонтеры и заводчики ѣздили.

Пустое это и не господское дѣло лошадьми торговать,

но, думаю, чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, абы не плакало, и говорю: «извольте».

И начали мы съ нимъ заводить ворокъ. Но чуть за это принялись, князь такъ и унесся въ эту страсть: гдѣ какія деньжонки добудеть, сейчасъ покупать коней и все беретъ, хватается зря; меня не слушаетъ... Накупили обелму, а продажи нѣтъ... Онъ сейчасъ же этого не стерпѣлъ и коней бросилъ, да давай что пошало городить: то кинется необыкновенную мельницу строить, то шорную мастерскую завелъ и все отъ всего убытки и долги, а болѣе всего разстройство въ характерѣ... Постоянно онъ дома не сидитъ, а летаетъ то туда, то сюда, да чего-то ищетъ, а Груша одна и въ такомъ положеніи... въ тягости. Скучаетъ. «Мало, говоритъ, его вижу», а перемогаетъ себя и великатится: чуть замѣтитъ, что онъ день-другой дома заскучаетъ, сейчасъ сама скажетъ.

— Ты бы, говоритъ, — изумрудъ мой яхонтовой, куда-нибудь поѣхалъ, прогулялся, что тебѣ со мною сидѣть: я проста, неученая.

Этихъ словъ онъ, бывало, сейчасъ застыдится и руки у нея цѣлуетъ и дня два-три крѣпится, а зато потомъ, какъ выкатить, такъ уже и завьется, а ее мнѣ заказываетъ:

— Береги, говоритъ, — ее, полуночтвенный Ивапъ Северьяновъ, ты артистъ, ты не такой, какъ я, свистунъ, а ты настоящій, высокой степени артистъ, и оттого ты съ цюю какъ-то умѣешь такъ говорить, что вамъ обонмъ весело, а меня отъ этихъ «изумрудовъ яхонтовыхъ» въ сонъ клонить.

Я говорю:

— Почему же это такъ? вѣдь, это слово любовное.

— Любовное, отвѣчасть, — да глупое и надоѣдное.

Я ничего не отвѣтилъ, а только сталъ отъ этого времени къ ней запросто вхожъ: когда князя нѣтъ, я всякій день два раза на день ходилъ къ ней во флигель чай пить и какъ могъ ее развлекалъ.

А развлекать было оттого, что она, бывало, если разговорится, все жалуется:

— Милый мой, сердечный мой другъ, Ивапъ Северьяновичъ, возговоритъ: — ревность меня, мой голубчикъ, тлгостно мучить.

Ну, я ее, разумѣется, уговариваю:

— Чего, говорю, — очень мучиться: гдѣ онъ ни побываетъ, все къ тебѣ воротится.

А она всплачетъ и руками себя въ грудь бьетъ, и говоритъ:

— Нѣтъ, скажи же ты мнѣ... не потай отъ меня, мой сердечный другъ, гдѣ онъ бываетъ?

— У господъ, говорю, — у сосѣдей, или въ городѣ.

— А нѣтъ ли, говоритъ, — тамъ гдѣ-нибудь моею съ нимъ разлучницы? Скажи мнѣ: можетъ, онъ допрежъ меня кого любилъ и къ ней назадъ воротился, либо не задумалъ ли онъ, лиходѣй мой, жениться? — А у самой при этомъ глаза такъ и загорятся, даже смотрѣть ужасно.

И ее утѣшаю, а самъ думаю:

«Кто его знаетъ, что онъ дѣлаетъ», потому что мы его мало въ то время и видѣли.

Вотъ какъ вспало ей это на мысль, что онъ жениться хочетъ, она и ну меня просить:

— Слѣзди, такой-сякой, голубчикъ, Иванъ Северьяновичъ, въ городъ; слѣзди, доподлинно узнай о немъ все какъ слѣдуетъ и все мнѣ безъ потайки выскажи.

Пристаетъ она съ этимъ ко мнѣ все больше и больше и до того меня разжалобила, что думаю:

«Ну, была не была, поѣду. Хотя ежели что дурное объ измѣнѣ узнаю, всего ей не выскажу, но посмотрю и приведу все дѣло въ леньость».

Выбралъ такой предлогъ, что будто бы надо самому ѣхать лѣкарствъ для лошадей у травниковъ набрать и поѣхать, но поѣхать не с проста, а съ хитрымъ подходомъ.

Грушѣ было неизвѣстно и людямъ строго-настрога наказано было отъ нея скрывать, что у князя, до этого случая съ Грушею, была въ городѣ другая любовь, — изъ благородныхъ, секретарская дочка Евгенья Семеновна. Извѣстная она была во всемъ городѣ большая на фортепянахъ игрица и предобрая барыня, и тоже собою очень хорошая и имѣла съ моимъ княземъ дочку, но располѣла и онъ ее, говорили, будто за это и бросилъ. Однако, имѣя въ ту пору еще большой капиталъ, онъ купилъ этой барынѣ съ дочкою домъ и онѣ въ томъ домѣ доходцами и жили. Князь къ этой къ Евгеньѣ Семеновнѣ, послѣ того какъ ее наградилъ, никогда не заѣзжалъ, а люди наши, по старой памяти, за ся добродѣтель помнили и всякій прїездъ все, бывало, къ

ней захаживали, потому что ее любили и она до всѣхъ до нашихъ была ужасно какая ласковая, и княземъ интересовалась.

Вотъ я пріѣхалъ въ городъ прямо къ ней, къ этой доброй барышнѣ, и говорю:

— Я, матушка Евгенья Семеновна, у васъ остановился.

Она отвѣчаетъ:

— Ну, что же; очень рада. Только отчего же, говорить, ты къ князю не ѣдешь на его квартиру?

— А развѣ, говорю, — онъ здѣсь, въ городѣ?

— Здѣсь, отвѣчаетъ. — Онъ уже другая недѣля здѣсь и дѣло какое-то заводитъ.

— Какое, молъ, еще дѣло?

— Фабрику, говоритъ, — суконную въ аренду беретъ.

— Господи! молъ, еще что такое онъ задумалъ?

— А что, говоритъ, — развѣ это худо?

— Ничего, говорю, — только что-то мнѣ это удивительно.

Она улыбается.

— Нѣтъ; а ты, говоритъ, — вотъ чему подивись, что князь мнѣ нисею прислалъ, чтобы я нынче его приняла, что онъ хочетъ на дочь взглянуть.

— И что же, говорю, — вы ему, матушка Евгенья Семеновна, разрѣшили?

Она пожала плечыи и отвѣчаетъ:

— Что же, пусть пріѣдетъ, на дочь посмотритъ, и съ этимъ вздохнула и задумалась, сидитъ опустила головку, а сама еще такая молодая, бѣлая, да вальяжная, а къ тому еще и обращеніе совсѣмъ не то, что у Груши... та, вѣдь, больше ничего, какъ начнетъ свое «изумрудный, да яхонтовый», а эта совсѣмъ другое... Я ее и взревновала.

«Охъ, — думаю себѣ, — какъ бы онъ на дитя-то какъ станеть смотрѣть, то чтобы на самоѣ на тебя своимъ несытымъ сердцемъ не глянулъ! Отъ сего тогда моею Грушенькѣ много добра не воспослѣдуетъ». И въ такомъ размышленіи сижу я у Евгеньи Семеновны въ дѣтской, гдѣ она велѣла нянюшкѣ меня часомъ поить, а у дверей вдругъ слышу звонокъ и горничная прибѣгаетъ очень радостная и говоритъ нянюшкѣ:

— Князинька къ намъ пріѣхалъ!

Я, было, сейчасъ же и поднялся, чтобы на кухню уйти, но нянюшка Татьяна Яковлевна разговорчивая была ста-

рушка изъ московскихъ: страсть любила все высказать и не захотѣла черезъ это слушатели лишиться, а говорить:

— Не уходи, Иванъ Голованычъ, а пойдѣмъ вотъ сюда въ гардеробную за шкану сядемъ, она его сюда ни за что не поведетъ, а мы съ тобою еще разговорцу проведемъ.

Я и согласился, потому что, по разговорчивости Татьяны Яковлевны, надѣялся отъ нея что-нибудь для Груши полезное свѣдать, и какъ отъ Евгеньи Семеновны мнѣ былъ лодиколошный пузыречекъ рому къ чаю высланъ, а я самъ уже тогда ничего не пилъ, то и думаю: подпущу-ка я ей, божьей старушкѣ, въ часекъ еще вотъ этого разговорцу изъ пузыречка, авось она, по благодати своей, мнѣ тогда что-нибудь и совретъ, чего бы безъ того и не высказала.

Удалились мы изъ дѣтской и сидимъ за шканами, а эта шканная комнатка была узенькая, просто сказать — коридоръ, съ дверью въ концѣ, а та дверь какъ разъ въ ту комнату выходила, гдѣ Евгенья Семеновна князя приняла и даже къ тому къ самому дивану, на которомъ они сѣли. Однимъ словомъ, только меня отъ нихъ раздѣлила эта запертая дверь, съ той стороны матеріей завѣшанная, а то все равно будто я съ ними въ одной комнатѣ сижу, такъ мнѣ все слышно.

Князь какъ вошелъ и говорить:

— Здравствуй, старый другъ, испытанный!

А она ему отвѣчаетъ:

— Здравствуйте, князь! Чему я обязана?

А онъ ей:

— Объ этомъ, говорить, — послѣ поговоримъ, а прежде дай поздороваться и позволю къ головку тебя поцѣловать, — и мнѣ слышно, какъ онъ ее въ головку цмокнулъ, и спрашиваетъ про дочь. Евгенья Семеновна отвѣчаетъ, что она, моль, дома.

— Здорова?

— Здорова, говорить.

— И выросла, небось?

Евгенья Семеновна разсмѣялась и отвѣчаетъ:

— Разумѣется, говорить, — выросла.

Князь спрашиваетъ:

— Надѣюсь, что ты мнѣ ее покажешь?

— Отчего же, отвѣчаетъ, — съ удовольствіемъ, — и встала съ мѣста, вошла въ дѣтскую и зоветъ эту самую няню, Татьяну Яковлеву, съ которою я угощаюсь.

— Выведите, говоритъ, — нянюшка, Людочку къ князю.

Татьяна Яковлевна плонула, поставила блюда на столъ и говоритъ:

— О, пусто бы вамъ совѣмъ было, только-что сядешь, въ самый аншетитъ съ человѣкомъ поговорить, непременно и тутъ отрываютъ и ничего въ свое удовольствіе сдѣлать не дадутъ! — и поскорѣе меня барышними юбками, которыя на стѣнѣ висѣли, закрыла и говоритъ: — посиди, — а сама пошла съ дѣвочкой, а я одинъ за шканами остался и вдругъ слышу князь дѣвочку разъ и два поцѣловалъ и потетешкалъ на колѣнахъ и говоритъ:

— Хочешь, мой анфанъ, въ каретѣ покататься?

Та ничего не отвѣчаетъ; онъ говоритъ Евгеньѣ Семеновнѣ.

— Же ву при, говоритъ, — пожалуйста, пусть она съ нянею въ моей каретѣ поѣздитъ, покатается.

Та, было, ему что-то по-французскому, дескать, зачѣмъ и пуркуа, но онъ ей тоже въ родѣ того, что, дескать, «непремѣнно надобно», и этакъ они раза три словами перебросились и потомъ Евгенья Семеновна нехоти говорить нянюшкѣ:

— Одѣньте ее и поѣзжайте.

Тѣ и поѣхали, а эти двоичкой себѣ остались, да я у нихъ подъ сокрытьемъ на послухахъ, потому что мнѣ изъ за шкановъ и выйти нельзя, да и самъ себѣ я думалъ: вотъ же когда мой часъ насталъ и я теперь настоящее изслѣдую, что у кого противъ Груши есть въ мысляхъ вреднаго?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Пустившись на этакое рѣшеніе, чтобы подслушивать, я этимъ не удовольнися, а захотѣлъ и глазомъ, что можно, увидѣть и всего этого достигъ: сталъ тихонечко ногами на табуретку и сейчасъ вверху дверей въ пазу щелочку при-смотрѣлъ и жаднымъ окомъ приникъ къ ней. Вижу, князь сидитъ на диванѣ, а барыня стоитъ у окна и, вѣрно, смотритъ, какъ ея дитя въ карету сажаютъ.

Карета отѣхала и она оборачивается и говоритъ:

— Ну, князь, я все сдѣлала, какъ вы хотѣли: скажите же теперь, что у васъ за дѣло такое ко мнѣ?

А онъ отвѣчаетъ:

— Ну, что тамъ дѣло!.. дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжить, а ты прежде подойди-ка сюда ко мнѣ: сядемъ рядомъ, да поговоримъ ладомъ, по-старому, по-бывалому.

Барыня стоитъ, руки назадъ, обѣ окна опирается и молчитъ, а сама бровь сунить. Князь проситъ:

— Что же, говоритъ, ты: я прошу, — мнѣ говорить съ тобой надо.

Та послушалась, подходитъ; онъ сейчасъ, это видя, опять шутить:

— «Ну, ну, моль, посиди, посиди по-старому», и обнять ее хотѣлъ, но она его отодвинула и говоритъ:

— Дѣло, князь, говорите, дѣло: чѣмъ я могу вамъ служить?

— Что же это, — спрашиваетъ князь: — стало-быть, безъ разговора все на-чистоту выкладывать?

— Конечно, говоритъ, — объясняйте прямо, въ чемъ дѣло? мы, вѣдь, съ вами коротко знакомы, — церемониться нечего.

— Мнѣ деньги нужны, — говоритъ князь.

Та молчитъ и смотритъ.

— И немного денегъ, — молвилъ князь.

— А сколько?

— Теперь всего тысячь двадцать.

Та опять не отвѣчаетъ, а князь и ну расписывать, что я, говоритъ, суконную фабрику покушаю, но у меня денегъ ни гроша нѣтъ, а если куплю ее, то я буду миллионеръ; я, говоритъ, все передѣлаю, все старое уничтожу и выброшу, и начну яркія сукна дѣлать да азіатамъ въ Нижній продавать. Изъ самой гадости, говоритъ, вытку, да ярко выкрашу и все пойдетъ, и большія деньги наживу, а теперь мнѣ только двадцать тысячь на задатокъ за фабрику нужно. Евгенья Семеновна говоритъ:

— Гдѣ же ихъ достать?

А князь отвѣчаетъ:

— Я и самъ не знаю, но надо достать, а потомъ расчесть у меня самый вѣрный: у меня есть человекъ — Иванъ Голованъ, изъ полковыхъ конюсеровъ, очень не уменъ, а золотой мужикъ, — честный, и рачитель, и долго у азіатовъ въ плѣну былъ, и всѣ ихъ вкусы отлично знаетъ, а теперь у Макарія стоитъ ярмарка, я пошлю туда Голована заподрядиться и образцовъ взять, и задатки будутъ... тогда... я, первое, сейчасъ эти двадцать тысячь отдамъ...

И онъ замолкъ, а барыня помолчала, воздохнула и начинаетъ:

— Расчетъ, говорить,—вашъ, князь, вѣренъ.

— Неправда ли?

— Вѣренъ, говорить,—вѣренъ: вы такъ сдѣлаете: вы дадите за фабрику задатокъ, васъ послѣ этого станутъ считать фабрикантомъ; въ обществѣ заговорятъ, что ваши дѣла поправились...

— Да.

— Да; и тогда...

— Голованъ наберетъ у Макарія заказовъ и задатковъ, и я верну долгъ и разбогатѣю.

— Нѣтъ, позвольте, не перебивайте меня: вы прежде поднимете всеѣмъ этимъ на фу-фу предводителя, и пока онъ будетъ почитать васъ богачомъ, вы женитесь на его дочери и тогда, взявши за ней ея приданое, въ самомъ дѣлѣ разбогатѣете.

— Ты такъ думаешь?—говорить князь.

А барыня отвѣчаетъ:

— А вы развѣ иначе думаете?

— А ну, если ты, говорить,—все понимаешь, такъ дай Богъ твоими устами да намъ медъ нить.

— *Намъ?*

— Конечно, говорить,—тогда всеѣмъ намъ будетъ хорошо: ты для меня теперь домъ заложилъ, а я дочери за двадцать тысячъ десять тысячъ процента дамъ.

Барыня отвѣчаетъ:

— Домъ вашъ: вы ей его подарили, вы и берите его, если онъ вамъ нуженъ.

Онъ, было, началъ, что: «нѣтъ, дескать, домъ не мой, а ты ея мать, я у тебя прошу... разумѣется, только въ такомъ случаѣ, если ты мнѣ вѣришь...»

А она отвѣчаетъ:

— Ахъ, полноте, говорить,—князь: то ли я вамъ, говорить, вѣрила! Я вамъ жизнь и честь свою довѣрила.

— Ахъ, да, говорить,—ты про это... Ну, спасибо тебѣ, спасибо, прекрасно... Такъ завтра, стало-быть, можно прислать тебѣ подписать закладную?

— Присылайте, говорить,—я подпишу.

— А тебѣ не страшно?

— Нѣтъ, говорить,—я уже то потеряла, послѣ чего мнѣ печего бояться.

— И не жаль? говори: не жаль? вѣрно, еще ты любишь меня немощечко? что? или просто сожалѣешь? а?

Она на эти слова только засмѣялась и говоритъ:

— Полноте, князь, пустяки болтать. Не хотите ли вы, лучше я велю вамъ моченой морошки съ сахаромъ подать? У меня она нынче очень вкусная.

Онъ, должно-быть, обидѣлся: не того, видно, совсѣмъ ожидать—встаетъ и улыбается.

— Нѣтъ, говоритъ,—кунай сама свою морошку, а мнѣ теперь не до сладостей. Благодарю тебя и прощай,—и начинать ей руки цѣловать, а тѣмъ временемъ какъ разъ и карета назадъ возвратилась.

Евгеня Семеновна и подаетъ ему на прощанье руку, а сама говоритъ:

— А какъ же вы съ вашей черноокой цыганкой сдѣлаетесь?

А онъ себя вдругъ рукой по лбу и вскрикнулъ:

— Ахъ, и вправду! какая ты всегда умная! Хочешь вѣрь, хочешь не вѣрь, а я всегда о твоёмъ умѣ вспоминаю и спасибо тебѣ, что ты мнѣ теперь про этотъ ихонтъ напомнила!

— А вы, говоритъ,—будто про нее такъ и позабыли?

— Ей-Богу, говоритъ,—позабылъ. И изъ ума вонъ, а се, дуру, вѣдь, дѣйствительно, надо устроить.

— Устраивайте,—отвѣчаетъ Евгеня Семеновна:—только хорошенечко: она, вѣдь, не русская прохладная кровь съ парнымъ молокомъ, она не уснокоится смиреніемъ и ничего не проститъ ради прошлаго.

— Ничего, отвѣчаетъ,—какъ-нибудь уснокоится.

— Она любить васъ, князь? Говорять, даже очень любить?

— Страсть надоѣла; но, слава Богу, на мое счастье, они съ Голованомъ большіе друзья.

— Что же вамъ изъ этого? — спрашиваетъ Евгеня Семеновна.

— Ничего; домъ имъ куплю и Ивана въ купцы запишу, перевѣнчаются и станутъ жить.

А Евгеня Семеновна покачала головою и, улыбувшись, промолвила:

— Эхъ, вы, князенька, князенька, безтолковый князенька: гдѣ ваша совѣсть?

А князь отвѣчаетъ:

— Оставь, пожалуйста, мою совѣсть! Ей-Богу, мнѣ теперь не до нея: мнѣ когда бы можно было сегодня Ивана Голована сюда вытребовать.

Барыня ему и сказала, что Иванъ Голованъ, говорить, въ городѣ и даже у меня и приставши. Князь очень этому обрадовался и велѣть какъ можно скорѣе меня къ нему прислать, а самъ сейчасъ отъ нея и уѣхалъ.

Вслѣдъ за этимъ пошло у насъ все живою рукою, какъ въ сказкѣ. Надавалъ князь мнѣ довѣренностей и свидѣтельствъ, что у него фабрика есть, и научилъ говорить, какія сукна выработывать, и услалъ меня прямо изъ города къ Макарью, такъ что я Груши и повидать не могъ, а только все за нее на князя обижался, что какъ онъ это могъ сказать, чтобы ей моею женой быть? У Макаря мнѣ счастье такъ повалило: набралъ я отъ азіатовъ и заказовъ, и денегъ, и образцовъ, и всѣ деньги князю выслалъ, и самъ пріѣхалъ назадъ и своего мѣста узнать не могу... Просто все какъ будто какимъ-нибудь волшебствомъ здѣсь перемѣнилось: все подновлено, словно изба, къ празднику убранная, а флигеля, гдѣ Груша жила, и слѣда нѣтъ: скрытъ и на его мѣстѣ новая постройка поставлена. Я такъ и ахнулъ, и кинулся: гдѣ же Груша? а про нее никто и не вѣдаетъ; и люди-то въ прислугѣ все новые, наемные, и прегордые, такъ что и доступу мнѣ прежняго къ князю нѣтъ. Допрежъ сего у насъ съ нимъ все было по-военному, въ простотѣ, а теперь стало все на политикѣ и что мнѣ надо князю сказать, то не иначе, какъ черезъ камердинера.

Я этого такъ терпѣть не люблю, что ни одной бы минуты здѣсь не остался и сейчасъ бы ушелъ, но только мнѣ очень было жаль Грушу и никакъ я не могу узнать: гдѣ же это она дѣлась? Кого изъ старыхъ людей ни спрошу— всѣ молчатъ: видно, что строго заказано. Насилу у одной дворовой старушки добился, что Грушенька еще недавно тутъ была и «всего, говорить, день десять какъ съ княземъ въ коляскѣ куда-то отѣхала и съ тѣхъ поръ назадъ не вернулась». Я къ кучерамъ, кои возили ихъ: сталъ спрашивать, и тѣ ничего не говорятъ. Сказали только, что князь, будто, своихъ лошадей на станціи смѣнилъ, назадъ отослалъ, а самъ съ Грушию куда-то на наемныхъ поѣхалъ. Куда ни метнусь, нѣтъ никакого слѣда, да и полно: погу-

билъ онъ се, что ли, злодѣй, ножемъ, или пистолетомъ застрѣлялъ и гдѣ-нибудь въ лѣсу, во рву бросилъ, да сухою листовою призасыпалъ, или въ водѣ утопилъ... Отъ страстнаго человѣка, вѣдь, все это легко можетъ случиться; а она ему помѣха была, чтобы жениться, потому что, вѣдь, Евгенья Семеновна правду говорила: Груша любила его, злодѣя, всею страстной своею любовью цыганскою, каторжной, и ей было тѣ не спеть и не покориться, какъ Евгенья Семеновна сдѣлала, русская христіанка, которая жизнь свою передъ нимъ какъ лампаду истеплила. Въ этой цыганское пламя-то, я думаю, дымнымъ костромъ вспыхнуло, какъ онъ ей насчетъ свадьбы сказалъ, и она тутъ, небось, невѣдомо что зачертила, вотъ онъ ее и покончилъ.

Такъ я все чѣмъ больше эту думу въ головѣ содержу, тѣмъ больше увѣрюсь, что иначе это быть не могло, и не могу смотрѣть ни на какіе сборы къ его вѣнчанью съ предводительскою дочкою. А какъ свадьбы день пришелъ и всѣмъ людямъ роздали цвѣтные платки и кому какое идетъ по его должности новое платье, я ни платка, ни убора не надѣлъ, я взялъ все въ конюшнѣ въ своемъ чуланчикѣ покинулъ и ушелъ съ утра въ лѣсъ и ходилъ, самъ не знаю чего, до самаго вечера, все думалъ: не попаду ли гдѣ на ея тѣло убитое? Вечеръ пришелъ, я и вышелъ, сѣлъ на крутомъ берегу надъ рѣчкою, а за рѣкою весь домъ огнями горитъ, свѣтится и праздникъ идетъ; гости гуляютъ и музыка гремитъ, далеко слышно. А я все сижу да гляжу уже не на самый домъ, а въ воду, гдѣ этотъ свѣтъ весь отразило и струями рябитъ, какъ будто столбы ходятъ, точно водяные чертоги открыты. И стало мнѣ таково грустно, таково тягостно, что даже, чего со мною и въ плѣну не было, началъ я съ невидимой силой говорить и, какъ въ сказкѣ про сестрицу Аленушку сказываютъ, которую братъ звалъ, зову ее, мою спротивушку Грунюшку, жалобнымъ голосомъ:

— Сестрица моя, моя, говорю, Грунюшка! откликнись ты мнѣ, отзовись мнѣ; откликнись мнѣ; покажись мнѣ на минуточку! И что же вы изволите думать: простоналъ я такъ три раза и стало мнѣ жутко и зачало все казаться, что ко мнѣ кто-то бѣжитъ; а вотъ приближалъ, вокругъ меня вѣтется, въ уши мнѣ шепчетъ и черезъ плеча въ лицо засматриваетъ, и вдругъ на меня изъ темноты ночной

какъ что-то шаркнетъ!.. И прямо на мнѣ повисло, и колотится...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Я отъ страха даже мало на землю не упасть, но чувствъ совѣсть не лишился, и онцущаю, что около меня что-то живое и легкое, точно какъ подстрѣленный журавль, бьется и вздыхаетъ, а ничего не молвить.

Я сотворилъ въ умѣ молитву, и что же-съ? — вилку передъ своимъ лицомъ какъ разъ лицо Груши...

— Родная моя, говорю, — голубушка! живая ли ты, или съ того свѣта ко мнѣ явилася? Ничего, говорю, не потансь, говори правду: я тебя, бѣдной сироты, и мертвой не испугаюсь.

А она глубоко-глубоко изъ глубины груди вздохнула и говорить:

— Я жива.

— Ну, и слава, молю, Богу.

— Только я, говорю, — сюда умереть вырвалась.

— Что ты, говорю, — Богъ съ тобой, Грушишка: зачѣмъ тебѣ умирать. Пойдемъ жить счастливою жизнью: я для тебя работать стану, а тебѣ, сиротиночкѣ, особливую келлейку учредю, и ты у меня живи заместо милой сестры.

А она отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, Иванъ Северьянычъ, нѣтъ, мой ласковѣй, милъ-сердечный другъ, прими ты отъ меня, сироты, на томъ твоёмъ словѣ вѣчный поклонъ, а мнѣ, горькой цыганкѣ, больше жить нельзя, потому что я могу невинную душу загубить.

Пытаю ее:

— Про кого же ты это гогоришь? про чью душу жалѣешь?

А она отвѣчаетъ:

— Про ее, про лиходѣи моего жену молодую, потому что она — молодая душа, ни въ чемъ невинная, а мое ревнивое сердце ее все равно стерѣть не можетъ, и я ее и себя погублю.

— Что ты, молю, перекрестись: вѣдь, ты крещеная, а что души твоей будетъ?

— Нѣ-ѣ-ѣ-тъ, отвѣчаетъ, — я и души не пожалѣю, пускай въ адъ идетъ. Здѣсь хуже адъ!

Вилку, вся женщина въ разстройствѣ и въ изступленіи

ума: я ее взялъ за руки и держу, а самъ вглядываюсь и дивлюсь, какъ страшно она перемѣнилась и гдѣ вся ея красота дѣлась? тѣла даже на ней какъ нѣтъ, а только одни глаза среди темнаго лица, какъ въ ночи у волка, горятъ, и еще будто противъ прежняго вдвое больше стали, да нѣдро разнесло, потому что тягость ея тогда къ концу приходила, а личико въ кулачокъ сжало, и по щекамъ черныя космы трепятея. Глубоку на платьице, какое на ней надѣто, а платьице темное ситцевенькое, какъ есть все въ клочечкахъ, а башмачки на босу ногу.

— Скажи, говорю,—миѣ: откуда же ты это сюда взялась; гдѣ ты была и отчего такая неприглядная?

А она вдругъ улыбнулась и говоритъ:

— Что?.. чѣмъ я нехороша?.. Хороша! — Это меня такъ убралъ милъ-сердечный другъ за любовь къ нему за вѣрную: за то, что того, котораго больше его любила, для него позабыла, и вся ему предалась, безъ ума и безъ разума, а онъ меня за то въ кривое мѣсто упряталъ и сторожей настановилъ, чтобы строго мою красоту стеречь...

И съ этимъ, вдругъ-съ, какъ захохочетъ и молвить съ гнѣвностью:

— Ахъ ты, глупая твоя голова, княженецкая: развѣ цыганка—барышня, что ее запоры удержатъ? Да я захочу, я сейчасъ брошуся и твоей молодой женѣ горло переѣмъ.

Я вижу, что она сама вся трясется отъ ревнивой муки, и думаю: дай я ее не страхомъ ада, а сладкимъ воспоминаніемъ отъ этихъ мыслей отведу, и говорю:

— А, вѣдь, какъ, моль, онъ любилъ-то тебя! Какъ любилъ! Какъ ноги-то твои цѣловалъ... Бывало, на колѣняхъ передъ диваномъ стоять, какъ ты поешь, да алую туфлю твою и сверху, и снизу въ подошву обцѣлуетъ...

Она это стала слушать и вѣчными своими черными водить по сухимъ щекамъ, и, въ воду глядя, начала гулкимъ тихимъ голосомъ:

— Любилъ, говоритъ, — любилъ, злодѣй, любилъ, ничего не жалѣлъ, пока не былъ самъ миѣ по-сердцу, а полюбила его—онъ покинулъ. А за что?.. Что она, моя разлучница, лучше меня, что ли, или больше меня любить его станетъ... Глухой онъ, глухой! Не грѣтъ солнцу зимой противъ лѣтняго, не видать ему вѣкъ любви противъ того, какъ я лю-

била; такъ ты и скажи ему: молю, Груна, умираю, такъ тебѣ ворожила и на рокъ положила.

И тутъ и радъ, что она разговорилась, и присталь, спрашиваю:

— Да что это такое у васъ произошло и черезъ что все это сталося?

А она всплескиваетъ руками и говоритъ:

— Ахъ, ни черезо-что ничего не было, а все черезъ одно измѣнство... Нравится ему я перестала, вотъ и вся причина; и сама, знаете, все это говоритъ, а сама начинаетъ слезами хлестать. Онъ, говоритъ, платье въ мнѣ, по своему вкусу, такихъ нашилъ, какихъ тягостной не требуется: узкихъ да съ таліями; я ихъ надѣну, выстроюсь, а онъ сердится, говоритъ: «скинь; не идетъ тебѣ»; не надѣну ихъ, въ распашнѣ покажусь, еще того вдвое обидится... говоритъ: «на кого похожа ты?» Я все поняла, что уже не воротить мнѣ его, что я ему опротивѣла...

И съ этимъ совѣмъ зарыдала и сама впередъ смотреть, а сама шепчетъ:

— Я, говоритъ, — давно это чуяла, что не мила ему стала, да только совѣсть его хотѣла узнать, думала: — ничѣмъ ему не досажу и догляжусь его жалости, а онъ меня и пожалѣлъ...

И рассказала-съ она мнѣ насчетъ своей послѣдней съ княземъ разлуки такую нустяковину, что я даже не понималъ, да и посейчасъ не могу понять: на чемъ коварный человекъ можетъ съ женщиною вѣковѣчно разстроиться?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Рассказала Груна мнѣ, что какъ ты, говоритъ, — уѣхалъ да пропалъ, то-есть, это когда я къ Макарью отправился, князя еще долго домой не было; а до меня, говоритъ, слухи дошли, что онъ женится... Я отъ тѣхъ слуховъ страшно плакала и съ лица снала... Сердце болѣло и дити подкатывало... думала: оно у меня умретъ въ утробѣ. А тутъ, слышу, вдругъ и говорятъ: «онъ ѣдетъ!» Все во мнѣ затрещало!.. Кинулась я къ себѣ во флигель, чтобы какъ можно лучше къ нему одѣться, изумрудныя серьги надѣла, и танцу со стѣны изъ-подъ простыни самое любимое его голубое моревое платье съ кружевомъ, лифъ безъ горлышка... Слышу, одѣваю, а сзади спинка не сходится... я эту

спинку и не застегнула, а такъ, поскорѣе, сверху алюю шаль набросила, чтобы не видать, что не застегнуто, и къ нему на крыльцо выскочила... вся дрожу, и себя не помню какъ крикнула:

— Золотой ты мой, изумрудный, яхонтовый! — да обхватила его шею руками и замерла...

Дурнота съ нею сдѣлалась.

— А прочудилась я, говорить,—у себя въ горлицѣ... на диванѣ лежу и все вспоминаю: во снѣ, или наяву я его обнимала; но только была, говорить, со мною ужасная слабость и долго она его не видала... Все послала за нимъ, а онъ не шелъ.

Наконецъ, онъ приходитъ, а она и говорить:

— Что же ты меня совсѣмъ бросилъ—позабылъ?

А онъ говорить:

— У меня есть дѣла.

Она отвѣчаетъ:

— Какія, говорить,—такія дѣла? Отчего же ихъ прежде не было? Изумрудъ ты мой брильянтовой!—да и протягиваетъ опять руки, чтобы его обнять, а онъ наморщился и какъ дернетъ ее изо всей силы крестовымъ шнуркомъ за шею...

— На счастье, говорить,—мое, шелковый шнурочекъ у меня на шеѣ не крѣпкокъ былъ, перезніялъ и перервался, потому что я давно на немъ ладанку носила, а то бы онъ мнѣ горло передунилъ; да я полагаю такъ, что онъ того именно и хотѣлъ, потому что даже весь побѣлѣлъ и шипитъ:

— Зачѣмъ ты такіе грязные шнурки носишь?

А я говорю:

— Что тебѣ до моего шнурка; онъ чистый былъ, а это на мнѣ съ тоски почернѣлъ отъ тяжелого нота.

А онъ:

— Тьфу, тьфу, тьфу, заплеваль, заплеваль, и ушелъ, а передъ вечеромъ входитъ сердитый и говорить:

— Поѣдемъ въ коляскѣ кататься!—и притворился, будто ласковый и въ голову меня поцѣловаль, а я, ничего не опасаясь, сѣла съ нимъ и поѣхала. Ѣхали мы долго и два раза лошадей перемѣняли, а куда ѣдемъ—никакъ не доспрошусь у него, но вижу настало мѣсто лѣсное и болотное, непригожее, дикое. И пріѣхали среди лѣса на какую-то пчельню, а за пчельнею—дворъ, и тутъ встрѣчаютъ насъ три молодыя здоровыя дѣвки-одноворки въ мареновыхъ

красныхъ юбкахъ и зовутъ меня «барыней». Какъ я изъ коляски выстушила, онѣ меня подъ руки выхватили и прямо понесли въ комнату, совсѣмъ убранныю.

Меня что-то сразу отъ всего этого, и особливо отъ этихъ однодворокъ, замутило и сердце мое сжалось.

— Что это,—спрашиваю его,—какая здѣсь станція?

А онѣ отвѣчаютъ:

— Это ты здѣсь теперь будешь жить.

Я стала плакать, руки его цѣловать, чтобы не бросалъ меня тутъ, а онѣ и не пожалѣвъ: толкнувъ меня прочь и уѣхавъ...

Тутъ Грушенька умолкла и личико внизъ спустила, а потомъ вздыхаетъ и молвитъ:

— Уйти хотѣла; сто разъ порывалась—нельзя: тѣ дѣвки-однодворки стерегутъ и глазъ не спускаютъ... Томилась я, да, наконецъ, вздумала притвориться, и прикинулась беззаботною, веселою, будто гулять захотѣла. Онѣ меня гулять въ лѣсъ берутъ, да все за мной смотрятъ, а я смотрю по деревьямъ, по верхамъ вѣтвей да по кожурѣ примѣчаю—куда сторона на полдень, и вздумала, какъ мнѣ отъ этихъ дѣвокъ уйти, и вчера то исполнила. Вчера, послѣ обѣда, вышла я съ ними на полянку, да и говорю:

— Давайте, говорю,—ласковыя, въ жмурки по полянкѣ бѣгать.

Онѣ согласились.

— А на мѣсто глазъ, говорю,—станемъ другъ дружкѣ руки назадъ вязать, чтобы задомъ ловить.

Онѣ и на то согласны.

Такъ и стали. Я первой руки за спину крѣпко-накрѣпко завязала, а съ другою за кустъ забѣжала, да и эту тамъ спутала, а на ея крикъ третья бѣжить, я и третью у тѣхъ въ глазахъ силкомъ скрутила; онѣ кричатъ, а я, хоть тягостная, ударила съ быстрѣй коня рѣзваго: все по лѣсу, да по лѣсу и бѣжала цѣлую ночь, и на утро упала у старыхъ бортей въ густой засѣбѣ. Тутъ подошелъ ко мнѣ старый старичокъ, говоритъ—неразборчиво шамкаетъ, а самъ весь въ воску и ото всего отъ него медомъ пахнетъ, и въ желтыхъ бровяхъ пчелки ворочаются. Я ему сказала, что я тебя, Ивана Северьяныча, видѣть хочу, а онѣ говоритъ:

— Кличь его, молодка, разъ подъ вѣтеръ, а разъ супротивъ вѣтра: онѣ затоскуетъ и поидетъ тебя искать,—вы и

встрѣтитесь. Даль ошъ миѣ воды испить и медку на огурчикѣ подкрѣпится. Я воды испила и огурчикъ съѣла и опять пошла, и все тебя звала, какъ онъ велѣлъ, то по вѣтру, то противъ вѣтра—вотъ и встрѣтились. Спасибо!—и обняла меня и поцѣловала, и говоритъ:—ты миѣ все равно, что милый братъ.

Я говорю:

— И ты миѣ все равно, что сестра милая, а у самого отъ чувства слезы пошли.

А она плачетъ и говоритъ:

— Знаю я, Иванъ Северьянычъ, все знаю и разумѣю; одинъ ты и любилъ меня, милъ-сердечный другъ мой, ласковый. Докажи же миѣ теперь твою послѣднюю любовь, сдѣлай, что я попрошу тебя въ этотъ страшный часъ.

— Говори,—отвѣчаю:—что тебѣ хочется?

— Нѣтъ, ты,—говоритъ:—прежде поклянись чѣмъ страшнѣе въ свѣтѣ есть, что сдѣлаешь о чемъ просить стану.

Я ей своимъ спасеньемъ души поклянусь, а она говоритъ:

— Это мало: ты это ради меня преступишь. Нѣтъ, ты,—говоритъ:—страшнѣй поклянись.

— Ну, уже я, моль, страшнѣе этого ничего не могу придумать.

— Ну, такъ я же,—говоритъ:—за тебя придумала, а ты за мной посиѣдай, говори, и не раздумывай.

Я сдуру пообѣщался, а она говоритъ:

— Ты мою душу прокляни такъ, какъ свою клялъ, если меня не послушаешь.

— Хорошо,—говорю:—и взялъ да ея душу проклялъ.

— Ну, такъ послушай же,—говоритъ:—теперь же стань поскорѣе душѣ моей за спасителя; моихъ,—говоритъ:—больше силъ нѣтъ такъ жить да мучиться, видючи его измѣну и надо мной надругательство. Если я еще день проживу, я и *его*, и *ее* порѣшу, а если ихъ пожалѣю, себя рѣшу, то навѣкъ убью свою душеньку... Пожалѣй меня, родной мой, мой миленьый братъ: ударь меня разъ ножомъ противъ сердца.

Я отъ нея въ сторону, да крену ея, а самъ пичуся, а она обвила ручками мои колѣни, а сама плачетъ, сама въ ноги кланяется и увѣщаетъ:

— Ты,—говоритъ:—поживешь; ты Богу отмолитъ и за

мою душу, и за свою, не погуби же меня, чтобы я на себя руку подняла... Н... н... н... у...

Иванъ Северьянычъ страшно наморщилъ брови и, покусавъ усы, словно выдохнулъ изъ глубины расхолодившейся груди:

— Ножъ у меня изъ кармана достала... розняла... изъ ручки лезвее выправила... и въ руки мнѣ суетъ... А сама... стала такое несть, что терифть нельзя...

— Не убейшь,—говорить:—меня, я всѣмъ вамъ въ отместку стану самою стыдной женщиной.

Я весь задрожалъ и велѣлъ ей молиться, и колоть ее не сталъ, а взялъ, да такъ съ крутизны въ рѣку и спихнулъ...

Всѣ мы, выслушавъ это послѣднее признаніе Ивана Северьяныча, впервые заподозрили справедливость его разсказа и хранили довольно долгое молчаніе, но, наконецъ, кто-то откашлянулся и молвилъ:

— Она утонула?

— Залплась,—отвѣчать Иванъ Северьяновичъ.

— А вы же какъ потомъ?

— Что такое?

— Пострадали небось?

— Разумѣется-съ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Я бѣжалъ оттолъ, съ того мѣста, самъ себя не понимая, а помню только, что за мною все будто кто-то гнался ужасно какой большой и длинный, и безстыжій, обнагощеннй, а тѣло все черное и голова малая, какъ луновочка, а самъ весь обростенькій, въ волосахъ, и я догадался, что это если не Каинъ, то самъ губитель-бѣсъ, и все я отъ него убѣгалъ и звалъ къ себѣ ангела-хранителя. Оноmnился же я гдѣ-то на большой дорогѣ, подъ ракисточкой. И такой это день былъ осенній, сухой, солнце свѣтитъ, а холодно, и вѣтеръ, и пыль несетъ, и желтый листь крутить; а я не знаю, какой часъ, и что это за мѣсто, и куда та дорога ведетъ, и ничего у меня на душѣ нѣтъ, ни чувства, ни опредѣленія, что мнѣ дѣлать; а думаю только одно, что Грушина душа теперь погибала и моя обязанность за нее отстрадать и ее изъ ада выручить. А какъ это сдѣлать,— не знаю и объ этомъ тоскую, но только вдругъ меня за плечо что-то тронуло: гляжу — это хворостника съ ракиты

пала и далеконько такъ покатилаь, покатилаь и вдругъ Груша идетъ, только маленькая, не больше какъ будто ей всего шесть, или семь лѣтъ, и за плечами у нея малыя крылышки; а чуть я ее увидалъ, она уже сейчасъ отъ меня какъ выстрѣлъ отлетѣла и только пылъ да сухой листь встѣдъ за ней воскурились.

Думаю я: это непременно ея душа за мной слѣдуетъ, вѣрно, она меня машетъ и путь мнѣ кажетъ. И пошелъ. Весь день я шелъ, самъ не знаю куда, и невмоготу усталъ, и вдругъ нагоняютъ меня люди, старичокъ со старушкою на телѣгѣ нарою, и говорятъ:

— Садись, бѣдный человѣкъ, мы тебя подвеземъ.

Я сѣлъ. Они ѣдутъ и убиваются:

— Горе, — говорятъ: — у насъ сына въ солдаты берутъ, а капиталу не имѣемъ, нанять не на что.

Я старичковъ пожалѣть и говорю:

— Я бы за васъ такъ, безъ платы, пошелъ, да у меня бумагъ нѣтъ.

А они говорятъ:

— Это нустяки: то уже наше дѣло; а ты только назовись, какъ нашъ сынъ, Петромъ Сердюковымъ.

— Что же, — отвѣчаю: — мнѣ все равно: я своему ангелу Ивану Предтечѣ буду молитвить, а называться я могу всячески, какъ вамъ угодно. Тѣмъ и покончили, и отвезли они меня въ другой городъ и сдали меня тамъ вмѣсто сына въ рекруты, и дали мнѣ на дорогу монетою двадцать пять рублей, а еще обѣщались во всю жизнь помогать. Я эти деньги, что отъ нихъ взялъ, двадцать пять рублей, сейчасъ положилъ въ бѣдный монастырь вкладъ за Грушину душу, а самъ сталъ начальство просить, чтобы на Кавказъ меня опредѣлить, гдѣ я могу скорѣе за вѣру умереть. Такъ и сдѣлалось, и я пробылъ на Кавказѣ болѣе пятнадцати лѣтъ и никому не открывалъ ни настоящаго своего имени, ни званія, а все назывался Петръ Сердюковъ и только на Ивановъ день Богу за себя молилъ, черезъ Предтечу ангела. И позабылъ уже я самъ про все мое прежнее бытiе и званiе, и дослуживаю такимъ манеромъ послѣднiй годъ, какъ вдругъ на самый на Ивановъ день были мы въ погонѣ за татарами, а тѣ наноскудили и ушли за рѣку Койсу. Тѣхъ Койсъ въ томъ мѣстѣ нѣсколько: которая течетъ по Андiн, такъ и зовется андiйская, которая по Аварiн — зовется ава-

рѣйская Койса, а то корикумуйская и кузикумуйская, и всѣ онѣ сливаются и отъ сливу ихъ зачинается Сулакь-рѣка. Но всѣ онѣ, и по себѣ сами, быстры и холодны, особливо андѣйская, за которую татарва ушли. Много мы ихъ тутъ безъ счету этыхъ татаровъ побили, но конь переправились за Койсу—тѣ сѣли на томъ берегу за камнями, и чуть мы покажемся, они въ насъ палятъ. Но палятъ съ такою споровкою, что даромъ огни не тратить, а берегутъ зелье на вѣрный вредъ, потому что знаютъ, что у насъ снаряду не въ примѣръ больше ихняго, и такъ они намъ вредно чинятъ, что стоимъ мы всѣ у нихъ въ виду, они, шельмы, ни разу въ насъ и не пукнутъ. Полковникъ у насъ былъ отважной души и любилъ изъ себя Суворова представлять, все, бывало, «помилуй Богъ» говорилъ и своимъ примѣромъ отвагу давалъ. Такъ онъ тутъ сѣлъ на бережку, а ноги разулъ и по колѣни въ эту холоднищую воду опустилъ, а самъ хвалится:

— Помилуй Богъ, — говорить: — какъ вода тепла: все равно, что твое парное молочко въ досночкѣ. Кто, благодѣтели, охотники на ту сторону переплыть и канатъ перетащить, чтобы мостъ навесить?

Сидитъ полковникъ и такимъ манеромъ съ нами растабарываетъ, а татары съ того бока два ствола ружей въ цель выставили, а не стрѣляютъ. Но только-что два солдата-охотнички вызвались и поплыли, какъ сверкнетъ пламя, и оба тѣ солдата въ Койсу такъ и нырнули. Потянули мы канатъ, пустили другую пару, а сами тѣ камни, гдѣ татары спрятавшись, какъ роємъ, пулями осынаемъ, но ничего имъ повредить не можемъ, потому что пули наши въ камни бьютъ, а они, апаемы, какъ плюнуть въ пловцовъ, такъ вода кровью замутилась, и опять тѣ два солдата юркнули. Пошли за ними и третья пара, и тоже середины Койсы не доплыли, какъ татары и этыхъ утопили. Тутъ уже за третью парю и мало стало охотниковъ, потому что видимо всѣмъ, что это не война, а просто убійство, а наказать злодѣевъ надобно. Полковникъ и говорить:

— Слушайте, мои благодѣтели! Нѣтъ ли изъ васъ кого такого, который на дунѣ смертный грѣхъ за собой знаетъ? Помилуй Богъ, какъ бы ему хорошо теперь своей кровью беззаконіе смыть!

Я и подумалъ:

«Чего же мнѣ лучше этого случая ждать, чтобы жизнь кончить? благослови Господи часъ мой!» и вынелъ, раздѣлся, «Отчу» прочиталъ, на всѣ стороны начальству и товарищамъ въ землю ударилъ и говорю въ себѣ: «ну, Груша, сестра моя названная, прими за себя кровь мою!» да съ тѣмъ взялъ въ ротъ тонкую бечеву, на которой другимъ концомъ былъ канатъ привязанъ, да, разбѣжавшись съ берегу, и юркнулъ въ воду.

Вода страсть была холодна: у меня даже подъ мышками закололо и грудь мреть, судорога ноги тянеть, а я плыву... Поверхъ наши пули летягъ, а вокругъ меня татарскія въ воду шлепають, а меня не касаются и я не знаю: раненъ я или не раненъ, но только достигъ берега... Тутъ татарамъ меня уже бить нельзя, потому что я какъ разъ подъ уцельемъ сталъ, и чтобы имъ стрѣлять въ меня, надо имъ изъ щели высунуться, а наши ихъ съ того берега пулями, какъ пескомъ, осыпають. Вотъ я стою подъ камнями и ткну канатъ, и перетянулъ его, и мостокъ справили, и вдругъ наши сюда уже идутъ, а я все стою и, какъ самъ изъ себя изъять, ничего не понимаю, потому что думаю: видѣлъ ли кто-нибудь то, что я видѣлъ? А я видѣлъ, когда плыль, что надо мною Груша летѣла и была она какъ отроковица, примѣрно, въ шестнадцать лѣтъ и у нея крылья уже огромныя, свѣтлыя, черезъ всю рѣку, и она ими меня огораживала... Однако, вижу, никто о томъ ни слова не говоритъ: ну, думаю, надо мнѣ самому это рассказать. Какъ меня полковникъ сталъ обнимать и самъ цѣлуеть, а самъ хвалить:

— Ой, помилуй Богъ,—говоритъ:—какой ты, Петръ Сердюковъ, молодецъ!

А я отвѣчаю:

— Я, ваше высокоблагородіе, не молодецъ, а большой грѣшникъ и меня ни земля, ни вода принимать не хочетъ.

Онъ вопрошаетъ:

— Въ чемъ твой грѣхъ?

А я отвѣчаю:

— Я, говорю, на своемъ вѣку много неповинныхъ душъ погубилъ, да и рассказать ему ночью подъ палаткою все, что вамъ теперь сказывалъ.

Онъ слушалъ-слушалъ и задумался, и говоритъ:

— Помилуй Богъ, сколько ты одинъ перенесъ, а, главное, братецъ, какъ ты хочешь, а тебя надо въ офицеры произвести. Я объ этомъ представленіе пошло.

Я говорю:

— Какъ угодно, а только пошлите и туда узнать: не вѣрно ли я показываю, что я цыганку убилъ?

— Хорошо,—говорить:—и объ этомъ пошло.

И послали, но только ходила-ходила бумага и назадъ пришла съ невѣрностью. Объяснено, что никогда, говорятъ, у насъ такого происшествія ни съ какою цыганкою не было, а Иванъ-де Северьяновъ хотя и былъ, и у князя служилъ, только онъ черезъ заочный выкупъ на волю вышелъ и опосля того у казенныхъ крестьянъ Сердюковыхъ въ домѣ померъ.

— Ну, что тутъ мнѣ было больше дѣлать: чѣмъ свою вину доказывать?

А полковникъ говоритъ:

— Не смѣй, братецъ, больше на себя этого врать: это ты, какъ черезъ Койсу плылъ, такъ ты отъ холодной воды, да отъ страху въ умѣ немножко помѣшался, и я, говоритъ, очень за тебя радъ, что это все неправда, что ты наговорилъ на себя. Теперь офицеромъ будешь: это, братъ, помилуй Богъ, какъ хорошо.

Тутъ я даже и самъ мыслями растерялся: точно ли я сникнулъ Грушу въ воду, или это мнѣ тогда все отъ страшной по ней тоскѣ сильное воображеніе было?

И сдѣлали-съ меня за храбрость офицеромъ, но только какъ я все на своей истинѣ стоялъ, чтобы открыть свою запрошедшую жизнь, то чтобы отъ этого мнѣ больше безпокойства не имѣть, пустили меня съ Георгіемъ въ отставку.

— Поздравляемъ, говорятъ, — тебя, ты теперь благородный и можешь въ приказные идти; помилуй Богъ, какъ спокойно, и письмо мнѣ полковникъ къ одному большому лицу въ Петербургъ далъ: ступай, говоритъ, онъ твою карьеру и благополучіе совершить. Я съ этимъ письмомъ и добрался до Пштера, но не посчастливило мнѣ насчетъ карьеры.

— Чѣмъ же?

— Долго очень безъ мѣста ходилъ, а потомъ на онту попалъ, и оттого стало еще хуже.

— Какъ на онту? что это значитъ?

— Тотъ покровитель, къ которому я насчетъ карьеры быть присланъ, въ адресный столъ справщикомъ опредѣлить, а тамъ у всякаго справщика своя буква есть, по какой кто справкѣ завѣдуетъ. Иныя буквы есть очень хорошия, какъ на примѣръ, буки, или покой, или како: много на нихъ фамиліевъ начинается и справщику есть доходъ, а меня поставили на онту. Самая ничтожная буква, очень на нее мало пишется и то еще изъ тѣхъ, кои по всеѣмъ видамъ ей принадлежать, все отъ нея отлыниваютъ и лукавятъ: кто чуть хочетъ благородиться, сейчасъ себя самовластно вмѣсто онты черезъ фертъ ставить. Ищень-ищень его подь онтою—только пропанная работа, а онъ подь фертомъ себя променовалъ. Никакой пользы нѣтъ, а сиди на службѣ; ну, я и вижу, что дѣло плохо, и стать опять наниматься, по старому обыкновенію, въ кучера, но никто не беретъ, говорятъ: ты благородный офицеръ, и военный орденъ имѣешь, тебя ни обругать, ни ударить непристойно... Просто хотъ повѣситься, но я, благодаря Бога, и съ отчаянності до этого себя не допустилъ, а чтобы съ голоду не пропасть, взялъ да въ артисты пошелъ.

— Какимъ же вы были артистомъ?

— Роли представлять.

— На какомъ театрѣ?

— Въ балаганѣ на Адмиралтейской площади. Тамъ благородствомъ не гнушаются и всехъ принимаютъ: есть и изъ офицеровъ, и столоначальники, и студенты, а особенно сенатскихъ очень много.

— И понравилась вамъ эта жизнь?

— Нѣтъ-съ.

— Чѣмъ же?

— Во-первыхъ, разучка вся и ренетіици идуць на Страстной недѣлѣ или передь масляницей, когда въ церкви поють: «покаянія отверзи ми двери», а во-вторыхъ, у меня роль была очень трудная.

— Какая?

— Я демона изображалъ.

— Чѣмъ же это особенно трудно?

— Какъ же-съ: въ двухъ перемѣнахъ танцовать надо, и кувыраться, а кувырнуться страсть неспособно, потому что весь обшитъ лохмотой икурой сѣдого козла вверхъ шерстью; и хвостъ долгій на проволокъ, но онъ постоянно

промежъ ногъ путается, а рога на головѣ за что попало цѣпляются, а годы уже стали не прежніе, не молодые и легкости нѣтъ; а потомъ еще во все продолженіе представленія расписано меня бить. Ужасно какъ это докучаетъ. Налки этакія, положимъ, пустыя, изъ холстины сдѣланы, а въ срединѣ хлопья, но, однако, скучно ужасно это терпѣть, что все по тебѣ хлопъ да хлопъ, а иные къ тому еще съ холоду, или для смѣху изловчаются и бьютъ довольно больно. Особенно изъ сенатскихъ приказныхъ, которые въ этомъ опытные и дружные: все за своихъ стоятъ, а которые попадутся военные, они тѣмъ ужасно докучаютъ, и все это продолжительно начнутъ бить передъ всей публикой съ полдня, какъ только полицейскій флагъ поднимается, и бьютъ до самой до ночи, и все, всякій, чтобы публику утѣшить, поровить громче хлопнуть. Ничего пріятнаго нѣтъ. А вдобавокъ ко всему со мною и здѣсь непріятное послѣдствіе вышло, послѣ котораго я долженъ былъ свою роль оставить.

— Что же это такое съ вами случилось?

— Принца одного я за вихоръ подрала.

— Какъ принца?

— То-есть не настоящаго-съ, а театральнаго: онъ изъ сенатскихъ былъ, коллежскій секретарь, но у насъ принца представлялъ.

— За что же вы его прибили?

— Да стопло-съ его еще и не этакъ. Насмѣшникъ злой былъ и выдумщикъ и все надъ всѣми штуки выдумывалъ.

— И надъ вами?

— И надо мною-съ: много шутокъ строилъ; костюмъ мнѣ портилъ; въ грѣльнѣ, гдѣ мы, бывало, надъ угольями грѣлися и чай пили, подкрадется, бывало, и хвостъ мнѣ къ рогамъ прицѣпить, или еще что глупое сдѣлаетъ на смѣхъ, а я не осмотрюсь, да такъ къ публикѣ выбѣгу, а хозяинъ сердится; но я за себя все ему спускалъ, а онъ вдругъ сталъ одну фею обижать. Молоденькая такая дѣвочка, изъ бѣдныхъ дворяночекъ, богиню Форуну она у насъ изображала и этого принца отъ монхъ рукъ спасать должна была. И роль ея такая, что она вся въ одной блестящей тюли выходитъ и съ крыльями, а морозы большіе, и у нея, у бѣдной, ручки советѣмъ посинѣли, заплелись, а онъ ее допекаетъ, лѣзетъ къ ней, и когда мы втроемъ въ анфесозѣ

въ подполье проваливаемся, за тѣло ее щиплетъ. Мнѣ ее очень жаль стало: я его и оттреналя.

— И чѣмъ же это кончилось?

— Ничего; въ провалѣ свидѣтелей не было, кромѣ самой этой феи, а только наши сенатскіе всѣ взбунтовались и не захотѣли меня въ трушій имѣть; а какъ они первые тамъ представители, то хозяйинъ для ихъ удовольствія меня согналъ.

— И куда же вы тогда дѣлись?

— Совсѣмъ безъ крова и безъ нищи, было, остался, но эта благодарная фея меня штала, но только мнѣ совѣстно стало, что ей, бѣдной, самой такъ трудно достается, и я все думалъ - думалъ, какъ этого положенія избавиться? На опыту не захотѣлъ ворочаться, да и къ тому на ней уже другой бѣдный человѣкъ сдѣлалъ, мучился, такъ я взялъ и пошелъ въ монастырь.

— Отъ этого только?

— Да, вѣдь, что же дѣлать-съ? дѣться было некуда. А тутъ хорошо.

— Полюбили вы монастырскую жизнь?

— Очень-съ; очень полюбить, — здѣсь покойно, все равно какъ въ полку, много сходственнаго, все тебѣ готовое и одѣтъ, и обутъ, и накормленъ, и начальство смотреть, и повиновенія спрашивать.

— А васъ это повиновеніе иногда не тяготитъ?

— Для чего же-съ? что больше повиноваться, то человѣку спокойнѣе жить, а особенно въ моемъ послушаніи и обижаться нечѣмъ: къ службамъ я въ церковь не хожу иначе, какъ развѣ самъ пожелаю, а исправляю свою должность по-привычному, скажутъ: «запрягай, отецъ Изманлъ» (меня теперь Изманломъ зовутъ). — я запрягу; а скажутъ: «отецъ Изманлъ, отпрягай» — я откладываю.

— Позвольте, — говоримъ, — такъ это что же такое, выходить вы и въ монастырѣ остались... при лошадяхъ?

— Постоянно-съ въ кучерахъ. Въ монастырѣ этого моего званія офицерскаго не опасаются, потому что я хотя и въ маломъ еще постригѣ, а все же монахъ и со всѣми сравненъ.

— А скоро же вы примете старшій постригъ?

— Я его не приму-съ.

— Это почему?

— Такъ... достойнымъ себя не почитаю.

— Это все за старые грѣхи или заблужденія?

— Д-д-а-съ; да и вообще зачѣмъ? я своимъ послушаніемъ очень доволенъ и живу въ спокойствіи.

— А вы рассказывали кому-нибудь прежде всю свою исторію, которую теперь намъ рассказали?

— Какъ же-съ; не разъ говорилъ; да что же, когда справокъ нѣтъ... не вѣрять, такъ и въ монастырь свѣтскую ложь занесъ, и здѣсь изъ благородныхъ числюсь. Да уже все равно доживать: старъ становлюсь.

Исторія очарованнаго странника, очевидно, приходила къ концу, оставалось полюбопытствовать только объ одномъ: какъ ему повелось въ монастырѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Такъ какъ нашъ странникъ доплылъ въ своемъ разсказѣ до послѣдней житейской пристани,—до монастыря, къ которому онъ, по глубокой вѣрѣ его, былъ отъ рожденія предназначенъ, и такъ какъ ему здѣсь, казалось, все столь благопріятствовало, то приходилось думать, что тутъ Иванъ Северьяновичъ болѣе уже ни на какія напасти не натыкался; однакоже, вышло совсѣмъ иное. Одинъ изъ нашихъ сопутниковъ вспомнилъ, что шюки, по всѣмъ о нихъ сказаніямъ, постоянно очень много страдаютъ отъ бѣса, и спросилъ:

— А скажите, пожалуйста, бѣсъ васъ въ монастырѣ не искушалъ? вѣдь, онъ, говорятъ, постоянно монаховъ искушаетъ?

Иванъ Северьяновичъ бросилъ изъ-подъ бровей спокойный взглядъ на говорящаго и отвѣчалъ:

— Какъ же не искушать? Разумѣется, если самъ Павелъ апостоль отъ него не ушелъ и въ посланіи пишетъ, что «ангелъ сатанинъ былъ данъ ему въ плоть», то могъ ли я, грѣшный и слабый человѣкъ, не претерпѣть его мучительства.

— Что же вы отъ него терпѣли?

— Многое-съ.

— Въ какомъ же родѣ?

— Все разныя пакости, а сначала, пока я его не пересилилъ, были даже и соблазны.

— А вы и *его*, самого бѣса, тоже пересилили?

— А то какъ же иначе-съ? вѣдь, это уже въ монастырѣ

такое призваніе, но я бы этого, по совѣсти скажу, самъ не сумѣлъ, а меня тому одинъ совершенный старецъ научилъ, потому что онъ былъ опытный и могъ отъ всякаго искушенія пользоваться. Какъ я ему открылся, что мнѣ все Груна столь живо является, что вотъ словно ею одною вокругъ меня весь воздухъ дышитъ, то онъ сейчасъ кинулъ въ умѣ и говоритъ:

— У Якова апостола сказано: «противустанте дьяволу и побѣдите отъ васъ», и ты, говоритъ, противустань. И тутъ наставилъ меня такъ дѣлать, что ты, говоритъ, какъ если почувствуешь сердцеразжиженіе, и ее вспомнишь, то и разумѣй, что это значитъ къ тебѣ пристунасть ангель сатанинъ, и ты тогда сейчасъ простирайся противу его на подвигъ: перво-наперво стань на колѣни. Колѣни у чело-вѣка, говоритъ, первый инструментъ: какъ на нихъ па-дешь, душа сейчасъ такъ и порхнетъ вверхъ, а ты тутъ, въ семь возвышеній, и бей поклоновъ земныхъ елико мощно, до изнеможенія, и изнуряй себя постомъ, чтобы заморить, и дьяволъ, какъ увидитъ твое протягновеніе на подвигъ, ни за что этого не стерпитъ и сейчасъ отбѣжитъ, потому что онъ опасается, какъ бы такого чело-вѣка своимъ кознями еще прямѣе ко Христу не привести, и помыслить: «лучше его оставить и не искушать, авось-де онъ скорѣе забудется». Я сталъ такъ дѣлать и, дѣйствительно, все прошло.

— Долго же вы себя этакъ мучили, пока отъ васъ ан-гель сатаны отступалъ?

— Долго-съ; и все однимъ изморомъ его, врага этакого, бралъ, потому что онъ другого ничего не боится: вначалѣ я и до тысячи поклоновъ ударялъ и дня по четыре ничего не вкушалъ и воды не пилъ, а потомъ онъ понялъ, что ему со мною спорить не ровно и оробѣлъ, и слабъ сталъ: чуть увидитъ, что я горшочекъ пищи своей за окно выброшу и берусь за четки, чтобы поклоны считать, онъ уже по-нимасть, что я не шучу и опять простираюсь на подвигъ, и убѣжитъ. Ужасно, вѣдь, какъ онъ боится, чтобы чело-вѣка къ отрадѣ инованія не привести.

— Однакоже, положимъ... онъ-то... Это такъ: вы его преодо-лѣли, но, вѣдь, сколько же и сами вы отъ него перетерпѣли?

— Ничего-съ; что же такое, я, вѣдь, угнеталъ гнущаго, а себѣ никакого стѣненія не дѣлалъ.

— И теперь вы уже совсѣмъ отъ него избавились?

— Совершенно-съ.

— И онъ вамъ вовсе не является?

— Въ соблазнительномъ женскомъ образѣ никогда-съ больше не приходитъ, а если порою еще иногда покажется гдѣ-нибудь въ уголкѣ въ кельѣ, но уже въ самомъ жалостномъ видѣ: визжитъ, какъ будто поросеночекъ издыхаетъ. Я его, негодяя, теперь даже и не мучу, а только разъ перекрещу и положу поклонъ, онъ и перестанетъ хрюкать.

— Ну, и слава Богу, что вы со всѣмъ этимъ такъ справились.

— Да-съ; я соблазны большого бѣса осмиль, но доложу вамъ,—хоть это противъ правила,—а мнѣ мелкихъ бѣсенятъ пакости больше этого надокучили.

— А бѣсенята развѣ къ вамъ тоже приставали?

— Какъ же-съ; положимъ, что хотя они по чину и самые ничтожные, но зато постоянно лѣзутъ...

— Что же такое они вамъ дѣлаютъ?

— Да, вѣдь, ребятишки, и притомъ ихъ тамъ, въ аду, очень много, а дѣла имъ при готовыхъ харчахъ никакого нѣтъ, вотъ они и просятъ на землю поучиться смущать и балуются, и чѣмъ чловѣкъ хочетъ быть въ своемъ званіи солиднѣе, тѣмъ они ему больше досаждаютъ.

— Что же такое они, напримѣръ... чѣмъ могутъ досаждать?

— Подставятъ, напримѣръ, вамъ что-нибудь такое, или подсунутъ, а опрокинешь, или расшибешь и кого-нибудь тѣмъ смутишь и разгнѣваешь, а имъ это первое удовольствіе, весело: въ ладоши хлопаютъ и бѣжатъ къ своему старшому: дескать, и мы «смутили, дай намъ теперь за те грошикъ». Вѣдь, вотъ изъ чего бьются... Дѣти.

— Чѣмъ же именно имъ, напримѣръ, удавалось васъ смутить?

— Да вотъ, напримѣръ, у насъ такой случай былъ, что одинъ жидъ въ лѣсу около монастыря удавился и стали всѣ послушники говорить, что это Иуда, и что онъ ночами по обители ходитъ и вздыхаетъ и многіе были о томъ свидѣтели. А я объ немъ и не сокрушался, потому что думалъ: развѣ мало у насъ, что ли, жидовъ осталось; но только разъ ночью сплю въ конюшнѣ и вдругъ слышу кто-то подошелъ и морду въ дверь черезъ поперечную перекладину всунулъ и вздыхаетъ. Я сотворилъ молитву,—нѣтъ, все-таки

стоитъ. Я перекрестилъ: все стоитъ и опять вздохнулъ. Ну, что, молъ, я тебѣ сдѣлаю: молиться мнѣ за тебя нельзя, потому что ты жидъ, да хоть бы и не жидъ, такъ я благодати не имѣю за самоубійцу молить, а пошелъ ты отъ меня прочь въ лѣсъ, или въ пустыню. Положилъ на него такое заклятіе, онъ и отошелъ, а я опять заснулъ, но на другую ночь онъ, мерзавецъ, опять приходитъ и опять вздыхаетъ... мѣшаетъ спать, да и все тутъ. Какъ ни терпѣль, просто силъ нѣтъ! тыфу ты, невѣжа, думаю, мало ему въ лѣсу, или на панерти мѣста, чтобы еще непременно сюда въ конюшню ко мнѣ ломиться? Ну, нечего дѣлать, видно, надо противъ тебя хорошее средство изобрѣтать: взялъ и на другой день на двери чистымъ углемъ большой крестъ написалъ, и какъ пришла ночь, я и легъ спокойно, думаю себѣ: ужъ теперь не придетъ, да только-что съ этимъ заснулъ, а онъ и вотъ онъ, опять стоитъ и опять вздыхаетъ! Тыфу ты, каторжнѣй, ничего съ нимъ не подѣлаешь! Всю какъ есть эту ночь онъ меня такъ пугалъ, а утромъ, чуть ударили въ первый колоколъ къ заутренѣ, я поскорѣ вскочилъ и бѣгу, чтобъ пожаловаться настоятелю, а меня встрѣчаетъ звонарь, братъ Діомидъ, и говоритъ:

— Чего ты такой нужанный?

Я говорю:

— Такъ и такъ, такое мнѣ во всю ночь было безпокойство и я иду къ настоятелю.

А братъ Діомидъ отвѣчаетъ:

— Брось, говоритъ,—и не ходи, настоятель вчера себѣ въ носъ пивку ставилъ и теперь *пресердитый* и ничего тебѣ въ этомъ дѣлѣ не поможетъ, а я тебѣ, если хочешь, гораздо лучше его могу помогать.

Я говорю:

— А мнѣ совершенно все равно: только, сдѣлай милость, помоги,—я тебѣ за это старыя теплыя рукавицы подарю, тебѣ въ нихъ зимою звонить будетъ очень способно.

— Ладно,—отвѣчаетъ.

И я ему рукавицы далъ, а онъ мнѣ съ колокольной старую церковную дверь принесъ, на коей Петръ апостоль написалъ и въ рукѣ у него ключи отъ царства небеснаго.

— Вотъ это-то, говоритъ,—и самое важное есть *ключи*: ты этою дверью только заставься, такъ уже черезъ нее никто не пройдетъ.

Я ему мало въ ноги отъ радости не поклонился и думаю: чѣмъ мнѣ этою дверью заставляться, да потомъ ее отставлятъ, я ее лучше фундаментально прилажу, чтобы она мнѣ всегда была огражденіемъ, и взялъ и учинилъ ее на самыхъ надежныхъ плотныхъ петляхъ, а для безопасности еще къ ней самый тяжелый блокъ приснастилъ изъ булыжнаго камня и все это исправилъ въ тишинѣ въ одинъ день до вечера и, какъ пришла ночная пора, легъ въ свое время и сплю. Но только, что же вы изволите думать: слышу—опять дышитъ! просто ушамъ своимъ не вѣрю, что это можно, анъ нѣтъ: дышитъ да и только! да еще мало этого, что дышитъ, а преть дверь... При старой двери у меня изнутри замокъ былъ, а въ этой, какъ я болѣе на святость ея располагался, замка не приладилъ, потому что и времени не было, то онъ ее такъ и шихаетъ, и все разъ отъ разу смѣлѣе, и, наконецъ, вижу, какъ будто морда просунулась, но только дверь размахнулась на блокъ и его какъ свистнетъ со всей силы назадъ... А онъ отскочилъ, видно, почесался, да мало обождавши, еще смѣлѣе и опять морда, а блокъ ее еще жѣстче шелкъ... Больно, должно-быть, ему показалось, и онъ усмирѣлъ и больше не лѣзеть: я и опять заснулъ, но только прошло мало времени, а онъ, гляжу, подлець, опять за свое взялся, да еще съ новымъ искусствомъ. Уже нѣтъ того, чтобы бодать и прямо лѣзть, а полегонечку рогами дверь отодвинулъ и какъ я былъ съ головою полушубкомъ закрытъ, такъ онъ вдругъ дерзко полушубокъ съ меня долой сорвалъ, да какъ лизнетъ меня въ ухо... Я больше этой наглости уже не вытерпѣлъ: спустилъ руку подъ кровать и схватилъ топоръ, да какъ тресну его, слышу—замычалъ и такъ и блякнулъ на мѣстѣ. Ну, думаю, такъ тебѣ и надо, а вмѣсто того, утромъ, гляжу никакого жидка нѣтъ, а это они, подлецы, эти бѣсенята, мнѣ вмѣсто его корову нашу монастырскую подставили.

— И вы ее поранили?

— Такъ и прорубилъ топоромъ-съ! Смущеніе ужасное было въ монастырѣ.

— И вы, чай, неприятности какія-нибудь за это имѣли?

— Получилъ-съ; отецъ игуменъ сказали, что это все оттого мнѣ представилось, что я въ церковь мало хожу, и благословили, чтобы я, убравшись съ лошадью, всегда напередѣ у рѣшетки для возжиганія свѣчъ стоять, а они

туть, эти пакостные бѣсенята, еще лучше со мною подстроили и окончательно подвели. На самага на Мокраго Спаса, на всенощной, во время благословенія хлѣбовъ, какъ надо по чину, отецъ игумень и іеромонахъ стоятъ посреди храма, а одна богомолочка старенькая подаетъ мнѣ свѣчку и говорить:

— Поставь, батюшка, празднику.

Я подошелъ къ аналою, гдѣ положена икона «Спасъ на Водахъ», и сталъ эту свѣчку лѣпить, да другую уронилъ. Нагнулся, эту поднялъ, сталъ прилѣпливать,—двѣ уронилъ. Сталъ ихъ вправлять, анъ, гляжу—четыре уронилъ. Я только головой качнулъ, ну, думаю, это опять непременно мнѣ пострѣлята досаждаютъ и изъ рукъ рвутъ... Нагнулся и поспѣшно съ упавшими свѣчами поднимаюсь, да какъ затылкомъ махну подъ низъ обѣ подсвѣчникъ... а свѣчи такъ и посыпались; ну, тутъ я разсердился да взялъ и все остальные свѣчи рукой посылалъ.—Что же, думаю, если такая наглость пошла, такъ лучше же я самъ поскорѣе все это опрокину.

— И что же съ вами за это было?

— Подъ судъ меня за это хотѣли быю отдать, да схимникъ, стѣпенскій старецъ Сысой, въ земляномъ затворѣ у насъ живетъ, такъ онъ за меня заступился.

— За что, говорить,—вы его будете судить, когда это его сатаннины служители смутили.

Отецъ игумень его послушался и благословили меня безъ суда въ пустой погребъ опустить.

— Надолго же васъ въ погребъ посадили?

— А отецъ игумень не благословили насколько именно времени, а такъ сказали только, что «посадить», я все лѣто до самыхъ до заморозковъ тутъ и сидѣлъ.

— Вѣдь это, надо полагать, скука и мученіе въ погребѣ, не хуже чѣмъ въ стени?

— Ну, нѣтъ-съ: какъ же можно сравнить? здѣсь и церковный звонъ слышно, и товарищи навѣщали. Придутъ, сверху надъ ямой станутъ и поговоримъ, а отецъ казначей жѣрновъ мнѣ на веревкѣ велѣли спустить, чтобы я соль для поварни молоть. Какое же сравненіе со степью или съ другимъ мѣстомъ.

— А потомъ когда же васъ вынули? вѣрно, при морозахъ, потому что холодно стало?

— Нѣтъ-съ, это не потому, совсѣмъ не для холода, а для другой причины, такъ какъ я сталъ пророчествовать.

— Пророчествовать?

— Да-съ; я въ погребу, наконецъ. въ раздумье впалъ, что какой у меня самоничтожный духъ и сколько я черезъ него претерпѣваю, а ничего не усовершенуюсь, и послать я одного послушника къ оному учительному старцу спросить: можно ли мнѣ у Бога просить, чтобы другой болѣе соотвѣтственный духъ получить? А старецъ наказалъ мнѣ сказать, что «пустъ, говорить, помолится, какъ должно, и тогда, чего нельзя ожидать, ожидаетъ».

Я такъ и сдѣлалъ: три ночи все на этомъ инструментѣ на колѣняхъ стоялъ въ своей ямѣ, а духомъ на небо молился и сталъ ожидать себѣ много въ душѣ совершенія. А у насъ другой инокъ Геронтій былъ, этотъ былъ очень начитанный и разныя книги и газеты держалъ и далъ онъ мнѣ одишь разъ читать житіе преподобнаго Тихона Задонскаго, и когда, случалось, мимо моей ямы идетъ, всегда, бывало, возьметъ, да мнѣ изъ-подъ ряски газету кинетъ.

— Читай,—говорить:—и усатривай полезное: во рву это тебѣ будетъ развлеченіе.

Я, въ ожиданіи невозможнаго исполненія моей молитвы, сталъ покаместъ этимъ чтеніемъ заниматься: какъ всю соль, что мнѣ на урокъ назначено перемолоть, перемелю, и начинаю читать, и начиталъ я сначала у преподобнаго Тихона, какъ посѣтили его въ келіи Пресвятая Владычица и святые апостолы Петръ и Павелъ. Писано, что угодникъ Божій Тихонъ сталъ тогда просить Богородицу о продленіи мира на землѣ, а апостоль Павелъ ему громко отвѣтить знаменіе, когда не станетъ мира, такими словами: «егда, говорить,—всѣ рекутъ миръ и утвержденіе, тогда нападаетъ на нихъ внезапно всегубительство». И сталъ я надъ этими апостольскими словами долго думать и все вначалѣ никакъ этого не могъ понять: къ чему было святому отъ апостола въ такихъ словахъ откровеніе? Наконецъ того начитываю въ газетахъ, что постоянно и у насъ, и въ чужихъ краяхъ неумолчными усты вездѣ утверждается повсемѣстный миръ. И тутъ-то исполнилось мое прошеніе и сталъ я вдругъ понимать, что сблизается реченное: «егда рекутъ миръ, нападаетъ внезапно всегубительство», и я исполнился страха за народъ свой русскій и началъ молиться и всѣхъ дру-

гихъ, кто ко мнѣ къ ямѣ придетъ, сталь со слезами увѣщевать: молитесь, моль, о покореніи подъ носѣ Царя нашего всякаго врага и супостата, ибо близъ есть намъ всегубительство. И даны были мнѣ слезы, дивно обильныя!.. все я о родинѣ плакалъ. Отцу игумену и доложили, что, говорить,—нашъ Измаилъ въ погребѣ сталь очень плакать и войну пророчествовать. Отецъ игумень и благословили меня за это въ пустую избѣ на огородъ перевести и поставить мнѣ образъ. «*Благое Молчаніе*» пишется, Спасъ съ крылами тихими, въ видѣ ангела, но въ Саваооовыхъ чинахъ за мѣсто вѣнца, а ручки у груди смирно сложены. И приказано мнѣ было, чтобы я передъ этимъ образомъ всякій день поклоны клалъ, пока во мнѣ провѣщающій духъ умолкнетъ. Такъ меня съ этимъ образомъ и заперли, и я такъ до весны взаперти тамъ и пребывалъ въ этой избѣ, и все «*Благому Молчанію*» молился, но чуть человѣка увижу, опять во мнѣ духъ поднимается и я говорю. На ту пору игумень лѣкаря ко мнѣ прислали посмотреть: въ разсудкѣ я не поврежденъ ли? Лѣкарь со мною долго въ избѣ сидѣлъ, вотъ этакъ же, подобно вамъ, всю мою повѣсть слушалъ и плюнулъ:

— Экій,—говорить:—ты, братецъ, барабанъ: билъ тебя, билъ, и все никакъ еще не добьютъ.

Я говорю:

— Что же дѣлать? вѣрно, такъ нужно.

А онъ, все выслушавши, игумену сказалъ:

— Я,—говорить:—его не могу разобрать, чтò онъ такое: такъ просто, добрякъ, или помѣшался, или взаправду предсказатель. Это,—говорить,—по вашей части, а я въ этомъ не свѣдущъ, мнѣніе же мое такое: прогоните.—говорить:—его куда-нибудь подальше пробѣгаться, можетъ-быть, онъ засидѣлся на мѣстѣ.

Вотъ меня и отпустили, и я теперь на богомоленіе въ Соловки къ Зосиму и Саватию благословился и пробираюсь. Вездѣ былъ, а ихъ не видалъ и хочу имъ передъ смертью поклониться.

— Отчего же «передъ смертью»? Развѣ вы больны?

— Нѣтъ-съ, не боленъ; а все по тому же случаю, что скоро надо будетъ воевать.

— Позвольте: какъ же это вы опять про войну говорите?

— Да-съ.

— Стало-быть, вамъ «*Благое Молчаніе*» не помогло?

— Не могу знать-сь: усиливаюсь, молчу, а духъ одолеваетъ.

— Что же онъ?

— Все свое внушаетъ: «ополчайся».

— Развѣ вы и сами собираетесь идти воевать?

— А какъ же-сь? Непремѣнно-сь: мнѣ за народъ очень помереть хочется.

— Какъ же вы: въ клобукѣ и въ рясѣ пойдете воевать?

— Нѣтъ-сь; я тогда клобучокъ сниму, а амуничку надѣну.

Проговоривъ это, очарованный странникъ какъ бы вновь ощутилъ на себѣ напѣтѣ вѣщательнаго духа и впалъ въ тихую сосредоточенность, которой никто изъ собесѣдниковъ не позволилъ себѣ прервать ни однимъ новымъ вопросомъ. Да и о чемъ было его еще больше спрашивать? повѣствованія своего минувшаго онъ исповѣдалъ со всею откровенностью своей простой души, а провѣщанія его остаются до времени въ рукѣ Сокрывающаго судьбы свои отъ умныхъ и разумныхъ, и только иногда открывающаго ихъ младенцамъ.

ШЕРАМУРЪ.

(Чрева-ради юродивый.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

По нѣкоторымъ, достаточно важнымъ причинамъ выставленная кличка должна замѣнять собственное имя моего героя—если только онъ годится куда-нибудь въ герои.

Если бы я не опасался выразиться вульгарно въ самомъ началѣ разсказа, то я сказалъ бы, что Шерамуръ есть *герой брюха*, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, какой только можно соединить съ этимъ выраженіемъ. Но все равно: я долженъ это сказать, потому что свойство матеріи лишаетъ меня возможности быть очень разборчивымъ въ выраженіяхъ,—иначе я ничего не выражу. Герой мой—личность узкая и однообразная, а эпопея его—бѣдная и утомительная, но, тѣмъ не менѣе, я рискую ее рассказывать.

Итакъ, Шерамуръ—*герой брюха*; его девизъ—*жрать*, его идеаль—*кормить другихъ*; въ этомъ настроеніи онъ имѣлъ похождение, достойнаго нѣкотораго вниманія. Я опишу кое-что изъ нихъ въ короткихъ отрывкахъ: это единственная форма, въ которой можно передать что-нибудь о лицѣ, не имѣвшемъ никакой послѣдовательности и не укладывающемся ни въ какую форму.

Начинаю съ того самаго случая, какъ онъ показался первому человѣку, который обнаружилъ въ немъ нѣчто достойное наблюденія.

Лѣтомъ 187* года, въ Парижъ прибылъ изъ Петербурга литературный Немо. Онъ поселился въ небольшой комнаткѣ,

противъ рѣшетки Люксембургскаго сада, и жилъ тутъ тихо и смирно нѣсколько дней, какъ вдругъ однажды входитъ къ нему консьержъ и говоритъ, что пришелъ «нѣкто» и требуетъ, чтобы monsieur вышелъ къ нему—на лѣстницу.

Nemo имѣлъ основаніе не любить таинственности, и съ неудовольствіемъ спросилъ:

— Кто это такой и что ему нужно?

— Я думаю, это нѣкто изъ вашихъ,—отвѣчалъ французъ.

— Это мужчина или женщина?

— Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что *это* скорѣе мужчина.

— Такъ попросите его сюда.

— Да, но мнѣ кажется, что ему неудобно войти.

— Развѣ онъ пьянъ?

— Нѣтъ; онъ... раздѣтъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

На узенькой, спиральной лѣстницѣ, съ крошечнымъ окномъ въ безвоздушный каналъ, образовываемый тремя сходящимися острымъ угломъ стѣнами, стояла очень маленькая, но преоригинальная фигура. Первое, что бросилось въ глаза Nemo, были полудѣтскія плечи и курчавая голова съ длинными волосами, покрытая истасканною бантескою шляпою.

Сначала казалось, что это костюмированный тринадцати или четырнадцати-лѣтній мальчикъ, но чуть онъ оборотился, видъ измѣняется: передъ вами, прежде всего, два яркіе, черные глаза, которые горятъ дикимъ, какъ бы голоднымъ огнемъ, и черная борода замѣчательной величины и расположенія. Она заросла по всему лицу, почти подъ самые глаза, и внизъ закрываетъ грудь до пояса. Такую бороду, по строгановскому лицевому подлиннику, указано писать только преподобному Моисею Мурину, вѣроятно ради особенности его мадьярскаго происхожденія и мучительной пылкости темперамента этого святого, которому зато и положено молиться «отъ неистовой страсти».

Nemo подошелъ къ незнакомцу и спросилъ:

— Съ кѣмъ я имѣю честь...

— Никакой нѣтъ чести, — отвѣчалъ незнакомецъ не натуральнымъ, а искусственнымъ баскомъ, какъ во время дню считали обязанностью хорошаго тона говорить кадеты вы-

цускного класса. Немо понималъ нѣкоторый толкъ въ людяхъ и самъ перемѣнилъ манеру.

— Что же вамъ надо?—спросилъ онъ гостя.

— Имѣю дѣло.

— Такъ войдите въ комнату.

— У васъ нѣтъ никого?

— Никого.

— Могу.

И незнакомецъ пошелъ за хозяиномъ важно и неспѣшно, переставляя свои коротенькія ножки, а когда вошелъ, то сѣлъ и, не снимая шляпы, сейчасъ же спросилъ:

— Нѣтъ ли у васъ работы?

— Работы!

— Да, нѣтъ ли у васъ какой работы?

— Да какая же у меня работа?

— Развѣ я знаю какая?

— Вы мастеровой?

— Нѣтъ, не мастеровой, а мнѣ говорили, что вы романы пишете.

— Это правда.

— Такъ я—переписывать.

— Но теперь я ничего не пишу.

— Вотъ какъ! Значить—сыты. Онъ всталъ и, немного насупясь, добавилъ:

— А деньги есть у васъ?

Хозяинъ невольно посторонился и спросилъ:

— Что это значить?

— Значить, что я три дня не жралъ.

— Сколько же вамъ нужно?

— Мнѣ нужно много, но я у васъ хочу взять два франка.

— Извольте.

Туристъ опустилъ руку въ портмонэ и подаль своему гостю пятифранковую монету.

— Здѣсь больше.—сказалъ тотъ.

— Это все равно.

— Да, разумѣется.—вы слачи получите.

Съ этимъ онъ завернулся и вышелъ тѣмъ же ровнымъ шагомъ, съ тою же неизмѣнною важностью. Во время разговора можно было видѣть, что у него не крѣпко держатся рейтузы и подъ блузою нѣтъ рубашки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Немо рассказалъ исторію землякамъ: тѣ сразу узнали.

— Это,—говорить:—Шерамуръ.

— Кто онъ?

— Неизвѣстно.

— Во всякомъ случаѣ онъ русскій.

— О, да! русскій: у него какая-то таинственная исторія.

— Политическая?

— Кто его разбереть! но, кажется, политическая.

— По какому дѣлу онъ сюда сбѣжалъ?

— Право не знаю, да и знаетъ ли онъ самъ объ этомъ,— сомнѣваюсь.

— Онъ не сумасшедшій?

— Развѣ съ точки зрѣнія доктора Крупова.

— И не плутъ?

— Нѣтъ, онъ по-своему даже очень честенъ: да вотъ вы сами въ этомъ убѣдитесь.

— Какимъ образомъ?

— Онъ занялъ у васъ денегъ?

— А вы почему такъ думаете?

— Если онъ приходилъ, значить или долгъ принесъ, или умираетъ съ голоду и въ долгъ просить.

— Я ему очень мало далъ.

— Все равно: онъ принесетъ.

— Я этого вовсе не требую.

— Мало ли что! А вы если хотите у него заискать, то сведите его пожрать.

— Онъ не обидится?

— Нимало; онъ человѣкъ натуральный; только не ведите въ хорошее мѣсто: этого онъ терпѣть не можетъ, а куда-нибудь погрязнѣе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

На другое утро спитъ Немо и слышитъ:

— Проснитесь!

Тотъ открылъ глаза и увидать передъ собою Шерамура. Онъ былъ по-вчерашнему въ блузѣ безъ рубашки и въ бандитской шляпѣ. Только яркіи, голодный блескъ черныхъ глазъ его немножко смягчился и въ нихъ даже какъ будто мельгало что-то похожее на нѣкоторый признакъ улыбки. Онъ протянулъ къ хозяину руку и проговорилъ:

— Получайте.

— Что это?

— Три франка сдачи.

— Присядьте, — я сейчас встану и мы пойдемъ вмѣстѣ завтракать.

Шерамуръ сѣлъ и, положивъ деньги на стулъ, проговорилъ:

— Могу.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Они шли и ѣли именно такъ, какъ хотѣлъ того Шерамуръ, даже не у Дюваля, а пошли по самому темному изъ закоулковъ Латинскаго квартала и пріютились въ грязненькомъ кабацкѣ дородной богатырскаго сложенія нормандки, которую звали Tante Grillade. Это была единственная женщина въ Парижѣ, которую Шерамуръ зналъ по имени и при встрѣчахъ съ которою онъ кивалъ ей своею горделивою головою. Она этого стоила, потому что имѣла историческую репутацію высокой пробы. Если она не лгала, то она въ самомъ цвѣтѣ своей юности была предметомъ вниманія Луи Бонапарта и очень могла бы ему кое-что напомнить, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался Наполеономъ III, Grillade его презирала и жила, держа грязненькую свѣтлую лавку.

Было ли это все правда, или только отчасти, — это оставалось на совѣсти Танти, но Шерамуръ ей вѣрилъ: ему нравилось, что она презираетъ «такого барина». За это онъ ее уважалъ и доказывалъ ей свое уваженіе, передъ ней одной снимая свою ужасную шляпу. Притомъ же она и ея темный закоулокъ составляли для Шерамура очень пріятное воспоминаніе. Здѣсь, въ этой труппѣ, къ нему разъ спускалось небо на землю; здѣсь онъ испыталъ самое высшее удовольствіе, къ которому стремилась его душа: тутъ онъ, вѣчно голодный и холодный нищій, одинъ разъ давалъ пирь, — такой пирь, который можно было бы назвать «пиромъ Лазаря». Шерамуръ самыми удивительными путями получилъ по матери наслѣдство въ триста или четыреста франковъ и сдѣлалъ на нихъ «пирь Лазаря».

Онъ отдалъ всѣ эти деньги Танти и велѣлъ ей «считать», пока онъ профѣсть.

Съ того же дня онъ ежедневно водилъ сюда по нѣскольکو

воюю и всѣхъ питаль до тѣхъ поръ. пока Танта подала ему счетъ, въ которомъ значилось, что *все съедено*.

Теперь онъ сюда же привелъ своего консоматера. Имъ подали скверныхъ котлетъ, сквернаго пюре и рагу изъ обрѣзковъ, да литръ кислаго вина. Шерамуръ ѣлъ все это сосредоточенно и не обращая ни на кого никакого вниманія, пока отвалился и сказалъ:

— Буде!

Съ этого у Nemo и Шерамура завязалось знакомство, которое поддерживалось «жратвою» у Tante Grillade, и съ каждымъ днемъ выводило наружу все новыя странности этого Кашова сына.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Nemo могъ опредѣлить, что Шерамуръ былъ чрезвычайно гордъ, потому что онъ былъ очень застѣнчивъ, но понятія о самой гордости у него были удивительныя. Такъ, напримѣръ, кормъ онъ принималъ отъ всякаго безъ малѣйшаго стѣсненія и безъ всякой благодарности. Кормить — это, по его мнѣнью, для каждаго было не только долгъ, но и удовольствіе. Въ томъ, что его кормятъ, онъ не только не усматривалъ никакого одолженія, но даже находилъ, что это мало. И дѣйствительно, — самъ онъ при тѣхъ же средствахъ сдѣлалъ бы гораздо больше. При тѣхъ же средствахъ онъ накормилъ бы нѣсколько человѣкъ. Жратва была пунктъ его помѣшательства: онъ о ней думалъ сытый и голодный, во всякое время, — во дни и въ нощи.

Преходить онъ, напримѣръ, и видитъ банку съ одеколономъ. Тотчасъ намѣчаетъ ее своимъ свергающимъ взглядомъ и, показывая на нее пальцемъ, съ презрѣніемъ спрашиваетъ:

— Это что?

— Одеколонъ.

— Зачѣмъ нуженъ?

— Обтираюсь имъ.

— Гмъ! Обтираетесь, Развѣ прѣлое мѣсто есть?

— Нѣтъ; прѣлаго мѣста нѣтъ.

— Такъ зачѣмъ же такая низость!

— Кому же это вредно?

— Еще и спрашиваете: лучше бы сами пожрали, да другого накормили.

— Пойдемте,—накормлю.

— Что же одного-то кормить... сказали бы, такъ я бы еще человѣкъ пять позвалъ.

Другой разъ онъ застаеть на комодѣ бѣлье, принесенное прачкою, и опять тычетъ пальцемъ:

— Чьи рубашки?

— Разумѣется, мои.

— Сколько тутъ?

— Кажется, четыре.

— Зачѣмъ столько?

— А по вашему сколько рубашекъ можно имѣть человѣку?

— Одну.

— И будто у васъ всего одна?

— Нѣтъ; у меня ни одной.

— Безъ шутокъ ни одной?

— Какія шутки, мы не такіе друзья, чтобы шутить шутки.

Съ этимъ онъ разстегнулъ блузу и показалъ нагое тѣло.

— Вотъ вамъ и шутки.

— Возьмите у меня рубашку.

— Могу.

Онъ взявъ поданную ему рубашку, пошелъ за занавѣсъ, а оттуда кричить:

— Ножъ!

— Вы не зарѣжетесь?

— Это не ваше дѣло.

— Какъ не мое дѣло! Я не хочу, чтобы вы здѣсь у меня наначкали кровью.

— Эка важность!

— Нѣтъ, не рѣжьтесь у меня.

— Не зарѣжусь,—я нынче поправши.

— На-те вамъ ножъ.

Послышался какой-то трескъ и что-то шлепнуло.

— Что это вы сдѣлали?

Онъ вмѣсто отвѣта выбросилъ отрѣзанныя отъ обоихъ рукавовъ манжеты и появился самъ въ блузѣ, изъ-подъ обшлаговъ которой торчали обрѣзки безпощадно оборванныхъ рукавовъ рубашки.

Этакъ ему казалось лучше, но тоже не надолго,—завтра онъ явился опять безъ рубашки и на вопросъ: гдѣ она?—отвѣчалъ:

— Скинулъ.

— Для какой надобности?

— У другого ничего не было.

Таковъ онъ былъ въ безконечномъ числѣ разныхъ проявленій, которыя каждаго въ состояніи были убѣдить въ его полнѣйшей неспособности ни къ какому дѣлу, а еще болѣе возбудить самое сильное недоразумѣніе насчетъ того: какое онъ могъ сдѣлать политическое преступленіе? А между тѣмъ это-то и было самое интересное. Но Шерамуръ на этотъ счетъ былъ столь кратокъ, что сказанія его казались невѣроятны. По его словамъ, вся его исторія была въ томъ, что онъ однажды «на дворъ просился».

Какъ и что? Это всякаго могло удивить, но онъ очень мало склоненъ былъ это пояснять.

— Бунтъ, — говорить: — былъ. Мы всѣ техноложцы въ институтъ пришли, — ворота заперты, не пускаютъ. Мы стали проситься на дворъ пустить, — пихать начали. Меня взяли.

— Ну, а потомъ?

— А потомъ, — я ушелъ.

— Зачѣмъ?

— Да что же ждуть — неизвѣстно бы куда засудили.

И больше ничего не добьетесь, да и сомнительно, есть ли чего добиваться.

До сихъ поръ говорю съ чужихъ словъ — теперь перехожу къ личнымъ наблюденіямъ, которыя были счастливыѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Я о немъ въ мою послѣднюю поѣздку за границу слышался еще по дорогѣ, — преимущественно въ Вѣнѣ и въ Прагѣ, гдѣ его знали, и онъ меня чрезвычайно заинтересовалъ. Много странныхъ разновидностей этихъ Каиновыхъ дѣтей встрѣчалъ я на своемъ вѣку, но такого экземпляра не видывалъ. И мнѣ захотѣлось съ нимъ познакомиться, — что было и кетати, такъ какъ я вѣдалъ съ литературною работою, для которой мнѣ былъ нуженъ перепищикъ. Шерамуръ же, говорятъ, исполнялъ эти занятія очень изрядно.

Его адреса никто не зналъ, но я взялъ адресъ Tante Grillade и онъ мнѣ помогъ. По письму, оставленному въ этомъ кабацкѣ, Шерамуръ ко мнѣ явился, совершенно такимъ, какимъ я его описалъ выше: маленькій, коренастый,

съ крошечнымъ носикомъ и огромной бородой Черномора.

Здѣсь, кстати замѣчу, что кличка Шерамуръ была не что иное, какъ испорченное на французскій лады Черноморъ, а происхождение этой клички имѣетъ свою причину, о которой будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ.

Я не торопиль Шерамура сближеніемъ, а просто далъ ему работу, и въ первый визитъ онъ со мною не говорилъ почти ни слова, а только кивалъ въ знакъ согласія, но, принеся черезъ три дня назадъ переписанную тетрадь, разговорился.

— Все ли вы, — спрашиваю: — разобрали въ моей рукописи — не трудно ли было?

— Ничего нѣтъ труднаго, а только одно трудно понять: зачѣмъ вы это пишете?

— Печатать буду.

— Очень нужно.

— Вамъ это не нравится?

— Не не нравится, а зачѣмъ всякую юрунду. (Онъ именно говорилъ юрунду).

— Добрые люди купятъ, прочтутъ, посмѣются и бросятъ.

— Ну, да; только и всего. Стоить того дѣло. Могли бы что-нибудь лучше написать.

— Да что лучше-то? — Не умѣю.

— Ну, да; не умѣете! Нѣтъ, вы, я вижу, не совсѣмъ глупый!

— Да не знаю, — говорю: — что же такое надо писать?

— Полезное что-нибудь.

— Напримѣръ?

— Я вѣдь не писатель, — что меня спрашивать. Если бы я былъ писатель, — я бы написалъ.

— Статью?

— Не знаю, можетъ-быть и статью.

— О чемъ?

— О томъ, чтобы всѣмъ было что жрать, — вотъ о чемъ.

— Какъ же это надо написать?

— Не знаю, — пишуть.

— Гдѣ?

— Я не знаю; а пишуть.

— Да все, говорю, — мало куда годится.

— Оттого, что не дописываютъ?

— А отчего не дописываютъ?

— А чортъ ихъ знаетъ.

— Ума мало, или смѣлости недостаетъ?

— Да я не знаю.

— Вы революціонеръ?

— Ну, вотъ еще! Жрать всѣмъ надо, вотъ революція. Въ революцію хорошо,—кто большого роста.

— Это почему?

— Потому что маленькаго никто не послушаетъ.

— А вотъ Наполеоны-то, — вѣдь они оба были небольшого роста, а ихъ слушались.

— Такъ это у французовъ; они на ростъ не глядятъ; а у насъ надо, чтобъ дылда былъ и ругаться умѣлъ.

— А вы развѣ этого не можете?

— Нѣтъ, не могу.

— А жрать?

Онъ улыбнулся, но только удивительно странно, сначала однимъ, а потомъ другимъ глазомъ, точно онъ не смѣлъ сразу обоими улыбнуться, и отвѣчалъ:

— Могу.

— Ну, идемте.

И онъ ходилъ со мною разъ и два и, наконецъ, за обычай взялъ со мною шутаться и освоился до того, что разъ сказалъ:

— А я еще и другую штуку могу.

— Какую?

— Подвытъ.

— Какъ же это?

— Здѣсь нельзя—страшно.

Я объ этомъ и позабылъ, но потомъ мы съ нимъ какъ-то пошли за городъ къ Нельи. Это былъ хорошій вечеръ; мы все бродили, бродили, сѣли на бережку ручья и незамѣтно осмеркли.

Онъ такъ же незамѣтно отъ меня отлучился, и гдѣ-то исчезъ. Я задумался и совсѣмъ про него позабылъ, но вдругъ вдрогнулъ и вскочилъ въ ужасномъ испугѣ, и было чего: въ самомъ недалекомъ отъ меня разстояніи громко и протяжно провылъ голодный волкъ... И прежде чѣмъ я могъ оправиться—онъ завылъ снова.

Надо было опомниться, что я всего въ двухъ шагахъ отъ Парижа, котораго грохотъ слышенъ и котораго огни

отражаются заревомъ, чтобы понять, какъ трудно было появиться здѣсь волку.

И пока я это сообразилъ, предо мною предсталъ Шерамуръ.

— Каково?—говорить.

— Это вы были?

— Я. Разобрали. въ чемъ дѣло.

— Какое же дѣло?

— Слушайте.

И онъ опять сѣлъ на корточки, сложилъ у рта ладошки и завылъ: уаа-уаа-уаа.

— Разобрали?

— Нѣтъ; но вы, дѣйствительно, воете какъ настоящій волкъ.

— Еще бы! Мы. бывало, всё такъ хоромъ воемъ.

— Кто, гдѣ?

— Техноложцы-то, въ Петербургѣ, когда топить нечѣмъ и жрать нечего. Завоемъ, — хозяйка испужается и дастъ дровъ и поплеванникъ—чтобы замолчали. Вѣдь это слова.

Онъ опять опустился на корточки и еще разъ завылъ, но гораздо протяжнѣе, и въ этотъ разъ въ этомъ воѣ я разобрать слова:

Холодно, страничень, холодно;

Голодно, родименькйй, голодно!

И мнѣ стало жутко и больно, а онъ сталъ рассказывать: какъ имъ бывало холодно и какъ голодно и какъ они, вымолвивъ полѣно дровъ и «поплеванникъ», потомъ разогрѣвались, прыгая вокругъ пустой комнаты и шагвая:

А лигушки по дорожкѣ

Скачуть, вытянувши ножки,

Ква-ква-ква-ква,

Ква-ква-ква-ква.

На него, кажется, дѣйствовала ночь, звѣзды и свобода открытаго пространства. Онъ былъ въ духѣ и въ какомъ-то порывѣ на откровенность. Я этимъ воспользовался.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

— Неужто вамъ, говорю, — когда вы такъ бѣдствовали, никто не помогать?

— А кто мнѣ станеть помогать? со мною все бѣдняки жили;—всѣ втроемъ рѣдко жрали.

— Не всё же технологи или по-вашему «технологцы» такъ бѣдны.

— Да, у кого есть отцы, — не бѣдны. разумеется — имъ помогали.

— А вашъ отецъ?

— У меня отца не было, — только родитель.

— Какая же тутъ разница?

— Отецъ жалѣеть, а родитель — родить и бросить.

— Кто же былъ вашъ *родитель*?

— Мизантропъ.

— Чѣмъ онъ занимался?

— Дворянствъ, — развлекалъ свою инохондрію.

— Ну, а мать, развѣ и она о васъ не заботилась?

— Чѣмъ ей заботиться? — она изъ крѣпостныхъ дѣвокъ была.

— Такъ вы, значить, изъ податнаго званія?

— Нѣтъ; изъ благороднаго, — мизантропъ ее за чиновника выдалъ.

— Вы все пугаете.

— Ничего не пугаю: родитель былъ одинъ, а отцомъ другой числился; мужъ материнъ въ казначействѣ служилъ.

— Да вы чью фамилію-то носите?

— Материнаго мужа.

— Ваша матушка вѣрно была очень красива.

— Ну вотъ... Разумеется не такая, какъ я. А у него все равно были всякія: и красивыя, и некрасивыя, и всѣхъ замужъ выдавалъ.

— И приданое давалъ.

— Матери пятьсотъ рублей далъ, за чиновника, а которыхъ за своихъ — тѣмъ не давалъ.

— Значить, онъ вашу матушку больше другихъ любилъ.

— Время такое пришло: эманципация. Крѣпостные не захотѣли безъ награжденія. А онъ разсудилъ, что если съ награжденіемъ, такъ ужъ все равно за благороднаго. Чиловникъ и взялся.

— Выходить, вы все-таки счастливѣе другихъ.

— Не вижу, тѣ надѣлы получили, а я нѣтъ.

— А чиновникъ васъ не обижалъ, воспитывалъ?

— Мы у него не жили, онъ съ матерью очень дрался; она назадъ убѣжала.

— Къ мизантропу?

— Да; меня швырнула ему, а сама утопиться хотѣла. Онъ новаго суда побоялся и взять насъ.

— Тутъ вамъ хорошо было?

— Ничего не было хорошаго: меня къ акушеркѣ на воспитаніе въ городъ отдали.

— Это добрая была женщина?

— Шельма; сама все съ землемѣромъ кофей пила, а мнѣ жрать не давала. И землемѣръ очень билъ.

— Зачѣмъ?

— Такъ; напьется и бьетъ по головешкѣ. Я оттого и роста пересталъ, — до двѣнадцати лѣтъ совсѣмъ не росъ. Въ училище отдали: тамъ началъ жрать и сталъ подниматься. А пуще въ пасалтырѣ морили.

— Что это такое за «пасалтырь»?

— Чуланъ, — землемѣръ такъ называлъ. «Бросить, скажетъ, его въ пасалтырь» — меня и бросаютъ, да и позабудутъ безъ корму. А тамъ еще тѣсно, все стѣна передъ носомъ. Я отъ этого пасалтыря и зрѣніе испортилъ, что все въ стѣнку смотрѣлъ. Въ училище привели — за два шага доски не видѣлъ.

— Вы въ какомъ были училищѣ?

— Въ гимназін.

— Окончили курсъ?

— Нѣтъ; у меня отъ битья память глупая.

— А потомъ?

— Въ технологію.

— Что же тутъ больше учились или больше читали?

— Больше всего опять жрать было нечего, а иногда и читали.

— А что читали?

— Много, — не помню.

— Стихи или прозу?

— И стихи, и прозу.

— И ничего не помните?

— Одни стихи помню, потому что много списывалъ ихъ.

— Какіе?

— Начало божественное, а потомъ политическое:

«И вы подобно такъ падете,

«Какъ съ дровъ увидшій листь падеть,

«И вы подобно такъ умрете,

«Какъ вашъ послѣдній рабъ умреть».

- Это, говорю,— «Властителямъ и Судиямъ».
- Вотъ, вотъ, оно самое.
- Зачѣмъ же вы его списывали?
- Всѣмъ нравилось.
- Да вѣдь это Державинское стихотвореніе: оно есть печатное.
- Ну, рассказывайте-ка.
- Не вѣрите?
- Разумѣется.
- Ну, такъ знайте же, что это переложеніе псалма и оно было въ хрестоматіи, по которой мы, бывало, грамматическій разборъ дѣлали.
- Ну, а мы не дѣлали.
- Бѣдняжки.
- Ничего не бѣдняжки.
- А когда вы окончили свою технологію?
- Я ее не кончалъ.
- Почему?
- Политическая исторія помѣшала.
- А какая же это была исторія?
- Наши студенты на дворъ просились.
- Для какой надобности?
- Какъ для какой надобности? Безъ двора развѣ можно? дворъ заперли, и некуда дѣться: мы проситься. Бударь говорить нельзя на дворъ,—отъ начальства не велѣно, а мы его отпихнули и пошелъ бунтъ.
- Вѣрно прежде была какая-нибудь распря.
- Я тогда не ходилъ, у меня за ухомъ юрунда какая-то вепухла и ее въ тотъ день только распоролъ.
- Какъ же вы этимъ не оправдались?
- А какъ это оправдаться, стали насъ показывать,—бударь на меня говорить: «вотъ и этотъ черномордый тсжж на дворъ просился». Меня отставили, а ему велѣли изложить. Онъ говорить: «я не пуцалъ, а онъ, какъ Спнноза, промежь ногъ проюркнулъ».—Меня за это арестовали.
- За Спннозу?
- Да.
- Долго же вы были подъ арестомъ?
- Нѣтъ; я скоро въ деревню уѣхалъ, — меня графиня выпросила.
- Онъ, къ крайнему моему удивленію, назвалъ одно изъ

самыхъ великосвѣтскихъ именъ. Я впервые ему не повѣрилъ.

— Почему она васъ знала?

— Ничего не знала, а у насъ былъ директоръ Ермаковъ, котораго все знали, и онъ былъ со всеми знакомъ и съ этой съ графиней. Она прежде жила какъ все, — экосесь танцевала, а потомъ съ однимъ англичаниномъ познакомилась и ей захотѣлось людей исправлять. Ермаковъ за насъ заступался, рассказывалъ всемъ, что насъ «исправить можно». А она услышала и говоритъ: «Ахъ, дайте мнѣ одного, — самого несчастнаго». Меня и послали. Я и идти не хотѣлъ, а директоръ говоритъ: «идите, — она добрая».

— И что же: вправду такъ вышло?

— Ничего не правда. Пустили къ ней скоро — у нея внизу особый залъ былъ. Тамъ люди какіе-то. — все молились. Потомъ меня спросила: читалъ ли Евангеліе? Я говорю: нѣтъ. «Прочитайте, говорите, и придите». Я прочиталъ.

— Все прочитали?

— Все.

— Что же, — понравилось вамъ?

— Разумѣется, мистики много, а то бы ничего: есть много хорошаго. Почеркать бы надо по мѣстамъ...

— Вы такъ и графинѣ отозвались?

— Не помню, — да вѣдь еще раньше генераль Дубельтъ говорилъ... Я читалъ объ этомъ, а съ графиней... не помню... Все равно она была дура. Она мнѣ долбила все про спасеніе, только мнѣ спать захотѣлось, а ничего не понималъ.

— Что же такое было непонятное?

— «Надо придти ко Христу». Очень радъ, — только какъ это сдѣлать? Или будто я спасенъ... Почему я это знаю! Или про кровь тамъ и все этакое: ничего по настоящему нельзя понять. Я сказалъ, что я этого не понимаю, и мнѣ это не нужно. Она стала сердиться: «оставимъ, говорите, до деревни. — вы тамъ поймете». Дорогою хотѣла меня съ собою посадить и читать, а потомъ во второй классъ пошла: двѣ дѣвки, я да буфетчикъ. Мы и поссорились.

— Какое же вамъ до нихъ дѣло было?

— Подлости говорить и безстыдство: я это ненавижу; а потомъ съ мужикомъ скандалъ вышелъ, — все и пропало.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Вотъ въ чемъ заключается этотъ эпизодъ. — нелѣпый, курьезный и отрывочный, какъ все эпизоды своеобразной эпохи Шерамура.

— Мы побѣхали. — началъ онъ. — Графиня сама сѣла въ первый классъ и дѣтей, и старую гувернантку - англичанку тоже тамъ посадили, и двѣ дѣвки и я, да буфетчикъ во второмъ сѣли. Буфетчикъ мнѣ подаль билетъ и говоритъ:

— Графиня вамъ тутъ велѣла.

Я говорю:

— Мнѣ все равно. — А какъ они стали разныя глупости говорить, я и ушелъ въ третій классъ къ мужикамъ.

— Какія же такія нестерпимыя глупости они говорили?

— Всякія глупости, все важныхъ изъ себя передо мною представляли: одна говоритъ, что ее американскій евизъ соблазнить и увезть хотѣлъ, да она отказалась, потому что на пароходѣ ѣздить не можетъ, будто бы у нея отъ колтыханья морская свинка дѣлается. Противно слушать, а на первой станціи при насъ большая исторія вышла: мужика возлѣ нашего вагона бить стали. Я говорю: за что? А кондукторъ говоритъ: «вѣрно заслуживаешь». — Я самого мужика спросилъ: за что? а онъ говоритъ: «ничего!» Я подскочилъ къ графинѣ, говорю: видите, безправіе! А она закричала: «ахъ, ахъ!» и окно закрыла. Буфетчикъ говоритъ: «развѣ можно безпokoить». Я говорю: если она христіанка, она могла за бѣднаго заступиться. А онъ: «съ какой стати этакъ можете? — вы ангелисты». А я говорю: а ты дуракъ. И повздорили. Они и начали про студентовъ намеки. «Теперь, говоритъ, все взялись за этотъ ангелизмъ. Коимъ и не стоило званія своего начкать, и тѣ нынче счета считаютъ. У насъ тоже теперь новый правитель — только вступилъ, сейчасъ счета стали перемаривать. «Зачѣмъ, говоритъ, нельски пять съ половиной ставить, когда они по два рубля у Юлисева? — Это воровство». Ахъ ты, дрянъ юная! Мы при твоёмъ отцѣ не такіе счета писали и ничего, потому что то былъ настоящій баринъ: самъ пользовался и другимъ не мѣшалъ; а ты вонъ что!»

«Дѣвки такъ и ахаютъ:

«— Ишь подлець! ишь каналья!

«А тотъ говоритъ:

«— Ну, такъ я ему сейчасъ и ввернулъ. чего онъ и не думать. — Мало ли что, говорю, у Юлисева, мы бокалейщика Юлисева довольно знаемъ, что эта одна лаферма, а продасть кто попало, — со всякаго званія особь. «Къ чему мнѣ это знать?» говоритъ. — А къ тому-съ, что тамъ все продается для обыкновенной публики, а у насъ домъ. — мы домового поставщика имѣемъ — у него беремъ. «Впередъ, говоритъ, у Юлисева брать». — Очень хорошо, говорю, только если ихъ сіятельство въ какомъ-нибудь фруктѣ отравить, такъ я не буду отвѣчать.

«Дѣвки визжатъ: ловко, ловко! Ожегся?

«— Страфиль! и весь ангелизмъ спустилъ: «бери, говоритъ, негодяй, у своего поставщика, а то ты и вправду за три цѣлковыхъ кого угодно отравишь».

«А дѣвки радостно подхватываютъ: очень просто, что такъ! — очень просто! И сами что-то дѣять, а буфетчикъ мнѣ очистки предлагаетъ: «у васъ, говоритъ, желудокъ крѣпкаго характера, — а у меня съ фистулой. Кушайте. А если не хотите, мы на балъ дешевымъ студентамъ за окно выбросимъ». А потомъ вдругъ всѣ: хи-хи, да ха-ха-ха и: «точно такъ какъ наше къ вашему». Я этого уже слушать не могъ и пересѣлъ къ мужикамъ.

— Что же васъ въ этихъ словахъ особенно возмутило?

— Ну какъ же: цинизмъ: «наше къ вашему». — Развѣ я не понимаю?

— Да я-то, говорю, не понимаю: что тутъ такого особенно циничнаго.

— Ну, оставьте, пожалуйста, — очень это понятно.

— Позвольте; оставляю, но все-таки, гдѣ вы видите цинизмъ — не понимаю.

— Ну, а я понимаю: я даже въ Петербургъ хотѣлъ вернуться и сошелъ, но только денегъ не было. Начальникъ станціи велѣлъ съ другимъ поѣздомъ въ Москву отвезть, а въ Петербургъ, говоритъ, безъ билета нельзя. А поѣздъ подходит — опять того знакомаго мужика, котораго били, ведутъ и опять накалываютъ. Я его узналъ, говорю: за что тебя опять? А онъ говоритъ: «не твое дѣло». Я приѣхалъ въ Москву, — въ ихъ домъ и все спалъ, а потомъ всталъ, а на дворѣ уже никого нѣтъ, — говорятъ: уѣхали.

— Васъ бросили?

— Не взбудили. Я проспалъ — пошелъ на станцію за

книгами — книги свои взять и — вижу опять поѣзд подѣхалъ и опять того знакомаго мужика быють. Я думаю: вотъ, чортъ возьми! — и захотѣлъ узнать: за что! А онъ, какъ его отбили, съ платформы соскочилъ и прямо за ворота, — снялъ шапку и на все сорокъ сороковъ раскрепивается. Я говорю: ты бы, дуракъ, чѣмъ башкой по пустякамъ кивать, — шель бы къ мировому. — «А мнѣ чего, говорить, безъ мирового недостаетъ?» — Шель-то, небось, болитъ? — «Такъ что же такое: у насъ шея завсегда можетъ болѣть, мы мужики: а донесъ Господь, — я Ему и благодарствую». — А что били тебя — это ничего? — «А какая важность, господа лише дрались, да мы терпѣли. — и перетерпѣли: теперь они и сами обосѣли — стали смиренные». — Вотъ отъ этого, говорю, въ тебѣ и нѣтъ человѣческой гордости, а ты сталъ скотина. — «Черезъ что такое, отвѣчаетъ, скотина, когда я своихъ родителейъ знаю». — Экое, говорю, животное: никакихъ чувствъ въ тебѣ нѣтъ. А онъ началъ сердиться: «Что ты, говорить, ко мнѣ вяжешься: какое еще чувство, если мнѣ такъ надобѣ». — Отчего же это такъ надобѣ, чтобы тебя на всякой станціи били? — «Анъ совсѣмъ, говорить, не на всякой». — Я, говорю, видѣлъ. — «А мнѣ, говорить, это еще лучше тебя извѣстно: всего четыре раза за путину похлопали, только на большихъ станціяхъ, гдѣ билетъ провѣряютъ. Какое же тутъ чувство? потолкають и вонъ, а я на другой поѣздокъ сяду, да вотъ, Богъ далъ, ничего не платя, и доѣхалъ». — Понимаете, какой отличный народъ! Я его практическому смыслу подивился и какъ у меня полтора рубля было, я ему помочь хотѣлъ. Дальше, спрашиваю, куда-нибудь поѣдешь? — «Дальше мнѣ теперь все равно, что рукой подать — всего въ тульскую губернію: мы съ Москвой-то сусѣди». — А все же вѣдь и тутъ опять чугунка. — «Простое дѣло, что чугунка». — Такъ опять деньги надо. Онъ посмотрѣлъ и говорить: — «Это не твое расположеніе». — Да у тебя есть деньги или нѣтъ? — «Съ чего такъ нѣтъ: мы мужики, а не то что, — мы работаемъ, а не крадемъ, чтобы у насъ не было. У насъ, что надобѣ есть». — А то лучше, говорю, признайся: я тебѣ дамъ. — «Намъ чужого не надо: у насъ вотъ онѣ свои, кровные». Вытащилъ кошель и хвалится: — «Видишь, говорить, что есть названье отъ Бога родитель, — вотъ я родитель: я побой претерпѣлъ, а на билетъ ничего не извелъ — безъ билета доѣхалъ. Все, что заработалъ — вотъ

все оно цѣло, — дѣткамъ везу; а еще захочу, такъ и въ церкву дамъ за свое здоровье. Понимаешь?» — Глупо, говорю, въ церкву давать. — «Ну, этого говорить ты не смѣй, а то вотъ что»... — И кулакъ мнѣ къ носу. — Что за народъ! что за народъ! — воскликнулъ Шерамуръ и даже вѣдъмахъ весь расцвѣтился. — И, говоритъ, не вытерѣлъ: молодецъ, говорю: пойдѣмъ, я тебя угощу въ трактирѣ. А онъ сейчасъ коншеть скорѣй прятать и сталь уходить. Я за нимъ, а онъ отъ меня еще нибоче, да на углу хлопъ, унать и растянулся. — Чего ты, говорю, дуракъ, бѣжишь? — «А ты чего, говоритъ, меня гонишь: я вѣдъ твоего не прошу». — Чего же ты меня боишься? — «Ты деньги увидаль и скрасть хочешь», и съ этимъ какъ дернетъ во всю мочь: «карррауль!» Настъ обоихъ и забрали.

— Куда?

— Въ часть.

— Выпустили?

— Да; на другой день приставъ прѣхаль, разспросилъ обо мнѣ и прислалъ къ графинѣ: дѣйствительно ли я съ нею? Оттуда дворникъ ихъ знакомаго художника прислалъ, тотъ поручился, меня и отпустили. А у мужика тамъ въ части рубль пропалъ. Онъ послѣ сказалъ мнѣ: «это твой вина, — я за тебя заключался, — ты долженъ мнѣ воротить», — я отдалъ...

— Вы, значить, на него не сердились?

— Нѣтъ, да вѣдъ онъ уменъ, онъ мнѣ сказалъ: «я бы, говоритъ, отъ тебя и не бѣжалъ, да боялся, что у тебя вумственные книжки есть. А то, сдѣлай милость, буду на угощеніи благодаренъ». Чай съ нимъ вмѣстѣ шли. Отличный мужикъ. «А если еще остача есть, говоритъ, купи мнѣ дѣткамъ пряничнаго конька да рыбкину. Я свезу, — скажу: дядька прислалъ, — дѣтки малыя рады будутъ». Хорошій мужикъ. Мы поцѣловались.

— Значить, онъ васъ до грошика обообралъ?

— Я самъ отдалъ.

— А зачѣмъ?

— Отдалъ, да и все.

— А сами куда и съ чѣмъ пошли?

Шерамуръ только рукой махнулъ.

— Тутъ, говоритъ, — у меня началась самая тяжкая пора, я едва разсудокъ не потерялъ.

— Отчего же собственно?

— Отъ ужаснаго божества... бѣда, что такое было.

— Вѣрно опять графиня?

— Да; и другіе,—если бы англичанка моего этого спасенія вѣрою не подбургузила, такъ я погибъ бы отъ святости.

— Валяйте, валяйте, говорю. — развѣ можно на такомъ интересномъ мѣстѣ останавливаться: сказывайте, что такое было?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ московскомъ домѣ графини, гдѣ она провела сутки и уѣхала далѣе, повидимому, совсѣмъ позабывъ о Шерамурѣ и не сдѣлавъ на его счетъ никакихъ распоряженій, онъ нашелъ того профессора живописи, который за него поручился.

Это былъ единственный человѣкъ, къ которому нашъ герой могъ обратиться въ своемъ положеніи. Онъ такъ и сдѣлалъ. Считая имена недостойными человѣческаго вниманія пустяками, Шерамуръ не зналъ: какъ звали художника, но, по его словамъ, это былъ человѣкъ пожилой и больной. Онъ жилъ со своимъ семействомъ, занимая одинъ изъ флигелей въ домѣ графа, который считалъ себя покровителемъ какого-то московскаго художественнаго учрежденія. Остальной домъ былъ пустъ и оберегался однимъ старымъ лакеемъ. Лакей этотъ питалъ какія-то особенныя чувства къ профессору и свелъ къ нему Шерамура. Тотъ выслушалъ чудака и говорить:

— По-моему, вамъ не стоить за графиней ѣхать.

— Я, — говоритъ Шерамуръ: — спросилъ, отчего? А онъ не отвѣчаетъ. Большущее что-то пишеть, и все помазываетъ кистями и отскочить: высматриваетъ.

— Я, — говоритъ: — не совѣтую... И опять мазикаетъ. Графиня, я думаю... вамъ тяготится.

— Сама,—говорю:—пригласила.

— Это ничего. И опять помазикалъ, отскочилъ и смотритъ въ кулакъ на картину и говоритъ: это ей все равно; они люди особенные, у нихъ это ничего-съ.

И еще помазикалъ, помазикалъ, а потомъ положилъ свои снасти, закурилъ трубочку и сѣлъ противъ картины.

— Вы,—спрашиваетъ: — «Эмиля» Руссо читали?

— Не читаль, а слышалъ: опытъ какой-то дѣлали — воспитать человѣка.

— Вотъ, вотъ, вѣтъ! — вотъ и вы на этотъ опытъ взяты: вы лучше удирайте.

— А что она мнѣ сдѣлаеть?

— Да нехорошо, — говорить: — съ ними возиться. Вѣдь ей дѣлать нечего — вотъ ея забота. Ея отецъ, бывало, для собственной потѣхи все лѣчилъ собственныхъ людей, а эта отъ нечего дѣлать для своей потѣхи всѣхъ ко спасенію зоветъ. Только жаль — собственныхъ людей у нихъ теперь нѣтъ, все искать надо, чтобы одной передъ другой похватать: какая кого въ свою вѣру поймала. Всякая дрянь нынче ихъ этою глупою потѣхою пользуется: «я, дескать, увѣровалъ — дайте поѣсть», а вы студентъ, — вамъ это стыдно.

Я говорю:

— Мнѣ это все равно, — я религіи не признаю; а если можете пять рублей мнѣ занять, такъ я поѣду, потому что она мнѣ сулила дать школу.

Онъ говорить:

— Натѣ вамъ пять рублей, а школы она вамъ не дастъ, а если дастъ, такъ васъ оттуда скоро выгонитъ.

А когда я хотѣлъ разспросить, отчего не дастъ? — онъ вдругъ закашлялся и говорить:

— Ну васъ совеѣмъ! — Если вы такой безтолковый, — ступайте куда хотите: у меня чахотка; а вы... ничего не понимаете.

Шерамуръ взялъ пять рублей и отправился къ мѣсту своего призванія, гдѣ его осыпали траги-комическія случайности, которыя имѣли на него роковое вліяніе и довели его до эмиграціи.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Во - первыхъ, его не ждали и, какъ художникъ отгадать, — не желали видѣть въ имѣніи, куда онъ явился не то педагогомъ, не то Эмилемъ. Встрѣченъ онъ былъ сухо, какъ человѣкъ никому не нужный; даже помѣщенія ему не дали и благодѣтельница своей графини онъ не видалъ. Въ этомъ, по его словамъ, былъ виноватъ тотъ же врагъ студентовъ, буфетчикъ, способный за три цѣлковыхъ отравить кого угодно. Онъ сбылъ Шерамура сначала въ чуланъ при

конторѣ, а потомъ въ каморку при прачечной. У его выломаннаго порога была ямина, а подъ окномъ зольная куча, на которую выбрасывали изъ кухни всякую нечисть, и тутъ, какъ говорилъ Шерамуръ, постоянно «ходили пѣшкомъ три вороны и чьи-то птичьи книжки таскали». Въ самой же хранилѣ здѣсь была такая жара и духота, что Шерамуръ, къ великому своему удивленію и благополучію, — тяжело заболѣлъ: у него сдѣлался карбункулъ, который онъ называлъ: злой чирій. Ему не дали умереть и прислали къ нему фельдшера, — молодого еврея, который здѣсь тоже былъ и врачомъ, и религіознымъ Эмилемъ: графиня его второй годъ воспитывала къ христіанству. Главный трудъ обращенія его уже былъ оконченъ и по осени онъ назначался на короткое время на выставку въ религіозные салоны Петербурга, а оттуда къ отсылкѣ за границу для крещенія по наилучшему образцу какой-то изъ неизвѣстныхъ сектъ. Еврей былъ такой же горькій человекъ, какъ Шерамуръ, — онъ былъ вырванъ изъ солдатчины, благодаря тому, что рѣшился оказать склонность къ христіанству. Онъ уже второй годъ жилъ здѣсь неизвѣстно по какому праву и, чувствуя свое рискованное положеніе, пѣлъ стишки и читалъ «трактатцы», — но онъ былъ, разумѣется, гораздо находчивѣе Шерамура, и сдѣлалъ ему важную услугу, — спасъ ему жизнь.

Шерамуръ лежалъ безъ всякаго присмотра — его дверь часто некому было затворить и вороны заходили къ нему пѣшкомъ даже въ самую комнату, но фельдшеръ нашель, что случай этотъ достоинъ много вниманія. Онъ доложилъ о больномъ графинѣ и удостовѣрилъ ее, что болѣзнь опасна, но не заразителна. Онъ зналъ, что это было для нея бенефисный случай: она сейчасъ же пришла съ книжечками и флакономъ разведенной водою мадеры, и читала Шерамуру о спасеніи вѣрою. Онъ ничего не понялъ; а она ушла, оставивъ ему трактатцы, но флаконъ унесла. Еврей ему сдѣлалъ выговоръ: «что вамъ такого, говорить, понимать, — спросить: «погибъ?» — говорите: «погибъ», — а если «спасень», такъ «спасень»».

— А что это значитъ? — добивался Шерамуръ.

— Ничего не значитъ, — одинъ разговоръ, а зато вамъ будутъ хорошую пищу присылать и мадеры, — а вы еще слабы. Онъ взялъ оставленные трактатцы, посмотрѣлъ и

говорить: вот по этой погибъ, а по этой спасенъ. Я скажу, что вы читали и пошли на спасенье.

Приемъ оказался хорошъ. Въ тотъ день Шерамуру наперекоръ всемъ проекамъ буфетчика, прислали супу и котлетъ, а послѣ обѣда пришла графиня и принесла новыхъ трактатцевъ и флаконъ. Еврей сказалъ, что больной слабъ, и графиня его не утруждала: она спросила его только: «видите, что вы погибли»... Онъ отвѣчалъ: «погибъ». Она стала на колѣни и долго молилась. Шерамуру изъ всей молитвы запомнилъ только: «еще молимъ тебя, Господи, и еще молимъ тебя». Она спросила: «имѣетъ ли онъ сколько-нибудь Христа?» Онъ поморщился, но сказалъ: «немножко имѣю». Она еще помолилась, а потомъ ушла, но флаконъ оставила. Съ тѣхъ поръ его стали отлично кормить и графиня къ нему приходила съ трактатцами и флакономъ, а также приводила раза два англичанку и обѣ возлѣ него молились. Онъ велъ себя какъ учитель еврей: по все путалъ, говорилъ, то «погибъ», то имѣетъ Христа.

Еврей замѣтилъ по своимъ примѣтамъ, что это долго стоитъ на лизисѣ.—вскрылъ Шерамуру нарывъ и сказалъ: «Ну, теперь скажите: спасенъ». Шерамуру такъ и сдѣлалъ. Онъ былъ «спасенъ», графиня утѣшалась; она приобрѣла Христу перваго пингиста, и велѣла Шерамуру по выздоровленіи приходите къ ней, чтобы ить съ вѣрными и учить дѣтей писать и закону Божію. И какъ съ этихъ поръ лично ей онъ уже былъ не интересенъ, то она его бросила, а буфетчикъ опять сталъ ему посылать вмѣсто «куричьяго супу»—«свинячьи котлеты» и вмѣсто «кокайскаго вина»—«подмадерный хересъ». Продолжали навѣщать Шерамура только фельдшеръ да англичанка, которая въ эту пору и явилась изобрѣтательницею его вывѣшенной клички. Графиня при первомъ взглядѣ на него назвала его «Черноморъ»,— что ему и очень шло, графинины горничныя сдѣлали изъ этого «черномордый»,—но и это было кстати, а англичанка по-своему все перековеркала въ «Шерамуру». Однако, впрочемъ, и это тоже имѣло свою стать, хотя въ смыслѣ проини.

Впрочемъ, началось это безъ проини. Никому не благодарный и ни на кого не жаловавшийся, Шерамуру при воспоминаніи объ этой дамѣ морщилъ брови.

— Съ губкою.— говорить:— все приходила и съ теплою водичкой, — чирій размывать. Я сяду на край кровати, а

она стоит,—на затылкѣ мнѣ мочить, а лицо мое себѣ въ грудь прижметъ — ужасно неприятно: она ползая и какъ зажметъ лицо, совсѣмъ дышать нельзя, а она еще такіе вопросы предлагаетъ, что видно, какая дура.

— Какіе же вопросы, Шерамуръ?

— «Приятно ли?» Разумѣется, говорю, отъ теплой воды хорошо, а дышать трудно. Или: «ты ни о чемъ не думаешь?» Говорю: о чемъ мнѣ думать? — «А ты, говоритъ, думай, ты думай!» Послеъ было выдумала еще мнѣ лицо губкой обтирать, но это я сразу отбилъ—говорю: ужъ это, пожалуйста, не надо: у меня здѣсь не болитъ.

— Да она вѣрно въ васъ влюбилась?

— Ну, вотъ еще! Просто дура.

— А чѣмъ же у васъ съ нею все кончилось?

— Еще что скажете!

— А что?

— Да никогда ничего и не начиналось; а просто какъ я выздоровѣлъ и сунулся въ это божество,—сейчасъ пошли отовсюду неприятности.

— Вы не умѣли пить или не умѣли преподавать?

— Я не пилъ, а тамъ чай съ молокомъ давали, такъ я просто ходилъ сидѣть, чтобъ чаю дали.

— Вамъ не нравилось, какъ графиня говоритъ?

— Глушости.

— Однако, хуже поновъ, или лучше, толковѣе?

— У поновъ труднѣе.

— Чѣмъ?

— У нихъ, какъ тотъ мужикъ говорилъ, «вумствениѣе». — они подите-ка какіе вопросы закатываютъ.

— Я,—говорю:—не знаю, о чемъ вы говорите.

— Ко мнѣ разъ нонъ пришелъ, когда я ребятъ учу; «ну, говоритъ, отвѣчай, что хранилось въ ковчегѣ завѣга!» Мальчикъ говоритъ: «расцвѣтшій жезлъ Авароновъ, чашка съ манной кашей и скрыжи». — А что на скрыжахъ? — «Заповѣди», и все отвѣчалъ. А нонъ вдругъ говорилъ, говорилъ о чемъ-то и спрашиваетъ: «А почему сіе важно въ-пятыхъ?» Мальчонко не знаетъ и я не знаю: почему сіе важно въ-пятыхъ. Онъ говоритъ: «Дѣтки! вотъ каковъ вашъ наставникъ, — самъ не знаетъ: почему сіе важно въ-пятыхъ?» Всѣ и стали смѣяться.

— Ученики ваши?

— Ребятишки отцамъ рассказали: «учитель, молю, интереснѣе, а не знаетъ: почему сіе важно въ-пятыхъ? Батюшка спросилъ, а онъ и ничего». А отцы и рады: «какой это, подхватили, учитель, это — дуракъ. Мы дѣтей къ нему не пустимъ, а къ графинюшкѣ пустимъ: если покосецъ дастъ покосить — пусть тогда ребятки къ ней ходятъ, поютъ, ишито, худого нѣтъ». И такъ и остался.

— Ни при чемъ?

— Да, такъ ходилъ, думалъ до осени, но тутъ... под-вернулось...

— Новая исторія?

— Да, изъ-за пустого лакомства.

Понятно, нетерпѣніе знать: какъ и какая сладость сей жизни соблазнила Шерамура? Почему сіе было важно въ-пятыхъ?

Дѣло это содержалось въ англичанкѣ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Пожилая дама, о которой заходитъ рѣчь, была особа, описанія которыхъ не терпитъ англійская литература, но которыхъ зато съ любовью разработываетъ французская. Смѣлѣйшіе изъ англійскихъ писателей едва касаются одной стороны — ихъ инокритства, но Тэнъ обнаружилъ и другія свойства этихъ тартюфокъ. Ихъ вкусъ мало разборчивъ, ихъ выборъ падаетъ на то, что менѣе афишируетъ. Въ большинствѣ случаевъ это бываетъ собственный кучеръ или собственный лакей. Внѣшняя фешіонабельность и гадкая связь идутъ ничего не нарушая и ничему не препятствуя. Если нѣтъ собственнаго кучера и лакея, тогда хорошъ и католическій монахъ. Эти лица пользуются очень хорошою репутаціею во многихъ отношеніяхъ, особенно со стороны скромности. Вообще англійскій культъ дорожитъ въ такихъ обстоятельствахъ скромностью субъекта и такимъ его положеніемъ, которое исключало бы всякое подозрѣніе. Шерамуръ былъ въ этомъ родѣ. Но тутъ дѣло было нѣсколько лучше: по тонкимъ навыкамъ старой эксцентрички, Шерамуръ ей даже нравился. Она была свободна отъ русскихъ предрасудковъ и не смотрѣла на него презрительными глазами, какими глядѣла «мизантропка», опрокидывающая свою инокондрію, или ея камеристки, этотъ безвкуснѣйшій родъ женщинъ въ цѣлой вселенной. Крѣпкій, кругленькій,

точно выточенный торсъ маленькаго Шерамура, его античныя ручки, огневые черныя глаза и неимоверно сильная растительность, выражавшаяся смолевыми кудрями и волнистою бородою, производили на нее впечатлѣніе сколько томное, столько же и безпокоящее. Онъ представлялся ей маленькимъ гномомъ, который покинулъ темныя пѣдра горъ, чтобы извѣдать привязанность, — и это ничего, что онъ малъ, но онъ крѣпокъ какъ молодой осленокъ, о которомъ въ Библии такъ хорошо разсказано, какъ упруги его ноги и силенъ его хребетъ, — какъ бодро онъ несется и какъ неутомимо прыгаетъ. Она знала въ этомъ толкъ. Притомъ онъ былъ franc novice, — это возбуждало ся опытное любопытство, и, наконецъ, онъ молчаливъ и совершенно неподозрителенъ.

И вотъ, мало-по-малу, приучивъ его къ себѣ во время его болѣзни, англичанка не оставляла его своимъ вниманіемъ и тогда, когда онъ очутился безъ дѣла и безъ призора за то, что не зналъ: «почему сіе важно въ-пятыхъ?»

Она была терпѣливѣе графини и не покидала Шерамура, а какъ это дѣлалось на основаніи какого-то текста, то графиня не находила этого нимало страннымъ. Напротивъ: это было именно какъ слѣдуетъ, — потому что *они* не такъ, какъ мы — примемся, да и бросимъ, а *они* до конца держатся правила: *fais ce que tu dois*.

И та, дѣйствительно, держалась этого правила: она учила Шерамура по-французски, употребляла его для переписки «стишковъ» и «трактатцевъ», и часто его подкармливала, спрашивая на его долю котлетку, или давая ему каштаны или фисташки, которые онъ любилъ и ѣлъ презабавно, какъ обезьяна.

Все это шло въ своемъ порядкѣ, пока не пришло къ развязкѣ, самой неожиданной, но вполне соответственной дарованіямъ и такту Шерамура. Но это замѣчательнѣйшее изъ его приключеній нельзя излагать въ моихъ сокращеніяхъ, оно должно быть передано въ дословной формѣ его собственнаго разсказа, насколько онъ сохранился въ моей памяти.

— Она, — говоритъ Шерамуръ: — разъ взяла меня за бороду, — и зубами заскрипѣла. Я говорю: чего это вы?

— Приходи ко мнѣ въ окно, когда всѣ уснутъ.

Я говорю:

— Зачѣмъ?

— Я,—говорить:—тебѣ сладости дамъ.

— Какой?

Она говоритъ:

— Кисъ-ме-квигъ.

Я говорю:

— Это пряникъ?

Она говоритъ:

— Увидишь.

Я и полѣзу. Изъ саду не высоко: она руку спустила и меня вдернула.

— Иди,—говорить:—за ширмы, чтобы тѣнь не видали.

А тамъ, за ширмой, серебряный подносъ и двѣ бутылочки: одна губастая, а одна такая.

Она спрашиваетъ:

— Чего хочешь: коньякъ или шартрезъ?

— Мнѣ,—говорю:—все равно.

— Ней, что больше любишь.

— Да мнѣ все равно, — а вотъ зачѣмъ вы такъ разодрѣты?

— А что такое?

— То,—говорю:—что мнѣ совѣстно—вѣдь вы не статуя, чтобъ много видно.

— А она,—вмѣшиваюсь.—какъ была разодрѣта?

— Какъ! скверно, совсѣмъ внольгодѣта, рукава съ фибрами и декольте до самыхъ поръ, вездѣ тѣло видно.

— Хорошее тѣло?

— Ну, вотъ я будто знаю? Мерзость... по всѣмъ мѣстамъ вездѣ духами набрыскано и нудрой приляпано... какъ липпан... Зачѣмъ,—говорю:—такъ набрыскались, что дышать неприятно?

— Ты,—говорить:—глухой мальчикъ, не понимаешь: я тебя сейчасъ самого набрыскаю,—и стала черезъ рожекъ дуть.

Я говорю:

— Оставьте, а то уйду.

Она дуть перестала, а замѣсто того мокрую губку съ одеколономъ мнѣ прямо въ лицо.

— Это,—говорю:—еще что за подлость!

— Ничего,—говорить:—надо... личико чисто дѣлать.

— А, — говорю. — если такъ, то прощайте! Выскочилъ

изъ-за ширмы, а она за мною, стали бѣгать, что-то повалили; она испугалась, а я за окно и спрыгнулъ.

— Только всего и было съ англичанкой?

— Ну, понятно. А буфетчикъ изъ этого вывелъ, что я будто духи красть лазилъ.

— Какъ духи красть? Отчего онъ это могъ вывести?

— Оттого, что когда поймалъ, отъ меня нахло. Понимаете?

— Ничего не понимаю: кто васъ поймалъ?

— Буфетчикъ.

— Гдѣ?

— Подъ самымъ окномъ: какъ я вышалъ, онъ и поймалъ.

— Ну-съ!

— Началъ кричать: «ангелиста поймалъ!» ну, тутъ, разумѣется, люди въ контору... стали графу писать: «пойманъ нигилистъ».

— Какъ же вы себя держали?

— Никакъ не держать.—сидѣлъ въ конторѣ.

— Сказали, однако, что-нибудь въ свое оправданіе?

— Что говоритъ,—отъ нигилиста какія оправданія.

— Ну, а далѣе?

— Убѣжалъ за границу.

— Изъ-за этого?

— Нѣтъ; понъ подбавилъ: когда графиня его позвала сочинять, что нигилисты въ домъ врываются и чтобы свѣрбе становой пріѣзжалъ, понъ что-то приписалъ, будто я не признаю: «почему сіе важно въ-пятыхъ?» Фельдшеръ это узналъ и говоритъ мнѣ: что это такое — «почему сіе важно въ-пятыхъ?»

Я говорю: не знаю.

— Можетъ-быть это чего вышняго касается? Вамъ теперь лучше бѣжать.

Я и побѣжалъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Какъ онъ бѣжалъ?—Это тоже интересно.

— Ишкомъ,—говорить:—до самой Москвы перъ, даже на подметкахъ мозоли стали. Пошелъ къ живописцу, чтобы сказать, что пять рублей не принесъ, а ухожу, а онъ совсѣмъ умираетъ, — съ кровати не вставалъ; — выслушалъ, что было, и хотѣлъ смѣяться, но поманулъ и изъ-подъ по-

душки двадцать рублей дать. Я спросилъ:—на что? А онъ нагнуль къ уху и безъ голоса шеннуль:

— Ступайте!

Съ этимъ я ушелъ.

— Куда же?

— Въ Женевку.

— Тамъ были рады вамъ?

— Ругать стали. Говорять: «у англичанки вѣрно деньги были,—а вы—этого не умѣли. Дуракъ вы».

— Неужто даже не пріютили?

— Ничего не пріючали: я имъ не годился. — говорятъ: вы очень форменный,—намъ надо потаенные.

— Тогда вы сюда?

— Да; здѣсь вѣжливо.

Онъ сказалъ это съ такимъ облегченнымъ сердцемъ, что даже мнѣ легко стало. Я чувствовалъ, что здѣсь—*периодъ*; что здѣсь замысловатая исторія Шерамура распадается и можно отдохнуть.

Я его спросилъ только: увѣренъ ли онъ, что ему въ Россіи угрожала какая-нибудь опасность? Но онъ пожалъ плечами, потянулъ носомъ, вздохнулъ и коротко отвѣчалъ:

— Все же уйти—безопаснѣе.

Мы встали съ края оврага, въ которомъ Шерамуръ началъ волчьимъ вытьемъ, а кончилъ божествомъ. Пора было вернуться въ Парижъ,—дать Шерамуру жрать.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Если бы я не имѣлъ передъ собою примѣра «старца Погодина», какъ онъ скоробѣлъ и плакалъ о нѣкоемъ блуждавшемъ на чужбинѣ соотчичѣ, то я едва ли бы рѣшился сознаться въ неодобрительномъ поступкѣ: мнѣ было жаль Шерамура и я даже положилъ себѣ имъ заняться и довести его до какого-нибудь предѣла. Словомъ: я вель себя совсѣмъ какъ Погодинъ. Разбирая рапсодіи Шерамура, я готовъ былъ иногда подозрѣвать его въ сумасшествіи, но онъ не былъ сумасшедшій; другой разъ мнѣ казалось, что онъ лѣнивый негодяй и дармоѣдъ, но и это не такъ: онъ всегда ищетъ работы, и что вы ему поручите, — онъ сдѣлаетъ. Не плутъ онъ уже ни въ какомъ случаѣ, — онъ даже несомнѣнно честенъ. Онъ такъ какой-то заморухъ: точно цыпленокъ, который еще въ яйцѣ за-

чичкался. Такихъ самыя сердобольныя хозяйки, какъ только замѣтятъ, — обыкновенно «притюкнвають» по головешкѣ и выбросятъ, — и это очень милостиво; но Шерамуръ былъ не куринный выводокъ, а человѣкъ. Родись онъ въ селѣ, его бы считали «ледащинькимъ», но приставили бы къ соответственному дѣлу—стадо пастн или гусей стогать, и онъ все-таки пропитался бы и даже не былъ бы въ тягость; но среди культурнаго общества, — онъ нигуда не годился.

Однако, все-таки его лучше увезть въ Россію, гдѣ хоть сытїе и много дармоѣдовъ не умираетъ съ голоду. Поэтому самое важное было дознаться, тяготитъ ли надъ нимъ какое обвиненіе и нельзя ли ему помочь оправдаться?

Но какъ за это взяться? Къ счастью, однако, явился такой случай. Но прежде, чѣмъ дойти до него, надо сказать два слова о томъ: какъ Шерамуръ жилъ въ Парижѣ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Съ перваго дня своего прибытія въ Парижъ онъ былъ такъ же обезпеченъ, какъ нынче. *Никогда* у него не было ни опредѣленнаго жительства, ни постоянныхъ занятій. Онъ иногда что-то зарабатывалъ, нося что-то въ гарѣ, иногда каталъ какія-то бревна. Что ему за это платили, — не знаю, но знаю, что имѣть столько денегъ, чтобы пообѣдать за 80 сантимовъ и выспаться въ ночлежномъ домѣ, — это было его высшее благополучіе. Въ большинствѣ же случаевъ у него не было никакой работы, тѣмъ болѣе, что, перекатывая бревна, онъ сломалъ ногу, а отъ носки тяжести протиралъ свои очень хорошенькія, дамскія плечи, плѣшившія англичанку. Очевидно, въ работѣ у него ни на что не доставало сноровки. Отдыхалъ же онъ днемъ и ночью на бульварахъ. Это трудно, но можно въ Парижѣ, а по привычкѣ Шерамуру даже не казалось трудно.

— Я, — говорилъ онъ: — ловко спать могу.

То-есть, онъ могъ спать сидя на лавочкѣ такъ, чтобы этого не замѣтилъ *sergent de ville*.

— А если онъ васъ замѣтитъ?

— Я на другую иду.

— Вѣдь и съ другой стогать?

— Не скоро, — съ полчаса можно поспать. Надо только переходить на ту сторону, откуда онъ идетъ.

Но теперь обращаемся къ случаю.

Разъ, выйдя изъ русской церкви, я встрѣтился въ паркъ Монсо съ моею давнею знакомою, т-жею Т. Мы сидѣли на скамеечкѣ и говорили о тѣхъ, кого знали и которыхъ теперь хотѣлось вспомнить. А намъ было о комъ побесѣдовать, такъ какъ знакомство наше съ этою дамою началось еще во дни восторговъ, пробужденныхъ исковскою исторіею Гемпеля съ Якушкинымъ и тверскою эпопеею «пяти дворянъ». Мы вмѣстѣ перегорали въ этихъ трепетаніяхъ.— потому разбѣлились: она, тогда еще молодая дама, съ именемъ и обезпеченнымъ состояніемъ, переселилась на житье въ Парижъ, а я,—мелкая литературная сошка, остался на родинѣ испытывать тоску за различные мои грѣхи, и всего болѣе за то, чего во мнѣ никогда не было, т.-е. за какое-то *направленіе*.

Съ тѣхъ поръ минуло безъ малаго четверть столѣтія и многое измѣнилось. — однихъ не стало, другіе очутились слишкомъ далеко, а мы, которыхъ здѣсь свѣтъ случай послѣ юлгой раздуки, могли не безъ интереса подвергнуть другъ друга провѣркамъ: что въ комъ изъ насъ испарилось, что осталось и во что преложилось и окрасилось. Она въ это время видѣла больше меня людей интересныхъ, и притомъ такихъ, о которыхъ я имѣлъ только одни книжныя понятія. Въ дни ея отъѣзда, я помню, что она горѣла однимъ постояннымъ и ни на минуту не охлажденнымъ желаніемъ стать близко къ Гарибальди и къ Герцену. О первомъ она писала, что ѣздила на Капреру, но Гарибальди ей не понравился: онъ не чуждался женскаго пола, но относился къ дамамъ слишкомъ реально. Онъ ей показался лучше издали, но почему и какъ, — я ее о томъ не разспрашивалъ. Герценъ тоже не выдержалъ критики: онъ сдѣлался подъ старость «не интересенъ какъ тайный совѣтникъ», и очень капризенъ и придирчивъ. Дама весьма хорошо умѣла представлять, какъ она краснѣла за него въ одномъ женевскомъ ресторанѣ, — гдѣ онъ при множествѣ туристовъ «велъ возмутительную сцену съ горчишницей» за то, что ему подали не такую горчицу. Онъ былъ подвязанъ подъ горло салфеткою и кипятился совершенно какъ русскій помѣщикъ. Всѣ даже оборачивались... И это былъ тотъ, чьи остроумныя клички и прозвища такъ смѣшили либеральный Петербургъ шестидесятихъ годовъ! Это невозможно было сне-

ети: дама махнула рукой на подвязаннаго салфеткою старца и даже въ видѣ легкой проиги отыгралась съ нимъ на его же картахъ: она называла его «салфеточнымъ». Затѣмъ ея вниманіе занимали Ключко, Мангевичъ, Пустовойтова, наконецъ пана Пий IX, отъ котораго она тогда только-что возвратилась и была въ восторгѣ по причинѣ его «божественнаго лица».

— Кротость, ласковость и... какое обхожденіе.—говорила она:—всякому онъ что-нибудь... Пусть его бранить, что онъ выдумалъ непогрѣшимость и зачатіе, но какое мнѣ дѣло! Это все въ догматахъ... Боже мой! кто тутъ что-нибудь разбереть, а не все ли равно, какъ кто вѣритъ. Но какая прелесть... Въ одномъ представленіи было много русскихъ: одинъ знакомый профессоръ съ двумя женами, то-есть съ законной и съ романической,—и купецъ изъ Риги, раскольникъ—лѣзится въздлъ съ дочерью, дѣвункою... Всѣхъ приняли,—только раскольника велѣли фракъ надѣть. Старикъ никогда фрака не надѣвалъ, но купилъ и во фракъ пришелъ... И онъ со всѣми, со всѣми умѣлъ заговорить, — съ нами по-французски, а раскольника черезъ переводчика напомнилъ что-то такое, будто государю говорили, что «въ его повизнахъ есть старизна», или «старина». Говорятъ — это, дѣйствительно, такъ было. Раскольникъ даже зарыдалъ: «батюшка, говорить: откуда износишь сіе, отколь тебѣ все вѣдомо?» ужалъ въ ноги и вставать не хочетъ. «Старина, старина», говорить... Мнѣ это нравится: съ одной стороны находчивость, съ другой простота... Здѣсь теперь въ модѣ Берсье: онъ измѣнилъ католичеству, сдѣлался насторомъ и все противъ папы... Я и его не осуждаю,—у него талантъ, но онъ не правъ и я ему прямо говорю: вы не правы; пану надо видѣть; надо на него глядѣть безъ предубѣжденія, потому что съ предубѣжденіемъ все можетъ показаться дурно,—а безъ предупрежденія...

Но только-что она это высказала, — на поворотѣ аллеи, какъ изъ земли вылупися Шерамуръ,—и какой,—въ какомъ видѣ и убранствѣ! Шернавый, исключенный, тонкій, весь въ пыли, какъ выскочившій изъ-подъ грязной застрѣхи котъ, съ желтымъ лисомъ въ своей нечесаной бородѣ и прорѣхами на блузѣ и на обонхъ колѣнахъ.

При появленіи его я просто вздрогнула, нерервалъ оживленный разговоръ моей дамы и, пользуясь правами короткаго знакомства, взяла ее за руку и шепнула:

— А вотъ, посмотрите-ка безъ предубѣжденія.

— На кого? Вотъ на этого монстра?

— Да; я послѣ расскажу вамъ, какое подъ этимъ заглавiемъ содержаніе.

Она прищурилась, разсмотрѣла и... тоже вздрогнула.

— Эта ужасно!—прошептала она вслѣдъ Шерамуру, когда онъ минулъ насъ, не удостоивъ ни единого взгляда, съ понурою, совершенно падающею головою. Надо было думать, что нынѣшнюю ночь, а можетъ быть и нѣсколько ночей кряду, его мало пожалѣлъ *sergent de ville*.

Моя дама схватила за карманъ, достала портмонэ и, вынимая оттуда десять франковъ, сказала:

— Вы можете ему передать это?..

— О, да, говорю, — съ удовольствіемъ. — Но, позвольте, вотъ что мнѣ пришло въ голову: вы вѣдь вѣрно знакомы съ кѣмъ-нибудь изъ здѣшнихъ нашихъ дипломатовъ?

— Еще бы, — даже очень дружески.

— Помогите же этому бѣдняку.

— Въ чемъ?

— Надо узнать: преступникъ онъ или нѣтъ?

— Охотно, только если они знаютъ. Но они, кажется, о русскихъ никогда ничего не знаютъ.

— Они, — говорю: — могутъ узнать.

Она вызвалась поговорить съ однимъ изъ близкихъ ей людей въ посольствѣ и черезъ два дня пишетъ мнѣ, чтобы я прислалъ къ ней Шерамура: она хотѣла дать ему рекомендательную карточку, съ которою тотъ долженъ пойти къ г. N. N. Это былъ видный чиновникъ посольства, который обѣщаль принять и выслушать Шерамура и, если можно, помочь ему очистить возвратный путь въ отечество.

— А тогда, — прибавила дама: — я беру на себя собрать ему средства на дорогу, буду просить въ Петербургѣ и проч., и проч.

Думаю: чего же еще лучше надо?

Передаю все это Шерамуру и спрашиваю:

— Что вы на это скажете?

— Да я, — стѣбаетъ: — не понимаю: зачѣмъ это?

— Вы развѣ не хотите въ Россію?

— Нѣтъ; отчего же, — могу; тамъ пишевареніе лучше.

— Такъ идите къ этой дамѣ.

— Хорошо. Она дура?

— Съ какой же стати она будетъ дурую?

— Аристократка.

— А они развѣ всѣ дураки?

— Да я не знаю, я такъ спросить: какая она?

— Это вамъ все равно,—какая она,—она очень добрая, принимаетъ въ васъ участіе и въ силахъ вамъ помочь, какъ никто другой. Вотъ все, что вамъ достаточно знать и идти.

— И ничего изъ этого не будетъ.

— Почему не будетъ?

— Вѣдь я сказалъ.

— Нѣтъ, не сказали.

— Аристократка.

— Такъ вы не пойдете?

Онъ помолчалъ, поводитъ носомъ и протянулъ:

— Ну, чортъ съ ней,—пожалуй схожу.

Онъ это дѣлалъ совершеннымъ *grande signore*. — чтобы отвязаться. Ну, да и то слава Богу, что хоть мало на лады идетъ. Моя знакомая женщина съ душою,—она его пойметъ и на его невѣжество не обидится.

Другое дѣло, — какъ онъ аттестуетъ себя въ самомъ посольствѣ передъ русскимъ дипломатомъ, котораго чувства, конечно, тоньше и который, по уставамъ своего уряда, «по поступкамъ поступаетъ», а не по движенію сердца.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Я ждалъ развязки дипломатическихъ свиданій Шерамура съ нетерпѣніемъ, тѣмъ болѣе, что все это затѣялось наканунѣ моего отъѣзда, и вотъ мнѣ не терпится: вечеркомъ въ тотъ день, какъ онъ долженъ былъ представиться своей патронессѣ, я ѣду къ ней и не могу отгадать: что застану? Но застаю ее очень веселую и довольную.

— Вашъ Шерамуръ,—говорить:—презабавное существо. Какъ онъ ѣсть!—какъ звѣреньшъ.

— Вы его кормили?

— Да; я его брала съ собой...

— Вотъ какъ, я всегда зналъ, что у васъ предоброе сердце, но это еще шагъ впередъ.

— Отчего?

— Оборвышъ онъ этакой, а вы его водили и вмѣстѣ обѣдали.

— Ахъ, это-го! Ну, полноте, вѣдь здѣсь не Россія. Не безпокойтесь меня хвалить: въ Петербургѣ я бы этого ни за что не сдѣлала, а здѣсь что же такое... Я такая, какъ всё, и могу дѣлать что хочу. Гарсоны на него только все удивлялись. Я имъ сказала, что это дикій изъ русской Сибири, и они его все разсматривали и были къ нему очень вѣжливы. А кетати: вы замѣтили, какъ онъ кости грызетъ?

— Нѣтъ.—говорю:—что-то не замѣтилъ.

— Ахъ, это прелестно: онъ ихъ грызетъ какъ будто какую-нибудь жареную вермишель и чавкаетъ какъ поросенокъ.

— Да. — говорю: — насчетъ изощества съ нимъ нужна снисходительность.

Но она и приняла это снисходительно, и даже рассказала оставшійся у меня въ памяти анекдотъ о другомъ, еще болѣе противномъ, способѣ обращаться съ костями. Дѣло шло объ одномъ ея великосвѣтскомъ кузенѣ Вово и состояло въ томъ, что этотъ кузень, русскій консерваторъ, удостоясь чести кунать за особымъ столикомъ съ нѣкоторою принцессою, ощутилъ неодолимое желаніе показать, какъ онъ чтитъ этотъ счастливый случай. Онъ остановилъ лакея, убравшаго тарелку съ косточками птички, которую скушала принцесса, выбралъ изъ нихъ двѣ или три, завернулъ въ свой бѣлый платокъ и сказалъ, что дѣлаетъ это съ тѣмъ, чтобы «сберечь ихъ какъ святыню». Но, къ сожалѣнію, все это было дурно принято: принцесса обидѣлась такою грубостью, и кузень Вово лишился впередъ приглашеній. Дама называла это «русскимъ великосвѣтскимъ бебензмомъ», который ставила безъ сравненія ниже Шерамурова чавканья.— а я ее не осаривала.

— Конечно,—говорю:—такой не деликатности Шерамуръ не сдѣлаетъ, но вотъ меня занимаетъ: какъ онъ поведетъ себя съ дипломатомъ? Предупредили ли вы того: какой это экземпляръ?

— Какъ же,—я все сказала.

— Ну, и что же онъ?

— Очень смѣялся.

Я покачалъ головою и сомнительно спросилъ:

— Зачѣмъ же онъ очень смѣялся?

— А что?

— Да такъ... Зачѣмъ это они всё нынче любятъ *очень*

смѣяться, когда слышать о страдающихъ людяхъ. Лучше бы *немножко* посмѣяться и *больше* о нихъ подумать.

И она вздохнула, и говоритъ:

— Правда, правда, правда.

— А когда,—спрашиваю,—ихъ rendez-vous?

— Завтра.

— Ну, хорошо. А Шерамуру вы не дали никакого наставленія, какъ ему себя держать?

— Нѣтъ.

— Это очень жаль.

— Да не могла,—говоритъ:—онъ такъ скоро убѣжалъ, что мы и не простились.

— Отчего же такъ?

— Не знаю: должна была на минуту выйти и предложила ему почитать книгу, а когда пришла опять въ комнату,—его уже не было: дѣвушка говоритъ: швырнулъ книгу и убѣжалъ, какъ будто за нимъ самъ дьяволъ гнался.

— Что за чудакъ!

— Да.

— Что же это можетъ значить?

— Я васъ могла бы объ этомъ спросить, вы его больше знаете.

— Такъ, говорю,—но надо знать: что передъ этимъ было?

— Передъ этимъ? — передъ этимъ онъ съѣлъ довольно много омлета съ малиной.

— А, говорю.—это тоже не шутка.

И мы²оба, казалось намъ, *поняли* и разсмѣялись.

— Но, впрочемъ,—добавила она:—я надѣюсь, что все будетъ хорошо.

А я, признаться, на это не надѣялся, хотя и самъ не зналъ,—почему всѣ добрыя надежды на его счетъ были мнѣ чужды.

Затѣмъ, слѣдующій день я провелъ въ бѣготнѣ и въ сборахъ и не видалъ Шерамура. Консьержъ говорилъ, что онъ приходилъ, узнать, что меня нѣтъ дома, и ушелъ, что-то написавъ на притолкѣ.

Я долго разбиралъ и прочиталъ нѣчто несообразное и не отвѣчавшее главному интересу минуты. Надпись гласила: «оставьте мнѣ пузырянку глазныхъ капель, что помогаютъ отъ зубной боли».

Я зналъ, что онъ одинъ разъ, когда у него болѣли зубы, взять въ ротъ бывшія у меня глазныя капли и тотчасъ испѣлѣлъ. Это меня тогда удивило и насмѣшило, и я отдалъ консьержу «пузырянку», чтобы передалъ Шерамуру, если онъ не застанетъ меня дома. Но онъ не приходилъ за глазами каплями, — вѣроятно, зубы его прошли сами собою.

На слѣдующій день онъ не явился, и еще день его тоже не было, а потомъ уже и наступилъ и день моего отъѣзда. Шерамуръ какъ въ воду канулъ.

Я былъ въ затрудненіи; мнѣ чрезвычайно хотѣлось знать: чѣмъ его Богъ черезъ добрыхъ людей обрадовалъ; но Шерамура нѣтъ и нѣтъ, — какъ сквозь землю провалился.

Хоть неловко было докучать моей дамѣ послѣ прощанія, но я урвалъ минутку и ѣду къ ней, чтобы узнать: не было ли у ней мой несмысль, или не слыхала ли о немъ чего-нибудь отъ того, къ кому его посылала.

Пріѣзжаю и не застаю ея дома: говорятъ, она на цѣлую недѣлю уѣхала къ пріятельницѣ за Сенъ-Клу.

Конечно, больше искать слуховъ было негдѣ, и я помпирился съ той мыслью, что, вѣроятно, такъ завтра и уѣду, ничего не узнавъ о Шерамурѣ. А потомъ, — думаю, онъ, пожалуй, такъ и затеряется, и въ сознаниі моемъ о немъ останется какой-то разеучившійся обрывокъ... Будетъ и жалко, и досадно всю жизнь воображать, что онъ попрежнему все голодень и холодень и блуждаетъ отъ одной скамьи до другой, не имѣя гдѣ выснаться.

Кто настоящій эгоистъ, кто съ толкомъ любитъ свой душевный комфортъ, тотъ долженъ тщательно избѣгать такихъ воспоминаній. Вотъ почему, между прочимъ, и слѣдуетъ знакомишься только съ порядочными людьми, у которыхъ дѣла ихъ всегда въ порядкѣ, и надо ихъ бросать, когда фортуна поворачивается къ нимъ спиною. Это подлое, но очень практическое правило.

И вотъ прошла послѣдняя ночь, прошло утро: я сбѣгалъ позавтракать невозможными блюдами *m-me Grillade*, — все въ чайниі встрѣтитъ тамъ Шерамура, и, наконецъ, за часъ до отхода поѣзда, нанялъ фіакръ, взялъ мой багажъ и уѣхалъ.

Я зналъ, что пріѣду на амбаркадеръ рано; это мнѣ было нужно, чтобы встрѣтиться съ землякомъ, съ которымъ мы

условились ѣхать въ одномъ поѣздѣ, притомъ я хотѣлъ поправить свой желудокъ нѣскольکو лучшимъ завтракомъ.

О Шерамурѣ размышлять было уже некогда, но зато онъ самъ очутился передо мною въ самую неожиданную минуту, и притомъ въ особенномъ, мало свойственномъ ему настроеніи.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Передъ самымъ главнымъ подъѣздомъ амбаркадера съверной дороги есть небольшой ресторанъ съ широкимъ тротуаромъ, отѣненнымъ пятью густыми каштанами, подъ которыми разставлено множество бѣлыхъ мраморныхъ столиковъ. Здѣсь даютъ настоящее мясо и очень хорошее красное вино. Такихъ рестораничковъ тутъ нѣскольکو и всѣ они, главнымъ образомъ, существуютъ на счетъ отѣзжающихъ и провожающихъ; но самый лучший изъ нихъ это тотъ ресторанъ съ пятью каштанами, о которомъ я рассказываю. Тутъ мы условились встрѣтиться съ землякомъ, съ которымъ хотѣли держать путь, и какъ сговорились, такъ и встрѣтились. Комиссіонеръ избавилъ насъ отъ всякихъ трудовъ по сдачѣ багажа и покупкѣ билетовъ, и мы имѣли добрый часъ досужаго времени для послѣдняго завтрака подъ тѣнью парижскихъ каштановъ. Мы заняли одинъ столикъ, спросили себѣ бифштексы и вина, и не успѣли воткнуть вилки въ мясо, какъ на имперіалѣ выдвинувшася изъ-за угла omnibуса появился Шерамуръ, котораго я издалека узналъ по его волнующейся черноморской бородѣ и бандитской шляпѣ. Онъ и самъ меня замѣтилъ и сначала закивалъ головою, а потомъ скоро соскочилъ съ имперіала и, взявъ меня за руку, сжалъ ее и не только подержалъ въ своей рукѣ, но для чего-то поводитъ изъ стороны въ сторону и даже промычалъ:

— Ну!

— Да, говорю: вотъ я и уѣзжаю, Шерамуръ.

Онъ опять пожалъ и поводитъ мою руку, опять что-то промычалъ и сталъ ѣсть бифштексъ, который я велѣлъ подать для него въ ту минуту, когда только его завидѣлъ.

— Пейте вино, Шерамуръ, — поднимайте прощальную чашу, — вѣдь мы съ вами прощаемся, пошутилъ я, заговоривъ *in hoch romantische Stille*.

— Могу, — отвѣчалъ онъ.

Я налил ему большой кубокъ, въ который входитъ почти полбутылки, и спросилъ еще вина и еще мяса. Мнѣ хотѣлось на разставаньи накормить его до отвала и, если можно, напоить влагою, веселищею сердце.

Онъ вышелъ, поднялъ другой кубокъ, который я ему налилъ, сказалъ «ну», вздохнулъ и опять поводитъ мою руку, и опять сталъ жеть. Наконецъ, все это было кончено, онъ вышелъ третій кубокъ, сказалъ свое «буде», закурилъ капоральную сигаретку и, опустивъ руку подъ столъ, сталъ держать меня за руку. Онъ, очевидно, хотѣлъ что-то сказать или сдѣлать что-то теплое, дружественное, но не зналъ, какъ это дѣлается. У меня въ груди закипали слезы.

Я воспользовался его рукожатіемъ и тихо перевелъ въ его руку двадцати-франковый червонецъ, которымъ предварительно подавилъ его въ ладонь. Онъ почувствовалъ у себя въ рукѣ монету и улыбнулся, улыбнулся совершенно просто и отвѣчалъ:

— Могу, могу,—и съ этимъ зажалъ деньги въ ладонь съ любовью приказнаго старухъ времянь.

— Ну, какъ же,—говорю:—расскажите, любезный Шерамуръ, каковъ вышелъ дебютъ вашъ въ больномъ свѣтѣ?

— Гдѣ это?

— Въ посольствѣ.

— Да, былъ.

— Что же... какою вы тамъ имѣли успѣхъ?

— Никакого.

— Почему?

— Я не знаю.

— Ну, шутки въ сторону: рассказывайте по порядку: вы нашли кого нужно?

— Нашелъ. Я сначала пошелъ было куда-то, гдѣ написано: «извѣщаютъ соотечественниковъ, что здѣсь никакихъ пособій не выдаютъ». Тамъ мнѣ сказали, чтобы смотрѣть, гдѣ на дверяхъ заплата и на заплаткѣ его имя написано.

— Ну, вы нашли заплатку и позвонили?

— Да.

— Васъ приняли?

— Да, пустили.

— И вы рассказали этому дипломату всю вашу исторію?

Шерамуръ посмотрѣлъ на меня, какъ дѣлалъ всегда, когда ему не хотѣлось говорить, и отвѣчалъ:

— Ничего я ему не рассказывала.

Но я не могъ позволить ему такъ легко отъ меня отдѣлаться и присталь:

— Отчего же вы не рассказали? Вѣдь вы же съ тѣмъ пошли...

— Да что-жь. какъ ему рассказывать, если онъ не вышелъ.

— Что это за мученіе съ вами: «приняли», «не вышелъ»,—говорите толкомъ!

— Лакей пустиль и велѣль пять минутъ подождать. Я подождать пять минутъ, а потомъ говорю: пять минутъ прошло. Лакей говоритъ: «что дѣлать. — monsieur вѣрно позабыль». А я говорю: ну, такъ скажи же своему monsieur, что онъ свинья,—и ушелъ.

Я просто глаза вытаращишь: неужто это и все, чѣмъ кончилась моя заѣда?

— А что же вамъ еще надо?

— Шерамуръ, Шерамуръ! Злополучное и бѣдное созданіе: да развѣ это такъ можно дѣлать?

— А какъ еще надо дѣлать?

— Да вы бы подумали,—вѣдь мы изъ-за этого подняли цѣлую исторію: впутали сюда свѣтскую даму...

— А ей что такое?

— Какъ что такое? Она васъ рекомендовала, за васъ старалась, просила, а вы пошли, обругали знакомаго ей человѣка въ его же домѣ и при его же слугѣ. Вѣдь это же такъ не водится.

— Отчего—не водится?

— Ну, вотъ еще: «отчего?»—не водится, а вдобавокъ ко всему можетъ-быть вы поступили не только грубо, но и совершенно несправедливо.

Шерамуръ сдѣлалъ видъ рѣзкаго недоумѣнія и вскричалъ:

— Какъ это... я несправедливо сдѣлалъ!

— Да; вы несправедливо сдѣлали; этотъ чиновникъ въ самомъ дѣлѣ могъ быть занятъ, могъ и позабыть.

— Ну, перестаньте.

— Отчего?

— Какія у нихъ занятія!

— У дипломатовъ-то?

— Да!

— А сношенія?

— Все глупости.

— Покорно васъ благодарю.

— Разумѣтся; у нихъ жрать всегда готовое. Я, батюшка, проходилъ, самъ видѣлъ: внизу тамъ поварь въ колпакѣ и кастрюли кипѣли. Чего еще: жри пока не надо.

Я дольше не выдержалъ, разсмѣялся и приказалъ подать еще вина.

Шерамуръ освѣтился; онъ почувствовать, что его пытка кончилась: онъ опять изловилъ мою руку, помялъ ее, пово-диль, вздохнулъ и сказалъ:

— Бросимъ... не надо ничего.

— Это дѣло о вашей судьбѣ бросить?

— Да; какая судьба... Ну ее!..

— А мнѣ, говорю, — ужасно даже это ваше равнодушіе къ себѣ.

— Ну, вотъ, — есть о чемъ.

Русскій человекъ, — думаю себѣ: — одна у него жизнь, и та — бездѣлица. А онъ вдругъ оказываетъ мнѣ снисхожденіе.

— Вы, говорить, — можете, если хотите, лучше въ Петербургѣ?

— Что это такое?

— Да прямо Горчакову поговорите.

— А вы думаете, что я такая персона, что вижу Горчакова запросто и могу съ нимъ о васъ разговаривать и сказать, что въ Парижѣ проживаетъ второй Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

— Зачѣмъ Бобчинскій, — сказать просто, такъ, что было?

— А вы думаете я знаю, что такое съ вами было?

— Разумѣтся, знаете.

— Ошибаетесь: я знаю только, что васъ цыгане съ 'девятаго воза потеряли, что васъ землемѣръ въ тѣсный пазелъ зашпираль, что вы на дворѣ просились, проскользнули какъ Спиноза и ушли оттого, что не знали, почему сіе важно въ-пятыхъ.

— Вотъ, вотъ это все и есть, — больше ничего не было.

— Неужто это такъ рѣшительно все?

— Да, разумѣтся, такъ!

— И больше *ничего*?

— Ничего?

— Припомните?

Припоминалъ, припоминалъ и говорить:

— Я у одной дамы былъ, она меня къ одному мужчинѣ послала, а тотъ къ другому. Всѣ добры, а помогать не могутъ. Тогда одинъ мнѣ работу далъ и не заплатилъ — его арестовали.

— Вы писали, что ли?

— Да.

— Что же такое?

— Не знаю. Я середину писалъ, — безъ конца, безъ начала.

— И политичѣе этого у васъ всю жизнь ничего не было?

— Не было.

— Ну, такъ вотъ же вамъ послѣдній сказъ: какъ вы себя дурно ни держали въ посольствѣ, ступайте опять къ этой дамѣ и расскажите ей откровенно все, что мнѣ сказали — и она сама съѣздитъ и попроситъ навести о васъ справки; вы вѣрно повинны и, можетъ-быть, никѣмъ не преслѣдуетесь.

— Нѣтъ; къ ней-то ужъ я не пойду.

— Почему?

Молчить.

— Что же вы не отвѣчаете?

Опять молчить.

— Шерамуръ! вѣдь мы сейчасъ расстаемся! говорите: почему вы не хотите опять сходить къ этой дамѣ?

— Она безстыдница.

— Что-о?

Я отъ нетерпѣнія и досады даже топнулъ и возвысилъ голосъ:

— Какъ, она безстыдница?

— А зачѣмъ она чортъ знаетъ что читать даетъ.

— Повторите мнѣ сейчасъ, что такое она дала вамъ безстыдное?

— Книжку.

— Какую?

— Нѣтъ-съ, я этого не могу назвать.

— Назовите, — я этого требую, потому что я увѣренъ, что она ничего безстыжаго сдѣлать не могла, вы это на нее выдумали.

— Нѣтъ, не выдумалъ.

А я говорю:

— Выдумали.

— Не выдумать.

— Ну, такъ назовите ея безстыдную книжку.

— Онъ покраснѣлъ и засмѣялся.

— Извольте называть!—настаивалъ я.

— Такъ... вы по крайней мѣрѣ—того...

— Чего?

— Отвернитесь.

— Хорошо.—я на васъ не гляжу.

— Она сказала...

— Ну!

Онъ понизилъ голосъ и стыдливо пролепеталъ:

— Вы бы читали хорошие англійскіе романы... и дала...

— Что-о та-акое?!

— «Понэджой ли онъ»!

— Ну-съ!

— Больше ничего.

— Такъ что же тутъ дурного?

— Какъ что дурного?... «Понэджой ли онъ»... Что за мерзость!

— Ну, и вы этимъ обидѣлись?

— Да-съ; я сейчасъ уйду.

Ириво, я почувствовалъ желаніе швырнуть въ него что нибудь, или треснуть его стаканомъ по лбу, — такъ онъ былъ мнѣ въ эту минуту досадителенъ и даже противенъ своею безнадежною безтолковостью и беспомощностью... И только тутъ я понялъ всю глубину и серьезность такъ называемаго «нетровскаго разрыва»... Этотъ «Понэджой» вочью убѣждалъ, какъ люди другъ друга не понимаютъ, но спорить и разсуждать о романѣ было некогда, потому что появился комиссіонеръ и возвѣстилъ, что время идти въ вагонъ.

Перамуръ все провожалъ насъ до послѣдней стаци,— даже песь мой пледъ и не разъ принимался водить туда и сюда мою руку, а въ самую послѣднюю минуту мнѣ показалось, какъ будто онъ хотѣлъ потянуть меня къ себѣ или самъ къ мнѣ потянуться. По лицу у него скользнула какая-то тѣнь и волненіе его стало несомнѣнно: онъ торопливо бросилъ пледъ и побѣжалъ, крикнувъ на бѣгу:

— Прощайте; я, должно-быть, муху сожралъ.

Такова была наша разлука.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Парижъ давно былъ за нами.

По мѣрѣ того, какъ я освобождался отъ нервной усталости въ вагонѣ, мнѣ стало припоминаться другое время и другіе люди, которыхъ положеніе и встрѣчи имѣли хотя нѣкоторое маленькое подобіе съ тѣмъ, что было у меня съ Шерамуромъ. Мнѣ веномянулся дерзновенный «старецъ Погодинъ» и его просвѣтительныя паломничества въ Европу съ благородною цѣлю просвѣтить и наставить на истинный путь Искандера, нѣжныя чувства къ коему «старецъ» исповѣдалъ въ своей «Простой рѣчи о мудрыхъ вещахъ» (1874 г.). Потомъ представился Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, — этотъ даровитѣйшій изъ всѣхъ насъ писатель — и «мягкій человекъ»: пришелъ на умъ и тотъ рослый грѣшникъ, чьи черты Тургеневъ изображалъ въ Рудинѣ, — человекъ, котораго Тургеневъ видѣлъ и наблюдалъ здѣсь же, въ этомъ самомъ Парижѣ, и мнѣ стало не по себѣ. Это даже жалостно и жутко сравнивать. Тамъ у всѣхъ есть видъ и содержаніе, и свой нравственный обликъ, а это... именно что-то цыганами оброненное; какая-то затертъ; потерявшая признаки чекана. Какая-то бѣдная, жалкая изморина, которую остается хоть веретенкомъ встряхнуть, да выбросить... Что это такое? Или вѣзправду это уже черезчуръ хитро задуманная «загадочная картинка», изъ тѣхъ, которыми полны огни мелкихъ лавчонокъ Парижа? Глуныя картинки; а надъ ними прилежно трудятъ головы очень не глуныя люди. Изъ этихъ головоломокъ мнѣ особенно припоминалась одна: какой-то завитокъ, — сѣрая размазня съ подшнеею: «*Qu'est ce que c'est?*» Она болѣе всѣхъ другихъ интригуетъ и мучитъ любопытныхъ и сбиваетъ съ толку тѣхъ, которые выдаютъ себя за лучшихъ знатоковъ всѣхъ загадокъ. Они вертятъ ее на всѣ стороны, надѣясь при одномъ счастливомъ оборотѣ открыть: что такое сокрыто въ этомъ гіероглифѣ? и не открываютъ, да и не откроютъ ничего, потому что тамъ нѣтъ ничего, — потому что это просто пятно, — и ничего болѣе.

По возвращеніи въ Петербургъ, мнѣ приходилось говорить кое-гдѣ объ этомъ замѣчательномъ экземплярѣ нашей эмиграціи, и всѣ о немъ слушали съ любопытствомъ, иные съ состраданіемъ, другіе смѣялись. Были и такіе, которые

не хотѣли вѣрить, чтобы за видимымъ юродствомъ Шерамура не скрывалось что-то другое. Говорили, что «надо бы его положить, да поласкать каленымъ утюжкомъ по спинѣ». Конечно, — каждый судил по-своему, но была въ одномъ домѣ вальсяжная няня, которая положила ему судь особенный и притомъ прорекла удивительное пророчество. Это была особа фаворитная, которая пользовалась въ домѣ уваженіемъ и правомъ вступать съ короткими знакомыми въ разговоръ и даже дѣлать имъ замѣчанія.

Она, разумѣется, не принадлежала ни къ одной изъ ярко очерченныхъ въ Россіи политическихъ партій и хотя носила «панье» и соблюдала довольно широкую фантазію въ «шинишѣ», но въ вопросахъ высшихъ мировыхъ coterie держалась взглядовъ Бѣжецкаго уѣзда, откуда происходила родомъ, и оттуда же вынесла запасъ русскихъ истинъ. Ей не понравилось легкомысліе и шутливость, съ которыми всѣ мы относились въ Шерамуру; она не стерпѣла и замѣтила это.

— Нехорошо, — сказала она: — человекъ ничевошный, надъ нимъ грѣхъ смѣяться: у него есть ангель, который видитъ лицо.

— Да что же дѣлать, когда этотъ человекъ никуда не годится?

— Это не ваше дѣло: такъ Богъ его создалъ.

— Да онъ и въ Бога-то не вѣритъ.

— А Господь съ нимъ — глупъ, такъ и не вѣритъ, и безъ него дѣло обойдется, ангель у него все-таки есть и о немъ убивается.

— Ну, ужъ будто и убивается?

— Конечно! Онъ къ нему приставленъ и соблюдеть. Вы какъ думаете: вѣдь чѣмъ плоше человекъ, тѣмъ ангель къ нему умнѣй ставится, чтобы довелъ до дѣла. Это и ему въ заслугу.

— Ну да, вы какъ заведете о дуракѣ, такъ никогда не кончите. Это у васъ самые милые люди.

Она слегка обидѣлась, начала тыкать пальцемъ въ рассыпанныя дѣтми на скатерти крошки и съ дрожаніемъ въ голосѣ докончила:

— Что они вамъ мѣшаютъ, дурачки! ихъ Богъ послалъ, терпѣть ихъ надо, можетъ-быть онъ опредѣлится къ такой цѣли, какой всѣ вы ему и не выдумаете.

— А вы этому вѣрите?

— Я? почему же? вѣрю и уюваю... А вотъ вамъ тогда и будетъ стыдно!

Вотъ она, думаю,—наша мать Федорушка, распродобрая, распретолстая, что во всѣ края протянулася и всѣмъ ласково улыбулася.

Украшайся добротою, если другимъ нечѣмъ.

Няня казалась немножко разстроена и съ нею больше не спорили и теплой вѣры ея не огорчали, тѣмъ болѣе, что никто не думалъ, что всей этой исторіи еще не конецъ и что о Шерамурѣ, долго спустя, получатся новѣйшія и притомъ самыя интересныя извѣстія.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Прошло около двухъ лѣтъ; въ Герцеговинѣ кто-то встряхнулъ старые счеты и пошла кровь. Было и не до Шерамура. У насъ шли споры о томъ, какъ мы исполнили наше призваніе. Ничего не понимая въ политикѣ, я не принималъ въ этихъ спорахъ никакого участія. Но съ окончаніемъ войны я раздѣлялъ нетерпѣливыя ожиданія многихъ, чтобы скорѣе начинала дешевѣть страшно вздорожавшая провизія. Подъ вліяніемъ этихъ нетерпѣливыхъ, но тщетныхъ ожиданій, я, бывало, какъ возвращаюсь съ прогулки, сейчасъ же обращаюсь къ этажеркѣ, гдѣ въ завѣтномъ уголкѣ, на полочкѣ, поджидаетъ меня докучная книжка съ постоянно возрастающей «передержкой». И вотъ разъ, сунувшись въ этотъ уголокъ, я нахожу какую-то незнакомую мнѣ вещь, — свертокъ, довольно дурно завернутый въ бумагу, — очевидно книга. На бумагѣ нѣтъ ничего имени, но есть какія-то расплывшіяся письма, писанныя въ самый край «подъ тѣсотку», какъ пишутъ неряхи. Начинаю дѣлать опыты, чтобы это прочесть и послѣ большихъ усилій читаю: «долгъ и за процентъ ж. в. х.». Больше ничего нѣтъ.

Снимаю бумагу и нахожу книгу Ренана «St. Paul», но прежде чѣмъ я успѣлъ ее развернуть, изъ нея что-то выпало и покатилося. Начинаю искать, шарить по всѣмъ мѣстамъ: что бы это такое вывалилось? Зову служанку, ищемъ вдвоемъ, втроемъ, все приподнимаемъ, двигаемъ тяжелую мебель и, наконецъ, находимъ... Но что?—Находимъ чистѣйшаго золота двадцати-франковую французскую монету! Не можетъ же быть, чтобы она валялась тутъ изстари: поль-

могутъ. натирають и не могли бы ее не замѣтить... Итъ; монета положительно сейчасъ только выпала изъ книги. Но что это такое? зачѣмъ и кто могъ сдѣлать мнѣ такое приношеніе? Ломаю голову, припоминаю, не положилъ ли я ее самъ, соображаю то и другое и не прихожу ни къ какому результату. Опять разыскиваю оберточную бумагу и разсматриваю письма, возлагая на нихъ послѣднюю надежду узнать: что это за явленіе? Ничего болѣе: «долгъ и за процентъ ж. в. х...» Характеръ почерка неумовимъ, потому что писано на протекучкѣ, и все расплылось... Соображаю, что здѣсь *долгъ* и что — *процентъ*, или «за процентъ»: монета долгъ, а книга «за процентъ», или наоборотъ? И потомъ, что значать эти «ж. в. х.»? Итъ сомнѣнія, что это не первыя буквы какого-либо имени, а совѣтъ что-то другое... Что же это такое? Подбираю, думаю и сочиняю: — все выходитъ какъ-то странно и некстати: «жму вашу руку», — но послѣдняя буква не та; «жгу ванъ хохоль». тутъ всѣ буквы соотвѣтствуютъ словамъ, но для чего же кому-нибудь было бы нужно написать мнѣ такую глупость? Или это продолженіе фразы: посылаю «долгъ и за процентъ» еще вотъ что, напримѣръ: «желтый ватешный халатъ, или женскій ватешный халатъ»... Все никуда не годится. Глупый водевильный случай, а интересуетъ! Даже во снѣ соображаю и подбираю: «желаю вамъ хорошаго». Вотъ, кажется, это пошло на дорогу! Еще лучше: «живу весьма хорошо»; или... наконецъ, батюшки мои! батюшки, да это такъ и есть: не надлежитъ ли это читать... «жру всегда хорошо»? Рѣшительно это такъ и не можетъ быть иначе. Но тогда, что же это значитъ: неужто здѣсь былъ Шерамуръ? Неужто онъ появился въ Петербургѣ именно теперь, въ это странное время, и проскользнулъ ко мнѣ. Какова отчаянность! Или, можетъ-быть, его простили и разрѣшили и онъ ходитъ смѣло по вольному наспорту... Вѣдь, говорятъ, все возможно въ природѣ.

И припомнилъ, что дѣвушка мнѣ дня три-четыре назадъ сказывала о какомъ-то незнакомомъ ей господнѣ, который приходилъ, спрашивалъ, просилъ позволенія «обождать» и ждалъ, но не дождался, ушелъ, сказавши, что опять придетъ, но дѣ сихъ норъ не приходилъ.

Разспрашивалъ: каковъ былъ приходившій ростомъ, родествомъ, лицомъ — красотою? — ничего не добился. Все

примѣты описываютъ точно на русскомъ паспортѣ: къ кому хочешь приложи—всѣмъ одинаково вѣру будетъ.

Остается одно: книгу поставить на полку, золото спрятать, а незнакомца ждать. Я такъ и сдѣлалъ, и ждать его терпѣливо, съ надеждою, что авось онъ и совсѣмъ не придетъ. Такъ минулъ день, два, недѣля и мѣсяць, и, наконецъ, когда я совсѣмъ пересталъ ждать, — онъ вдругъ и явился.

Звонокъ; дѣвушка отпираетъ дверь и спѣшно бѣжитъ впередъ гостя шепнуть:

— Это тотъ, который ждалъ.

Легкое волненіе и выхожу навстрѣчу.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Входитъ человекъ среднихъ лѣтъ, совершенно мнѣ незнакомый, и называетъ себя незнакомымъ же именемъ.

Прошу садиться и освѣдомляюсь: чѣмъ могу служить.

— Я, говорить,—недавно изъ-за границы; жилъ два мѣсяца въ Парижѣ и часто видѣлся тамъ съ однимъ страннымъ землякомъ, котораго вы знаете. Онъ далъ къ вамъ порученіе,—доставить посылочку. И ее тутъ у васъ и оставилъ, чтобы не носить, но позабылъ сказать прислугѣ.

— Я, отвѣчаю, — нашелъ какую-то посылочку; но отъ кого это?

Онъ назвалъ Шерамура.

— Какъ же, говорю:—очень его знаю. Ну, что онъ, какъ, гдѣ живетъ и все такъ же ли бѣдствуетъ, какъ бѣдствовалъ?

— Онъ въ Парижѣ, но что касается бѣдствованія, то въ какомъ смыслѣ вы это берете... Если насчетъ жены...

— Какъ, говорю, — жены!.. Какая жена! Я спрашиваю: есть ли у него что ѣсть?

— О, разумѣется,—онъ вовсе не бѣдствуетъ: онъ «проприетеръ», женатъ, сидитъ grand mangeur'омъ въ женскомъ ресторанѣ, который называетъ «обжорной лавкой», и вообще, говоря его языкомъ, «жретъ всегда хорошо». — Впрочемъ, онъ это даже обозначилъ начальными буквами, въ полной увѣренности, что вы поймете.

— Понять-то я понять, но что же это... какъ же это могло случиться... Ангель... конечно, много значить... но все-таки...

Всматриваюсь въ моего собесѣдника, — думая, коего онъ духа, — не выспучиваетъ ли онъ меня, сообщая такія нестачныя дѣла о Шерамурѣ? Нѣтъ; насколько мнѣ дано наблюдательности и проищковенія, господинъ этотъ производитъ хорошее впечатлѣніе, — повидимому, это экземпляръ изъ повой, еще не вполне обозначившейся, но очень пріятной породы бодрыхъ людей, не страдающихъ нашимъ нервическимъ раздраженіемъ и безпредметною мнительностью, — «человѣкъ будущаго», который умѣетъ смотрѣть впередъ безъ боязни и не таятъ въ безплодныхъ негодованіяхъ ни на прошлое, ни на настоящее. Люди прошлаго ему представляются болыными съ похмелья: онъ на нихъ не сердитъ и даже совѣтъ ихъ не судитъ, а словно провожаетъ на кладбище, приговаривая: вамъ гнить, а намъ жить.

Я люблю эту породу за то, что въ ней есть нѣчто свѣжее, нѣчто уже не наше, нѣчто намъ несвойственное, но живучее и сильное. Они выросли, какъ осотъ на межахъ между грядъ, и ихъ уже не выкопешъ. Русь будетъ скоро не такая, какъ мы, а такая — какъ они, и слава Богу, слава Богу!

Понявъ, что мой гость относится къ этому сорту, я сейчасъ же усадилъ его въ болѣе покойное кресло, велѣлъ подать чай и безцеремонно (какъ слѣдуетъ съ такими людьми) попросилъ его рассказать мнѣ все, что ему извѣстно о моемъ Шерамурѣ, — какъ онъ женился и сдѣлался парижскимъ «пропріетеромъ».

Гость любезно согласился удовлетворить мое любопытство.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Шерамуру помогла славянская война въ Турціи. Но какъ онъ могъ вздумать воевать? Не противно ли это всей его натурѣ и всѣмъ доводамъ его бѣднаго разсудка? И противъ кого и за кого онъ мужествовалъ и сражался? Все это было, какъ вся его жизнь, — безтолково.

Вотъ какъ шло дѣло: онъ *начиталъ* въ газетахъ, что турки обижаютъ *бѣдныхъ* славянъ, отнимая у нихъ урожай, стада и все, что надо «жрать». Этого было довольно: долго не разсуждая, онъ возсталъ и пошелъ по образу пѣшаго хожденія въ Черногорію. Онъ попалъ въ «Волдавію» или «Молдахію», гдѣ соединился съ «доброходцами», и явился въ Сербію, образцовые порядки которой дѣлали нелишними

здѣсь даже Шерамура. Онъ поступилъ куда-то, во что-то, о чемъ, по своему обыкновенію, не умѣлъ дать никакого резоннаго отчета. На войнѣ онъ «барабанилъ», чего я даже не могъ ожидать отъ него, но потомъ нашель, что въ Сербіи у всѣхъ жратвы больше, чѣмъ онъ видѣлъ во весь свой вѣкъ. «Даже виномъ прихлебываютъ». Никакихъ иныхъ интересовъ, достойныхъ борьбы на жизнь и смерть, Шерамуръ, разумѣется, не признавалъ, но въ этомъ его нельзя винить, потому что онъ не могъ ихъ чувствовать.

И вотъ онъ духомъ возмутился: за что онъ сражается: если у нихъ есть что жрать, то чего же имъ еще надо? «Черти проклятые!.. съ жиру бѣсятся! къ намъ бы ихъ спровадить, чтобы въ черныхъ избахъ пожили. да мякни пожевали!» Славянскія претензіи Шерамуръ всѣ считалъ пустяками, которые Аксаковъ въ Москвѣ выдумалъ вмѣстѣ съ Кокоревымъ. и Шерамуръ разсердился и «вышелъ», то есть пересталъ барабанить. Некоторое время онъ слонялся безъ дѣла, но ощущалъ себя въ полномъ довольствіи: «вездѣ говорить, есть кукуруза и даже виномъ запиваютъ, какъ въ царствѣ небесномъ». Таково его понятіе о царствѣ небесномъ. Но вотъ, переходя туда-сюда, съ плохими и безтолковыми разспросами, онъ былъ, наконецъ, приведенъ своимъ ангеломъ куда ему слѣдовало: попалъ на такихъ людей, которые тоже подобно ему подвывали:

Холодно, странничекъ, холодно,
Голодно, родименькій, голодно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Шерамуръ здѣсь сейчасъ «опредѣлился». Опять какъ и подь какимъ заглавіемъ? это онъ, по непримиримой враждѣ ко всякой опредѣленности, излагалъ не ясно; но можно было понять, что онъ въ качествѣ человѣка черномордаго и съ «сербскимъ квитомъ» былъ въ числѣ санитаровъ. Кому-то гдѣ-то его отрекомендоваль какой-то, по его словамъ, «очень добрый и вполнѣ невѣрующій монахъ». Прозорливый иннокъ увѣрилъ кого-то, что лучше Шерамура нѣтъ, чтобы «приставить къ пищѣ». И вотъ нашъ чудакъ въ первый разъ во всю жизнь попалъ на мѣсто по своему настоящему призванію. И зато, говорятъ, какъ же онъ дѣйствовалъ: крошкѣ не позволялъ пропасть, все большимъ тащилъ. Самъ только «хлѣбово» ѣлъ, а свою порцію котлетъ солдатамъ дробилъ,

выбрав, который ему казался «заморенный». Начальство, «сестры» — все имъ были довольны. а солдатики цѣны не слагали его «добродѣтели».

Даже котораго, говорить, монахъ на смерть отыскавѣдуеть, онъ и тому, мимо иди, еще кусочекъ котлетки въ ротъ супеть, — утѣшаетъ: «жри». Тотъ и помирать останавлися, а за нимъ глазомъ поведеть.

И кончилось все это для Шерамура чѣмъ же? тѣмъ, что онъ самъ не замѣтилъ, какъ, при его снартанствѣ, у него къ концу службѣ собралась отъ жалованья «пригоршня золота». Сколько его тамъ было, — онъ не считалъ, но повезъ все въ свою метрополию, къ «швейцарцамъ» — чтобы дѣлать. Привезъ къ одному изъ митрополитовъ и «высыпалъ». Стали говорить и поспорили: тотъ «все» хотѣлъ взять на «дѣло», но Шерамуръ не далъ. Онъ настаивалъ, чтобы прежде всего «соверить какую-то вселенскую клятву», т. е. «пожрать и другихъ накормить», и ограничился на этомъ такъ твердо, что «тотъ» цапнулъ съ краю и ушелъ». Сколько именно онъ у него взялъ — Шерамуръ не зналъ: «цапнулъ съ краю», да и баста. Деньги были не считанныя, да и считать ихъ не зачѣмъ: «все равно не воротить».

Шерамуръ увидаль, что здѣсь дѣлать неладно, и уѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь онъ зналъ честную душу, способную войти во все его многоразительные виды и оказать ему самое непосредственное содѣйствіе; драгоценный человѣкъ этотъ была Tante Grillade.

Она приняла Шерамура и его золото совѣмъ не такъ, какъ «швейцарскіе митрополиты».

Tante Grillade ввела Шерамура въ своей *arrière boutique*, что составляетъ своего рода «святая святыхъ» еврейской скиніи, и пригласила его всыпать тамъ все золото въ комодъ, запереть и ключъ взять съ собою. *Vous* положили пока не собирать. Tante сказала, что знаетъ нѣчто лучшее, — и назначила Шерамуру придти къ ней вечеромъ, когда она будетъ свободна. Они вмѣстѣ должны были обдумать, какъ лучше распорядиться такимъ богатствомъ, которое въ практичныхъ рукахъ нѣчто значило.

Шерамуръ, которому до сихъ поръ никакія комбинаціи никогда не приходили, думалъ просто: оставишь деньги у Танти и водить къ ней голодныхъ, пока она подасть счетъ и скажетъ: *tout est fini*. Но Tante Grillade была гораздо

дальнозорче и умиле Шерамура, а притомъ, на счастье его, она имѣла на него планы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Вечеромъ, когда Шерамуръ пришелъ къ Таитѣ, онъ встрѣченъ былъ необыкновенно: «кормежная» зала, дальше которой и во дни благополучій не заходила Шерамуръ, теперь была свободна отъ гостей, подметена и убрана. Въ ней еще было влажно и пахло «картофелемъ и маркофелемъ», но въ углѣ, шиня и потрескивая, горѣла маленькая угольная печечка и очищала воздухъ. Зато чрезъ открытую дверь видѣлось настоящее чудо декоративнаго устройства. *Argière boutique*, которая днемъ казалась отвратительнымъ колодезнымъ днищемъ, куда никогда не проникалъ свѣтъ и гдѣ *Tante Grillade* едва поворачивалась какъ черепаха въ шайкѣ, теперь представляла очень пріятный уголокъ. Сѣрая стѣна, которая заслоняла весь свѣтъ широкаго, но совершенно бесполезнаго окна, теперь была заслонена пышною бѣлою драпировкою съ фестонами, подхваченными розовыми лентами. Въмѣсто слабыхъ, тусклыхъ рефлексовъ вышняго свѣта комната была до изобилія освѣщена и согрѣта огнемъ двухъ лампъ, стоявшихъ по угламъ неизбѣжнаго мраморнаго камня. Вся эта комната была такъ мала, что представляла какой-то клубочекъ, въ которомъ ничто не расходилось, а все сматывалось. На пространствѣ какихъ-нибудь четырехъ квадратныхъ аршинъ тутъ были и двуспальная кровать *Tante Grillade*, и комодъ, гдѣ теперь хранилось Шерамурово золото, и каминъ съ веселымъ огонькомъ, и круглый столъ, на которомъ прекрасно дымилась чистая вазочка съ бульономъ изъ настоящаго мяса. Кроме этого, тутъ же стояли литръ краснаго вина и корзинка съ лакомствомъ «четырехъ шищихъ».

Сама *Grillade* тоже была въ авантажѣ: сѣдые крендели на ея вискахъ были загнуты какъ-то круче и крѣпче обыкновеннаго и придавали ея опытному лицу внушительность и въ то же время нѣчто пикантное.

Здѣсь у мѣста сказать, что Шерамуръ въ этотъ разъ *впервые* вкушалъ хлѣбъ и пилъ сокъ винограда *tête-à-tête* съ женщиной. И онъ не разсуждалъ, но чувствовалъ истину догмата, что для счастья недостаточно достать кусокъ хлѣба, но нужно имѣть съ кѣмъ его пріятно сѣсть.

Затрапезный разговор ихъ никѣмъ не записанъ, но онъ былъ очень серьезенъ и шелъ исключительно о деньгахъ. Tante доказала Шерамуру, что если держать его деньги въ ея комодѣ и кормить на нихъ *voyou*, то этихъ денегъ хватитъ не надолго; онѣ выйдутъ и *voyou* опять будетъ не на что кормить.

Шерамуръ согласился и задумался, а Tante Grillade показала выходъ, который состоялъ въ томъ, чтобы пустить деньги въ оборотъ. Тогда эти деньги дадутъ на себя другія деньги, и явится неистощимая возможность всегда жрать и кормить другихъ.

Шерамуръ захопалъ въ ладоши:

— *Voilà*, говоритъ, — *voilà*, это и нужно! Одна бѣда: какъ пустить деньги, кому доверитъ; кто не обманетъ?

Шерамуръ закивалъ головою: ему вспомнились его швейцарскіе митрополиты, и онъ какъ перепелъ забилъ: вуй, вуй, мадамъ, вуй, вуй, вуй.

А потомъ, когда вслѣдъ затѣмъ Tante встала, чтобы подать *compote de pommes*, Шерамуръ, глядя ей стыдливо въ спину, вымолвилъ:

— Да возьмите вы эти деньги, Танта!

— На какой предметъ, *monsieur*?

— Да дѣлайте чтò знаете, наживайте.

Но Танта нашла это невозможнымъ.

— Я наживу и умру, а васъ выгонять.

— Гм... Да... подлость... А сколько бы человѣкъ можно постоянно кормить?

— Можно человѣка два кормить раза по два въ недѣлю, или, еще лучше, троихъ каждое воскресенье. И, кромѣ того, разъ въ годъ можно сдѣлать особый пиръ, на которомъ никого не будетъ, кромѣ бездомныхъ *voyou*.

У Шерамура даже сердце забилось отъ такой мысли, и когда Tante Grillade, вооружась щипчиками, принялась за *noisettes*, онъ застѣнчиво приступилъ къ ней:

— Ну, такъ какъ же, Tante, — какъ это сдѣлать? — а Tante, надавливая крѣпкій орѣхъ, посмотрѣла на него и дружески отвѣтила:

— Надо жениться.

— Ну, вотъ! Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что у васъ тогда все будетъ общее и если жена наживетъ — это принадлежить и мужу. Тогда, напри-

мѣрь, будь это я: я отдаю вамъ весь мой ресторанъ, и мы никого сюда больше не пустимъ.

— Да, да, вотъ... это самое: никого, никого не пустимъ!— вскричалъ Шерамуръ и въ сладостномъ изступленіи ума и чувствъ онъ схватилъ Tante за обѣ руки и мялъ ихъ, и водилъ изъ стороны въ сторону, пока та, глядя на него, расхохоталась и напомнила ему, что пора убираться.

На другой день вечеромъ его опять повлекли сюда и мысль о пирѣ нищихъ, и, можетъ-быть, пріютный уголокъ при каминѣ, чего онъ, по своей непрактичности, не зналъ какъ устроить даже съ деньгами.

И вотъ онъ опять явился и говорилъ:

— Можно ли, чтобы опять... здѣсь... по-вчерашнему?

— Ага, я понимаю: ты, плутишка, вѣрно нашелъ себѣ жену и хочешь со мной говорить? Хорошо, хорошо, — садись: вотъ вино и баранина.

— Да; а жены нѣтъ. Вотъ если бы вы... захотѣли...

— Найти тебѣ невѣсту?

— Нѣтъ, если бы... вы... сами...

— Что это? ужъ не хочешь ли ты сдѣлать позднюю поправку къ проступку третьяго Наполеона?

— Именно это!

— Но едва ли *это* будетъ тебѣ по силамъ, мой бѣдный мальчикъ. Вѣдь тебѣ съ чѣмъ-нибудь тридцать, а мнѣ сорокъ восемь.

Видя простоту Шерамура, Tante Grillade рѣшилась на этотъ случай сократить свою хронологію болѣе чѣмъ на пятнадцать лѣтъ, но это было совершенно не нужно. Ни лѣта, ни наружность Танты не имѣли въ глазахъ Шерамура никакого значенія.

— Это ничего.

— А если такъ, то вотъ тебѣ моя рука и дружба до гроба.

Они обнялись, поцѣловались и обвѣнчались, при чемъ Танта безмѣрно возросла въ глазахъ мужа черезъ то, что получила какія-то деньги съ какого-то общества, покровительствующаго бракамъ.

Вечеромъ у нихъ былъ «пиръ нищихъ» — пиръ удивительный. Гости пришли даже изъ Бельвилля, и всѣ одинъ голоднѣе другого и одинъ другого оборваннѣе. Шерамуръ, пріодѣтый Тантой въ какую-то куртку, былъ между ними

настоящій король, и они съ настоящею деликатностью шшихъ устроили ему королевское мѣсто.

Безъ всякихъ ухищреній съ нимъ совершился святой обычай родной стороны: Шерамуръ былъ княземъ своего брачнаго вечера. Имъ занимались все: жена, гости и полиция, которая могла заподозрить здѣсь нѣкоторое движеніе въ пользу наполеонидовъ.

Особенно возбудителенъ былъ одинъ моментъ, когда подали *biegnots aux rommons* и три человѣка, подученные *Tante Grillade*, вынули изъ-подъ стола незамѣтно туда спрятанную корзинку: въ корзинкѣ оказался большой, немного увядшій вѣнокъ, дешево купленный Тантою у какого-то капельдинера. Въ вѣнкѣ были столпаны нѣсколько цвѣтковъ, но зато его освѣжили яркимъ пучкомъ румяныхъ вишенъ и перевязали длиннымъ пунсовымъ вуалемъ съ надписью: «*Von oncle Grillade*».

Вѣнокъ возложили на голову Шерамура и этимъ актомъ навсегда лишили его ключки, данной ему англичанкою: съ сей поры онъ сдѣлался «теткинъ мужъ», и очень много утрачивалъ въ своей непосредственности. Но онъ объ этомъ не думалъ. Къ тому же, историческая точность обязываетъ сказать, что добрый «*oncle Grillade*» въ настоящую торжественнѣйшую минуту его жизни былъ пьянъ, и это не его вина, а вина доброй Танти, которая всѣми мѣрами позаботилась облегчить всѣ предстоящія ему задачи.

И, къ чести ея, она съ первыхъ же шаговъ показала, что знаетъ и тактику, и практику. Когда *sergent de ville* постучалъ въ дверь, чтобы честная компанія разошлась, и довольные необыкновеннымъ угощеніемъ *voeux* рассыпались, а *jeunes mariés* остались одни, *Tante Grillade*, ни слова не говоря, взяла своего маленькаго мужа на руки, повѣсила его вѣнокъ надъ кроватью, а самого его раздѣла, умыла губкою и положила къ стѣнкѣ. Шерамуръ все выдержалъ съ стоицизмомъ своего званія и потребовать только одно, чтобы ему дали оставшійся въ вѣнкѣ пучокъ вишенъ. И когда *Tante* его удовлетворила, онъ ихъ немедленно «собралъ» и покорился своей долѣ.

Но не была ли эта доля слишкомъ сурова? Вотъ небольшія свѣдѣнія, которыя позволяютъ кое-что умозаключать объ этомъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Tante не злоупотребляла своими преимуществами: она была великодушна, как настоящая дочь бульвара. Единственное, что отравляло покой Шерамура, — ошпять-таки *губка*, — это страшное орудіе, которым повсюду ему угрожали женскія руки. Но зато онъ изъ этого научился извлекать нѣкоторыя выгоды въ пользу бѣдныхъ. Если ему встрѣчалась надобность помочь ближнему, не въ счетъ абонементъ, и Tanta этому противилась, онъ «не давался умывать» и всегда успѣвалъ настоять на своемъ.

Повѣствователь видѣлъ его въ такой борьбѣ и уловилъ кое-что изъ ея сути. Онъ говорилъ, какъ они многіе сообща хотѣли кому-то помочь, и какъ къ этому стремились дядя Грилядь, но ничего не принесли и самъ пропалъ. А потомъ, когда рассказчикъ зашелъ къ нему вечеромъ, чтобы увести его на прощальную ширинку, онъ засталъ дядю въ стиркѣ: Tanta только-что вытерла ему лицо губкою и обтирала его полотенцемъ.

Здороваясь съ гостемъ, онъ сейчасъ же сунулъ ему въ руку золотой и сказалъ:

— Передайте, я только сейчасъ у нея выпросилъ.

— Но я за вами, чтобы вмѣстѣ попить.

— Это теперь невозможно.

— Отчего?

— Я занятъ,—видите: меня уже губкою вытерли.

— Тѣмъ лучше идти въ гости.

— Нѣтъ,—какъ же въ гости,—я говорю вамъ, что я занятъ. Надо же честно нести свой сакрификъ.

И онъ остался въ пользу бѣдныхъ при своей Омфалѣ.

Сообщила я объ этомъ толстой нянѣ въ «шань» и сошпиномъ. Хлопнула себя она обѣими руками по крутымъ бедрамъ и расхохоталась.

— Видишь, говоритъ,—какое ему вышло опредѣленіе.

— А какъ полагаете: счастливъ онъ этимъ или нѣтъ?

— А отчего же не быть счастливымъ: какъ она женщина степенная и въ виду, такъ и очень, можетъ-быть, счастливъ.

И впрямь, — все же это лучше, чѣмъ было ему во всю его прошлую жизнь.

Я боюсь, что мой Шерамуръ вамъ не совѣмъ понятенъ,

читатель, но это не моя вина; я его записалъ вѣрно. Лично я, по долгому навыку съ нимъ обращаться, все въ немъ нахожу простымъ и понятнымъ. Это видовая, а не родовая особенность: онъ сынъ своего родителя и мнѣ въ немъ видны крупныя родственныя черты, сближающія его даже съ обрацавшею его въ христіанство графинею. Это не новая новинка, а только остатки давняго художочія. Шерамуръ такой же «мизантропъ, развлекающій свою фантазію», какъ его родитель и графиня; только онъ, разумѣется, ихъ безъ сравненія сердечиѣе; но это взято имъ не отъ нихъ, а принесено отсюда, откуда духъ дышитъ — приходитъ и уходитъ, по никто его не узнаетъ. Шерамуръ человекъ ни на что не нужный, точно такъ же, какъ и тѣ, и онъ благополучно догнѣтъ въ одно съ ними время. Вся разница будетъ въ томъ, что о первыхъ скажутъ: «они скончались», а о Шерамурѣ, что онъ—«околѣлъ». Но, можетъ-быть, это не такъ серьезно, какъ нѣкоторые полагаютъ или, по крайней мѣрѣ, не составляетъ самаго рѣшительнаго дѣла вѣчности съ ея безконечнымъ путемъ.

Пьеса кончена и читатель можетъ меня теперь спросить: зачѣмъ она попала въ одну книгу съ разказами о трехъ праведникахъ, съ которыми у Шерамура, повидимому, нѣтъ ничего общаго въ природѣ?

Такой вопросъ очень возможенъ, и я, предвидя его, слѣшу дать мой отвѣтъ. Шерамуръ поставленъ здѣсь по двумъ причинамъ: во-первыхъ, я опасался, что безъ него въ этой книжкѣ не выйдетъ опредѣленнаго числа листовъ, а во-вторыхъ, если самъ Шерамуръ не годится къ праведнымъ даже въ качествѣ *юродиваго*, то тутъ есть русская няня, толстая баба съ шиномъ, судъ которой, по моему мнѣнію можетъ служить выраженіемъ праведности всего нашего умнаго и добраго народа

Оглавление

У ТОМА.

	СТР.
Очарованный странник.	3
Шерамурь.	136

**University of Toronto
Library**

**DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET**

Acme Library Card Pocket.
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

Рисунокъ утвержд. Правительствомъ.

UTL AT DOWNSVIEW

D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 15 17 07 16 013 7